

П. Н. КРАСНОВ

ПОНЯТЬ— ПРОСТИТЬ

РОМАН В 4 ЧАСТЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ»
НЬЮ-ЙОРК

П.Н. КРАСНОВ

**ПОНИТЬ —
ПРОСТИТЬ**

РОМАН В 4 ЧАСТЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ"

НЬЮ ЙОРК

Взвывая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Узы! утѣшится жена,
И друга лучший другъ забудетъ!
Но гдѣ то есть душа одна:
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы:
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакущей нивѣ
Своихъ поникнувшихъ зѣтвей...

И. Некрасовъ.

И говорятъ Ему: «Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленія;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое». —
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье
Онъ нѣчто — грустенъ и унылъ —
Перстомъ Божественнымъ чертилъ,
И, наконецъ, сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ, праведный, гдѣ онъ,
Кто первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?» —
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда съ печатью поношенія
На обезславленномъ челѣ
Сокрылись дѣти ухищренія
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «Покинь свою боязнь.
Гдѣ твой синедрионъ упорный:
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: — Никто, Учитель!
«И такъ, и Я твоей души
Не осужу» — сказалъ Спаситель: —
«Иди въ свой домъ, и не грѣши».

Полежаевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Дождь... дождь. Онъ идетъ, то мелкій, нудный, еле замѣтный, точно туманъ падаетъ на улицу, то съ порывомъ теплаго весенняго вѣтра налетитъ крупными каплями, бодро зашумитъ по зонтикамъ, и заблестятъ подъ косыми струями черные троттуары и скользкій асфальтъ мостовыхъ. На минуту раворвутся тучи. Будто отодвинетъ кто-то въ небѣ занавѣски и желтое солнце, мокрое, еще плачущее проглянетъ изъ сѣрыхъ тумановъ. Слышишь шелестъ резины колесъ автомобилей. Четко стучатъ подковы рѣдкихъ лошадей.

Парижъ кипитъ, течетъ черными потоками раскрытыхъ зонтиковъ, устремляется каскадами подъ землю въ метрѣ и разливается рѣками по авеню вокругъ Орѣга.

Парижъ побѣдитель! Спокойный, властный, сытый, довольный, заваленный продуктами и товарами.

Въ немъ такимъ одинокимъ чувствуетъ себя Свѣтикъ Кусковъ, — бывший Русскій, бывший офицеръ-гвардеецъ, бывший доброволецъ Деникина, бывший Врангелевецъ, бывший Галлиполиецъ, бывший чернорабочій на лѣсныхъ заготовкахъ въ дебряхъ Юго-Славіи, а теперь... Онъ не знаетъ и самъ, что онъ? Еѣрнѣ всего: — бѣлый рабъ, ищущій покупателя. Едва-ли не -- бывший человекъ.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ по порученію группы товарищей, на собранныя ими деньги, чтобы развѣдать и узнать: на что-же надѣяться? о чемъ мечтать? Когда-же будетъ просвѣтъ? Съ кѣмъ идти?... Или навсегда оставаться бѣлыми

рабами, спать въ каменной развалинѣ безъ оконъ, на грязномъ земляномъ полу, толпиться вечерами возлѣ дымной печки, гдѣ сушится рваная обувь и одежда, и задолго до свѣта карабкаться, цѣпляясь за веревку, въ горы, чтобы тамъ валить деревья. Тамъ и умереть. . . Какъ умерли Кругликовъ, Стронскій, Солдатовъ, Баумъ, Осетровъ, Полянский и многіе, многіе изъ ихъ полка. Умереть отъ воспаления въ легкихъ, отъ болѣзни сердца, отъ тоски по Родинѣ, отъ смертельной усталости — не все-ли равно — отъ чего! И не видѣть больше Россіи! . .

Кусковъ пріостановился на мосту. Осмотрѣлся. Солнце прорвалось сквозь тучи и голубыми ласточками заиграло въ сѣромъ кипящемъ потокѣ рѣки. Зазолотился двуглавый орелъ на бѣломъ мосту императора Александра III. Показался Кускову почему-то печальнымъ и одинокимъ. Въ косматыхъ, черныхъ обрывкахъ тучъ тонула Эйфелева башня. Вершина ея, точно оторванная отъ основанія, висѣла въ клочкѣ зеленоватаго неба и, казалось, плыла со всѣми остріями беспроволочнаго телеграфа, уносясь въ безпредѣльность.

Кусковъ справился по плану. Онъ сильно забралъ влѣво. Слѣдовало-бы спросить? Но спросить было совѣстно. Всѣ были такіе элегантныя въ модныхъ шляпахъ съ широкими полями «berçallière», въ легкихъ пальто, сухіе подъ зонтами. Онъ одинъ былъ мокрый, въ стоптанныхъ ботинкахъ и штанахъ безъ четкой складки. — «Найду и такъ». — Онъ поднялся вверхъ по Сенъ и вошелъ въ Тюльерійскій садъ. Точно раздвинулся Парижъ. Раскрылись ширь и красота далекихъ перспективъ Елисейскихъ полей.

«Да», — подумалъ онъ. — «Великъ и талантливъ народъ, создавшій эту красоту! Какой размахъ! — Миѣ кажется, нигдѣ нѣтъ такого искуснаго пользованія разстояніемъ въ самомъ центрѣ города.» — Остановился. . . Хотѣлъ полюбоваться. Старался запомнить и унести съ собою эту красоту. Унести въ монастырь Горнакъ среди мокрыхъ скалъ и хмурыхъ сосенъ или въ милый родной Санктъ-Петербургъ?

«Когда-же?» . .

Трава зеленѣла сочно на мягкихъ газонахъ. Въ желтыхъ цвѣточкахъ стояли кусты. Лавры и азалеи улыбались въ мокрой листьѣ. Широкое Avenue des Champs Elysées было

точно отдѣлано нѣжными сѣроватымъ кружевомъ голыхъ деревьевъ. Вправо, — совсѣмъ близко, триумфальная арка была какъ-бы нарисована гуашью на сѣромъ картонѣ тучъ. На зеленыхъ площадкахъ будто спали бѣломраморныя статуи.

Когда посмотрѣлъ влѣво, въ глубь Елисейскихъ полей — духъ захватило. Ширь и даль звенѣли торжественнымъ звономъ. Воздухъ былъ виденъ тонкими нитями, тушевавшими просторы. Луксорскій обелискъ намѣчался острою иглою въ сдвинувшихся туманахъ. Точно написанная на небесномъ холстѣ, стояла на площади Etoile¹⁾ триумфальная арка. Казалась воздушной.

Красота меркла на глазахъ у Кускова. Затягивалась кисеею начинавшаго моросить дождя. Еще воздушнѣе, еще нѣжнѣе, точно кисейныя платья сереброкудрыхъ маркизъ на фарфоровой прелести картинъ Ватто или томныя пѣсенки пасторалей восемнадцатаго вѣка казались просторы Парижа.

Кусковъ вышелъ на rue Royale²⁾. По ней непрерывнымъ гулкимъ потокомъ мчались автомобили. Соборъ Мадленъ казался древне-греческимъ храмомъ. Крыша опиралась низкимъ треугольникомъ, украшеннымъ барельефомъ, на восемь стройныхъ колоннъ. Рядомъ подъ маленькими холщевыми навѣсами тѣсными рядами были разставлены цвѣты. Среди нѣжныхъ, бѣлыхъ и розовыхъ азалей алымъ пламенемъ горѣлъ громадный тюльпанъ. Торговки въ деревянныхъ сабо поверхъ башмаковъ ходили по лужамъ, прибирая горшки отъ налетѣвшаго вѣтра.

Кусковъ смотрѣлъ вывѣски, искалъ «Lague». Наконецъ, подъ большими золотыми буквами «Jamet», онъ увидалъ входъ въ кабинеты. Онъ открылъ стеклянную дверь и сталъ подниматься по узкой лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ. Пріятная сухая теплота охватила его иззябшее въ мокромъ пальто тѣло.

«Jamet», — думалъ онъ. — «Jamet», — не такъ оно написано. Надо-бы написать «jamais³⁾». Тогда яснѣе-бы оно вышло. Никогда-бы я сюда не попалъ, да, вѣроятно, никогда сюда и не попаду. . .

¹⁾ Etoile — звѣзда.

²⁾ Rue Royale — Королевская улица.

³⁾ Jamet — фамилія хозяина магазина. Jamais — никогда. Игра словъ.

II.

Въ тѣсномъ корридорѣ — прихожей, колѣнномъ уходящей вглубь, было полутемно. Нога тонула въ коврѣ. Полный, круглолицый, бритый лакей во фракѣ встрѣтилъ Кускова.

— Monsieur? спросилъ онъ.

— Où est le cabinet réservé par le prince Rostovsky?¹⁾
— скавалъ, запинаясь, Кусковъ.

Лакей молча распахнулъ бѣлую дверь. Пожилая женщина въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ приняла пальто и шляпу Кускова и онъ вошелъ въ кабинетъ. Два небольшихъ окна съ тюлевыми занавѣсками глядѣли на площадь Madeleine.

Дождь сыпалъ крупными длинными каплями, косо упавая на улицы. Такси, неслись непрерывно на boulevard Malesherbes и Des Capucines. Зонтики внизу казались сплошною черною массою. Шумъ улицы сюда не достигалъ. Было слышно, какъ тикали часы. На полкѣ камина стояли мраморный амуръ и двѣ вазы. Кускову казалось страннымъ, что они здѣсь давно стояли. Много лѣтъ. Всегда. . . До войны. . . Задолго до войны. Никто ихъ не стаскивалъ, не пряталъ торопливо, не убиралъ, не разбивалъ, не увозилъ. Только чистили и мыли передъ праздниками. Да. . . странно. Словно тутъ не было войны. . . И уже, конечно, не было революціи и большевиковъ. Они это забыли. Они этого уже больше не понимаютъ. И никогда не поймутъ.

Кусковъ прошелся по коврау. Мягкій былъ коверъ, сѣро-розовый, пушистый, теплый. Хранилъ въ себѣ тайны отдѣльнаго кабинета. И диванчикъ, розовый съ золотомъ, и кресла, и стулья стояли тихіе и точно лукавые. Знали они что-то забавное, можетъ быть, и неприличное, но непременно красивое. И Madeleine въ окно глядѣлась не строгостью христіанскаго храма, а, скорѣе, тонкимъ сладострастіемъ античнаго капища. Узкія длинныя ступени ея точно ждали цвѣтовъ, гирляндъ и полу-обнаженныхъ женскихъ тѣлъ.

Черное пьянино у стѣны тоже слыхало пѣсни веселья. Въ бѣлой накрахмаленной скатерти, въ фарфорѣ тарелокъ, въ готовой закускѣ, въ серебряномъ ведрѣ со льдомъ, гдѣ

¹⁾ Гдѣ кабинетъ, заказанный княземъ Ростовскимъ?

торчала стеклянная бутылка съ русской водкой, было что-то чистое, красивое, но и развратное.

«Русская водка! — значитъ, осталось-же что-то Русское. Не все третій интернаціональ, не все большевики! И искусство Русское осталось. Изгаженное большевиками, жидами и футуристами, приноровленное служить ихъ цѣлямъ, насмѣхаться надъ Русью, показывать ее заграничѣ въ уродливомъ видѣ съ неврастениками царями, прокутившимся дворянствомъ и голытьбой интеллигентской... Пошлыя, красныя Малявинскія бабы, грязный, развратный лубокъ, сизые носы картошкой, пѣсни улицы, да — для заграничнаго потребленія это хорошо. Гонить предпринимателямъ монету. Даетъ возможность побѣдителю насладиться здоровымъ смѣхомъ... Les papes, les moujikis, la wodka, la Katjenka... Ахъ, какъ хорошо! Ces vilains sauvages»¹⁾).

Кусковъ поежился и отошелъ отъ окна. «Неужели ничего больше не осталось? «Les bolschewikis»...

И вдругъ вспомнилъ...

Онъ былъ въ гостяхъ у сосѣдей. Такихъ-же бѣлыхъ рабовъ, какимъ былъ и самъ. Былъ сумрачный январскій вечеръ. И было уже такъ темно, что на пять шаговъ ничего не было видно. Только-что съ трескомъ, ломая сучья, упала высокая ель, и заблестѣла въ темнотѣ свѣжая рана обнаженнаго пня. Шелъ дождь со снѣгомъ и въ вершинахъ деревьевъ нудно шумѣлъ холодный вѣтеръ.

— Что-же, господа, пошабашимъ что-ль! — раздался молодой голосъ, и Кусковъ прямо передъ собою увидѣлъ высокаго, стройнаго казачьяго есаула.

Черноусый, блѣдный, съ глубоко впавшими глазами, со сдвинутой на затылокъ старой папахой, онъ стоялъ въ рубахѣ и портахъ, подставляя снѣгу и дождю впалую темную грудь. Въ тонкихъ рукахъ онъ держалъ топоръ.

— Идемте, ваше благородіе, все одно работать нельзя. Пилу завязишь въ этой мокротѣ. Неспособно совсѣмъ, — отвѣтилъ кто-то изъ мрака.

Къ грязной тропинкѣ, гдѣ въ коричневой торфяной жижѣ по щиколодку утопала нога, сходились со всѣхъ сторонъ люди. Тропинка такъ круто шла внизъ, что идти можно было только, держась за канатъ и помогая другъ-другу.

¹⁾ Эти мерзкіе дикари.

Шли молча. Накрыли головы и плечи старыми шинелями.

Внизу уже сгустился мракъ. Тусклыми желтыми пятнами горѣли окна большого каменнаго монастыря. Тамъ раньше помѣщались коровы и овцы, теперь, въ наскоро отдѣланныхъ сараяхъ съ деревянными нарами жили офицеры и казаки, всѣ вмѣстѣ, одною жизнью. У горящей дымной печки снимали сапоги и платье и на колышкахъ вѣшали сушить, а сами, полуодѣтые, сидѣли вокругъ, ожидая ужина. Керосиновая лампа тускло освѣщала хмурые, темныя, худыя лица. Иногда подъ ея лучи попадетъ полуобнаженный, подъ рваной рубахой, торсѣ, блеснетъ кожа, желтая, какъ старая слоновая кость, покажутся подъ нею ребра и исчезнетъ въ темнотѣ.

Разговоръ вспыхивалъ и угасалъ, какъ искры ночного костра.

— Что-же, господа, сегодня опять и двухъ метровъ не заготовили.

— Ку-у-дыжъ!

— Такъ вѣдь погода! — сказала кто-то, мягко выговаривая «г» какъ «х».

— Значить, господа, опять и харчи не оправдались.

— А ты ѣшь. Не думай.

Нѣсколько минутъ была тишина. Звякнетъ ложка объ оловѣ тарелки, кто-нибудь шумно подуетъ. Прѣсно пахло пареной картошкой, бобами, прѣлымъ бѣльемъ.

— Опять, господа, бобы.

— Мнѣ на нихъ и смотрѣть тошно.

Въ печкѣ дрова вспыхнули. Красными пятнами побѣжали по голымъ ногамъ въ мокрыхъ онучахъ. Погасли. Темнѣе стало въ сараѣ. Долгая январская ночь надвигалась.

Изъ темнаго угла чей-то дрожащій, мелодичный теноръ началъ несмѣло: —

— Всколыхнулся, взволновался.

Православный тихій Донъ.

И послушно отозвался.

На призывъ Монарха онъ.

Въ углу кто-то, какъ птица встрепенулся, приподнялся, должно-быть, съ жесткаго ложа и пристроился вторымъ голосомъ. Пошли оба ровно, разрывая тишину ночи, будя воспоминанія.

Донь дѣтей своихъ сзываетъ
На кровавый бранный пиръ
Къ туркамъ въ гости снаряжаетъ
Чтобъ добыть Россіи миръ. . .

Со всѣхъ концовъ сарая стали примыкать голоса. Загудѣли октавой, какъ шмели, басы, и старая пѣсня Донская потрясала стѣны монастыря.

— Такъ вѣдь было-же это, господа! Ужели-же мы не дождемся, что будетъ снова: — и миръ, и слава, и честь Русская, и честь Донская.

— Атаманы молодцы, послушайте! Не могѣть того быть, чтобы сгинула Русская земля, чтобы такъ таки въ таръ-тарары провалилась. Не могѣть этого быть. . .

— Пригодимся и мы. Не вѣкъ вѣковать въ Пожаревачкахъ, не вѣкъ горевать въ Горнакѣ.

— Пережили мы Голое поле, пережили голодный Лемнось, переживемъ и горькій Горнакъ!

— И увидимъ родныя станицы. . . Родной хуторъ увижу я. Ахъ, братцы! И жива-ли мамынька моя? Поди, старушка древняя стала, поди и не признаетъ меня. Скрыпнуть, родимые, ворота у двора бѣлаго, вѣжду я, значить, на конѣ золотисто-гнѣдомъ. А черезъ спину по крупу ремень, значить, черный. Ухъ и конь у меня, братцы, былъ! Доморощенный. . . Да, вѣжду я, значить, во дворъ. . . А мамынька ко мнѣ бѣжить и жана идетъ молодая. «Мамынька!» — говорю я, — «примите пику!» А жана коня подъ уздцы беретъ и за стремя рукою хватается и ласково такъ очами: зиргъ — зиргъ. . . Полыхаютъ синія!

— Что-же это приснилось тебѣ что-ли?

— А хоша-бы и приснилось. Сонъ, братцы мои, дюжа хорошій. . .

— Да осталдсь-ли что еще и дома-то?

— Ребятки, а что изъ дома писемъ кто не получалъ?

— Получалъ.

— Что-же пишутъ?

— Да что. . . Писать-то нельзя. По правдѣ. Псевдонимно пишутъ. А понять одно можно. Кто живъ еще — того душать, а кто померъ, и хоронить некому.

— Сергѣева отца разстрѣляли. Совѣтскую власть обругалъ.

— Комиссаромъ въ станицѣ Лунченокъ сидитъ. Сами знаете, кто онъ. Воръ и убійца.

— Ну, буде, ребята, скулить. Зачинайте, Алеша, пѣсню намъ ладную.

Полился изъ темноты теноръ. Какъ ручей вазжурчалъ. Съ нимъ казачья душа выливалась.

Да... это было недѣлю тому назадъ. Тамъ, гдѣ Россія — не wodka russe, не Малявинскія бабы, не голоногій балетъ, не проживаніе фамильныхъ брильянтовъ, а упорный трудъ. И вѣра... И любовь...

И развѣ любовь, вѣра и трудъ, — не та сила, что все побѣдитъ?..

III.

— А, Кусковъ!.. Надѣюсь, не опоздалъ? Я былъ аккуратенъ? Сейчасъ безъ трехъ минутъ половина второго.

Вошедшій, человекъ лѣтъ тридцати, бритый, холеный, съ розовымъ, худощавымъ, породистымъ лицомъ, тонкій, полный изящества движеній, что дается только рожденіемъ, прекрасно одѣтый въ черный костюмъ и темносѣрые панталоны въ черную полоску съ заботливо сдѣланной на нихъ складкой, въ маленькихъ лакированныхъ башмакахъ и сѣрыхъ шелковыхъ чулкахъ привѣтливо смотрѣлъ въ загорѣлое лицо Кускова.

— Почти не перемѣнились, Кусковъ. Пожалуй, еще похудѣли. Когда мы послѣдній разъ видѣлись?

— Подъ Званкой, князь, мы вмѣстѣ ходили въ атаку. Ваша рота шла лѣвѣе моей. Помните, когда полковника Оксенширна тяжелымъ снарядамъ убило...

— Какъ-же. Не называйте меня — князь... Не надо. Я все тотъ-же — Аликъ... Да... Хорошее было время. Мнѣ, знаете, повезло... Благодаря назначенію на Кавказъ, а потомъ въ Месопотамію, я ничего этого не видалъ... А вы... Вы много пережили? Разсказывайте, Кусковъ? Вы долго еще оставались въ полку?

— До самаго конца.

— Пойдите, — кивая на стоявшаго свади него толстаго лакея съ меню въ рукахъ сказалъ князь, — надо заказать сперва.

— Eh bien, un déjeuner pour cinq personnes, — началъ онъ. — Que mangeons-nous aujourd'hui?

— Des oeufs, du poisson, ou bien un rôti?¹⁾

— Вы что хотите, Кусковъ? Рыбу, или мясо?

— Мнѣ, право, князь, все равно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сегодня вы нашъ гость. А, здравствуйте, господа. Какъ мило, графиня, что вы не опоздали, — привѣтствовалъ князь Ростовскій вошедшихъ въ кабинетъ двухъ штатскихъ съ дамой.

— Вы не знакомы? Это, — Кусковъ, мой тов. . ., мой другъ по полку. Вмѣстѣ воевали. Храбрѣйшій офицеръ. Герой, но не герой въ ковычкахъ. . . Ахъ, Кусковъ, не люблю я этотъ типъ Русскаго героя. Одинъ цѣлую роту въ плѣнь взялъ. Ему мало четырехъ георгіевскихъ крестовъ, онъ ухитрится въ разныхъ арміяхъ, на разныхъ фронтахъ восемь набрать и такъ ихъ и носить въ два яруса, не стѣсняется, что статутомъ не предусмотрено. Послушаешь его — подвиги одинъ необыкновеннѣе другого, а на дѣлѣ: — все вретъ. Русскій «раненый» въ ковычкахъ и Русскій «герой» въ ковычкахъ — это нѣчто ужасное. Это фундаментъ большевизма. Такъ вотъ, графиня, Кусковъ — дѣйствительный герой, скромный, молчаливый, не будетъ вамъ глупостей рассказывать, но, когда нужно, ничего не испугается. А это, Кусковъ, — наша милая графиня Ара — Варвара Николаевна Пустова, тоже герой безъ ковычекъ. Какъ добрались, Ара?

— О, я не могла отыскать такси и шла пѣшкомъ. Такой бураскъ налетѣлъ, что чуть мою ширму²⁾ не сломалъ, — сказала, картавя, графиня.

— Браво, графиня! — воскликнулъ совершенно лысый молодой человѣкъ въ сѣромъ костюмѣ съ бритымъ лицомъ и тонкимъ носомъ надъ пучкомъ стриженныхъ усовъ. — Прекрасный Русскій языкъ! Вы въ эмиграціи скоро совсѣмъ перестанете говорить по Русски.

— А что я сказала такого, что вы, Серёга, смѣетесь. Вы всегда надсмѣхаетесь надо мной.

— И чѣмъ «бураскъ» и «ширма» хуже вашего добровольческаго жаргона, — заступился князь. — Вы тоже не

¹⁾ — Завтракъ на пятерыхъ. Что у васъ сегодня?

— Яица рыба, или мясо?

²⁾ Bourgasque — Вѣтеръ съ дождемъ. Der Schirm — Зонтикъ.

далеко ушли, когда рассказывали мнѣ, какъ «драпнули въ два счета» отъ Орла, боясь за обзоръ со своими вещами, «подарками благодарнаго населенія». Или о томъ, какой «тарарамъ» у васъ былъ, когда крушили вы Жлобу... Нечего корить. Кусковъ, вы на нашего Серёгу не обижайтесь. Сергѣй Сергѣевичъ Муратовъ любитъ поддѣть человѣка, не даромъ въ бѣлой чрезвычайкѣ, то бишь — контръ-развѣдкѣ служилъ... А это — панъ Синегубъ, Павло — украинецъ и ширый — указалъ онъ на ставшаго въ сторонѣ у камина худошаваго человѣка, довольно странно одѣтаго въ черную черкеску безъ гозырей.

Князь обернулся къ метръ д'отелю и заказалъ меню завтрака.

— А теперь, господа, прошу водочки. Ара, разлейте ее намъ. Изъ вашихъ милыхъ ручекъ она вдвойнѣ вкуснѣе покажется. И водка, доложу я вамъ, — еще до военного времени. Золото, а не водка... Семушки, Кусковъ! У нихъ, Кусковъ, семга очаровательная и вотъ селедочки въ маслѣ — первый сортъ. Ну, бывайте здоровы, господа!

На диванъ, за овальнымъ столомъ, сѣлъ князь. Онъ посадилъ рядомъ Кускова. Противъ нихъ сѣли Муратовъ и Синегубъ. Лицомъ къ окнамъ, по правую руку князя, графиня Ара. Кусковъ всматривался въ лицо графини. Было что-то знакомое въ немъ. Безконечно милое. Что-то болѣзненно дорогое напомнило ему и самое имя. Но не могъ разобрать черты лица. Модная шляпа *grande cloche*¹⁾ съ широкими, въ ширину плечъ полями была надвинута на брови. Полный овалъ слегка нарумяненного лица былъ чистъ. Зубы сверкали ровные. Изящная линія шеи, чуть полной для ея юнаго подбородка опускалась къ плечамъ и обнаженной груди, покраснѣвшей отъ загара и вѣтра. Глазъ и верха лица не было видно подъ шляпой. На графинѣ было свободное платье съ широкими до локтя рукавами, подхваченное золотымъ, низко опущеннымъ кушачкомъ. Въ складкахъ мягкой матеріи угадывалось полнѣющее тѣло и кошачья грація. Черные волосы были острижены въ кружокъ и локонами падали изъ подъ шляпки. Когда поворачивалась она къ князю и, смѣясь, шептала ему на ухо, Кусковъ видѣлъ свади ея шею съ под-

¹⁾ Большой колоколь.

бритымъ затылкомъ и съ темною тѣнью отроставшихъ волосъ. Ему вспоминались казаки съ такими-же затылками и съ такою-же тѣнью короткихъ черныхъ волосъ. Кто она? Та тоже называлась Арой, была такого-же роста... Но у той были длинные черные волосы и, когда раздѣлась она, она окутала ими и себя и его до самыхъ колѣнъ... Больная была страсть и мимолетная, какъ больное и быстро текущее было тогда и само время... «Нѣтъ, конечно, не она. Та была не графиня... Да и могла-ли бы графиня?!»

Ара приподнялась налить водки въ рюмки и перегнулась черезъ столъ. Передъ глазами Кускова показалась уходящая въ глубь шея и нѣжныя очертанія груди. Онъ увидѣлъ кружево рубашки и маленькую брошку закалывавшую длинный воротъ. Граненый синій камушекъ, а кругомъ маленькіе брилліантики. Знакомая брошка! Онъ держалъ ее въ рукахъ въ Константинополѣ, когда та Ара просила его продать ее. Отъ ворота шелъ тонкій ароматъ духовъ — все тѣхъ-же. Кусковъ вспомнилъ все и узналъ Ару... И Ара узнала его. Рука съ бутылкой дрогнула въ ея рукѣ. Тихо и жалобно звякнуло стекло рюмки.

Въ сумбурной квартирѣ, гдѣ все было перевернуто кверху дномъ, гдѣ цѣлый день кто-нибудь что-нибудь ѣлъ, пилъ, гдѣ по диванамъ, кресламъ и на полу на коврахъ, валялись днемъ и ночью молодые люди въ офицерской формѣ, гдѣ лежали ручныя гранаты, винтовки, револьверы, отдѣльныя части пулеметовъ, всѣмъ распорядилась Ара. Она въ крестьянскомъ платьѣ уходила въ городъ на развѣдку и возвращалась растрепанная, оживленная, съ кулками хлѣба, съ подобранными на улицѣ патронами. Приводила новыхъ волонтеровъ — офицеровъ и юнкеровъ. Закрутивъ на затылокъ прекрасные волосы и накрывъ ихъ солдатской папайкой, въ рубахѣ и шараварахъ, въ шинели, съ винтовкой въ рукахъ она ходила въ доворы и ночью смѣняла Кускова. Былъ августъ 1917 года. Шло Корниловское возстаніе и, квартира Ары жила лихорадочною конспиративною жизнью, и никто не зналъ, что надо дѣлать въ случаѣ удачи. Кого арестовать — временное-ли правительство, или совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ? Куда бѣжать, куда вести толпы народа: — къ Зимнему дворцу или въ Смольный институтъ? Жили

богемой, удалою шайкою молодцовъ — разбойниковъ съ молодымъ атаманомъ Арой. Была она съ ними, какъ товарищъ. Презрительно сжимала губы, когда ей женскіе говорили комплименты, ругала большевиковъ и временное правительство «сволочью» и «сукиными сынами» и, когда при ней, на дворѣ, сочно, по мужицки ругаясь, творилъ непотребства вѣчно пьяный Успенскій, богатырь — капитанъ, она подходила къ нему, толкала въ плечо и смѣясь говорила: — «Ты-бы, Васенька, хотя-бы отвернулся. Все таки я дѣвушка!..» Они ничего не сдѣлали. Говорили: — организациі не было. Модное тогда это было слово: — организациа... Когда по улицамъ стали ловить и арестовывать офицеровъ, и многіе были убиты въ Асторіи и другихъ мѣстахъ, когда звонкое слово «Корниловецъ» пошло гулять въ солдатскимъ толпамъ, ихъ организациа распалась. Какъ-то быстро исчезъ Успенскій и потомъ видѣли его пробирающимся въ одеждѣ рабочаго на югъ, къ Каледину. Въ опустѣлой квартирѣ съ разбитою мебелью, съ накиданною на полу соломою, съ грязью и плевками остались только Кусковъ и Ара. И, когда пришли солдаты и спросили: кто онъ? — «Я Корниловецъ!» — гордо отвѣтилъ Кусковъ. Былъ арестованъ. Онъ сидѣлъ двѣ недѣли въ Крестахъ. Когда его освободили, онъ пошелъ на квартиру къ Арѣ. Онъ нашелъ ее одну. Въ квартирѣ было чисто и тихо. Вечеромъ шептала Ара, что надо всѣмъ смѣлымъ объединяться и идти спасать Государя изъ Тобольска, и уговаривала его ѣхать съ нею. Онъ колебался. Тогда въ сумракѣ комнаты она стала раздѣваться и, сверкая большими безумными глазами, говорила смѣлая рѣчи. А потомъ... подошла и закутала его черными душистыми волосами. То была безумная ночь. Утромъ она прогнала его. Вечеромъ онъ снова пришелъ, — но никого не нашелъ на пустой и разграбленной квартирѣ.

Такое было время. Кошмарное. — И событія были, какъ тяжелый сонъ.

Черезъ три года они встрѣтились въ трюмѣ парохода, шедшаго въ Константинополь. Она страдала отъ жажды и голода и онъ отдавалъ ей то, что самъ получалъ, и послѣ, въ Константинополѣ, въ Перѣ, въ маленькомъ переулочкѣ, въ гостинницѣ «Nouvel Orient Hotel», содержимой грекомъ и переполненной греками, они провели медовый мѣсяцъ, длив-

шійся три дня. Онъ уѣхалъ со своею частью въ Галлиполи — она во Францію. Тогда, прощаясь, она совала ему въ руку эту брошку и просила продать, чтобы были у него деньги.

— «Деньги теперь все», — шептала она ему. — «Теперь, когда нѣтъ Государя и пропала Россія, пропали честь и слава, когда всѣ, всѣ, всѣ стали ворами, остались только деньги. . . И надо, чтобы деньги у тебя были. . . Съ деньгами проживешь. Деньги все. . . Мой милый, воруй, спекулируй, грабь, продавай казенныя вещи: — деньги все. Теперь такое время. . .»

Жуткія были рѣчи. . .

И вотъ теперь въ Парижѣ. . . у Lague — графиня Пустова.

IV.

— Кусковъ, какъ вы думаете: Государь и вся семья его убиты?

Ара смотритъ въ глава Кускову. Головка приподнята. Поля шляпки вокругъ, какъ широкая темная рама кидаютъ тѣни.

— Кто можетъ это знать, — говоритъ Кусковъ. Его голосъ дрожить. Смутными вихрями несятся мысли и воспоминанія. То-ли шумить голова отъ водки.

— Записки Жильяра, показанія слѣдователя Соколова, мнѣ кажется, пролили достаточно свѣта на этотъ темный и жуткій вопросъ.

— Вотъ именно, — капризно говоритъ Ара, — и ничего они не пролили. Тамъ есть такія мѣста, что какъ разъ наоборотъ — чувствуется недоговоренность.

— Что-же, все это по вашему была только инсценировка? — спрашиваетъ Мурановъ.

— Да, можетъ быть, — неохотно отвѣчаетъ Ара.

— Но, позвольте, — говоритъ князь Аликъ, — достаточно посмотрѣть на фотографии Свердлова и Юровскаго для того, чтобы понять, что эти люди на все способны. А помните солдатъ и матросовъ въ первые дни «великой безкровной»? развѣ тогда не были готовы они сотворить Екатеринбургское дѣйство въ Царскомъ селѣ?

— И не сотворили, — упрямо встряхивая кудрями, говоритъ Ара. — Я не допускаю мысли, чтобы могла подняться Русская рука на помазанника Бога. Спасли-же матросы и

сохранили Государыню-Мать и Великаго Князя Николая Николаевича. Притворились большевиками и спасли.

— Оставьте, пожалуйста, — говорит Синегубъ.

— Кромѣ того, — продолжаетъ Ара, — мое подсознаніе говорить, что они живы.

— Такъ долго нельзя было-бы ихъ скрывать.

— Но если они сами не хотятъ открыться.

— Даже и теперь, — говоритъ князь, — когда только появленіе Монарха можетъ вывести Россію и Русскій народъ изъ пучины бѣдствій!.. Неужели вы, зная Государя Николая II, допускаете, что онъ теперь не исполнилъ бы своего долга и не открылся-бы?

— Вы считаете, что время благоприятное? — говоритъ Синегубъ.

— А вотъ для этого мы и собрались, — замѣчаетъ князь. Не только, чтобы позавтракать съ милой графиней, но и для того, чтобы посвятить во все Кускова. Онъ пріѣхалъ вчера, всего на два дня, чтобы узнать, что же можно ждать имъ, живущимъ въ ужасныхъ условіяхъ, и на что надѣяться.

— Телепатія, — начинаетъ Ара, но князь перебиваетъ, смягчая свою невѣжливость пожатіемъ ея руки, ниже локтя.

— Оставимъ это, Ара. Вы — серьезная политическая женщина и потому-то я и пригласилъ васъ. Мы, Кусковъ, стоимъ теперь передъ новыми горизонтами. Знаете, какъ бываетъ въ книгѣ, въ какомъ-нибудь романѣ. Пишетъ, пишетъ авторъ о комъ — нибудь и вдругъ, новая глава и новыя лица, и совсѣмъ другая обстановка. Съ конца прошлаго вѣка и особенно послѣ 1905 года всѣми умами владѣли партіи. Партіи были все. На нихъ были надежды и упованія. Не быть въ партіи было неприлично. Партіи разрушили Россійскую имперію, партіи создали революцію и партіи правятъ Россіей. И заграницей, въ эмиграціи, среди бѣженцевъ партіи главенствовали. Подъ сильнымъ увлеченіемъ кадетами прошли 1918 и 1919 годы, эсъ-эры верховодили въ 1920 и 1921 году, выплыли и шумѣли, грозя петлею и каленымъ желѣзомъ, правые монархисты въ 1922 году — а теперь вмѣсто всѣхъ ихъ — пустое мѣсто. Никто никому не вѣритъ и прежде всего потому, что, по существу, и партій съ ихъ внутренней дисциплиной нѣтъ, онѣ раскололись и чуть-ли не три чело-вѣка уже составляютъ партію. Тоже самое и въ сумрачной

Совдепіи. Новая-ли экономическая политика — Нѣтъ, такъ не соотвѣтствующій коммунизму и социализму, болѣзнь-ли Ленина, усталость-ли вождей, то-ли, что они объѣли власть, но и тамъ не коммунистическая партія править Россіей, а править та сволочь, что примавалась къ ней, и ясно, что сволочь эта долго не удержится. На смѣну партій является — личность.

— Неужели, Аликъ, вы серьезно относитесь къ выступленію бюстителей, — говоритъ Муратовъ.

— Серьезно? — Нѣтъ. Но это опытъ. Неискусный, неумѣло сдѣланный, но повліявшій на многихъ и показавшій, что люди созрѣли для того, чтобы воспріять личность. И я увѣренъ, что она явится, она не за горами... Кусковъ, — скажите тѣмъ, кто ждетъ, что новая Россія требуетъ новыхъ людей. Отработавшій паръ не годенъ. Не ищите вождей среди тѣхъ, кто былъ и сорвался, не смогъ, не сумѣлъ, не справился... Обстоятельства были неблагоприятны — это все равно, но тотъ, кто упалъ — не встанетъ.

— Князь! — восклицаетъ Ара, хватая за руку Алика, — но надѣюсь... Не смѣна династій.

— Боже упаси! Династія Романовыхъ! Какъ ни лили на нее грязь цѣлыми ушатами наши политическіе и общественные дѣятели, они не могли свѣтлаго сдѣлать чернымъ. Подъ скипетромъ Романовыхъ изъ маленькой Москвиты, гдѣ такъ же, какъ теперь, ѣли человѣческое мясо, умирали отъ голода, гдѣ насильничали атаманы Болотниковъ и Баловень, гдѣ смута была вездѣ, гдѣ сама церковь православная раздиралась лже-попами, Россія обратилась въ великую Россійскую Имперію. Романовы снесли смутное время, Наполеоновы дванадесять языковъ и свои тяжелые, страшные бунты... Они не вызовутъ новыхъ распрей, зависти и борьбы за власть. Скажите, Кусковъ, тѣмъ, кто ждетъ и изнемогаетъ, кто плыветъ по пучинѣ и чьи руки, держащіяся за обломокъ корабля, закоренѣли и готовы выпустить его, чтобы потерпѣли. Жертва нужна... Жертва будетъ... Мы нацунѣ спасенія Россіи. Совсѣмъ иное будетъ это спасеніе, чѣмъ думали Деникинъ, Юденичъ и Колчакъ... Не правительства пойдутъ покорять подъ нови свои Русскій народъ, яко супостата, а Русскій народъ приметъ самъ сильную законную власть, идущую во всей славѣ своей и... точка. Молчаніе,

молчаніе, молчаніе. . . Господа, кому сыра, кому сладкаго? Кусковъ, вамъ чаю. Я помню, вы и въ полку кофе не пили. Ара, развѣшите курить?

V.

Когда встали изъ-за стола, Муратовъ подошелъ къ Кускову. Онъ былъ слегка пьянъ. Безбровое лицо покраснѣло, свѣтло-сѣрые глаза горѣли недобрымъ огнемъ. Онъ взялъ Кускова за пуговицу пиджака.

— Святославъ Ѳеодоровичъ, мы съ вами, кажется, встрѣчались, — сказалъ онъ.

— Простите. . . Не помню, гдѣ.

— У графини Ары. Тогда она не была замужемъ, и была просто Варварой Николаевной Лежневой, дочерью Лежнева, женатаго на княжнѣ Мери Рокотовой. Она развелась потомъ и вышла замужъ за камеръ-юнкера Сережу Брынскаго. . . Въ организаціи Успенскаго. Не помните? Я былъ у васъ для связи съ Асторіей, гдѣ васѣдалъ нашъ штабъ.

— Простите, Сергѣй Сергѣевичъ, все было тогда такъ смутно. У меня имена и лица перепутались.

— А графиню Ару вы помните? . . Вы, кажется, тогда пользовались ея взаимностью?

— Мнѣ думается, Сергѣй Сергѣевичъ, — холодно сказала Кусковъ, — что это васъ не касается.

— Не совсѣмъ такъ, какъ вамъ думается. Я хотѣлъ только сказать, чтобы вы не вздумали чего — нибудъ. . .

— Серѣга, — окликнула Ара. Она полулежала съ папирской въ зубахъ на диванѣ. — Оставьте въ покоѣ Кускова. Вы любите послѣ обѣда привязываться.

— Нѣтъ, послушайте графиня, и вы князь и ты, Павло, . . Я только кое — что хотѣлъ обнаружить.

— Опять по контръ — развѣдочной части? — сказалъ Синегубъ.

— Ну? — сказалъ князь. — Что вы еще нащупали, коварный, подозрительный Серега, чующій большевика тамъ, гдѣ имъ и не пахнетъ?

— Нѣтъ, господа, я только хотѣлъ сказать, что Святославъ Ѳеодоровичъ Кусковъ, сынъ генерала, — бывшего

генерала, Оедора Михайловича Кускова. Такъ это, или не такъ, Святославъ Оедоровичъ?

— Совершенно вѣрно, — блѣднѣя, сказалъ Кусковъ.

— Ну, что изъ этого? — сказалъ Аликъ.

— А Оедоръ Михайловичъ Кусковъ, по имѣющимся у меня свѣдѣнiямъ, находится на службѣ у большевиковъ въ красной арміи и командовалъ дивизіей. Вамъ это, Святославъ Оедоровичъ, извѣстно?

— Да, — опуская голову, сказалъ Кусковъ.

— А извѣстно, гдѣ онъ теперь?

— Нѣтъ. Съ 1919 года я ничего не знаю о моемъ несчастномъ отцѣ.

— Допустимъ, что даже и такъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? — порывисто, вскидывая голову, и въ упоръ глядя на Муратова, спросилъ Кусковъ.

— То, что когда мы придемъ въ Москву, намъ придется повѣсить вашего отца.

— Ахъ! — воскликнула Ара и вскочила съ дивана. За нею поднялся князь Аликъ. Наступило тяжелое продолжительное молчаніе. Мертвая тишина стояла въ кабинетѣ. Наконецъ, Кусковъ медленно заговорилъ.

— Судить моего отца не вамъ... Я думаю, никто изъ васъ... Можетъ быть, только князь... Никто изъ васъ не сможетъ понять, что пережилъ и перечувствовалъ мой отецъ и какъ велики и ужасны его страданія. Надо знать моего отца и мою мать, чтобы все это понять... Надо жить ихъ жизнью, а не судить изъ кабинета Парижскаго ресторана.

И въ полной тишинѣ, никому не подавъ руки, Кусковъ вышелъ, мѣрно шагая по мягкому пушистому коврау.

VI.

Шелъ страшный 1918-й годъ.

Оедоръ Михайловичъ Кусковъ проснулся въ пять часовъ утра. Онъ просыпался всегда въ это время. Въ маленькой комнатѣ, гдѣ у стѣнъ стояли двѣ простыя постели, было тихо. Его жена, Наташа, крѣпко спала и не было слышно ея дыханія. Въ глубинѣ намѣчалось окно съ опущенными шторами. Въ эти глухіе часы смолкалъ далекій гулъ по-

тревоженной, взъерошенной Москвы. Тишина могилы стояла за окномъ. Когда съ крыши упала плъсть снѣга и мягко падалъ на дворъ, долго звучало въ ушахъ неяснымъ шумомъ — и мысли, одна страннѣе другой, прыгали въ головѣ.

Въ эти часы въ Оедорѣ Михайловичѣ шла большая внутренняя работа. Какъ-бы двое спорили въ немъ. Одинъ задавалъ вопросы, а другой, разумный, но и жестокий отвѣчалъ на нихъ. И когда начинали они спорить, уже нелзя было заснуть. Ничто не помогало. Ни тоекратное чтеніе «Отче Нашъ», ни безконечный счетъ. Спорщики не умолкали. Вопросы оставались безъ отвѣта.

Какъ-же это случилось, что онъ, командиръ I-й бригады 039-й пѣхотной дивизіи, вдругъ очутился въ какомъ-то полштатскомъ платьѣ своего beau-frère'a — Лисенко, у своей сестры, Липочки, на квартирѣ, въ Москвѣ, на Арбатѣ, въ какомъ-то Косомъ переулкѣ, на шестомъ этажѣ громаднаго дома, населеннаго чиновной бѣднотой и, вотъ уже вторую недѣлю живетъ у нихъ, скрываясь, нелегально, не зная, что дѣлать.

Когда-же началось это нелѣпое положеніе, что ни онъ, ни его Наташа не стали ничего понимать?

Это случилось тогда, когда онъ пріѣхалъ съ позиціи въ Петербургъ, гдѣ заболѣла его послѣдняя дочь Лиза, и узналъ, что въ Петербургѣ — революція...

«Нѣтъ», — отвѣчалъ ему кто-то внутри его, — «Это началось гораздо раньше... Помнишь, послѣ Академіи, ты былъ оставленъ при штабѣ Петербургскаго округа и жилъ со всею семьей на Пескахъ, на 2-й Рождественской и къ тебѣ пришла сестра Липочка съ мужемъ Венедиктомъ Венедиктовичемъ Лисенко. Это было сейчасъ послѣ японской войны. Лисенко служилъ въ Главномъ Почтамтѣ. Помнишь, они обѣдали у васъ, и послѣ обѣда Лисенко, Липочка, Наташа и ты заперлись отъ дѣтей въ спальнѣ и Венедиктъ сталъ таинственно рассказывать, что «у нихъ», то есть у почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, рѣшено объединиться въ свой профессиональный союзъ и отстаивать права, добиваться улучшенія матерьяльнаго положенія и бороться съ правительствомъ.

— Довольно мы поработали на него, питаюсь чернымъ хлѣбомъ, да водичей запивая. Поварились мы съ Липой

въ своемъ соку въ Джаркентѣ, наплодили дѣтей, теперь пожалуйте: гони монету, деньги на бочку, подавай свободу, восьмичасовой день и прочее, обезпеченіе старости, — а то забастовка будетъ — прямо очаровательно все это выходить, — говорилъ блѣдный Венедиктъ Венедиктовичъ.

Сестра Липочка сидѣла на кровати брата и жалко и встревожено было ея въ зеленый оттѣнокъ впадающее лицо съ громадными усталыми глазами.

— Дика, — воскликнула она, — да что-же это вы надумали! Бунтъ противъ начальства! А прогонять, куда мы съ пятерыми дѣтьми дѣнемся!

— Венедиктъ, — сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ, — нехорошее вы задумали! Вспомни Теплоухова и его рассказы про вашу работу. Долгъ превыше всего.

Съ озлобленіемъ, страннымъ, никогда не видѣннымъ у него раньше, вдругъ закричалъ Лисенко.

— Долгъ! Къ чортовой матери подъ хвостъ этотъ долгъ. Намъ долгъ ихъ идиотскіе адреса разбирать, по Джаркентамъ киснуть, цѣлый вѣкъ письма штемпелевать, да баулы запаковывать, а ихъ долгъ по ресторанамъ сидѣть, да музыку слушать. Вотъ нелѣпица-то! Прямо граціозно это все.

— Но кому нибудь нужно же сидѣть въ Джаркентѣ, кто нибудь долженъ адреса разбирать, иначе жизнь станетъ и погибнетъ государство?

— Туда ему и дорога! И что это за государство! Ни свободы, ни простора!

— Грѣхъ! Грѣхъ какой, Венедиктъ! — воскликнула Наташа. — Ничего лучше, ничего краше нѣтъ нашей Русской земли. А какъ я тоскую по Джаркенту, по нашему саду, по яблонямъ нашимъ милымъ, по горамъ далекимъ. Вѣдь, если такъ, какъ вы хотите, что-же съ Джаркентомъ будетъ!

— Отдать его таранчамъ и киргизамъ. Нельзя угнетать народности. Это нелѣпица какая-то, вся наша Россія. Велика Ѳедора, да дура.

— Нѣтъ, съ нимъ нельзя теперь разговаривать. Онъ совсѣмъ съума спятилъ, — сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ. . .

И была забастовка. Не горѣли огни, не ходили трамваи, за водою бѣгали на Прудки и на Неву, водопроводъ не работалъ. Лисенко не ходилъ на службу и безъ дѣла, тоскливый, шатался по квартирѣ. Много курилъ, мрачно

сплевывалъ и говорилъ сердито: — «добьемся мы своего. Прямо граціозно это все, а своего добьемся.»

Въ почтамтѣ работали барышни, лицеисты, правовѣды, офицеры. . . Пахло духами, шелъ невинный флиртъ, путали письма и не по тѣмъ трактатъ засылали корреспонденцію.

Но чиновники своего добились. Имъ дали прибавку. Но прибавка уже не удовлетворила. Въ государственномъ организмѣ появилась какая-то гноемъ сочащаяся рана. Цѣны на все поднимались. Транспортъ сталъ ненадеженъ. Союзы рабочихъ повышали ставку заработной платы и уменьшали производительность работы. То тутъ, то тамъ бастовали предприятия. Совершались экспроприации, нападенія и погромы.

«Да вотъ когда и какъ это началось!» — думалъ, тихо ворочаясь на постели и стараясь не разбудить Наташу, Ѳедоръ Михайловичъ. — «И какъ я тогда ничего этого не замѣтилъ? Вѣдь это было, какъ болѣзнь. Какъ тифъ что-ли, когда температура поднимается. Развѣ можно сравнить хотя-бы Невскій проспектъ когда я былъ юнкеромъ и гулялъ по нему съ мамой, тихій, дружный, ласковый, веселый, съ мирно позванивающими конками, и теперешній Невскій, куда безъ револьвера въ карманѣ нельзя идти офицеру. Да, все перемѣнилось, все живетъ не тѣмъ темпомъ, Даже милая, добрая сестра моя Липочка и та на дняхъ повздорила съ Наташей.

— Это отъ того, Наташа, — говорила она, — что ты институтка. Ты не понимаешь этого. Дика по своему праву. Каждый долженъ думать о себѣ и строить свое счастье, не заботясь о другихъ. Евангельскія истины хороши въ теоріи, а здоровый социализмъ въ томъ и состоитъ, чтобы оградить права трудящихся отъ эксплуататоровъ. И твой мужъ, а мой братъ, стоя на стражѣ государственныхъ, а не общественныхъ интересовъ, работаетъ намъ во вредъ. Онъ — тоже, если хочешь, опричникъ. . .

— Грѣхъ, Липочка, тебѣ говорить такъ. Вѣдь, ты знаешь нашу полную нужды жизнь. Ты видала, какъ мы перебивались въ Джаркентѣ, а потомъ въ Академіи. Больше трудиться нельзя, чѣмъ трудился Ѳедя, — мягко возражала Наташа.

— Да. . . А за то Свѣтика въ корпусъ на казенный счетъ опредѣлили и Игоря туда-же сдадите, а я куда со

своими пятерыми пойду, если Дика не завоюетъ имъ права. И это правда. Въ борьбѣ мы обрѣтемъ права свои. Мы должны объединиться противъ васъ, идти и побѣдить!

— Кого? — спросила Наташа.

— Васъ... Офицеровъ. Государство... — размахивая руками, воскликнула Липочка.

— Что ты, Липочка, говоришь такое, — оторвался тогда и Ѳедоръ Михайловичъ, читавшій газету. Что-же братъ на брата пойдетъ? Во имя чего?

— Во имя правды!

— А, помнишь, няня Клуша намъ говорила, что правда у Бога.

— Няня Клуша! Няня Клуша, — уже кричала Липочка и ходила по своему обыкновенію, широкими шагами по комнатѣ Наташи. — Мама, наша милая мамочка! Развѣ не замучила, не свела ее въ могилу бѣдность! О! Господи, какъ вспомнишь наше дѣтство. Ивановская улица, зубрежка уроковъ, боязнь экзаменовъ. Мнѣ и посейчасъ, какъ кошмаръ, такъ экзаменъ геометріи снится. А что мнѣ она, геометрія-то эта, очень понадобилась въ жизни? Нѣтъ, мы устроимъ жизнь хорошую, счастливую... Ты подумай, Ѳедя, вѣдь мы съ Дикой никогда ничего и почитать не могли, такъ онъ занять, А теперь, вечера онъ свободенъ... Нѣтъ, нѣтъ, завоюемъ себѣ право жить.

Ну... И завоевали...

Еще тогда пріѣхалъ изъ ссылки Ипполитъ съ женою, Аглаей Васильевной и сыномъ Томомъ. Ипполитъ отпустилъ тонкую черную бородку на манеръ Достоевскаго, былъ важенъ, гордъ и снисходителенъ къ Ѳедору Михайловичу. При всѣхъ, при Наташѣ, Липочкѣ и при дѣтяхъ, заявилъ, что онъ съ Аглаей не вѣнчанъ, потому-что не признаетъ церкви, просилъ Аглаю называть Азалией, а сына, некрещеннаго, называть Томомъ. Тому было одиннадцать лѣтъ, но онъ никогда ничего не слыхалъ о Богѣ, и про церковь ему говорили, что это музей старыхъ картинъ.

— И я прошу, — говорилъ Ипполитъ, — чтобы твои дѣти, Ѳедя, не портили Тома своими предразсудками. Томъ будетъ строить новую Россію, а новая Россія будетъ безъ Бога. Понимаешь, Ѳедя... Всѣ эти твои и мамины заблужденія по боку. Попы, обѣдни, заутрени — это все область старины.

Томъ оказался тихимъ молчаливымъ мальчикомъ, пугливо поглядывавшимъ то на отца, то на мать. Когда сядились за обѣдъ и дѣти Ѳедора Михайловича крестились, а Наташа читала молитву, Аглая, она же Азалія, сѣла на стулъ и громко сказала: — Томъ, отвернись и не слушай. Томъ опусти глаза!.. Негодуй, Томъ!

«Да, вотъ, когда это началось!» — думалъ Ѳедоръ Михайловичъ, широко раскрытыми глазами глядя въ пространство. — «Когда пришли со своимъ страннымъ ученіемъ социалисты, когда въ художествѣ перестали цѣнить правду, когда Врубеля провозгласили гениемъ и Блокъ сталъ писать свои загадочные стихи. Когда тихо пополазъ ядъ отрицанія въ народную душу.

А не раньше-ли еще? Не тогда-ли, когда ходилъ онъ съ Ипполитомъ къ Бродовичамъ и когда объ этомъ говорили они еще гимназистами?

— Ты не спишь? — услышалъ онъ ласковый голосъ Наташи.

— Нѣтъ.

— Почему ты не спишь?

— Такъ, не спится. Все думаю.

— Не думай, милый Ѳедя... А впрочемъ... Что-же ты надумалъ?

— Что... Ничего... Я, Наташа, все не о томъ думаю, о чемъ надо. Я думаю, какъ это началось, да кто въ этомъ виноватъ, и вотъ не могу, никакъ не могу придумать, что-же теперь дѣлать, и какъ это поправить.

— Да... И я тоже. Который часъ?

— Двадцать минутъ шестого.

— Ну, спи еще. Надо спать. Когда спишь, тогда лучше...

— Постараюсь.

Прошло съ полчаса. Было слышно, какъ черезъ двѣ комнаты старые бронзовые часы, рыцарь съ дамой, били шесть.

— Какъ ты думаешь, Ѳедя? — Свѣтикъ и Олегъ съ Лизой пробрались на Донъ?

— Богъ дастъ.

— А Игорьъ у Ожогоиныхъ?

— Да, всего вѣрнѣе.

— Хотя бы письмо какое?

— Попросимъ Тома справиться.

— Да, его. Больше некого. Какой хорошій Томъ, вздыхая сказала Наташа. — Ты знаешь, Одея, я думаю, онъ въ священники поидетъ. Вотъ и некрещеный, а какой вышелъ!

— Спи, милая Наташа. Надо набираться силъ на завтра. Тебѣ въ очереди стоять за сахаромъ.

— Ты-то спи.

Оба не спали.

VII.

Въ девять часовъ, въ столовой съ неприбранной постелью Венедикта Венедиктовича, ушедшаго на службу, Липочка гремѣла посудой. Самоваръ пускалъ къ потолку густые клубы пара и въ лоткѣ лежало нѣсколько ломтей сѣроватаго хлѣба.

Оедоръ Михайловичъ пришелъ съ Наташей пить чай. На Оедорѣ Михайловичѣ была суконная, защитнаго цвѣта, солдатская гимнастерка безъ погонъ, защитные шаровары и высокіе сапоги. На большой головѣ вились густые серебристые волосы, борода была обрита и усы, по старому, закручены двумя стрѣлками. Рослый, стройный, со смѣлымъ загорѣлымъ лицомъ, онъ всѣмъ видомъ говорилъ, что онъ военный, вѣроятно, полковникъ, или генералъ, и отнюдь не рабочій и не пролетарій. Наташа въ старомъ китайскомъ, темносинемъ тканомъ золотомъ халатѣ, причесанная, свѣжая, моложавая, румяная, полная, очень красивая для евоихъ 45 лѣтъ, привѣтливо поцѣловалась съ невѣсткой.

— Вотъ и сержусь я на тебя, Наташа, — сказала Липочка, — и не понимаю тебя, а увижу тебя и зачаруешь ты меня собой. Вѣдь вотъ, Одея, и не старѣется чело-вѣкъ! Четырехъ дѣтей тебѣ родила, вскормила, вспоила и хоть-бы что! Точно ей все еще девятнадцать лѣтъ и она козово прыгаетъ по Джаркенту. Эка сила въ тебѣ, Наташа, Русская, сибирская, степовая...

— Тѣфу!.. тѣфу! Липочка, — за дерево поддержишь, — сказалъ Оедоръ Михайловичъ. — Не сглазь ты мнѣ Ната-лочку.

— И любите вы другъ друга. И, поди, она тебѣ не измѣнила ни разу.

— Глупости, Липочка, болтаешь. Вы-то съ Венедиктомъ чѣмъ не образцовая пара!

— Эхъ! Оедя. Пара-то мы пара, да вамъ не чета. Я хоть-бы и хотѣла измѣнить... Такъ кому я нужна.

— За что-же ты сердишься на меня, — спросила Наташа.

— А вотъ за что. Ну чего вы съ Оедей все фордыбачите. Не признаемъ, да не признаемъ совѣтскую власть. Саботажники какіе, ей Богу, выискались! Что хорошаго. Сегодня отправляю я Катю на рынокъ поискать чего-нибудь, а она мнѣ говорить: — «донесу я», говорить, «Олимпиада Михайловна, что вы братца, генерала, укрываете. Коли онъ,» — говорить, — «генералъ, такъ надо ему народную крестьянскую власть признавать и съ народомъ служить, а то что хорошаго такъ-то!» Вотъ я и боюсь, Наташа, какъ бы худого Оедѣ не вышло.

— Что же посовѣтуешь дѣлать? — хмуро спросилъ Оедоръ Михайловичъ и сталъ разсѣянно мѣшать ложечкой чай.

Липочка, блѣдная, худая, съ большими, въ темныхъ кругахъ, глазами, сидѣла въ потасканномъ ситцевомъ платѣ за самоваромъ и смотрѣла въ окно безъ шторъ, расцвѣченное февральскимъ морозомъ. Солнце желтыми лучами отражалось въ причудливомъ рисункѣ и тамъ, гдѣ онъ кончался, видѣнъ былъ кусокъ крыши, заваленной снѣгомъ, и труба. Бѣлый дымъ валилъ изъ трубы, разрывался вѣтромъ и улеталъ въ холодное, блѣдно-голубое небо.

— Что-же, Оедя. Нѣсть-бо власть, еще не отъ Бога. Не такіе мы богатѣи, чтобы наплевать на все и жить, ничего не дѣлая. Всю жизнь работали, отчего и теперь не потрудиться? Вотъ по улицамъ расклеены объявленія, въ красную рабоче-крестьянскую армію идетъ призывъ, требуютъ офицеровъ на регистрацію. Старцевъ, генералъ, въ нашемъ районѣ наборомъ вѣдаетъ. Отчего не пойдти?.. А... И тебѣ-бы легче и насъ всѣхъ развязалъ-бы.

Никто Липочкѣ не отвѣтилъ. Тяжелое молчаніе стояло въ комнатѣ.

Оедоръ Михайловичъ заговорилъ хриплымъ, не своимъ голосомъ.

— Для чего-же имъ нужна красная армія?

— Для защиты революціи.

— Революціи, Липочка... Ты это понимаешь? Ты понимаешь это?... Не Россіи... Нѣтъ, — Россію они сдаютъ въ Брестъ нѣмцамъ на потокъ и разграбленіе. Они — нѣмецкіе ставленники, они шпіоны нѣмецкіе, наймиты императора Вильгельма, они хотятъ, чтобы я служилъ имъ! Нѣтъ, Липочка, ты говоришь то, чего сама не понимаешь.

— Одея, если-бы что другое было? Если-бы Государь былъ не въ заточеніи? Ты посмотри, быть можетъ, они еще и Государя вернутъ изъ Тобольска. Нѣмцы-то все могутъ. Не допустить императоръ Вильгельмъ, чтобы его двоюроднаго брата въ тюрьмѣ держали. Кто знаетъ, кто такіе большевики?... Кто такой Ленинъ? Кто такой Троцкій?... Вѣдь люди-же они!.. Сколько народа за ними идетъ, сколько имъ вѣрить!

— Я знаю! — вскакивая и ударяя кулакомъ по столу, закричалъ Оедоръ Михайловичъ, и голосъ его сорвался. — Я знаю одно. Они разрушили армію и они ее не создадутъ. Жидами переполнено правительство, а жидамъ Россія не нужна! И я пойду имъ помогать убивать мою Родину! Свѣтъ не клиномъ сошелся! Уйду къ казакамъ, къ Каледину, къ Дутову. Я слышалъ, на Румынскомъ фронтѣ армія еще держится. Поѣду къ генералу Щербачову... Слыхать, генералъ Корниловъ гдѣ-то на югѣ объявился. Не можетъ быть, чтобы вся Россія молчала!

— А ее — бросишь, — кивая на Наташу, сказала Липочка.

— Ее?..

— Да, ее!.. А дѣти? Знаешь ты, гдѣ твои сыновья? Можетъ быть они теперь регистрируются на югѣ.

— Липочка, ты почему это говоришь такъ? Потому что ты хочешь отдѣлаться отъ насъ, отъ меня, царскаго генерала, и Наташи, или почему-нибудь другому?

— Я говорю такъ потому, что не вижу другого выхода. Ты знаешь, что и «почтель»¹⁾ сначала признавать ихъ не хотѣлъ, а вотъ призналъ-же. Слушай, Одея, твои солдаты съ ними, а что ты безъ солдатъ? Какой ты генералъ!

¹⁾ Союзъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ.

— Мои солдаты!.. мои солдаты!.. Мои славные Туркестанскіе стрѣлки давно спятъ въ сырой землѣ, а тѣ, что пришли имъ на смѣну? Развѣ это солдаты? Они ругали и били меня... И я къ нимъ пойду служить?... Довольно, Липочка... Подъ красными знаменами я не пойду служить!

— Пойдешь... Нужда заставитъ.

— Липочка, говори прямо... Прямо говори! Въ тягость мы вамъ? Да?

— Да нѣтъ-же! Ничуть не въ тягость. Но пойми. Катя нахальничаетъ. Съ нижняго этажа квартирантъ Сергѣевъ приходилъ, спрашивалъ, какъ писать тебя. — Онъ предсѣдителемъ домового комитета избранъ... Ну... онъ славный старикъ, общалъ, пока никакъ не писать... А дальше?... Дальше-то надо же какъ-нибудь?

— Хорошо... Мы уйдемъ...

— Да постой, Ѳедька, милый мой! Да что-ты! Да, развѣ я для того! Помилуй Богъ, какой ты не хорошій. Я только такъ сказала, потому что надо-же намъ что-нибудь придумать.

— Да я уже придумалъ... Мы уйдемъ.

— Да куда-же вы пойдете? безъ денегъ...

— Куда глаза глядятъ...

— Ѳедя, ну не сердись... Ты пойми меня и прости...

— Я не сержусь, Липочка. И прощать мнѣ нечего тебѣ. Я отлично все понимаю. И, правда, такъ жить нельзя. Надо что-нибудь дѣлать.

Ѳедоръ Михайловичъ ходилъ по комнатѣ, не притрогиваясь къ чаю. Румянецъ заливалъ его худыя, блѣдныя щеки.

— Ну, вотъ что, — наконецъ, сказалъ онъ. — Наташу пока позволь оставить у тебя, а я пойду на развѣдку.

— Куда-же ты пойдешь?

— Я пойду... Къ Тому.

— А правда... Къ Тому... Я думаю, тамъ ты кое-что узнаешь. Только, Ѳедя, не сердись на меня и ради Бога не думай, что Дика тутъ при чемъ-нибудь. Это все я. Это все моя трусость... За тебя... И за всѣхъ...

— Да я не сержусь... Самъ понимаю... Зачумленный. Бѣлая ворона въ красной стаѣ.

VIII.

Федоръ Михайловичъ вышелъ подъ вечеръ, когда смеркалось. Казалось въ темнотѣ безопасно. Въ эти часы затихала бурная, выпешдая изъ береговъ Москва, меньше носилось грузовиковъ съ вооруженными людьми и легче было пройти не узаннымъ. Идти нужно было далеко. Тамъ жилъ на окраинѣ города за Тверскою заставою, гдѣ-то по Петровскому шоссе. Липочка написала адресъ и Федоръ Михайловичъ изучилъ по плану, какъ идти.

На улицѣ былъ бодрящій морозъ и снѣгъ поскрипывалъ подъ мѣрными шагами Федора Михайловича. Онъ шелъ, раздумчиво глядя въ землю, стараясь понять, и ничего не понималъ. Когда вышелъ на Арбатъ, ему показалось, что кто-то слѣдитъ за нимъ, даже въ ногу съ нимъ идетъ. Шагъ ровный, увѣренный, тяжелый. Федоръ Михайловичъ остановился, и тотъ, кто шелъ сзади, остановился. Было слышно его дыханіе. Глупый страхъ закрался въ душу Федора Михайловича. Стало нехорошо во рту, обсохли губы. Но Федоръ Михайловичъ себя успокоилъ. «Собственно, чего это я», — подумалъ онъ. — «Чего боюсь, — онъ одинъ, у меня револьверъ, — справлюсь... Да и не такъ я одѣтъ, чтобы могъ прельстить грабителя.»

Онъ ускорилъ шаги.

Ускорилъ шаги и тотъ, кто шелъ за нимъ. Федоръ Михайловичъ остановился у фонаря. Сталъ ждать. Изъ сумрака ночи выдвинулась къ нему солдатская фигура. Смятая фуражка на затылкѣ, изъ-подъ козырька клокъ волосъ спускается чолкой на лобъ, хмурое лицо съ желтыми свиными глазами въ бѣлыхъ рѣсницахъ. Сухія нечистыя губы со стриженными усами полуоткрыты, изо рта торчатъ желтые неровные зубы. Шинель небрежно наброшена на плечи, ремень спускается на животъ. Такъ знакомая эти дни фигура «товарища-солдата». «Чумазный» сталъ передъ нимъ, постоялъ мгновеніе и пошелъ дальше. Дошелъ до фонаря и остановился.

Федоръ Михайловичъ оглянулся. Узкій переулокъ. Старинная ограда. Березы свѣшиваютъ тонкіе прутья вѣтвей. За оградой въ глубинѣ церковь. Такія церкви еще попадаются на Арбатѣ. Во времена Іоанна III, быть можетъ,

и раньше, была построена она и вотъ теперь осталась на завоеванномъ ею мѣстѣ. Маленькая, убогая и вмѣстѣ съ тѣмъ значительная, среди высокихъ шестиэтажныхъ громадъ она вросла въ землю, стала ниже, кажется широкой, разлатой, какъ прижатая, низкая просвирка. Въ саду между березъ нѣсколько очень старыхъ могилокъ. Ѳеодоръ Михайловичъ вспомнилъ и названіе церкви. Липочка говорила. Названіе было старое, какое-то смѣшное, какъ будто даже и неприличное, но и трогательное. Липочка называла ее «Никола на Курьихъ ножкахъ», или что-то въ этомъ родѣ.

Темный переулокъ свѣтился уходящими изгибомъ фонарями. У церкви было темно. Березы, голыя, холодныя стояли въ рыхломъ снѣгу, стѣсненные домами, какъ нари-сованныя. Большія окна въ мелкомъ переплетѣ, за желѣзною рѣшеткой тускло желтѣли огнями.

Ѳеодоръ Михайловичъ рѣшилъ укрыться отъ преслѣдователя. Онъ вошелъ въ ворота ограды, по старымъ алитамъ прошелъ къ церкви. Тяжелыя желѣзныя двери, обитыя гвоздями были раскрыты, за ними были вторыя, рѣшетчатыя, дальше деревянныя. . . Двумя ступеньками внизъ спустился Ѳеодоръ Михайловичъ и очутился въ пахучемъ церковномъ сумракѣ. Душно пахло ладаномъ и воскомъ. И еще примѣшивался запахъ ветхости. Древнихъ ризъ, тлѣющихъ бархатныхъ подвѣсковъ на лампадахъ, пыли, накопленной вѣками. Очень мало было народа. Народъ еще былъ на улицахъ, еще ходилъ, опьяненный властью, углублялъ революцію. Не до церкви было ему. Въ эти дни упоенія красными флагами, смѣшною, жалкою и ненужною кавалась церковь. Въ ней были лишь старики, да старухи.

Шла великопостная служба и Ѳеодоръ Михайловичъ вспомнилъ, что былъ чистый понедѣльникъ. Долго, торопливо и невнятно, то повышая, то понижая голосъ, читалъ чтецъ и много разъ повторялъ: «Господи помилуй».

Ѳеодоръ Михайловичъ выросъ подъ надзоромъ своей очень вѣрующей матери. Въ гимназіи и въ корпусѣ онъ читалъ на клиросѣ и каждое слово было ему понятно. Каждое слово будило воспоминанія о далекомъ, миломъ прошломъ.

Вышелъ священникъ и тихо, со вздохомъ и сокрушеніемъ произнесъ: «Господи и Владыко живота моего! Духа праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми!»..

Всѣ рухнули на колѣни, и опустились, сгибая спины зъ низкимъ земномъ поклонѣ. Тишина стояла нѣсколько мгновеній въ храмѣ. Слышны были вздохъ, чуть скрипнули сапоги по каменному полу и хрустнула у кого-то костяшка. Шаркали ногами вставая, и опять говорилъ священникъ.

Федоръ Михайловичъ одинъ не становился на колѣни, не касался лбомъ холоднаго плитнаго пола. Онъ стоялъ въ темнотѣ у окна и опять, какъ утромъ, когда онъ лежалъ въ маленькой комнатѣ, мысли летѣли ураганомъ и яростно двое спорили въ немъ и искали, какъ-же все это случилось?

«Духа праздности,» — думалъ Федоръ Михайловичъ, «духа праздности. Но точно по мановенію палочки какого-то темнаго духа, съ 28 февраля, вотъ уже цѣлый годъ вся Россія стала праздною и никто ничего не дѣлаетъ. И въ однихъ — духъ беспросвѣтнаго унынія, въ другихъ духъ любоначалія и празднословія на митингахъ, съѣздахъ и въ комитетахъ! И не слышитъ Богъ этихъ молитвъ! Но, какъ-же, когда-же я-то поддаюсь этому страшному разрушительному духу праздности, унынія, любоначалія и празднословія, имънуемому — революціей?..»

Четко встала въ памяти одна картина. Младшая дочь Ляза была тяжело больна въ прошломъ февралѣ и Наташа вызвала его съ позиціи. Время было глухое, зимнее, бригада стояла въ резервѣ. Онъ ее только-что принялъ, пріѣхавъ съ Кавказскаго фронта. Федоръ Михайловичъ легко получилъ отпускъ на двѣ недѣли. Наташа съ дочерью жила въ Петербургѣ на Офицерской улицѣ, у самой Спасской части. Петербургъ глухо волновался. Шелъ бунтъ солдатъ. Федоръ Михайловичъ сжималъ кулаки, глядя на праздныя кучки безоружныхъ солдатъ, и думалъ: — «прислать бы сюда мою бригаду и въ два часа отъ этой сволочи только пухъ одинъ остался-бы.» Онъ былъ далекъ отъ мысли, что совершается величайшій переворотъ въ Русской исторіи, гибнетъ великая Россія. Онъ понималъ одно. Во время войны, наканунѣ наступленія и рѣшительнаго послѣдняго боя, какая-то тыловая сволочь и «соціалисты», — для Федора Михайловича всѣ, кто шелъ противъ Государя и Родины были соціалисты, въ

партіяхъ онъ не разбирался, — и соціалисты шли противъ Государя и устраивали безпорядки въ столицѣ. Это была измѣна, и всѣ эти люди были достойны разстрѣла.

28-го февраля онъ вышелъ на улицу по какому-то дѣлу. На Мойкѣ онъ увидалъ стройную темную колонну матросовъ. Шелъ гвардейскій экипажъ. Гордость Русской арміи и флота. Ѳедоръ Михайловичъ зналъ, что въ эту часть набирались лучшие, самые красивые и лихіе люди со всей Россіи.

«Ну вотъ! ну вотъ, наконецъ-то,» — подумалъ онъ, — «вотъ идутъ люди, вѣрные своему долгу и присягѣ, идутъ разогнать мятежную Думу, арестовать негодяевъ и возстановить порядокъ. Идетъ — гвардія!

Ѳедоръ Михайловичъ побѣждалъ на Мойку.

То, что онъ увидалъ, было ужасно. Широкій красный флагъ мотался надъ колонной. Знакъ бунта и позорной измѣны Государю висѣлъ надъ лучшею гвардейской частью. Ничего больше не видѣлъ Ѳедоръ Михайловичъ. У него потемнѣло въ глазахъ и онъ не помнилъ, какъ пришелъ домой.

Сѣрый, пушистый, вывезенный Наташей изъ Туркестана, котъ «Топи», поднявъ хвостъ панашемъ, встрѣтилъ его въ прихожей и то забѣгалъ впередъ, то возвращался къ его ногамъ и терся о нихъ, громко мурлыча.

— А вѣдь онъ, Ѳедя, тебя узналъ, — сказала Наташа. — Да, что съ тобою, Ѳедя, случилось что-нибудь! — воскликнула она.

— Нѣтъ... Ничего... Оставь меня... Дай подумать. Все пропало... Или я ничего не понимаю...

Ѳедоръ Михайловичъ прошелъ въ кабинетъ. Маленькая узкая комната въ одно окно была заставлена мебелью. У окна, отъ стѣны до стѣны стоялъ письменный столъ, у одной стѣны шкафъ съ книгами, у другой его старая клеенчатая кушетка. Ѳедоръ Михайловичъ бросился на нее, легъ ничкомъ и уткнулся головою въ шелковую подушку. Ноги отнимались. Такъ было съ нимъ какъ-то въ дѣтствѣ. Онъ былъ въ первомъ классѣ и былъ вызванъ на урокъ ариѣтики къ доскѣ вмѣстѣ съ Забайкинымъ дѣлать сложеніе шестизначныхъ чиселъ. И Забайкинъ сказалъ дерзость Владиміру Павловичу Кондратьеву, учителю ариѣтики. Владиміръ Павловичъ побагровѣлъ, его сѣдѣющія черныя бакенбарды раздулись, онъ бросился на Забайкина, схватилъ его за уши

и поднялъ на воздухъ. Тогда отъ страха за Забайкина и за себя у Оедора Михайловича такъ-же вдругъ отяжелѣли ноги и кровь отлила отъ сердца.

Онъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку и думалъ: «неужели такъ надо было? Неужели правда весь тотъ ужасъ, что говорятъ и открыто пишутъ въ газетахъ? Неужели Милюковъ, Пуришкевичъ, Гучковъ, Шульгинъ правы — а Государь не правъ. И Россію надо спасать отъ Государя и «придворной камарилы». Да . . . такъ. Гвардейскій экипажъ» . . .

Онъ лежалъ до ночи. Поздно вечеромъ всталъ, прошелъ къ Наташѣ. Онъ сразу осунулся и постарѣлъ. Сѣдина рѣзко стала просвѣчивать въ его густыхъ волосахъ. Молча пили чай. Наташа не спрашивала. Она знала, что потомъ онъ самъ ей расскажетъ все.

Черезъ два дня онъ узналъ объ отреченіи Государя. Вспомнилъ страшную картину движенія темной колонны матросовъ по Мойкѣ и прінялъ революцію.

Вернувшись изъ отпуска, онъ съ бригадой присягалъ Временному Правительству, говорилъ рѣчи, слушалъ рѣчи, принималъ какихъ-то «милостивыхъ государей», пріѣхавшихъ изъ Петербурга на фронтъ и говорившихъ сумбурныя слова, и уже ничего не понималъ. Въмѣсто опредѣленнаго, вѣками текущаго по «регламенту» времени, наступило лихорадочное безвременье, съ убійствами, уговариваніями, грабежами казенныхъ денегъ, обезоруживаніями и разговорами по цѣлымъ суткамъ съ комитетами. Къ веснѣ вся власть была въ ихъ рукахъ. Во главѣ одного полкового комитета стоялъ флейтистъ, во главѣ другого — еврей-портной, а лѣтомъ бригада мирно разошлась по домамъ.

Правительство старалось сохранить видимость власти. Оедора Михайловича, донесшаго о распыленіи бригады, вызвали въ Петербургъ, назначили въ какую-то комиссію, но комиссія такъ ни разу и не собралась. Потомъ съ фронта пріѣхалъ его сынъ Свѣтикъ, увлекъ его въ Корниловскій разговоръ и, когда ничего изъ этого не вышло, и Свѣтика арестовали, Оедоръ Михайловичъ съ Наташей уѣхалъ въ Москву, къ сестрѣ Липочкѣ и тамъ остался, ничего не дѣлая и ожидая событий.

Онъ узналъ о большевицкомъ переворотѣ. Узналъ, что въ его квартиру вселили матросовъ-коммунистовъ, что рояль

обращенъ былъ въ отхожее мѣсто, мебель порвана, книги разорваны. Только Топика почему-то полюбили матросы, прозвали «буржуемъ», ласкали и кормили его. Назойливая сверлила мысль: «Тотъ, кто пріялъ революцію» — тотъ долженъ пріяты и большевиковъ. Революція это первая буква, большевики — послѣдняя. Кто сказалъ «а» — тотъ скажетъ и «б» и «в»...

Опять рухнули на колѣни и слышны сокрушенные вздохи. Въ церкви темно. Сторожъ тихо ходить и гасить свѣчи передъ темными старыми иконами. Едва теплятся огоньки въ цвѣтныхъ лампадахъ.

— «Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу твоему.»

Кажется это Федору Михайловичу или и точно на словѣ «терпѣнія» священникъ дѣлаетъ удареніе.

Псаломщикъ читаетъ «первый часъ» — и текутъ старья, знакомыя слова молитвъ, какъ текли они въ этой церкви пять вѣковъ, и кажется, каждое слово выдолбило свое эхо въ старыхъ стѣнахъ храма...

Незамѣтный, тихо вышелъ Федоръ Михайловичъ изъ ограды.

«Чумазый» его поджидалъ. Онъ стоялъ у воротъ, сплевывалъ сѣмьчки, и безжизненно и тупо было его сѣрое лицо. Какъ маска.

Федоръ Михайловичъ пошелъ, дѣлая крюки и скоро ему показалось, что «чумазый» отсталъ, но и онъ заблудился и не зналъ, куда идти. Зимняя ночь наступала. Прохожихъ не было. Стало жутко въ пустой Москвѣ. Хуже, чѣмъ въ дремучемъ лѣсу.

Наконецъ онъ набрелъ на какую-то старуху, сидѣвшую на узлѣ у воротъ дома. Она звонила и никто ей не отворялъ. Федоръ Михайловичъ спросилъ, какъ пройти на Петровское шоссе.

— На Петровку, что-ль? спросила старуха, — такъ не сюда, милый, зашелъ.

— Нѣтъ, мнѣ за Тверскую заставу, въ Озерной переулокъ. Если бы мнѣ найти Тверскую заставу, тамъ бы я отыскалъ.

Старуха рассказала, какъ идти.

Было часовъ десять вечера, когда онъ подошелъ къ дому, гдѣ жилъ Томъ. Это былъ новый семиэтажный, то, что называется «доходный» домъ, одинокой громадой стоявшій среди маленькихъ, старыхъ, одноэтажныхъ, деревянныхъ домишекъ Ворота были открыты. Оедоръ Михайловичъ вошелъ въ нихъ. Ему опять показалось, что въ проходѣ, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ «чумазый». Страхъ липкими струйками пробѣжалъ по тѣлу и пудовую жидкостью налился въ ноги. Оедоръ Михайловичъ не посмѣлъ оглянуться. «Можетъ быть, это мнѣ показалось,» — трусливо успокоилъ онъ себя и пошелъ на второй дворъ.

Липочка ему хорошо рассказала, какъ отыскать Тома. На второмъ дворѣ, въ углу, было небольшое крыльцо съ желѣзнымъ зонтомъ. Узкая вонючая лѣстница, изгибаясь колѣнами, шла безъ конца наверхъ. Хозяинъ изъ экономіи вывинтилъ черезъ этажъ электрическія лампочки и одна площадка была темная, другая свѣтлая. Двери квартиръ были заперты, но изъ-за нихъ слышны были голоса. Въ третьемъ этажѣ кто-то игралъ на фортепьяно «танго». Молодо и беззаботно смѣялись. На седьмомъ, налѣво, у обитой клеенкой двери былъ старомодный звонокъ. Деревянная груша на желѣзной проволоцѣ. Оедоръ Михайловичъ только прикоснулся къ ней, какъ незвонкій колокольчикъ закачался на пружинѣ и задребезжалъ, дерзко нарушая тишину седьмого этажа. Сейчасъ же раздались шаги и дверь распахнулась. Въ дверяхъ стоялъ Томъ.

— Кто тамъ? спросилъ онъ, вглядываясь въ темноту.

— Это я, Томъ, — дядя Оедя, — отвѣчалъ Оедоръ Михайловичъ.

— А, дядя! Входите, дядя. Я радъ васъ видѣть.

IX.

Комната у Тома маленькая. У стѣны, дѣвымъ бокомъ къ окну небольшой письменный столъ. Къ нему съ потолка на витой бѣлой проволоцѣ спускалась простая электрическая лампочка подъ желѣзнымъ абажуромъ. Она освѣщала столъ и раскрытую книгу. Подлѣ книги недопитый стаканъ блѣднаго чая и кусокъ чернаго хлѣба чуть намѣчались въ сумракѣ.

Книга — евангеліе.

Федоръ Михайловичъ разсказаль Тому о утреннемъ разговорѣ съ Липочкой и о рѣшеніи укрыться у него.

— Это хорошо, что вы пришли ко мнѣ, сказалъ Томъ. — Тетя Липа всего боится. У ней пятеро дѣтей, какъ не бояться! Вы — генераль. Теперь время такое. . . Не приведи Богъ.

Томъ поразительно напоминалъ Федору Михайловичу брата Ипполита, когда тотъ былъ студентомъ. Такъ-же длинные спереди носилъ онъ волосы и они чернымъ вороновымъ крыломъ падали на лобъ и на лѣвую бровь и, когда мѣшали ему, онъ откидывалъ ихъ тѣмъ-же нетерпѣливымъ движеніемъ головы, какъ дѣлалъ это Ипполитъ. Усы темною тѣнью лежали надъ губою. По щекамъ курчавилась борода, какъ когда-то у старшаго брата Федора Михайловича — André, давно отравившагося. Глаза были, какъ у матери Федора Михайловича — сѣрые, выпуклые и безконечно добрые. Томъ былъ близорукъ, часто щурился и это выходило у него мягко, женственно и мило.

Федоръ Михайловичъ, снявъ свое черное съ старымъ барашковымъ воротникомъ пальто, сѣлъ на стулъ и посмотрѣлъ на книгу.

Томъ покраснѣлъ.

— Вы, дядя, удивлены? Отецъ и мама запрещали мнѣ читать эту книгу. Говорили, что это страшная, вредная книга тирановъ. Впрочемъ, если хотите, я разскажу вамъ все по порядку. . . А хотите чаю?

— Да, я бы не отказался. Если только есть, и тебя не затруднить.

— Нѣтъ, нѣтъ. У меня хозяйева такіе славные старики. Они сейчасъ мнѣ все дадутъ.

Томъ ушелъ и сейчасъ-же вернулся съ кипящимъ чайникомъ, стаканомъ и блюдцемъ. Принесъ бѣлый хлѣбъ, масло и варенье.

— Кушайте, дядя. . . Я такъ радъ. . . Такъ радъ что nibудь сдѣлать. . . во имя Христа.

— Какъ-же ты ко Христу обратился?

— Да вотъ какъ. . . Я вамъ, дядя, все откровенно. Ну, вы знаете: — отецъ и мама хотѣли меня воспитать по новому. Мама мнѣ все доказывала, что души нѣтъ, но есть только

смертное тѣло. И учила меня сама. Вѣдь, я даже въ гимназій не былъ. На физиологію и математику мои родители очень налегали. И по математикѣ я папу скоро обогналъ. . . И вотъ, когда мнѣ сравнялся девятнадцатый годъ, мама посмотрѣла разъ на меня и сказала: — «Ты, Томъ, взрослый, зрѣлый и тебѣ надо женщину. Это законъ природы.» Дала она мнѣ адресъ. Въ Фонарномъ переулкѣ. Деньги дала. Я пошелъ. Встрѣтила меня дѣвушка, такъ, лѣтъ двадцати съ лишнимъ. Повела къ себѣ. . . Начали мы разговаривать. Почему-то обоимъ стало неловко. И какъ-то помянула она имя Бога. Я сказалъ ей, что Бога нѣтъ, что это все только предрасудки. Сталъ ей говорить, чему меня дома учили. Она слушала. Все блѣднѣе становилось ея лицо. Глаза стали большими. Можетъ быть, вы видали, есть картина такая, кажется, Гофмана. . . «Сказка» называется, такъ вотъ, какъ у той дѣвушки на картинѣ, стали ея глаза. Я говорилъ часа полтора. Когда я кончилъ, она схватила обѣими руками мою руку. Руки у нея были розовыя, влажныя. Поднесла мою руку къ губамъ. . . Поцѣловала. . . Въ глазахъ слезы. Я и отдернуть не успѣлъ. . . Стало страшно неловко.

— Что вы? — сказалъ я.

— Это потому, — отвѣтила она, — что вы такой несчастный. Вы и сами не понимаете, какой вы несчастный. Все черно вокругъ васъ. Такая чернота кругомъ! Вы не знаете Христа! А Христосъ — это свѣтъ. Господи! Если не было-бы Христа, развѣ могла-бы я жить при своемъ ужасномъ ремеслѣ! Да и кто могъ-бы жить безъ Христа, безъ его евангелія!

Взяла она съ ночного столика маленькую книжку и сказала:

— Возьмите. Разъ вы не читали ее — вы ничего не знаете. Прочтите и поймите, что это за счастье, что это за радость, за благодать — знать Христа. Христосъ — это свѣтъ!

— Я всталъ. Сталъ прощаться. Она провожаетъ меня, плачетъ, губы у ней дрожать, крестить меня и все говорить:

— Господи, какой вы несчастный. Много я людей видала. Даже убійцу одного знала, а такого несчастнаго, какъ вы не видала.

— Пришелъ я домой. Сталъ читать. Ничего не понялъ. Чувствую только: удивительно все просто написано, а не пойму ничего. Сталъ читать еще разъ. И вотъ стало яснѣть. Знаете, по утрамъ бываетъ, когда туманъ подъ солнечными лучами таетъ. Вдругъ выдѣлится стогъ сѣна, стрѣха какая-нибудь зазолотѣетъ, заблеститъ, а тамъ уже темный видѣнъ лѣсъ, показались елки. . . Вотъ такъ и тутъ. Изъ тумана притчей, сравненій, сопоставленій, — вѣдь все это такъ ново было для меня, я никогда объ этомъ не читалъ, — вдругъ сталъ вырисовываться образъ Христа. Иногда мнѣ казалось, что я вижу Его, что я не евангеліе читаю, но слышу чей-то мягкій голосъ. Потянуло меня въ церковь. Первый разъ было совѣстно. Боялся, что замѣтятъ, узнаютъ, что я не христіанинъ. Я и креститься не умѣлъ. Пошелъ, сталъ въ уголку. Слушаю, силюсь понять. . . Можетъ быть, это все и прошло-бы. Я многимъ увлекался. Съ Ницше и Карломъ Марксомъ не разставался. Съ гордостью говорилъ: «я социалистъ». Готовился вступить въ партію. Но стою въ церкви. Думаю. Когда это было? Когда? Исторію я плохо зналъ. Отецъ считалъ ее вредной книгой. Но романы читалъ. Тайкомъ. Стою въ церкви. Ранняя обѣдня идетъ. Народа мало. Свѣчи теплятся передъ иконами. Лампадки разными огоньками сверкаютъ. Слышны вздохи. Городъ точно ушелъ куда-то. Думаю. . . Было такъ въ подземельяхъ Римскихъ. Въ садахъ были столбы и на нихъ жгли живьемъ людей, и въ подземельяхъ молились. Вѣрили въ воскресшаго Христа, въ будущую жизнь. Въ несчастіи былъ Христосъ и давалъ утѣшеніе. Еще подумалъ я. Москва. Опричники, казни, дыбы, плети и Грозный царь. И тутъ-же церковь маленькая, дымная, съ темными иконами. И читаютъ тоже самое, что и мнѣ. И спокойно людямъ. Горе забыто. Вмѣсто ужаса — умиленіе. Дядя! Я много тогда думалъ. Ждалъ революціи. Придетъ социализмъ. Социализмъ выше Христа. Такъ говорила мама. Думалъ, — правда. Христосъ былъ — когда? Двадцать вѣковъ тому назадъ. Въ темнотѣ и страхѣ, когда люди были простые. . . А теперь во всей славѣ своей идетъ социализмъ. Лучшіе умы съ нимъ. Отецъ и мама ждали революцію, какъ Мессію. И вотъ пришла. Что-же: толпы народа, растерзанные трупы городскихъ. Избитые офицеры, дикіе крики. . . И ни свободы — хватали и везли на авто-

мобиляхъ по тюрьмамъ, ни равенства — избивали офицеровъ и генераловъ, ни братства — а только злоба, ненависть, и глупость... Я оставилъ отца съ матерью и уѣхалъ въ Москву.

— Ты рѣшился на это, Томъ?

Томъ раскрылъ евангеліе и прочелъ: —

— «Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги человѣку домашніе его. Кто любитъ отца, или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына, или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня»¹⁾... Вся сила этихъ словъ была на мнѣ. Я въ дни революціи сталъ чужимъ отцу и мамѣ. Я понялъ всю ихъ ложь и ... глупость... Христосъ сказалъ: — предоставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ. — Тишины и благодати, приличнаго смерти покоя требуетъ Христосъ подлѣ тѣла усопшаго. Они сдѣлали тѣла убитыхъ и умершихъ орудіемъ пропаганды и носились съ ними среди толпъ, какъ шакалы и гіены. Дядя! Ужасно увидѣть глупыми своихъ родителей. Я ихъ любилъ. А тутъ, когда я слышалъ, какъ папа называетъ маму: — Азаліей — мнѣ было стыдно за него. У насъ въ эти дни крови бывали пріятель папы Бродовичъ и маминъ другъ, поэтъ Кругъ. Кругъ одѣвался не какъ люди. Онъ ходилъ въ куртку съ открытымъ воротомъ. И тамъ была бѣлая, напудренная шея, холеная, съ тонкой кожей и синими жилами. И было это пошло, противно и глупо. Мама курила надушенные папиросы. Они говорили о достиженіяхъ революціи. О лазоревомъ, далекомъ, о голубомъ, невѣдомомъ. О «Ней», о «Женѣ» — о «Незнакомкѣ» и простымъ словамъ придавали таинственное значеніе. А была кровь. Стрѣльба. Толпы озвѣрѣлыхъ солдатъ и насиліе. Я понялъ, что социализмъ — людская глупость. Отецъ мнѣ говорилъ, что ваша жизнь была мѣщанская и пошлая. Вы задыхались въ цѣпяхъ царизма. Васъ избивали казаки нагайками.

— Отецъ такъ говорилъ тебѣ?

— Да, дядя.

— Неправда, Томъ. Слушай, какъ я понималъ жизнь. Если бы ты видѣлъ мою мать, твою бабушку! Какая это

¹⁾ Евангеліе отъ Маттея. Глава 10 ст. 35, 36 и 37.

была духовная красота! Какое горѣніе во имя долга! Мы были бѣдны. Но какъ часто мое сердце билось восторгомъ и безсмертная душа была близка къ Богу. Я помню заутреню въ гимназій и себя мальчикомъ. Томъ, я не сомнѣвался и не сомнѣваюсь, что воскресеніе Христа — не сказка, не легенда, не великій символъ, а правда! Или Томъ — когда я видѣлъ Царя, я испытывалъ сладкій восторгъ. Все земное покидало меня и я точно плылъ надъ міромъ. Нѣтъ, Томъ, я заступлюсь за нашу жизнь. Она не была пошлой. Мы красили скучныя будни праздниками, мы берегли заветы церкви, традиціи семьи и полка, мы сохраняли Русскій бытъ. Въ нашей жизни былъ свѣтъ.

— Свѣтлаго у меня не было, — печально сказалъ Томъ. — Я вѣрилъ въ социализмъ и свободу. — Я дожилъ. Увидаль... Глупость... И я пошелъ ко Христу...

— Что-же ты думаешь дѣлать?

— Не знаю. Теперь дѣлать что нибудь трудно. Живешь, какъ въ сумасшедшемъ домѣ... Думаю — бороться. — За что?

Томъ не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ въ углу, смотрѣлъ на незанавѣшенное темное окно. Домъ стоялъ на пустырьѣ, на окраинѣ Москвы. Ни одинъ огонекъ не свѣтился за стеклами. Черная безпредѣльность была за окномъ. Томъ точно отвѣта искалъ въ этой безпредѣльности.

— За царя, — тихо сказалъ онъ. — Я самъ дошелъ до этого. Никто мнѣ этого не говорилъ. Схема жизни людей должна быть проста. И чѣмъ проще она, тѣмъ счастливѣе люди и лучше имъ живется. Царь небесный на небѣ съ подчиненными ему силами и царь на землѣ съ подчиненными ему народами. Когда будетъ царь — не будетъ грызни партій и этой мерзкой мышьиной суеты. Тогда можно будетъ работать. Глупость уйдетъ.

Томъ замолчалъ. Федоръ Михайловичъ смотрѣлъ, слѣдя за взоромъ Тома, въ темноту ночи. О, если-бы мама разрѣшила его сомнѣнія, если-бы можно было въ критическую минуту жизни, хоть одинъ разъ, услышать голосъ оттуда и получить отвѣтъ.

Черная стояла поздняя февральская ночь, уснулъ громадный домъ и была въ немъ томящая тишина. Не было отвѣта.

— А я, — сказалъ Оедоръ Михайловичъ, — Томъ, я не знаю, что дѣлать. Бороться за царя — это я понялъ-бы... Но бороться за социалистовъ, за Учредительное собраніе послѣ всего того, что было... Нѣтъ... Не могу...

Сѣдѣющая голова упала на руки. Тоска звучала въ словахъ Оедора Михайловича. Старый искалъ совѣта у малаго.

— Томъ, скажи мнѣ... Что-же дѣлать? Ты молодъ... Ты, какъ блудный сынъ, вернулся ко Христу и тебѣ открыто больше, чѣмъ мнѣ. Скажи мнѣ неужели, идти служить въ красной арміи?..

Молчалъ Томъ. Все такъ-же напряженно смотрѣлъ въ пустое незанавѣшенное окно, точно тамъ искалъ отвѣта мятущемуся въ тоскѣ и мукахъ Оедору Михайловичу. Земля неслась въ черную безпредѣльность. Тихъ и неслышенъ былъ ея полетъ. Неисповѣдимы, невѣдомы пути Божіи, и кто можетъ ихъ угадать?!

Тихо сказалъ Томъ: —

— Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ... И тьма его не объять...

Х.

Не скоро заснулъ Оедоръ Михайловичъ на жесткой постели Тома. Проснулся отъ шипящаго разговора въ маленькой прихожей. Прислушался. Сталъ одѣваться.

— Вы мнѣ, товарищъ, паморки-то не забивайте. Я вамъ дѣло говорю, а вы мнѣ отводъ дѣлаете. Есть такой приказъ, чтобы ловить саботажниковъ и я свою обязанность передъ народно-крестьянской властью сполнять долженъ, — шипѣлъ и гнусавилъ кто-то въ прихожей.

— Другъ, уходите отъ насъ, — ласково шепталъ Томъ. — Ну, зачѣмъ это?

Оедоръ Михайловичъ высунулся въ прихожую. Вчерашній «чумазий» стоялъ въ дверяхъ.

Революція создала этотъ незабываемый, омерзительный типъ революціоннаго краснаго солдата. Точно всѣ идиоты, сифилитики, «чумазые», безбровые, безносые, облѣзлые, что таились на самомъ днѣ Русской арміи, прятались по лазаретамъ, служили сторожами при складахъ, вдругъ какимъ-то центробѣжнымъ движеніемъ были выкинуты наружу и стали наверху событий.

«Чума́зый» былъ средняго роста. Сивые, неопредѣленнаго цвѣта, тусклые, грязные волосы торчали изъ подъ свальной фуражки съ кокардою, замаранной, точно кровью, красною краской. На безбровомъ морщинистомъ, съ нездоровою дряблою кожею лицѣ, узкіе и раскосые были глаза съ бѣлыми, какъ у свиньи, рѣсницами. Широкій носъ черными ноздрями откровенно смотрѣлъ впередъ, подъ нимъ были стриженные бѣлые усы и сухой неопрятный ротъ. Подторкнутая подъ поясъ съ патронташемъ и ручною гранатою шинелька пыжилась въ грудяхъ и складками свисала къ обмоткамъ подъ черными нерусскими ботинками. Въ лѣвой рукѣ онъ небрежно за штыкъ держалъ ржавую винтовку съ сахарной веревкой, вдѣтой въ антабки вмѣсто погоннаго ремня. Коричнево — красный бантъ на груди показывалъ его преданность революціи.

— Что вамъ надо? спросилъ Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Ну вотъ, ну вотъ, — засуетился чума́зый. — Такъ что я васъ, товарищъ, еще третьяго дня узналъ, какъ вечеромъ выходили вы и вчера услѣдилъ за вами. Бывшій генералъ Кусковъ?

— Да, генералъ Кусковъ. А что вамъ, собственно, отъ меня надо?

— Такъ-что, служимши подъ вашимъ начальствомъ, много претерпѣлъ я черезъ васъ.

— Ну? — хмуря сѣдѣющія брови, спросилъ Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Это изволите видѣть? — вдругъ протягивая къ лицу Ѳеодора Михайловича правую руку съ отстрѣленными указательнымъ и среднимъ пальцами, дерзко проговорилъ «чума́зый». — Вы меня суду предавали за это. Не помните?

— А, пальчишникъ ... самострѣлъ?... Сизовъ — что-ли?

— Сизовъ и есть, — отвѣчалъ «чума́зый». — И я теперь къ отвѣту васъ требую въ народный революціонный трибуналъ. Какъ вы кровь народную пили и являлись палачомъ угнетеннаго народа.

— Да ты что, Сизовъ, ошалѣлъ? Ты въ своемъ умѣ что-ли? Да, какъ ты смѣешь!..

— Раньше вы смѣли, а теперь и я осмѣлѣлъ. Приведу вотъ товарищей, какъ все расскажу, такъ мы вамъ пальцы

перекрутимъ за это за все. Подъ судъ! А! меня подъ судъ, какъ дезертира! А теперь, когда надо отстаивать народную власть, — сами дезертиры.

— Вонъ! — багровѣя крикнулъ Федоръ Михайловичъ и схватилъ «чумазаго» за воротъ шинели, повернулъ его и, открывъ двери, толкнулъ внизъ по лѣстницѣ такъ, что тотъ замолотъ ногами по ступенькамъ, едва не упалъ, но ухватился за перила и остановился на площадкѣ. Онъ поднялъ вагремѣвшую за нимъ винтовку, хотѣлъ открыть затворъ, но заржавѣвшій затворъ не открывался, взялъ ручную гранату, вамахнулся ею, но какъ-бы испугавшись, что она его поранить, вдругъ повернулся и побѣжалъ, громыая сапогами, по ступенямъ внизъ. И уже издали, съ низу слышался его задыхающійся, сипящій голосъ. —

— Ну, погоди, мать твою такъ и эдакъ! Я тебѣ, сукиному сыну, попомню! Приведу я тебѣ товарищевъ. Народнаго комиссара и чтобы эдакъ — въ шею. Эт-то табѣ не царскій режимъ. Эт-тово народная власть не потерпитъ! Къ стѣнкѣ, сволочь паршивую!..

Гадливо пожимаясь плечами. Федоръ Михайловичъ прошелъ въ комнату Тома.

Томъ стоялъ спиною къ нему, у окна, и смотрѣлъ на разстилавшіися далеко внизу снѣговья дали. Онъ тяжело, неровно дышалъ.

— Что, Томъ? — спросилъ Федоръ Михайловичъ.

— Дядя, — сказалъ Томъ. — Вамъ надо уходить. Этотъ человекъ сейчасъ донесетъ на васъ и не пройдетъ и часа, какъ сюда примчатся на автомобилѣ и заберутъ васъ. По всему городу идутъ разстрѣлы... Вы погорячились, дядя.

— Я былъ, по твоему, не правъ?

— Не знаю, дядя. Когда пойму эту святую книгу, тогда скажу. А теперь все еще такъ смутно у меня. Но вамъ надо уходить.

— Куда?

— Я сведу васъ, дядя, за кладбище. Тамъ живетъ одинъ старообрядческій священникъ. Онъ другъ моихъ хозяевъ. Побудьте пока у него.

— Хорошо. Идемъ, Томъ. Но и тебѣ надо укрыться.

— Обо мнѣ, дядя, не беспокойтесь. Моя жизнь, мое отношеніе ко мнѣ самому мнѣ такъ ясны изъ этой книги.

Мнѣ неясно только отношеніе къ другимъ и вотъ, какъ поступить въ такомъ случаѣ, какъ сейчасъ.

— Томъ. . . Я не знаю, что со мною. Была у меня воля. Воля сильная, зналъ, что хотѣлъ, зналъ, что нужно дѣлать. А сейчасъ. . . Ничего не понимаю. И за тобою, за мальчишкой, покорно иду, куда поведешь. . .

XI

Весна идетъ. . . Весна шумить. По всей Москвѣ пахнетъ липкими тополевыми почками, молодою березкою и гдѣ только остались между каменными громадами сады, протянулись бульвары, — всюду молодая зеленѣть травка и тянутся бухлые прутья къ синему небу.

Вѣтеръ гонить по улицамъ тучи пыли, трепещетъ и хлопаетъ красными флагами на домахъ, и въ холодной свѣжести его столько бодрости. Большія лужи покрываются вельею. Сильнѣе запахъ давно не чищенныхъ выгребныхъ и мусорныхъ ямъ.

Мечутся худые люди съ позеленѣвшими лицами съ усталыми глазами, не мытые и не чесаные, небрежно одѣтые въ старое тряпье. Стоять длинные хвосты у хлѣбныхъ лавокъ, а на Кузнецкомъ мосту, на Маросѣйкѣ, на Тверской видны оборванные люди, просящіе милостыню. Вчерашніе генералы и сановники.

У заборовъ съ наклеенными газетами толпы народа. На югѣ бунтуютъ казаки. Царскіе генералы Алексѣевъ и Корниловъ сражаются съ товарищами Сорокинымъ и Автономовымъ на Кубани. Въ Сибири неспокойно, и пестритъ Москва призывами въ народную красную армію и сообщеніями о побѣдахъ отрядовъ матросовъ и красно-гвардейцевъ надъ «бѣлогвардейскою сволочью».

Во дворѣ Александровскаго училища, въ манежѣ, по гаражамъ, на Ходынкѣ, не прекращаясь, идутъ разстрѣлы офицеровъ, юнкеровъ, — кого попало. Новая власть наводитъ порядокъ. Семьи военно-служащихъ взяты на учетъ.

Дни идутъ длинные. Рано встаетъ солнце и поздно садится. Сумерки сливаются съ разсвѣтомъ. Труднѣе скрываться по чужимъ квартирамъ, растворяться въ толпѣ. Голодный обыватель сталъ продаженъ. Всѣ доносятъ, кругомъ

ищутъ прислужиться къ новой власти, чтобы получить отъ нея подачку.

А по глухимъ угламъ, по темнымъ кабинетамъ шопотами шепчетъ заговоръ и таится самъ отъ себя. Сидитъ таинственная коммиссія, снабжающая офицеровъ деньгами для поѣздки на югъ. Ипполитъ пріѣхалъ съ секретными порученіями отъ Блѣднаго. Эсъ-эры готовятъ заговоръ.

Ипполитъ сидитъ майскимъ вечеромъ на опушкѣ сосновой рощи, на окраинѣ Петровскаго парка, на валу. Подъ нимъ, во рву, ходитъ, опустивъ голову, Ѳеодоръ Михайловичъ. Въ лѣсу безопаснѣе, чѣмъ въ комнатахъ. Нѣтъ стѣнъ. Въ домахъ стѣны слышутъ и предають.

— Ты знаешь, — говоритъ Ипполитъ, — Тома разстрѣляли.

— Да, слыхалъ. — Ѳеодоръ Михайловичъ останавливается спиною къ Ипполиту и смотритъ на край крутого рва. Ландышъ выдвинулъ бѣлую струйку колокольчиковъ изъ зеленыхъ трубочекъ и рововѣтъ на закатномъ солнцѣ. Такъ нѣженъ ландышъ, такъ воздушно освѣщеніе, такъ далеко все это отъ страшныхъ словъ, сказанныхъ Ипполитомъ. Какъ можетъ еще быть эта красота!

— Ему ломали пальцы, пытали его... По пальцу въ день. А потомъ его, старика, и старуху, гдѣ онъ жилъ, вывели въ поле, заставили вырыть могилу и разстрѣляли на ея краю. Когда засыпали могилу, старуха еще шевелилась. Мнѣ рассказывала внучка ихъ, Лиза. Она ползала въ ногахъ у убійцъ и просила помпловать, а потомъ ругалась. Ее отдали солдатамъ. Она теперь лежитъ больная въ больницѣ... Тебя это, Ѳедя, не возмущаетъ? Такого не бывало и во время царизма.

— Это плоды свободы, — говоритъ Ѳеодоръ Михайловичъ. Голосъ его звучитъ глухо. Онъ смотритъ на ландышъ. Ему странно, что ландышъ не засохъ тутъ-же отъ этого разсказа, что благоуханенъ вечеръ и смошстый духъ идетъ отъ сосенъ.

— Развѣ это не адъ? тихо говоритъ онъ.

— Ты ничего не слыхалъ о своихъ? спрашиваетъ Ипполитъ.

— Ничего. Я думаю: всѣ трое добрались до казаковъ. Лизу увезли съ институтомъ на югъ. Осталась одна Наташа... Скажи мнѣ, Ипполитъ, ты и Аглая не любили Тома?

— Нѣтъ, конечно, любили. Онъ насъ послѣднее время очень огорчилъ, когда съ попами связался, но мы его очень жалѣли.

— Ты говоришь это такъ холодно... Ипполитъ?... Скажи правду. Вы ... съ ними заодно...

— Нѣтъ. Мы разошлись съ ними. Мы Шейдемановцы, мы Плехановцы — они Марксисты... Да они и Маркса по своему передѣляли.

— Я не понимаю тебя. Я вашихъ ученій не знаю.

— Скажу просто. Марія Александровна Спиридонова и Камковъ поругались съ Ленинымъ.

— Чего не подѣлили?

— Наша партія требуетъ войны. Она не можетъ мириться съ Брестскимъ миромъ, съ прїѣздомъ въ Москву Мирбаха, съ засиліемъ въ Кремлѣ нѣмцевъ.

— Поздно объ этомъ спохватились. Война невозможна.

— Ну что ты!

— Да... вернуть солдатъ въ окопы, заставить ихъ ожидать газовой атаки, нести службу по ночамъ, поставить батареи и сидѣть сутками въ окопахъ уже больше нельзя.

— Но воюютъ-же противъ казаковъ, противъ Деникина и Дутова.

— То другая война. А на настоящую войну нужны другіе офицеры, другое воспитаніе. Не нужно было, Ипполитъ, привозить Ленина и Троцкаго, а когда взяли ихъ, ихъ нужно было повѣсить. Отчего Керенскій не сдѣлалъ этого?

— Мы противъ смертной казни. И сейчасъ — Спиридонова требовала отъ Ленина прекращенія террора.

— Требовала прекращенія террора отъ человѣка, только и держащагося терроромъ... Глупо!

— Мы рѣшили... — проронилъ Ипполитъ и замолчалъ, пытливо глядя на Федора Михайловича.

— Что-же вы рѣшили?

— Я не знаю, говорить-ли? Это страшная тайна.

— Кажется, Ипполитъ, я еще юнкеромъ доказалъ тебѣ, что умѣю хранить тайны, — пожимая плечами, сказалъ Федоръ Михайловичъ.

— Мы рѣшили устроить возстаніе. Здѣсь есть офицеръ Поповъ — онъ нашъ. Намъ еще удалось склонить комиссара

почтъ и телеграфа Прошьяна. Одна батарея, нѣсколько десятковъ матросовъ, рабочіе обѣщали намъ помочь. Ты понимаешь: — *сир d'état*¹⁾ устроить, какъ Наполеонъ... Блѣдный работаетъ въ Ярославлѣ. Готовить возстаніе. Наши лозунги прекрасны. «Долой Брестскій миръ», «долой предателей большевиковъ». Еще одинъ еврей, — настоящій герой, вызвался пройти по подложному документу къ нѣмецкому посланнику Мирбаху и убить его.

— А когда удастся, — англичане привезутъ въ Питеръ Керенскаго и посадятъ его, Львова и компанію на тронъ... Да?

— Ты шутишь, шутка твоя, Оедя, дурного тона.

— Я не шучу. Миѣ не до шутокъ, — усталымъ голосомъ сказалъ Оедоръ Михайловичъ.

— Ты пойми... Наполеонъ такъ сдѣлалъ во Франціи и какъ хорошо.

— Республика стала имперіей... Но у васъ есть Наполеонъ? Парижу предшествовали Арколе, Египетъ, Палестина. Бонапарте знали его солдаты и съ нимъ шла удалая шайка молодцовъ. Кто знаетъ Блѣднаго? Кто теперь уважаетъ Керенскаго? Какіе-же это Наполеоны? Однихъ жидовъ вы хотите замѣнить другими. Жидовъ, работающихъ на нѣмецкія марки, вы хотите смѣнить жидами, работающими на франки и фунты. Нѣтъ, Ипполитъ, ничего изъ этого не выйдетъ.

— Мы хотѣли просить тебя.

— То-есть? Я-то тутъ при чемъ?

— Мы хотѣли просить, чтобы ты сталъ во главѣ военной части возстанія.

— И кровью братьевъ своихъ тащилъ-бы къ власти Керенскаго, Камкова, Марусю Спиридонову, Гоца, Либеры и Дана, чтобы окончательно утопить Россію въ социализмъ?

— Большевики лучше по твоему?

— Большевики?... Ипполитъ... Я четвертый мѣсяцъ скитаюсь безъ крова и часто безъ пищи, все пытаюсь пробраться на югъ и не могу. Проклятая фигура выдаетъ. Моя бригада комплектовалась изъ Москвичей, Рязанцевъ и Орловцевъ и на бѣду у меня тутъ вездѣ знакомые. Я

¹⁾ Государственный переворотъ.

знаю, что такое большевики. Наверху — жиidy. Это точно. Наверху бедламъ, сумасшедшій домъ, садизмъ крови и разврата, упоеніе властью, рѣчами, смертными приговорами. А сейчасъ-же подъ ними, ихъ слугами — разбойный, уголовный элементъ Русскаго народа. Неужели ты думаешь, что твой Поповъ въ Москвѣ, или Деникинъ съ юнкерами смогутъ справиться съ этими молодцами? — Имъ море по колѣно. Имъ убійство ничто, муки человѣка развлеченіе, слезы женъ и матерей въ нихъ вызываютъ довольный смѣхъ. Мы вернулись въ средневѣковье, Ипполитъ, и по Москвѣ рыщутъ опричники. Впдалъ я какъ-то ихъ знаменитость: — отрядъ товарища Тулака. Чего-чего тамъ нѣтъ! И блиндированный автомобиль, и двѣ пушки, и десятки пулеметовъ, и громадныя алыя знамена съ его именемъ, и конница, и казаки съ пиками, и пѣхота, и женщины. И все это его имени. А самъ Тулакъ — щуплый мальчишка, едва-ли нормальный. Его отрядъ — это шайка грабителей. Ты посмотрѣлъ бы: какъ одѣты? Прекрасныя папахи, шинели, офицерская аммуниція, шашки въ серебрѣ, сабли — все съ замученныхъ, казненныхъ офицеровъ. А лица! Сытыя, здоровыя, съ хмурыми серьезными глазами, съ подвитыми губами. — Эти гулять могутъ. И они гуляютъ и будутъ гулять, пока не упрутся кровью. Имъ жидъ наверху нуженъ. Онъ тамъ ведетъ какіе-то переговоры, заключаетъ миры, пишетъ декреты и не мѣшаетъ имъ гулять по Руси, грабить деревни и города и трясти разгуломъ и мошною. Что-же? Ихъ ты остановишь своимъ блѣднымъ возстаніемъ?.. Нѣтъ, Ипполитъ! Посмотри, что сдѣлалось съ Москвою? Она кишитъ народомъ. По всѣмъ направленіямъ движутся люди, спѣшать куда-то, стоять толпами. . . Тамъ раздался выстрѣлъ, тамъ кричитъ крестьянинъ. У него отняли лошадь. Вотъ бѣгутъ въ разсыпную, а за ними гонится пьяный казакъ съ красной повязкой и машетъ саблей. Развѣ это не Москва время Иванъ Грознаго? Что слышны свистки паровозовъ, что гудятъ по рельсамъ трамваи и мчатся автомобили? Это ничего не мѣняетъ. У Иверской толпа. Захудалый попъ въ старенькой рясѣ украдкой служитъ молебень. Кругомъ мотаются красныя флаги, кощунственныя надписи колышутся вѣтромъ и скверная ругань прерываетъ молитвенныя возгласы. . . По площади ѣдетъ отрядъ. Посмотри на этихъ

мальчишекъ на рослыхъ лошадяхъ, на ихъ лица, довольныя, счастливыя. Пойми: — имъ все позволено. И позволилъ имъ это жидъ! Вечеромъ смѣхомъ звенить Москва. Изъ кинематографовъ, изъ театровъ, съ лекцій, засѣданій, съ митинговъ льются народныя толпы. Ихъ только что разрѣшили отъ всякой морали. Два подростка напѣваютъ фоксъ-тротъ и танцуютъ на улицѣ. Матросъ идетъ, обнявшись съ барышней, солдатъ, укрывъ шинелью дѣвчонку двѣнадцати лѣтъ, ведетъ ее въ баню на глазахъ у всѣхъ. Все позволено! Хмѣль разврата ходить по улицамъ. Никому ничего не стыдно... Этому перебродить надо... Или усмирить желѣзною рукою... Не за большевиковъ, не за Ленина и Троцкаго идетъ борьба, а за возможность этой шалой, развратной жизни... И мнѣ понятно, что Тома убили. Убьютъ священниковъ, убьютъ офицеровъ, убьютъ всякаго, кто скажетъ, что это не хорошо...

— Когда-же по твоему все это кончится?

— Когда перебѣсятся. Когда устанутъ лить кровь и развратничать, когда потянетъ въ логово и захочется отдохнуть...

— И что-же? Молчать и ждать?

— Только сила можетъ ихъ смирить, а такой силы нѣтъ.

Федоръ Михайловичъ повернулся къ брату. На исхудаломъ, почернѣвшемъ отъ голода лицѣ сверкали глаза.

— Вспомни исторію, Ипполитъ. Она повторяется. Іоаннъ Грозный создалъ опричниковъ, государственныхъ разбойниковъ. И прошло полтора вѣка, пока не вырубилъ ихъ до основанія Петръ Великій. Болотниковъ, Баловень, орды Ляпунова и Заруцкаго, Разинъ, Булавинъ — буйныя поросли сѣмени, брошеннаго опричниками. Когда Петръ спустилъ по Дону плоты съ висѣлицами — на Дону поняли, что пришелъ конецъ вольницѣ, когда Петръ собственноручно рубилъ головы стрѣльцамъ въ Москвѣ — на Руси поняли, что насталъ конецъ опричнинѣ... Когда поплывутъ по рѣкамъ тѣла кавенныхъ чекистовъ и будутъ сѣчены головы коммунистамъ, только тогда познаетъ народъ, что насталъ конецъ его мерзости.

— Такъ надо-же кому-нибудь это сдѣлать! — воскликнулъ Ипполитъ.

— Ни Блѣдному, ни Керенскому это не по плечу. И потому, Ипполитъ, спасибо за предложеніе, но уволь. Что-то не хочется братья за дѣло, не сулящее успѣха.

— Что-же ты будешь дѣлать?

— Не знаю. Скитаться изъ дома въ домъ. Пока тепло, ночевать по сѣноваламъ и въ лѣсу, а тамъ... Видно будетъ. Попытаюсь примкнуть къ бѣлому движенію... Твой сынъ сказалъ мнѣ: — «свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объять»... И задалъ мнѣ загадку... Не жизнь теперь, а томленіе. Если-бы не Наташа, пошелъ бы прямо на проломъ. Къ казакамъ.

— Прощай, Оедя... А жаль, что ты не съ нами. Говорятъ, тебя любятъ солдаты.

Оедоръ Михайловичъ вспомнилъ «чумазаго» и усмѣхнулся. Какъ гримаса, была его усмѣшка.

Онъ вылѣзъ изъ рва и смотрѣлъ на брата. Шатающейся походкой уходилъ отъ него по дорожкѣ Ипполитъ.

«Губернатора убилъ», — думалъ Оедоръ Михайловичъ... — «Губернатора убилъ, а теперь радъ былъ-бы, чтобы губернаторъ этотъ воскресъ и сѣлъ-бы на Москвѣ съ исправниками и становыми!»...

XII.

Оедоръ Михайловичъ ночевалъ, гдѣ придется. Если была непогода, высматривалъ пустую дачу или одинокую ригу и устраивался на рваномъ пальто. Иногда стучался въ избу, иногда шелъ въ городъ. Разъ въ недѣлю, на разсвѣтъ, когда утихалъ солдатскій муравейникъ, онъ крался на Арбатъ къ сестрѣ, гдѣ жила Наташа. Въ пустой прихожей квартиры, спящей глубокимъ сномъ, его встрѣчала Наташа. Закутанная въ платокъ, она садилась на сундукъ, прижималась теплымъ роднымъ тѣломъ къ мужу, иззябшему на утренней росѣ, и говорила слова любви и ласки. Она приготавлила ему кулекъ съ хлѣбомъ, жаренымъ мясомъ, картофелемъ, чаемъ и сахаромъ — на цѣлую недѣлю. Печальны были ея сѣрые глаза. Было коротко свиданіе. Боялись, что проснутся дѣти, подсмотреть, донесутъ.

Наташа торопливо сообщала домашнія новости.

— Оедора, твоего крестника, въ красную армію забрали. Онъ на курсахъ. Венедиктъ пропалъ. — Липочка надѣется: — къ добровольцамъ пробирается. . . Маша, подумай, ей едва шестнадцать, ушла къ районному комиссару машинисткой. . . Лена помѣшалась на фоксъ-тротѣ. . . Андрюшка невозможенъ. . . И Оедя, голодъ . . . голодъ. . . Мы уже чаю не пьемъ. Брусничные листья собираемъ. . . Грозятъ — вселить жильцовъ. Не по работѣ комнаты занимаемъ. . .

Наташа крестила мелкимъ крестомъ Оедора Михайловича. Мокрыми губами, распухшими отъ слезъ, прижималась къ его лицу. Смотрѣла долго, точно запомнить навсегда хотѣла. Не знала, придетъ-ли въ слѣдующій понедѣльникъ или погибнетъ въ этомъ муравейникѣ людей. . .

«Кто-же я такое?» — думалъ Оедоръ Михайловичъ, возвращаясь въ поля и лѣса. — «Кто? Преступникъ? Но я не знаю, что сдѣлалъ я преступнаго. Пусть скажутъ мнѣ, въ чемъ моя вина! Пусть судятъ. . . Казнятъ безъ суда! . . Почему я не могу просто жить. Никому не мѣшать. Клеилъ-бы что-ли коробочки, или книги переплеталъ? Кому я мѣшаю? А они будутъ казнить, уничтожать Русскій народъ. Они убили изъ-за меня Тома, убили старика и старуху, гдѣ я жилъ, а я. . . Молчать? . . А что дѣлать?»

— Ваше превосходительство, — окликнулъ Оедора Михайловича съ другой стороны переулка чей-то тихій, приглушенный голосъ.

Оедоръ Михайловичъ вздрогнулъ, поднялъ голову, но сейчасъ-же опустилъ и сдѣлалъ видъ, что онъ совсѣмъ не — «ваше превосходительство».

Окликнувшій догналъ его и тихо шепнулъ: —

— Ваше превосходительство, зачѣмъ таетесь? — Попа и въ рогожѣ узнаешь! А меня не признали развѣ?

Бравый молодецъ шагаль рядомъ съ Оедоромъ Михайловичемъ. Высокій, статный, черноусый, чернобровый, большеглазый. Свѣжая гимнастерка на немъ, черная фуражка на затылкѣ, вся ухватка молодцоватаго фронтовика.

— Капитанъ Рудневъ. . . Изъ фельдфебелей. Не изволите припомнить. Старый Туркестанецъ. При васъ службу въ Джаркентѣ началъ. . . Э-эхъ! Что-то тамъ теперь! . .

«Провокація,» подумалъ Оедоръ Михайловичъ. «Держи ухо востро, Оедоръ».

— А, какъ-же, — сказалъ онъ, протягивая руку. — Уважно. Но какимъ вы франтомъ!

Дрянно звучалъ его голосъ.

— Вы гдѣ-же? Служите? спросилъ онъ.

— Да что, ваше превосходительство. Стыдно и прива-
няться. Нанялся въ красную армію. Все при своемъ дѣлѣ.

— Ну?..

— Только грѣхъ одинъ. Развѣ-же это армія? Опять то посмотрите. Народъ кругомъ голодаетъ, ѣсть нечего, одѣться не во что, дѣвчонки босыя бѣгаютъ, а они на арки, на флаги, что кумачу тратятъ. Вы думаете — меня они одѣли по прежнему. Все съ чужого плеча, стараго запаса. Производства, или шваленъ, какъ у насъ раньше бывало — такъ ничего этого нѣтъ. Эхъ... Горитъ матушка Русь, со всѣхъ концовъ подожженная. Кругомъ жидова сатанинскую пляску пляшетъ.

«Держись, Оедоръ, — провокація,» — думалъ Оедоръ Михайловичъ, идя рядомъ съ бывшимъ фельдфебелемъ-туркестанцемъ.

— А вы, ваше превосходительство, какъ видно, не при дѣлѣ? Видать, голодать приходится и одежка плохая. Конечно, обидно. Знищаль кругомъ народъ. Вчера самъ Ленинъ на площади Большого театра рѣчь говорилъ. — Народу тьма. Поглядѣлъ я, ваше превосходительство. Ближе къ ему, какъ въ старое время, охрана при Государѣ, жида стоятъ. Народу развѣ что слышно, что говорить. Ничего. Въ толпѣ полковникъ Рокосовскій тоже стоитъ. Голодный. Глаза, какъ у волка. Шапку, значитъ, снялъ отъ почтенія къ Ильичу. Чудно... Въ былое-то время, — только бы крикнулъ: — «Рудневъ! пилы!» — и смели-бы Ильича за милую душу... И что теперь только не дѣлается! Вы посмотрите: — Москва! Что потревоженный муравейникъ. И все суетится, все бѣжитъ. Страшно подумать, куда и зачѣмъ?.. А я такъ думаю, ваше превосходительство, пожалуйте къ намъ. Тамъ Ленинъ свое, а мы свое... А?.. Свою-бы линію повели... .

— Вы простите меня, Рудневъ, — сказалъ Оедоръ Михайловичъ, — я политикой не занимаюсь.

— Не вѣрите вы мнѣ, — съ укоризной сказалъ Рудневъ. — Не вѣрите... А между прочимъ, ваше превосхо-

дительство, капитанъ Рудневъ присяги не нарушалъ. Контанъ Рудневъ въ сердца царя хранить, капитанъ Рудневъ жиды ненавидитъ и презираетъ и будетъ день капитанъ Рудневъ покажетъ, что онъ помнить завѣты лихого Туркестанскаго стрѣлковаго полка... Счастливаго пути, ваше превосходительство. Не презирайте того, кто основательно обдумавъ, пошелъ на крестный путь!..

Капитанъ Рудневъ ковырнулъ Ѳедору Михайловичу и они разошлись. Ѳедоръ Михайловичъ направо, Рудневъ налево...

XIII.

Ипполитъ пришелъ къ Липочкѣ въ обѣденную пору. Въ столовой, бывшей въ то-же время и спальней Венедикта Венедиктовича и младшаго сына Андрея, усаживались за столъ, накрытый потертой клеенкой.

— Ипполитъ, Ипполитъ, — говорила, разливая супъ, Липочка, — какъ-то еще дѣвочкой я возмущалась деградацией нашего рода и мы съ Лизой все повторяли это слово. Вотъ теперь уже не деградация, а нищета настала. Фарфоровый сервизъ, что мнѣ отъ тети Лени достался, квартиранты, рабочіе отобрали...

— Ты, Липочка, счастливая. Ты можешь у себя готовить, а мы съ Азаліей давно въ общественную столовую по карточкамъ ходимъ. Пустая вода съ воблой, и вобла, да такая жесткая, что не укусишь, — сказалъ Ипполитъ.

— У насъ, слава Богу, «почтель» заботится. Пакъ на руки выдаютъ, — сказалъ Венедиктъ Венедиктовичъ, потирая большія узловатыя блѣдныя руки. — А гдѣ Андрюша?

— На кухнѣ. Прогнала руки умыть, — грязный, какъ свинья, пришелъ. На огородахъ молодую картошку воровалъ, — сказала стройная, красивая Марія, старшая дочь, гимназистка, а теперь дактилотипистка и стенографистка мѣстной чрезвычайной комиссіи.

— А!.. Это хорошо! — оживляясь сказалъ Венедиктъ Венедиктовичъ. — Что-же? Набралъ?..

— Вотъ и онъ, — указывая грязнымъ пальчикомъ на входившаго ошарпаннаго гимназиста лѣтъ двѣнадцати, сказала младшая дочь Липочки — гимназистка Лена.

— Я возьму за три съ полтиной женщину съ огнемъ, — громко пѣлъ Андрей, кидаясь къ матери. — Мама! мы потомъ сваримъ картошку? А . . . мама? Я жрать хочу!

— Поадоровайся прежде съ дядей. Не говори такихъ стиховъ, не забывай, что у тебя сестры — барышни.

— Ахъ, мама! — воскликнула Лена. — Да что ты! Мы вѣдь совдепки! Насъ этимъ не удивишь! Съ осени вмѣстѣ съ мальчиками учиться будемъ, а моя подруга Анюта Ползикова на дняхъ родить будетъ и не знаетъ, отъ какого мальчишки.

— Вотъ ужасъ! — воскликнула, краснѣя, Наташа.

— Тетя Наташа, — серьезно сказала Лена, — дѣло житейское. Самое обыкновенное. Инспекторъ сказалъ, что это даже хорошо. Соціалистическому государству нужны граждане.

— Да ей сколько лѣтъ? — вырвалось у Липочки.

— Пятнадцать. . . Она, мама, худенькая съ лица стала. Ножки и ручки высохли. Совсѣмъ скелетикъ. А животъ большой. Пузыремъ раздуло. Точно паукъ-сѣнокосецъ. И все лежитъ больше, — рассказывала Лена.

— Да, — чтобы перемѣнить разговоръ началъ Венедиктъ Венедиктовичъ, — и когда это казаки и Деникинъ воевать перестанутъ. А тутъ еще чехо-словаки какіе-то надвинулись. Всѣ напасти сразу. И откуда что берется! А черезъ ихъ войну хлѣба нѣтъ. Мяса давно не видали.

— Папа! У Сенюткиныхъ кота ободрали, супъ варили и ѣли. Говорятъ, вкусно, — перебилъ отца Андрей.

— Да, до чего дожили! — вздохнувъ сказала Липочка.

— Мама, а правда, что, когда ты такая, какъ я была, — сказала Лена, — у васъ были собака и котъ.

— Да, — оживляясь и краснѣя пятнами, сказала Липочка. — У моей мамы была собака Дамка, а у брата Ѳеди, твоего дяди, — большой сѣрый котъ «Маркизь де-Карабасъ». Еще было у насъ два снѣгиря и чижики.

— Какъ странно, — сказала Маша, — собака . . . котъ . . . птицы. . . Да вы совсѣмъ буржуи, мама, были. У моего комиссара и то нѣтъ собаки. Онъ все фокса хочетъ завести. Даже красноармейцамъ-чекистамъ наказывалъ присматривать, не найдутъ-ли кого съ фоксомъ.

— Тебя не возмущаетъ это? — тихо сказала Наташа Липочкѣ.

— Ахъ, оставь, Наташа! — воскликнула Липочка. Ну что сдѣлать! Противъ рожна не попрешь, плетью обуха не перешибешь. Что хорошаго дѣлаетъ Одея, что не идетъ служить. Весь исхудалъ! На босяка похожъ. Все ломается. Пошелъ-бы — паекъ получилъ. Вонъ, на дняхъ, я его товарища Старцева встрѣтила. На автомобилѣ ѣдетъ, важный. Красная звѣзда на рукавѣ нацѣплена, буквы какія-то. А рядомъ матросъ. За панибрата... Просто. Вотъ и Одея-бы такъ... Съ матросомъ!..

— Боюсь, мой комиссаръ доберется до дяди Оеди, — тихо сказала Маша. — Третьяго дня они восемьдесятъ человекъ въ расходъ вывели. Я списки переписывала. Спрашивалъ меня, нѣтъ ли у меня родни бывшихъ военныхъ.

Наташа сидѣла рядомъ съ Ипполитомъ. Куски клепокъ, искусно выдуманныхъ Липочкой изъ стараго хлѣба и картофельной шелухи, вязли въ ея горлѣ. Блѣдная, худая, съ большими глазами, сидѣла она въ простомъ платьѣ своей работы, какъ мученица. Старалась не слушать, не вникать въ этотъ новый, страшный, кровавый бытъ, тѣсно обступавшій ее и давившій жестокою обыденщиной.

— Во времена проклятаго царизма, — началъ Ипполитъ, — когда мы боролись за свободу, каждая казнь царскихъ палачей печальнымъ похороннымъ звономъ раздавалась по странѣ. О ней кричали. Мы собирались по угламъ и обсуждали мѣры, какъ спасти, если можно, и какъ отомстить, когда уже свершилась казнь. Мы мстили...

— Тише, тише... Ради Бога тише, Ипполитъ, — воскликнула Липочка. — Не забывай, что рядомъ жильцы коммунисты. На Дику косятся, что онъ не записывается въ партію. Подозрѣваютъ, что Одея бываетъ. Развѣ можно — такія рѣчи!..

— Что-же? Молчать? — сказалъ Ипполитъ.

— Да, Ипполитъ, молчать, — сказалъ, хмурясь, Венедиктъ Венедиктовичъ. — Понимаю, нелѣпица все это. Но, Ипполитъ, не намъ, старымъ уже людямъ, переворачивать новый бытъ. Молодежь готовить себѣ будущее. Вспомни, и въ наши дни бунтовали студенты да молодые рабочіе, а старые чиновники скромно сидѣли по мѣстамъ и ждали двадцатаго числа да Станислава на шею.

— Нѣтъ, Венедиктъ, мой отецъ былъ либераломъ. Онъ не плылъ по теченію. Онъ всегда возмущался всякой несправедливостію.

— Ну ужъ, гдѣ ужъ, что ужъ, — замахала тонкими руками Липочка. — Онъ-то ничего не дѣлалъ. Въ карты игралъ, да маму замучилъ. Возмущалась молодежь, а вожжами были — жида.

— Что-же евреи и теперь готовы идти. Канегиссеръ убилъ таки Урицкаго ... и сейчасъ у насъ...

— Оставь, пожалуйста, — сказала, краснѣя, Наташа, — евреи теперь наверху и имъ ничего больше не надо. Но молодежь... Она гораздо выше, чѣмъ въ ваши дни. Гораздо, гораздо, гораздо выше! Мои Свѣтикъ, Игорь и Олегъ, твой, Липочка, Венедиктъ — пошли искупать вину отцовъ и я вѣрю: они побѣдятъ.

— Добровольцамъ не удалось взять Екатеринодара и Корниловъ убить, — сказалъ Венедиктъ Венедиктовичъ. — Пустая затѣя! Слабѣя дѣти идутъ противъ сильныхъ разбойниковъ.

— И побѣдятъ въ конечномъ счетѣ — дѣти! — воскликнула Наташа и встала изъ за стола.

— Охъ, Наташа, Наташа, не сносить тебѣ головушки, — сказала Липочка. — Бурлитъ въ тебѣ казацкая кровь!

Поднимались съ мѣстъ. Двигали стульями.

— Я возьму за три съ полтиной
Женщину съ огнемъ,

прыгая черезъ стулья, пѣлъ Андрей. Маша вышла изъ комнаты. Она сейчасъ-же вернулась въ большой нарядной шляпкѣ съ цвѣтами и, натягивая на красивыя тонкія руки перчатки цвѣта сѣме, сказала: —

— Я пойду, мама. Мой комиссаръ приглашалъ меня сегодня въ танцульку, обѣщалъ шоколадныхъ конфетъ принести.

— А я съ Андреемъ, — сказала Лена, — въ кинематографъ идемъ на Арбатскую площадь. Ужасно интересная фильма идетъ — «Пара гнѣдыхъ.» — И въ первой картинѣ похороны. Покойница лежитъ. Лидія Рындина играетъ. Ужасно драматично.

— Вотъ они — дѣти! — сказала Липочка, когда дѣти ушли. — Не спросили отца съ матерью, пришли, поѣли и ушли. Гдѣ они, съ кѣмъ они — развѣ мы знаемъ?

— Новое поколѣніе растетъ, — сказалъ Венедиктъ Венедиктовичъ. — Граціозно это выходитъ! Сынъ Венедиктъ у Деникина, его братъ Ѳеодоръ въ курсантахъ, Маша у комиссара чрезвычайки и кто онъ, какія у нея съ нимъ отношенія не изволить намъ сказывать. Лена путается съ гимназистами, а сынъ Андрей картошку по огородамъ воруетъ. Вотъ нелѣпица-то!

— Совѣтскій строй, — сказалъ Ипполитъ и тяжело опустился на стулъ.

— Наше дѣло было только родить, да вскормить ихъ, — сказала Липочка, прислоняясь спиною къ двери, — а тамъ... Они сами... Помнишь, Ипполитъ, наше время... Помнишь — Пасху, яйца красили, катали яйца, розговѣны... Четверговую соль, заутреню въ гимназіи. Пушки палили и авенѣли въ окнахъ стекла. А лѣтомъ дача, туманные споры о прочтенномъ. Лиза съ ея философій и устремленіемъ въ народъ. Гдѣ все это? Мы брыкались. Проклинали экзамены, учителей, стремились сбросить путы... А видно... Ипполитъ, путы-то были нужны... Видно цѣпи-то цѣловать было нужно и милую мамочку обожать...

Липочка разрыдалась.

XIV.

Быль душный іюльскій вечеръ. Съ тою-же повышенной скоростью бился пульсъ Москвы. По улицамъ сновали народныя толпы, сѣрая, почти всѣ въ защитномъ, многіе, несмотря на жару, въ шинеляхъ. Проѣзжали рѣдкіе извозчики. Гудѣли автомобили совѣтскаго начальства. Толпа горготала и клекотала, какъ вода въ котлѣ. У Рев-воен-совѣта стоялъ сѣрый броневикъ. Часовые матросы и красноармейцы хмурою цѣпью окружали зданіе. Внутри кипѣла жизнь. Взадъ и впередъ по корридорамъ, вверхъ и внизъ по лѣстницамъ сновали солдаты, матросы, китайцы и совѣтскія барышни. По всѣмъ комнатамъ громадной гостинницы тревожною трелью проносился стукъ пишущихъ машинокъ, и непонятно было, что могли онѣ выстукивать днями и ночами.

Надвигались густыя, знойныя сумерки. Въ пыльных столбахъ утопала Москва, бурлящая людскими толпами, встревоженная, словно ожидающая чего-то. По всѣмъ этажамъ гостиницы вспыхнули огни лампочекъ. По лѣстницамъ, не переставая, двигались люди.

Въ просторномъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, низко нагнувъ большую голову съ курчавыми, темными, впадающими въ золото волосами, съ пенсне на носу, съ рыжеватыми усами и маленькой бородкой, сидѣлъ еврей въ военномъ френчѣ и длинныхъ, небрежно спускающихся на ботинки штанахъ защитнаго цвѣта. Онъ просматривалъ бумаги. Не поднимая отъ нихъ глазъ, онъ протянулъ руку къ лампѣ и повернулъ выключатель. Пріятный зеленоватый свѣтъ разлился по кабинету. Освѣтились листы, печатанные на машинкѣ.

Въ дверь постучали.

— Ну?! — сказалъ, поднимая голову, еврей и въ сногѣ свѣта блѣдное его лицо съ блестящими глазами показалось страшнымъ.

Стройный, затянутый во френчъ юноша, въ ремняхъ, безъ оружія появился въ дверяхъ.

— Товарищъ Вацетисъ! — сказалъ онъ. — По срочному дѣлу.

— Зовите... Да... зовите-же, когда я вамъ говорю... нетерпѣливо сказалъ сидѣвшій.

Мѣрно ступая тяжелыми, добротными сапогами и мягко позванивая шпорами, въ кабинетъ вошелъ человѣкъ выше средняго роста, крѣпкій, молодцеватый, съ круглымъ бритымъ, ничего не выражающимъ лицомъ. Онъ плотно притворилъ двери и, молча, вытянулся.

— Ну? — сказалъ еврей. Пенсне блеснуло стеклами въ лучахъ лампы. Казалось, что за столомъ сидитъ человѣкъ съ черепомъ вмѣсто головы и съ громадными, огнемъ пылающими глазными впадинами.

— Отрядъ Попова сосредоточивается въ Трехъ-святельскомъ переулкѣ.

— Большой? Всѣ три рода оружія?

— Да... Всѣ три рода войскъ, товарищъ комиссаръ. Онъ въ полной готовности. Мнѣ донесли, что при немъ всѣ лидеры лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ. Тамъ видѣли

Камкова, потомъ прїѣзжій изъ Петрограда нѣкій Кусковъ, очень подозрительная личность.

— Много войска?

— Нью . . . протянулъ Вацетисъ. — Не такъ уже чтобы много. . . Пѣхоты такъ, можетъ быть, тысячи двѣ наберется, восемь орудій. . .

— Вос-семь ор-руд-дій. . . Ш-ша! — вставая, сказалъ еврей. — Вос-семь ор-рудій. . . Это, товарищъ, очень опасно?

— Нью. . . Справляться можно. Организациі у нихъ никакой. Свернули людямъ головы. Ну еще 60 пулеметовъ.

— Ше-сть-дѣсятъ пулеметовъ, — въ волненіи, вдавываясь въ жаргонъ, сказалъ комиссаръ и подошелъ къ окну. — А не сказать Владиміру Ильичу, чтобы чемоданы укладывать?

— Не извольте беспокоиться. Справимся. . . Тутъ только одно обстоятельство. Вы изволите знать, что члены центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ имѣютъ свободные пропуски въ Кремль и въ частности къ товарищу Ленину. Такъ я боюсь, товарищъ, какого-нибудь вѣроломства. Они уже арестовали товарища Дзержинскаго.

— Арестовали товарища Дзержинскаго! Ну что вы говорите? Это-же ужасно? . .

— Не беспокойтесь, товарищъ. Они не большевики.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— А то, что они прикончить его не посмѣютъ, и мы его освободимъ.

— Но вы такъ бодро смотрите на все, товарищъ Вацетисъ, что мнѣ пріятно на васъ смотрѣть.

— Вѣдь это, товарищъ-комиссаръ, соціалисты. То есть та сволочь. . .

— Ну вы, пожалуйста, товарищъ Вацетисъ. Я знаю, вы человѣкъ внѣ политическихъ партій, но только. . . Вы сдѣлаете все? . .

— Все, какъ нужно. Я только прошу васъ отдать распоряженіе, чтобы теперь въ Кремль никого не пускали.

— Ну разумѣется. . . Разумѣется. . . А вы думаете. . . Мнѣ? . . безопасно?

— Совершенно, товарищъ комиссаръ, довѣрьтесь мнѣ въ полной мѣрѣ. Мы специалисты этого дѣла, сдѣлаемъ все чисто.

— Комиссаръ Петерсонъ съ вами?

— Да, онъ ожидаетъ въ автомобилѣ.

— Это хорошо... Я бы сказалъ вамъ по Русскому: съ Богомъ! если бы мы не отмѣнили Бога. Но говорю вамъ: во имя спасенія революціи: сдѣлайте...

— Сдѣлаемъ, товарищъ. Могу идти?

— Да, пожалуйста...

У подъѣзда Вацетиса ожидалъ сильный Русско-Балтійскій автомобиль. На заднемъ сидѣннѣ, прислонясь къ подушкамъ, сидѣлъ человѣкъ въ просторной солдатской шинели и мягкой фуражкѣ.

— Товарищъ, на Ходынское поле въ лагерь! — сказалъ Вацетисъ, прикасаясь рукою къ плечу шоффера.

— Понимаю.

Шофферъ надавилъ ногою на рычагъ передачи и наложилъ руку на руль. Машина дрогнула и покатила по затихавшей на ночь Москвѣ.

XV.

Въ узкомъ переулкѣ беспорядочно толпились солдаты. Въ боковыхъ улицахъ стояли запряженные орудія. Ыздовые слѣзли и лежали на камняхъ мостовой, у ногъ лошадей. У подъѣзда дома, съ темными, наглухо закрытыми дверьми толкотня была сильнѣе. Въ подъѣздѣ кто-то стоялъ на столѣ и кричалъ въ толпу короткими отрывистыми словами.

— Чего шумить, товарищъ, не слышать? — спросилъ, зѣвая, артиллерійскій солдатъ пѣхотинцевъ.

— А кто его знаетъ-что. Чехо-словаки молъ на Волгу наступаютъ и чтобы значить сковырнуть теперь Ленина.

— Та-акъ...

— А на мѣсто его кто?

— Не рассказываетъ.

— Уже не Кéренскаго-ли?

— И все то брешутъ, какъ имъ не надоѣстъ.

— Что-же, товарищъ, при Ленинѣ не сладко. Хлѣба по фунту и то не сполна давали.

— За царя что-ли?

— Слышать, царя убили. Я телеграмму читалъ.

— Царство небесное ему. Пріять, значить, мученическую кончину. А кто убилъ-то?

— Да жида-же!

— Вотъ-те и слобода...

— Погодь, что говорить? Помолчите маленько. Про крестьянъ будто?

Съ крыльца въ сумракъ теплой ночи несло:

— Вы думаете, товарищи, что вами правятъ представители крестьянъ и рабочихъ? Напрасно, товарищи, это не представители рабочихъ. Это узкіе социалисты. Они обижаютъ крестьянъ. Они считаютъ, что все крестьянство — это мелкая буржуазія, и натравливаютъ рабочихъ на крестьянъ и хотятъ отнять у крестьянъ хлѣбъ и не даютъ крестьянамъ денегъ на сельско-хозяйственныя коммуны. Идетъ походъ города противъ деревни, большевики хотятъ отнять у крестьянъ землю и отдать ее помѣщикамъ. Они нѣмецкіе наймиты и дѣйствуютъ по указкѣ императора Вильгельма. Вся политика большевиковъ сводится къ тому, чтобы разжигать классовую борьбу...

Ипполитъ шатался въ этой толпѣ, отрывками слушалъ рѣчи ораторовъ, присматривался къ сонному, вялому солдатскому стаду и испытывалъ снова то чувство, что испытывалъ уже разъ, когда шелъ убивать губернатора. Какъ тогда онъ всѣмъ подсознаніемъ своимъ чувствовалъ, что никогда не убьетъ губернатора, не рѣшится, такъ и теперь подсознаніе говорило ему, что эти люди не будутъ воевать. Они не пойдутъ на Кремль, не поставятъ пушки въ упоръ противъ дворца, гдѣ живетъ Ленинъ и не вырвутъ у него власти. И какъ тогда, много лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ студентомъ, тѣ, кто распоряжались убійствомъ губернатора, были далеко. Блѣдный сидѣлъ въ Петербургѣ. Здѣсь всѣмъ распоряжался Поповъ, рѣчи говорили Камковъ и еще какіе-то молодые никому неизвѣстные люди. Ихъ никто не слушалъ. Не было плана дѣйствія. Все ждали, что кто-то еще присоединится, кто-то поможетъ. Все сдѣлается само собою. Были вѣчные Русскіе: авось, небось и какъ-нибудь.

Ипполитъ продумывалъ прошлое. Типичная работа социалистовъ-революціонеровъ. Они вѣрили въ правоту идеи и думали, что она сама захватитъ массы. Земной рай самъ

собою установится на землѣ. Все ждали, а надо было дѣйствовать. Такъ было всегда. Они дѣйствовали лишь тогда, когда ими руководили евреи, а теперь евреи были съ большими.

Темною тѣнью въ старенькомъ пиджакѣ шатался Ипполитъ отъ одной группы къ другой. Никто не спрашивалъ, кто онъ, никто не удивлялся присутствію штатскаго на военной операци. Никто не командовалъ, не распоряжался. Поповъ былъ въ домѣ. Показывали три окна, гдѣ свѣтились огни. Говорили: — «тамъ Поповъ,» — «туда прошелъ Поповъ.» Кто такой былъ Поповъ, чѣмъ онъ былъ извѣстенъ, чѣмъ замѣчателенъ, никто не зналъ. Даже фамилія его была — какихъ тысячи въ Россіи.

Бодрые и воинственные другихъ была группа черноморскихъ матросовъ. Въ черныхъ бушлатахъ, они выдѣлялись среди солдатъ. Держались отдѣльно. Сурово молчали.

Душная ночь стояла надъ Москвою. Пахло землею, мокрыми камнями, выгребными ямами и человѣческимъ стадомъ. Казались на небѣ далекими звѣзды. Точно приподнялось надъ городомъ небо и удалилось отъ людскихъ темныхъ дѣлъ.

Среди солдатъ шатались женщины и дѣвушки съ большими корзинами. Онѣ раздавали бутылки съ водкой, банки, консервы, булки. Слышался возлѣ нихъ веселый животный смѣхъ, шутки и брань.

У батареи, со снятыми съ передковъ орудіями, молодой, высокій офицеръ, въ пенсне, блѣдный, сутуловатый, съ длинными волосами, не похожій на офицера, въ легкой шинели безъ погонь съ бѣлой повязкой на рукавѣ, съ небрежно одѣтой аммуницией, обсуждалъ съ фельдфебелемъ возможно ли обстрѣливать Кремль.

Ипполитъ остановился. Прислушался.

— Я полагаю, господинъ поручикъ, — напирая на «господинъ поручикъ», — говорилъ старый усатый фельдфебель, — что съ этой площади возможно дать подъемъ траекторіи, такъ-что черезъ дома перенесетъ. Она, наша траекторія, крутая. По плану вычислить въ моментъ можно. Ежели туда наблюдателя послать... Телефономъ связаться... И совсѣмъ хорошо будетъ.

Ипполитъ ждалъ, что сейчасъ фельдфебель крикнетъ, назоветъ кого-нибудь по фамилии, сядутъ нѣсколько чловѣкъ на лошадей и поскачутъ съ катушками телефона за спиной проводить связь съ наблюдателемъ. Такъ ему, штатскому, казалось. Но имъ, военнымъ, было такъ странно готовиться обстрѣливать Кремль, что «господинъ поручикъ» сказалъ вяло:

— Да... Конечно, наблюдателя. Какъ полагаете?... На высокихъ разрывахъ, чтобы не повредить церквей, историческихъ зданій?... А? какъ вы думаете, Сѣдовъ. Больше моральное впечатлѣніе. А? правда? Да...

— Какъ прикажете, господинъ поручикъ...

Извѣстія въ отрядѣ были хорошія. Изъ центра города прїѣзжали автомобили съ вооруженными матросами и красноармейцами. Съ нихъ сгружали наскоро одѣтыхъ людей и уводили въ домъ, гдѣ былъ Поповъ.

— Дзержинскаго провели, — говорили среди солдатъ.

— Товарища Лациса...

— Смидовича...

— Это кто, — Смидовичъ?

— Предсѣдатель Московскаго Совѣта.

— Слыхали, комиссаръ почтъ и телеграфовъ Прошьянъ на нашу сторону перешелъ. «Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» послана телеграмма не считается съ распоряженіями совѣтской власти, а считается съ распоряженіями правящей нынѣ партіи лѣвыхъ эсъ-эровъ.

— Ловко пущено... А кто-же править-то?

И не было никого. Ничье имя не было названо. Ипполитъ понималъ: Наполеона не было...

Онъ шелъ по улицѣ. Сзади оставался дремотный Поповскій отрядъ съ урчащими автомобилями и тремя освѣщенными окнами штаба. Впереди разстилалась Московская улица. «Чичкинъ... торговля маслами,» «булочная», «портерная» — все пустое съ заставленными досками окнами, дома со спущенными на окнахъ занавѣсами. Красный огонекъ свѣтится въ углу окна. Должно быть, лампадку засвѣтили. Можетъ быть, молятся. Обыватель притаился и ждетъ, что будетъ. Его никто не спрашивалъ, что онъ хочетъ. Ему объявили великую, безкровную революцію и онъ ходилъ съ краснымъ бантомъ и ликовалъ — «наконецъ-то!»... Ему

объявили о власти большевиковъ и онъ пріялъ ее. Жизнь кругомъ ломалась и разсыпались семьи. Племянники Свѣтикъ, Игорь и Олегъ ушли. Лизу увезли на югъ и распалась семья Ѳеди. — Племянникъ Венедиктъ ушелъ и еще держится семья сестры Липочки. Держится-ли? Сына Тома замучили и разстрѣляли. За что?..

Жена Азалія въ Петербургѣ на попеченіе партіи. Курить надушенные папиросы, цѣлыми днями спорить о теософіи и социализмѣ, отыскиваетъ какихъ-то потустороннихъ «Лапана» и «Пампана», возится съ поэтами и философами. Ложится въ 4 часа утра и встаетъ въ три часа дня... Онъ въ Москвѣ ходитъ, говоритъ, слушаетъ... И такъ всю жизнь! Ему скоро пятьдесятъ лѣтъ. Сѣдина забралась въ черные волосы. Большая лысина свѣтится на затылкѣ. Сгорбился. У него большой стажъ: — онъ былъ въ ссылкѣ, пострадалъ за правду. Что дѣлалъ онъ, однако, всю жизнь? Одни обучали солдатъ, воевали, умирали, страдали по лазаретамъ. Другіе писали романы и повѣсти, будили мысль, вызывали слезы, учили дѣтей... Третьи строили желѣзныя дороги, годами жили въ Манчжуріи и въ Заамурской тайгѣ, вставали до свѣта и шли съ рабочими прокладывать желѣзный путь. Строили дома... Судили, наказывали... Кипѣли въ людскомъ муравейникѣ, скрашивали свою жизнь. Играли на театрѣ, пѣли... Считали деньги, охотились, пахали землю, сѣяли хлѣбъ, разводили скотъ и лошадей. Всѣ что-то дѣлали... А что дѣлалъ онъ и вознесенные недавно, какъ народные герои, партійные товарищи, Марія Александровна Спиридонова, «бабушка» Брешко-Брешковская, Керенскій, Черновъ, Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ?.. Что дѣлалъ онъ самъ?

Какъ предстанетъ онъ передъ народомъ и что отвѣтитъ ему?

Какъ предстанетъ онъ передъ Богомъ?

Ипполитъ остановился. Дальше нельзя было идти. Камни мостовой были выворочены и вмѣстѣ съ землею и красноватымъ пескомъ образовывали валикъ за канавой. Можно было подумать, что тутъ прокладывали трубы. Это былъ окопъ. Красноармеецъ стоялъ у фонаря за канавой и курилъ папиросу.

Блѣднѣло небо, розовѣлъ востокъ. Прохладные туманы спускались на землю. Въ пустынной красотѣ раскрывались перспективы утреннихъ улицъ Москвы. Дома казались блеклыми, вывѣски мертвыми. Нигдѣ ни души. За тишиною уснувшаго города чуть слышался далекій, невнятный шумъ. Точно пулеметы стрѣляли, или трещали повозки обозовъ.

— Слышь, товарищъ, — сказалъ красноармеецъ, поворачивая сѣрое, голодное лицо къ Ипполиту, — должно: — они наступаютъ.

«И уже, конечно, не передъ Богомъ,» — отвѣтилъ на свою мысль Ипполитъ. — «Бога-то вѣдь нѣтъ... Это кто сказалъ?» точно кто спросилъ внутри него. «Это я сказалъ?.. А какъ-же тогда «Лапанъ», а какъ-же теургическія устремленія», «мистеріи преображенія мига» и вся философія жизненныхъ цѣнностей Азалии и поэта Круга?

Сбоку, за домами, грозно, такъ что Ипполитъ и красноармеецъ вздрогнули, ударила пушка. Снарядъ долго гудѣлъ, удаляясь. Изъ небесной выси, гдѣ творилось чудо народженія свѣта и клубились золотые туманы, донесся полный, густой звукъ разрыва: — «паммъ»...

— Должно, надъ Кремлемъ, — сказалъ часовой, бросая недокуренную папироску. — А тамъ: святые угодники! Грѣхи!

И, снявъ фуражку, перекрестился.

«Нѣтъ, ничего не выйдетъ!» — подумалъ Ипполитъ. — «Все понапрасну»...

Сразу, отчетливо понялъ, что надо бѣжать и бѣжать, какъ можно быстрѣе. Но бѣжать не могъ. Его тянуло къ отряду Попова, къ людямъ, и онъ снова вошелъ въ солдатскую толпу.

XVI.

Вацетись съ Петерсономъ мчались на автомобилѣ по пустымъ улицамъ Москвы. Иногда навстрѣчу имъ попадались маленькія группы красноармейцевъ и вооруженныхъ рабочихъ, имъ кричали что-то, пытались преградить дорогу, но они неслись, прыгая на разбитой мостовой.

На Петровскомъ шоссе ихъ обступила дремотная, пахучая сѣнь старыхъ деревьевъ. Влѣво деревья раздались, замелькали въ отдаленіи освѣщенные окна барakovъ. Пузы-

рями, точно громадные китайскіе фонари, тянулись палатки съ горящими внутри огнями. На полѣ, у передней линейки, была суета. Изъ палатокъ и бараковъ бѣжали люди въ рубашкахъ и скатанныхъ шинеляхъ съ винтовками въ рукахъ. На главахъ у Вацетиса росли шеренги, сдвигались, убирали штыки къ плечу, равняясь. Сухо раздавалась команда на латышскомъ языкѣ. Полковникъ Рекстъ, старый офицеръ, подскочилъ къ автомобилю и доложилъ, что 2-й Латышскій полкъ строится и сейчасъ будетъ готовъ къ выступленію.

Курсанты инструкторской школы, дѣти Московскаго двѣ, и съ ними сынъ Липочки, восемнадцатилѣтній Ѳедоръ, живой мальчикъ, съ большими, сѣрыми, близорукими глазами, торопливо запрягали лошадей въ передки и возились подлѣ орудіи.

Первый часъ ночи былъ на исходѣ. Поднятая по тревогѣ молодежь переговаривалась возбужденными голосами.

— Подсобите, Ѳедя, — говорилъ высокій тонкій мальчикъ Ѳедору, — лошадь валекъ вступила.

Среди курсантовъ были въ ходу ласковыя, уменьшительныя имена. Собранные со всей Москвы изъ подонковъ населенія, принаряженные совѣтской властью, будущіе «соціалистическіе» офицеры народно-крестьянской арміи, они были проникнуты любовью и преданностью къ власти, вынесшей ихъ изъ подваловъ, изъ сапожныхъ мастерскихъ, изъ-за трактирныхъ стоекъ на высоту офицерскаго званія. Они смотрѣли на него по старому свято. Въ сердцѣ своемъ мечтали стать «благородіями». Привольная жизнь съ налетами на буржуазныхъ и пролетарскихъ дѣвицъ спаяла ихъ въ одну школьную семью, гдѣ они чувствовали себя «товарищами».

— Сейчасъ, Абраша.

Абраша Гольдшмитъ, чернявый еврей, сынъ подмастерья портняжнаго цеха, боязливо осаживалъ большую, худую лошадь со всклоченной шерстью. Нужно было поднять ей ногу, чтобы освободить валекъ, но Абраша боялся темной конской ноги съ блестящей подковой. «Еще ударить, пожалуй!»

— Ну, милая! Ту-тпру... Ножку, ножку, милая, — говорилъ Ѳедоръ, неумѣло берясь за ногу лошади. — Вотъ и готово... Вы не знаете, Абраша, куда выступаемъ?

— Не знаю. Слышать, опять бунтъ. Контръ-революція.

— А вы не думаете, Абраша, если хорошо будемъ дѣйствовать и разгонимъ всю эту сволочь, товарищъ Троцкій не поздравить насъ офицерами?

— Ну, если хорошо будемъ дѣйствовать? Ну и почему не поздравить? И что ему стоить?...

Сади курсанты накатывали орудіе.

— Посторонись, товарищи! Ухъ! И славно запалю я сегодня по буржуямъ... Говорившій сочно выругался непечатнымъ словомъ.

Полковникъ Рекстъ вызвалъ передъ молчаливо сомкнувшіяся колонны 2-го латышскаго полка батальонныхъ и ротныхъ командировъ. Рослый адъютантъ въ старомъ кителѣ со слѣдами погонь и орденскихъ ленточекъ свѣтилъ электрическимъ фонарикомъ на планъ Москвы.

— Первый батальонъ, — говорилъ Рекстъ, — къ храму Спасителя. На Страстную площадь и къ памятнику Пушкина выдѣлите по ротѣ. 2-й батальонъ съ батареей на Арбатскую площадь и батальонъ инструкторовъ въ Кремль. Товарищи, я прошу: — высылайте развѣдку и двигайтесь съ мѣрами охраненія.

Все шло, какъ если-бы это былъ какой-то незамысловатый маневръ въ улицахъ Москвы.

— Латышскую батарею куда направить, товарищъ? — спросилъ маленький толстый капитанъ.

— Вмѣстѣ съ инструкторской на Арбатъ, — коротко кинулъ изъ за плеча Рекста Петерсонъ. — Мы будемъ дѣйствовать рѣшительно.

Кругомъ отряда толпами собирались солдаты другихъ Латышскихъ и Русскихъ частей, расположенныхъ въ лагерѣ. Отъ нихъ выдѣлялись группы. — Къ Вацетису и Петерсону шли «делегации» просить разрѣшенія принять участіе въ экспедиціи противъ возставшихъ.

Въ этихъ Русскихъ и Латышскихъ толпахъ никто не отдавалъ себѣ отчета, что происходило. Пахнуло кровью, полыхнемъ пожаровъ, явилась возможность стрѣлять, кричать и носиться по напуганному городу, показывая свою «народную» власть на смерть перелуганному обывателю.

Все шло гладко. Части были старыя. Старая дисциплина Императорской арміи тамъ еще хранилась. Въ однихъ была національная ненависть латышей къ Русскимъ, въ

другихъ мальчишескій задоръ молодежи, ничего не понимающей и ни въ чемъ не разбирающейся.

Холодно звучали команды. Колонны вытягивались по отдѣленіямъ, за ними тарахтѣли пулеметныя двуколки и вѣско громыхали орудія.

Въ алыхъ туманахъ рождалось солнце. Туманы опускались. Улицы Москвы тонули въ мутныхъ, сырыхъ облакахъ. Изъ нихъ выявлялись сѣрыя фигуры. Маячили, качались, подходили.

— Стой! Кто идетъ? — окликали дозоры.

— Свои!.. Свои! — отвѣчали изъ влажнаго облака.

Развѣдка возвращалась къ отряду. Обстановка выяснялась.

Склонившись на луку сѣдла, товарищъ Рекстъ слушалъ оживленный докладъ юноши курсанта. Онъ держалъ лѣвой рукой за ручку велосипедъ, а правой чертилъ пальцемъ по плану Москвы.

— Они, товарищъ командиръ, заняли почтамтъ и пытались захватить электрическую станцію, но рота 9-го Латышскаго полка подоспѣла и удержала станцію.

— Вы до какого мѣста доходили?

— Мы съ товарищемъ Данилкой были въ самомъ Трехсвятительскомъ.

— Ну?

— Тамъ главные силы Поповцевъ. Они размѣстились въ трехъ прочныхъ каменныхъ домахъ, приспособляютъ ихъ къ оборонѣ. Наставили пулеметы, пушки.

— Обороняются... прохрипѣлъ, оборачиваясь къ адъютанту Рекстъ. — Вы слышите: — обороняются... Хороши Наполеоны! Вмѣсто того, чтобы идти на Кремль и брать его!

— Все разговорчики! сказалъ адъютантъ.

— А это по чему стрѣляютъ изъ пушекъ?

Изъ-за лошади Рекста выдвинулась сѣрая конская морда. На лошади сидѣлъ батальонный. Безусое, безбровое и безбородое, квадратное лицо было покрыто сѣтью мелкихъ морщинъ и походило на печеное яблоко. Оно улыбалось беззубымъ ртомъ. Маленькіе глазки исчезли въ жировыхъ складкахъ. Точно резиновая, смѣшная маска вылѣзла изъ рововыхъ, пропитанныхъ солнцемъ тумановъ.

— Я полюбилъ донесенье, — произнесла маска. — Эта они по Кремль стрѣляютъ. По своей святой Кремль.

— Что-же, были попаданія?

— Ни-ю да. Маленькій церковка куполъ разрушили и такъ во дворъ.

«То-то напугался Владиміръ Ильичъ, — подумалъ Рекстъ. — «Навѣрно, опять медвѣжья болѣзнь схватила его.»

— Ну вотъ что, — громко сказалъ онъ. — Батарея, стой, съ передковъ!..

Батарейные командиры подошли къ Вацетису.

— Что прикажете?

— Не спѣша . . . не шумя . . . на рукахъ подкатите шаговъ на двѣсти пушки къ домамъ, гдѣ засѣли Поповцы.

— Понимаю.

— И гранатами. . . Мы имъ предложимъ все таки сдаться.

Въ туманѣ двигались, давая проходъ пушкамъ, люди.

— Разступись, товарищи, дайте пушкѣ пройти. . . Посторонись, маленько. . . Пропусти матушку — раздавались голоса. Курсанты и латыши втаскивали пушки въ Трехсвятительскій переулокъ.

И только вошли, всѣ окна вспыхнули огнями. Затрещали ружья и затакали пулеметы. Эхо отдавало звуки и казалось адъ творится въ тѣсномъ переплетѣ узкихъ улицъ. Но стрѣльба не приносила вреда отряду. Укрывшись за каменными громадами, латыши и курсанты дѣлали свое дѣло.

— Орудіе заряжай гранатою! командовалъ старый коренастый латышъ унтеръ-офицеръ. — Прямая наводка. По крайнему дому.

Все шло привычно. Какъ гдѣ нибудь на позиціи подъ Ригой, или въ Мазурскихъ болотахъ. Курсанты устроились лѣвѣе, стремясь подражать латышамъ и дѣйствовать, какъ настоящіе, заправскіе солдаты.

Лисенко, сгибаясь подъ тяжестью снаряда, несъ блестящій патронъ. Желто-коричневая граната торчала изъ него. Мелкая капель тумана покрывала латунь гильзы.

— Давайте, товарищъ.

Звенѣлъ, мягко открываясь, густо смазанный замокъ. Откуда-то съ площади неслись тяжелые звуки: буммъ . . . буммъ! Поповцы стрѣляли по Кремлю. Скрежетали въ воздухѣ снаряды, проносясь надъ крышами домовъ.

— Готовы?

Дуло пушки упиралось въ улицу. Въ двухстахъ шагахъ кипѣлъ людьми домъ, занятый штабомъ Попова.

— По крайнему дому!.. Пер-рвое!..

— Пли! — сухо, рѣзко выговорилъ мальчикъ курсантъ, незаконный сынъ горничной богатаго дома, вчерашній уличный воръ и хулиганъ.

Пролетаріатъ пробивалъ себѣ дорогу къ жизни.

Рѣзко, грознымъ рокотливымъ эхомъ отдаваясь о дома переулковъ, рывкнула пушка. Зазвенѣли и посыпались изъ домовъ стекла и съ трескомъ обрушилась часть дома, занятого Поповскимъ штабомъ.

— Второе! — командовалъ юный офицеръ.

Абраша Гольдшмитъ въ испугѣ закрылъ уши.

— Пли!..

Изъ всѣхъ трехъ домовъ по одиночкѣ и группами бѣжали къ Дегтярному переулку, стараясь прорваться на Курскій вокзалъ, матросы, рабочіе и солдаты Поповскаго отряда.

Тяжело отбивая шагъ, держа ружья на перевѣсѣ, увѣшанные ручными гранатами, входили латыши въ Трехсвятительскій переулокъ, забирали и окружали плѣнныхъ.

Все было кончено. Заговоръ «эсъ-эровъ» быдъ ликвидированъ старыми Императорскими солдатами и пролетарскою молодежью, руководимой офицерами.

XVII.

Ипполитъ стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ полуразрушеннаго дома. Мимо него бѣжали солдаты и матросы. Промчался, прыгая, блѣдный, какъ полотно, какой-то штатскій и въ немъ Ипполитъ съ трудомъ узналъ товарища по партіи. Ипполитъ не могъ бѣжать. Сердце бурно колотилось въ груди, старыя ноги подкашивались. Темнѣло въ глазахъ. Выстрѣлы еще раздавались въ переулкѣ. Онъ видѣлъ, какъ катили мимо него какіе-то молодые люди пушку. Ему показалось, что онъ примѣтилъ среди нихъ своего племянника Оедора. Кто-то выстрѣлилъ. Оедоръ упалъ. Ипполитъ хотѣлъ подойти и посмотреть, точно-ли это былъ Оедоръ, но были, какъ пудовыя, ноги. Не могъ оторваться отъ стѣны.

Все было, какъ во снѣ, и какъ во снѣ не бываетъ силы встать и подняться, такъ не было силы пойдти отъ дома.

Сѣрой лавиной изъ сѣраго тумана надвигались сѣрые люди.

Выбѣжавшіе изъ дома остановились, вдругъ побросали ружья, схватили высокаго тонкаго артиллерійскаго офицера въ пенсне и кинулись къ Ипполиту.

— Хватай ихъ, смутьяновъ прокляты-ихъ. Тащи по начальству, — раздавались крики.

Съ офицера сорвали шашку и шапку, разорвали его тонкую шинельку. Бравый матросъ, какъ клещами, сжалъ громадной лапищей пиджакъ Ипполита и, обдавая его зловоннымъ дыханіемъ не спавшаго ночь человѣка, тащилъ къ наступавшимъ сѣрымъ людямъ.

— Товарищи! — вопилъ онъ. — Мы ваши. Намъ простить надо-тъ! Развѣ мы понимаемъ что: — большевики, меньшевики. Мы темный народъ.

— Намъ, извѣстно, что господа прикажутъ, — вторилъ ему солдатъ, тащившій офицера. — Вотъ они всему причина.

— Да здравствуетъ совѣтская власть!

— Мы, какъ передъ Богомъ, — ничего. Мы и не стрѣляли вовсе.

Сѣрые люди забрали Ипполита, артиллерииста, матросовъ и солдатъ и повели за собою. Ипполитъ шелъ въ толпѣ матросовъ, красноармейцевъ и рабочихъ. Они проходили мимо того мѣста, гдѣ упалъ юноша, похожій на племянника Ѳедора и Ипполитъ хотѣлъ заглянуть, онъ-ли, но за толпою только мелькнули блѣдная тонкая шея и залитый густою кровью ротъ. Грудь часто и высоко поднималась. Бѣлая рука, странно напомнившая Ипполиту руку Липочки, судорожно возилась по груди.

— Народно-крестьянская власть! — возбужденно говорилъ шедшій рядомъ съ Ипполитомъ солдатъ, стараясь обратить на себя вниманіе еврея, ведшаго латышей. — Мы всегда за народно-крестьянскую власть. Развѣ я, господинъ комиссаръ, самъ противъ себя пойду? Сами судите, ваше высокоблагородіе, возможно такое дѣйствіе съ моей стороны? А, когда приходятъ вотъ они. . . Я самъ видѣлъ, на фонарный столбъ влѣзли и все такое кричали, что большевики угне-

таютъ крестьянъ. Я же ихъ притомъ знаю. Все могу показывать. Я все покажу... Мы, ваше превосходительство, въ затмѣнїи были. А они, старый человѣкъ, ученый, имъ и отвѣтить надо.

Шли долго. Ипполитъ, рѣдко бывавшій въ Москвѣ, не соображалъ, куда ведутъ. Онъ смотрѣлъ подъ ноги, на сѣрые камни мостовой. Смѣшная мысль пришла ему въ голову: — онъ никогда не ходилъ по мостовой. Хотѣлъ сосредоточиться, обдумать свое положеніе. Несомнѣнно: — будутъ допрашивать. Надо подготовиться къ отвѣту. Что-же? — онъ все отдалъ народу. Вспомнилъ гимназическіе и студенческіе годы. Увлеченіе народо-вольческимъ движеніемъ и собранія у Бродовичей. А гдѣ Абрамъ? Онъ, послѣднее время, все путался между ними, лѣвыми эсъ-эрами, и большевиками. Называлъ себя Плехановцемъ, возмущался терроромъ и бѣгалъ къ Горькому, писателю. Странно, большевики типографію и редакцію оставили за нимъ... А Соня? Соня ушла въ подполье... Все мечтаетъ вырваться за границу. Нѣтъ, они не погибнутъ. Гибнетъ шпана, какъ Юлія Сторе, какъ несчастная кузина Лиза, какъ онъ — Ипполитъ.

«Вотъ онъ, народъ, кругомъ меня!» — думалъ Ипполитъ. — «Кланяется, льститъ, предаетъ. Развѣ такимъ я рисовалъ его себѣ? Ему все равно: — большевики, меньшевики, кадеты, царь... Царь-то, пожалуй, лучше былъ. А, какъ я ненавидѣлъ царя! Какъ подхватилъ пошлѣйшее двустипіе Сологуба, ходившее въ 1905 году.

«Стоять три фонаря для вѣшанья трехъ лицъ;
Средній — для царя, а съ края — для парицѣ»...

Восторгался самъ и передавалъ другимъ. А бесѣды съ Кругомъ, съ Свенторжецкими, съ Снѣгиревымъ! Каждый день мы углублялись въ философію и Кругъ днями и ночами говорилъ намъ о своихъ настроеніяхъ, опредѣляемыхъ красками. «Я сегодня фіолетовый и все фіолетово во мнѣ, а вы, Ипполитъ Михайловичъ, мнѣ рисуетесь темно-синимъ. Вы меня понимаете?» — Ипполитъ его понималъ. И такъ днями, недѣлями, мѣсяцами. То у одного, то у другого, то у третьяго. Въ кружкѣ, гдѣ всѣ казались поразительно умными и каждый умнѣе всѣхъ. А во время ссылки? Тоже,

потихоньку они съ Азаліей затаскивали къ себѣ рабочихъ и говорили о Россіи, о прошломъ ея, о царѣ. Они сѣяли сѣмена неправды! А воспитаніе Тома? Вся жизнь моя была»..

«Сплошное бездѣлье . . . нѣтъ, хуже: нравственный развратъ, душевная пустота.»

«И вотъ теперь — смерть.»

Ихъ привели въ просторный сарай. Заперли. Всю ночь и весь день Ипполитъ провелъ на ногахъ, ничего не ѣлъ и къ вечеру былъ голоденъ и слабъ. Ипполитъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ. Матросы и солдаты сидѣли на земляномъ полу. Вечерѣло. Часовой, красноармеецъ, повернуль выключатель и нѣсколько электрическихъ грушъ загорѣлись неяркимъ свѣтомъ. Матросъ, тотъ самый, что тащилъ Ипполита, до боли сжимая его, сидѣлъ у его ногъ и, громко чавкая, жевалъ хлѣбъ. Онъ отломилъ большую, пахучую корку и протянулъ ее Ипполиту.

— На, — сказалъ онъ. — Пожуй, старичекъ, передъ смертью.

— Спасибо, — сказалъ Ипполитъ.

— Ты не думай, — сказалъ матросъ. — Это я не по злобѣ на тебя говорилъ. А такъ, съ перепугу. Теперь все одно. . . Всѣмъ равно: — стѣнка.

Ипполитъ ѣлъ хлѣбъ. Никогда онъ не находилъ его такимъ вкуснымъ. Онъ отламывалъ его маленькими кусочками и медленно прожевывалъ.

«Неужели», — думалъ онъ, — «это моя послѣдняя ночь? А тамъ что? Я не буду чувствовать больше ничего. . . Буду валяться на дворѣ и не ощущать холода ночи, не знать этого запаха хлѣба и его вкуса?»

Въ окна сарая глядѣла темная, непроницаемая ночь. Вѣтеръ шумѣлъ на дворѣ. Должно быть, надвигался дождь.

«Гдѣ мы?» — думалъ Ипполитъ. — «Какъ-бы хотѣлъ я повидѣть Аглаю. . . А болѣе того — Липочку, Федю. . . Гдѣ-то онъ?.. Онъ былъ правъ. Съ этими людьми нельзя было идти. Ихъ нельзя важечъ нашими социалистическими гуманными лозунгами. Имъ: — или разбой, какъ у большевиковъ».. .

— Или царь и Богъ, — сказалъ блѣдный, худощавый артиллерійскій офицеръ въ пенсне.

Ипполитъ вздрогнулъ и съ испугомъ посмотрѣлъ на артиллериста.

— Вы думаете вслухъ. И я вамъ отвѣчаю. Какъ мы ошибались, когда боролись съ Императорскимъ строемъ. Послѣ революціи я гордо вошелъ въ партію офицеровъ-революціонеровъ. На Литейной, въ Петербургѣ, въ помѣщеніи Экономическаго Общества Арміи и Флота мы устраивали митинги, мы печатали брошюры для арміи: «О демократизаціи арміи», «о выборномъ началѣ», «о значеніи революціи», «о войнѣ до побѣднаго конца». Намъ это казалось такимъ важнымъ. Я былъ выбранъ начальникомъ дивизіи и подъ моимъ начальствомъ дивизія грабила и насильничала, а потомъ разошлась. Я все не унимался... И вотъ... Я знаю: — насъ разстрѣляютъ. Приму смерть, какъ справедливую кару за измѣну Государю и Родинѣ. Государю и Родинѣ мы предпочли народъ. И мы забыли, что народъ безъ Родины и Государя — стадо звѣрей... Ахъ... такъ хотѣлось-бы еще пожить и все это исправить. Я бы пошелъ проповѣдывать вѣру въ Бога, любовь къ отечеству и народную гордость!.. Какъ это вышло, что мы... Я, вѣдь, кончилъ университетъ... Ничего-то мы не понимали...

На дворѣ зашумѣли автомобили. Двери сарая распахнулись. Латышскіе стрѣлки стали поднимать сидящихъ и лежащихъ людей и выгонять ихъ изъ сарая.

— Безъ допроса, значитъ, — вздохнулъ матросъ.

Его лицо стало безжизненнымъ, зеленовато-сѣрымъ. Темные широко раскрылись глаза.

Кто-то истерично рыдалъ въ углу.

Ипполитъ стоялъ рядомъ съ офицеромъ и пожималъ его холодную вялую руку. Онъ уже ни о чемъ не думалъ.

Со двора доносился трескъ выстрѣловъ. Нѣсколько сразу, на подобіе залпа, потомъ одиночные: тахъ... тахъ... тара-рахъ...

— Разстрѣливаютъ, — прошепталъ артиллерійскій офицеръ и низко опустилъ голову.

Сидѣвшій рядомъ съ матросомъ красноармеецъ приподнялся, сталъ на колѣни, снялъ шапку, сталъ креститься и шептать молитвы.

— Молись, молись, сукинъ сынъ, — сказалъ матросъ. Вчора въ Бога не вѣровалъ, а теперича «Господи помилуй» загнусашилъ! У! сволочь...

— Какъ все это просто! — прошепталъ артиллеристъ и пожалъ руку Ипполита. — И никто не узнаетъ. Ни мать, ни жена...

Латыши выводили людей. Пустѣ становилось въ сараѣ. Кого-то тащили. Онъ упирался и ругался скверными словами, понося Бога.

Когда вывели Ипполита и артиллериста, на дворѣ было свѣтло. Хмурое свѣжее утро пьянило. Накапывалъ теплый іюльскій дождь. Ёдко пахло порохомъ и кровью. Высокая кирпичная стѣна тянулась шагахъ въ пятидесяти за сараемъ. Густо разрослись вдоль нея крапива и репейникъ. Вдоль стѣны безпорядочно, кто, раскинувъ руки, на спинѣ, кто ничкомъ, лежали солдаты, рабочіе и матросы. Животы кавались вздутыми, грязныя, босыя ноги блестѣли подъ дождевою капелью.

— Товарищи, снимите сапоги! — сказалъ латышъ, выводившій партію, гдѣ былъ Ипполитъ.

Матросъ, красноармеецъ, артиллеристъ и другіе, вышедшіе съ ними проворно сѣли на землю и стали разуваться, Ипполитъ стоялъ, ничего не понимая.

— О чемъ, старина, призадумался, — крикнулъ на него латышъ и толкнулъ въ бокъ прикладомъ. — Сказано, скидывай ботинки.

Ипполитъ поблѣднѣлъ и неловко, неумѣло сгибаясь, сталъ развязывать шнурки.

— Позвольте, я вамъ помогу, сказалъ артиллеристъ и ловко, опустившись на землю, снялъ башмаки съ Ипполита.

Ипполиту было совѣстно и неудобно стоять въ грязныхъ бѣлыхъ нитяныхъ чулкахъ. На правомъ была дырка и большой палецъ съ желтымъ ногтемъ торчалъ наружу. Было что-то безконечно унижительное въ этомъ пальцѣ, что отвлекало отъ мысли о смерти.

— Становись, товарищи, къ стѣнкѣ. Не неволимъ, какъ хошь. Хошь лицомъ, хошь спиною.

Идти въ чулкахъ было неудобно. Ноги скользили по мокрой землѣ. Жутко было проходить мимо труповъ. Крапива обжигала ноги.

Ипполитъ сталъ у стѣны. Онъ увидалъ бѣлое зданіе сарая, откуда ихъ вывели, сѣрое небо съ низко спустившимися тучами и солдатъ въ рубахахъ и скаткахъ, торопливо выстраивавшихся напротивъ.

Маленькая черная дырочка вдругъ очутилась противъ его глазъ и, чуть колеблясь, остановилась противъ него. Кромѣ этой холодной и точно живой, глубокой, черной точки, Ипполитъ ничего не видалъ. Это длилось секунду. Но въ эту секунду вся жизнь пронеслась передъ нимъ и показалась сѣрой, скучной, ненужной и безцѣльной. Атеизмъ, ненависть къ Государю и презрѣніе къ Родинѣ.

— Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ!..

«Откуда это?» — Но отвѣта не было. Что-то толкнуло его. Послѣднее ощущеніе было: — ладони и пальцы разъѣдаются по грязной, жирной землѣ. . .

XVIII.

Абраша Гольдшмитъ и Саня Портновъ пришли къ Липчкѣ и сказали, что ея сынъ, курсантъ Федя Лисенко, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ Маломъ Трехсвятительскомъ переулкѣ и что хоронить его будутъ сегодня. Они приглашали ее въ бараки на похороны.

Липочка быстро собралась. Она надѣла на голову черный простой платокъ и въ стоптанныхъ сапогахъ проворно пошла за курсантами.

— Мы на автомобилѣ за вами пріѣхали, — сказала Портновъ. — Мы хотимъ всяческую честь нашему товарищу, погибшему въ кровавомъ бою, оказать.

Липочка всю дорогу молчала. Колотилось въ груди неровными ударами ея сердце. Федоръ былъ ея любимцемъ. Онъ ей напоминалъ брата Федю. Такой-же, какъ Федя, къ матери, былъ онъ къ ней ласковый, такой-же чистый, привѣтливый, веселый. И военная жилка въ немъ была, должно быть, по атавизму отъ бабушки, Варвары Сергѣевны. Онъ пошелъ въ курсанты охотно, и служба въ артиллерійской школѣ его увлекала.

Извѣстіе о смерти сына пришибло, но не удивило Липочку. Съ тѣхъ поръ, какъ на мѣсто Россійской имперіи

стала рабочая социалистическая республика, каждый день гдѣ-нибудь кого-нибудь хоронили убитого, замученного, растерзанного палачами новаго правительства. Въ ихъ громадномъ домѣ среди многочисленныхъ жильцовъ, то и дѣло недосчитывались кого-нибудь. Родные и близкіе шли на поиски по дворамъ чрезвычайекъ и социалистическихъ застѣнковъ и находили изуродованный трупъ. Иногда давали хоронить, иногда родныхъ прогоняли съ грубою руганью. Это зависѣло отъ того, могли-ли родственники убитого дать взятку, или нѣтъ, и кто завѣдывалъ учетомъ тѣлъ при чрезвычайной комиссіи. Венедиктъ Венедиктовичъ за обѣдомъ рассказывалъ о кровавыхъ расправахъ надъ чиновниками его вѣдомства, заподозрѣнными въ саботажѣ или контръ-революціи. Маша говорила, сколько каждый день разстрѣливали у ея комиссара. Смерть въ кровавомъ хмѣлю носилась надъ Москвой, семьи таяли, у Липочки другой ея сынъ Венедиктъ ушелъ неизвѣстно куда. У брата Оеиди вся семья разошлась. У брата Ипполита разстрѣляли тихаго, вадумчиваго Тома.

За этотъ годъ правленія Ленина смерть, убійство, разстрѣлы, раны, муки такъ вошли въ обиходъ Русской жизни, къ нимъ такъ привыкли, что потеряли ужасъ передъ ними.

Липочка догадывалась, что хоронить ея Оеодора будутъ не по православному, а по «новому». Было жутко этого «новаго». Липочка не была такъ религіозна, какъ была ея мать. Религія съ ея обрядами, укрѣпленная твердою вѣрою въ Господа, не вошла въ ея душу. Религія была какъ бы формальностью, но было страшно безъ этой формальности. Каждый годъ она говѣла и пріобщалась. Дѣлала это холодно, безъ того подъема, какъ ея мать. Отъ дней ея дѣтства у нея еще сохранилось умиленное чувство при видѣ чаши со святыми Дарами, она надѣвала на себя свѣтлое платье, чувствовала себя невѣстой Христовой и, вернувшись изъ церкви, садилась за чай съ просвирой въ благоговѣйномъ молчаніи. И такъ-же чувствовалъ себя и Венедиктъ Венедиктовичъ, припомаженный, наряженный въ мундиръ съ шитьемъ и квадратными погонами надворнаго совѣтника съ Анной и Станиславомъ въ петлицѣ. Но научить дѣтей, воспитать ихъ въ этомъ чувствѣ, она не могла и старалась дѣлать все это, потаясь отъ дѣтей.

Несясь теперь на автомобилѣ, прыгавшемъ по разрытымъ мостовымъ Москвы, Липочка думала, что мать ея, Варвара Сергѣевна, стояла на какой-то высотѣ, осіянная тихимъ свѣтомъ. Ея дѣти отошли отъ нея, точно спустились на нѣсколько ступеней въ глубокой, темный колодезь, дѣти же Липочки валились въ бездну, откуда не было возврата.

Липочка ѣхала на автомобилѣ первый разъ. И это было тоже страшно. Ей казалось, что машина и молодой еврей въ военной формѣ, сидящій рядомъ съ нею, — грѣховное, жуткое, не Русское, не православное, чужое и . . . нехорошее. Это смущало ее, разсѣивало мысли и не давало сосредоточиться на сознаніи ужаса смерти сына.

Подлѣ одного изъ бараконъ стоялъ артиллерійскій орудійный лафетъ, запряженный четверкою лошадей. Лафетъ и лошади были украшены красными лентами. Автомобиль, обогнувъ лафетъ, остановился у барака и Абраша Гольдшмитъ помогъ Липочкѣ выйти. Онъ открылъ двери барака и Липочка увидѣла небольшую, красную отъ знаменъ и плакатовъ комнату, тѣсно запруженную народомъ, толпившимся подлѣ чего-то, низко стоявшаго посерединѣ.

— Товарищи, дайте пройти. . . Мамаша Ѳеди Лисенко.

Передъ Липочкой разступились. Она прошла на середину комнаты, хотѣла перекреститься, стать на колѣни, но вмѣсто того остановилась и замерла, испуганно оглядывая комнату и стоявшій передъ нею гробъ.

Обтянутый краснымъ сукномъ гробъ утопалъ въ цвѣтахъ, алыхъ лентахъ и вѣнкахъ. Онъ стоялъ на двухъ маленькихъ табуреткахъ. Его тѣсно обступила толпа молодежи. Одни стояли въ шапкахъ, другіе безъ шапокъ и сосредоточенно, сопя, смотрѣли на покойника. Ѳедоръ лежалъ, глубоко утонувъ на днѣ узкаго гроба. Изъ-за гирляндъ алыхъ розъ и лилій, изъ-за большихъ букетовъ красныхъ флоксовъ, маковъ и піоновъ, выдавалось только бѣлое лицо съ закрытыми глазами и мертво лежащіе, чисто приглаженные русые волосы. Ни вѣнчика, ни креста, ни евангелія не было у покойника. Онъ шелъ въ могилу безъ «отпуста», даннаго священникомъ, безъ молитвъ «со святыми упокой», безъ «надгробнаго рыданія, творяще пѣснь». Въ ногахъ у покойника, прислоненная къ стѣнѣ барака, стояла красная,

обитая главетою крышка гроба. На ней были изображены пальмовыя вѣтви, вѣйки, пятиконечная звѣзда, серпъ и молотъ.

Страшными масонскими знаками, таинственными іероглифами каббалы казались ей эти непривычныя на гробѣ изображенія. Яркій цвѣтъ краснаго сукна пугалъ и отталкивалъ.

Липочка оглядѣлась. Все красно отъ знаменъ и плакатовъ. Сочно лежатъ бѣлая краска и серебро надписей и эмблемъ. Стилизованные серпъ и молотъ кажутся египетскимъ или еврейскимъ знакомъ. Кругомъ звѣзды и маленькія вѣточки, точно обрубленной пальмы. Надписи говорятъ о мести и о крови.

«Вечная память тов. Лисенко, павшему отъ рукъ кулацкихъ толп.»

«Вечная память дорогому борцу за беднейшій пролетариатъ тов. Ѳеде Лисенке отъ школы курсантовъ.»

«За тебя одного — тысяча их!»

«Красныя пушки будутъ безпощадно разить врага за тебя преждевремененно погибшаго.»

«Погибъ ты, но живъ въ нашихъ сердцахъ»...

Отъ цвѣтовъ шелъ душный, прѣлый запахъ. Онъ усиливался дыханіемъ толпы и къ нему остро примѣшивался надоедливый запахъ гнѣющей крови.

Томило молчаніе. Кругомъ стояли десятки людей въ рубашкахъ и френчахъ и никто ничего не говорилъ. Чего-то ждали.

Липочка стояла у изголовья гроба и напряженно смотрѣла на бѣлый лобъ своего родного Ѳедора. И казалось ей, что онъ уходитъ отъ нея иначе, чѣмъ уходили братья André, мать, отецъ... Уходилъ навсегда, безъ надежды на воскресеніе. Точно этимъ краснымъ цвѣтомъ, надписями, эмблемами предавали его дьяволу на вѣчныя муки.

Какъ хотѣлось Липочкѣ почувствовать возносящійся къ потолку дымъ кадильный, услышать кроткіе возгласы священника и пѣснопѣнія и мольбы... — «И вѣчнаго огня исхити!»...

Въ красныхъ цвѣтахъ, въ красныхъ знаменахъ и плакатахъ Ѳедоръ казался ей идущимъ въ красный огонь геенны огненной.

Больно сжималось сердце. Хотѣлось стать на колѣни и умолять молодежь послать за священникомъ, отпѣть по православному.

Оглянула лица. Суровы, непоколебимо тверды, сухи, непроницаемы лица. . . Тупы. . . Поняла — ихъ не тронешь мольбами. Они украсили покойника цвѣтами, убрали лентами и вѣнками — но сердца у нихъ нѣтъ и не поймутъ они скорби матери.

Въ страшную бездну, безъ возврата провалится ея Оедоръ.

Не пригласили они ни отца, ни сестеръ, ни братьевъ: — имъ это не нужно. Ихъ Оедоръ, а не ея, родившей и взростившей его.

Знала, что ихъ сила: — сила діавола — и склонилась передъ нею въ безсиліи.

Слова молитвы не шли на умъ. Крестное знаменіе застыло. Не подымалась рука.

XIX.

— Фотографъ пришелъ, — сказалъ кто-то въ дверяхъ.

Стали размѣщаться, чтобы составить красивую группу подлѣ гроба.

— Мамаша, вы сюда станьте, — указывалъ Абраша Гольдшмитъ.

— Поверните немного гробъ. Приподнимите изголовье, — командовалъ фотографъ. — Лицо не выйдетъ.

Гробъ ворошили, трогали, поворачивали, приподнимали. Гуще шелъ прѣсный запахъ разложенія, жужжали мухи.

— Смотрите въ лицо покойника, товарищи, — сказалъ кто-то. — Такъ красивѣе выйдетъ.

— Господа! снимаю. . . Товарищи, не шевелитесь. . . Вы вотъ. . . подайтесь немного влѣво. . . Такъ . . . хорошо. Попрошу не шевелиться. . . Разъ . . . два . . . три. . . Еще одинъ снимокъ. . .

Когда фотографъ ушелъ, всѣ задвигались, заговорили. Стали снимать вѣнки, понесли ихъ къ лафету. Открытый гробъ привязали между колесами. Сзади становились му-

зыканты. Кларнетъ проигралъ, настраивая инструментъ, какую-то трель. Бухнула труба.

Солнце ярко заливало красныя ленты, бликами ложилось на цвѣты. На полѣ собирались любопытные, солдаты, латыши, какія-то женщины.

— Готово — что-ли?

— Готово.

— Давайте! Трогай!

Лошади натянули построжки, гробъ колыхнулся, Оедоръ съ высоты подмостокъ на лафетѣ качнулъ значительно головою и покатился, окруженный толпою. Музыканты нестройно заиграли «интернаціональ».

— Товарищи, постройтесь. . . Пѣть будемъ. . . Павлуша, идите дирижировать, Женья, задайте тонъ.

Музыканты притихли.

— Полтораستا человекъ уже разстрѣляли за него, — скавалъ кто-то подлѣ Липочки.

— Сказывали, Ленинъ приказалъ передушить ихъ всѣхъ, сволочей.

— Такъ имъ, мать ихъ. . . и надо!

— Оедьку убили и кажнаго изъ насъ убить могутъ.

— Извѣстно . . . буржуи. . .

Молодые голоса дружно, по нотному начали:

«Вставай, проклятьемъ заклеянный,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ.
Весь міръ насилья мы разроемъ:
До основанья, — а затѣмъ
Мы нашъ, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всемъ.»

Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой.
Съ интернаціоналомъ
Воспрянетъ родъ людской.»

Липочка шла по пыльному полю, смотрѣла на днище краснаго гроба, на цвѣты, на ленты. Жалко сжималось сердце. Какъ дорого дала-бы она теперь, чтобы вмѣсто этихъ страшныхъ словъ ненависти, проклятья и злобы, вмѣсто хвалы совершенно непонятному ей, чужому и страшному

интернаціоналу услышать тихія, кроткія и такія значительныя слова:

— «Святый Боже, святый крѣпкій, святый Безсмертный помилуй насъ.»...

XX.

Раннимъ утромъ повднго сентября, когда было еще совсѣмъ темно, Ѳедоръ Михайловичъ, въ старомъ измыганномъ, прожженномъ огнями костровъ черномъ пальто и въ круглой собачьей подъ бобра шапкѣ съ бархатнымъ верхомъ пробирался по окраинамъ Москвы на Арбатъ.

Три мѣсяца прожилъ онъ жизнью босняка и бродяги, скитаясь по лѣсамъ и деревнямъ. Все пытался пробиться на югъ, но всякій разъ его арестовывали, таскали по деревенскимъ комиссаріатамъ, тамъ находилъ онъ своихъ бывшихъ солдатъ и они его отпускали съ совѣтомъ:

— И чего, товарищъ, не идете служить въ красную армію? Мы васъ знаемъ, вы были заботливый начальникъ. Кабы такіе, какъ вы, шли съ нами, мы бы давно разбили кавацкія да Деникинскія банды. Былъ-бы у насъ хлѣбъ и все было-бы по хорошему.

Или говорили ему:

— Что-же, ваше превосходительство. Немудрено, что у Ильича не клеится. Ишь, какая сволочь, да жиды кругомъ его. А кабы такіе люди, какъ вы, пошли къ нему, можетъ, и Ильичъ-бы управился.

Пока былъ остатокъ тепла въ воздухѣ — перебивался кое-какъ, но чувствовалъ что скоро станетъ передъ нимъ страшный вопросъ о жилищѣ. Не зналъ, куда приткнуться.

Въ связи съ неудачами на фронтахъ совѣтская власть свирѣпо расправлялась со всѣми укрывавшими офицеровъ, и тотъ, кто давалъ ему пріютъ, рисковалъ жизнью.

И все таки давали. Ѳедоръ Михайловичъ ночевалъ у священниковъ, у сельскихъ учительницъ, студентовъ, у пригородной бѣдности, мелкихъ ремесленниковъ. Догадывались, кто онъ. Помогали, чѣмъ могли. И онъ помогалъ. Работалъ на огородахъ, копалъ картофель, рубилъ капусту, пилил дрова, таскалъ тяжести на баркахъ, выгружалъ вагоны. Но долго оставаться на одномъ мѣстѣ не могъ. Два, три дня, а тамъ узнавали, начинались разговоры. Могли

выдать и предать. Надо было исчезать, искать новое мѣсто, стучаться въ дома, просить: — Христа-ради.

Федоръ Михайловичъ понималъ, что безконечно такъ не можетъ идти. Былъ онъ какъ ваяцъ, травимый собаками. Дѣлалъ петли, припадалъ къ землѣ, мѣнялъ направление, но сознавалъ, что это не спасетъ его отъ гибели, загрызуть его собаки. Онъ выигрывалъ только время.

Исхудалый, черный отъ ненастья и тяжелой работы, съ давно небритой бородой, въ сѣдыхъ усахъ, шелъ онъ на свиданье съ Наташей.

Осторожно прошмыгнувъ въ открытыя съ ночи Наташей ворота, прошелъ къ подъѣзду. Влажная сырость каменной лѣстницы окружила его.

Какъ только скрипнула дверь и раздались его усталые шаги, кто-то на верхней площадкѣ вздохнулъ и быстро сталъ спускаться.

Въ темнотѣ лѣстницы Федоръ Михайловичъ скорѣе нащупалъ, чѣмъ узналъ, Липочку.

— Липочка, ... Что случилось? ... Наташа? ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Не безпокойся. Ничего съ твоей Наташей не случилось. Она тебя ждетъ въ прихожей. Оедя, мнѣ необходимо переговорить съ тобою до Наташи. Я всю ночь тебя здѣсь ждала. Продрогла отъ холода.

— Я слушаю.

— Сядемъ.

Они сѣли на ступенькахъ.

— Видишь, Оедя, какое дѣло. Вчера... Маша... Она отдалась своему комиссару и живетъ теперь съ нимъ.

— Липочка!... Ужасъ какой...

— Да, Оедя... Но они теперь новые люди и ни они насъ, ни мы ихъ никогда не поймемъ. Она говоритъ: теперь всѣ такъ... И это называется: устроить свою судьбу... Комиссаръ — я даже, представь, не знаю ни имени его, ни фамиліи, ни кто онъ... Кажется, только не жидъ, и человѣкъ образованный... Комиссаръ сказалъ Машѣ, что имъ извѣстно, что ты здѣсь и бываешь у насъ, и рѣшено, если ты не явишься въ теченіе трехъ дней въ военный комиссаріатъ и не поступишь на службу, — взять Наташу и отправить ее въ Петроградъ на Гороховую 2, въ комиссію для борьбы съ

саботажемъ и спекуляціей, а ты самъ знаешь, что это значить. Оттуда живыми не выходить.

— Липочка!

— Оедя, ты долженъ спасти Наташу. Ты долженъ спасти всѣхъ насъ... Ты знаешь, я даже не могу осуждать Машу. Она своею жертвою укрываетъ насъ. Нѣтъ, нѣтъ она что-нибудь и принесетъ намъ. Вчера притащила двадцать фунтовъ риса и полъ-фунта кирпичнаго чая. Ты подумай... Тебя ждетъ рисовая каша!... Слушай, Оедя, я тебя-же знаю насквозь. Ну, если-бы было настоящее движеніе, возглавляемое Государемъ, если-бы кто-нибудь стремился вернуть великую могущественную Россію подъ скипетромъ Романовыхъ, я-бы поняла. И всѣ-бы поняли. Но развѣ не то-же самое... Уфимская директорія... Учредительное собраніе... Деникинъ со своею единой, недѣлимой, а въ общемъ никакой Россіей, или совѣты?

— Не могу, Липа, съ жидами... Противно.

— Ну, конечно... Хотя, Оедя, вотъ часто вспоминаю я похороны Оедора. Конечно, не по христіански... А все таки цвѣты, ленты... Нѣтъ, и у нихъ что-то шевелится. Особенно у молодежи. Раздуть это что-то. Развѣ не ваше дѣло, старыхъ офицеровъ?

— Не могу.

— Не могу, да не могу. Оедя, я бы поняла — съ одной стороны Государь, православный Царь, трехвѣковая традиція и старые устои великой Россіи... Да, тогда, конечно, и умереть можно. А то Ленинъ, Черновъ, Авксентьевъ, Чайковскій... Ты знаешь, Ипполитъ безъ вѣсти пропалъ... И Деникинъ. Ну что-же побѣдитъ онъ и опять всѣ заговорятъ, списки, урны изъ папиросной коробки, выборы, митинги, драки... Все одно.

Оедоръ Михайловичъ молчалъ. Нагнувшись, опустив лохматую голову на ладони, онъ сидѣлъ подлѣ сестры. Что могъ онъ отвѣтить? Липочка по своему была права. Она утратила высокіе идеалы, она «осовдепилась», дошла до уровня захудалой прислуги съ кухонными горизонтами, до чувствъ самки, отстаивающей дѣтей. Ее трогали вѣнки и цвѣты на гробу ея Оедора и не ужасала его смерть въ братоубійственной свалкѣ. Ее радовали двадцать фунтовъ риса и полъ-фунта чая, принесенныхъ Машей и добытыхъ цѣною

повора, униженій и разврата. Она старалась сохранить хоть видимость семьи и закрывала глаза на то, что ея старшая дочь, содержанка комиссара, младшая, развращенная дѣвчонка. въ 14 лѣтъ все знающая, и сынъ, воришка — уже не семья.

— Ты просишь меня, Липочка, — вставая, сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ, — идти служить тѣмъ, кто разстрѣлялъ твоего племянника, кто виновенъ въ смерти твоего сына и въ распадъ и уничтоженіи всей твоей семьи. Липочка — они уничтожили самое святое въ мірѣ — семью. Они уничтожили государство. Они вытравили Бога въ сердцахъ молодежи! И ты хочешь, чтобы я шелъ помогать имъ доказывать государство, разрушать семьи и развращать дѣтей! Наглый жидъ съ гадливымъ смѣшкомъ насилуетъ нашихъ дѣвочекъ, учитъ рукоблудству мальчишекъ, озлобленный сифилитикъ прививаетъ физическій и моральный сифилисъ нашимъ дѣтямъ, а я пойду служить имъ! Я буду помогать имъ задушить ихъ подлыми руками мою мать! Что ты говоришь, Липочка!

Ѳедоръ Михайловичъ сталъ подниматься по лѣстницѣ. Шелъ онъ тяжело. Точно пудовыя были ноги, или постарѣлъ онъ лѣтъ на десять. Липочка шла за нимъ.

— Нѣтъ, Ѳедя! Ты меня не понялъ... — говорила она, протягивая худыя тонкія руки. Въ темнотѣ лѣстницы она рисовалась темнымъ призракомъ отчаянія. — Ѳедя, — я слишкомъ знаю тебя, знаю всю твою жизнь. Она вся: — одно самопожертвованіе и подвигъ. И я прошу отъ тебя новой жертвы и новаго подвига. Спасти цѣною своего «я» — Наташу, меня и всю нашу семью. Даже у нихъ, у большевиковъ, ты сѣмѣешь быть полезнымъ Россіи. О, не сразу, но мало по малу, день за днемъ ты будешь вліять на нихъ своимъ словомъ непоколебимо честнаго человѣка. Глядя на тебя, молодежь пойметъ, что нужна Россія, а не интернаціональ. Ѳедя... О подвигъ я тебя умоляю, а не о сладкой жизни!

Ѳедоръ Михайловичъ продолжалъ подниматься. На четвертомъ этажѣ онъ остановился.

— Ты знаешь, Липочка, что у меня на душѣ, — глухо пробормоталъ онъ. — Если бы я не былъ вѣрующимъ, если-бы я не считалъ самоубійство страшнымъ, непрощаемымъ передъ

Господомъ грѣхомъ, я бы искалъ веревку и крюкъ, чтобы повѣситься. Я сейчасъ смотрю въ этотъ пролетъ лѣстницы и мнѣ заманчивымъ кажется броситься внизъ на каменные плиты и лежать тамъ мертвымъ, только-бы не знать ничего о той мерзости что происходитъ кругомъ.

— Одея! Это не выходъ.

— Знаю.. нѣтъ выхода, — сказаль Оедоръ Михайловичъ, и снова тяжело заворачалъ ногами по ступенямъ. — Въ томъ то и дѣло... Безъ царя нѣтъ выхода.

— Одея, — крикнула ему снизу Липочка. — Наташа ничего не знаетъ. Ничего ей не говори!

Оедоръ Михайловичъ остановился. Липочка спускалась. Черная точка тонула въ сумракѣ холодной лѣстницы. Маленькая, жалкая, напуганная жизнью.

— Куда-ты, Липочка? — крикнуль онъ.

— Въ очередь, Одея. Сегодня пайковый хлѣбъ выдаютъ...

Скрылась во мракѣ.

Оедоръ Михайловичъ вздохнулъ и осторожно постучалъ костяшками пальцевъ въ дверь. Дверь тихо открылась.

Наташа въ сѣромъ платкѣ мутно вырисовывалась въ освѣщенной одинокой свѣчей маленькой передней.

XXI.

— Съ кѣмъ ты говорилъ на лѣстницѣ, — обнимая Оедора Михайловича, спросила Наташа.

— Съ Липочкой.

— Что она? Я не видала, какъ она выходила? Зачѣмъ она?

— Въ очередь, за пайковымъ хлѣбомъ.

— Все заботится о насъ. Наша милая евангельская Марѳа, — сказала Наташа. — Ну, садись, дорогой. Какъ ты еще исхудалъ.

Наташа приставила къ сундуку небольшой ясеневый столикъ и на немъ, накрытая полотенцемъ, чтобы не остыла, стояла въ кострюлькѣ каша. Чайникъ, стаканъ, кусокъ хлѣба, соль, все, что могла собрать Наташа въ ихъ нищенскомъ хозяйствѣ, она разставила въ ожиданіи мужа. Свѣча горѣла, потрескивая, и неровнымъ свѣтомъ освѣщала вѣшалку, три

двери: — въ кабинетъ, гдѣ спали жильцы- рабочіе, въ столовую, гдѣ была спальная Венедикта Венедитовича и Андрея, и въ корридоръ. Воздухъ въ прихожей былъ холодный и тяжелый.

— Ты не снимай пальто, — кутаясь въ платокъ, сказала Наташа. — Тутъ холодно. И воздухъ нехорошій. Ахъ. эти жильцы! Они издѣваются надъ нами и нарочно пакостятъ въ уголочкѣ, заставляя насъ, женщинъ, прибираться за ними. До чего, Одея, можетъ быть свиньей человѣкъ! Они ругаются по цѣлымъ днямъ скверными словами. . . Впрочемъ, теперь это нескверныя слова. . . Такъ выражаются всѣ. Это новая мода. Кушай, родной. . . Знаю: — не во время, а все подкрѣпишься. . .

Ододоръ Михайловичъ жадно вглядывался въ дорогія черты. Наташа еще похудѣла. Но она казалась ему прекраснѣе, чѣмъ въ Джаркентѣ, гдѣ начался ихъ романъ. Она прошла съ нимъ всю жизнь, она родила и воспитала его дѣтей.

— Что смотришь? — улыбаясь сказала она. — Подурнѣла? Волосы лѣзутъ страшно. Должно быть отъ недостатка пищи. . . Не надумалъ, Одея, что дальше дѣлать? Холода наступаютъ. . . Какъ будешь скрываться теперь? . . Ну, что смотришь?

Наташа улыбнулась. Въ ея улыбкѣ была все та же прелесть прошлыхъ лѣтъ.

«Отдать ее на поруганіе чекистамъ?» — думалъ Ододоръ Михайловичъ, — «отдать ее на муки и смерть?»

— Наташа, — сказалъ онъ, — отодвигая допитый стаканъ чая. — Дай мнѣ побриться. Мучить меня моя борода. Все кажется, что я грязный.

— Сейчасъ, родной. . .

— Вотъ и ты — Марѳа, и хлопочешь и возишься подлѣ меня, какъ та Марѳа подлѣ Христа, и некогда намъ поговорить, — сказалъ Ододоръ Михайловичъ, когда Наташа принесла ему зеркало, его бритвы, полотенце и мыло.

— Что-же, Одея. Часто, я слышу, говорятъ о Марѣѣ евангельской и будто ставятъ ее ниже Маріи. Не было-бы Марѣы, — не пришлось-бы и Маріи пить изъ вѣчнаго источника живой воды. Ей бы пришлось хлопотать и угощать

дорогого Гостя. И Марёу понять нужно... Оцѣнить ее нужно. Не проживешь безъ Марёы.

— Да, — сказалъ, бреясь, Ѳедоръ Михайловичъ, — значить, ты ее не осуждаешь?

— Кого?... Марёу?

— Нѣтъ... Липочку.

— О, Господи, Ѳедя! Какъ я могу ее осудить! Она такая несчастная. Вспомни всю ея жизнь. Всю жизнь билась, стараясь стать на ноги, завоевать себѣ ничтожное счастье, покойный уголь, и вотъ, когда немного оправилась, — эта революція, и все полетѣло прахомъ. Все нищенское достоиніе приходится распродавать, чтобы какъ нибудь питаться.

— А Машу ты не осуждаешь? оканчивая одну щеку и принимаясь за другую, спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Наташа задумалась.

— Я не понимаю ея, — наконецъ, сказала она. — Мнѣ кажется, все это такъ нечистоплотно... Впрочемъ, Ѳедя, мы ихъ никогда не поймемъ и нашъ масштабъ къ нимъ не приложимъ... Безъ брака... безъ церкви... Они церкви предпочитаютъ кинематографъ или танцульку... Они не понимаютъ сладости вѣры и общенія съ Христомъ...

Въ прихожей слышался сухой звукъ бритвы Ѳедора Михайловича, да потрескивала нагоравшая свѣча.

— Мнѣ жаль ихъ всѣхъ, — тихо сказала Наташа. — Мнѣ безконечно жаль теперешнюю молодежь. Они не знаютъ ни красоты, ни сладости молитвы, ни любви. Мертвымъ сномъ спятъ ихъ души... Если не умерли совсѣмъ. Что видали они въ жизни? Возьми Андрея и Елену?... Когда душа ихъ настолько выросла, что могла бы начать понимать красоту и любовь къ прекрасному, что видали они? Революціонныя шествія, митинговые выкрики, и злобный ревъ интернаціонала?... Они, Ѳедя, несчастные.

Ѳедоръ Михайловичъ окончилъ бриться и смотрѣлъ въ зеркало на худощавое лицо съ запавшими щеками.

— Здорово подтянуло меня, — сказалъ онъ. — Укатали сивку крутыя горки! Ты разлюбишь меня такого страшнаго.

— Я еще больше люблю тебя теперь.

— Наташа. Ты не думаешь, что, если работать надъ ними, — ихъ можно исправить?

Наташа обняла его за шею и положила его голову къ себѣ на грудь. Быстро билось ея сердце и Ѳеодоръ Михайловичъ слышалъ, какъ въ ухо ему оно отбивало частые удары. Повернувъ лицо къ нему, порывистымъ движеніемъ, отчего спалъ съ головы платокъ и стали видны ея русые волосы, Наташа глубоко посмотрѣла ему въ глаза.

— Работать надъ ними не позволять, — глухо сказала она.

Ѳеодоръ Михайловичъ обнялъ за плечи Наташу, прижалъ ее къ себѣ и прикоснулся губами къ ея устамъ.

— Какъ хорошо ты пахнешь, — тихо сказала она. — Полеми и лѣсомъ. Ты волкъ, а я красная шапочка... Ты меня съѣшь. Когда ты со мною, мнѣ такъ хорошо. Я тогда все забываю и мнѣ кажется, что я опять дѣвушка въ Джаркентѣ, хожу по саду, прибираю деревья и цвѣты, а по праздникамъ пою на клиросѣ. Ты знаешь, мы образовали приходъ, у насъ будетъ хоръ и я буду пѣть. Поживемъ еще, Ѳедя, и переживемъ, какъ нибудь это лихолѣтье. И придутъ бѣлые, и освободятъ насъ. Свѣтикъ, Игрунька, Олегъ придутъ, Лиза вернется въ нашъ домъ. Они — другіе, чѣмъ мои племянники. Какъ нибудь образуется это все!.. Поживемъ еще, милый Ѳедя...

Они сидѣли, прижавшись другъ къ другу. Воспоминанія, мечты о будущемъ скользяли, какъ въ лунную ночь скользятъ перламутровыя облачки подлѣ свѣтлаго лика мѣсяца. Имъ не нужно было много говорить. Они съ полуслова, съ намека понимали другъ друга.

— Помнишь — трубочиста? — сказалъ онъ.¹⁾

— Трубочистъ, трубочистъ, милый, добрый трубочистъ, — въ полъ голоса напѣла она.

— Трубочистъ — это счастье.

— Да... Милый... И развѣ не были мы счастливы?

— Давно я не видалъ трубочиста.

— Мы поживемъ еще... Мы будемъ счастливы!

Изъ за двери раздался кашель, потягиванья и звуки неопрятныхъ, не признающихъ приличій людей.

Глаза Наташи расширились, въ нихъ блеснули злоба, ненависть, отвращеніе и страданіе.

¹⁾ «Опавшіе листья», романъ. Часть четвертая, глава X.

— Проснулись . . . —прошептала она . . . Уходи. Милый, ненаглядный, касатка мой, уходи!

Она помогла Федору Михайловичу одѣться и вышла съ нимъ на лѣстницу. Сѣрое утро волнами ровнаго свѣта входило въ высокія пыльные окна. Лѣстница была во всей своей неприглядности. У закопченныхъ оборванныхъ дверей стояли черныя ведра съ помоями. Пыль и мусоръ давно никѣмъ не убирались. Съ самой революціи метла не касалась ея ступеней.

Наташа перекрестила Федора Михайловича и поцѣловала его съ нѣжною страстью.

— Мы поживемъ, — сказала она. Полными каплями слезъ сверкали ея глаза.

Федоръ Михайловичъ спускался по лѣстницѣ. Голова ушла въ плечи. Сутулился.

Наташа слѣдила за нимъ. Онъ былъ на нижней площадкѣ. Обернулся.

— Мы поживемъ еще! крикнула она ему внизъ.

Федоръ Михайловичъ быстро отвернулся, низко опустилъ голову, не своимъ, а какимъ-то сѣменящимъ шагомъ прошелъ нижнюю, мощеную плитами площадку и вышелъ за дверь.

XXII.

Въ тотъ-же день, часовъ около двухъ, Федоръ Михайловичъ подошелъ къ высокому нарядному зданію лучшей Московской гостинницы. Революція сказалась на зданіи: многихъ стеколъ въ окнахъ недоставало. Они были замѣнены листами жести и картона. Штукатурка была отбита и красные кирпичи, какъ кровавыя раны, торчали то тутъ, то тамъ.

У гостинницы стояли автомобили. Большой потемнѣвшій красный флагъ висѣлъ надъ подъездомъ. Къ окнамъ пучками тянулись проволоки телефонныхъ проводовъ. У подъѣзда, въ черной шинели съ алой повязкой дежурилъ матросъ. На курносое бабье лицо спускались прядями длинные волосы. Прямо, какъ женская шляпка, была надѣта матросская шапка съ алыми лентами. На тулѣ, вмѣсто кокарды, якорь. Онъ тупо оглядѣлъ входившаго въ подъѣздъ Федора Михайловича.

Въ прихожей старый швейцаръ безъ ливреки, въ грязномъ пиджакѣ, принимая пальто отъ Оедора Михайловича, сказалъ ему на ухо:

— Здѣсь, ваше превосходительство, большевики. Вы это изволите знать?

Оедоръ Михайловичъ вадрогнулъ, густо покраснѣлъ и пошелъ къ лѣстницѣ. На площадкѣ, молодой еврей въ пенсне безъ оправы, съ клочкомъ волосъ подъ носомъ, въ кожаной курткѣ при револьверѣ, остановилъ его.

— Вамъ, что угодно? — спросилъ онъ.

— Къ генералу Старцеву... На предметъ регистраціи, — невнятно пробормоталъ Оедоръ Михайловичъ.

— Къ товарищу Старцеву, — повторилъ еврей. — Второй этажъ, по корридору, налѣво. Комната номеръ двѣсти шестнадцатый. Товарищъ Моня, проводите ихъ.

Стройная дѣвушка въ бѣлой блузкѣ и короткой юбкѣ встала изъ за стола съ пишущей машинкой. У нея было миловидное лицо съ умными, выразительными карими глазами. Волосы спускались на уши, закрывая ихъ. Сзади они были коротко острижены. Она брыкнула полной ножкой съ толстыми икрами, затынутыми въ шелковый чулокъ со стрѣлками и сказала: —

— Идемте, товарищъ.

Накуренная грязная комната съ лѣпными потолками и паркетными полами. Столы. Кипы бумагъ, стаканы съ жидкимъ недопитымъ чаемъ, ломти темнаго совѣтскаго хлѣба. Вездѣ неряшливость случайныхъ временныхъ людей. За столами молодежь. Въ рубашкахъ-гимнастеркахъ зелено-ватого сѣраго сукна, въ офицерскихъ френчахъ, въ пиджакахъ. Худыя лица съ запавшими скулами. Расширенные глаза горѣли неестественнымъ огнемъ возбужденія. Они спорили о чемъ-то. Когда Оедоръ Михайловичъ вошелъ въ комнату — смолкли. Сильно курчавый еврей, лѣтъ тридцати, съ живыми глазами, черными усами, спускающимися внизъ и маленькой черной бородкой подошелъ къ Оедору Михайловичу. Лицо у него было холеное. Губы яркія, зубы бѣлые. Не то молодой адвокатъ, зубной врачъ или парикмахеръ.

— Позвольте спросить, товарищъ, по какому вы дѣлу? — преувеличенно вѣжливо обратился онъ къ Оедору Михайловичу.

— Генераль Кусковъ, — пріѣхалъ на регистрацію... твердо отвѣтилъ Оедоръ Михайловичъ.

— Генераль Кусковъ... Генераль Кусковъ, — шорохомъ пронеслось по столамъ.

Восемь паръ темныхъ глазъ устремилось на Кускова.

— Вамъ придется обождать немного, — сказалъ еврей. Садитесь, пожалуйста...

Оедоръ Михайловичъ сѣлъ на стоявшій въ углу, богатый золотой диванчикъ гостинничнаго номера, съ оборванной сапогами обивкой, выглядѣвшій грязнымъ ненужнымъ придаткомъ комнаты — канцеляріи.

Не поднимая головы Оедоръ Михайловичъ оглядѣлъ комнату и находившихся въ ней людей.

«Гдѣ онъ? Кто эти люди?» — спросилъ онъ самъ себя и самъ себѣ отвѣтилъ.

Онъ въ одномъ изъ отдѣленій военнаго комиссаріата, онъ въ главномъ штабѣ красной арміи, въ управленіи дежурнаго генерала, въ отдѣленіи личнаго состава.

И вспомнилъ... Когда, за годъ до войны, получилъ онъ полкъ, онъ поѣхалъ въ Главный штабъ. Дежурный писарь провелъ его по безконечнымъ корридорамъ въ обширный, довольно темный, — окна упирались въ стѣны, — кабинетъ, гдѣ стояли высокіе шкапы и нѣсколько столовъ. Старый, лѣтъ за шестьдесятъ, военный чиновникъ принялъ его. Кромѣ него было два чиновника, одинъ штабной офицеръ и два писаря.

— Васъ интересуетъ личный составъ вашего полка, сказалъ старый чиновникъ. — Я вамъ сейчасъ доложу-сь.

Онъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ, не ища, быстро вынулъ узкую, длинную тетрадку въ малиновой обложкѣ. На обложкѣ стояла надпись: N — скій Туркестанскій полкъ.

Въ пять минутъ Оедоръ Михайловичъ былъ посвященъ въ составъ полка. Ему были даны точныя и подробныя характеристики-аттестации на каждого офицера, указаны средства полка, способъ его расположенія. Онъ какъ-бы побывалъ уже въ полку. Эти шесть старыхъ чиновниковъ и писарей точно протянули нити по всей арміи и всю ее собрали въ темный кабинетъ Главнаго штаба. Оедоръ Михайловичъ почувствовалъ вѣками продуманную и налаженную систему.

Онъ увидалъ громадную экономію времени и людскихъ силъ. На каждомъ мѣстѣ сидѣлъ человѣкъ, посвятившій долгіе годы тому предмету, что было ему поручень.

Здѣсь. . . Никакихъ шкаповъ. . . «Дѣль», тетрадей, картъ, не было. Жидкія стопки бумаги разбросаны по столикамъ. У окна напудренная барышня бойко стучитъ на машинкѣ. Создается здѣсь новое, или продолжается старое?

Комната была забита людьми. Барышня машинистка. . . Еще другая, въ пенсне, курить, мечтательно глядя въ окно.

Тамъ, въ томъ штабѣ, куда ходилъ онъ передъ войной, женщинъ можно было видѣть въ круглой пріемной съ портретами военныхъ министровъ и начальниковъ Главнаго штаба. Были онѣ почти всегда въ траурѣ. Вдовы офицеровъ, хлопочущія о пенсіи, или пособіяхъ. Внутри женщинъ не было. Тамъ была — тайна. Тамъ шла работа. Шуршали листы бумаги, скрипѣли перья и люди казались маленькими колесиками огромнаго и сложнаго механизма. Тамъ не было гордыхъ носатыхъ профилей ни у офицеровъ, ни у чиновниковъ, ни у писарей, ни у сторожей. Тамъ была Россія. Висѣла она въ каждомъ отдѣленіи — картой, испещренной значками и цвѣтными полосами. Глядѣла портретами Императоровъ. Сіяла образами въ ризахъ въ углу. И волнующее спокойствіе охватывало тамъ посѣтителя. Волновало сознание своей ничтожности и давала спокойствіе увѣренность, что судьбы арміи находятся въ надежныхъ рукахъ.

Здѣсь ничто не волновало Федора Михайловича. И не было спокойствія.

Что это за люди, кому новымъ правительствомъ ввѣрены судьбы арміи?

У окна, подлѣ машинистки, рослый широкоплечій молодой человѣкъ. Волнистые каштановые волосы зачесаны назадъ. Тонкій носъ, нижняя губа капризно оттопырена впередъ. Не надо и говорить кто онъ? Что онъ знаетъ въ организаціи арміи?

У другого окна, развалиясь на стулѣ, сидитъ юноша. На затылкѣ мятая фуражка съ мягкимъ козырькомъ. Черный френчъ стягиваетъ серебряная портупея съ дорогой любительской офицерской шашкой съ георгіевскимъ темлякомъ, обвитымъ красными лентами. На упругой ляжкѣ въ сѣросинихъ рейтузахъ тяжело лежитъ Маузеръ въ де-

ревянномъ футлярѣ. Безбровое, безусое лицо блѣдно. Узкіе свѣтлые глаза напряженно смотрятъ на Ѳедора Михайловича. Въ нихъ мечтательная жестокость и что-то еще дѣтское. Кто онъ? Не русскій, а латышъ, или чухонецъ... Вѣроятно еще вчера ученикъ какой-нибудь школы, съ холодной улыбкой мучившій малышей и наслаждавшійся ихъ слезами. Или балованный сынъ фермера, дико скакавшій въ телѣгѣ и хлеставшій веревочными вожжами лошадей по глазамъ... Теперь, — какое-то начальство. На сапогахъ длинныя, тяжелыя шпоры. Осанка важная. Онъ играетъ какую-то персону. Тоже — устроитель арміи. Что ему Россія и ея судьбы?

У двери матросъ. Молодое, безъ растительности лицо, рябое и нечистое. Узкіе, косые глаза бѣгаютъ по комнатѣ. Ваглянеть недобрымъ взглядомъ на Ѳедора Михайловича и косить въ сторону, на стѣну. Носъ уточкой. Широкая голая шея напудрена. На пальцахъ перстни съ камнями. А морда хулиганская...

И все остальное такое-же. Они строятъ народно-крестьянскую красную армію. Они призваны созидать опору государства.

Созидать!

Они умѣютъ только разрушать. И они явились сюда, чтобы съ корнемъ вырвать и самое мѣсто затоптать того, что носило наименованіе Россійской Императорской арміи и что такъ боготворилъ всегда Ѳедоръ Михайловичъ. И онъ пришелъ имъ въ этомъ помогать...

Ѳедоръ Михайловичъ хотѣлъ встать и уйти, но вспомнилъ слова Тома: —

— «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ.»

Въ номеръ гостинницы врывались лучи осенняго солнца. А казалось темно. Скучно...

Высокая рѣзная дверь открылась. Нарядно одѣтый, затянутый во френчъ юноша появился въ ней и сказалъ:

— Товарищъ Кусковъ, пожалуйте!

Ѳедоръ Михайловичъ поднялся, ни о чемъ не думая обдернулъ рубашку, и пошелъ въ кабинетъ.

Было такое чувство, точно онъ глубоко, въ самую середину уха вложилъ холодное дуло револьвера и нажалъ на спусковой крючокъ.

XXIII.

Три часа въ Парижѣ. Дождь пересталъ. Гдѣ-то провало сѣрыя тучи и солнце заливаетъ мокрый асфальтъ и торцы. На place de l'Опера толчея. Посерединѣ площади, между площадокъ со спусками въ метрò, на рослой, нарядной, кровной, караковой лошади, слѣпой на одинъ глазъ сидитъ коренастый усатый унтеръ-офицеръ garde-nationale въ низкой черной каскѣ, украшенной серебромъ, въ синемъ мундирѣ и кожаныхъ высокихъ крагахъ и короткими свистками останавливаетъ на мгновеніе непрерывное движеніе черныхъ такси и громаднхъ зеленыхъ автобусовъ.

Съ boulevard des Capucines на boulevard des Italiens, покрытый пестрыми кричащими вывѣсками кинематографовъ, гдѣ на углу rue Laffitte пріютилось бюро поѣздокъ на мѣста позицій и въ окнахъ выставлены большія модели мѣстности, сплошь изрытой снарядами, гдѣ праздные люди могутъ за деньги смотрѣть страшное кладбище людской бойни, гдѣ магазины полны дорогихъ вещей, а выставки сѣстныхъ соблазновъ — текли шумныя людскія толпы. Другія толпы шли имъ наперерѣзъ по rue de l'Опера и по rue de la Paix. Онѣ сходились, темными массами стояли на углу, ожидая свистка, и устремлялись мимо дрожащихъ, готовыхъ ринуться впередъ такси и грозныхъ автобусовъ. Женщины бѣжали, размахивая зонтиками. Надъ толпою звенѣли счастливый смѣхъ и звучный французскій говоръ.

Изъ метрò и въ метрò лились людскіе потоки. Подъ землею свѣтили электрическія лампочки. Сырость ползла узорами по стѣнамъ и полу. У входа, подлѣ каменныхъ баллюстрадъ цвѣта сгѣме, — сохла дождевая вода на ступеняхъ.

Свѣтикъ Кусковъ шелъ отъ «Lague» по rue de la Paix, къ метрò. Онъ могъ сѣсть сразу у Madeleine, но ему хотѣлось' пройтись, привести мысли въ порядокъ, продумать все сказанное и недосказанное въ ресторанѣ. Князь Аликъ на что-то надѣется, на что-то рассчитываетъ.

Обманываетъ.

Серѣга слыхалъ что-то про отца и полонъ злобы. Теперь достаточно сказать: — большевикъ. Отецъ — большевикъ. . .

братъ, сынъ — большевикъ и кончено. Человѣкъ заклеим-
лень позоромъ. Выброшенъ за бортъ.

Бриллианты, сапфиры, кружева, старинныя вещи, фар-
форъ, хрусталь, *objets de luxe*, опять бриллианты, какія-то
коробочки, золото, пудреницы, зеркальца, вѣера, дорогіе
бинокли. . . Одною этою улицею можно содержать всю армію
Врангеля, вооружить ее и повести на большевиковъ. Спасти
Россію цѣною блестящихъ бездѣлушекъ.

Кому это нужно? Кто можетъ теперь покупать эти без-
умно дорогія вещи? Все рассчитано на человѣческую похоть,
на развратъ. Эти камушки — цѣна дѣвичьей невинности,
женскаго стыда. На нихъ покупается наслажденіе страсти.
Это — суррогатъ красоты, ума, блеска остроумія, таланта,
здоровья и силы. Слюнявый старикъ дополняетъ дарами
улицы de la Paix свои немощи и становится выше и краше
Апполона. Это — людское безуміе. Такъ было всегда и
такъ будетъ. Похоть мужчины и капризъ женщины: — вотъ
два рычага, заставляющіе работать, страдать, умирать чело-
вѣческія массы. . .

Отъ непривычки пить вино, пиво и водку въ головѣ
шумѣло. Мысли сбивались. Не было въ нихъ той напря-
женной стройности, что была на работахъ въ Югославіи,
когда были молитва, стремленіе къ Родинѣ, мысль — сохра-
нить себя для жертвы Россіи. Тамъ Россія была все и каза-
лась необходимо нужной. Безъ Россіи — міръ не могъ су-
ществовать.

Здѣсь свободно обходились безъ Россіи. Россія была
досаднымъ недоразумѣніемъ. Не платитъ долговъ, дружитъ
съ бошами. *Ces sales russes. . . Ces traitres*¹⁾. . . И, какъ
объяснить, что это та Россія, большевицкая, жидовская, со-
вѣтская. И въ той Россіи — мой отецъ. . .

Мучили воспоминанія объ Арѣ.

Нитка жемчуговъ на шеѣ. Графиня Пустова. . . Когда
она стала графинею?

Купить эту брошь. Большой продолговатый темный са-
пфиръ, окруженный крупными бриллиантами и обдѣланный
въ платину? . . Какая красота! Или этотъ подвѣсокъ изъ
розоваго опала, таинственно переливающего огнями. . . Или

¹⁾ Эти грязные Русскіе. Предатели.

кольцо съ рубиномъ и подарить ей... И опять пошло-бы по старому и было-бы это жгучее чувство восторга, счастья, стыда. Послѣ него долго ходишь съ высоко поднятой головой и какое-то самодовольство на душѣ. Да... купить... Тамъ это не покупалось...

Какія отношенія у нея съ Муратовымъ? И почему, какъ только она подошла къ нему, Серёга обрушился на него и напомнилъ о несчастномъ отцѣ?

Муратовъ?... Муратовъ?... Да, вѣрно... Когда въ Ростовѣ, на подъездѣ Palace Hôtel' а былъ убитъ Рябоволь, членъ Кубанской Рады, самостійникъ, что-то говорили о Муратовѣ. Онъ ходилъ въ черкескѣ и гозыряхъ, и темномалиновая черкеска шла къ его лысому черепу — можно было думать, что онъ обрить по кавказскому обычаю. Потомъ, когда казнили за сношенія съ Грузіей, Калабухова, по Екатеринодару носилась въ автомобилѣ стройная фигура гладко выбритаго Муратова. На войнѣ онъ былъ адъютантомъ, потомъ въ дикой дивизіи. Сколько ему лѣтъ? Откуда у него деньги? Но, если въ Palace Hôtel'ѣ былъ неистовый кутежъ, или пьяные голоса орали «Боже Царя храни», — дирижеромъ былъ Муратовъ. Женщины липли къ нему.

Въ Севастополѣ... Въ тѣ страшные дни, когда говорили о томъ, что вѣчный позоръ тому, кто сдастъ Крымъ... и укладывали чемоданы, запасаясь мѣстами на пароходахъ, Свѣтикъ помнить: — пріѣхалъ за патронами. Голодный, оборванный ходилъ, изнемогая отъ усталости, по пыльнымъ улицамъ, переполненнымъ встревоженной толпою.

Пришлось остаться ночевать. Была теплая ночь. Луна отражалась въ морѣ и картонными казались свѣтлые холмы сѣверной бухты. Изъ бесѣдки въ саду, со спускавшимися на нее темными стручьями акаціи, неслись звуки пьянино и чей-то хрипаватый мужской баритонъ пѣлъ, прерываемый женскимъ смѣхомъ, пѣсенки Вертинскаго.

Свѣтикъ заглянулъ въ бесѣдку. Онъ увидалъ лысый черепъ, малиновую черкеску съ широкими рукавами и цвѣтникъ добровольческихъ барышень и милосердныхъ сестеръ.

Теперь Муратовъ въ Парижѣ. Онъ опять при деньгахъ, играетъ какую-то роль. При немъ графиня Ара.

Свѣтикъ дождался свистка національнаго гвардейца и съ толпою сбѣжалъ къ метрѣ.

— Un second¹⁾, сказалъ онъ, проталкивая тридцать сантимовъ въ окошечко кассы.

Толпа на перронѣ. Снова темные своды туннеля, мерцающие тусклымъ свѣтомъ лампочки и большія черныя буквы на желтомъ фонѣ:

— Dubonnet... Dubonnet... Dubonnet...

Chaussée d'Antin... Le Pelétier... Cadet... Poissonnière...²⁾

Свѣтикъ сталъ протискиваться къ дверямъ. Слѣдующая остановка — Gare de l'Est — ему выходить.

Когда онъ вышелъ, — косой дождь хлесталъ по улицамъ. Гарсоны въ кафе на boulevard de Strassbourg переворачивали столики.

Свѣтикъ прошелъ за уголъ, вошелъ въ подъездъ «Grand Hôtel de France et de Suisse» и, взявъ ключъ у консьержи, сталъ подыматься по узкой, крутой, бѣлой мраморной лѣстницѣ, устланной потертымъ, краснымъ ковромъ.

XXIV.

Крошечный номеръ въ одно окно. Половину его занимала громадная двуспальная кровать съ двумя подушками и малиновымъ стеганымъ одѣяломъ. На одѣялѣ у ногъ темное пятно, точно отъ запекшейся крови. Можетъ быть кто-нибудь застрѣлился въ этомъ номерѣ? Странно волновала и непріятна была Свѣтику эта мысль. Пыльный мохнатый старый коверъ во всю комнату. У стѣны, между окномъ и кроватью, зеркальный шкафъ. Противъ него фарфоровая раковина умывальника съ проведенной горячей и холодной водою. Крошечный столикъ подъ пестрою красною скатертью, два простыхъ стула — все. Между мебелью такъ мало пространства, что трудно повернуться, особенно такому большому человѣку, какъ Свѣтикъ. Окно почти до полу. Наружу желѣзная рѣшетка и старая створчатая ставня. Все старо, очень старо. Можетъ быть помнитъ времена первой Имперіи, а уже Наполеона III навѣрно. Номеръ былъ полонъ уличнаго шума и сотрясаясь отъ грохота поѣздовъ подзем-

¹⁾ Второй! (билетъ второго класса).

²⁾ Названія станцій подземной дороги между Opéra и Gare de l'Est.

ной дороги, городского трамвая и автобусовъ. Ночью отъ вѣтра старая ставня скрипѣла. Точно стонала.

Свѣтикъ подошелъ къ окну. Въ сѣрой дождевой сѣткѣ хмурился громадный восточный вокзалъ со множествомъ стеколъ наверху и безчисленными входами и выходами. Его дворъ, отдѣленный отъ улицы высокой рѣшеткой, былъ пустъ. У таможни нахохлились черные фіакры съ лошадьми, накрытыми попонами. Площадь подъ окномъ гудѣла и ревѣла автобусами, трамваями и такси. Пара сытыхъ холеныхъ першероновъ заворачивали на rue du Faubourg saint Martin платформу съ высокой деревянной клѣткой, гдѣ неистово визжало штукъ тридцать розовыхъ свиней. Эти, когда ихъ везли на казнь, имѣли мужество протестовать. По панели, мимо отеля, зонтики пѣшеходовъ образовали непрерывную вереницу и, казалось, черная рѣка текла на rue de Chabrol и заворачивала на бульвары.

На сѣромъ небѣ, надъ вокзаломъ, точно купы гигантскихъ бѣлыхъ рощъ, поднимались дымы паровозовъ.

Дали исчезали въ туманахъ и вездѣ былъ людный шумный городъ. Стремились люди, неслись такси, гремѣли автобусы. Вездѣ было черно отъ раскрытыхъ зонтиковъ. Сотень, тысячь зонтиковъ.

Стоя у окна, Свѣтикъ чувствовалъ бѣненіе городского пульса. Онъ какъ бы охватывалъ его весь отъ le prés Saint Gervais до Courbevoie, чувствовалъ его сзади, кругомъ себя, съ безчисленными предмѣстями, парками, улицами и переулками. Городъ эгоистъ, городъ развратникъ, городъ безбожникъ, Вавилонъ двадцатаго вѣка кипѣлъ и волновался, думая только о себѣ.

Какъ нигдѣ Свѣтикъ понималъ, что Франція никогда не поможетъ, что франко-русскій союзъ былъ и пропалъ. Сегодня онъ узналъ, что французы переименовали avenue de Nikolas II. — За что? За неизмѣнную вѣрность Императора Николая II союзу, за то, что онъ жизнью своею и своей горячо любимой семьи заплатилъ за свое слово... Франція была скинута со счета еще тогда, когда онъ видѣлъ, какъ сингалезы, руководимые французскими офицерами, прикладами осаживали Русскихъ генераловъ и офицеровъ въ Константинополь и на Лемносъ. Сытый голоднаго не понимаетъ. Здѣсь отъ каждаго рабочаго, солдата, крестьянина перло

сытостью, здѣсь безъ бутылки petit vin не садились за столъ. Свѣтикъ вспоминалъ ихъ скудные обѣды на работахъ. Бобы, картофель, бобы — вода составляли основу ихъ пищу. Скверный кукурузный хлѣбъ. Тамъ считали на гроши, тамъ за день работы получали копѣйки и ничего не могли купить. Тамъ двигались, какъ тѣни, и въ праздникъ, сбившись подлѣ священника, тихо пѣли родные напѣвы Божественной Литургии. Тамъ смотрѣли на старыя знамена и молились на символы. Тамъ былъ Богъ. Здѣсь міромъ правилъ діаволъ.

Свѣтикъ окончилъ I-й кадетскій корпусъ и I-е Военное Павловское училище. Онъ шелъ по слѣдамъ отца. Училище его времени мало походило на училище времени его отца, но духъ былъ тотъ-же. Крѣпкій духъ дисциплины и исполненія долга. Война, революція, пребываніе въ Добровольческой арміи его пошатнули, но не сломили. Для Свѣтика радости жизни были въ духовномъ, въ исполненіи долга, въ любви къ полку, къ арміи, къ Государю и Родинѣ. Онъ пронесъ ихъ черезъ всѣ испытанія. Полка не было, онъ растаялъ, развалился, исчезла армія, Государь былъ звѣрски замученъ. Родина изгнала его — но онъ не терялъ силы духа, не измѣнялъ убѣжденіямъ.

Городской шумъ раздражалъ его. Свѣтикъ закрылъ окно. Стало тише. Можно было сосредоточиться и продумать то, что было утромъ.

«Они не понимаютъ отца... Они его никогда не поймутъ», — подумалъ Свѣтикъ.

Онъ отстегнулъ ремни маленькаго чемодана и шелкнулъ замкомъ ключа. Старый, заслуженный чемоданъ былъ раскрытъ. На немъ еще сохранилась, на внутренней крышкѣ маленькая наклейка въ видѣ удлиненнаго ромба. «Мюллеръ. Петербургъ. Морская.» Такихъ чемодановъ заграница не знаетъ. Онъ перенесъ всѣ испытанія и тревоги кочевой жизни Свѣтика. На днѣ его, подъ смятыми рабочими штанами и грязнымъ бѣльемъ лежалъ тщательно завернутый въ газетную бумагу пакетъ. Это были записки, дневникъ его отца. Ихъ передалъ ему во время боевъ подъ Юзовкой, раннею весною 1919 года, какой-то капитанъ, перешедшій со своею ротою на сторону добровольцевъ. Свѣтикъ не знаетъ, что случилось съ этимъ капитаномъ. Кажется контръ-развѣдка его разстрѣляла. Это были сумбурные

страшные дни. Нѣмцы покинули Украину. Союзники то соглашались занять ее, то отказывались, а въ общемъ ушли даже изъ Одессы. Гетманъ уѣхалъ изъ Кіева. Въ Кіевѣ былъ Петлюра и большевики. Донской фронтъ, разлагаясь, катился къ югу. Казаки ослабѣли и на помощь имъ была двинута армія Май-Маевского.

Подъ Юзовкой, подъ Екатеринославомъ, были бои. То мобилизованные Деникинымъ солдаты цѣлыми ротами, взявъ подъ руки своихъ офицеровъ, уходили къ большевикамъ, то оттуда являлись отдѣльные офицеры, солдаты, цѣлыя части. Ихъ принимали, но имъ не довѣряли. Контръ-развѣдка, руководимая молодыми людьми, разбирала ихъ прошлое, копалась въ совѣсти этихъ людей и рѣшала, кто можетъ служить съ «бѣлыми».

Въ хмурый февральскій день, когда надъ сѣрымъ новдреватымъ снѣгомъ поднималась голубѣющая дымка, а въ степи пахло горѣлой соломой, и на южныхъ пристѣнахъ балокъ жирная чернѣла земля, Свѣтика вызвали съ нарочнымъ въ контръ-развѣдку, въ Луганскъ, и тамъ ему передали этотъ пакетъ, кѣмъ-то небрежно вскрытый.

— Это вамъ, капитанъ Кусковъ, одинъ «товарищъ» просилъ передать.

— Какой «товарищъ»? спросилъ Свѣтикъ.

— Третьяго дня къ намъ съ ротой перешелъ. Сидѣлъ вдѣсь. Пререкался съ нами за то, что мы республиканцы. Монархистъ, подумаешь! Большевикамъ служилъ. Ленину и Троцкому лапы лобызалъ.

— Кто-же онъ такой?

— Капитанъ Рудневъ, — отозвался съ другого конца хаты юноша контръ-развѣдчикъ съ университетскимъ значкомъ на рубашкѣ. — Какъ видно, — кадровый старый офицеръ. Изъ солдатъ. Говорить, какъ простой народъ. Мы ему говоримъ, что у насъ воля народа прежде всего, что мы по старому пути ѣе пойдемъ. Онъ вскипѣлъ. «Вы знаете, что такое воля народа? — Это: — грабь помѣщичьи усадьбы, громи жидовъ, рѣжь племенной скотъ и одурманивай себя самогономъ. Вотъ она воля народа!»

— Что съ такимъ разговаривать, — сказалъ передавшій Свѣтику пакетъ. — Видна птица по полету. Едва-ли не провокаторъ.

— Гдѣ-же онъ теперь? — спросилъ Свѣтикъ.

— Не знаю. Послали въ судъ. Очень онъ подозрителенъ намъ показался. Обличалъ наши тыловые порядки. Говорилъ, что никогда-бы не перешелъ къ намъ, если-бы зналъ, что мы не за Царя идемъ.

— Психопатъ какой-то! — сказалъ контръ-развѣдчикъ съ университетскимъ значкомъ. — Развѣ возможна теперь гдѣ-нибудь монархія?.. Абсурдъ. А? Какъ по вашему?

— По моему, — твердо выговорилъ Свѣтикъ, — пока вы не напишете на своемъ знамени это великое, святое слово, у васъ не будетъ побѣды.

— Ну, что вы, Кусковъ! Съ Деникинымъ только потому и идутъ, что онъ безъ царя идетъ. Англичане и французы ни за что помогать не станутъ, если онъ выкинетъ на знамени монархическіе лозунги. А теперь — вся общественность съ нимъ.

— Вы посмотрите, какой махровый букетъ Русской мысли собрался подлѣ него въ особомъ совѣщаніи. Профессора, думцы, ученые!

— Да, именно, махровый, — сказалъ Свѣтикъ и вышелъ изъ хаты.

Онъ хотѣлъ разыскать капитана Руднева, но то, что онъ нашелъ въ пакетѣ такъ его взволновало, что онъ до поздней ночи читалъ. А потомъ надо было торопиться въ полкъ, на позицію.

Съ этимъ пакетомъ онъ никогда не разставался. Свѣтикъ развернулъ его, сѣлъ за столъ и сталъ перечитывать страницы, исписанныя четкимъ почеркомъ отца.

XXV.

Дневникъ Ѳедора Михайловича.

... «28 сентября 1918 года, въ шестомъ часу вечера, я пришелъ къ сестрѣ Липочкѣ изъ военнаго комиссаріата и сказалъ, что я поступилъ на службу въ красную армію. Вся семья Липочки: — ея мужъ, Венедиктъ Венедиктовичъ, она сама, моя жена Наташа, дочери Липочки, Маша и Лена, и сынъ Андрей сидѣли, сбившись, въ столовой. Пробовали

только-что поставленную въ комнату желѣзную печку «буржуйку». Они ее будутъ топить и на ней готовить пищу, такъ какъ топить настоящія печи не хватаетъ дровъ. Печка дымила и чадила, но было тепло.

Липочка обрадовалась моему рѣшенію. Она протянула мнѣ руки и сказала: —

— Ты это хорошо сдѣлалъ! Я понимаю всю величину твоей жертвы и цѣню ее.

Наташа встала. Нѣсколько мгновеній она смотрѣла мнѣ въ глаза своими прекрасными сѣрыми глазами. Точно высмотрѣть хотѣла всѣ затаенные уголки моего сердца и, наконецъ, тихо сказала:

— Нѣтъ, Одея, ты этого не сдѣлалъ! Ты никогда туда не пойдешь... Ты не способенъ на такую гнусность.

Венедиктъ Венедиктовичъ обидѣлся.

— Что-же Наташа, — сказалъ онъ, — ты считаешь меня и Машу людьми, дѣлающими гнусности?

Наташа долго молчала. Потомъ коротко сказала: —

— Ахъ не то!.. Это совсѣмъ не то...

И ушла въ другую комнату.

Съ этого дня Наташа молчить. Она не отвѣчаетъ на мои вопросы, ко всему безучастна, дѣлаетъ все, что ей скажешь, но ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Въ семьѣ разладъ. Ужасный гнетъ на душѣ.

10-го октября мы съ Наташей переѣхали на реквизированную для меня квартиру. Я назначенъ въ военный совѣтъ и мнѣ приказано жить въ Москвѣ. Квартира приличная. Три комнаты. Въ одной спальня Наташи, въ другой — мой кабинетъ, гдѣ сплю на диванѣ. Конечно все чужое, отъ кого-то отнятое. Въ третьей — общая столовая, въ ней помѣщается комиссаръ, назначенный ко мнѣ, приличный молодой человѣкъ, членъ коммунистической партіи. Въ прихожей — мой вѣстовой, расторопный солдатъ, со смышленной наглою рожей. Дѣло въ квартирѣ поставлено такъ, что я никогда не могу переговорить съ Наташей наединѣ. Стѣны тонкія, если-же я начинаю говорить съ нею шепотомъ, сейчасъ-же въ дверь раздается стукъ и входитъ, или вѣстовой, или комиссаръ и начинаютъ что-то искать.

Одинъ я никуда не хожу. При мнѣ, или комиссаръ, или вѣстовой. Я не могу на нихъ пожаловаться. — Оба вѣжливѣ. Съ ними, особенно съ комиссаромъ, интересно говорить. Онъ отлично видитъ промахи и ошибки совѣтской власти, мѣтко ее критикуетъ, но я всегда съ ними на сторожѣ. Писать тогда я ничего не могъ. Я пишу теперь на фронтѣ. Раньше все, что я писалъ, или что писали мнѣ, попадало въ руки комиссара. . . Я былъ подъ непрерывнымъ контролемъ.

Наташа молчитъ. Къ комиссару она не выходитъ, когда встрѣчается съ нимъ, не подаетъ ему руки и смотритъ на него, какъ на пустое мѣсто.

Она слѣдитъ за собою, не распускается.

Презираетъ она меня? Ненавидитъ? Жалѣетъ?

Мнѣ кажется ни то, ни другое, ни третье. Она не понимаетъ меня. Мы стоимъ на разныхъ берегахъ и не можемъ перекликнуться. У нея — Богъ и Христосъ, тамъ гдѣ я — дьяволъ. Въ этомъ у нея нѣтъ сомнѣнй.

Она молится. Поетъ первую партію въ той маленькой церкви на Арбатѣ, гдѣ я былъ прошлою зимою. Я тамъ не былъ. Меня просили, — очень вѣжливо просили, — пока въ церковь не ходитъ. Чтобы не было соблазна.

Чѣмъ имъ досадила церковь?

Мнѣ такъ хочется рассказать все Наташѣ. Но какъ рассказать? Рассказать надо главное. Ради нея пошелъ. Она никогда не допуститъ этого. Будетъ скандалъ. Она погибнетъ. Да и поздно уже. . . Часто вспоминаю Тома. «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ». Надо добиться своего — и свѣтитъ! Христосъ сходилъ въ адъ. . . Но я не Христосъ! Какъ мало Христа во мнѣ. Становится все меньше и меньше. . . Надо разобраться. Все самому надо понять. . .

Я думаю, что если-бы Наташа все выслушала, все усвоила, и тогда она меня не поняла-бы и не простила.

Она видитъ глубже меня.

Какъ не поняла-бы и не простила меня моя мать. Мама потребовала когда-то отъ меня подвига и сама себя принесла въ жертву. Наташа тоже потребуеъ подвига. . . На подвигъ готовъ. . . Принести ее въ жертву не могу. . .

Можно не вѣрить.

Когда-то мальчикомъ, на дачѣ въ Мурино,¹⁾ я издѣвался надъ своею старою нянею. Я смѣялся надъ ея вѣрою въ чертей. Я говорилъ ей: — «какіе-же черти? Съ рогами и хвостами?»

Я тогда вѣрилъ, что чертей нѣтъ. И потомъ я не вѣрилъ въ діавола. Всѣ эти изысканія теософовъ, изслѣдованія астрала казались мнѣ праздными измышленіями зарвавшагося ума. Я былъ матерьялистомъ. Я отдался военной службѣ и, не мудрствуя лукаво, училъ солдатъ, потомъ былъ въ Академіи, командовалъ ротой, батальономъ и полкомъ. Былъ на войнѣ. Были въ моей жизни какія-то явленія въ пустынѣ. . . Надъ ними я не задумывался.

Но въ Бога я вѣрилъ?

Я вѣрую въ творческую силу Бога, въ его милосердіе и всемогущество. Я вѣрую въ свѣтлыя силы ангельскія и столько разъ я убѣждался въ ихъ невидимой помощи.

Но, если Богъ есть со всѣми Его силами ангельскими — есть и противоборство Богу, есть діаволъ со всѣми его темными силами.

Въ Бога вѣрую. . . Въ діавола — нѣтъ.

Странно. Двадцатый вѣкъ, электричество, беспроводный телеграфъ, бѣшеная техника, громадныя знанія. Я генералъ генеральнаго штаба, отецъ многочисленнаго семейства и вдругъ вѣрую въ чорта, какъ старая баба. . . Какъ няня Клуша. . .

Но почему они такъ борются съ церковью, со священниками? Такъ боятся ея? Почему на шапки и на рукава вводятъ они пятиконечную кровавую звѣзду — ту самую опрокинутую пентаграмму, заключающую въ себѣ голову козла — человѣка, такъ похожаго на жида? Почему такъ тщательно прививаютъ они народу хулу на Бога и наняли цѣлую свору заборныхъ поэтиковъ и писателей, чтобы творить всенародно богохульство?

Потому что они жида?

Нѣтъ. . . Тамъ далеко не все жида. . . Потому что. . . Но расскажу все по порядку. . .

¹⁾ Романъ «Опавшіе листья». Часть первая. Глава XXXII.

Мнѣ трудно рассказать все по порядку. Мысли путаются. Чтобы все было ясно, приходится отвлекаться въ сторону.

Въ Москву, съ фронта, прїѣзжалъ товарищъ Заболотный. Я его помню лихимъ взводнымъ 2-го эскадрона. Видѣлъ его незадолго до революціи въ Турціи, въ Малой Азіи.

Я командовалъ полкомъ на Турецкомъ фронтѣ, когда получилось извѣстіе объ убійствѣ Распутина, а вскорѣ за тѣмъ къ намъ изъ Питера прибыло одно Высокое Лицо. Его встрѣтили радушно, мѣстами даже торжественно, какъ-бы желая показать протестъ противъ незаслуженнаго имъ тяжелаго наказанія. Помню вечеръ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ. Январское, малоазиатское солнце садилось за лиловыя горы. Въ пустынѣ дрожало холодѣющее марево. Красной краской были залиты пески. «Ханы» — маленькія каменные хижины, стояли какими-то первобытными постройками. Неподалеку, сбившись въ кучу за каменной оградой, блеяли овцы. Жалобно стонали ковы. Старинною Ассиріи и Вавилона, жизнью перваго человѣка вѣяло отъ куртинскихъ одеждъ, отъ глиняныхъ кувшиновъ и отъ того, какъ мѣстные женщины носили ихъ на плечѣ, придерживая ихъ красиво согнутою рукою. Мы сидѣли на окраинѣ селенія въ раскрытой палаткѣ. Зимняя ночь, борясь съ уходящимъ солнцемъ, дышала морозомъ. На нивкомъ, восточномъ столѣ горѣли шандалы со свѣчами. Пламя было тихое. Сзади слышалось довольное ржаніе лошадей. На коновязяхъ драгуны навѣшивали торбы съ ячменемъ.

Мы сидѣли полукругомъ, любуясь закатнымъ небомъ, клубящимися далями и прозрачнымъ фіолетомъ горъ, куда спускалось огненное солнце.

Пришли пѣсенники. Громадный полковой хоръ, человѣкъ восемьдесятъ, руководимый бравымъ взводнымъ съ четырьмя георгіевскими крестами. Взводный лихо вытянулся, скомандовалъ пѣсенникамъ: «смирно» и впился глазами въ Высокаго гостя.

Командиръ полка приказалъ начинать.

Заиграла зурна, ударилъ тулумбасъ. Подъ небомъ востока, среди азіатскихъ песковъ, полилась восточная тягучая мелодія, наигрываемая Русскимъ солдатомъ. Музыка сливалась съ природой. И чудилось, что пески пустыни

пѣли пѣсню старины, идущую отъ Адама, все одну и ту-же черезъ цѣлые вѣка. Мелодія чуть измѣнила свой характеръ, одна, другая Русскія ноты появились въ ней, выросли, стали сильнѣе, зазвучали явственно, къ нимъ присталъ голосъ, нѣжный теноръ, онъ пѣлъ нѣкоторое время одинъ, потомъ сталъ слышенъ баритонъ и кавказская пѣсня, то разрастаясь и гремя всѣми восемьюдесятью голосами, то затихая, понеслась надъ широкой долиной Евфрата.

Вводный стоялъ впереди хора, и пѣлъ, какъ будто самъ захваченный мощной волною хора.

Когда-же гость — отецъ Державный,
Земному солнцу кто не радъ,
Подвинутся на тостъ заздравный,
Эльбрусь, Казбекъ и Арарать...

Мы говорили о славѣ и величїи Россїи. О великой Русской культурѣ, о томъ, что такихъ пѣсень, такой музыки, такого сліянія культуръ азіатской и европейской, какъ та, что несутъ съ собою Русскіе, нѣтъ нигдѣ. Говорили о подвигѣ нашего гостя. Мы говорили громко, оживленно, не стѣсняясь. Солдаты и вводный прислушивались къ намъ и больше не пѣли.

Сзади, въ серебряныхъ просторахъ, красная, какъ-бы закоптѣлая въ дымчатомъ облакѣ, вставала полная луна.

— Ну, что-же примолкли, родные, пойте, — сказалъ командиръ полка.

Вводный встрепнулся, вытянулся и уставившись глазами въ Высокаго гостя, началъ кавказскую казачью пѣсню:

Съ краевъ полуночи на полдень далекій,
Могучій, державный орелъ прилетѣлъ...

Звонкій подголосокъ, по казачьи, залился колокольчикомъ и завелъ рулады, струною зазвенѣлъ, запѣлъ, что твоя скрипка.

Незабвенная ночь! Тогда все казалось такъ прочно. И вводный прочнѣе всего.

Когда уходили пѣсенники, луна стояла высоко, и таинственныхъ тѣни тянулись отъ предметовъ. Какой-то солдатъ сзади пошелъ не въ ногу и звонъ его шпоры въ перебой шелъ съ мѣрнымъ звономъ шпоръ солдатъ.

— Лѣвой, сукинъ сынъ! Я т-тебя толкону, аспидъ! — крикнулъ ему въ ухо ваводный.

И я подумалъ: — «славный ваводный, хорошій унтеръ-офицеръ. Строевикъ, молодчага, лихачъ»...

Я спросилъ у кого-то изъ офицеровъ, какъ его фамилія.

— Это Семень Петровичъ Заболотный — гордость полка. Герой, рубака! Такихъ унтеровъ днемъ съ огнемъ поискать. Отецъ солдатамъ. За нимъ эскадронный командиръ можетъ спать спокойно.

Теперь Заболотный пріѣхалъ въ Москву, какъ вѣрный слуга третьяго интернаціонала, жидовскій прихвостень, рабъ діавола. Онъ пріѣхалъ со славою побѣдъ надъ донцами и Деникинымъ въ военный совѣтъ настаивать на увеличеніи красной кавалеріи для того, чтобы окончательно раздавить «бѣлогвардейскую сволочь» — ту самую сволочь, гдѣ у меня служить и борются съ Семеномъ Петровичемъ Заболотнымъ три моихъ сына.

Я встрѣтилъ Заболотнаго въ совѣтѣ. Когда всѣ расходились мы оба задержались. Ему опоздали прислать машину и онъ ожидалъ ея, стоя у окна.

Я подошелъ къ нему и представился:

— Товарищъ Кусковъ.

— А... очень пріятно... Товарищъ Заболотный.

На немъ была просторная, тонкаго сукна рубаха, расшитая косыми алыми полосами по борту, съ большими звѣздами на рукавѣ. Онъ разжирѣлъ. Бритое лицо, загорѣлое и обвѣтренное казалось толще. Дорогая, украшенная камнями, тяжелая шашка висѣла на тонкой кавказской португѣ.

— Вы меня не узнаете? — сказалъ я.

— Простите, товарищъ, запамятовалъ.

— А помните, Семень Петровичъ, въ позапрошломъ году, въ долині Евфрата —

Съ краевъ полуночи на полдень далекій,
Могучій, державный орелъ прилетѣлъ...

Заболотный нахмурился. Острымъ взглядомъ хитрыхъ мужицкихъ глазъ какъ-то косо, по медвѣжьи посмотрѣлъ на меня и промолвилъ:

— Д-да... Много воды утекло. Что-же и вы на Кавказѣ служили?

— Я командовалъ тогда М-скимъ полкомъ.

— Хорошій полкъ... Славный полкъ... Тогда всѣ были хороши. Не то, что нынѣшняя сволочь.

— Царь былъ, — сказалъ я просто, и почувствовалъ, какъ холодъ побѣжалъ по моимъ ногамъ. Я понималъ, что иду по острію меча. Но Заболотный понялъ меня и просто отвѣтилъ.

— Да. Вѣрное ваше слово. Порядокъ былъ. Солдатъ уважалъ начальника.

— А теперь?

— Вы слышали мой докладъ?

— Слыхалъ.

— А вы знаете, кому мы служимъ?

Я не отвѣтилъ.

— Діаволу, — сказалъ Заболотный.

Я сдѣлалъ невольное движеніе.

— Ну да-же. Знаете, поѣдемъ ко мнѣ. Я вамъ все подлинно доложу. Вотъ и машина моя подана.

Я поѣхалъ.

Онъ остановился въ лучшей, но, какъ все тогда, загаженной гостинницѣ. Какой-то молодой человѣкъ сунулся было къ нему.

— Брысь, — крикнулъ Заболотный. — Это, обратился онъ ко мнѣ, — тоже діаволъ, или вѣрнѣе одержимый бѣсовской силой. Комиссаришка мой!..

Заболотный порылся въ чемоданѣ, досталъ изъ него потрепанную книжку и сказалъ.

— Въ бытность мою въ Турціи прислали мнѣ съ Аѳона эту самую книжку. Изволите видѣть «Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ изъ слова Божія» Епископа Теофана. А тотъ Теофанъ, говорятъ, великій молитвенникъ былъ, и многое, что скрыто отъ людей, было ему открыто. Читавши эту книжку дошелъ я до того, что мы неправильное представленіе имѣемъ о воздухѣ, о природѣ, о естествѣ. Ученые дознались какой есть воздухъ, а того не дознались, что воздухъ полонъ бѣсовской силы, что каждымъ воздыханіемъ нашимъ мы вдыхаемъ въ себя бѣса и отъ него идутъ наши помыслы, а за ними и дѣянія.

И въ эти годы особенно развѣигались бѣсы на Русской землѣ... Да и по всему міру... Молитва ослабѣла у людей. Отсюда... простите меня, ваше имя и отчество? —

— Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Отсюда, Ѳеодоръ Михайловичъ, вотъ и пошла эта самая разруха по Руси великой. Вотъ гляньте, что пишетъ святой мужъ:

«Четвергъ пятой недѣли поста. Прежде паденія злоумышленія (Притч. 16, 18). Стало быть, не допуская мыслей злыхъ, и не будетъ паденій. Между тѣмъ, о чемъ больше всего небрегутъ? О мысляхъ. Имъ позволяютъ бурлить, сколько и какъ угодно, и думать не думаютъ когда нибудь укрощать ихъ, или направлять къ разумнымъ занятіямъ. А между тѣмъ, въ этой суматохѣ внутренней подходит врагъ, влагаетъ зло въ сердце, обольщаетъ его и склоняетъ на это зло. И человѣкъ, самъ того не замѣчая, является готовымъ на зло. Остается ему или исполнять скованное сердцемъ зло, или бороться. Но то наше горе, что за послѣднее никто почти не берется, а всѣ, какъ связанные, ведутся на зло»...

— Мы, Ѳеодоръ Михайловичъ, — не теперь упали, а упали тогда, когда присягнули Временному Правительству. Большевики — это исполненіе, а мысли злыя начались тогда. Въ ноябрѣ 1916 года, когда Милюковъ, Гучковъ и Керенскій посѣяли эти мысли. Мыслямъ позволили бурлить, какъ угодно, — отсюда и паденіе, и большевики и гибель... Да, развѣ я, старой Императорской службы унтеръ-офицеръ не понимаю, что это гибель!... А вотъ подите-же, сколько народа гибнетъ. Пишетъ епископъ Ѳеофанъ:¹⁾ — «весь воздухъ набитъ бѣсами; но ничего не смогутъ сдѣлать тому, кто огражденъ молитвою и постомъ. Постъ — всестороннее воздержаніе, молитва — всестороннее богообщеніе; тотъ совѣтъ защищаетъ, а эта извнѣ устремляетъ на враговъ всеоружіе огненное. Постника и молитвенника издали чуютъ бѣсы, и бѣжать отъ него далеко, чтобы не получить болѣзненного удара. Можно-ли думать, что гдѣ нѣтъ поста и молитвы, тамъ уже и бѣсъ? Можно. Бѣсы, вселяясь въ человѣка, не всегда обнаруживаютъ свое вселеніе, а притаива-

¹⁾ «Недѣля десятая по Пятидесятницѣ».

ются, иаподтишка научая своего ховяина всякому аду, и отклоняя отъ всякаго добра; такъ что тотъ увѣренъ, что все самъ дѣлаетъ, а между тѣмъ только исполняетъ волю врага своего. Возьмись только за молитву и постъ, — и врагъ тотчасъ уйдетъ, и на сторонѣ будетъ выжидать случая, какъ бы опять вернуться, и дѣйствительно возвращается, коль скоро оставлены бывають молитва и постъ.»

— Вспомните, Оедоръ Михайловичъ, какъ давно уже наши солдаты перестали быть богомольными? Въ церковь, если наряда не сдѣлаешь, — никто и не поидетъ. Силкомъ надо гнать. Господъ офицеровъ въ церкви развѣ когда увидишь? Ну развѣ, что въ праздникъ?.. То некогда, то лѣнь, то устали очень. Пѣвчихъ не соберешь... Ну и то попомните, что первымъ дѣломъ отмѣнило Временное Правительство съ господиномъ военнымъ министромъ Александромъ Ивановичемъ Гучковымъ? Молитву на вечерней перекличкѣ... Зарю нашу священную, гдѣ мы съ бѣсомъ боролись... Ну и осилилъ врагъ Армію. Вселились въ нее бѣсы. Всѣ мы теперъ бѣсами одержимы.¹⁾

— Какъ-же вы, — сказалъ я, — Семень Петровичъ, зная все это, подпали власти діавола?

— Всѣ подпали, — коротко кинулъ Заболотный. — Вы посмотрите. Можетъ кто изъ насъ молиться? Такимъ крутымъ словомъ обложить, что всякая молитва выскочить.

— Что-же вы думаете дѣлать?

— Я хотѣлъ у васъ спросить объ этомъ? Вы ученѣе меня, да пожалуй и старше. Я вамъ только сказалъ, въ чемъ наша болѣзнь, а вы поищите леченія. Что не вѣрите что-ли?

Вѣрю-ли я?

Дней черезъ пять, не помню по какому случаю, было засѣданіе всероссійскаго центрального исполнительнаго комитета, В. Ц. И. К., съ участіемъ членовъ сов-нар-кома. Посвящено оно было мятежу лѣвыхъ эсъ-эровъ, тому самому, гдѣ большевиками былъ разстрѣлянъ мой братъ Ипполитъ, а эсъ-эрами убитъ мой племянникъ Оедоръ, и лицомъ и характеромъ похожій на меня, когда я былъ юнкеромъ.

¹⁾ «Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ изъ слова Божія». Епископа Оеофана. Изданіе четвертое. Аеонскаго Русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва 1904. Стран. 84, 85, 245, 246.

Кстати, маленькая подробность. Вдова Ипполита, Аглая, она-же Азалея, горевала не долго. Она служить у большевиков и чѣмъ-то состоитъ не то при Коллонтай, не то при Лилиной... «И башмаковъ еще не износила.» Впрочемъ на похоронахъ Ипполита она не была, башмаковъ на нихъ не топтала, и никому неизвѣстно, гдѣ и какъ закопанъ трупъ моего брата.

Я его любилъ. И мнѣ и сейчасъ тяжело думать о немъ.

Такъ вотъ было это засѣданіе. И были на него приглашены старшіе начальники Московскаго гарнизона и нѣкоторые члены Рев-воен-совѣта. Пригласили и меня.

Здѣсь приглашеніе: — приказъ. Не пойдти нельзя — непріятностей не оберешься. Помѣщеніе, гдѣ должно было произойти засѣданіе, приготовлялось для какого-то коммунистическаго конгресса. Теперь ихъ много ожидается въ Москвѣ. Какъ-же! Пожаръ революціи охватилъ весь міръ и, если вѣрить нашимъ «правдамъ», по всему свѣту царить чрезвычайка.

Громадная зала въ одномъ изъ Кремлевскихъ дворцовъ была отведена для этого засѣданія. Драгоцѣнная лѣпка, по стѣнамъ и колоннамъ, золото, съ потолка спускаются старинныя люстры въ видѣ ряда обручей со свѣчами, — вездѣ благородный стиль Александровской эпохи, мягкость линий и просторъ. Глубина этой залы была занята преобладающей постройкой изъ дерева и матеріи. Была тамъ устроена раковина въ родѣ тѣхъ, что дѣлаютъ въ губернскихъ городскихъ садахъ для музыкантовъ. Эта раковина была обтянута бѣлой матеріей съ красными полосами. Къ потолку была пристроена широкая доска съ крупнымъ узоромъ какого то Атлантискаго стиля, исполненнымъ бѣлымъ по красному полю. Внизу, на эстрадѣ, столъ, покрытый, конечно, тоже красныхъ сукномъ, каѳедра для оратора, тоже въ красномъ и низъ эстрады подхваченъ краснымъ кумачомъ. На столѣ тяжелые дворцовые семисвѣчники, а передъ эстрадой экранъ, заливающий свѣтомъ «президіумъ».

Эти кричащія красныя краски, грубость узора не смягчали двѣ финиковыя пальмы, поставленныя по краямъ эстрады.

На верху щиты изъ красной матеріи. На нихъ эмблемы рабочекрестьянской власти, по одну сторону якорь, молотъ,

серпъ и еще что то въ ужасной стилизаціи, по другую — пламя, должно быть всемірнаго пожара, оковы, факелы — все такъ исполнено, что издали кажется турецкою буквою. Вѣроятно, рука, начертавшая во дворцѣ Балтасара сакраментальныя слова: «мани-текель-фаресъ» — нарисовала что — нибудь подобное всему этому.

И, конечно, — пентаграммы.

У эстрады исхудалые, истасканные юноши, съ испитыми порокомъ лицами въ какихъ-то театральныхъ лохмотьяхъ, опирающіеся на древки тяжелыхъ красныхъ знаменъ.

Словомъ, въ стильной залѣ императорскаго дворца ставился балаганъ. Долженъ сознаться: наглость этого балагана была внушительна. Она кричала съ cadaго рисунка, съ каждой эмблемы: — «ничего святого, ничего дорогаго, ничего красиваго, ничего цѣннаго — все кровь и тлѣніе».

Вдоль трибуны, въ алыхъ шапочкахъ, какія носили раньше летчики, и въ алыхъ рубахахъ, съ ружьями у ноги стояли красноармейцы «вохры» — внутренней охраны. Ихъ худыя лица съ большими носами, съ черными бровями, бритыя, скуластыя были характерны. Изъ восьми часовыхъ — два были евреи, остальные неопредѣленной національности, — думаю, что мадьяры.

Въ залѣ размѣстилось тысячи полторы народа. Когда все стихло, — съ боку на эстраду прошли наши повелители. Ихъ сейчасъ же освѣтили яркимъ свѣтомъ и начали снимать. Эти господа страшно любятъ сниматься. Никакое торжество, никакая церемонія, даже казни, не обходятся безъ того, чтобы ихъ не снимали. Они боятся, что гнусныя дѣла ихъ не перейдутъ въ потомство и торопятся запечатлѣть свои лица, чтобы исторія ихъ не позабыла.

Тихо шипѣло электричество. Напряженна была тишина полной людей залы. Сама зала казалась мрачной, темной и ярко, бросая густыя черныя тѣни на бѣлый съ красными полосами экранъ, выдѣлялись фигуры правительства.

Толстый, съ одутловатыми щеками, чуть смуглый, съ носомъ пуговкой и синимъ подбородкомъ, съ громадной копной густыхъ черныхъ вьющихся волосъ — не то докторъ еврей, не то престижигитаторъ, не то пьянистъ, въ черной съ расходящимися фалдами визиткѣ и сѣрыхъ шта-

нахъ стоялъ властитель Петербурга — Моня Апфельбаумъ. Рядомъ съ нимъ, страшный своимъ безобразіемъ, въ сверкающихъ очкахъ, съ черной бородкой и усами, въ свѣтло синемъ, небрежно застегнутомъ пиджакѣ, съ вылъзшимъ на него длиннымъ алымъ въ полоску галстукомъ — убійца Государя Янкель Свердловъ. Въ прекрасной, наглухо застегнутой кожаной курткѣ съ отложнымъ воротникомъ, съ гордо поднятой головкой въ пенсне — Лейба Бронштейнъ. Рядомъ съ нимъ въ солдатскаго сукна, по офицерски сшитой шинели безъ погонъ и петлицъ, тяжело усѣлся широкоплечій, лысый, съ подстриженными усами Мининъ, — командующій Царицынскимъ фронтомъ, потомъ маленькій, лохматый, совсѣмъ еще юный еврейчикъ Левинъ и съ края на вытяжку сталъ сухой бритый кавказецъ съ длинными на подборъ волосами — Абербарчукъ...

Послѣ съемки усѣлись, переглянулись. Все, молча. На боковыхъ столахъ стенотипистки быстро раскладывали бумаги и карандаши, готовясь записывать великія слова властителей Русскаго народа.

Всталъ Апфельбаумъ. Онъ провелъ рукою по лохматымъ волосамъ и началъ: —

— «Товарищи, я представляю вамъ докладъ о безумной, нелѣпой и преступной попыткѣ Центрального Комитета партіи лѣвыхъ эс-эровъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ той самой совѣтской власти, которую эти господа и по сей моментъ на словахъ признають»...

Онъ читалъ часа полтора. Напряженная тишина стояла въ залѣ. Я оглянулъ ее. Повсюду между приглашенными сидѣли и стояли какіе-то молодые люди, весьма рѣшительнаго вида. И я понялъ: — коммунисты. Они были наготовѣ прервать въ корнѣ всякую попытку нарушить дисциплину громаднаго вала. Натянуто сидѣлъ Бронштейнъ и острый взоръ изъ подъ пенсне слѣдилъ за каждымъ изъ насъ.

Да... Бѣсы владѣли нами.

Съ эстрады звучно и ровно падали въ людскую толпу полновѣсныя слова.

— ...«Но не думайте», — повышая голосъ говорилъ Апфельбаумъ, — «что можно будетъ спрятаться за фиговый листокъ въ видѣ словъ: «я согласенъ, но не совсѣмъ», «я

присоединяюсь, но не вполне». Нѣтъ, кто не отмежевывается сейчасъ рѣзко и рѣшительно, тотъ вынужденъ будетъ завтра съ оружіемъ въ рукахъ идти противъ насъ. Такое уже теперь время: сегодня — полемика, завтра — гражданская война. Сегодня — рѣчи, — завтра — пулеметы. Сегодня — поправка на бумагѣ, — завтра пушки, какъ было въ Москвѣ. Иначе невозможно, и плакаться по этому поводу смѣшно: на то и революція, и великая эпоха»...

Стоявшій впереди меня молодой еврей сталъ аплодировать. — Сейчасъ же, какъ по командѣ, тутъ, тамъ заплескали руки и весь залъ, какъ бы охваченный какимъ-то токомъ, огласился громовыми аплодисментами. Я едва удержался, чтобы не примкнуть къ нимъ. Я чувствовалъ, какъ какая-то сила тянетъ мои руки и мнѣ стоило труда сидѣть спокойно.

Да... Мы одержимые...

Аплодисменты стихли. И снова заговорилъ стоявшій на трибунѣ. —

— «Когда намъ говорятъ, что мы теперь изолированы, и что силы наши ослабли, то становится смѣшно. Вѣдь, когда отметають труху, жалкую, гнилую труху, то то, что обтаеетъ, становится не хуже, а лучше. Мы не стали слабѣе отъ того, что отъ насъ отошли Прошьяны, Камковы и прочіе Азефы, которые точили въ темнотѣ кинжалъ, чтобы за нашей спиной всадить намъ ножъ въ спину, мы стали только сильнѣе потому, что нѣсколькими Азефами стало меньше въ нашей средѣ. Довольно прятаться за громкими пирами: — «лѣвый эсъ-эръ». Правыми эсъ-эрами называться было уже стыдно, ваворно. Всякій знаетъ, что это пахнетъ «юнкерами», какъ говоритъ народъ, и прочими палачами въ родѣ Керенскаго, а вотъ лѣвый эсъ-эръ — это удобнѣе, это нѣчто въ родѣ проходной конторы»...

И опять раздались аплодисменты и я... Да... я, самъ не понимаю почему, — аплодировалъ. Это несомнѣнно психическое явленіе, требующее изученія.

Я рѣшилъ бороться. Сгалъ слѣдить за собою. Апфельбаума смѣнилъ Бронштейнъ. Онъ то наклонялся къ столу, опираясь пальцами о него, то взмахивалъ широкимъ жестомъ надъ головами Минина и Апфельбаума. У него рѣчь

шла съ яркими заголовками, какъ какая нибудь сенсационная статья въ бульварной газетѣ. Тутъ были и: — «политическій ребусъ», и «терроръ для вовлеченія въ войну», и «кто за войну?» и систематическое описаніе всего хода событий 6-го и 7-го іюля.

То тутъ, то тамъ, срывались апплодисменты. Я не подавался. Я смотрѣлъ, какъ колебалась тѣнь отъ лохматой головы на красныхъ полосахъ и звѣздахъ, какъ сверкали стекла его пенсне. Онъ гипнотизировалъ меня. Мнѣ казалось временами, что тѣнь стоитъ неподвижно, а это большая красная звѣзда колеблется надъ головою Бронштейна и не знаетъ, гдѣ остановиться.

Я ему служилъ. Я ему повиновался...

Старался не слушать его, и слова сами лѣзли въ уши, достигали мозга и, казались, разумными, вѣрными и неоспоримыми.

— ... «Я, товарищи, не сомнѣваюсь, что эта безчестная авантюра внесетъ отрезвленіе въ сознаніе тѣхъ, которые продолжали колебаться и сомнѣваться», — говорилъ Бронштейнъ. — «Они не давали себѣ отчета, откуда, изъ какого угла исходитъ истерическій вопль о войнѣ. Мы не сомнѣваемся, что для нашей красной арміи это послужитъ урокомъ для укрѣпленія дисциплины. Красная армія, построенная на наукѣ, — она намъ нужна. Партизанскіе отряды — это кустарническіе, то есть ребяческіе отряды; это для всѣхъ ясно. Намъ необходимо упрочить дисциплину, при которой такого рода авантюры стали-бы невозможны. Этотъ опытъ даетъ возможность всякому солдату понять, и всякій солдатъ это пойметъ, что кровопролитіе и братоубійство возможны при отсутствіи дисциплины». ... «Если-бы мы тогда оказались вовлеченными въ войну съ Германіей тѣмъ фактомъ, что убить германскій посолъ, если бы пришлось сдавать Петроградъ и Москву — всякій русскій рабочій и крестьянинъ зналъ-бы, что этимъ мы обязаны провокаціи лѣвыхъ эс-эровъ. И я говорю, что та партія, которая могла быть такъ безумна, такъ бессмысленна, что свою маленькую клику, кучку, противопоставила волѣ и сознанію подавляющаго большинства рабочихъ и крестьянъ, — эта партія убила себя въ дни 6—7 іюля навсегда. Эта партія воскрешена быть не можетъ!». ...

Заль разразился громовыми аплодисментами. И я аплодировала. Мои руки ходили вверх и вниз, мое лицо против моей воли расплывалось въ широкую улыбку.

Я посмотрѣлъ на эстраду. Голова Бронштейна была откинута горделиво назадъ и рисовалась на фонѣ пятиконечной звѣзды. И показалось мнѣ: надъ его лохматыми волосами поднялись рога и поползали въ верхніе лучи звѣзды, широко оттопырились уши и изогнулся крючкомъ носъ. Маленькая бородка удлиннилась во весь нижній лучъ... Страшное лицо діавола самодовольно смотрѣло изъ звѣзды на покорное людское стадо.

Руки мои остановились. Холодъ страха леденилъ мое тѣло. Во власти діавола я былъ. Вотъ, почему ни одно покушеніе на нихъ не удавалось. Бѣсы стерегутъ ихъ.

— Надо молиться... Надо молиться, — шепталъ я.

Но молиться не могъ.

Въ ухахъ звучали слова епископа Теофана: — «кольже скоро начинаетъ приходить въ себя и задумываетъ начать новую жизнь по волѣ Божіей, тотчасъ приходитъ въ движеніе вся область сатанинская»...

Съ засѣданія я ушелъ пришибленный.

Наташа молчитъ и все съ большимъ ужасомъ смотреть на меня.

Она видитъ то, чего я не вижу.

Но то, что я переживаю — переживаемъ мы всѣ. Мы всѣ — мученики.

Образовалось у насъ такое учрежденіе — «пролеткультъ». — Насажденіе культуры среди пролетаріата. Потребовали голодныхъ профессоровъ, академиковъ, писателей, ученыхъ и заставляютъ ихъ за паекъ, за подачки мукою и масломъ читать лекціи на самыя разнообразныя темы то рабочимъ на заводахъ, то красноармейцамъ въ казармахъ. Пользы отъ этого никакой, а маяты много. Систематичнаго курса создать нельзя: — лекціи носятъ случайный характеръ, аудиторія перемѣнная, очень пестрая по своему составу — то, что понятно однимъ, другимъ скучно. Одни неграмотны, другіе университетъ кончили. Въ такой аудиторіи читать чего труднѣе. Но реклама получилась

большая. Смотрите, молъ, — профессора и академики, писатели и ученые у насъ читають «кухаркинымъ сыновьямъ». «Кухаркиныхъ сыновей» приструнили, чтобы слушали внимательно, педелей и полицейскихъ наставили. Чуть задремалъ или носомъ засопѣлъ — по уху смажутъ.

Повелись такія бесѣды и въ дивизиі, данной мнѣ въ обученіе. Щупленькій, маленькій исхудалый профессоръ въ рубашкѣ безъ воротничка и галстука, въ засаленномъ пиджакѣ читалъ красноармейцамъ геологію и географію.

И завелъ онъ такой обычай, чтобы послѣ лекціи каждый могъ спрашивать, кто, чего не понималъ.

Сталъ я замѣчать, что красноармейцевъ очень интересуетъ вопросъ существованія души, загробной жизни, того, что дѣлается послѣ смерти. Бога и религію они затронуть не смѣли. За это можно и къ стѣнкѣ попастьъ.

Но обступать послѣ лекціи профессора и посыпятся вопросы. Былъ у насъ красноармеецъ Грищукъ. Прибылъ онъ съ южнаго фронта. Тамъ насмотрѣлся смертей. Повидалъ казней и пытокъ. Вижу: стоитъ противъ профессора, блѣдный, грязный, потный, лицо перекошенное и говорить, точно сплевываетъ слова: —

— Смѣха мнѣ... Смерть видалъ... Ничего... Смѣха мнѣ. Зачиво бабы трудятся... Зачиво сватанія, вѣнчанія, зачиво кумы на свадьбахъ гуляють... Зачиво это все, когда все одно — конецъ одинъ... Точка!

И видѣлъ я муку на тупомъ лицѣ. Я думаю, если-бы быкъ на бойнѣ могъ говорить, онъ сказалъ-бы что-нибудь подобное.

Профессоръ не понималъ Грищука, но красноармейцы его поняли и заговорили въ нѣсколько голосовъ.

— Жизнь и смерть, а почему, отчего, не понятно.

— Кабы душа была, сказала-бы о себѣ чего-нибудь.

— Наука, какъ далеко пошла, а души не найдено нигдѣ.

— Одинъ поповы сказки.

— Съ насъ довольно. Попы да царь нарочно въ темнотѣ держали, чтобы кровушку нашу пить.

И дернуло профессора возразить, что хотя и неточная, но наука о душѣ есть. Въ Англіи и Америкѣ существуетъ даже «общество психическихъ изслѣдованій», задавшееся цѣлью доказать научное существованіе загробнаго міра,

сверхъ-физическихъ и инфрафизическихъ явленій. Рассказывалъ профессоръ о томъ, что открыто «астральное тѣло», могущее у нѣкоторыхъ людей экстеріоризироваться и материализироваться гдѣ угодно. Пошелъ разговоръ о спиритизмѣ.

— Не могу сказать, чтобы это все было научно, — сказалъ профессоръ, — но долженъ замѣтить, что кромѣ видимаго міра есть міръ невидимый. Мы окружены особыми невидимыми существами, мы ими дышемъ и ими проникаемся.

— Міазмы, — крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Нѣтъ, товарищи, это не міазмы и не микробы, а это особые несовершенные духи. Наука ихъ называетъ ларвами, агрегорами или элементаріями. По опредѣленію теософовъ это души потерявшихъ образъ человѣческой людей, души преступниковъ, или проявленныя мысли и чувства или даже поступки дурныхъ людей.

— Гришукъ, а вѣдь ты и правда на ларву похожъ, — крикнулъ кто-то.

Раздался грубый смѣхъ. И смолкъ сейчасъ-же. Кто-то робко спросилъ:

— А какъ-же, товарищъ, такъ сдѣлать, чтобы ларва не овладѣла мною?

— А что, товарищъ, примѣчали дѣйствіе ларвы на людей? — спросилъ другой.

— Чтобы избавиться отъ ларвовъ, стерегущихъ каждое наше душевное движеніе надо не думать о влѣ и не дѣлать зла, а призывать покровительство свѣтлыхъ духовъ, такъ сказать ангеловъ хранителей, — отвѣтилъ профессоръ.

Меня точно толкнуло. Заболотный и профессоръ не могли сговориться. Едва-ли профессоръ читалъ творенія епископа Теофана, а епископъ Теофанъ не занимался ни теософіей, ни изученіемъ ларвовъ и элементаріей, но оба подошли съ разныхъ сторонъ къ одному и тому-же: — бѣсы существуютъ и единственное средство избавиться отъ нихъ: — постъ и молитва.

Профессоръ говорилъ о спиритизмѣ и медиумахъ. Онъ помянулъ доктора Фауста и Мефистофеля, — уродливую ларву съ лицомъ, похожимъ не то на поросенка, не то на мопса съ торчащими ушами. Онъ рассказывалъ про доктора Филиппа, сильнаго медиума, окруженнаго ларвами, вліяв-

шими на императрицу Александру Θεодоровну и про Распутина, развратнаго мужика, отъ излишествъ дошедшаго до садизма и имѣвшаго силу привлекать ларвовъ. Не знаю, ларвы-ли толкнули профессора, или онъ самъ промахнулся, заговоривъ о значеніи въ древности пятиконечной звѣзды-пентаграммы, служившей и бѣлой и черной магіи.

— Довольно! — раздалось съ разныхъ угловъ казармы. Довольно... Довольно!..

— Оставьте, товарищи, пусть говорить свободно.

— Довольно.

— Если правильна моя думка за лектора — прошепталъ сзади меня Грищукъ, — мыль холку! Выбивай подпорки. Точка.

Я былъ всѣмъ этимъ пораженъ. Заболотный, и творенія епископа Θεофана... Профессоръ, и черная и бѣлая магія... Человѣкъ, занимавшійся теософіей, грамотѣй религіи, и мистикъ — Θεофанъ, поэтъ религіи, сказали одно и тоже. Кромѣ видимаго міра есть міръ невидимый.

Въ Символѣ вѣры сказано: «Творца небу и земли... видимымъ-же всѣмъ и невидимымъ»... Но раньше какъ-то не думали объ этомъ.

Бѣсы и ларвы.

Избѣгать злыхъ мыслей и молиться.

Кажется молилась въ эти дни Москва, какъ никогда раньше не молилась... А Наташа! Она вся ушла на служеніе Богу и цѣлыми днями не выходила изъ старой церкви въ нашемъ переулкѣ.

Но чѣмъ больше молилась Москва, тѣмъ крѣпче ею овладѣвали бѣсовскія силы. Хула на Бога не прекращалась. Она висѣла на плакатахъ, она была въ газетахъ и листкахъ, ее творили поэты и писатели-хулиганы.

На службу къ большевикамъ уже шли открыто.

Бѣсовская сила одолѣвала.

Съ каждой афиши, съ каждой вывѣски, плаката, памятника, съ тульи фуражки, или шапки, съ рукава мундира нагло краснѣла пентаграмма и не было силы парализовать ея дѣйствіе.

Мнѣ казалось, что стоитъ сказать съ вѣрою «во имя Отца и Сына и Святого Духа» — и погибнетъ ея магическое дѣйствіе. Но вотъ этой-то вѣры я и не могъ найти въ себѣ.

Захотѣлось пойти и посовѣтоваться. Обдумать все: — о ларвахъ, или бѣсахъ, о значеніи пентаграммы, о навожденіи, охватившемъ Русскую землю, — соединиться съ кѣмънибудь и начать борьбу съ бѣсами.

Рѣшилъ идти къ Заболотному. Къ кому-же больше? Онъ Русскій унтеръ-офицеръ, георгіевскій кавалеръ, онъ долженъ меня понять. Онъ православный и, видимо, крѣпкій Русскій.

Прийти и сказать: — долой жида Троцкаго. Пригласить въ Россію нашего верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича. Пентаграмму снять и замѣнить крестомъ животворящимъ, православнымъ, восьмиконечнымъ. Перестать быть красной арміей, но стать Русской арміей, — христіанскимъ, православнымъ воинствомъ.

Уничтожить богохульство, развратъ и сквернословіе, обуздать поэтовъ и писателей, специализировавшихся на хулѣ на Бога, молить, чтобы пошелъ, какъ сказалъ поэтъ Александръ Блокъ, впереди красной арміи —

... За вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной росыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣничикѣ изъ розъ
Впереди — Исусъ Христосъ.

Требовать реформы арміи — въ духѣ національной православной Россіи.

Требовать, — съ вѣрою скававъ въ сердцѣ своемъ: — во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Надо комунибудь рѣшиться на это. Ну и пусть я и Заболотный начнемъ!

Эти дни ожиданія пріѣзда Заболотнаго я провелъ какъ-бы въ какомъ-то снѣ. Мнѣ казалось: сума схожу. Я долженъ былъ слѣдить за собою, чтобы не проговориться при комиссарѣ или вѣстовомъ, чтобы не сказать неосторожнаго слова въ казармѣ при товарищахъ.

Наконецъ онъ прїѣхалъ.

Была суровая зима 1918 года. Мы лихорадочно готовили войска для занятія Украины, очищаемой нѣмцами. Отъ событій въ Германіи у всѣхъ кружились головы. Сумасшествіе охватывало міръ. Германія наканунѣ побѣды кончала съ собою самоубійствомъ.

Все шло по какому-то страшному, тайному плану и болѣе, чѣмъ когда-нибудь я вѣрилъ въ необходимость и своевременность придуманныхъ мною реформъ.

Я засталъ Заболотнаго въ какомъ-то странномъ, повышенномъ состояніи. Я бы сказалъ, что онъ пьянъ, но я зналъ, что онъ вина не пилъ... Онъ понималъ, что я хочу говорить съ нимъ «по душамъ», безцеремонно спровадилъ сидѣвшаго у него комиссара, заперъ дверь и сказалъ:

— Вижу, Ѳеодоръ Михайловичъ, что вы что-то надумали. Ну, побалакаемъ... Дѣло-то въ серъезъ разворачивается. По всему міру гудить.

Слушалъ онъ меня внимательно. Но едва я кончилъ — онъ захохоталъ грубымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— Уморили вы меня, Ѳеодоръ Михайловичъ, — ей Богу, уморили!.. Что же жидъ, или еще воть, какъ говорятъ, масонъ — во всемъ виноваты? А вы еще бѣсовъ придумали... или этихъ, ахъ, шутъ ихъ дери, — ларвовъ? А мы то съ вами? А? Казанскими сиротами оказались?.. Православное, христіанское воинство, да поди и Царя пристегнуть хотѣлось-бы... А? Вѣдь такъ?.. А вы подумали, Ѳеодоръ Михайловичъ, что, если, скажемъ, такъ повернуть, что ничего, молъ, не было, что тогда? Какіе мы людишки? Смѣшно подумать! Ну-ка великой революціи и большевиковъ не было — кто я такое? Унтеръ-офицеръ Заболотный. Ну, можетъ быть, корнета мнѣ пожаловали-бы. Такъ я самъ, Ѳеодоръ Михайловичъ, отлично понимаю, какой я корнетъ!? Въ собраніе приду, чтобы всѣ мнѣ спины показывали и молодой корнетъ два пальца протягивалъ. Корнетъ Заболотный... изъ нижнихъ чиновъ... За что? Ѳеодоръ Михайловичъ! За то, что когда этотъ корнетъ съ дѣвкой въ постели дрыхалъ, я на конюшнѣ порядокъ наводилъ и солдатню крупнымъ... обкладывалъ, да морды имъ кулакомъ чистилъ? Теперь, Ѳеодоръ Михайловичъ, — я персона. И кому я этимъ обязанъ? — жиду Троцкому и

сифилитику Ленину. И, спасибо имъ. И я за нихъ постою. Безъ большевиковъ-то возможна была-бы такая реформа? Сяду въ автомобиль, ноги вытяну, старый генераль Рахматовъ подлѣ: — «какъ прикажете, товарищъ? какъ хотите, товарищъ»? — что-же бѣсъ это во мнѣ сидитъ?

— Бѣсъ, — сказала я. — Духъ любоначалія.

— Славный духъ, — сказалъ Заболотный. — Люблю... Да, полноте... Что-же, жида пакостили церковь? Вы, Ѳедоръ Михайловичъ, Русскаго человѣка не знаете? Вы въ гимназїи были, корпусъ, училище кончали, вы деревенской школы не видали. Есть тамъ Богъ? Потемки одни, а не Богъ. Наблюдалъ я Русскаго-то человѣка и диву давался. Придетъ, шапка на затылкѣ, въ зубахъ папироска, матюгается въ храмѣ Божіемъ, штыкомъ Христу ротъ сверлитъ, папиросу вставить, пакость какую ни на есть худшую передъ иконой Божіей Матери сдѣлаетъ. а уходитъ — морда красная, довольная, а колѣнки трясутся. Боится, сукинъ сынъ. Онъ — трусъ, — Ѳедоръ Михайловичъ, — рабъ и скотина. Онъ Бога не боится, потому-что никого изъ нихъ еще громомъ не пришибло, а жида боится. Вы понимаете, онъ этого Троцкаго такъ боится, какъ васъ никогда не боялся. Потому-что Троцкій-то о смертной казни или о тѣлесномъ наказанїи не спорилъ, — а просто — «жъ стѣнкѣ», или «выноротъ эту сволочь». Бѣсы! Жида! Масоны! — Какіе тамъ бѣсы, жида или масоны, просто темнота окаянная! Я, Ѳедоръ Михайловичъ, еще царя понялъ-бы — да только такого, что пришелъ-бы безъ помѣщиковъ и генераловъ и сказалъ-бы: — «жалую тебя, Заболотный, графомъ и со всѣмъ потомствомъ, хотя ты и сукинъ сынъ, а мнѣ нравишься».

— Но вы сами, Семенъ Петровичъ, о бѣсахъ мнѣ давали читать изъ епископа Ѳеофана.

— Давалъ.

— Какъ-же вы дали себѣ поднасть діаволу?

— А вы не подпали?

— У меня особыя обстоятельства.

— Слыхалъ... Это всѣ такъ, спервоначалу. У кого жена, у кого дѣти, или родителей престарѣлыхъ спасать надо. Что-же. дѣло житейское и очень даже понятное. Хорошо... бѣсы... А ежели намъ съ бѣсами-то удобнѣе? Ишь-ты! голодъ кругомъ, — а мнѣ товарищъ Мининъ стер-

лядей живыхъ прислалъ. А вы-бы поглядѣли, Ѳедоръ Михайловичъ какъ иду я по вокзалу, и толпа кругомъ. Рабочіе, мѣшечники, голодные, умирающіе, ну и вашъ братъ — офицеръ тамъ есть, образованные тоже — и шопотъ кругомъ восторженный, подобострастный: — «товарищъ Заболотный идетъ! Дайте дорогу Заболотному.» — Вѣдь они мнѣ руки цѣловать готовы! Что-же и въ нихъ бѣсъ?

— Да, и въ нихъ.

— А они, чать, Богу молятся. По церквамъ колѣнки обиваютъ. Ну, пускай, — я сволочъ, — такъ какая-же они-то, значить, сволочъ! Они и плевка моего не достойны.

— Они, Семень Петровичъ, запуганы терроромъ, казнями. Ихъ понять нужно и простить.

— То-то запуганы! Насъ, комунистовъ, кучка и какъ ихъ запугали, подумаешь! Кабы они не сволочъ были, возстали -бы.

— Пробовали, да что вышло? Ихъ, и Богъ и исторія поймутъ и простятъ, а насъ и не поймутъ и не простятъ.

— А, если покаемся? — хитро, по мужицки, медвѣжьими своими глазками посматривая на меня, сказалъ Заболотный.

— Никакими слезами нашего грѣха, Семень Петровичъ, не отмоешь.

— Слезами... Да... А ежели кровью?

— Какою кровью? — воскликнулъ я.

Заболотный пригнулся и близко, въ упоръ заглянулъ мнѣ въ глаза.

— Жидовскою...

Кровь... Кровь... она вездѣ и всюду. Она потоками льется на Колчаковскомъ, Донскомъ, Деникинскомъ, Украинскомъ фронтахъ, она льется въ застѣнкахъ чрезвычайныхъ комиссій, она льется по дворамъ и сараямъ, по площадямъ и улицамъ. Вчера на рынкѣ красноармейцы дѣлали облаву на мѣшечниковъ и одинъ изъ нихъ, такъ, здорово живешь, ради потѣхи, убилъ бабу. И ничего, никто не возмутился, никакого разслѣдованія не было. Не было никакого «происшествія», потому что теперь это не происшествіе.

Москва неузнаваема. Снѣжные сугробы съ протоптанными узкими тропинками, ледяныя сосульки въ три аршина, разобранные заборы, полуразрушенные дома. Изъ оконъ выведены наружу желѣзныя трубы печекъ буржукъ и ды-

мять во славу третьяго интернаціонала. Морозъ сковаль мѣзмы испорченныхъ водопроводовъ и загаженныхъ дворовъ. За нуждою останавливаются по переулкамъ, не стѣсняясь — и мужчины и женщины. Такъ, вѣроятно, было при царѣ Иванѣ.

Синее, ясное и кроткое небо блистаетъ, какъ парча. Морозъ покрасилъ блѣдныя, исхудалыя щеки женщинъ и дѣтей. Всѣ улицы полны людьми въ рубищахъ. Дѣтишки куда-то бѣгутъ, идутъ совѣтскіе чиновники, выстраиваются хвосты. Какая-то видимость жизни кругомъ, среди скелетовъ домовъ, подъ ногами тихо шествующей смерти.

И все таки прекрасна Москва! Перламутромъ и эмалью, золотомъ и багрянцемъ горятъ купола Василия Блаженнаго. Въ дымкѣ инея, точно въ нѣжномъ кружевѣ, исчербленные, разбитыя стѣны Кремля. Въ голубизнѣ вѣчнаго неба сверкаетъ колокольня Ивана Великаго и что ея бѣлой громадѣ до того, что Ленинъ и жида засѣли въ Кремлѣ. Видала она и хуже времена. Помнить котлы съ человѣческимъ мясомъ на московскихъ площадяхъ, помнить такія-же разбойничьи банды, помнить поляковъ, французовъ и лошадей въ Успенскомъ соборѣ.

Всѣмъ видомъ своимъ говорить она мнѣ, златоглавая Москва: — «все проходитъ».

Разговорился съ комиссаромъ. Онъ молодой человѣкъ, кончилъ университетъ, когда началась революція. Онъ гордъ своимъ положеніемъ. Онъ много читаетъ, всего хочетъ самъ добиться, быть тѣмъ, что англичане называютъ «Self made man»¹⁾. Мы говорили о евреяхъ. Комиссаръ мой, Русскій, сынъ хорошихъ родителей, съ юга Россіи.

— Это хорошо, что евреямъ дано равноправіе, — ска- залъ онъ. — Это нужно. Пусть научится Русскій народъ бороться и побѣждать...

И на лицѣ его было: — «какъ я!»

— Вы посмотрите, — въ Англіи, Америкѣ, во Франціи, благодаря равноправію евреевъ, — создалась благородная конкуренція и это выковываетъ сильныя, желѣзные харак- теры, какихъ у насъ нѣтъ.

¹⁾ Человѣкъ самъ себя сдѣлавшій.

— А вы не боитесь, — сказалъ я, — что при дряблости славянскаго характера, неподготовленности его, все время опекаемаго правительствомъ, къ такой борьбѣ — это кончится побѣдой евреевъ надъ Русскими. Теперь уже три четверти вышихъ мѣстъ занято евреями.

— Это-же понятно, — воскликнулъ онъ. — Евреевъ такъ долго угнетали въ Россіи, что когда они дорвались до власти, имъ хочется насладиться ею.

— Я боюсь, что это наслажденіе дорого обойдется Россіи.

— Вы все о Россіи, — сказалъ мнѣ комиссаръ, кладя мнѣ на руку свою тонкую, блѣдную руку съ выхоленными длинными ногтями. — Неужели не можете забыть?

— Что забыть?

— Все... Все прошлое. Поймите, надо такъ себя настроить, какъ будто не было прошлаго. Я родился въ 1899 году и до этого времени, даже больше, до 1917 года, 25го октября — ничего не было. Къ чорту исторія! Ни Петровъ Великихъ, ни Наполеоновъ, ни Маковскихъ, ни Айвазовскихъ — никого. Никакихъ героевъ. Герои это мы. И то для настоящаго, а не для будущаго. И вы посмотрите, какъ мы творимъ! Каково наше пролетарское искусство!...

— Кубы и пирамиды. Безвкусное сочетаніе краснаго съ бѣлымъ и желтымъ. Тяжелыя языческія капища и трупный смрадъ. Что-то не хочется этого.

— Въ васъ говорить эстетъ прошлаго. Привыкнете — полюбите.

— Забыть Пушкина и увлекаться Демьяномъ Бѣднымъ, промѣнять Лермонтова и Ал. Толстого на Маяковскаго и Маріенгофа! Заменить живопись кубизмомъ, а красивое Русское искусство лубкомъ и Матрѣшками! Постоянно видѣть только гримасу, только карриатуру на Русскій бытъ! Бросьте. Новое — не искусство!

— Привыкнете.

Мы проѣзжали мимо храма Христа Спасителя. Бѣлая громада подъ золотыми куполами въ синевѣ неба казалась воздушной. Много красотъ видѣлъ я на своемъ вѣку, но такого гармоничнаго сочетанія неба, — какого угодно: — покрытаго тучами, или синяго, или молніями искаженнаго, вятнутаго дождевыми струями, но всегда глубокаго и без-

предѣльнаго — золота куполовъ и бѣлаго камня — я не видѣлъ нигдѣ.

— Что-же, — сказалъ я комиссару, показывая на храмъ, — вы отрицаете и эту красоту.

Комиссаръ прищурился и критически посмотрѣлъ.

— Самодержавенъ очень... Мы лучше построимъ.

Въ снѣгу валялись орлы и голова Императора Александра III съ поверженнаго памятника. Стая воронъ снялась съ остатковъ его и полетѣла, черными зигзагами чертя небесный сводъ.

«То-то создадите вы что-нибудь», — подумалъ я. — «Разрушать вы мастера, а созидать?»..

Я ничего не сказалъ. Говорить было бесполезно. И такъ рисковалъ я своею головою и жизнью Наташи.

Нѣтъ, они создали. Они создали своеобразный совѣтскій бытъ. Я наблюдаю его у Липочки.

Молодежь счастлива. Маша шепчется съ Леной и, когда застанешь ихъ вмѣстѣ, онѣ отскакиваютъ другъ отъ друга и обѣ смущены. По вечерамъ онѣ ходятъ по кинематографамъ, театрамъ, а болѣе того по танцевальнымъ заламъ. Ихъ развелось безконечное количество подъ самыми разнообразными названіями. Есть съ именами Карла Маркса, Либкнехта, Розы Люксембургъ, — все такими родными Русскими именами. Но называли ихъ просто — танцульками. Танцуютъ новыя танцы: фоксъ-тротъ и уанъ-степъ, съ новыми кавалерами — матросами и чекистами. Андрей съ развратнымъ лицомъ уличнаго мальчишки, воруетъ гдѣ попало и что попало, но онъ братъ «содкомъ» — содержанки комиссара — и ему на все наплевать. О старшемъ Венедиктѣ узнали, что онъ убить у Деникина.

И среди этой семейки замученная, исхудалая Липочка. Что-то продаетъ, таскаетъ на плечахъ тяжелые мѣшки съ картофелемъ и, когда вечеромъ сидитъ у горячей «буржуйки» и что-то варитъ, — страшно смотрѣть въ ея провалившіеся глаза.

Нѣтъ, ей Господь простить.

Простить и гибель сыновей, и развратъ дочерей и ея непротивленіе злу. Когда она боролась? Она, замученная

жизнью съ дѣтства, всю жизнь плыла по теченію. Она не создана для борьбы.

— Сегодня, Оедя, удалось картошки два пуда намѣнять, — говорить она мнѣ слабымъ голосомъ. — Хорошіе люди попались. Не надули. Какъ-нибудь зиму протянемъ. А тамъ Деникина и казаковъ, Богъ дастъ, сломимъ и хлѣбушка подвезутъ.

Она не думаетъ, что у Деникина мои три: — Святославъ, Игорь и Олегъ, что у казаковъ спрятана моя родная Лиза. Ей — хлѣбъ. А имъ — мученическая смерть.

— Ты-бы, Оедя, добылъ намъ немного кофею настоящаго и сахару. Такъ иногда кофейку захочется.

— Добуду, родная...

Буржуйка дымить. Въ комнатѣ темно. Сидимъ. Молчимъ.

Поздно вечеромъ придетъ Венедиктъ Венедиктовичъ. Былого оживленія и слѣда нѣтъ.

— Ну что наработалъ?..

— Ничего! Два фунта воблы только и очистилось.

— А служба? — спрашиваю я.

— Служба!.. служба!.. Какая тамъ служба! только по желѣзнымъ дорогамъ почту и гоняемъ. Настоящаго-то почтового тракта нѣтъ. Лошадей, гдѣ по реквизиціи забрали, гдѣ просто пораскрали, гдѣ съ голода подохли... А помнишь, Оедя, у насъ въ Джаркентѣ! Почта на пяти тройкахъ!.. Бубенчики звенятъ! Граціозно это выходило... Да и что посылать?.. Писемъ никто не пишетъ. Только казенные пакеты, да тюки съ «Извѣстіями» и «Правдами». Нелѣпица какая-то... Да у тебя-то, Оедя, есть развѣ служба?..

Этотъ вопросъ я самъ себѣ часто задаю.

Одною изъ причинъ, заставившихъ меня пойдти къ нимъ на службу, — я не говорю о необходимости сдѣлать это для спасенія Наташи отъ безумныхъ страданій, — было желаніе повернуть красную армію къ Богу, заставить красноармейцевъ полюбить Россію съ ея великимъ прошлымъ, побудить ихъ служить Россіи, а не третьему интернаціоналу.

Когда я служилъ въ Императорской арміи мы исповѣдывали, что для того, чтобы создать солдата, нужно вести

его подготовку, какъ бы строя квадратъ, одна сторона котораго — муштра, обращеніе солдата въ бездушную машину, слѣпо повинующуюся волѣ начальника, другая сторона — воспитаніе — развитіе въ немъ вѣры въ Бога, любви къ Родинѣ, къ полку, пробужденіе въ солдатѣ благородныхъ задатковъ, основанныхъ и заимствованныхъ изъ средневѣковаго рыцарства. Третья: — обученіе умѣнію владѣть оружіемъ, и четвертая: — работа въ полѣ — маневры. Мы умѣли создать великаго Русскаго богатыря-солдата, гордость Россіи во всѣ времена. Ученіями, отданіемъ чести, всѣмъ старымъ полковымъ режимомъ мы уничтожали Русскую распушенность и хамство. Музыкою, пѣснями, бесѣдами, изученіемъ исторіи полка и Россіи, преклоненіемъ передъ знаменемъ, съ начертанными на немъ нашими святынями: вѣрой православной, Государевымъ именемъ, и Родиной, посѣщеніемъ богослуженій, дисциплиной и полковымъ ритуаломъ мы воспитывали его. Гимнастикой, ружейными приѣмами, фехтованіемъ, стрѣльбой, мы создавали бойца, и, наконецъ, мы непрерывно маневрировали въ полѣ, то ротами, то батальонами, то цѣлыми отрядами.

Этотъ солдатъ, нами созданный, погибъ во имя общей цѣли, борьбы съ милитаризмомъ Германіи.

Красноармеецъ былъ новый солдатъ. Даже тѣ, кто попалъ изъ старшихъ возрастовъ, настоящаго обученія не видали. Они видали войну. А это не парадоксъ: — война портитъ солдата. Она развиваетъ мародерство и распускаетъ его. Передъ нами, красными офицерами, были или развращенные войною старые солдаты, или молодежь, взятая изъ деревни, развращенной тою-же войною.

Совѣтское командованіе не обучало красноармейцевъ по типу квадрата. Оно растянуло его подготовку въ тонкую линію — муштры.

Да, муштровали и подтягивали солдата всѣ, кому не лѣнь. Били по мордамъ, лупили прикладами и шомполами, разстрѣливали десятками.

Вмѣсто воспитанія — было развращеніе въ карательныхъ экспедиціяхъ, въ гражданской войнѣ, по танцулькамъ, на службѣ у че-ки, гдѣ все было позволено.

Обучать владѣнію оружіемъ и маневрамъ боялись. Для этого пришлось-бы дать красноармейца намъ, старымъ офи-

церамъ, а намъ не довѣряли. Боялись, что умѣющая владѣть оружіемъ армія побѣдитъ не только Деникина, но и совѣтскую власть.

Красная армія не была арміей, достойной великой Россіи. Она могла воевать съ безоружными крестьянами и рабочими. Она могла сражаться съ плохо вооруженными студентами, юнкерами и кадетами Деникина, но она не могла противостоять никакой регулярной, правильно обученной, воспитанной и организованной арміи. И отсюда вѣчный страхъ — сначала передъ нѣмцами, потомъ передъ Антантой, передъ чехо-словаками, передъ финнами, эстонцами и поляками.

Но нѣмцы разложились сами и, какъ бараны, пошли на голодъ и униженіе подъ красныя знамена...

Антанта умыла руки и смотрѣла холодными глазами, какъ умиралъ въ агоніи ея вѣрный союзникъ. Можетъ-быть Россія ей уже не нужна была больше? Можетъ-быть она даже довольна была гибели Россіи?

Чехо-словаки грабили Русское золото и съ награбленнымъ добромъ спѣшили домой. Въ этомъ грабежѣ приняли участіе социалисты-революціонеры. Колчакъ отступалъ, и мы знали, что не отъ напора нашихъ войскъ, а вслѣдствіе измѣны чехо-словаковъ. Финны, эстонцы и поляки укрѣпляли свою самостоятельность. Красная армія не могла имѣть мѣшать. Ее постоянно реорганизовывали, свертывали, развертывали, переименовывали, сводили, разводили, но арміи не создали... Можетъ-быть и не хотѣли ее создать.

Притомъ: — солдаты были голодны.

Вліять на голодную толпу, развращенную до мозга костей, было невозможно.

Я служилъ въ красной арміи уже годъ и я ничего не могъ сдѣлать, чтобы перемѣнить ея характеръ.

Значить: — главнаго, — идейнаго оправданія, у меня не было.

Оставалась Наташа.

Она все молчитъ. Она разговариваетъ съ Липочкой, съ Венедиктомъ Венедиктовичемъ, пытается вернуть къ добру и правдѣ младшую племянницу Лену, но со мною молчитъ.

Она меня не понимаетъ.

Мы живемъ въ одной квартирѣ, но мы точно чужіе. Мы, двадцать пять лѣтъ прожившіе душа въ душу!

Она молчитъ и съ комиссаромъ. И только вѣстовому приказываетъ сухимъ, не терпящимъ возраженія голосомъ. Впрочемъ это рѣдко. Она все больше дѣлаетъ сама.

У ней есть пьянино. Она къ нему никогда не подходитъ. Ея отрада церковь.

Все тѣлесное ушло отъ нея. Ея глаза, какъ два факела, какъ звѣзды въ вечернемъ блѣдномъ небѣ. Она стала сѣдая и бѣлые волосы при нѣжномъ и юномъ цвѣтѣ лица не старятъ, но молодятъ ее. Она, какъ фарфоровая маркиза, какъ акварель XVIII вѣка.

Жизнь идетъ мимо нея.

И какая жизнь!

Въ особнякѣ княгини Бѣлопѣнской, съ разрѣшенія народныхъ комиссаровъ, было устроено кабаре. Столики, вино, пирожное, пирожки, закуски, полуобнаженные представительницы московскаго свѣта, брилліанты, жемчуга и толпа грубыхъ чекистовъ, матросовъ и жидовъ. Только имъ подъ силу было платить окровавленными милліонами за блескъ аристократическаго салона...

Разстрѣлы на Лубянкѣ... Война съ братьями на всѣхъ фронтахъ... и кабаре княгини Бѣлопѣнской.

Ее называли «бывшей княгиней», но — княгиней...

Чекисты, матросы и жида.

Бедламъ?!

Наташа въ черномъ платьѣ въ бѣлыхъ кудряхъ на точеной головкѣ, шла отъ ранней обѣдни домой поить меня чаемъ. — Мимо вели на казнь. Развѣзжались съ гикомъ и шумомъ гости Бѣлопѣнской... Это картины быта при совѣтской власти.

Въ театрахъ новыя постановки. Балетъ процвѣтаетъ и балерины стали наложницами пролетаріата. Вездѣ музыка, пѣніе, звонъ голосовъ, но не могутъ они заглушить стоновъ умирающихъ, проклятій казнимыхъ.

Два дня выла и визжала Таганская тюрьма — тамъ арестанты устроили обструкцію.

Ихъ вой былъ слышенъ на улицахъ и красноармейцы разгоняли любопытныхъ.

Наташа видитъ. Наташа знаетъ. И не осуждаетъ меня. Но понять не можетъ!

Я самъ не понимаю себя. А что я буду дѣлать? Что я могу дѣлать? Бѣжать?.. Бѣжать! — куда глаза глядятъ. Къ Деникину, въ Польшу, въ Финляндію?

А Наташа?

За мною слѣдятъ.

Я сплю. Тихо, неслышно пріоткрывается дверь и комиссаръ въ одномъ бѣльѣ смотритъ на меня. Тутъ-ли? что дѣлаю? Всѣ на учетѣ. Наташа, Липочка, Венедиктъ Венедиктовичъ. Родные красного офицера. Въ случаѣ чего, — всѣхъ въ пытку и на смерть.

Я часто вижу, какъ Липочка слѣдитъ за мною, когда думаетъ, что я ее не вижу. Смотритъ — что я? — Не убѣгу-ли, не измѣню-ли совѣтской власти? Вѣдь тогда и ее возьмутъ. Она — сестра... .

Комиссаръ сказалъ мнѣ: — ваши сыновья Святославъ, Игорь, Олегъ и дочь Елизавета — гдѣ они?

Молчу.

— У Деникина... . Ну, можетъ, на ваше счастье, убиты уже. Тамъ большія потери эти дни были, и все офицеры... .

Молчу.

Что-же! Казните меня! Казни меня, милая Наташа. Богъ послалъ тебѣ бѣлизну волосъ, чтобы еще сильнѣе отгнѣнить твою душевную чистоту!

Я черенъ. Я продалъ душу дьяволу. Но во имя кого, ради чего я это сдѣлалъ!?

Приду и сяду подлѣ тебя, милая Наташа, какъ прежде, и все тебѣ расскажу. Перекрещусь и скажу: «во имя Отца и Сына и Святого Духа — слушай меня.»

Какъ скажу? А, если она скажетъ: — лучше мнѣ муки тѣла, и пытки, и смерть, чѣмъ тебѣ вѣчныя муки души.

Знаю: — такъ скажетъ.

Ибо она — Русская женщина!.. Великая Русская женщина.

И не смѣю отдать ее на пропѣтіе.

Молчу... . Служу... .

Боже, какъ я страдаю!..

Просился на польскій фронтъ. Все какая-то видимость защиты Родины. Стоять на какой-нибудь рѣкѣ Стыри и воображать, что охраняю великую, державную Россію.

Нагло, по жидовски, усмѣхнулся председатель Реввоен-совѣта. Посмотрѣлъ желтыми глазами сквозь стекла пенсне. Насквозь видить.

— Соскучились въ Москвѣ? Что-же, товарищъ, понимаю. Вы боевой генералъ. Война — ваша сфера. Исполню, исполню вашу просьбу. Уважаю ваши порывы...

Меня отправили на южный фронтъ, въ Украину.

Туда, гдѣ должны быть мои сыновья.

Можетъ быть «на мое счастье» они убиты.

Комиссаръ правъ. Это счастье имѣть убитыхъ сыновей.

На этомъ обрывалась тетрадь дневника — записокъ Оедора Михайловича Кускова.

XXVI.

Эти записки Свѣтикъ читалъ не первый разъ. Какъ всегда, не могъ оторваться, пока не дочиталъ до послѣдней строки. Отецъ, мать, тетя Липа вставали передъ нимъ, какъ живые. Но живые въ прошломъ. Представить себѣ, какъ они теперь тамъ живутъ не могъ. Казалось: невозможно тамъ жить! А жили-же! Записки кончались, повидимому, февралемъ, или мартомъ 1919 года, теперь мартъ 1923 года. Четыре длинныхъ, тягучихъ года, полныхъ событій пронеслись. Отъ нихъ не было никакихъ извѣстій. Точно гробовая доска и могильный холмъ отдѣляли ихъ другъ отъ друга.

Молчаніе было оттуда. Никакой голосъ не достигалъ. Ни писемъ, ни замѣтокъ въ газетахъ. Зналъ, что на ихъ фронтѣ не было взято въ плѣнъ генерала Кускова, онъ не перешелъ къ нимъ, не было слышно, что онъ убитъ.

Свѣтикъ любилъ свою мать святою любовью. Перечитывая записки, онъ чувствовалъ, что отецъ и мать герои.

Но весь былъ на сторонѣ матери. Онъ понималъ ея горделивое молчаніе при исполненіи ея долга жены.

Свѣтикъ спряталъ тетрадь и подошелъ къ окну.

Темнѣло. Длинной гирляндой, утопая въ сыромъ сумракѣ, загорѣлись огни на Rue du faubourg Saint Martin. — Подъ окномъ клокотала трамваями, автобусами, такси и людьми place de Strassbourg. Дворъ вокзала былъ полонъ каретокъ и людей. Ожидали скорые поѣзда изъ Вѣны и изъ Швейцаріи.

«Мама», — думалъ Свѣтикъ, вглядываясь въ туманы, спускавшіеся надъ городомъ. — «Гдѣ ты? откликнись... Ну намеки мнѣ, живали ты?..»

Со злобою думалъ о спиритахъ, теософахъ, мистикахъ. Ларвы... астрали... бѣсы... ангелы... Гдѣ они? Ихъ нѣтъ! Изъ боязни смерти выдумали ихъ трусы. Если-бы были они, то могъ-бы онъ когда — нибудь получить вѣсточку отъ отца и матери нездѣшнымъ путемъ. Ну, сказали-бы. Живы, молъ... Ждемъ... Безъ мамы, безъ отца, Россія казалась пустой и не такую желанной. «Аликъ сказалъ сегодня: — «Россія будетъ новой.» Какою новой? ужели не будетъ Русскаго уюта, покоя и этого мелодичнаго несравненно красиваго языка Русскихъ женщинъ? Только онѣ и умѣютъ ласкать, только онѣ и умѣютъ любить. Ужели семьи Русской не станеть!

Ясно представилъ себѣ мамину квартиру на Офицерской, куда онъ пріѣхалъ послѣ производства въ офицеры, уже во время войны. Мама уложила его спать въ гостиной.

Было воскресенье. Наканунѣ до двухъ часовъ ночи онъ разговаривалъ съ матерью и сестренкой Лизой. Онъ усталъ отъ пережитаго волненія производства, хлопотъ въ училищѣ, послѣднихъ тяжелыхъ дней лагеря и на мягкомъ диванѣ, отгороженномъ отъ оконъ ширмами, заснулъ крѣпкимъ радостнымъ сномъ. Отецъ былъ на войнѣ и уже отличился въ бояхъ. Свѣтикъ офицеръ, черезъ нѣсколько дней тоже ѣдетъ на войну. Офицеръ... война... все это звенящими думами овладѣвало имъ. Сознаніе, что онъ у матери, больше всего его радовало. Онъ помнилъ: послѣ крѣпкаго, молодого сна, безъ сновидѣній, онъ проснулся отъ грохота колесъ на мостовой. Взглянулъ на часы. Было семь. Подо-

шелъ къ окну. Сквозь тюлевыя занавѣси изъ за цвѣтовъ, стоявшихъ на подоконникѣ, — геліотроповъ, резеды и левкоевъ, увидѣлъ узкую улицу съ блестящими, мокрыми отъ росы, камнями мостовой, скупо освѣщенную солнцемъ. По ней ѣхали ломовыя подводы. Сзади каждой были привязаны передки съ полевыми орудіями. Сѣрая краска была свѣжа, пушки, смазанныя саломъ, блестѣли, какъ лакированныя. Свѣтикъ пропустилъ ихъ, зѣвнуль, кинулся въ неуспѣвшую остыть постель и заснулъ въ сознаніи, что онъ можетъ спать, сколько угодно. Ему снилась необыкновенно красивая женщина. Она играла на какомъ-то инструментѣ, пѣла и танцевала.

Сквозь сладкую истому полудремы, полусна въ сознаніе робко входили звуки. За стѣною мама шопотомъ говорила Лизѣ, чтобы она не шумѣла.

— Свѣтикъ спитъ...

Робко звякнулъ колокольчикъ. Мать легко, чуть касаясь пола, побѣжала въ прихожую. Пришли въ отпускъ братья, кадеты Игорьъ и Олегъ, и опять Свѣтикъ слышалъ предостерегающій шопотъ матери:

— Свѣтикъ спитъ.

И было такъ тихо, что Свѣтикъ слышалъ какъ Олегъ, едва шевеля губами, спросилъ: —

— Мама, онъ офицеръ?... Да?

Потомъ Топикъ, маминъ котъ, сѣрый, пушистый, прыгнувъ, должно быть, съ буфета на полъ и въ мягкомъ стукѣ его лапокъ было что-то особенно уютное, семейное, «мамино».

Свѣтикъ посмотрѣлъ на часы. Было двѣнадцать! Онъ быстро вскочилъ. Помнитъ — радость ощущенія силы и свѣжести молодого, здороваго тѣла, гибкость мускуловъ и ожиданіе ласки мамы, ласки семьи.

Его усадили на почетное мѣсто. Горничная принесла кипящій самоваръ. Его ждали. Мама сѣла разливать чай. Подлѣ него сидѣли братья въ рубахахъ съ погонами, противъ, облокотясь худенькими локтями на скатерть, таращила большіе совершенно, какъ у матери, глаза сестренка Лиза. Ея волосы были заплетены въ двѣ косы и внизу спины оканчивались золотистыми локонами.

Но лучше всего была мама. Онъ помнитъ ее всю, а нарисовать, даже описать-бы не могъ. У ногъ ея, поднявъ кверху хвостъ, терся Топикъ. Солнце сзади лило на нее лучи и точно золотое сіяніе было надъ ея русыми волосами. Въ глазахъ, темныхъ за свѣтомъ, было счастье. На ней былъ китайскій халатъ, темносиній съ золотыми ткаными розами и съ широкими рукавами. Въ рукава были видны полныя бѣлыя руки. Маленькіе пальчики были розовые и, какъ перламутръ, были крошечные ногти. Она была высокая, стройная. Была — необыкновенная, святая, чудная. . .

— Кушай, касатка. Любимый, — сказала она.

Что было въ ея голосѣ? Почему одно воспоминаніе о немъ и сейчасъ такъ волнуетъ его?

Голосъ былъ маминъ. Онъ былъ — Русскій. Онъ переживался тѣми особыми волнами звуковъ, какія имѣетъ только Русскій языкъ.

— Мой дорогой, — сказала она, — мой офицеръ! Вотъ и ты уйдешь спасать Россію.

Что было въ этомъ, много разъ прозвучавшемъ грудными нотами, полномъ, сочномъ «о»? Какая магія звука? . .

Эти дни, проведенные въ семьѣ съ мамой — были чудные, незабываемые дни.

Послѣ уже не было ничего такого чистаго и красиваго. Святое, чистое — семья — исчезла. Была война, было раненіе и былъ романъ съ сестрою милосердія, едва не кончившійся бракомъ. Маму видалъ мимолетно, въ рѣдкіе наѣзды домой на одинъ, на два дня. Потомъ была революція и . . . Ара. . .

Тогда, казалось, и погибли и семья, и Россія. А тамъ: — ледяной походъ и душныя ночи въ избѣ съ казачкой подъ пологомъ. Смѣхъ товарищей и вся беспорядочная жизнь добровольца безъ дома, безъ угла, безъ Родины.

Потомъ и женщины исчезли. Онѣ были для богатыхъ. Офицерамъ остался каторжный трудъ въ Македонскихъ горахъ. И туда, куда не шли за трудностью и убыточностью работы сербскіе селяки — нанимали Русскихъ офицеровъ.

Но все сносилъ ради того, чтобы снова испытать счастье быть дома, быть въ семьѣ, увидеть маму и услышать ея голосъ.

— Мой дорогой, — скажетъ она. Касатка!.. Любимый...

Ей все разскажетъ.

Новая Россія. А что, если ... безъ Бога, безъ Царя, безъ семьи?..

Что тамъ? Тамъ живутъ. И тетя Липа и двоюродныя сестры Маня и Лена. Семья Липочки — послѣдняя семья...

И мамина семья — послѣдняя.

Теперь: — новая Россія. — Въ ней: — сестра милосердія, Ара, казачка подъ душнымъ пологомъ, смѣхъ товарищей и каторжная жизнь безъ просвѣта. Кузина — содержанка комиссара...

Осталась Лиза... Гдѣ она?... Была брошена въ Ростовѣ. Когда брали Маріинскій институтъ Смольному не нашли мѣста, и Лиза осталась. Братъ Игорь уѣхалъ въ Америку, Олегъ на лѣсныхъ работахъ...

Они разрушили, раздавили прежде всего семью, а тамъ легко было уничтожить государство, уничтожить Бога!

Чтобы спасти Россію, надо вернуть семью, надо уничтожить развратъ.

Вчера вечеромъ вышелъ на boulevard des Italiens. Небо было ясное, звѣздное. Аэропланъ чертилъ по нему свѣтящимся составомъ какую-то рекламу. Отъ верха громадныхъ домовъ до мостовой горѣли свѣтлыя вывѣски. Красныя, бѣлыя, желтыя. Тамъ вертѣлось какое-то колесо и съ каждымъ поворотомъ мѣняло цвѣта, тамъ рѣзко вспыхивали огненные буквы и угасали. Рядомъ съ театромъ Vaudeville — высокія окна были изнутри освѣщены загадочнымъ лиловымъ свѣтомъ. Огни наверху, огни въ ярко освѣщенныхъ магазинахъ, отраженія огней въ блестящихъ глазахъ женщинъ — и всюду жизнь. Дьяволъ игралъ людьми.

А «тамъ» замученная тетя Липочка черезъ силу тащить на себѣ мѣшокъ картофеля. Тамъ отецъ съ проклятіемъ несетъ службу, тамъ молчитъ второй годъ милая мама!

Да, живы-ли они всѣ?

Люди — братья. Злая насмѣшка въ этихъ словахъ. Люди — муравьи. Если разворотить муравейникъ въ Бразиліи, это не взволнуетъ муравейникъ въ Финляндіи. Тамъ будетъ идти та-же жизнь. Они кричатъ: «лига націй, семья

народовъ!» Подлецы! Верните раньше человѣческую христіанскую семью, верните Родину и тогда говорите о семьѣ народовъ!

XXVII.

Въ дверь постучали. Лохматый лакей въ зеленомъ передникѣ просунулъ голову и сказалъ таинственно: —

— Une dame... Vous attend... Au taxi...¹⁾

— Une dame?²⁾

Ара конечно. Кто-же другой здѣсь можетъ быть?

Свѣтикъ надѣлъ шляпу и еще не просохшее зеленое пальто. Сбѣжалъ по крутой винтовой мраморной лѣстницѣ.

У подъѣзда стояла черная каретка. Въ открытое окно выглядывала широкая шляпа и темная вуаль.

— Свѣтикъ!

— Ара.

Она посторонилась, давая ему мѣсто. Каретка была полна запахомъ ея духовъ. Большіе выпуклые глаза блесгли подъ крутыми полями шляпы. Подведенныя карминомъ губы улыбались.

— Rue Monge, quarante sept³⁾ ... — сказала она въ окошко.

Мучило сознаніе близости красивой нарядной женщины. Мягкое покачиваніе автомобиля нѣжило, а мысль неслась къ монастырю, гдѣ въ этотъ вечерній часъ его товарищи, усталые, съ разбитыми руками идутъ внизъ къ холодному, каменному сараю, гдѣ ихъ ожидаетъ горячая вода, картофель и бобы...

Мягкая рука въ перчаткѣ сжала его руку.

— Мой милый! Герой!.. Я знаю, ты ненадолго... Мнѣ все нужно тебѣ сказать и объяснить.

— Какимъ образомъ ты стала графиней? Я сначала не узналъ тебя. Думалъ: — ты и не ты. Гдѣ ты была эти три года? Почему остригла волосы?

¹⁾ Дама... Ожидаетъ васъ... Въ такси...

²⁾ Дама?

³⁾ Улица Монжъ, сорокъ семь.

— А развѣ плохо?.. Теперь это модно... Мой золотой... Погоди. Не перебивай меня. Я хочу тебѣ рассказать мою повѣсть... печальную повѣсть современной дѣвушки. Результатъ войны... Революціи ... и...

— Отсутствія семьи, — быстро сказалъ Свѣтикъ.

— Правда... Ты угадалъ. Моя мать слишкомъ много занималась свѣтомъ и слишкомъ мало своими дѣтьми. Мы выросли прекрасно воспитанныя, болтающія по французски и по англійски, но совершенно бездушныя. У меня не было сердца. Мы были пропитаны ложью.

— Когда ты говорила, что любишь меня — ты обманывала?

Ара молчала. Моторъ съ шумомъ мчался по освѣщеннымъ улицамъ. Останавливался на перекресткахъ, рычалъ и срывался дальше. Въ окно было видно мостъ, темныя воды Сены, гирлянды огней на набережной и ихъ отраженіе въ водѣ.

— Тебя?.. Когда ты, помнишь, сказалъ: — «я Корниловецъ,» — и тебя взяли солдаты, я была восхищена тобою. Герой!.. И сейчасъ-же практичность, привитая дома, подсказала глупые стишки: «Offizier — kein Quartier, Goldne Tressen — nichts zu fressen.»¹⁾ И все таки первое чувство было сильнѣе. Я была твоею.

— Почему ты ушла изъ дома?

— Большевики пришли. Надо было бѣжать.

— Что-же ты дѣлала?

— Устроила бюро для отправки офицеровъ на югъ и работала въ немъ. Свѣтикъ! Тебя одного я искренно любила.

— Увы не перваго.

— Я думала... за то ты будешь послѣднимъ, — вздохнула Ара.

— Ну дальше... Стала графиней. Стало быть явилось и продолженіе.

— Ревнуешь?.. На пароходѣ, во время эвакуаціи, когда я видѣла, какъ сильныя отталкивали слабыхъ, какъ шла звѣриная борьба за мѣста, и генералы занимали каюты, а беременныхъ женщинъ бросали въ трюмъ, я возненавидѣла

¹⁾ Офицеръ — нѣтъ квартиры. Золотыя кисточки, а нечего жрать.

всѣхъ мужчинъ. Я разочаровалась въ добровольцахъ и стала презирать Русскихъ. Какъ затравленный грязный звѣрекъ я сидѣла въ трюмѣ. Меня томили голодъ и жажда. Вдругъ пришелъ ты, отдалъ свой хлѣбъ и воду женщинамъ. Ты далъ и мнѣ. Ты сначала не узналъ меня?

— Нѣтъ... — мрачно сказалъ Свѣтикъ. — Кто былъ твой первый?

— Глупо; Свѣтикъ. Это заповдавая мужская ревность. Ничего въ ней нѣтъ хорошаго.

— Я хочу все о тебѣ знать.

— Мнѣ нечего скрывать. Это было такъ глупо! Мой первый — былъ мой двоюродный братъ — пажъ. Я была совсѣмъ дѣвочкой. Это была не любовь, а шутка. Любопытство... Мы шалили... И онъ овладѣлъ мною.

— Второй?

— Ты.

— Правда?... Ара... Не мучь меня!

— Глупости... Оставь... Ты на этомъ ужасномъ пароходѣ воскресилъ во мнѣ вѣру въ людей. Ты явился опять героемъ... И наши медовые три дня въ «Nouvel Orient Hôtel'ѣ», — я была счастлива. Ты ни разу не оскорбилъ меня.

— Развѣ мужчина, любя женщину, оскорбляетъ ее?

— Всегда...

Нѣсколько мгновений они молчали. Наконецъ, Ара сказала глухимъ голосомъ: —

— Ты меня бросилъ...

— Неужели, Ара, ты не поняла тогда, что я не могъ тебя взять съ собою.

— Другіе брали... Но не будемъ вспоминать объ этомъ, — сжимая руку Свѣтика, сказала Ара... Это пустяки. Тогда я была очень на тебя зла. Проводивъ тебя, я вернулась, радѣлась, и, голая, стала у зеркала. Я распустила волосы. Мое тѣло отразилось въ стеклѣ. Оно мнѣ показалось прекраснымъ. Я думала: — «все погибло, во имя чего стоило жить, беречь себя и работать. Нѣтъ Государя, нѣтъ Россіи и нѣтъ больше бѣлаго знамени чистаго добровольческаго движенія. Все стало продажно. Девизъ одинъ: — жить! — ну и буду жить.» Мнѣ казалось, что въ эти сладкія минуты самолюбованія умирала во мнѣ душа. Грѣхъ овладѣвалъ

мною. «Ну, и что-же?» — думала я. — «Все трамъ-та-ра-рамъ и я со всѣмъ. Тѣло жаждетъ нѣги — дамъ ему эту нѣгу.» Я смотрѣла на свои уши и думала: — «онѣ достойны сережекъ со старинными жемчугами, что выставлены въ магазинѣ случайныхъ вещей.» Я знала, что это фамильные сережки княгини Ярославцевой. Она дала ихъ продать, а сама пошла въ услуженіе къ богатому греку. Все летитъ прахомъ. Ну и я полечу. Въ два счета! Мнѣ захотѣлось пирожныхъ и мороженаго у Токотліана, звуковъ скрипокъ и окарины, негрскаго джаззъ-банда. — «Тѣло,» — сказала я себѣ, — «работай! Спекулируй. Ищи спекулянта! Теперь безъ спекулянта не проживешь». Я быстро одѣлась и пошла къ Токотліану. Половина добровольческой арміи мои знакомые. Я встрѣтила Муратова и открыла ему свои мысли. — «Хотите выйти замужъ за графа Пустова?» — сказалъ мнѣ Муратовъ. — «Онъ богатъ?» — спросила я. — «Очень.» — «Познакомьте меня съ нимъ.» — Графъ Пустовъ оказался моральнымъ и физическимъ чудовищемъ. Толстый, слюнявый, пухлый, бритый, сальный — онъ, казалось, былъ созданъ изъ банковъ, валюты, спекуляцій и комбинацій. — То, что мнѣ было надо... Онъ уѣхалъ изъ Россіи 2-го марта 1917 года, въ тотъ день, какъ узналъ объ отреченіи Государя, и всѣ свои средства устроилъ въ Швеціи. «Я монархистъ» — говорилъ онъ, — «и въ монархіи я не признаю Россіи.» Онъ работалъ по поставкамъ. Злые языки болтали, что онъ изъ Швеціи поставлялъ оружіе и амуницію красной арміи, а изъ Турціи — лошадей и сѣдла добровольцамъ. — «Чѣмъ скорѣе другъ друга они пожрутъ,» — говорилъ онъ, — «тѣмъ лучше. Толка отъ нихъ не будетъ. Таже учредилровка.» — Онъ купилъ мнѣ сережки. Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, — все честь честью. Въ Аѳинахъ мы вѣнчались... И началась моя страда. Душа-то, Свѣтикъ, значить не умерла во мнѣ. И душа возмутилась. А за нею и тѣло... Ну, вотъ мы и дома...

XXVIII.

У Ары была комната во второмъ этажѣ. Ара отворила квартиру своимъ ключомъ. Комната была небольшая. Ея «убогая роскошь наряда» не понравилась Свѣтику. Это во всякомъ случаѣ не была комната графини. Большую часть

ея, оставляя узкіе проходы у единственнаго окна и у задней стѣны, занимала громадная низкая кровать, покрытая золотистымъ, шелковымъ, потрепаннымъ одѣяломъ, накрытымъ кружевомъ. Въ углу было большое, въ ростъ, зеркало и подлѣ туалетный столикъ съ флаконами, баночками, шпильками, гребенками, заячьими лапками и другими женскими мелочами. Въ противоположномъ углу былъ высокій шкафъ, у задней стѣны комодъ. За нимъ висѣли на вѣшалкѣ нѣсколько юбокъ. На шкапу громоздились съ полъ дюжины шляпныхъ кардонокъ, круглыхъ и четырехугольныхъ, большихъ и малыхъ. Въ ногахъ постели была кушетка, у кушетки накрытый столикъ, на немъ тарелки съ пирожными, бутылки коньяку и вина, стаканъ и чашка.

Надъ постелью висѣло нѣсколько иконъ. Суровые, темные лики въ старинныхъ окладахъ строго смотрѣли на убранство комнаты. Иконы здѣсь были не кстати.

— Прости, — сказала Ара, снимая шляпу. — Пойду похлопотать о кипяткѣ. У меня сварливая хозяйка и, какъ все здѣсь, прислуги не держитъ.

— Право, Ара, ничего мнѣ нужно. Не хлопочи для меня.

— Нѣтъ. Это мнѣ доставляетъ удовольствіе. Напоминаетъ мнѣ наши чаи въ Саперномъ, когда мы вѣрили во что-то.

Ара вышла. Свѣтикъ осмотрѣлъ комнату. Змѣйкой пробѣжала брезгливая мысль. «Кто-кто не валялся на этой постели, до нея . . . съ нею?» Унылая, ноющая боль защемила сердце. «И все мы, Русскіе, такіе бездомные. И до какихъ поръ!»

Приходъ Ары съ чайникомъ и бульоткой прогналъ тоскливыя мысли.

Безъ шляпы, въ просторномъ платьѣ, съ широкими, раструбомъ, рукавами она казалась моложе, но была не такъ красива. Темные волосы порѣдѣли и когда она встряхивала ими, обнажался крутой, уходящій назадъ лобъ. Прекрасные глаза не блестѣли таинственнымъ огнемъ, какъ изъ подъ полей большой шляпы. Но за то она стала проще, и напомнила бывшее. Стала доступнѣе. Когда сѣла она на маленькомъ стулѣ у его ногъ и, хмуря густыя брови, стала наливать въ стаканъ чай, легла между ними близость.

— Я стаканъ тебѣ сейчасъ купила, — сказала она. — Помню: ты въ стаканѣ любишь. По Русски. И пирожныя, твои любимыя.

— Давно не ѣлъ я пирожныхъ.

— А когда?

— Да, еще тогда . . . въ Константинополѣ.

— Врешь?.. Со мной?

— Ну, да.

— Ей Богу?

— Да, конечно. . . Не въ Галлиполи-же?.. Впрочемъ какъ-то въ Галлиполи ѣлъ торты, на какомъ-то дамскомъ праздникѣ. Но это было совсѣмъ не то. Ты себѣ представить не можешь, какъ мы живемъ въ Югославіи. Чѣмъ питаемся.

— Все лучше чѣмъ я, — хмуро сказала Ара.

— Ты разошлась съ мужемъ?

— Да что рассказывать! Мы поѣхали въ Марсель. Уже въ каютѣ, я поняла, что за грязная гадина мой мужъ. . . Мы оказались такихъ разныхъ убѣждений. . . Я, Свѣтикъ, все таки любила Россію. . . Люблю ее и теперь. Видишь иконки? Всѣ сохранила. Какъ бѣдствовала! Чуть на улицу не пошла, а ихъ не продала. . . Пять дней я страдала отъ его причудъ. Я не брезгливая, — въ арміи чего не навиделась, а и я не вынесла. Въ Марсели бѣжала. У него дѣла были въ Швеціи, онъ торопился, а я оставила ему записку, вернула всѣ его подарки и ушла, куда глаза глядятъ. Остановилась въ маленькой гостинницѣ, стала искать работы. Продавала по маленьку вещи. Ничего. . . Наконецъ, нашла мѣсто горничной. Хорошая семья. Мужъ и жена. Они въ Россіи жили. Россію любятъ. Приняли они меня, какъ родную. Сломилась. Скрыла, что я графиня и старая Русская дворянка, стала служить на совѣсть. . . Да вотъ бѣда! Красива я. . . Стали ухаживать за мной. Горничная!.. Все можно. Тотъ щипнетъ, этотъ толкнетъ. На каждого не пожалуешься. Переговорила я по совѣсти съ хозяйкой. Она хорошая женщина, поняла меня, да и догадалась, что не простая я бѣженка. Устроила меня сестрою-сидѣлкой въ дѣтскую больницу. Кажется, — Бога благодарить надо. Свѣтелка у меня была своя. Тихо, хорошо. Кругомъ сестры монашенки, разговоры простые. И такая тоска меня

охватила. На послѣдніе гроши выписала Русскія газеты и стала по объявленіямъ о розыскахъ слѣдить знакомыхъ. Многихъ нашла. Стала письма писать. Пришли отвѣты. Князь Аликъ откликнулся, Муратовъ. Ты, злой, ничего не написалъ!

— Не получалъ ничего.

— Ну, конечно, не могла тебя забыть... Писала на авось въ штабъ арміи.

— Я не получилъ.

— Да все равно, — сказала Ара и закурила папиросу.

— Можетъ, и не все равно.

— Нѣтъ, все равно, — отмахнулась Ара, — ну такъ вотъ: — просто... Пріѣхалъ за мною Муратовъ и увезъ въ Парижъ...

Нѣсколько минутъ Ара, молча, курила, слѣдя за дымомъ. Потомъ сказала съ печальною, ѣдкою ноткою горечи:

— Вотъ и вся моя исторія. Второй годъ живу въ Парижѣ. — Она тряхнула кудрями. — Ничего! — Живу... Такихъ, какъ я, много теперь.

— Ара... А жаль, что такъ вышло. Ты бы могла дѣтей имѣть. Я думаю красивыя у тебя дѣти вышли-бы.

— Отъ кого? — со злою усмѣшкою бросила Ара.

— Отъ мужа, конечно.

— То-то! Кто женился-бы на мнѣ?..

— А знаешь, — внимательно вглядываясь въ ея полное круглое Русское лицо, вдругъ покраснѣвшее подъ слоемъ пудры, сказалъ Свѣтикъ, — я въ Петербургѣ крѣпко любилъ тебя и не будь такое время...

— И пажа бы простилъ? — сказала она съ грубой ироніей.

Свѣтикъ не нашелся, что отвѣтить.

— То-то всѣ вы такіе! Рыцари безъ страха и упрека. Вы, новые люди, когда дѣло касается — поиграть, да бросить, но когда дѣло коснется васъ самихъ, О! тогда! Честь имени... Моя фамилія... Семья! Подавай голубиную чистоту.

— Семья, — тихо сказалъ Свѣтикъ, — это святыня. Она требуетъ чистоты матери. Моя мать... Мать моего отца, бабушка Варвара Сергѣевна, это, Ара, святая женщины.

— А мы грѣшницы... — со злобою перебила Ара. —

То-то ты сынъ и внукъ святыхъ женщинъ, сидишь у меня. И, внаешь, Свѣтикъ, что говорить о томъ, что было. Надоѣло это plus-que-parfait¹⁾. . . Было . . . было . . . было. . . Была Россія, былъ добрый, славный, честный царь, была доблестная армія, была семья, были честныя женщины, были матери и дѣти — все, милый мой, было. . . Такъ вѣдь были-же и социалисты, была и придворная камарилья, измѣнники генералы и министры, были и шкурники, укрывавшіеся подъ флагомъ краснаго креста, были и трусы, были и самопалы, отстрѣливавшіе себѣ пальцы, были и Ары, шалившія съ пажами, была и моя мамаша, любовныя шапшны не скрывавшая отъ меня, — и они-то всѣ съѣли твою Святую Русь съ дворянскими гнѣздами и Лизами Калитиными, отъ неравдѣленной любви идущими въ монастырь. Война все сломила. Семья. . . Пролетная птица, Свѣтикъ, гнѣзда не вьетъ, пока не прилетитъ на мѣсто. У бродячей собаки щенятъ не бываетъ, а мы хуже пролетныхъ птицъ, потому что, куда мы летимъ? — чего ждемъ? Мы хуже бродячихъ собакъ, и для бродячей собаки добрая душа найдется. А для насъ! . .

— Какая жестокая безотрадность! Безъ семьи, Ара, міръ погибнетъ.

— Ничего онъ не погибнетъ. Инымъ станеть, но не погибнетъ. Семья погибла, но дѣти-то все продолжаютъ рождаться. Вспомни у Гейне —

Наши женщины рожаютъ
Наши дѣлушки имъ въ этомъ
Соревнуютъ, подражаютъ.

Этого добра не убываетъ. Дуръ на свѣтѣ все еще много.

— Но какія это дѣти! Страшно подумать. Безъ материнской ласки, безъ семьи.

— Дѣти пролетаріата. Владыки міра. . . Они хотятъ владѣть всѣми нами и пусть владѣютъ.

— Это ужасно, Ара!

— Ужасно? . . Нѣтъ. . . Это правда. Здѣсь, въ Парижѣ нашумѣлъ романъ Victor' a Margueritte' a — «La garçonne». Автора за него лишили ордена Почетнаго легіона. Какіе, подумаешь, лицемѣры! . . Дѣлать — можно. Но скавать,

¹⁾ Давно-прошедшее.

указать въ какую бездну катится — міръ и Франція! Какъ можно! Не патріотично! Все обстоитъ благополучно. А между тѣмъ, какая дѣвушка теперь не «garçonne»? Наше равноправіе сказалось прежде всего въ развратѣ. Вы путались съ горничными, ѣздили къ дѣвкамъ, вы посѣщали воспитанные Купринимъ дома, а потомъ спѣшили къ аналою, чтобы съ благословенія священника сорвать цвѣтокъ невинности, поднести молоденькой дѣвущкѣ свои увядшія силы и согрѣвать её догорающимъ огнемъ страсти. А почему мы не можемъ? Не вы-ли въ своей литературѣ, съ театральныхъ подмостокъ, вотъ уже тридцать лѣтъ кричите о томъ, что и въ любви женщина свободна, какъ мужчина. Ну... У тебя, кто была первая? Я думаю — ты и не помнишь? А я помню. Пажъ... Волосы бобрикомъ, прогулка на лыжахъ, пустая рига на окраинѣ Павловскаго парка... Эхъ! вы! Равноправіе — такъ равноправіе.

— Не въ этомъ равноправіе, Ара.

— А въ чемъ-же?

— Равноправіе въ образованіи, въ умѣ. Жена...

Ара опять его перебила.

— Жена! А жена да боится своего му-ужа! Я слыхала это отъ діакона... А подумалъ апостолъ Павелъ, что мужъ будетъ измываться надъ этою самою боящеюся его женою? Бракъ и семья всегда были уродливы. А теперь — они ужасны. Ты пойми: — дома, собственности — нѣтъ. Вездѣ — отели и пансіоны. Ни званыхъ вечеровъ, ни обѣдовъ. И жена больше не собственность, а тоже, какъ пансіонъ, или комната съ мебелью.

— Тоска, Ара.

— Да, милый, тоска. Мнѣ вспомнилось стихотвореніе одной прелестной дамы. А сколько въ немъ тоски... И правды сколько!

— Какое стихотвореніе?

— Слушай:

Dancing — мѣсто, гдѣ въ вѣкъ нашъ печальный
Люди ищутъ забвенія мигъ.
На душѣ у нихъ звонъ погребальный,
И отчаяньемъ свѣтитъ ихъ ликъ...
Потолокъ въ яркихъ лампахъ и въ лентахъ,
Негры воютъ пустыни призывъ,
И на дикихъ своихъ инструментахъ
Негры дикій играютъ мотивъ.

Такъ безумно знакома картина:
Пары томно танцуютъ fox-trott
Въ кольцахъ пестрыхъ, въ цѣпяхъ серпантина.
Грусть въ очахъ. Улыбается ротъ.
Какъ въ аду, неуютно и душно...
То въ зеленыхъ, то въ красныхъ лучахъ
Ходятъ пары печально и скучно,
И jazz-band раздается въ ухахъ
Безысходно тоскливо и нудно...
Вотъ хозяинъ приносить шары
Что теперь продаются такъ трудно,
Такъ какъ дѣти теперь ужъ стары.
Но для взрослыхъ шары и свистульки
Это — лучшіе, давніе дни,
И подъ пискъ оглушительно гулкій,
Какъ ребята смѣются они.
Сквозь соломинку тянутъ ликеры.
Но напрасно!... Спасенія нѣтъ!...
А межъ тѣмъ, сквозь густыя портьеры
Льется солнечный радостный свѣтъ...¹⁾

Восемь часовъ стучать на машинкѣ... Голодной бѣгать по улицамъ. Въмѣсто обѣда — кафэ... Въмѣсто семьи — ресторанъ... Въмѣсто бречанія дома на фортепьяно — dancing... Это новый міръ, устроенный господами социалистами!..

Ара притихла. Она подняла глаза на иконы. Точно оттуда ждала отвѣта.

— А иконы не продала? — тихо сказалъ Свѣтикъ.

Ара пожала плечами.

— Привычка... суевѣріе... Все равно: не спасли онѣ меня. Или уже очень я грѣшная... Или... Нѣтъ и Бога...

— Страшныя ты вещи говоришь, Ара.

— Новая жизнь, милый мой. Кисельные берега и молочныя рѣки.

Она коротко засмѣялась и рѣзко кинула: —

— Торжество социализма.

XXIX.

Долгое наступило молчаніе. Какъ въ могильномъ склепѣ было въ тихой комнатѣ и широкая постель казалась не ложемъ страсти, но катафалкомъ смерти. По дому пустили паровое отопленіе и стало жарко. Пахло духами. Свѣтику

¹⁾ Стихотвореніе Елены Георг. Гловацкой.

кавалось, что сквозь запахъ духовъ пробивается порою нудный, противный запахъ тлѣнія. Ара погасила боковую лампочку и только верхняя лампа съ абажуромъ краснымъ тюльпаномъ заливаала комнату мягкимъ, волнующимъ свѣтомъ.

Отъ чая съ коньякомъ и вина кружилась голова. Грѣшныя мысли лѣзли въ голову. Надоѣдно повторялись строфы изъ Апухтинскаго «Года въ монастырѣ»:

Она была твоя, шепталъ мнѣ вечеръ мая,
Дразнила долго пѣсня соловья.

Было жалко себя. Идутъ и идутъ годы, а все: случайное ложе и ласка на полчаса.

Иконы тонули во мракѣ. Едва намѣчались золотомъ ризъ. Свѣтъ падалъ на низкія широкія подушки, покрытыя кружевами.

Ара сидѣла, задумавшись. Локтями она опиралась на столъ. Широкіе рукава спустились и бѣлыя полныя руки, покрытыя нѣжными, тонкимъ, пухомъ были видны до розовѣющей косточки локтя.

— Ара! — сказалъ Свѣтикъ.

Она точно проснулась. Вздогнула... Подняла голову...

— Что, милый?

Свѣтикъ подошелъ къ ней, обнялъ и сталъ цѣловать ея шею, тамъ, гдѣ пріятно щекоталъ губы подбритый затылокъ.

Страстнѣе и дольше становились его поцѣлуи, крѣпче объятія. Ара не сопротивлялась. Она отдавалась его ласкамъ. Сильными, грубыми, мозолистыми руками онъ обхватилъ ее за талію и посадилъ на колѣни. Верхняя пуговка ея платья растегнулась и оно сползло съ плечъ, обнажая широкую грудь и кружево рубашки съ розовой ленточкой. Свѣтикъ прижался лицомъ къ нѣжной кожѣ груди. Ара закрыла глаза. Томный, долгій вздохъ зажегъ Свѣтика. Онъ уже не помнилъ себя.

Онъ поднялъ ее и положилъ на постель. Но сейчасъ-же гибкимъ движеніемъ она поднялась и цѣпко схватила его за воротникъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... сказала она. — Только не это... Милый... Дорогой... любимый... Нельзя.

Красные круги поплыли передъ глазами Свѣтика. Онъ боролся съ Арой, стараясь повалить ее и освободиться отъ душившей руки.

— Оставь, — прохрипѣлъ онъ. — Ты меня душишь!

— Свѣтикъ... пойми!... Этого нельзя!

Онъ рванулся, воротничекъ соскочилъ съ запонокъ, галстухъ развязался. Свѣтикъ снова навалился на Ару.

— Свѣтикъ. Заклинаю тебя! Оставь!

Ея глаза наполнились слезами.

— Ара!

— Свѣтикъ!... Свѣтикъ... — высвобождаясь изъ его рукъ, воскликнула Ара... — Я не могу... Пойми... Пойми меня, дорогой, золотой, милый... Хочу... Не могу... Я больная... Я заражена...

Свѣтикъ выпустилъ её и выпрямился.

Прекрасная лежала она передъ нимъ. Раскраснѣвшаяся отъ стыда, отъ борьбы и страсти, съ блестящими отъ слезъ громадными глазами она была, какъ никогда, желанной.

Онъ готовъ былъ, все презирая, все позабывъ, снова кинуться на нее.

— Кто? — хрипло проговорилъ онъ, сжимая кулаки.

Въ это мгновеніе постучали и, не дожидаясь отклика, — открыли дверь.

Въ комнату вошли Муратовъ и Синегубъ.

XXX.

— Мы услышали голоса въ комнатѣ, значитъ вы, графиня, не одна, мы и вошли, — началъ Синегубъ, остановился и попятился къ дверямъ. — Виновать, — преувеличенно вѣжливо сказалъ онъ и умолкъ.

Растрепанная Ара, въ спустившемся, измятомъ платьѣ, поднималась, дико озираясь, съ постели, Свѣтикъ въ разорванной рубахѣ, лохматый и красный мрачно смотрѣлъ на входившихъ.

Муратовъ вышелъ впередъ. Плотнo притворивъ дверь, онъ брезгливо обошелъ чайный столикъ и подошелъ къ Свѣтику. Его лицо, бывшее неестественно краснымъ, вдругъ побѣлѣло. Нижняя могучая скула длиннаго сухого подбо-

родка произвольно сжималась и разжималась. Точно хотѣлъ онъ что-то сказать и не могъ.

— Милостивый государь, — прошипѣлъ, наконецъ, онъ, шепелявя отъ волненія. — Что это значитъ? Какое право имѣли вы нападать на мою подругу . . . на . . . мою любовницу?

Его блестящій взоръ встрѣтилъ холодные, остывшіе глаза Свѣтика, и холодность Свѣтика раздражила его.

— Если вашъ папаша большевикъ, — это еще не дать вамъ права поступать по большевицки. . .

— Оставьте въ покоѣ моего отца, — скрещивая на груди руки, сказалъ Свѣтикъ.

— Вы понимаете, что вы сдѣлали, или нѣтъ? — взвизгнулъ Муратовъ. — Вы оскорбили мою честь!

— Серѣга! — глухимъ голосомъ проговорила Ара, — оставь! Стыдно. Больше меня оскорбить, чѣмъ это сдѣлалъ ты, — нельзя. Свѣтикъ ничего не сдѣлалъ. Мы боролись.

— Кажется дѣло пахнетъ скандальчикомъ, — прошептала Синегубъ, и на цыпочкахъ отошелъ къ дверямъ.

— Боролись! . . Это, — краска внезапно прилила къ лицу Муратова, — это, мѣлостивый государь, подлость . . . врываться къ беззащитнымъ женщинамъ, пользоваться ихъ слабостью и . . . Я вамъ говорю, Святославъ Федоровичъ, вы . . . подлецъ!

Это слово четко и вѣско прозвучало въ воздухѣ и сейчасъ же наступила острая сторожкая тишина. Свѣтику показалось, что, какъ только раздалось это слово, всѣ предметы комнаты стали точно одушевленными и значительно насто-рожились. Вклокоченная постель, со смятою кружевною накидкою и сползшими подушками, стала будто меньше, точно съежилась отъ испуга. Шкапъ, отражавшій въ зеркалѣ сцену Ары, напротивъ, будто сталъ выше, словно выпрямился отъ страшнаго слова. Свѣтику казалось, что время остановилось и долго и скучно, раздражая глаза, горитъ красная лампа. Случилось что-то ужасное, худшее чѣмъ смерть. Надо что-то дѣлать. Ару и Муратова онъ видѣлъ ясно. Синегубъ расплывался въ красномъ туманѣ.

Голова Ары упала на грудь. Она закрыла лицо прекрасными, бѣлыми ладонями. Синегубъ бросился къ Муратову. Но онъ не дошелъ до него, и послѣдніе шипящіе

звуки отчетливо сказаннаго слова не растаяли еще въ душномъ воздухѣ, какъ полночьная, звонкая пощечина огласила стѣны. Свѣтикъ ударилъ Муратова.

Муратовъ кинулся на Свѣтика, но Синегубъ схватилъ его за плечи.

— Брось, Серёга, — строго сказалъ онъ. — Ты съ ума сошелъ. Дратся въ комнатѣ женщины, на чужой квартирѣ! Есть культурные способы смытія оскорбленія. Драка только усиливаетъ его.

— Ты правъ, — освобождаясь изъ рукъ Синегуба и вдругъ становясь странно спокойнымъ, сказалъ Муратовъ. — Мои секунданты, господинъ Кусковъ, будутъ у васъ завтра утромъ, а теперь попрошу васъ оставить комнату моей подруги.

Свѣтикъ холодно поклонился и пошелъ къ дверямъ. Въ дверяхъ Синегубъ съ подчеркнутой любезностью подаль ему пальто и шляпу и раскрылъ дверь. При гробовой тишинѣ Свѣтикъ вышелъ изъ комнаты. Въ глубинѣ корридора у ярко освѣщенной кухни стояла старая толстая женщина въ черномъ платьѣ, ворчала и ругалась. Свѣтикъ могъ разобратъ только, что эти «sales russes»¹⁾ хуже всякихъ бошей. Не оглядываясь, онъ вышелъ на лѣстницу.

— Cordon, s'il vous plait²⁾, — крикнулъ онъ въ окошечко консьержи и очутился на улицѣ.

Онъ былъ въ совсѣмъ незнакомой ему части Парижа. Распрашивая прохожихъ, онъ выбрался на Сену и тамъ уже отыскалъ Gare d'Orléans и «rue de Belle Chasse», гдѣ жилъ Алика.

Ему надо было позаботиться о секундантѣ. Кромѣ Алика у него не было знакомыхъ въ Парижѣ.

XXXI.

Въ ту-же ночь, въ первомъ часу въ маленькой garçonnière, въ rez de chaussée³⁾ у князя Алика, собрались Сине-

¹⁾ Грязные Русскіе.

²⁾ Прошу открыть (буквально: шнуръ, пожалуйста).

³⁾ Холостая квартира въ нижнемъ этажѣ.

губъ, приглашенный имъ молодой человекъ Лобысевичъ-Таранецкій и вызванный, какъ экспертъ и совѣтникъ, генераль Лотосовъ.

Въ просторномъ мягкомъ кабинетѣ съ большимъ ковромъ во весь полъ и уютными глубокими креслами, съ окнами, закрытыми ставнями и задернутыми портъерами было сильно накурено.

Князь сидѣлъ на диванѣ. Его блѣдное породистое лицо подергивалось. Онъ былъ недоволенъ и разстроенъ. Сбоку, спиною къ окну, развалился въ креслѣ, вытянувъ длинные ноги, тонкій, худой Лобысевичъ-Таранецкій. Его плоское рыбье лицо съ птичьимъ носомъ и острыми холодными темными глазами клубнаго шуллера, было спокойно. Тщательно выбритый, въ манишкѣ съ высокими стоячими, ослѣпительно бѣлыми воротниками и галстукомъ по послѣдней модѣ съ дорогой булавкой, въ черномъ, изящномъ, вечернемъ костюмѣ, выхоленный, онъ вскидывалъ въ глазъ монокль и тогда становился важнымъ и часто потиралъ большія, съ тонкими узловатыми пальцами, руки. — Никто не зналъ, кто онъ, на какія средства живетъ, чѣмъ занимается, но вездѣ въ бѣженской средѣ его принимали. Часто видѣли его среди французовъ и слышали, какъ онъ говорилъ: — «мой отецъ, предводитель дворянства и камергеръ» . . . «пока дворянство не будетъ восстановлено во всей силѣ — ничего хорошаго ждать нельзя» . . . «на терроръ отвѣчаютъ терроромъ — на разстрѣлы висѣлицами, на висѣлицы пытками, на пытки — сожженіемъ живьемъ» . . . «Всѣхъ перепоротъ — съ этого надо начать.» Онъ былъ членомъ одной крайней партіи, носившей не благозвучное имя «шуп» — «партія устроителей погромовъ». Злые языки говорили, что вся партія состояла изъ него, Муратова и еще одного промставшагося офицера, бѣжавшаго изъ арміи Врангеля.

Въ углу, за пьянино, въ костюмѣ шоффера, сидѣлъ генераль Лотосовъ. Это былъ крѣпкій мужчина съ усталымъ лицомъ. Нужда заставила его сдѣлаться шофферомъ на такси. Онъ работалъ по ночамъ. Ночью легче ѣздить по Парижу и заработокъ больше. Тяжелая работа отзывалась на его здоровьи. Онъ часто кашлялъ хриплымъ затяжнымъ кашлемъ. Костюмъ шоффера стѣснялъ его. Онъ забился въ уголъ, дымилъ папирсой, внимательно слушалъ, что

говорилося, и самъ говорилъ только тогда, когда его спрашивалъ Аликъ, бывшій когда-то его ученикомъ по тактикѣ.

Противъ князя сидѣлъ Синегубъ.

— Господа, — капризно, по женски пожимаясь, говорилъ князь Аликъ, — если-бы вы знали, какъ мнѣ это все противно. Недавно здѣсь была дуэль изъ за женщины, ничѣмъ серьезнымъ не кончившаяся. . . Въ Будапештѣ была дуэль изъ за партійной ссоры и сплетень. . . Въ Берлинѣ дуэль изъ за перебранки. . . Какое-же это должно производить впечатлѣніе на иностранцевъ! Россія гибнетъ. Россія такъ нуждается въ честныхъ, стойкихъ людяхъ, нужно объединеніе, сплоченіе, общая работа, а Русскіе только и дѣлаютъ, что дерутся на дуэляхъ. Что скажете, ваше превосходительство? . . А?

— Видите, Александръ Ѳедоровичъ, — отозвался Лотовъ и закашлялся. — Оскорбленіе-то ужъ очень сильное. . . И на глазахъ. . . кха . . . кха . . . проклятый кашель . . . у женщины . . . на глазахъ у Павла Ивановича. . . Согласитесь. . . Пощечина. . . Подлецъ. . . Подлеца такъ просто не проглотишь, пощечину, даже и по бѣженскому масштабу, не съѣшь.

— Да . . . да . . . конечно, — смутился Аликъ и сталъ выколачивать о пепельницу трубку.

— Князь, мое мнѣніе такое, — вскидывая монокль, сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій, — дуэль неизбежна. Но я совершенно согласенъ съ вами, ваше сіятельство, что эти пустыя дуэли иностранцамъ надобѣли и я настаиваю, подчеркиваю — настаиваю, — въ виду тяжести оскорбленія, на дуэли съ обязательнымъ смертельнымъ исходомъ.

Князь, набивавшій трубку, остановился, мягкимъ движеніемъ отложилъ въ сторону красный гуттаперчевый мѣшочекъ съ табакомъ и сказалъ:

— Нѣтъ. . . Нѣтъ. . . Я, господа, противъ этого. Я не могу этого допустить. Позвольте, господа. . . Я обоихъ ихъ знаю. Серѣга, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, дѣльный малый. Онъ все таки цѣнный работникъ. Онъ, господа, — я могу это вамъ сказать, — единственный человѣкъ, обладающій неопровержимыми данными, что нашъ обожаемый Государь живъ. Онъ изучилъ все слѣдствіе Соколова и онъ нашелъ и подмѣтилъ тамъ намеки, и по этимъ наме-

камъ уже пустилъ развѣдку. Съ его смертью погибнуть дѣло первостепенной важности. . . Кусковъ, господа. . . Вы не знаете Кускова! Кусковъ, господа, вѣдь это типъ того Русскаго офицера, на какихъ мы можемъ только молиться. Это рыцарь безъ страха и упрека. Это такое горѣніе любви къ Родинѣ, какое рѣдко найдешь. Нѣтъ, господа, Кусковыхъ становится все меньше и меньше и, если мы этого убьемъ. . . Убьемъ другихъ, что же останется для Россіи?

— Тѣмъ болѣе, Аликъ, — сказалъ Синегубъ, отрываясь отъ сигары, — Кусковъ не съѣсть такъ «подлеца».

— А Муратовъ — пощечины, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій.

— Что-же вы придумали, князь? — сказалъ Лотосовъ.

— Я понимаю, я понимаю, господа, — сжимая и разжимая въ рукѣ мѣшочекъ съ табакомъ, говорилъ Аликъ, — я понимаю всю запутанность, сложность, сугубость, такъ сказать, положенія. . . Но, господа, господа! . . . Что же, мы будемъ стоять и смотрѣть, пока одинъ не убьетъ другого? Нѣтъ! . . . Мы не палачи, мы не большевики, мы не чрезвычайка. . .

— Именно, князь, мы не большевики, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Если-бы мы были большевиками, социалистами, мы бы ихъ помирили. Тамъ это можно. Получилъ пощечину — на тебѣ деньги и поѣзжай въ другой городъ провѣтриться. Въ другой разъ будь осторожнѣе и не ухаживай за чужими женами. Но мы, князь, старые Русскіе дворяне, лишеныя всего. У насъ отняли имущество, отняли наши помѣстья, сожгли наши поэтичныя усадьбы, но, князь, чести у насъ еще никто не отнималъ и мы не можемъ отнять ея ни у Муратова, ни у Кускова. И, чѣмъ лучше они, тѣмъ болѣе жестокой должна быть дуэль.

— Я, господа. . . Можетъ быть, это и нехорошо, — заговорилъ князь Аликъ. Онъ всталъ со своего мѣста и началъ ходить широкими шагами по ковру, — можетъ быть, это и смѣшно, но я бы вызвалъ ихъ къ себѣ и предложилъ помириться . . . протянуть другъ другу руки и поцѣловаться. . . Вѣдь, господа. . . Я не хочу ничего, ничего худого сказать про графиню. . . Но, господа, кто не знаетъ, что она за женщина? И тутъ. . . Серѣга просто погорячился, какъ всегда. . .

— Князь, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій, — тутъ вопросъ не о графинѣ, а вопросъ объ оскорбленіи, не смы-
ваемомъ, иначе, какъ смертью.

— Ну, хорошо, господа, — князь остановился у пи-
анино. Хорошо. Пусть съѣдутся съ пистолетами въ Венсен-
скомъ лѣсу и тамъ мы потребуемъ, чтобы они на мѣстѣ дуэли
помирились. Ваше превосходительство? Какъ вы думаете?

— Я думаю, что Муратовъ никогда на это не пойдетъ.
Кускова я не знаю, — сказалъ Лотосовъ.

— Положимъ, — сказалъ князь, — и Кусковъ, пожалуй,
не согласится. Ахъ, какая исторія! Но мы уговоримъ. Это
нашъ священный долгъ помирить ихъ.

— На потѣху французамъ, — сказалъ Синегубъ.

— Ну, хорошо, до первой крови.

— Это, князь, не выходъ, — сказалъ Синегубъ.

— Ваше сіятельство, — сказалъ Лобысевичъ-Таранец-
кій. — Позвольте мнѣ формулировать мое предложеніе.

— Пожалуйста, — сказалъ Аликъ, зябко пожимаясь.

— Надо сдѣлать такъ, чтобы иностранцы не могли
смѣяться надъ Русскими — для этого смерть одного изъ
противниковъ обязательна. Это удовлетворитъ и дуэлян-
товъ, по крайней мѣрѣ, насколько я могу говорить отъ своего
довѣрителя, Сергѣя Сергѣевича Муратова. И я предлагаю
— американскую дуэль.

— То есть?

— На узелки. . . Кто вытянетъ пустой кончикъ платка
— тому смерть. Застрѣлится черезъ двадцать четыре часа.

— Это садизмъ въ духѣ чрезвычайной комиссіи. И при-
томъ. . . Американскую дуэль никогда не предлагаютъ секун-
данты. Она рѣшается самими дуэлянтами.

— Вѣрно, князь, — но теперь совсѣмъ особыя времена
и это самый совершенный способъ дуэли въ случаяхъ слиш-
комъ тяжкихъ оскорбленій, — сказалъ Синегубъ.

— Я, господа, не могу, не могу на это согласиться.
Пойдемъ на голоса. Ваше превосходительство?

— Иного выхода нѣтъ.

— Павло?

— Я держусь того-же мнѣнія. Американская дуэль —
наилучшій выходъ.

— Но, князь, — отчего вы волнуетесь, — сказала Лобысевичъ-Таранецкій. — Вѣдь это не обязательно. Любая сторона можетъ не согласиться и уѣхать. И конецъ.

— Свѣтикъ никогда на это не пойдетъ.

— Серёга тоже, — сказалъ Синегубъ.

— Ничего другого не остается, князь, — сказалъ Лотосовъ.

— Я бы предложилъ такъ, — сказалъ Синегубъ. — Завтра утромъ объявимъ имъ обоимъ, и, если оба соперника примутъ условія, завтра въ полночь мы соберемся у le Rignon. Подъ звуки танго, графиня протянетъ въ зажатой рукѣ два кончика платка. Изъ нихъ одинъ съ узелкомъ. У кого пустой — тому смерть. Тотъ, кто вытянетъ жизнь — долженъ сейчасъ-же на трое сутокъ покинуть Парижъ. Другой ѣдетъ... на слѣдующую ночь... Ну, хотя, въ Auteuil, въ Bois de Boulogne и тамъ стрѣляется...

— Это садизмъ большевицкой чрезвычайки! воскликнулъ Аликъ. — Вы, ваше превосходительство?

— Я что-же... Какъ они... Секунданты...

— Три голоса, ваше сіятельство, за, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Вы одинъ противъ.

— Это смертная казнь!.. Это убійство!..

XXXII.

Въ ухахъ еще звучали скрипки, игравшія танго, въ глазахъ еще крутилась на стержнѣ стеклянная дверь шикарнаго ночного ресторана, когда Свѣтикъ поднялся съ Арой въ ея комнату. Онъ повѣсилъ на крючки свою старую шляпу и зеленое пальто.

— Теперь, — сказала Ара, пряча у него на груди плачущее лицо, — теперь все равно... Все можно... Я твоя.

Передъ глазами Свѣтика все стоялъ шумный, яркій ресторанъ. Казалось, онъ еще слышалъ рѣзкіе звуки тарелокъ джазъ-банда. За сосѣднимъ столикомъ усаживались какіе-то французы. Офицеръ въ голубовато-сѣромъ мундирѣ со стоячимъ воротникомъ съ вышитымъ номеромъ, съ колодкой орденовъ во всю грудь, презрительно и высокомерно смотрѣлъ на скромный пиджакъ Свѣтика. Два штатскихъ, утрированно, по модѣ одѣтыхъ, съ слишкомъ тонкой, острой

складкой на короткихъ, узкихъ книзу брюкахъ, въ лакированныхъ башмакахъ съ бантами, прилизанные, съ блестящими отъ брильянтина черными ватылками, были съ офицеромъ. Съ ними дама.

Она сѣла спиною къ Свѣтику. Ея спина, обнаженная узкимъ мысомъ почти до пояса, блестяла при свѣтѣ люстръ холеной кожей. Возлѣ ихъ столика суетились лакеи. Подали шампанское и кокъ-тайль. Муратовъ, прямой, строгій, сидѣлъ молча, наискось. Рядомъ съ нимъ блѣдный изящный Аликъ. Лицо Алика все время подергивалось.

Въ головѣ столика сѣла графиня Ара. Ея ростъ, красивое сложеніе, яркая Русская красота привлекали всеобщее вниманіе. Она была сосредоточенно важна. Опять, какъ пять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, она чувствовала себя при исполненіи какихъ-то сложныхъ, пахнущихъ кровью обязанностей. Это точно подстегивало ее. Она была возбуждена и величаво красива.

Что-то ѣли, что-то пили. Огни слѣпили глаза, музыка разгоняла думы, и казалось Свѣтику, что онъ — не то попалъ въ домъ умалишенныхъ, не то играетъ въ какую-то волнующую пьяную игру, не то снится ему замысловатый сложный сонъ.

Синегубъ слѣдилъ за часами и, когда стрѣлка показывала безъ пяти минутъ двѣнадцать, онъ значительно посмотрѣлъ на Алика и графиню и сказалъ: — пойдѣмте!

Всѣ трое встали. За столомъ остались Свѣтикъ, Лобысевичъ-Таранецкій, Лотосовъ и Муратовъ. Было всѣмъ тяжело. Лобысевичъ-Таранецкій, нахально обернувшись, сквозь стекло монокла смотрѣлъ на плечи французской дамы. Лотосовъ игралъ ножомъ, барабана лезвиемъ по краю тарелки. Муратовъ гордо смотрѣлъ въ даль. Ни одинъ мускулъ не шевельнулся на его лицѣ.

Графиня, Аликъ и Синегубъ сейчасъ-же вернулись. Оркестръ — задорно игралъ танго. Какая-то пара: тонкій штатскій во фракѣ и черномъ широкомъ цилиндрѣ, крѣпко прижимая даму, танцевалъ между столиками. Сквозь прозрачныя вуали платья были видны обнаженные ноги съ розовыми колѣнями, осторожно выступавшія рядомъ съ мужскими ногами въ узкихъ черныхъ панталонахъ.

Графиня, глядя въ даль, съ важностью на лицѣ, протянула къ серединѣ стола сжатый кулакъ красивой руки. Муратовъ первый потянулся къ крошечному кончику платка. За нимъ Свѣтикъ. Надъ бѣло-розовымъ кулачкомъ они столкнулись и коснулись другъ друга. Всѣ строго слѣдили за ними. За соседнимъ столомъ заинтересовались странною игрою Русскихъ.

— Прошу, — сказалъ Синегубъ.

Они потянули. И уже когда Свѣтикъ потянулъ, по отсутствію сопротивленія въ кулакѣ, — понялъ, что вытянулъ: — смерть.

Еще помнилъ онъ тонкій запахъ духовъ, вина и какого-то кушанья. Замѣтилъ, какъ лицо Муратова вдругъ покраснѣло. Онъ хотѣлъ посмотреть ему въ глаза, но Муратовъ всталъ и вышелъ. И тогда засуетились всѣ и стали вставать. Аликъ и Лобысевичъ-Таранецкій остались. Свѣтикъ пошелъ къ выходу. Въ уши лѣзъ все тѣмъ же прерывающимся ритмомъ назойливо-страстный южный мотивъ танца. Въ проходѣ было тѣсно. Навстрѣчу Свѣтику двигалась танцующая пара. Свѣтикъ прижался къ спинкѣ стула и мимо него, коснувшись его знойнымъ тѣломъ и обдавъ запахомъ духовъ и пудры, прошла танцующая дама. Онъ ощутилъ мускулы ея ногъ, близко увидѣлъ обнаженную колеблющуюся грудь и блестящіе подрисованные глаза.

Свѣтикъ торопился «домой». Но когда вышелъ въ влажный сумракъ улицы, сообразилъ, что у него дома нѣтъ, что «Grand Hôtel de France et de Suisse» съ крошечнымъ номеромъ — не домъ. Онъ тихо пошелъ отъ ресторана. Ара нагнала его въ такси и забрала съ собою. Всю дорогу она, молча, плакала. Сейчасъ, когда онъ снялъ пальто и шапку, какимъ-то нерѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ кушеткѣ и устало опустился на нее, она, скинувъ нарядное манти, положивъ шляпу на комодъ, полураздѣтая въ своемъ модномъ платьѣ изъ тонкой матеріи, подхваченномъ сбоку, съ большимъ вырѣзомъ, подъ которымъ были только сѣрые шелковые чулки, сѣла на колѣни Свѣтику и обняла его ароматною теплою, мягкою рукою.

Онъ чувствовалъ запахъ вина, духовъ и тѣла и понялъ, что она возбуждена виномъ, страстью и всѣмъ совершившимся. Онъ понялъ, что опять, какъ тогда на Саперномъ,

когда его взяли солдаты, — онъ для нея герой, и она готова на все. Онъ понялъ, что сегодня къ страсти у нея примѣшивается острое ощущеніе, что это послѣдняя страсть обреченнаго на смерть. Но онъ былъ холоденъ. Вялымъ движеніемъ онъ обнялъ ее за талію и поцѣловалъ горячую щеку.

— Что съ тобой? — сказала Ара. Она пересѣла на стулъ и, опершись руками на спинку и опустивъ на руки голову, внимательно заглянула въ глаза Свѣтику.

— Что со мною? — повторилъ Свѣтикъ. — Не знаю. . . Не знаю, что надо дѣлать въ случаяхъ, подобныхъ моему. Отдаться страсти, и прямо отъ нея забвенія перейти въ вѣчность? Ты передо мною. . . Ты прекрасная, ты и желанная. . . И . . . я не могу. . .

— Ты усталъ, мой родной. Переволновался. . . Хочешь коньяку?

— Нѣтъ, Ара, не въ этомъ дѣло. А въ необычайности моего положенія и его безнадежной глупости. Мои товарищи, все бѣднота, впроголодь питающаяся, оборванная и босая, собрали послѣдніе гроши, чтобы снарядить меня на развѣдку, въ Парижъ, и въ міровомъ центрѣ узнать: что-же дальше, на что надѣяться, чего ожидать? И вотъ, вмѣсто развѣдки, въ первый-же день: — ресторанъ, встрѣча съ женщиной и глупая дуэль. . . И смерть. И задаю себѣ я вопросъ. Что это? Дикая случайность, или ничего другого и не могъ дать мнѣ Парижъ и Русская «эмиграція»? Какой отвѣтъ я дамъ тѣмъ, кто борется и изнемогаетъ въ борьбѣ, кто плыветъ по сѣрому безконечному морю, покрытому валами мертвой зыби, не видитъ берега и чьи руки устали и не въ силахъ больше грести. Какой маякъ укажу я имъ, какую обѣтованную землю открою? . . Вино, женщины, рестораны, джазъ-бандъ, танго. . . И самоубійство. . . Ты понимаешь, Ара, мнѣ кажется, что волею судьбы я поднять на самую вершину человѣческой пошлости и, конечно, ниже упасть, какъ въ темноту могилы я не могу.

— Все я. . . Глупая женщина!

— И чего только я тутъ не наслушался! . . Какъ многіе мнѣ говорили: «ни Врангель — ни Ленинъ». . . Они не знаютъ, чего хотятъ. Все растворилось въ шкурномъ вопросѣ: быть, или не быть. . . Какъ дотянуть свои сбереженія, чтобы про-

должать жить старою барскою жизнью... А Россія?.. Армія?..

— Ты, Свѣтикъ, меня не осуждаешь?

— Нѣтъ, Ара... Можетъ быть, такъ надо. Я не могъ сказать имъ: — ничего. Пьютъ, ѣдятъ, танцуютъ и забыли... забыли про насъ. Мнѣ легче пустить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ видѣть ихъ отчаяніе.

— Это не такъ, Свѣтикъ... Почему ничего?

— А что-же?.. Кругомъ холодный пессимизмъ и сомнѣніе въ возможности побѣдить большевиковъ.

— Князь тебѣ говорилъ, что открываются новые горизонты, что имя найдено и еще въ нынѣшнемъ году потребуются всѣ ваши силы, чтобы идти въ Россію и нести въ нее свѣтъ, правду и порядокъ. Ты не понялъ это? Ты это не почувствовалъ?

— Я понялъ, но не почувствовалъ. Если это дѣло въ рукахъ Муратовыхъ и Лобысевичей-Таранецкихъ, то лучше пусть и не берутся за него.

— Значить, не понялъ. Не партіи, — говорилъ князь Аликъ, — но всѣ Русскіе объединяются теперь около одного человѣка — и человѣкъ этотъ спасетъ Россію... Хочешь?.. Убѣжай... и скажи это имъ... Хочешь напиши имъ и пошли завѣтъ: держаться и ждать.

— Ждать! Уже нѣтъ силы дольше ждать... Ты-то вѣришь, Ара?

— Я?.. Да... Я вѣрю, что Россія въ ближайшіе годы увидитъ освобожденіе и будетъ двинута къ новой жизни. Я не увижу этого. Я больна. Я жить не хочу... Залѣченной, съ боязнью имѣть ребенка, съ боязнью парализа. Брр... Поживу, сколько хочется, и довольно.

Она примолкла. Холодная и торжественная подъ алымъ свѣтомъ фонаря-тюльпана, стояла низкая широкая постель и опять казалась она Свѣтику печальнымъ катафалкомъ ожидающимъ гроба. Мертвая тишина была во всемъ домѣ. Парижъ успокаивался и замиралъ.

— Эти девять лѣтъ, Ара, — девять лучшихъ лѣтъ моей жизни я прожилъ на волосокъ отъ смерти. Я четыре раза былъ раненъ. Плѣнъ, смертныя пытки, разстрѣлъ у большевицкой стѣнки, смерть отъ тифа, холеры, — все это такъ часто грозило мнѣ, что потеряло свою остроту. Я не боюсь

смерти. Но, Ара, никогда, никогда я не думалъ, что моя смерть произойдетъ отъ самоубійства, что это будетъ все . . . — такъ глупо.

— Увѣжай! . . . Никто тебя не осудить . . . Всякій на твоёмъ мѣстѣ просто увѣхалъ бы. Къ чему страдать! И безъ того — такъ много теперь страданія, такъ мало радости.

— И еще, — не отвѣчая Арѣ, продолжалъ Свѣтикъ, — когда я думалъ о жизни, мнѣ хотѣлось дожить до освобожденія Россіи, увидѣть снова братьевъ, сестру, отца и мать. Узнать правду про отца. Узнать, что онъ . . . — не большевикъ . . . И ничего этого я не узнаю.

— Увѣжай, — повторила Ара. — Я не осужу тебя, другіе тоже со временемъ поймутъ — и простятъ.

— Нѣтъ, Ара . . . Жизнь обязываетъ. Если увѣхать — это стать, какъ социалисты, какъ большевики. У нихъ одно земное, одно тѣлесное. Ни Бога, ни чести — ничего. Я знаю . . . мой отецъ, еще когда былъ юнкеромъ, добровольно наложилъ на себя крестъ за какую-то пустую вину и его мать, моя бабушка, благословила его на это. И мой отецъ всю жизнь, до самой революціи, былъ твердъ, какъ камень . . . И знаю я, что, какъ ни глупо кажется все, что случилось, моя мать благословить мой печальный конецъ..

Ара молчала.

— Честь . . . Долгъ . . . Святость знамени . . . — тихо началъ Свѣтикъ, — неприкосновенность погонъ и мундира . . . Доброе имя полка . . . Честь семьи . . . Пускай это фетиши . . . Пускай называютъ Донъ-Кихотами тѣхъ, кто служить идеѣ, кто начерталъ на своемъ знамени одно слово: «Россія», окуталъ его трехцвѣтнымъ флагомъ и сталъ умирать за него на Лемносіи и въ Галлиполи. Пускай тѣ мученики, что теперь въ лѣсныхъ дебряхъ и на шоссеиныхъ дорогахъ, подъ дождемъ, во вьюгу и непогоду работаютъ на непривычной тяжелой работѣ, — пускай они — Донъ-Кихоты! . . . Но не станеть этихъ Донъ-Кихотовъ и останется: — большевицкая чрезвычайка, кровь, трупы, насилие, да развратъ разнуздавшейся эмигрантщины . . . Ара! Донъ-Кихоты спасутъ Россію!! Умирая за честь, за честное имя по приговору судьбы, — я укрѣпляю то самое Донъ-Кихотство, безъ котораго весь міръ обратится въ помойную яму, а люди въ бѣлыхъ навозныхъ червей . . . Такъ надо. Прочная бочка была Россія

и точно стальными обручами была скована она вотъ этими самыми предразсудками: — честь имени, святость знамени, стыдно украсть и нельзя убить. А стали облизываться на оскорбленія, стали знамена прятать по обозамъ, замѣнили ихъ красными тряпками, сбили эти стальные обручи и распалась Россія, какъ бочка безъ обручей. И стала она мерзостью... Я... Ара... Кусковъ. Кусковы были бѣдны. Кусковы несли каторжный трудъ... Кусковы въ быту своимъ омѣщались, но душа-то, Ара, у Кусковыхъ благородная. И они знаютъ, что честь — не пустой звукъ. Они честью не торгуютъ. Ихъ честное имя на валюту не купишь. Ихъ спекуляцией не соблазнишь! И честь они предпочитаютъ жизни! Такъ Богу угодно, чтобы это все было!..

Ара встала. Блѣдно было ея лицо. Въ глазахъ вмѣсто страсти глубокая легла печаль. Она смотрѣла на Свѣтика, какъ на святого, какъ на икону. Нижняя губа опустилась по дѣтски. Казалось, вотъ вотъ она разрыдается, или бросится на колѣни и станетъ шептать молитвы.

Свѣтикъ съ благодарностью посмотрѣлъ на Ару.

— Ара!

— Что, дорогой мой?

— Моя мать далеко отъ меня... Можетъ быть, она умерла, и у меня уже нѣтъ матери... Ты была мнѣ близка. И, по современному, я любилъ тебя... У меня никого кругомъ. Благослови меня именемъ матери!

Ара сняла большой образъ Божіей матери, перекрестилась, поцѣлсвала его, перекрестила Свѣтика и холодными, дрожащими отъ плача губами, прижалась къ нему.

Свѣтикъ сталъ на колѣни, земно поклонился, поцѣловалъ лежавшую на подушкѣ икону и, не оглядываясь, вышелъ изъ комнаты.

XXXIII.

Было безъ четверти двѣнадцать, когда послѣдній поѣздъ метро привезъ на глухую станцію Porte d'Auteuil князя Алика, Лобысевича-Таранецкаго и Синегуба. Полная луна сіяла на безоблачномъ небѣ. Едва намѣчались въ серебристомъ свѣтѣ темныя деревья Булонскаго лѣса. Пахло мягкой сыростью февральской ночи.

Пріѣхавшіе прошли по шоссе за старыми укрѣпленіями Парижа. У забора, гдѣ что-то строили и, гдѣ стояли тяжелыя машины и локомобили, показался подѣ деревомъ черныя такси съ погашенными фонарями.

— Это Лотосовъ съ графиней, — сказалъ Синегубъ.

Изъ автомобиля высунулась женская голова въ траурной шляпѣ съ креповою вуалью.

Ара всмотрѣлась и вышла изъ каретки.

— Противное ощущеніе, — сказалъ Аликъ, — я никогда не присутствовалъ при смертной казни, но думаю, что должно быть что-нибудь подобное.

— Дуэль не смертная казнь, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. Это великое дѣло чести.

— Такая дуэль . . . — сказалъ Аликъ, дергая плечами. . . Я не могу себѣ простить что согласился. Графиня, вы его не видали?

— Нѣтъ.

— Онъ долженъ былъ выйти на станціи *Jasmin*, — сказалъ Синегубъ, — и по *rue de l'Yvette*, *rue Docteur Blanche* и *rue de Raffet* выйти къ укрѣпленіямъ, а ватѣмъ идти къ скачкамъ.

— Онъ не заблудится? — спросилъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Онъ не знаетъ Парижа.

— Тутъ невозможно заблудиться. Всѣ дороги ведутъ къ Булонскому лѣсу.

Помолчали. Князь Аликъ пытался механической важгалкой раскурить трубку. Но она не важигалась.

— Позвольте, я вамъ дамъ огня, — сказалъ Синегубъ.

Когда подносилъ спичку, руки у него тряслись и онъ не могъ попасть на табакъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Аликъ. — Который, господа, однако, часъ.

— Ровно двѣнадцать, — отозвался отъ руля такси Лотосовъ.

— Что-же, господа, пойдѣте, — сказалъ Синегубъ. Голосъ его дрожалъ и вмѣсто «пойдѣте» вышло «пойдем-та» . . .

— Не было слышно выстрѣла, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Мы можемъ ему помѣшать.

— Ахъ! если-бы такъ! Идемте скорѣе, — сказалъ Аликъ.

— Мы остановимъ его. Мы вырвемъ у него изъ рукъ револьверъ.

Аликъ побѣждалъ, за нимъ Ара, нѣсколько сзади Лобысевичъ-Таранецкій и Синегубъ. Лотосовъ зажегъ огни мотора и тихо ѣхалъ, освѣщая мокрое, грязное шоссе. Справа тянулся заборъ, слѣва шумѣли сосны. Онѣ возникали въ лучахъ автомобильныхъ фонарей красными стволами и потомъ пропадали. Дорога сначала поднималась, потомъ пошла ровно. За группами голыхъ деревьевъ показались высокія постройки скаковыхъ трибунъ. Днем тамъ шелъ спѣшный ремонтъ и остались кучи щебня и песку, темныя рѣшета и бочки.

— Вотъ онъ, — воскликнулъ Синегубъ, — указывая на лежащаго на кучѣ песку человѣка.

Ара вцѣпилась въ руку Алика. Синегубъ споткнулся о доску и едва не упалъ.

— Нѣтъ, не онъ. Это сторожъ, или рабочій, — сказалъ Лобысевичъ.

— Освѣтите огнемъ, дайте фонарикъ, — бормотала Ара и вся тряслась. Лежащій зашевелился и сѣлъ. Онъ оказался старикомъ въ сваленной шапкѣ и лохмотьяхъ. При видѣ идущихъ къ нему, онъ поднялся и, шатаясь, пошелъ къ постройкамъ.

— Гдѣ же искать? — сказалъ Синегубъ, — нигдѣ не видно скамеекъ.

— А почему вы думаете, что онъ на скамейкѣ? — спросилъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Развѣ онъ не можетъ быть у дерева?.. подъ деревомъ? Разойдемся цѣпью. Осмотримълѣсъ.

Ара шла, не разставаясь съ Аликомъ. Маленькія туфли тонули въ мокромъ мху и старыхъ листьяхъ. Отъ луннаго свѣта все казалось таинственнымъ и страшнымъ. Лотосовъ направлялъ на лѣсъ фонари мотора, и сосны сіяли, какъ красные леденцы. Лѣсъ былъ пустъ. Обошли оба лѣсныхъ острова, спустились къ озеру. Нигдѣ — никого.

— Что-же это значитъ? — сказалъ Аликъ, и въ его голосѣ зазвучала жесткая нота раздраженія, — не можетъ быть, чтобы онъ не туда попалъ?

— Просто совѣзмъ не пришелъ, — ѣдко сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Мальчикъ со смысломъ. Ищи вѣтра въ полѣ.

— Никогда Свѣтикъ такъ не поступитъ, — возмутилась Ара. Но въ ея голосѣ не было увѣренности.

Минуту тому назадъ она молилась, чтобы ничего не было и Свѣтикъ остался живъ. Сейчасъ была разочарована, что не нашла его трупъ.

— Мы плохо искали, — сказала она.

— Не иголка. Видно далеко, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Не то, что убитого человѣка нашли, зайца и того не пропустили-бы.

— Значитъ, не тамъ искали, — сказалъ Аликъ.

— Выстрѣла не было слышно, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій.

— Вотъ такъ здравствуйте, пожалуйста, — проговорилъ вдругъ успокоившійся Синегубъ. — Остались мы въ дуракахъ. Стоило волноваться! Графинѣ трауръ покупать.

— Онъ идетъ графинѣ, — насмѣшливо сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Графиня можетъ носить его, какъ трауръ по разбитому идеалу.

— Что-же, господа, по домамъ, — сказалъ Синегубъ, — попросимъ его превосходительство развезти насъ.

— Пойдите, господа, — сказала Ара. — Заѣдемъ въ гостинницу. Тамъ спросимъ, — уѣхалъ, или нѣтъ. Гдѣ онъ? Можетъ быть, лежитъ больной.

— Медвѣжья болѣзнь одолѣла, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. И умолкъ подъ гнѣвнымъ взглядомъ графини.

Луна по прежнему свѣтила надъ темными гущами Булонскаго лѣса, нахло весеннею сыростью, зарождающей почкой, очнувшейся отъ сна землю, молодыми корнями травъ. Задумчиво шептались въ вышинѣ сосны. Сзади глухо шумѣлъ и ночью не утомившійся Парижъ. По эстакадамъ Exelmans' а пронесся поѣздъ. Сверкали въ воздухѣ между деревьями блески огней ярко освѣщенныхъ вагоновъ. Долго въ ночной тишинѣ гудѣла потревоженная земля.

Когда набились въ каретку такси и Аликъ закурилъ трубку, всѣ весело заговорили.

— У меня, господа, признаюсь откровенно, — сказалъ Аликъ, — точно камень съ души свалился. Я такъ боялся, что увижу его трупъ. Такъ мнѣ стало его жалко. Я всю ночь не спалъ. Знаете, если-бы мнѣ сказали — мнѣ умереть,

а ему жить — право, пусть живетъ, но не было-бы грѣха на моей душѣ.

— И я счастлива, — сказала Ара. — Пусть живетъ. Живому псу лучше, чѣмъ мертвому льву.

— Живому псу . . . — подхватилъ ея слова Лобысевичъ-Таранецкій. — Но тогда, графиня, вашъ Свѣтикъ заслужилъ то слово, какимъ его обозвалъ Серёга.

— А Серёга, со своею пощечиною, остался въ дуракахъ, — сказалъ Синегубъ.

Опять замолчали. Загадка, загаданная неисполненіемъ Свѣтикомъ его слова казалась неразрѣшимой.

— Какъ-же, господа, быть съ Серёгой, — сказалъ Лобысевичъ-Таранецкій. — Въ концѣ концовъ онъ получилъ оплеуху и ходитъ съ нею, а оскорбившій смѣется и надъ нимъ и надъ нами.

— Погодите, господа, сейчасъ все разъяснится, — сказалъ Аликъ. — Нечего загадывать впередъ. Мало-ли что могло помѣшать Свѣтику?

До самой place de Strassbourg молчали. У отеля, въ ночномъ открытомъ барѣ, за столиками сидѣли солдаты въ голубыхъ шинеляхъ и круглыхъ каскеткахъ, пили пиво, вино и гренадинъ, съ ними были дѣвицы, тутъ-же толпились какія-то подозрительныя личности. Весело звучали голоса.

Среди множества вывѣсокъ едва отыскали скромную надпись «Grand Hôtel»'я. Узкое крыльцо со стеклянною дверью было освѣщено. Двѣ горничныя прибирали въ столовой. Въ маленькой комнаткѣ у входной двери сидѣла француженка и считала выручку.

Появленіе на лѣстницѣ трехъ мужчинъ и дамы въ траурѣ привлекло конторщицу и горничныхъ къ дверямъ. Хорошенькія, съ тонкими ножками въ башмачкахъ и съ темными волосами, по модѣ начесанными на уши, онѣ показали Синегубу хористками какой-то оперетки. Онъ уже готовъ былъ перемигнуться съ ними, когда услышалъ, какъ конторщица говорила Алику.

— Oh! Monsieur!¹⁾ — такое несчастье!.. У насъ въ отелѣ, слава Богу, никогда такого не бывало. Вашъ компатріотъ сегодня утромъ, около десяти часовъ, въ номерѣ вострѣблился.

¹⁾ Сударь!

— Гдѣ онъ?

— Мы его отправили въ моргъ. Нелзя въ гостинницѣ. И безъ того такое свинство. Все одѣяло въ крови. Такое одѣяло теперь за двѣсти франковъ не купишь.

— Онъ оставилъ письма?

— О да! Одна записка, какъ всегда, о томъ, чтобы въ смерти никого не винить и еще большой пакетъ съ марками, адресованный въ Югославію.

— Гдѣ-же этотъ пакетъ?

— Его взяла полиція. Такой скандалъ... Такой скандалъ! И все въ томъ-же номерѣ... Такой роковой номеръ.

— Какъ-же это, господа, — началъ Лобысевичъ-Таранецкій, — Кусковъ не имѣлъ права раньше времени...

На него такъ посмотрѣли, что онъ осѣкся и, отвернувшись, закурилъ папиросу.

— Царство ему небесное, — дрожащимъ голосомъ сказалъ Аликъ.

Ара разрыдалась и съ громкими всхлипываніями пошла къ такси Лотосова.

— Довезите меня, князь... Побудьте со мною... Я не могу одна, — сказала она Алику.

Любопытные солдаты собирались у крыльца. Слышались ѣдкія французскія шутки... Лобысевичъ-Таранецкій и Синегубъ переходили улицу, направляясь къ вокзалу, гдѣ стояли такси.

Луна высоко висѣла надъ городомъ. Boulevard de Strassbourg былъ въ цвѣтныхъ огняхъ и толпахъ народа. Такси длинными вереницами неслись туда и навадъ. Мелодично журчали колеса по мокрымъ торцамъ.

Ночной Парижъ жилъ полною жизнью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Когда на плечахъ девятнадцать лѣтъ, когда знаешь, что высокъ, строенъ, гибокъ, изященъ и красивъ, — жизнь улыбается и сквозь черныя тучи революціи. Смерть и муки окружающихъ кажутся лишь острою подробностью интереснаго времени, посланнаго Богомъ. И все весело, все радостно, какъ погожий весенній день. — Страхи и тревоги проходятъ быстро, какъ лѣтняя гроза.

Такъ переживалъ революцію второй сынъ Федора Михайловича, — Игорь, — Игрунька.

Похожій на отца, когда тотъ былъ юнкеромъ, рослый красавецъ со свѣтлыми голубыми глазами, съ точенымъ оваломъ лица, сомкнутымъ, энергичнымъ, волевымъ подбородкомъ, — онъ былъ созданъ носить красивый мундиръ, нравиться женщинамъ, ухаживать и любить.

Игрунька зналъ себѣ цѣну. Въ своемъ дневникѣ за полъ — года до революціи онъ отмѣтилъ день выпуска изъ корпуса такими словами:

... «Въ 1916 году я окончилъ курсъ наукъ въ ротѣ Его Величества 1-го кадетскаго корпуса. Если можно сказать: — жизнь открыла для меня парадный подъѣздъ, и я гордо вошелъ въ него въ блестящей формѣ Николаевского кавалерійскаго училища. — Это было 1-го октября 1916 г.». . .

Наскоро проходимыя науки. . . «Рой товарищей лихихъ.» Лошади, конюшни, манежъ, и мечты о славѣ, подвигѣ, о красотѣ войны. Отъ ея ужасовъ молодое сердце отмахивалось. Въ лаваретахъ глава видѣли миловидныхъ сестеръ. Не замѣчали раненыхъ. Раненіе — страница красиваго романа.

Кругомъ неслась напряженная жизнь. Силетни захрестьявали удушющую петлю на шею Императорской Фамиліи. Въ слѣпомъ безумствѣ, очарованная дьявольскими чарами Распутина, Императрица слабыми руками пыталась вывести Русскій корабль на спокойныя воды... Въ Думѣ говорились рѣчи. Микробъ болтовни заражалъ Русскихъ. Лгали и клеветали Милюковы, Гучковы, Чхеидзе и Керенскіе, торопясь дорваться до власти и захватить пиратскимъ наскокомъ государственный корабль въ свои руки.

Что до того было Игрунькѣ Кускову? Онъ и именъ ихъ не зналъ. Онъ не читалъ газетъ. Какое ему было дѣло до политики? Въ ихъ лихомъ эскадронѣ, у полковника Левенца, — знали фронтъ, читали завѣты и традиціи славной школы.

А черезъ годъ: — «червонный доломанъ и ментикъ сотканый изъ тучи» — корнетъ гусарскаго Чернобыльскаго партизана Долохова полка!!

Въ дни отпуска, — у матери, на Офицерской, съ братомъ Олегомъ и сестрою Лизою, по вечерамъ, въ столовой у лампы, — Игрунька вслухъ читалъ «Войну и Миръ» графа Льва Толстого. Денисовъ Васька, — Дороховъ — великіе партизаны великой войны!

Міровая война шла на фронтѣ, и уже былъ раненъ и остался въ строю отецъ, и былъ раненъ и лежалъ въ полевомъ госпиталѣ старшій братъ Свѣтикъ. Она манила романтическими возможностями, имя полка звало на подвиги партизанщины и Игрунька, преодолевая лѣнь, изучалъ нѣмецкій языкъ, чтобы, какъ шефъ его будущаго полка ходить въ тылъ, переодѣвшись въ нѣмецкое платье, и готовить страшные удары послѣ личной развѣдки.

Въ немъ возрождались Кусковы. Такъ писали, и отецъ съ войны и тетя Липочка, хранительница семейныхъ преданій изъ Москвы. Въ 1916 году, наканунѣ революціи, Липочка мечтала, что Игрунька завоюетъ счастье, что онъ выкупитъ Тополевый Логъ, возстановитъ ихъ домъ и гербъ, и на сухой вѣткѣ съ опавшими листьями рода Кусковыхъ, — Игрунька рисовался тетѣ Липочкѣ самымъ крѣпкимъ побѣдомъ. Ея дѣти были не въ счетъ. Они были — Лисенко. Ихъ родъ шелъ отъ полотернаго мастера... Другое дѣло

дѣти брата Оеди: — всѣ военные, одинъ уже офицеръ и два воть-воть офицеры. .

Жить хотѣлось. И тѣ, кто отживалъ жизнь, не понималъ этой мертвой хватки за блага жизни, въ которой схватились молодежь пролетарская съ молодежью дворянской.

Игрунька, мечтавшій о томъ, какіе «бриджи» краповаго цвѣта закатить онъ себѣ къ производству, какъ поѣдетъ къ роднымъ своего товарища въ ихъ имѣніе и какъ подтянетъ и подбодритъ по гусарски свой молодецкій взводъ, не замѣчалъ, что все суше и холоднѣе выслушивалъ его мечтанья сѣдлавшій ему коня «Гренадера» вѣстовой Лазурченко... Въ молодомъ упоеніи онъ не видѣлъ, что стремяна и мундштуки не всегда горѣли, какъ серебро, и чистка лошадей начинала хромать въ школьномъ эскадронѣ.

Онъ слышалъ рѣзкіе окрики полковника Левенца, любивался имъ, своимъ кумиромъ, лучшимъ фодокомъ Офицерской Кавалерійской Школы, и думалъ: — «когда буду кричать на солдатъ, надо будетъ наиграть такой-же чуть хриповатый тонъ голоса, — это красиво.»

По вечерамъ, изъ корридора, отъ казаковъ сотни, неслась хватающая за душу пѣсня казачья —

«Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи,
Заплакала Марусенька свои ясны очи.»

Игрунька, громыхая шпорами, шелъ отъ казаковъ въ эскадронъ, и бралъ гитару. Звенѣли струны въ курилкѣ, собирая хоръ молодежи. Груднымъ голосомъ, по цыгански, пѣлъ Игрунька: —

«Тоска :::: печаль ... надежды ушли» ...

И смыкались за нимъ мягкіе, бархатные голоса юнкеровъ, какъ смыкается въ плотный строй разсыпанная лава:

«Молчи, грусть, молчи. Не тронь старыхъ ранъ.
Счастья любви дорогой не вернуть никогда... никогда...»

Звенѣла гитара...

Голосъ Гиги Воротынскаго гудѣлъ шмелемъ, затихая.

За окномъ — декабрьскій вечеръ, видны заиндевѣлые, осыпанные снѣгомъ, черные сучья деревьевъ училищнаго сквера, улицы Петербурга подъ снѣжнымъ пологомъ, зна-

комые извозчики... Послѣ завтра — отпускъ ... мама ... котъ Топа... Олегъ, Лиза... Маринскій театр... «Жизель»... «Арагонская хота» — и въ ней Танюша Лоскутова. Она любить Игруньку... «Ну и пусть любить.»

Наташа не сумѣла, а, можетъ быть, и не хотѣла, такъ воспитывать сыновей, какъ Варвара Сергѣевна воспитала своего Федю. Наташа была свободнѣе. Сказалось время. Игрунька дѣлалъ, что хотѣлъ, не забывая хранить имя Кусковыхъ и офицерскую честь.

Игрунька зналъ, что дѣлать долги нельзя, что нельзя играть въ карты, потому-что отецъ не богатъ, живетъ на жалованье... Но поиграть съ хорошенькой корифейкой?.. почему-же? Это не мѣшало ему любить Маю Ожогину, сестру его товарища и друга. То одно, — это другое... Можетъ быть будетъ и третье?

Микробъ анархіи носился въ воздухѣ и заражалъ.

Дошли до училища слухи объ убійствѣ Распутина. Одни говорили, что его слѣдовало убить. Другіе, что нельзя было вмѣшиваться въ личную жизнь Государя.

Но ... какъ выйдутъ бриджи у Каплана и можно, или нѣтъ заказывать форму мирного времени, кончится къ осени война, или и они захватятъ ее, дадутъ или нѣтъ послѣ выпуска отпускъ — это все было интереснѣе Распутина и всей городской шумихи.

Такъ незамѣтно къ нимъ, юнымъ, къ нимъ, бодрымъ, къ нимъ, смѣлымъ, къ нимъ, восторженнымъ, подошла революція. Она пламенемъ пронеслась по училищу. Вѣстовые-солдаты на глазахъ у Игруньки и юнкеровъ убили эскадроннаго командира полковника Левенца. Огонь солдатскаго бунта бушевалъ по училищу, и, какъ степной пожаръ не зажигаетъ молодой травы, но только опаляетъ ее сверху, такъ и это пламя не сожгло молодежи, но вложило въ ея сердца острое, жесткое чувство недовѣрія къ солдату — насильнику.

Но настали — лагеря, съемки, ухаживанье за дачницами въ Дудергофѣ, и опаленная, поникшая, было, трава завеленѣла и воспрянула снова.

Жить она хотѣла.

Жить во что-бы то ни стало!

Игрунька Кусковъ и Котикъ Ожогинъ стали офицерами. Въ «червонномъ» долманѣ съ золотыми шнурами подъ солдатской шинелью, съ пашкой на боку, Игрунька ѣхалъ въ купѣ 2-го класса въ отпускъ къ Ожогину. Въ корридорахъ было полно солдатами. Они сидѣли на мѣшкахъ, лежали на полу. Когда черезъ ихъ толчею протискивался Игрунька, они тупо и влобно смотрѣли на него, смолкали, не сторонились, не вставали, чтобы дать дорогу и сплевывали шелуху отъ подсолнуховъ, куда попало: — на полъ и на шинели товарищей.

«Почему они злы?», — думалъ Игрунька, — «почему они не любятъ мною? Развѣ много такихъ молодцовъ корнетовъ въ Русской Арміи, какъ я? Развѣ они не понимаютъ, что я ѣду на войну? . . . Да . . ., милые мои, корнетъ Кусковъ, такой молодой, ему еще и девятнадцати лѣтъ нѣтъ, ѣдетъ на войну. Заѣдетъ въ Спасское, къ своему другу Котику, на пятнадцать дней, а потомъ въ Прокутовъ — и вы скоро услышите про партизанскіе подвиги корнета Кускова». . .

Хотѣлъ заговорить Игрунька съ кѣмъ-нибудь изъ солдатъ. Присматривался. . . Хмурья, замкнутыя лица. Своя забота у каждаго. Точно не Русскіе въ вагонѣ. Да и люди-ли?

«Нѣтъ не поймутъ они меня. Ничего не поймутъ.»

Не радостно, а страшно было въ отдѣленіи съ Котикомъ Ожогинымъ.

Вечеромъ проводникъ зажегъ въ фонарѣ толстую свѣчу. За окномъ, съ оборванною занавѣскою, холодная ночь стремилась въ даль, и не было ничего видно въ степномъ просторѣ. Въ корридорѣ темно. У окна два солдата прижались лбами къ холоднымъ стекламъ. Игрунька подошелъ къ нимъ.

— И все то черноземъ, братику мой, и все черноземъ, — говорилъ смуглый чернявый артиллеристъ. — Я эти мѣста знаю. Исходилъ батракомъ, извѣзидъ степь-матушку. Вся скровь черноземная. Отселева верстъ за тридцать коннозаводская земля пойдетъ, казенная. На каждую лошадь по шестнадцать десятинъ отвѣдено.

— А крестьянину на двухъ разгуляться надо. . . Дѣла! . . . Лошадь имъ дороже — вздохнулъ маленькій плотный пѣхотинецъ, съ лохматыми волосами и красной шеей.

— Съ Екатерининскихъ, скаываютъ, времянь заводы стоять. Жеребцы, кобылы, молоднякъ и люди при ихъ слободами живутъ. Ну, совсѣмъ, крѣпостные. Рабень-управляющій былъ. Всѣхъ дѣвокъ перепортилъ.

— А они что-жь?

— Молчать. Темный народъ... Попъ да помѣщикъ-всему нашему горю заводчикъ.

— То-ись своими руками задушилъ-бы!

— Придетъ срокъ, — задушимъ. Нонче — свобода.

— Лошадь. И, чтобы, эдакъ, шестнадцать десятинъ.

— А дальше казѣки пойдутъ. Донскіе... Тоже земли богато. Онъ сѣтеъ кое-какъ. — Все одно, не управится. И тоже — табуны, табуны... Гдѣ пятьсотъ головъ, гдѣ шестьсотъ, а озцы этой самой тысячи. И все то онъ бѣднится, на крестьянское добро зарится. Помѣщикъ живетъ, — гдѣ пять, гдѣ и всѣ десять тысячъ десятинъ. Всего-то и не пашетъ. Цѣлинною оставляетъ. А еще дальше опять коннозаводская степь залегла... Ну и — мѣста! И тоже помѣщикъ. Онъ, слышь, лошадь въ ремонтъ сдаетъ, и за то по три копейки съ десятины въ казну платитъ... Аренды...

— Порядокъ! — сипло скавалъ бѣлесый съ ползущими на воротникъ шинели волосами. Онъ повернулъ кирпичное лицо, покрытое желтыми, крупными веснушками, сплюнулъ подсолнухи, досталъ изъ кармана табакъ, свернулъ козью пожку. Раскурилъ со вкусомъ.

— Теперь надоть за дѣло приматься, — озабоченно и вдумчиво сказалъ онъ. — Войну пошабашимъ, надоть такъ достигнуть, чтобы правда на землѣ стала. По первѣмъ-надо помѣщика передупить, и со всѣмъ племенъ его. Скровъ, — начисто.

— Съ пулемета, — поддакнулъ артиллеристъ, — не дорубишь — вырастетъ заново.

— И съ попами! Надо, значить, леригію упразднить. Скаываютъ, — заграницей, леригіи нѣтъ и съ того люди хорошо живутъ. А потомъ надо за казѣковъ приматься.

— Въ казѣкъ самое вло. Онъ сытый. Самъ, какъ помѣщикъ. Онъ за свое стоитъ.

— А почему казѣки?! Не все одно, крестьяне.

— Крестьяне... У него двѣнадцать десятинъ на душу, а то и болѣ. Опять у него станичная земля, толока общественная. Войсковыя земли. Онъ землю объѣлся... казѣк-то.

— Передушить ихъ, сволочей, надоть. Имъ скакать, гичать, кричать — одно дѣло. Все одно, какъ помѣщики.

— Передушить нагаечниковъ. Это точно... Вотъ простору будетъ!

— Да-а. А потомъ... Подѣлить... По правдѣ... Такъ, штобы десятинъ по сто... или поболѣ ста на душу. И казеннаго лѣса на стройку... Это вотъ будетъ слобода... Теперь, безъ царя можно. Царь, значить, держалъ все. А теперь все разсыпалось — подбирать надо.

— У васъ Вася, — нѣжно сказалъ артиллеристъ, — дома то осталось-что?

— Жена паскуда моетъ посуду, да дочка-сучка двѣнадцати годовъ, — сплюнулъ сиччій замусоленный окуркъ. — Переимѣнить хочу. Надоѣла! Въ городѣ дѣвка приглянулась. Ну — липкая что твой деготь.

— А свою?

— Къ чертовой матери пусть идетъ. Вся жизнь по новому... И жена чтобы новая.

— Да... Дѣла..., — закрутилъ головою артиллеристъ. Вы, Вася на побывку?

— Зачиво?... Совсѣмъ... Мы въ полку все кончили. И умора-жъ была. Командира порѣшить постановили. А комитетъ вступился. Мы комитетъ долой, новый собрали. Вывели его... Дрожить, сукинъ сынъ. «А дрожишь, мать твою... А какъ съ револьверомъ гонялся, чтобы на нѣмца въ атаку шли, такъ мы дрожали!»... Вывели его, значить, къ забору... Дѣвки, бабы съ дѣтями собрались... На селѣ это было, ... Глядятъ, смѣются. Грунька, чернявая, — бой-дѣвка, заноза стерва, выскочила, кричить: «вы чтожъ, товарищи, такъ его бить будете. Его замучить надо-тъ. Кроушкой его насладиться». ... Собрали комитетъ...

Сивый примолкъ, полѣзъ въ карманъ за табакомъ.

— Ну что-же?

Сивый долго не отвѣчалъ. Наконецъ, кинулъ коротко и кротко. Со вздохомъ.

— Замучили... Полтора часа возились, покеля не подохъ...

— Да... дѣла... Дѣловъ нонче много, — вздыхая сказалъ артиллеристъ и вѣвнулъ, потягиваясь. — Еще вотъ эти: ... юнкаря ... кадети...

— Все одно — суклины дѣти, — засмѣялся сивый. — Дупшить и все... Пока сила есть.

— Надо-ть такъ. — Чтобы, значить, чисто... Чтобы и не встали...

Тихо, боясь что его замѣтятъ, прокрался въ купе Игрунька. Котикъ крѣпко спалъ на верхней полкѣ. Подъ нимъ, уткнувшись въ углы, сидѣли пассажиры: — купецъ изъ Москвы и барыня-Пензенская помѣщица, сырая и рыжлая. Днемъ она любовалась Игрунькой и угощала его домашними коржиками.

«Да, вотъ оно что!» — думалъ Игрунька... — «Мы думали, когда убили полковника Левенца, что это вспышка народнаго гнѣва... Нѣтъ, не вспышка... это система. Все выравнивать. Вѣдь, и дядя Ипполитъ и тетя Азалея говорили, что всѣ люди равны... Вотъ они и хотятъ все, что выше, срѣзать, обрить, какъ татары голову бреютъ... Помню... я тогда у мамы спросилъ, какъ же это будетъ? И мама сказала: «Никогда этого не будетъ. Богъ землю создавалъ: — и горы поставилъ высокія, снѣжныя, и пригорки малые, и равнины и степи. Ничего ровнаго Богъ не создалъ. Ровна только скука да смерть. Въ смерти равны люди, да и то мы не знаемъ — равны-ли?» Вотъ они и хотятъ Бога уничтожить, религію упразднить, чтобы не было этихъ думъ. И тогда надо упразднить и горы, и степи, все, чтобы ровно... Пустыня кругомъ, равный песокъ... И... могила»...

Въ ликующій хоръ, пѣвшій у него въ душѣ о радости быть офицеромъ, носить «червоный доломанъ и ментикъ, сотканый изъ тучи», любить Маю Ожогину, ворвались какіе-то рѣзкіе, крикливые голоса. Точно среди струннаго оркестра, играющаго нѣжную мелодію, вдругъ затрубили рѣзкія фанфары сигналъ тревоги...]

«Оружье оправь!.. Коня осмотри!..

Тихо стой!..» И прикава жди!..»

III.

Игрунька и Котикъ сошли на глухой станціи.

Степь бурнымъ бугромъ поднималась за постройками, ниспадала отвѣсною мѣловой осыпью и терялась въ далекихъ связяхъ просторахъ. На западѣ небо пылало. Яркое,

точно кровью налитый пузырь, тихо спускалось къ землѣ солнце.

Чахлая, пыльная, пожелтѣвшія, кривыя акаціи склонялись коричневыми вѣтвями къ желѣзной крышѣ. Ограда въ косую частую клѣтку изъ рельсовыхъ накладокъ, скрѣпленныхъ гайками, тянулась вдоль песочнаго перрона, загибала въ степь, окружая садикъ съ грязными флоксами, вербенами и высокими, пестрыми, махровыми мальвами и геотинами.

Загретѣла желѣзомъ коваными колесами широкая коляска по мощеному двору, и пара крупныхъ вороныхъ лошадей, лѣниво кося главами, подошла къ станціонному крыльцу.

— Здравствуй, Степанъ, — сказалъ Котикъ.

— Здравствуйте, баринъ. Я думалъ, що и не прїѣдете сегодня. Оповдалъ поѣздъ, — отвѣчалъ кучеръ въ поддевкѣ и картузѣ.

— Отчего не тройкой?

— Лошадей, почитай, усѣхъ забрали по мобилизаціи. Второй наборъ былъ. Только жеребцовъ и молоднякъ отстояли.

— Дома что?

— Ничего... по маленьку... Барыня васъ ожидаютъ. Барышни вѣрхи хотѣли ѣхать встрѣчать. Да не на чемъ.

— Какъ? «Ласточку» и «Жанину» забрали?

— Говорю вамъ: — усѣхъ до одной. Конюшни пустыя.

Котикъ печально посвисталъ и сѣлъ въ коляску.

Шагомъ сѣхали съ камней мостовой, покатали по мягкому. Хряпнуло колесо о камень, поддала рессора. Поднялись по изволоку и безкрайная степь окружила. Вправо низкіе тянулись холмы, вѣтряки стояли на нихъ, тихіе, не шевеля крыльями. Подлетѣло мохнатое, точно живое, перекаати-поле, сунулось подъ ноги лошадямъ, запуталось въ колесахъ и исчезло. На чистомъ, веленѣющемъ и темнѣющемъ небѣ, одинокая загорѣлась звѣзда. По степи потянуло теплымъ вѣтеркомъ, сладко пахнуло полынью, сухою черновемною пылью, мятой и соломенною гарью. Къ этимъ запахамъ примѣшался бодрый запахъ дегтя, ременныхъ тяжей, конскаго пота и махорочнаго дыма. Степанъ закурилъ трубку. Русскій, незабываемый, неподражаемый, волнующій

бодрый запахъ сталъ подлѣ, и было по родному хорошо, тепло и уютно.

— Нигдѣ, — сказала Котикъ, — нѣтъ такого запаха, какъ у насъ, въ Русской степи.

— Можетъ быть, въ Южной Америкѣ? сказала Игрунька.

— «Въ далекой, внойной Аргентинѣ» — напѣлъ Котикъ... Помнишь, Игрунька, Лоскутову?

— Только, ради Бога, у вашихъ ничего не говори про нее.

— А хорошо она третьяго дня играла на пьянино... Она любитъ тебя, Игрунька! А ты... подлецъ ты, милый Игрунечка. Играешь, какъ кошка съ мышкой?

— Ну что она?... Молода... Дѣвочка... Забудеть.

— «Въ далекой, внойной Аргентинѣ», — напѣлъ снова Котикъ и смолкъ.

Гасло небо. Яркія загорались звѣзды. Тихое таинство совершалось въ природѣ. Каждый день совершалось оно и каждый день было прекрасно. Широкий Млечный Путь простерся серебряною дорогою поперекъ неба... Ниже трепетали Плеяды, носившія странное названіе «Волосожарь». Астрономы отмѣтили и назвали каждую звѣзду, вычислили ея координаты, и вписали въ астрономическій календарь. И каждую звѣзду отмѣтилъ, назвалъ и опредѣлилъ ея мѣсто на каждый день святцевъ простой Русскій народъ. У однихъ была наука, у другихъ мудрость. Науку можно было изучить, мудрость-же была непостижима.

Отъ Бога была крестьянская мудрость. И безъ Бога не стоила ничего.

Ясный мѣсяцъ свѣтилъ сзади, и отъ него бѣжали по пыли голубыя тѣни. Какъ синій хрусталь, были дали.

Надвигалась какая-то странная фигура. Человѣкъ не человѣкъ, лѣшій какой-то. Большая темная голова громоздилась на слишкомъ тонкой шеѣ, платье воздушными кривыми очертаньями расплывалось по землѣ. Онъ качалъ головою и шелъ къ коляскѣ. Не успѣлъ Игрунька понять, что это такое, какъ быстро надвинулся на коляску придорожный, окошенный при косѣбѣ мохнатый чертополохъ-могильникъ, и промчался мимо.

Еще долго маячила вдали гора не гора, домъ не домъ... А, когда наѣхали, оказалась длинною скирдою. Пахло хлѣ-

бомъ, соломою. Хлопотливо бѣжали отъ коляски сурки и слышно было ихъ посвистыванье.

Ночь да степь сочтались въ снѣ, полномъ тихихъ, сладкихъ сновидѣній и были обѣ прекрасны, какъ прекрасна Русь.

— Хорошо, — вздохнулъ Игрунька.

— Погоди, лучше будетъ, — скавалъ Котикъ. — У насъ садъ — двадцать десятинъ. Тополя, шапка валится, на вершину посмотришь.

— Кажется, никогда, никогда я не могъ бы покинуть Россію. Никогда, ни на что ее не промѣняю.

— «Въ далекой знойной Аргентинѣ», — напѣлъ Котикъ.

— Къ чорту всѣ Аргентины, когда есть Харьковская губернія . . . , воскликнулъ Игрунька.

Набѣжала струя холоднаго воздуха, а потомъ было тепло, пахло сѣномъ и болотною прѣлью.

Степанъ обернулся съ козелъ и показавъ вправо.

— Вчора я ѣхалъ вечеромъ за вами, варево въ полъ неба было. Константиновскій барскій домъ горѣлъ. А теперь ничего. Видно: — до тла.

— Съ чего же онъ горѣлъ? спросилъ Котикъ.

— Слободскіе жгли. . . . Чтобы не было. . . . Тамъ что было. . . .

И замолчалъ.

Игрунька вспомнилъ, какъ овабочено и важно въ вагонѣ говорилъ солдатъ: — «да . . . дѣла . . . дѣловъ». . .

Издали донесся собачій лай, пахнуло тепломъ, болотомъ. Вдругъ повалились въ круторебрую балку. Дорога стала спускаться, казалось, коляска проваливается въ бездну. Внизу замелькали, желтыми точками огни. Они отразились въ сонномъ пруду подъ ветлами и камышами.

Вѣхали на греблю. Вспорхнула дикая утка и съ клѣкотомъ шумно унеслась въ прозрачный куполъ неба.

Покатались слободою. Какъ завороченныя, въ лунномъ свѣтѣ, стояли бѣлыя хаты подъ соломенными крутыми крышами. Сильнѣе сталъ запахъ дыма, навоза, овцы и печенаго теплаго хлѣба.

— Степанъ, а наши какъ? — спросилъ Котикъ.

— Наши ничего. . . . Господъ уважаютъ. . . . Яблоки только покрали, а то ничего. . . . Этого не замѣчается.

Вправо, подымаясь на балку, стала густой кустарникъ. Коляска свернула въ кусты, закрипѣла колесами по гравію. Влажный аромать густой листвы обступилъ коляску. За подъемомъ, на лунномъ свѣтѣ, со сверкающими внизу двумя большими окнами появился длинный бѣлый домъ съ широкимъ крыльцомъ.

— Въ столовой огонь... Ждутъ!.., — сказалъ Котикъ и привсталъ, готовясь спрыгнуть.

Лошади надали. Домъ появился сѣрыми, деревянными, облупившимися колоннами, завитыми дикимъ виноградомъ.

Игрунька смотрѣлъ, широко раскрывъ глаза. Ему казалось, что сказочнымъ Флорестаномъ онъ пріѣхалъ въ волшебное, спящее царство.

IV.

Сначала было крыльцо съ длинными, низкими, деревянными ступенями. Сквозь виноградную листву луна бросала внутрь балкона причудливый, неподвижный узоръ. Кусками былъ освѣщенъ большой столъ со скатертью. На немъ кувшинъ съ длинными мохнатыми хризантемами. На балконѣ свѣтили два окна и стеклянная дверь, занавѣшенная бѣлыми шторами и этотъ свѣтъ сливался съ луннымъ.

Тишина и неподвижность ночи томили. Въ эту тишину вдругъ вошли дорожные звуки. Отфыркнулась и тяжело вздохнула лошадь, точно сказала: — «охо-хо, вотъ мы и дома!» Переступила ногою, отчего деревянно ударился валекъ о дышло.

Это продолжалось мгновеніе. Точно домъ не могъ отъ сна очнуться. Задвигался за окнами свѣтъ, раздался голоса.

Дверь распахнулась, и въ ней, держа на высотѣ головы лампу съ синимъ абажуромъ, появилась высокая бѣлокурая дѣвушка. Она была одѣта въ бѣлую юбку и бѣлую блузку. На лобъ сбѣгали нѣжнымъ пухомъ прядки вьющихся волосъ, цвѣта спѣлой ржи. Лампа синеватымъ свѣтомъ заливала овалъ лица, чуть щурились, вглядываясь въ ночь, большіе глаза и казались темными. Молодая, полная грудь была освѣщена сверху лампой и маленькая, загорѣлая рука твердо держала бронзовую подставку. За нею, еще въ тѣни ком-

наты, показалась другая, рослая дѣвушка брюнетка, дальше колыхались чей то чепецъ на сѣдыхъ волосахъ, красная лысина и усы съ большими подусниками.

— Ну, конечно, они, — сказала дѣвушка, — державшая лампу. — Я говорила. . . Я никогда не прослушаю.

Она легко прошла къ столу и поставила на него лампу. Въ новомъ очарованіи выявился балконъ. Стали видны малороссійскія тканья, пестрыя дорожки, мягкое соломенное кресло съ подушечками, дощатый полъ съ длинными щелями.

— Котикъ! . .

Брюнетка въ вышитой блузкѣ съ широкими короткими рукавами и въ синей, со сборками, широкой юбкѣ, кинулась на Котика, обняла его шею руками и стала его цѣловать.

— Лека, постой. . . Фу, да я-же пыльный. . . Совсѣмъ грязный, — счастливымъ голосомъ говорилъ Котикъ.

— Ты и пыльный, — мой братъ, — сочно цѣлуя его въ щеку, сказала Лека.

Черная, толстая коса ниже спины вилась по блузкѣ и шевелилась, какъ змѣя, при каждомъ ея движеніи.

— Будетъ, Лека! Что за привилегія первой цѣловать брата, — воскликнула стройная бѣлая дѣвушка съ русыми волосами, уложенными на затылкѣ громаднымъ узломъ.

— Котикъ столько-же мой, сколько и твой. —

Она взяла Котика подъ руку и, гибко нагнувшись къ нему, поцѣловала въ самое ухо, отчего Котикъ вѣбавно затрясъ головой и закричалъ комично: —

— Оглушила, Мая, совсѣмъ, какъ пушка!

— А ты душка, — снова цѣлуя брата въ ухо, сказала Мая.

— Оглохну, Мая. Ты будешь виновата.

— Оставьте его, дивчата, — гостемъ займитесь, — говорила вошедшая за ними пожилая женщина въ чепцѣ. И лицо Котика исчезло въ складкахъ лиловаго платья на ея груди.

Игрунька стоялъ на предпоследней ступени. На послѣднюю ступень онъ выставилъ свою шашку и старался опереться на нее такъ, чтобы казалось, что это сабля на длинной поясной портупеѣ.

Первая къ нему подошла Лека.

— Здравствуйте, Кускозь, — сказала она. — Какъ хорошо, что вы къ намъ прѣхали. Мы такъ васъ ждали. Особенно Мая.

— Parlez pour vous, mademoiselle¹⁾, — сказала Мая, дѣлая глубокій институтскій реверансъ передъ сестрою и пожимая руку Игрунькѣ.

— Папа, ты не знакомъ съ моимъ лучшимъ другомъ Игоремъ Кусковымъ, — сказалъ Котикъ, подводя Игруньку къ пожилому человѣку въ длинныхъ синихъ чакчирахъ и сѣрой тужуркѣ съ погонами отставного полковника.

— Онъ, папа, нашихъ убѣждений и Керенскаго ненавидитъ, какъ и ты.

— Корниловецъ? — хриплымъ баритономъ, глядя слезящимися глазами въ лицо Игруньки, сказалъ полковникъ.

— Вижу... По лицу вижу — монархистъ! Про батюшку вашего много слышалъ. Прямой души человѣкъ! Стальной человѣкъ... И вы такой-же. Э, да красавецъ какой?! Гусарь! Лека! Мая! смотрите вы, стоеросовыя, не влюбитесь въ гусара. Не сожгите сердца въ пламени его алага доломана.

— Папа! Передъ гостемъ такія слова! — Укоризненно качая головою, сказала Лека.

— Русскія, дурочка. Ну, — баснями соловья не кормятъ. Маршъ на кухню, въ кладовку, весь домъ перевернуть. Кормить, поить родныхъ гусаръ! Все, что ни есть въ печи — на столъ мечи! По Русскому, по православному!.. Не дѣвки, Игорь Ѳедоровичъ, а золото!

— Папа! да ты его убьешь Игорь Ѳедоровичемъ. Онъ у насъ завнается! Игрунька и все. Его и дочки твои такъ называютъ.

— Дочки эмансипированныя. Ихъ дѣло. А онъ гусаръ, корнетъ... Царской службы... — старикъ вдохнулъ тяжело, смахнулъ слезу и договорилъ: — ну дайте поцѣловать, родной! Гусара отъ Стародубовца.

Отъ папѣ Ожогина Игрунька перешелъ къ мамѣ и склонился, цѣлуя маленькую полную руку...

— Ну что тамъ фигли-мигли разводить, руки мыть, прямо въ столовую, — говорилъ Ожогинъ. — Почитай все для

¹⁾ Говорите про себя, сударыня.

вась и готово. Вѣдь ждали вась! Чертей этакихъ, молодцовъ! Я за обѣдомъ и водки не пилъ, и не ѣлъ ничего. Коли оправиться нужно. . . Ну дѣвки, чего уши развѣсили? Одна нога тутъ, другая тамъ. . . Митревнѣ скажите, четыре бутылки Донского пусть морозить. Не каждый день сыновья гусары пріѣзжаютъ! Вы мнѣ, Игорь Ѳеодорычъ, прямо, какъ сынъ родной! Ты посмотри на него, мать, красавецъ какой, а! . .

Домъ ожилъ. Звонъ посуды, хлопъ дверей, скокъ босыхъ дѣвичьихъ ногъ раздавались повсюду. Большая висячая лампа надъ длиннымъ столомъ валивала скатерть ровнымъ свѣтомъ. На столѣ уже стояли лотки съ домашними булками, подносъ со стаканами и чашками, — все это сдвинули въ сторону. Мая, Лека и двѣ босоногія, красивыя, крѣпкія дѣвки, пахнущія ситцемъ и сномъ, лукаво поглядывавшія на Котика въ защитномъ френчѣ и красовыхъ рейтузахъ и на Игруньку въ аломъ долманѣ съ золотыми шнурами, бѣгали по корридору и устанавливали столъ блюдами и тарелками.

Появились соленые, мутно зеленые грузди, большой ломоть слезающей черной, паюсной салфеточной икры, золотистая, Донская шамая, блѣдно розовый рыбацъ, къ нимъ придвинулись пузатые граненые графинчики, желтоватые, какъ дымчатый топазъ, зеленоватые, какъ блѣдный хризолитъ, мутно-малиновые, какъ сердоликъ. . . А, когда на шипящихъ сковородахъ заискрилась толстая малороссійская колбаса съ чернымъ припеченымъ бочкомъ, когда появились бѣлые грибы въ сметанѣ, почки на свѣжемъ маслѣ, Ожогинъ не вытерпѣлъ.

— Ну, благословясь, приступимъ. По старому, православному, читай, Лека, молитву.

Младшая, стройная, тонкая, съ чуть намѣчающейся грудью Лека, запыхавшаяся отъ бѣготни, повернулась къ образу въ углу комнаты, со свѣтящейся передъ нимъ, зажженной Евгеніей Романовной Ожогойной лампадкой и стала читать.

— Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ. . .

— Сад-дись! скомандовалъ Ожогинъ, едва она кончила.

— Ну, для начала: — всадники дружно ступайте въ походъ, — пропѣлъ онъ и поднялъ руку. — Котикъ, Игрунька и за

ними Лека и Мая громко пропѣли вторую фразу кавалерійскаго сигнала: —

— По временамъ конямъ освѣжайте ротъ!

Ожогинъ дрожащею красною рукою, разливалъ изъ бѣлой бутылки въ граненые толстые стаканчики прозрачную жидкость.

— Сначала Высочайше утвержденнаго образца, — скавалъ онъ и всталъ.

— Встать! — скомандовалъ онъ. — Смирна! Господа офицеры!

Котикъ повернулся къ стѣнѣ, противъ буфета, гдѣ всегда висѣлъ портретъ Государя. Но теперь Котикъ увидалъ на его мѣстѣ какой-то другой портретъ. Онъ не успѣлъ равобратъ, чей онъ, какъ услышалъ нетерпѣливый голосъ отца.

— Къ образу, Котикъ! къ образу! и молчи! Господь Вседержитель знаетъ о комъ наши мысли. Дай-же, Боже, не испытать больше позора! А ему дай Господи здравія! Молча! Лека! Мая! налейте себѣ хотя вишневки!

Выпили. Сѣли.

Противъ Игруньки сидѣла Мая. Розовое, полное, въ нѣжномъ пуху, какъ у персика, лицо ея улыбалось, синіе глаза въ густыхъ, черныхъ рѣсницахъ сияли счастьемъ.

— Эхъ, сказала она, — забыть!.. Хоть на минуту все забыть!..

И вздохнула.

Ожогинъ командовалъ дочерямъ.

— Лека, — косилъ онъ глава на Игруньку, — смородиновой?.. Мая! шамайки гусару!

— «Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
взятанулъ онъ,

«Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники лихіе.»

Не поете теперь такихъ пѣсенъ?.. А ... закашлявшись, поперхнувшись водкой, скавалъ онъ. — А кто васъ въ офицеры произвелъ?

— Керенскій, — хмуро глядя въ тарелку, скавалъ Котикъ.

Наступило мгновенное молчаніе. Игрунькѣ показалось, что всё въ эту минуту подумали: — «не настоящіе офицеры.»

Стало ѣдко на сердцѣ. Обидно. Червонный доломанъ давилъ грудь... Захотѣлось напиться и все позабыть. Онъ охотно подставилъ рюмку Лекѣ и она налила ему Баклавовскаго бальзама.

— Ну, — неловко улыбаясь сказала Евгенія Романовна, — тихій ангелъ пролетѣлъ.

— Нѣмцы говорятъ: — лейтенантъ платитъ долги, — сказала Мая.

— Ты и впрямь совсѣмъ нѣмочка, — сказала натянуто Лека.

Разговоръ занимался, какъ мокрое загорается сѣно. Не сразу вернулось потревоженное настроеніе. Дѣвки принесли румяную сверху и бѣлую въ разрѣвѣ индѣйку и поросенка, уткнувшаго морду въ рассыпчатую грешневую кашу. Выпили подъ поросенка и справились съ тяжелыми думами.

— Игрунька, разстегнитесь, — сказалъ Ожогинъ. — Тутъ все свои.

Котикъ разстегнулъ свой френчъ и изъ подъ него показались бѣлая рубашка и загорѣлая шея.

— Нѣтъ... какъ-же... ничего, — стѣснялся Игрунька.

Лека ловко отстегнула костыльки шнуровъ и алый доломанъ запахнулся на груди. Стало уютнѣе и веселѣе.

Подали въ ведеркѣ со льдомъ Донское, начались повдравленія, задвигали стулья. Игрунька, вставая, почувствовалъ, какъ шумитъ у него въ головѣ.

— «А вѣдь я пьянъ... — Пьяный гусаръ», подумалъ онъ и улыбнулся. Мая смотрѣла на него и смѣялась. Котикъ, шатаясь, подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ долженъ былъ быть портретъ Государя.

— Лека, освѣти! — крикнулъ онъ.

— Ну зачѣмъ, — сконфуженно сказала Евгенія Романовна.

— Сестра! Тебѣ говорю! Свѣти!

Лека взяла съ буфетнаго стола лампу и освѣтила портретъ снятаго въ профиль молодого человѣка съ наглымъ лицомъ.

— Это, мама, кто-же такое? спросилъ, оборачиваясь, Котикъ.

— Не узнаешь? — сказал Ожогинъ. — Керенскій.

— Мама?

— Это я... Котикъ, ну что ты! Ты ничего не знаешь... — говорила, мѣняясь въ лицѣ, Евгенія Романовна. — Это уѣздный комиссаръ намъ привезъ и повѣсилъ, чтобы всѣ знали, что мы за временное правительство.

— Я не за временное правительство, — пьяно, раздѣльно по слогамъ выговаривая слова, сказалъ Котикъ. Я за Государя Императора! Игрунька, руби! Папа можно?

— Руби его, сукина сына, въ мою голову, — крикнулъ Ожогинъ.

— Лека, Мая, тащите шашки изъ прихожей!

Дѣвушки побѣжали.

— У! — зарычалъ Котикъ. — Ненавижу жидовскую халду. И какъ, мама, ты могла?

Со звономъ разбилось стекло. Въ три удара отъ портрета остались только обрывки грязной бумаги.

Дѣвки принесли самоваръ. Лека и Мая разставляли вавочки съ вареньемъ.

— Котикъ. Ежевиковое твое любимое, — говорила Мая.

Котикъ мрачно молчалъ, тяжело дыша. Праздничное, уютное настроеніе покинуло его.

— Мама, — сказалъ онъ, принимая отъ матери стаканъ и цѣлуя ея руку, — прости меня... Но ты понимаешь?... Безъ него и домъ нашъ не домъ. А эта наглая рожа меня съума свела. Я не пьянъ... Ты, мама, не подумай, что я пьянъ, но какъ подумаю... Что они сдѣлали!... Ахъ, что они сдѣлали!... Я, мама, тогда понялъ, почему всѣ замолчали, когда я сказалъ, что насъ произвелъ Керенскій... Папа! безъ Государя-ничего не будетъ.

— Вѣрно, Котикъ..., сказалъ Ожогинъ, — безъ Бога на небѣ, безъ Государя на землѣ все погибнетъ.

— Ну что-жъ! Погибнемъ и мы, — сказалъ Котикъ съ задоромъ. — Умирать, такъ съ музыкой!...

V.

Послѣ чая расходились по своимъ комнатамъ. Мая шла по корридору впереди всѣхъ и несла лампу. Въ корридорѣ была жилая теплота. Съ бѣленыхъ известкой стѣнъ смотрѣли

старыя англійскія литографіи скаковых лошадей. Пахло полынью, чистымъ деревомъ и собаками. Запахъ деревни, стараго, насиженнаго вѣками уюта, обступилъ Игруньку.

Игрунька усталъ съ дороги. Онъ много, какъ никогда еще, съѣлъ и выпилъ, и у него шумѣло въ головѣ. Лицо было красно, густые, русые волосы смяты, отличный приборъ потерялся.

Мая оборачивалась къ нему и смѣялась въ глаза.

— Игрунька, помните, котильонъ у Воротынскихъ?

Во время этого котильона, Игрунька, еще юнкеръ, сдѣлалъ Маѣ предложеніе.

— Мая. . . . —

— Милый. . . Хорошій. . . Любимый. . . — одними губами проговорила дѣвушка и распахнула дощатую дверь.

— Вотъ ваша комната. —

Черныя тѣни пугливо побѣжали отъ предметовъ и установились сторожко по стѣнамъ и на окнѣ съ бѣлыми, закрытыми внутренними ставнями.

— Спокойной ночи! — сказала она, присѣдая въ дверяхъ. . . .

Теплая, незнакомая Игрунькѣ тишина ласково окружила его. Ни одинъ звукъ не доносился. Улыбчиво смотрѣла широкая постель и пахло свѣжимъ бѣлымъ отъ бѣлыхъ простынь и высоко взбитыхъ подушекъ. На столѣ, у окна, большой букетъ вербены дышалъ ароматомъ осеннихъ куртинъ. Все было чисто, опрятно и старо. На бѣленыхъ стѣнахъ мирно висѣли въ орѣховыхъ рамкахъ гравюры начала прошлаго столѣтія. Старомодный, пузатый комодъ со стертой лакировкой казался живымъ и благодушнымъ.

У Игруньки никогда не было своей спальни. Какъ себя помнить, — спалъ съ братьями. Когда изъ корпуса, или изъ училища пріѣзжалъ домой, его устраивали въ гостинной на диванѣ, или въ столовой на сдвинутыхъ стульяхъ, а тутъ своя большая комната.

Голова кружилась. Прислушался. Ни одинъ звукъ не рождался въ ночной тиши. Старый домъ спалъ въ очарованіи лунной осенней ночи.

— Какъ хорошо! — подумалъ Игрунька.

Онъ быстро раздѣлся и кинулся въ постель. Со стѣны громадный Колизей въ Римѣ смотрѣлъ на него коричневыми

тонами старой литографіи. И онъ показался роднымъ и уютнымъ. Можетъ быть потому, что онъ былъ старый? Игрунька задулъ свѣчу и заснулъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ безъ сновидѣній. Старый домъ баюкалъ его тишиною толстыхъ стѣнъ. Ни одна тѣнь не шевелилась за окномъ. Ставня не дрожала.

Проснулся освѣженный сномъ, бодрый, сильный, жаждающій движенія. Темно въ комнатѣ. Лишь сквозь тонкія щели ставень льется едва примѣтными полосами свѣтъ и не разсѣивается, но стоитъ полосами въ темнотѣ. И отъ него — бархатный сумракъ въ комнатѣ. Въ сумракѣ уютъ поздняго утра никѣмъ не потревоженного сна.

На спинкѣ стула топорщился короткій доломанъ. Безжизненно висѣли петли и костыльки шнурковъ. Высокіе сапоги сверкали золотыми розетками.

— Ахъ, хорошо! — прошепталъ Игрунька и посмотрѣлъ на часы.

«Безъ четверти одиннадцать. Славнаго, однако, храповицаго я задалъ. . . И какъ тихо, тихо кругомъ».

Вскочилъ. Подошелъ къ окну. Открылъ ставню, поднялъ бѣлую штору. Солнечный, погожій осенній день медленно вошелъ въ комнату и всю ее освѣтилъ. За окномъ былъ садъ. Въ мелкихъ капляхъ растаявшаго инея сверкала мохнатая пригорѣвшая лѣтомъ трава. Вербены тѣсной толпой поднимали жирныя шапки звѣздчатыхъ цвѣтовъ надъ черною землею. Бисерное дерево, нѣжное, тонкое, точно изъ ваты сотканное поблекло и поблѣднѣло отъ утренняго мороза. Яблони стояли голыя. Пирамидальные тополи, начавшіе желтѣть, шли къ воротамъ и между нихъ росли кусты: У окна висѣли малиновые, желтые и зеленые листья винограда. Сквозь обнажившійся садъ видна была сѣрая, деревянная, давно не крашеная рѣшетка на низкомъ, кирпичномъ фундаментѣ, дальше сараи, окружавшіе большой дворъ. Надъ низкими, широкими постройками, безкрайнимъ просторомъ легло блѣдносинее небо и застыло въ тихомъ покоѣ. Отъ земли поднимался легкій паръ и отъ того нѣжны и мягки были краски далей. Точно съ гуашью, томною акварелью былъ выписанъ садъ.

По корридору протоптали легкія туфельки. Лека съ Маей прошли, что-то напѣвая.

Игрунька одѣлся и вышелъ.

Въ столовой съ навощенными полами и дорожками въ полосу, на большомъ столѣ пускать къ потолку густые клубы пара самоваръ. Столъ былъ заставленъ булками, масломъ, молокомъ, яйцами. Вчерашняя индѣйка и поросенокъ стояли на немъ. Всѣ были въ сборѣ. Ждали Игруньку. «Неужели опять ѣсть», — подумалъ Игрунька.

Передъ Маей на большой тарелкѣ лежалъ тонкій ломоть бѣлой индѣйки и кусокъ черного хлѣба. Она накладывала на него пласты сливочного масла.

Ея голубые глаза смѣялись. Бѣлые, ровные зубы готовы были кусать хлѣбъ, на розовыхъ щекахъ еще дремалъ сонъ.

— Игрунька, — каймаку? Вы, навѣрно, никогда не ѣли его, — сказала Лека, изъ маленькаго глиняннаго горшочка доставая толстыя, желтоватыя, сливочныя пѣнки.

— Дайте ему раньше поросенка, — томно сказала Евгенія Романовна.

Игрунька ѣлъ поросенка, ѣлъ хлѣбъ съ масломъ, яйца, каймакъ и безъ конца пилъ чай.

VI.

Послѣ чая Ожогинъ повелъ гостей показать остатки своего завода. Гордился имъ Ожогинъ. По восемнадцать, по двадцать лошадей ежегодно въ ремонтъ сдавали и все по высшей оцѣнкѣ. Имѣлъ и медали на выставкахъ и преміи отъ Управленія ремонтовъ.

— Теперь, — говорилъ онъ, — ничего не осталось. Конюшни пустыя. На варкахъ одна молодежь. Всѣ съѣла война. Читаю я въ газетахъ объ опустошеніи Бельгіи, о гибели города Лувена — они хотя подъ огнемъ были, — а это развѣ не опустошеніе? Не гибель культуры!? Вѣдь, я за лошадью весь свой вѣкъ вѣковалъ, да отецъ, да дѣдъ, да прадѣдъ... Ожогинская лошадь еще во времена Александра Благословеннаго по всѣмъ ярмаркамъ славилась. А красоты какой! Не лошади были, а поэзія! Съ нихъ картины писали! Въ Гатчинѣ, во дворцѣ, виситъ на лѣстницѣ картина англичанина Доу. Конная группа царской семьи Императора Павла. Въ правомъ углу голова вороной лошади. И говорить не надо: — Ожогинская лошадь.

По пыльнымъ, заросшимъ сухою степною полынью дорожкамъ сада, по тополевой аллеѣ прошли къ деревяннымъ воротамъ и вышли во дворъ. Двѣ борзья, Русскія, косматыя, бѣлая сука и пестрый кобель, кинулись, улыбаясь острыми щипцами и обнажая длинные зубы, къ хозяину. За ними махая хвостами бѣжали, повизгивая, пятокъ черножелтыхъ, нивко-лапыхъ костромскихъ гончихъ.

— Папа, — сказалъ Котикъ, — охотиться будемъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ Ожогинъ. — Нынче всёмъ свобода. Я думаю въ степу и зайцовъ не осталось.

Дворъ пыльнымъ бугромъ, втянутымъ тонкими нитями степной травы простирался за садомъ. Противъ калитки были широкія ворота, темной дырой открывавшіяся въ сумракъ манежа. Выводной, глинобитный манежъ, подъ желѣзною крышею со стекляннымъ колпакомъ смыкалъ двѣ конюшни. Въ немъ все было приготовлено къ выводкѣ. Стояли стулья и старый смотритель Финогенъ, сѣдой старикъ съ маленькой сухой головкой, и сурово нависшими надъ губою бѣлыми усами, въ длинномъ темнозеленомъ сюртукѣ, съ шевронами, плоско висѣвшемъ на его худомъ тѣлѣ, въ высокихъ, выше колѣнъ, сапогахъ, и съ длиннымъ бичемъ въ рукѣ ожидалъ ихъ. Конюха, одѣтые въ парадные сюртуки и черные суконные картузы съ алыми кантами, протирали на конюшняхъ выводныхъ уздечки.

Въ манежѣ ароматно пахло сухимъ степовымъ пыльнымъ сѣномъ и лошадьми.

Ожогинъ сѣлъ въ кресло, по правую руку посадилъ Игруньку, по лѣвую Котика. Рядомъ съ Игрунькой сѣла Мая, Лека сѣла подлѣ Котика.

Финогенъ покосился на барышень. «Не дѣвичье дѣло», подумалъ онъ, — «смотреть, какъ жеребцовъ выводить!»..

— Прикажете начинать?, — сурово сказалъ онъ, снимая съ головы черный форменный картузъ.

— Да, выводи, — сказалъ Ожогинъ.

Онъ волновался, предвкушая удовольствіе. Странныя мысли томили его всё эти дни. Всякій разъ, какъ заходилъ въ конюшню, думалъ почему-то: «въ послѣдній разъ».. И сейчасъ подумалъ: — «въ послѣдній разъ передъ смертью. Эти-то Керенскіе, развѣ удержатъ?.. Развѣ поймутъ?»..

Финогенъ подаль знакъ кому-то, стоявшему въ конюшнѣ.

Сняли балясину, лежавшую поперекъ конюшенныхъ дверей и по манежу разлилось веселое, залиvistое ржаніе. Для Ожогина этотъ побѣдный крикъ лошади былъ лучше опернаго пѣнія. Онъ вдвинулся, нахмурился и покраснѣлъ. Хотѣлъ встать, глубже утѣлся въ кресло и не утерпѣлъ, — всталъ...

На вытяжку, съ бичемъ въ обѣихъ рукахъ, какъ-бы провѣшивая имъ направленіе, куда вести лошадь, сурово нахмурившись, стоялъ прямой, какъ жердь, Финогенъ.

Два молодца на длинныхъ бѣлыхъ развязкахъ вели вишнево-гнѣдого жеребца. Высоко поднявъ маленькую сухую голову, жеребецъ раздулъ сѣрыя ноздри, выворачивая храпки, фукнулъ и залиvисто гордо заржалъ. Онъ шелъ ва людьми танцующей легкой походкой и овирался темнымъ на выкатѣ глазомъ по сторонамъ.

Не доходя до Финогена, конюха остановились и лошадь свободно стала ва ними, зная что надо дѣлать, когда ея любятъ. Тонкія въ черныхъ чулкахъ переднія ноги она составила вмѣстѣ. Заднія въ бѣлой шерсти съ розоватымъ копытомъ широко разставила, чуть дальше отставивъ лѣвую. Хвостъ откинула назадъ и каскадомъ, какъ перо необыкновенной птицы, свѣсились съ напряженной рѣпицы черные блестяще волосы. Маленькія уши двигались, то настороживаясь, то кося на зрителей. Глазъ смотрѣлъ, то на конюховъ, то на Ожогина. Въ мѣдъ отливали плечо и бока, въ красное золото широкій крупъ, чуть раздвоенный, съ едва примѣтнымъ темнымъ, ремнемъ.

— Жеребецъ Гангесъ, восемнадцати лѣтъ, — мягко, какъ «х» выговаривая «г» и торжественнымъ, мѣрнымъ голосомъ роняя слова въ тишину манежа, говорилъ Финогенъ и, казалось, лошадь напряженно слушала его, — Стрѣleckаго Государственнаго завода, сынъ Горца и Ивы, внукъ Гомера, правнукъ Абдула, по прямой линіи идетъ отъ Абеяна Серебрянаго и Яшмы, чистыхъ Ростопчинскихъ кровей.

— Вы посмотрите, — протягивая руку и трогая покорно ожидающую ласки лошадь, заговорилъ восторженно Ожогинъ, — вы посмотрите эти линіи! Запомните ихъ. Я поклонникъ чистокровной лошади, но въ голову выводки всегда веду Гангеса. Какая благородная красота головы! Какой глазъ! Игорь Ѳедорычъ! Котикъ, Мая, Лека! запомните на всю жизнь. Это Русская лошадь... Русскіе Екатерининскіе

вельможи . . . , мы, старые Русскіе дворяне, создали эту лошады! . . . Орловъ — Чесменскій, графъ Ростопчинъ и цѣлое поколѣніе любителей красоты. Пусть англичане создали самую рѣзвую лошады. . . Мы, Русскіе, создали — самую красивую. А красота. . . Красота — это Богъ. . .

Старикъ не могъ продолжать.

— Проведи! — сказалъ онъ, вѣдыхая, и опустился въ кресло.

Финогенъ отошелъ въ сторону. Конюха пошли кругомъ манежа. За ними шелъ, играя, Гангесъ.

Ожогинъ опять вскочилъ.

— Вы слышите, — громкимъ шопотомъ воскликнулъ онъ. — Люди идутъ, — ихъ шаги слышно. Онъ идетъ — не слышно. Чудо Божіе! Не слышно! Тридцать пудовъ по землѣ танцуетъ и не слышно ничего! Мотылекъ порхаетъ надъ цвѣтами.

— Поставь! — крикнулъ онъ, и Гангеса снова установили противъ Ожогина.

Онъ всталъ и подошелъ къ ногамъ лошади.

— Вы посмотрите копытъ, — онъ назвалъ копыто въ мужскомъ родѣ «копытъ». — Вѣдь это, — яшма шлифованная, а не рогы!

Онъ поднялъ ногу лошади.

— А ножка!.. Такихъ ножекъ нѣтъ у женщины!.. Нѣжность какая подъ щеткой! И никогда никакихъ мокрецовъ.

Онъ тронулъ чолку, взялъ прядку гривы и понюхалъ.

— Потрогайте, Игрунечка, чолку. . . Гриву. . . Женскій, а не конскій волосъ! А!? какая мягкость! У Леки жестче. А понюхайте? Кто надушилъ его волосы этимъ запахомъ степныхъ травъ? Господь Богъ надушилъ эту гриву, этотъ волосъ! . .

Онъ снова отошелъ, подошелъ, погладилъ Гангеса по шеѣ, похлопалъ по спинѣ, по крупу. Слеза прошибала въ его сѣрые, усталые глаза въ красныхъ вѣкахъ. —

— Ну, уводи!, со вздохомъ сказалъ онъ.

Изъ дверей конюшни, на смѣну Гангеса, выпрыгнулъ мощный, громадный, темнокараковый жеребецъ.

Онъ спокойно сталъ противъ Финогена и, чуть колебля вожжами развязки, озирался по сторонамъ, поводя головою по манежу.

— Жеребецъ Каракалъ, чистокровный англійскій, — тѣмъ же металлическимъ голосомъ говорилъ Финогенъ, — за- вода Михаила Ивановича Лазарева, отъ выводного изъ Англїи «Пренсъ офъ Валлисъ» и Лазаревской «Львицы», дочери выводного «Шамона», ввѣвшего въ 1893 году Дэрби, скакалъ, имѣеть 18 первыхъ, 32 вторыхъ прива и въ томъ числѣ привъ Государыни Императрицы, всего на сумму двѣсти пятьдесятъ тысячъ восемьсотъ рублей.»

— Его сынъ въ четвертомъ году ввѣлъ Московское Дэрби, — сказавъ Ожогинъ.

— Нигдѣ въ мірѣ, — друзья мои, нѣтъ такого порядка вывода, какъ у насъ. Только мы, Русскіе, понимаемъ лошадей... Проведи!.. Вы посмотрите шагъ. Задняя нога на полъ аршина заноситъ за слѣдъ передней и никогда, никакой вастѣчки. Великій Механикъ творилъ эту лошадь... Я ѣздилъ на ней... Вѣтеръ! Степной духъ!.. Я не вналъ, сажу я на лошади или Ангелы носятъ меня бережно по степи. Истинно сказано: «добрый конь подо мною — Господь надо мною...»

— Das Glück der Erde ist auf dem Rücken der Pferde.¹⁾

— Ты не можешь безъ нѣмецкаго —, скривился Ожогинъ. — Давай «Перуна», — скомандовалъ онъ Финогену...

Изъ манежа черезъ маленькую дверку вышли въ степь. Въ степи изъ навоза съ соломой были сложены стѣны большого открытаго манежа. За ними въ голубыхъ просторахъ, золотисто-желтая — въ мутныхъ миражахъ залегла цѣлина. Воздухъ колебался надъ нею. Издалека надоѣдливо доносился стукъ молотилки и мѣрные, тяжелые шаги рабочихъ воловъ.

Въ манежѣ восемь мальчиковъ, въ одинаковыхъ голубыхъ рубашкахъ и черныхъ шапкахъ ѣздили на англійскихъ сѣдлахъ на жеребятахъ.

Спереди шли пять трехлѣтокъ, за ними три двухлѣтки. Переднія, стройныя, уже сложившіяся, тонконогія, длинноногія, худыя, блестящія, помахивая короткими по рѣпицу стриженными хвостами, бѣжали, чуть касаясь земли. Заднія, — еще не потерявшія дѣтской, жеребячьей прелести, особенно въ мордахъ съ большими глазами и длинными ушами, бѣжали за ними взбрыкивая и пошаливая.

¹⁾ Земное счастье на спинѣ у лошадей.

— Эти будущій годъ пойдутъ, а тѣ уже скакали въ Ростовѣ, — говорилъ Ожогинъ. — Да что! Сезонъ-то вышелъ какой-то кудый. Все изъ за Керенскаго вашего. . . . Политика! . . . Чортъ-бы её дралъ. . .

— Папа, — я этой рыженькой не помню, — сказалъ Котикъ.

— Ну! . . . Монна-Ванна, дочь Каракала и Матильды. . . Съ большими данными кобылка, да не знаю, поскачетъ или нѣтъ?

— А, что? . .

— Да народу-то скачки нужны или нѣтъ? Кто его знаетъ. Онъ понимаетъ, ты думаешь, это?

На конюшняхъ, куда прошли изъ манежа, было пусто. Пустые стояли денники съ желѣнными рѣшотками и длиннымъ рядомъ висѣли вальки стойлѣ.

— Разоренъ заводъ, — сказалъ Ожогинъ. — Что твоя Бельгія. А что еще дальше будетъ, кто знаетъ. Вотъ Константиновыхъ сожгли и, слышать, ни суда, ни слѣдствія. Да кому и дѣлать-то? Губернатора и полиціи нѣтъ. . . Пусто. . .

Онъ пошелъ къ дому, низко опустивъ голову. За нимъ шли барышни и гусары.

Всѣ молчали.

VII.

Мая и Лека сидѣли на своемъ любимомъ мѣстѣ надъ прудомъ, гдѣ начиналась гребля и гдѣ ветлы обривовывали веленый навѣсъ надъ водою. Котикъ стоялъ противъ нихъ, прислонившись къ черному стволу, и горячо говорилъ. —

— Все таки, Мая, тебѣ нужно что-нибудь рѣшить относительно Игруньки. . . Онъ мой большой другъ. . . Онъ рыцарь и мнѣ его намѣренія извѣстны. Я не сомнѣваюсь: онъ будетъ тебѣ дѣлать предложеніе. Что ты ему отвѣтишь?

— Не знаю.

— Мая, нельзя, голубка, такъ. Это не шутки.

— Ты его любишь? — воскликнула Лека.

— Люблю? . . Да. . . Онъ мнѣ очень нравится. Но быть Кусковой я не хочу.

— Старая дворянская фамилія, — сказалъ Котикъ.

— Можетъ быть. . . Но разорившаяся. И потомъ. . . — эта тетя Лисенко, жена почтальона. . . — сказала Мая и

подняла на брата задумчивые синіе глаза. Сверху внизъ она не казалась такой красивой. Были замѣтнѣе выдавшіяся скулы и жесткій, не смягченный улыбкой подбородокъ.

— Я не думалъ, Мая, что ты такой снобъ.

— Я совсѣмъ не снобирую... Но, есть вещи сильнѣе меня... И потомъ... у него тамъ какой-то дядя социалистъ, не вѣнчаный, съ незаконнымъ сыномъ... бывший ссыльный. Какая гадость!..

— По нынѣшнимъ временамъ дядя социалистъ — это протекція.

— Оставь, Лека, не до шутокъ, — кисло проговорилъ Котикъ. Человѣкъ влюбленъ.

— Онъ нравится и мнѣ. Если-бы не война, я-бы не прочь выйти за него замужъ на черно.

— Какъ на черно?

— Такъ, какъ вышла Нина Драницына. Пожила съ Сандикомъ полъ-года, насладились любовью, а потомъ развелась, и благоденствуетъ теперь въ Америкѣ за толстымъ Балабанинымъ, что-то поставляющимъ на войну. Писала мнѣ: — своя вилла у нихъ на берегу океана.

— Вотъ какъ ты смотришь на бракъ.

— Смотрю практически. Раньше о насъ родители думали. Теперь приходится самимъ подумать. У Игруньки смазливое, какъ у дѣвчонки, лицо и тонкая талія, но у него ни гроша за душою и подозрительная родня. Мы еще не разорившіеся, но уже разоряющіеся помѣщики. Игрунька не закопается въ Спасовкѣ, какъ папа, не станетъ всю жизнь воевать съ крестьянами. Онъ будетъ служить. А я? Армейская полковая дама?.. Excusez du peu¹⁾. Что-то не хочется... Леи на рейтузы напивать... Ну ихъ!...

— Мая! откуда у тебя эта холодная практичность?

— Изъ жизни... Я, Котикъ, свободная женщина. Я эти два года читала все. Не одни «Ключи счастья» Вербицкой. Счастье женщины... Счастье дѣвушки... я думала объ этомъ.

— Я признаюсь объ этомъ не думалъ, — сказалъ Котикъ, — но я знаю, что сказалъ-бы тебѣ Игрунька. Онъ

¹⁾ Простите на маломъ.

сказаль-бы: — счастье дѣвушки — семья, счастье женщины-долгы!

— Да, вы, мужчины, вы все еще смотрите на женщину, какъ на собственность, какъ на рабыню. Намъ, дѣвушкамъ двадцатаго вѣка, это не улыбается.

— Чего-же ты, Мая, ищешь?

— Равноправіа. . .

— Работать, служить, какъ мужчина?

— Нѣтъ. Я не способна на это. Я слишкомъ женщина. . . Я хочу. . . Скажи мнѣ, Котикъ, я знаю, что между тобой и Игрунькой тайнъ нѣтъ. Скажи мнѣ: — Игрунька чистый мальчикъ? . . Онъ никого не любилъ?

— То-есть. . . , смутившись неожиданнымъ вопросомъ сестры, сказалъ Котикъ. — Я, Мая, тебя не понимаю.

— Не понимаешь. . . Помнишь, на Рождествѣ ты намъ подъ секретомъ рассказывалъ о твоёмъ первомъ романѣ съ тётей Алей. У Игруньки былъ уже первый романъ?

Котикъ покраснѣлъ. И дернуло же его на Рождествѣ рассказать сестрамъ преглупую исторію, вышедшую у него съ молодой, его лѣтъ, двоюродной теткой, бывшей замужемъ за старымъ генераломъ? Вечеромъ, въ маленькой гостиной, онѣ смѣялись нехорошимъ смѣхомъ и допытывали брата о его любви. Онъ, смѣясь, — «ахъ, какъ это было глупо и подло», — рассказаль имъ забавное приключеніе на визитѣ къ тетѣ Алѣ.

— У Игруньки? — сказалъ Котикъ, поворачивая спину сестрамъ. — Нѣтъ. Ничего не было.

— Врешь, Котикъ, — сказала Мая.

Котикъ быстро повернулся лицомъ къ Маѣ.

— Ну хорошо. . . Я не знаю. Но тебѣ не все равно это?

— Положимъ, не все равно.

— Нѣтъ, ты скажи прямо. Если Игрунька будетъ просить твоей руки, что ты ему скажешь?

— Скажу, что подумаю.

— Самый скверный отвѣтъ. Онъ долженъ ѣхать въ полкъ. . . на войну. . . Онъ готовъ ждать. Онъ хочетъ быть увѣреннымъ.

— Онъ уже мнѣ дѣлалъ предложеніе на котильонѣ у Воротынскихъ.

— Ну, то не считается, — сказала Лека, — ты ему ничего не отвѣтила.

— Ты дашь ему слово ждать? настойчиво сказалъ Котикъ.

— Однако ты въ сваты записался, — засмѣялась Мая.

— Мая... Я другъ Игруньки. Я его очень люблю. Онъ честный, благородный, пылкій, и онъ давно, уже пять лѣтъ, любить тебя одну.

— Что дальше?

— Онъ говорилъ мнѣ, что будетъ просить твоей руки.

— У родителей?

— Потомъ и у родителей, но раньше хочетъ получить твое согласіе.

— На черно... на черно..., краснѣя, воскликнула Мая и закрыла лицо руками, — на бѣло не годится. — Она побѣжала навверхъ, къ дому и столкнулась съ Игрунькой.

Она повернула назадъ, къ пруду. Игрунька спустился за нею. Когда она подошла къ брату, — Котикъ и Лека встали и быстро пошли изъ подъ древеснаго свода. —

— Предатели! — крикнула имъ Мая, и осталась вдвоемъ съ Игрунькой.

Вода неподвижно стояла у пологого берега. Сухіе камыши тихо шуршали, и коричневые метелки, какъ старые артиллерійскіе банники, торчали вверхъ. Листья бѣлыхъ водяныхъ лилій разрослись и ржавѣли въ холодной водѣ, и черные кувшинчики ихъ утонули. Вдали прудъ сверкалъ, какъ зеркало. На противоположный берегъ прибѣжали босоногіе ребяташки, постояли, разинувъ рты, глядя на краснаго гусара и побѣжали къ слободѣ, топоча ногами и подымая рѣдкую черную пыль. Не смолкалъ назойливый стукъ молотилокъ и гдѣ-то, за гатью, мѣрно ударяли цѣпами, и, казалось, что кто-то раздѣльно, не людскимъ голосомъ говорилъ все: — «цопъ-тобѣ... цопъ-тобѣ», — скажетъ нѣсколько разъ, перебьетъ — «цопъ, цопъ, цопъ» — и опять — надолго — «цопъ-тобѣ, — цопъ-тобѣ»... .

— Вамъ, Мая, нравится мой доломанъ? — спросилъ Игрунька.

— Да... Очень красиво. Хотя теперь я не люблю больше красный цвѣтъ.

Игрунька игралъ костыльками и молчалъ. Медленно шло время. Въ воздухѣ была осенняя прохлада, но ему казалось жарко.

— Почему мы стоимъ? Сядемъ, — сказалъ Игрунька.

— Хотите... сядемъ...

Они сѣли, но слова не шли на умъ.

— Вы любите, Мая, деревню? — спросилъ Игрунька.

— Вообще, — да. Теперь, — нѣтъ.

— Почему?

— Теперь въ деревнѣ страшно.

— Когда громили Константиновку, Константиновыхъ не было дома?, — спросилъ не своимъ голосомъ Игрунька.

— Нѣтъ. Они уже въ мартѣ уѣхали въ Швецію и тамъ продали имѣніе.

— Такъ что громили чужое имѣніе?

— Да... Какой-то компаніи.

— Все сожгли?

— Да... Скотъ перерѣзали. Лошадей угнали.

— Нехорошо...

— Чего хуже.

— Если-бы здѣсь были мои гусары, я бы не допустилъ этого.

— Теперь никому нельзя вѣрить, — сказала Мая и, замолчала, опустивъ голову.

Игрунька робко протянулъ темную, загорѣлую руку и взялъ за пальцы Маю. Мая не отняла руки. Игрунька перехватилъ ее выше и сжалъ въ горячей ладони. Такъ сидѣли они нѣсколько секундъ.

— Мая...?, сказалъ тихо Игрунька. — Вы мнѣ вѣрите?

Мая не отвѣчала.

— Вся жизнь моя... Молодость... Всѣ мои мечты... Полкъ... И вы... Мая... И вы...

Мая опустила голову. Прислушалась къ тому, что творится на сердцѣ. — Хорошо было на сердцѣ. Снизу тихонько заглянула на Игруньку. Смущенно было красивое лицо. Алый доломанъ туго охватывалъ грудь и талію и Маѣ казалось, что видно, какъ бьется сердце подъ распластаннымъ золотымъ орломъ значка Николаевского училища.

— Мая, вы молчите... Почему вы мнѣ ничего не скажете?

— Что-же мнѣ сказать вамъ?

— Мая!.. Слава — вамъ... Подвигъ — вамъ...
Живнѣ — вамъ...

— Благодарю васъ.

Ея сердце быстро забилося. Она загадала: — «сдѣласть предложеніе, или нѣтъ... Что отвѣтить?... Ахъ какая интересная минута! Это первое предложеніе, если не считать учителя рисованія».

— Мая, я долженъ на дняхъ ѣхать въ Прокутовъ. Мой отпускъ — двѣ недѣли. И я хотѣлъ-бы знать... Любите вы меня или нѣтъ?

— Развѣ дѣвушки это говорятъ? — пожимая руку Игруньки, сказала Мая.

Игрунька смѣлѣе посмотрѣлъ на Маю. Какою недо-стижимою показалась она ему сейчасъ въ бѣлой закрытой блузкѣ, куда скромно уходила тонкая шейка.

— Мая... Я понимаю, что теперь не время. И не хорошо старому солдату, какъ я, говорить это. Нехорошо гусару думать объ этомъ. Я, Мая, давно люблю васъ... Скажите, могу я надѣяться?

— Надѣяться можете, — тихо сказала Мая.

— Нѣтъ, Мая... Скажите прямо: будете вы моею женою? Когда кончится это страшное время, когда соберется... Учредительное собраніе, и вернетъ на престолъ Русскаго монарха, Мая — тогда — могу я рассчитывать, что вы одѣнете подвѣчную фату и въ бѣлыхъ цвѣтахъ пойдете вѣнчаться съ лихимъ корнетомъ въ червонномъ доломанѣ и ментикѣ, сотканномъ изъ тучи...

«Предложеніе сдѣлалъ... И красиво сдѣлалъ», — подумала Мая. «Просто, хотѣ записать. И самъ онъ молодчикъ. А глава! Совсѣмъ особенные!»

— Мая!

Игрунька робко поднялъ руку Маю къ своимъ губамъ. Она дѣтскимъ движеніемъ обняла его шею, хотѣла поцѣловать въ щеку, но ихъ губы столкнулись, и она прильнула къ его устамъ.

— Да... сказала, отрываясь отъ Игруньки Мая, — но никому... Ни папѣ, ни мамѣ пока не говорите... Это наша тайна...

Она вскочила.

— Но вы даёте слово?, вставая, сказалъ Игрунька.
Мая вихремъ понеслась къ дому.
На бѣгу она оглянулась на Игруньку.
— Даю!

VIII.

Черезъ пятнадцать дней Игрунька являлся въ Прокутовѣ командиру эскадрона.

Въ полку только-что разыгрался скандалъ. Комитетъ постановилъ продать собственныхъ офицерскихъ лошадей для того, что-бы не было неравенства между солдатами и офицерами. Командиру полка было опредѣленно извѣстно, что лошадей скупаютъ евреи и черезъ фронтъ переправляютъ нѣмцамъ. Онъ говорилъ объ этомъ съ солдатами, покривилъ даже душою, назвавъ ихъ «товарищами», но наткнулся на глухое молчаніе большинства и на страстные рѣчи младшаго писаря и эскадроннаго фельдшера съ истерическими выкриками, видимо, заученныхъ фразъ.

Вмѣсто веселой, лихой, полковой семьи, застольныхъ пѣсень и разсказовъ о подвигахъ, Игрунька встрѣтилъ озабоченныя лица и совершенно растерявшіеся, не знающіе что дѣлать офицеры.

Игруньку сейчасъ-же назначили со взводомъ на охрану большого сахарнаго завода.

Когда онъ «чортомъ», на казенномъ ворономъ конѣ «Контрабасъ» подлетѣлъ ко взводу и лихо крикнулъ: — «здорово, гусары!...» — онъ получилъ въ отвѣтъ хмурое: — «Здравствуйте, господинъ корнетъ».

Точно въ жаркій день бросился съ разбѣга въ воду и вдругъ ударился о толстый ледъ. Но Игрунька былъ молодъ и не испугался. Было кисло на сердцѣ отъ такого не гусарскаго, штатскаго, «товарищескаго» отвѣта, но справился съ собою и вида не показалъ, что недоволенъ.

На площади толпились любопытные. Гдѣ въ эти дни не толпились люди, кто не праздновалъ въ этотъ страшный годъ долгожданную свободу и не спѣшилъ на улицу по всякому поводу? Люди другихъ эскадроновъ стояли сѣрою толпою кругомъ и, не стѣсняясь, дѣлали замѣчанія по адресу Игруньки.

— Вишь чортъ подлетѣлъ какой. Это ему заказать надо-тъ. Старымъ режимомъ пахнетъ.

— А лихой парнишка.

— Лихой-то лихой, а только не ладно. Что за «здорово гусары», — ты повдоровкайся поскромнѣе, потому понятіе надо имѣть, что теперь равенство и всѣ одно — товарищи.

— Они молодые, не понимаютъ еще этого.

— Учить надо-тъ настоящему обращенію.

Все это слышалъ и моталъ на усъ Игрунька. Торопился уйти изъ толпы, уйти отъ нагло гогочущихъ молодыхъ евреевъ, выпершихъ въ первые ряды и игравшихъ роль коноводовъ. И, когда сомкнулась за нимъ степь, и не стало видно города, когда потянулись сухія жнивья, покрытыя сѣброю стерною, показались изумрудные просторы озимей, точно другими стали солдаты.

— Слѣвай, — скомандовалъ Игрунька. — Оправиться!..

Пулей подскочилъ принять у него лошадь молодцоватый Иванъ Саенко и ласково потрепалъ «Контрабаса» по ноздрямъ.

— Что, господинъ корнетъ, ничего себѣ конь? Я на емъ ѣздилъ. Шагъ дюжа хорошій.

— Конь, какъ конь, — сказалъ Игрунька. — И не на такихъ ѣживали, — и вынулъ портсигаръ. —

Саенко порылся въ карманѣ рейтузъ и, доставъ спичку, подаль огня офицеру.

— Курите? — спросилъ Игрунька.

— Балуюсь, господинъ корнетъ.

— Возьмите папирску.

— Покорно благодарю, господинъ корнетъ.

Оба затянулись, закутались дымомъ.

Постояли. Помолчали. Двадцать солдатъ и юноша корнетъ. Смотрѣли гусары на корнета, корнетъ смотрѣлъ на гусаръ.

«Душить такихъ велятъ», — думали солдаты — «А за что душить? Правильный офицеръ. Все понимаетъ.»

«Чѣмъ не гусары?» — думалъ Игрунька. — «Вотъ тотъ черноусый — молодчина какой. Съ крестомъ. Вотъ съ такими въ тылъ къ нѣмцу. Не страшно.»

Вспомнилъ: «здравствуйте, господинъ корнетъ» и понялъ: — «жиды научили». — Дураки... Понялъ и простилъ. «Я ихъ другому научу», — подумалъ.

Сѣли, поѣхали дальше.

— Ну что-же, ребята, пѣсню надо.

— Не поемъ мы теперь пѣсень —, хмуро сказалъ унтеръ-офицеръ.

— Что такъ?

— Не поется что-й-то.

— И пѣсень хорошихъ не знаемъ, — сказалъ черноусый съ крестомъ.

— Не знаете? . . , сказалъ Игрунька. А видать, запѣвало . . , — и воскликнулъ такъ, что звонко, на весь взводъ, пронеслось по степи: — ну и г . . . вы, а не гусары. . .

Крутое слово вдругъ растопило ледъ и смѣлая ухватка поравила солдатъ.

Не было подлѣ хама, чтобы научилъ, что надо въ такомъ случаѣ дѣлать.

И робко сказалъ унтеръ-офицеръ.

— Запѣвалы-то во взводѣ, вишь, нѣтъ.

— Плохо, — сказалъ Игрунька. — Ну такъ я стану запѣвывать.

У Игруньки отъ матери былъ унаслѣдованъ хороший, чистый голосъ. И въ корпусѣ и въ училищѣ онъ былъ запѣвалой. Пѣлъ онъ мастерски. А тутъ еще и влюбленное въ Маю сердце пѣло, и сознаніе, что двадцать парней, старшихъ его, его солдатъ, его бравыхъ Чернобыльцевъ, слушаютъ его, вдохновляло его. Онъ пропѣлъ первый куплетъ старой гусарской пѣсни: —

Царю-любовь моя!
Въ полку гусарскомъ я.
Красивъ нашъ общій видъ.
Хоръ трубачей гремитъ . .

Гарцуя на конѣ,
Гусаръ счастливъ исполнѣ
И съ маршемъ полковымъ —
Готовъ въ огонь и дымъ.

— Ну что-же? — обернулся онъ къ солдатамъ. — Чего не подхватываете?

— Мы такимъ пѣсень не знаемъ, — сказалъ унтеръ-офицеръ.

Хмуро и чѣмъ-то недовольно было его лицо.

— А какія же вы знаете? спросилъ Игрунька.

— Да почитай всѣ позабыли старыя.

— А новыя?

— Пѣть не годится, — кинулъ унтеръ-офицеръ.

— Эхъ, вы! А еще гусары называетесь! Ну, буду пѣть одинъ, а вы слушайте, да мотивъ запоминайте.

Два часа шли до сахарнаго завода. Шагомъ и рысью велъ въводъ Игрунька, и, когда шли шагомъ, пѣлъ онъ солдатамъ, то старыя Русскія, то солдатскія пѣсни. За душу хватали его пѣсни, въ самое сердце просились. Но наплевалъ уже завистью въ душу солдатскую большевикъ-соціалистъ, а на сердце навѣсилъ замокъ и молчали солдаты. Старались не слушать молодого корнета.

«Офицеръ вѣдь пѣлъ. А офицеръ, что? — извѣстно, контръреволюціонеръ... Кроважки-то солдатской, народной упился. Ему одно теперь: пѣсни пѣть».

Уже подѣвжали къ заводу.

Не шуми ты мать сыра дубровушка
пѣлъ Игрунька, и какъ пропѣлъ слова:

Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую,

Среди поля хорожами высокими —

Что двумя, ли столбами съ перекладиной! . .

— Эхъ, — воскликнулъ онъ, оборачиваясь къ гусарамъ, — будете такими, не вернете Россіи Государя Императора — висѣть вамъ всѣмъ на висѣлицахъ. И Россію повѣсите!

Молчали гусары.

IX.

На заводѣ устроились всѣ вмѣстѣ. Игрунька отказался отъ комнаты въ домѣ управляющаго и помѣстился съ солдатами въ заводской конторѣ, отгородившись отъ нихъ простыней. Онъ зажилъ съ ними равноправнымъ членомъ общей заводной коммуны. Обычаи общины ему были знакомы изъ корпуса и училища. Кадетское правило гласило, что стыдно тайно отъ товарищей ѣсть конфеты и не подѣлиться съ ними, а гусары были товарищами Игруньки и онъ дѣлился съ ними всѣмъ, что имѣлъ. Взводъ сколачивался въ прочное цѣлое. Занятій не было. Торчали цѣлыми днями у воротъ, а въ ненастье сидѣли въ помѣщеніи на нарахъ.

Игрунька, не допуская фамильярности, называлъ пожилого унтеръ-офицера Розевика — Григоріемъ Григорьевичемъ, черноусый георгіевскій кавалеръ Жихарь — былъ Степа, ловкій танцоръ Коротковъ — Оеда.

Съѣздили въ городъ, привезли оттуда гитару Игруньки и гармонику Ванюши Ермолова, готовили концертъ и спектакль. На дворѣ строили кобылу и параллельные брусья, чтобы гимнастикой заниматься. Григорій Григорьевичъ уже называлъ Игруньку, «ваше благородіе». — Старая выучка возвращалась. Стыдно стало ходить растяпами съ оборванными хлестиками на шинеляхъ, стали кормить и чистить лошадей.

— А вы знаете, — сказалъ какъ-то Игрунька ввзвуду, когда вечеромъ собрались подъ лампой, и кто шилъ, кто сидѣлъ о чемъ то думая, кто курилъ табакъ. Знаете, почему раньше офицера называли «благородіемъ?»

Молчали гусары. Нахмурились. Не любили про старое говорить.

— Потому что, — смѣло и громко говорилъ Игрунька, — офицеръ долженъ былъ быть всегда благороденъ въ своихъ поступкахъ. Онъ не могъ лгать, обманывать, онъ свято долженъ былъ хранить честь мушкетера и солдаты этимъ названіемъ постоянно напоминали офицеру его обязанности.

Игрунька помолчалъ. Молчалъ и ваводъ. Портной, Саша Рубцовъ, сѣроглазый, безусый, молодой оставилъ шитье и внимательно въ оба глаза смотрѣлъ на Игруньку.

— А теперь, — еще болѣе громкимъ голосомъ продолжалъ Игрунька, — вы называете меня «господинъ». Если я господинъ, то вы кто, слуги? . . рабы? . . И вы пошли на это. Вамъ только подавай новое, непохожее на старое. А что было плохого въ старомъ?

И стояло густое молчаніе.

— Такъ-что при старомъ-то ряжимъ, чуть-что, били солдата, — нерѣшительно сказалъ маленький, худощавый Иванъ Алферовъ изъ Воронежскихъ крестьянъ.

— Били? — сказалъ Игрунька. — Васъ, Иванъ Козьмичъ, били? — спросилъ онъ Алферова.

— Никакъ нѣтъ . . . не доводилось, — краснѣя, отвѣтилъ Алферовъ.

— А васъ, Григорій Григорьевичъ? — спросилъ Игрунька унтеръ-офицера.

— Когда, ваше благородіе, — бодро отвѣтилъ бравый Розевикъ.

— А васъ, Степа?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣтилъ, вставая, Жихарь.

Игрунька опросилъ всѣхъ. Никого не били. А кто служилъ уже четыре года, кто шесть лѣтъ: — война захватила.

— Вотъ такъ-то, родные мои, и создается ложь — сказалъ тихо Игрунька.

— И кому она надобна?, — сказалъ Розевикъ.

— Кому? — врагамъ Россіи, завидующимъ ея богатству, ея силѣ и первѣе всего жидамъ, обиженнымъ на правительство за то, что оно не пустило ихъ эксплуатировать Русскій народъ.

И сталъ Игрунька рассказывать про славное прошлое Россіи, какъ боролась Русь съ половцами и печенѣгами, какъ ходили купцы на судахъ по Днѣпру и возили воскъ и медъ, и шкуры звѣриныя, пшеницу имень въ Константинополь, именуемый Царьградомъ, а оттуда везли шелки и бархаты, посуду мѣдную и стеклянную и разные приборы и оружіе. Рассказывалъ, какъ нападали на купцовъ печенѣги и половцы, какъ грабили ихъ хозары и, какъ пришлось имъ нанимать особыхъ людей для защиты каравановъ судовъ. Какъ образовались дружины съ ихъ начальниками, какъ появились вожди, какъ появились князья и судьи-тиуны.

Все, что училъ онъ когда-то на школьной скамьѣ корпуса, а болѣе того, что въ лѣтнія каникулы рассказывали ему, сначала мать, а потомъ отецъ — все передавалъ солдатамъ Игрунька и чувствовалъ, какъ росло его вліяніе и какъ онъ, юноша, становился старшимъ ихъ, ихъ вождемъ.

Брюшнымъ тифомъ заболѣлъ Саша Щербаковъ и лежалъ въ заводской больницѣ. Игрунька его навѣщалъ.

— Ваше благородіе, — сказалъ Игрунькѣ какъ-то блѣдный, тяжело дышашій Саша. — Страшные сны меня мучаютъ. Далеко отъ меня отецъ съ матерью. Бросилъ я въ тѣ проклятые мартовскіе дни крестъ, благословеніе родительское. Благословите меня, какъ отецъ. Вы стали намъ, какъ отецъ родной. Умирать придется, не будетъ страшно предстать предъ лицомъ Господа.

Снялъ съ шеи шелковый гайтанчикъ Игрунька. Два креста на немъ висѣли и три образка. Самый дорогой крестикъ былъ тотъ, что навѣсила на него мама, когда въ офицеры онъ вышелъ. Тяжелый былъ крестъ. Старинный. Носила его раньше бабушка Варвара Сергѣевна. Про бабушку говорили, что она святой жизни была женщина. Въ семьѣ чудотворнымъ почитался крестъ этотъ. Другой былъ тотъ, что надѣли на него при крещеніи, — крестъ подаренный ему крестнымъ отцемъ, дядей Венедиктомъ. Одинъ образокъ былъ подаренъ ему Танюшей Лоскутовой, когда прощалась она съ нимъ на Итальянской, крестила и плакала. Другой подарили ему юнкера его взвода и надпись на немъ была: «Спаси и сохрани отъ товарищей.»

Забылъ граверъ точку поставить и не награвировалъ прописного «о» и вышло пророчески.

Третій подарила ему лѣвъ недѣли тому назадъ Мая.

Всѣ были дороги, но дороже всѣхъ былъ маминъ крестикъ.

Развязавъ гайтанчикъ Игрунька, снялъ маминъ крестъ, перекрестился, перекрестилъ Щербакова, поцѣловалъ его въ сухія губы, и положилъ ему на грудь.

— Живъ будешь, Саша!, — сказалъ онъ.

Выздоровѣлъ Щербаковъ. Отчаявались въ немъ доктора. Не считали его и товарищи жильцами на бѣломъ свѣтѣ. Спасъ маминъ крестикъ жизнь человѣческую...

И еще прочнѣе, еще лучше стали отношенія между гусарами и ихъ корнетомъ, называли его всегда: — «ваше благородіе», — и въ глава и за глава.

Х.

На заводъ пришло извѣстіе, что большевики захватили власть. Во взводѣ Игруньки это не произвело никакого впечатлѣнія. По существу, — большевики, меньшевики, кадеты, Львовъ, Керенскій, или Ленинъ — это ничего не говорило Игрунькѣ. Всѣ были одинаково гадки. Всѣ разрушали армію, натравливали солдатъ на офицеровъ. Полковника Левенца, убили при князѣ Львовѣ, и этого перваго убійства солдатами офицера, не могло забыть молодое сердце Игруньки. Для солдатъ было безразлично, кто стоялъ у

власти, — кончали-бы войну, да отпускали-бы по домам: — дѣлить землю.

Но потомъ пошли глухіе слухи о демократизаціи арміи, установленіи выборнаго начала начальниковъ, и объ украинизаціи Чернобыльскаго гусарскаго полка.

Командиръ полка отозвалъ взводъ Игруньки обратно въ Прокутовъ.

Яснымъ ноябрьскимъ днемъ, когда чугуномъ звенѣла черная степь съ широкимъ шляхомъ, блестящимъ замерзшими лужами и глубокими колеями, а дали были мутны отъ застывшаго морознаго тумана, когда серебромъ была покрыта зеленая, приникшая къ землѣ озимь, а придорожныя ветлы стояли, какъ въ саванъ одѣтыя, бѣлыя, сверкающія уже не тающимъ на солнцѣ ледкомъ, Игрунька ѣхалъ со взводомъ къ полку.

Всю дорогу пѣли хоромъ старыя гусарскія пѣсни, а Ванюша Ермоловъ даже на рыси умудрялся играть на гармоникѣ. И казалось Игрунькѣ, что въ полку онъ найдетъ такую-же товарищескую семью.

Но въ полку было другое. Затравленные комитетами, обезличенные офицеры держались отдѣльно. Гусары пьянствовали и играли въ карты.

На 20-ое ноября были назначены выборы начальниковъ. Вводъ Игруньки единогласно избралъ его своимъ командиромъ. Командиромъ полка былъ выбранъ ветеринарный фельдшеръ Савеловъ, бойкій мѣщанинъ.

Ночью офицеры собрались на квартирѣ командира полка. Былъ поднятъ вопросъ, какъ поступить при создавшемся положеніи? И было рѣшено: оставить полкъ, увести штандартъ и «распылиться». Съ молитвою сняли полотнище съ древка, отвинтили конье и скобу, сняли ленты, и передали двумъ старымъ ротмистрамъ. Въ ту-же ночь они, переодѣтые, выѣхали на югъ.

Игруньку у квартиры поджидалъ его крестовый братъ гусаръ Щербаковъ.

— Ваше благородіе, — таинственно заговорилъ гусаръ, отводя Игруньку въ сторону. — Ваше благородіе, уходите. Савеловъ командиръ требуетъ вашего ареста. Хотятъ отправить васъ въ Петроградъ, въ совѣтъ. Обвиняють, что вы солдатъ на заводѣ смущали. Весь взводъ за васъ горой

стоитъ. Но ничего подѣлать не можемъ. Уходите, ваше благородіе. Вводъ ожидаютъ васъ, проститесь хотятъ. Они собравшись за базарной площадью.

Невесело было на сердцѣ у Игруньки, когда подходилъ онъ къ своему вводу.

Вотъ они всѣ при свѣтѣ уличнаго фонаря, въ темной холодной ноябрьской ночи. Стоитъ на правомъ флангѣ бра-
вый Григорій Григорьевичъ Розевикъ, и хмуро его усатое, хохлацкое лицо. Сумраченъ бойкій Степа Жихарь. Замеръ въ углубленіи у высокаго забора вводъ. При полной боевой гусары, подтянуты ремни, хорошо пригнаны винтовки, но уже нѣтъ алыхъ погонъ на шинеляхъ. Сняли ихъ по приказу Савелова.

Ихъ двадцать, имъ воспитанныхъ. Имъ, двадцати, онъ отдалъ и юную душу свою и первую свою любовь и они не могли отстоять его отъ одного хама.

— Спасибо родные, что выбрали меня своимъ командиромъ, — скавалъ Игрунька. — Спасибо за довѣріе... Но оставаться не могу. Выборнаго начала не признаю. Солдатъ безъ нашего стараго гусарскаго погона мнѣ противенъ. Не поминайте меня лихомъ. Ухожу отъ васъ... прощайте!

Молчали гусары. Суровы и блѣдны были ихъ лица. Точно злой рокъ нависъ надъ ними и стали они игрушкой этого рока. Противъ воли, противъ сердечнаго влеченія, противъ своего внутренняго сознанія, прощались они со своимъ любимцемъ.

Пошелъ отъ вавода. Толпою окружилъ его вводъ.

— Вы, ваше благородіе, не сердитесь...

— Не поминайте насъ лихомъ...

— Развѣ мы што можемъ...

— Мы-бы и жалали, да вишь-ты... — громада...

— Савеловъ всѣмъ мозги на бекрень сбиль...

— Вы, ваше благородіе къ казакамъ идите. Къ донскимъ, въ N-тый полкъ. У нихъ-схоронитесь.

— Эко какое горе прилучилось. Насъ понять надоть, ваше благородіе...

Хамъ побѣдилъ!

И не могъ понять этого, и потому и не могъ простить гусаръ Игрунька.

Рвалась въ ключья обманутан вѣра въ людей въ молодомъ сердцѣ. Насмѣявшаяся надъ нимъ любовь рвала его. И все глубже были раны. Каменѣло отъ этого сердце.

Три мѣсяца скитаній. Зимній походъ съ казаками, принявшими Игруньку, какъ своего, по степи отъ Прокутова до Новочеркасска. Тяжелое раздумье въ Ростовѣ, гдѣ товарищи по училищу звали Игруньку въ Добровольческую Армію, собираемую генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ.

Но... сжился съ полкомъ. Думалъ, что съ казаками сдѣлаетъ дѣло. Какъ на родного, смотрѣлъ на Игруньку молодой полковникъ Кривцовъ, казаки казались такъ хорошо настроенными и ушелъ Игрунька съ казаками изъ Ростова.

Въ Новочеркасскѣ, на тѣсной площадкѣ передъ Атаманскимъ дворцомъ видѣлъ Игрунька высокаго, худого, съ измощеннымъ лицомъ мученика, атамана Каледина. Печально, черными глазами осматривалъ онъ казаковъ. Должно и красиво говорилъ его помощникъ Митрофанъ Богаевскій и клялись казаки постоять за войско, не выдавать Атамана, не пускать на Донъ «красную нечисть».

Съ музыкой и пѣснями прошелъ по городу полкъ къ собору, гдѣ служилъ молебень передъ нимъ старый митрополитъ, окроплялъ святою водою, и махали головами и пряли ушами лошади подъ взмахами весла...

Но пришли на хуторъ Сетраковъ. Явились въ полкъ агитаторы, пошли разговоры.

— Вы, товарищи, чего-же? Опять подъ офицерскую палку хотите? Опять на польской границѣ что-бы стоять, да годами семьи не видать. Чтобы жены ваши жалмерками¹⁾ вѣкъ были? Для чего же вамъ народъ свободу добывалъ?... Для чего революція была?..

И пьянило слово «свобода». Кровавымъ хмѣлемъ туманило мозги. Требовало какихъ-то особенныхъ «правовъ», отменяло всякія обязанности...

Стали срывать казаки погоны съ шинелей и мундировъ, стали краснымъ черниломъ, какъ кровью, мазать кокарды.

¹⁾ Жалмерками на Дону называютъ женъ казаковъ, ушедшихъ въ полки на службу.

Стали арестовывать офицеровъ и постановили расходиться по домамъ. . .

Изъ Новочеркасска шли страшныя вѣсти. Смертью храбрыхъ погибли легендарные герои, Чернецовъ и Тихонъ Краснянскій. Застрѣлился атаманъ Калединъ. Пьяный Голубовъ съ толпою казаковъ 10-го Донского казачьяго полка, какъ Стенька Разинъ XX-го вѣка, шелъ на Новочеркасскъ.

Старый казакъ Данилычъ пожалѣлъ Игруньку, накрылъ его кулями съ мукой и на подводѣ перевезъ его черезъ границу въ Харьковскую губернію и выгрузилъ на станціи желѣзной дороги.

Куда ѣхать? Что дѣлать?

Въ Москвѣ были мать, тетя Липочка, можетъ-быть, тамъ и отецъ, — но тамъ были большевики.

И рѣшилъ ѣхать къ Ожогинымъ. Тамъ была невѣста.

Если не удалось сохранить счастье Родины, хотѣлось создать хотя свое личное счастье. Опять испытать эту тишину спальни, гдѣ хранить суровый покой пузатый комодъ, гдѣ виситъ Римскій Колизей и гдѣ сладко пахнетъ свѣжимъ бѣльемъ и вербеной.

Не покоя жаждала душа Игруньки, но передышки, чтобы продумать свое положеніе. Былъ корнетомъ Чернобыльскаго гусарскаго полка, носилъ алый доломанъ и ментикъ сотканный изъ тучи, былъ хорунжимъ N-таго Донского казачьяго полка и кто онъ теперь? И все безъ приказа начальства, безъ «Русскаго Инвалида», все какъ-то самособою. Велѣніемъ судьбы.

На станціи Лиски машинистъ указалъ его толпѣ.

— Офицеръ, товарищи, — сказалъ онъ. — Корниловецъ. Арестовать его надо и предоставить въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

— Предоставимъ, — сказали солдаты, и усадили Игруньку съ собой въ вагонъ.

Въ вагонѣ шли разговоры о разстрѣлахъ, объ убійствѣ офицеровъ, о томъ, что всѣ офицеры враги народа и всѣхъ ихъ надо передупить. Мимо открытой двери неслась снѣжная степь. Морозный воздухъ густымъ паромъ входилъ въ душный, переполненный людьми вагонъ. Пѣли колеса — и чувствовалъ Игрунька, что послѣдніе часы его жизни наступаютъ. И не хотѣла душа смерти тѣла.

Когда ускорилъ поѣздъ ходъ и пошелъ внизъ по насыпи, сильнымъ ударомъ отшвырнулъ Игрунька солдата отъ двери и ловкимъ прыжкомъ спрыгнулъ внизъ въ снѣжные сугробы. Отряхнулся и помчался по степи, дѣлая большіе скачки.

Щелкали свади выстрѣлы, но уносился поѣздъ въ туманную даль. Не было погони.

А потомъ . . . — ночь у сапожника, въ деревнѣ Сергѣевкѣ, куда Игрунька явился подъ видомъ фельдшера. Маленькій маскарадъ. Шинель, вымазанная сажей, и опять путешествіе съ толпою солдатъ по желѣзной дорогѣ на ту самую станцію, куда въ октябрѣ онъ пріѣхалъ такой счастливый съ Котикомъ Ожогинымъ.

И года не прошло, а какъ все перемѣнилось!

Не на парѣ вороныхъ, не въ коляскѣ, а на скромной крестьянской телѣгѣ, запряженной брюхатой кобылой, съ попутчикомъ солдатомъ, подѣвжалъ Игрунька раннимъ утромъ къ Спасовкѣ.

XI.

Спасовскій домъ спалъ, подозрительно насторожившись. На мокрыхъ дорожкахъ сада были многочисленные слѣды. Сквозь переплетъ набухшихъ весенними соками вѣтвей просвѣчивалъ длинный сѣрый фасадъ, бѣлые облупившіяся колонны, высокія темныя окна, прикрытыя изнутри ставнями и надъ балкономъ, на старомъ, когда-то золоченомъ древкѣ съ оборванными, бѣлыми кистями неподвижно висѣлъ красный флагъ.

Что случилось въ Спасовкѣ? Тамъ-ли Ожогины? Тамъ-ли Мая и Лека, тамъ-ли Николай Константиновичъ и Евгенія Романовна? Тамъ-ли Котикъ? Почему такъ много слѣдовъ по просыхающимъ дорожкамъ и почему всѣ окна заставлены ставнями?

Игрунька остановился, не зная, куда идти? Не подождать-ли? Не высмотрѣть-ли раньше, что скрывается въ домѣ подъ краснымъ флагомъ? Быть можетъ, тамъ тѣ самые солдаты, отъ которыхъ онъ только что бѣжалъ.

Игрунька сталъ обходить домъ. У сѣверной стѣны вдоль фундамента узкой полосой лежалъ темный, поздраватый снѣгъ и стояла вода. По звенящимъ лужамъ шла съ крышъ веселая капель. Птицы пѣли весеннія пѣсни. За

домомъ кричали пѣтухи. Внизу, подъ обрывомъ, въ слободѣ гоготали гуси. Острѣе потянуло соломеннымъ дымомъ.

Игрунька прошелъ мимо оконъ комнаты Май и Леки. Дальше была спальня старыхъ Ожогиныхъ въ два окна, маленькое окно ванной, окно дѣвичьей, окно той комнаты, гдѣ онъ спалъ и окно комнаты Котика. Тамъ, или Котикъ, или никого. Въ комнату Котика никого не помѣщали въ его отсутствіе.

Постучалъ. . .

— Кто тамъ?, — послышался голосъ. Желтое пламя вспыхнуло въ щели ставни. Это кто-то зажегъ свѣчу. Ставня открылась. У окна появился Котикъ въ рубашкѣ. Пріоткрылъ окно.

— Игрунька! Какими судьбами? Лѣзь въ окно!

Котикъ усѣлся съ ногами на постели. Котикъ поху-дѣлъ. Темные круги легли подъ глазами, пожелтѣло лицо. Видно: пережилъ не мало.

— Ты что-же, не съ подѣзда? Зналъ, что я пріѣхалъ?

— Увидаль красный флагъ и не рѣшился. Не зналъ тутъ ли-вы?

— Тутъ дѣла, — раскуривая папиросу, сказалъ Котикъ. Весь домъ полонъ незваныхъ гостей. . . А все мама. Какъ тогда Керенскаго портретъ повѣсила, такъ теперь красный флагъ. Это молъ охранить нашъ домъ отъ погромовъ. И контръ-развѣдку у себя помѣстила. . . Что-бы спасти имущество.

— Что за люди?

— Ничего себѣ люди. Больше половины — наши люди. Помнишь студента Куломзина? Сына генерала. Его то-варищъ по университету Гензальтъ, между нами говоря, препротивная личность, прапорщикъ Горбунковъ. . . — Ну-съ. . . потомъ демократія. . . Матросъ Балт-флота Гришинъ, такъ себѣ личность. Позируетъ на благородство. . . Солдатъ Пантюхинъ. . . Ну, натурально, какъ во всякомъ совѣтскомъ учрежденіи, такъ и тутъ, безъ еврея не обошлось, — есть и еврей, Ицка Мордкинъ. Сынъ Спасскаго портного, велико-возрастный гимназистъ. Ихъ вѣстовые, канцелярія, помѣ-щеніе для арестованныхъ. . . У насъ не домъ, а Ноевъ ковчегъ. Мая съ Лекой теперь вмѣстѣ и только я отстоялъ свою комнату. Ты у меня и останешься.

— Что-же дѣлаетъ контръ-развѣдка?

— Откровенно скажу — не знаю. Ищеть чего-то. Не пропускаетъ офицеровъ и юнкеровъ на югъ. Говорятъ, адѣсь будетъ формироваться 1-ый совѣтскій конный полкъ. Будто командовать полкомъ будетъ полковникъ Комлевъ, бывший N-скій гусарь. Можетъ быть, и мы туда поступимъ.

— Какъ-же живете?

— Живемъ? Чортъ его знаетъ какъ!... Весело... Барышни съ ума сошли. Каждый день вечеринки, пѣсни, дивчата со слободы приходятъ, костюмированный вечеръ замышляемъ. Князь... или, какъ теперь говорятъ, «бывшій князь» Скосырскій, премилый человѣкъ, живыя картины будетъ ставить. То мы въ городъ, то къ намъ изъ города. На трехъ тройкахъ. Трехлѣтокъ нашихъ скаковыхъ запрягаютъ. Монну-Ванну, помнишь, уже запалили. Угаръ. Игрунька, а не жизнь.

— Какъ-же, Котикъ?.. Развѣ ты не слыхалъ о Чернецовѣ, о бояхъ у Ростова и Константиновской, о томъ, что Алексѣевъ, бывшій начальникъ Государева штаба, и Корниловъ, бывшій верховный главнокомандующій, собираютъ Добровольческую Армію, чтобы возстановить фронтъ и вернуть Россіи ея могущество? Я ушелъ изъ полка. Мы офицеры клялись служить вѣрою и правдою Родинѣ и унесли старый штандартъ, какъ святыню. Эти люди, Котикъ, наши враги. Враги Россіи. И ты съ ними?

Котикъ сталъ снова раскуривать папиросу. Его лицо стало сѣрымъ, тупымъ, какъ тѣ солдатскія лица, что видѣлъ кругомъ себя послѣднее время Игрунька. Его глаза избѣгали смотрѣть на Игруньку, онъ смотрѣлъ въ сторону, мимо и курилъ, почесывая свои бѣлыя ноги.

— Ты знаешь, Игрунька, я монархистъ, — наконецъ, сказалъ онъ, — и я думаю, въ моей преданности Государю Императору ты усомниться не можешь. Я могу тебя завѣрить, что и Куломзинъ монархистъ, и матросъ Гришинъ, и солдатъ Пантюхинъ — они Россію безъ царя не мыслятъ... Видишь-ли... И до насъ доходятъ слухи о Добровольческой Арміи. Да какая она?... мы не знаемъ...

— Она... бѣлая..., дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ Игрунька. — А вы — красные... Вы тѣ, кто убилъ полковника Левенца... Вы тѣ, кто арестовалъ Госу-

даря... Кто заключилъ миръ съ нѣмцами... Неслыханно поворный миръ...

Еще сѣрѣе стало лицо Котика. Онъ курилъ, часто затягиваясь, пуская густые клубы дыма.

— Игрунька, — сказалъ онъ, привлекая Игруньку и усаживая его рядомъ съ собою. Онъ прижался горячей щекой къ щекѣ Игруньки и сталъ говорить тихо и настойчиво. — Ты говоришь, Игрунька, и я вѣрю тебѣ. Тебѣ вѣрю, что тамъ на югѣ правда... А какъ покину я папу и маму? Какъ брошу сестеръ? Здѣсь, Игрунька, народъ. Идти туда-идти противъ народа. Вся слобода станетъ противъ насъ и что тогда? Ты, — Игрунька, богема, ты пролетарій, да, да, по существу, — ты пролетарій, у тебя ничего нѣтъ за душою. Ты не носишь за собою двухъ тысячъ десятинъ и господской экономіи, у тебя нѣтъ коннаго завода. Гдѣ ты прижился, тамъ и домъ твой. «Подъ каждымъ дерева листкомъ, ей былъ готовъ и столъ и домъ». Ты, какъ птица небесная. Ты коммунистъ, — ты никогда не имѣлъ никакой собственности и потому тебѣ легко идти противъ коммунистовъ. А ты подумай о насъ. Мама, папа, Мая, Лека, няня, — мы всѣ жили и живемъ отсюда. Мы слишкомъ глубокими корнями привязаны къ Спасовкѣ и намъ эти корни безнаказанно порвать нельзя, намъ надо искать выхода, оставаясь здѣсь. Мы ищемъ компромисса.

— Компромиссы никогда никого не спасали... И при томъ это компромиссъ съ совѣстью.

Котикъ промолчалъ.

— Да и какой это абсурдъ, — сказалъ Игрунька, — чтобы спасти собственность — становиться коммунистомъ и отрицать собственность... Чтобы остаться помѣщикомъ-идти въ большевики и отрицать права помѣщиковъ на землю!

— Это — Русскій коммунизмъ. Это называется съ волками жить, по волчьи выть, и мы уже во многомъ столковались. Переимѣняйся названія, а существо дѣла останется тоже.

— Что-же мнѣ дѣлать? — спросилъ Игрунька.

— Оставайся у насъ. Живи, приглядывайся и жди, чѣмъ это кончится. Кстати, твой алый доломанъ припрятанъ у меня. Носи его: — алый цвѣтъ теперь въ модѣ. Дѣйствуй по обстоятельствамъ... Женись на Маѣ.

— Котикъ!, — странно это все. Когда я былъ кадетомъ, я

твердо зналъ, что я долженъ дѣлать, такъ было и юнкеромъ до революціи. А потомъ... О, еслибы пришелъ кто-нибудь сильный, кому я могъ-бы вѣрить и сказалъ мнѣ, куда мнѣ идти?... если бы оттуда, изъ Тобольска, Государь подалъ намъ голосъ и сказалъ, куда идти. Котикъ, мы молодцы... Что понимаемъ мы въ политикѣ? Ты говоришь: — тутъ народъ... А тамъ генералы... Но почему-же мое сердце тянетъ туда? Тамъ, Котикъ, нашъ славный, Русскій бѣло-сине-красный флагъ, тамъ наша святыня: — погоны... А тутъ флагъ цвѣта крови и издѣвательство надъ Русскимъ. Тутъ, Котикъ, — жида...

Котикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ всталъ съ постели и сталъ умываться. Повернулъ мокрое, покраснѣвшее отъ холодной воды лицо со спутанными длинными волосами, посмотрѣлъ на Игруньку и ласково сказалъ ему.

— Тутъ: — Мая... Не мнѣ и не тебѣ рѣшать эти вопросы. Тамъ наверху кто-нибудь есть, кто подумаетъ о насъ. Устраивай свое счастье. Плюнь на все и береги свое здоровье, милый мой... Отечество... Русскій флагъ... Прикажутъ: — и будетъ отечество... Прикажутъ: — и повѣсимъ Русскій флагъ. Станемъ говорить высокія слова о родинѣ, о чести, о славѣ, о благородствѣ, а пока... — Народъ сказалъ: грабъ награбленное. Бери свое счастье, плоды дѣтей и по иному обучай ихъ... Народъ звѣрь, ну и мы будемъ звѣрьми. И кто кому перегрызаетъ раньше горло: — посмотримъ...

Котикъ высунулся въ дверь корридора и крикнулъ барскимъ голосомъ:

— Товарищъ Глаша!

Затопотали по бѣлымъ доскамъ босыя ноги и полногрудая Глаша вбѣжала въ комнату Котика.

Котикъ снялъ рубашку.

— Товарищъ Глаша, — скомандовалъ онъ, — массажъ.

И, когда дѣвка стала розовыми руками растирать бѣлую мускулистую спину Котика, Котикъ повернулъ красное улыбающееся лицо къ Игрунькѣ и сказалъ по французски.

— Если бы я не былъ коммунистомъ, — развѣ была бы мыслима такая дисциплина. А теперь, что хочу, то и дѣлаю, и рабоче-крестьянская власть будетъ рукоплескать мнѣ, если я даже заведу *jus primae noctis*! Все надо дѣлать умно.

ХII.

Въ страстную пятницу въ Ожогинскомъ домѣ Евгенія Романовна съ Маей и Лекой возились на кухнѣ, спѣшно заканчивая приготовленія къ Пасхальнымъ розговѣнамъ. Коммунисты имъ не мѣшали, но посмѣивались, называя все это языческими обычаями. Гензальтъ пустился за обѣдомъ въ разсужденія на историческія темы, сдѣлалъ экскурсію къ древнимъ грекамъ и римлянамъ и стремился доказать, что праздникъ Пасхи есть просто праздникъ весны, существовавшій во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

— Рабоче-крестьянская власть, — сказалъ онъ, — замѣнить этотъ праздникъ первомайскимъ рабочимъ праздникомъ. Умреть и заглохнуть вашъ свѣтлый праздникъ, останутся отъ него только пасхи, да куличи, и наши дѣти уже не смогутъ объяснить ихъ первоначальнаго происхожденія. Обычай цѣловаться рабоче-крестьянская власть замѣнить болѣе сладкимъ и серьезнымъ обычаемъ. Въ этотъ день перваго мая будетъ разрѣшено парнямъ и дѣвушкамъ любить между собою. Это будетъ веселый день спариванья людскихъ индивидовъ и результатомъ. . .

— Легче на поворотахъ, — прервалъ его Игрунька, — помните, гдѣ вы сидите.

— А гдѣ товарищъ? — позвольте васъ спросить, — развязно спросилъ Гензальтъ.

— Въ благовоспитанномъ семействѣ, гдѣ есть взрослые дѣвушки, — отвѣтилъ Игрунька.

— Ахъ, виновать! виновать, — преувеличенно вѣжливо, раскланиваясь въ сторону Маи и Леки, сказалъ Гензальтъ. *Mille pardons mesdemoiselles*¹⁾. И забылъ. . . я и забылъ. . .

— Ну, полегче, полегче, — ворчалъ Игрунька.

Матрость Гришинъ нарочно смѣялся, фыркая, опуская голову на грудь, крутя ея и закрывая глаза.

— Ну, уложилъ, — шепталъ онъ. — Пра слово — дворянинъ.

Въ разговоръ вмѣшался Куломзинъ, заговорилъ о томъ, что жаркая погода выгоняетъ цвѣтъ на яблоняхъ, а могутъ еще быть морозы и цвѣтъ погибнетъ. Старый Ожогинъ возразилъ ему, и начавшаяся ссора была притушена.

¹⁾ Тысячи извиненій, барышни.

Гензальтъ плотоядно посматривалъ на барышень. Игрунька былъ краснѣе своего доломана, онъ ждалъ только предлога, чтобъ оборвать, накричать, избить наглаго коммуниста.

— Руки чешутся, — сказалъ онъ Котику, — свернуть рыло на сторону этому типу.

— Оставь, — сказала Котикъ. — Онъ съ большимъ вліяніемъ въ совѣтѣ. Пучковъ, нашъ губернской комиссаръ, — его товарищъ по гимназіи.

— Все протекціи ищите. Защищаете свои дворянскія гнѣзда, — проговорилъ со злобою Игрунька.

— И честь сестеръ защищаю, — сказалъ обиженный Котикъ.

Игрунька не покидалъ Май. Онъ боялся оставить ее въ обществѣ Гензальта.

Жаркій апрѣльскій день смѣнился прохладнымъ вечеромъ. Въ садовой чащѣ щелкали соловьи, отъ куртинъ тянуло запахомъ земли.

Пришло нѣсколько парней по приглашенію Куломзина. Собирались пѣть хоромъ.

Парни злобно посматривали на Гензальта. Игрунька зналъ, что они были недовольны его успѣхами у мѣстныхъ дѣвицъ.

Начинало темнѣть. Изъ слободы доносился густой звонъ большого колокола. Шелъ крестный ходъ. Хоронили Христа. Въ домѣ Ожоговыхъ всѣ сошлись въ большой гостиной, Куломзинъ сидѣлъ за роялемъ и тихо импровизировалъ. Лека съ Маей, рука съ рукою, ходили по залу. Гензальтъ сидѣлъ въ креслѣ, на диванѣ размѣстились Гришинъ, Пантюхинъ, Мордкинъ, подлѣ нихъ стояли парни. Въ углу у окна сидѣла Евгенія Романовна и проворно вязала чулокъ. Однимъ ухомъ она слушала звонъ колокола на селѣ, другимъ игру Куломзина. Ей хотѣлось попросить его не играть, но боялась огорчить нужнаго человѣка.

— Мая, спойте намъ что нибудь, — сказалъ Куломзинъ.

— «Ухаря-купца», — сказалъ Гензальтъ.

— Марія Николаевна очаровательно постъ «Ухаря-купца», ну совсѣмъ, какъ Плевицкая, — сказалъ Мордкинъ. — Это было бы такое наслажденіе, если-бы вы намъ спѣли.

— Что вы, товарищи, — сказала Мая, — сегодня страстная пятница. Развѣ можно пѣть?

— Мая придерживается старины, — подмигивая парнямъ, сказалъ Гензальтъ, — дворянское воспитаніе не вытравись.

— Извѣстно леригіозны очень, — вздыхая, сказалъ одинъ изъ парней.

«И чего она ихъ «товарищами» называетъ», — думалъ Игрунька, — «тоже подлизывается, заискиваетъ передъ ними. Какъ это все противно!»

— Ну, товарищи, — сказалъ Куломзинъ, обращаясь къ парнямъ. — Что зря стоять, стѣны подпирать — чай не повалятся и такъ. Давайте хоровую.

— Такъ, вѣдь, оно, товарищъ, правильно, что не годится такъ пѣть теперъ. День-отъ какой.

— Все предрасудки, — сказалъ Гензальтъ, подходя къ роялю.

— Зачѣмъ предрасудки, — обиженно сказалъ одинъ изъ парней, — а только, — нехорошо.

— У васъ, когда и съ дѣвкой спишь-тоже нехорошо, — пожалъ плечами Гензальтъ и, кладя руку на спинку стула Куломзина, сказалъ: — давай, Женя, начнемъ съ божественнаго, чтобы ихъ успокоить. Играй: «Вечерній Звонъ».

Гензальтъ началъ :

Вечерній звонъ, вечерній звонъ,
Какъ много думъ наводитъ онъ . . .

И, отдаваясь страсти его голоса, увлеченные его синими загорѣвшими глазами, блѣднымъ, вдохновеннымъ лицомъ, парни, Мая, Лека и Котикъ-вступили мягкими плавными аккордами аккомпанимента.

«Бимъ бомъ, бимъ бомъ, бимъ бомъ»

«И какъ я съ нимъ», гремѣлъ на весь залъ Гензальтъ, — «Навѣкъ простяся», и затихалъ, смиряясь:

«Тамъ слышалъ звонъ, . . .
Въ послѣдній разъ» . . .

— И все, товарищи, ерунда ерундовская. «Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ» любить можно вездѣ, а отчій домъ ни къ чему... Древніе Римляне говорили «ubi bene — ibi patria», гдѣ хорошо, тамъ и родина. Они это дѣло понимали не худо... Вотъ и у насъ проводить рабоче-крестьянская власть законъ

о социализаціи женщинъ и выбирай любую... Я тогда Маю заберу, съ ней маевку справлю.

— Вы забываетесь, — подходя къ Гензальту со сжатыми кулаками, крикнулъ Игрунька. — Потрудитесь убираться отсюда, если вы не умѣете себя держать въ порядочномъ обществѣ.

Евгенія Романовна быстро встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ Игрунькѣ.

— Игрунька, — сказала она, — это не ваше дѣло. Оставьте...

— Не я забываюсь, а вы... — блѣднѣя, сказалъ Гензальтъ. — Кто вы такой? Саботажникъ!... Быть можетъ Корниловецъ, контръ-революціонеръ...

— Гензальтъ, брось, — сказалъ Куломзинъ. — Что мѣшаешь политику въ частную ссору.

— Вы — продажная тварь! — отчетливо выплеснулъ оскорбленіе Игрунька и сложилъ руки на груди.

— Мы посчитаемся, товарищъ...

— Когда и гдѣ угодно, — сказалъ спокойно Игрунька.

— О, не на дуэли, товарищъ, не на дуэли. Я дворянскихъ предразсудковъ не признаю... На слободу, товарищи... Гришинъ-ай-да къ дивчатамъ, потѣшимся... А съ вами, товарищъ, я сосчитаюсь по совѣтски — полнымъ рублемъ. Вы узнаете, какъ оскорблять совѣтскую власть!

— Ну, полноте, товарищъ, — говорилъ Мордкинъ. Ну и есть отчего ссориться? Ну, одинъ сказалъ, ну — другой ему отвѣтилъ. Такъ вѣдь это въ порядкѣ дискуссіи.

— Подлая, подлая сволочь! — сказалъ Игрунька и вышелъ изъ залы.

— Погоди, посчитаемся! — крикнулъ Гензальтъ.

XIII.

Ночь и день прошли спокойно. Гензальтъ пропадалъ на селѣ. Въ Ожогинскомъ домѣ стало тише. Евгенія Романовна съ дочерьми, Котикъ и Игрунька собирались къ заутренѣ. Куломзинъ и его канцелярія заявили, что они спать лягутъ и въ церковь не пойдутъ.

Пасхальная ночь тихо шествовала по степи. Уже ударили въ колоколъ. Колеблясь, плылъ надъ уснувшею степью

мѣдный звукъ. Село гомонило по оврагу. Лаяли потревоженные ночью собаки. Гремѣли колеса. Съ сосѣднихъ хуторовъ ѣхали поселяне къ заутренѣ. Павликъ ушелъ. Игрунька развѣшивалъ на стулѣ «червоный доломанъ и ментикъ сотканный изъ тучи». Онъ мечталъ, какъ онъ войдетъ въ церковь и станетъ рядомъ съ Маей. Первый разъ онъ надѣвалъ ментикъ. Онъ рѣшилъ послѣ заутрени просить Маю все сказать родителямъ и настаивать на немедленной свадьбѣ на Красную горку. Когда онъ станетъ членомъ семьи, онъ выгонитъ всѣхъ этихъ Генвальтовъ изъ дома. Угрозы Генвальта въ серьезъ онъ не принималъ.

Быстрый стукъ въ окно заставилъ его обернуться. Стучала Мая. У нихъ было условлено, чтобы когда надо поговорить наединѣ, стучать въ окно. Игрунька зналъ, — это значило, что надо идти въ садъ подъ сирени. Онъ побѣжалъ туда. Въ прозрачной тѣни набухшихъ вѣтвей, бѣлая, въ пасхальномъ платьѣ, ждала его Мая.

— Игрунька . . . скорѣе . . . надѣньте, миленькій, походную рубашку и шинель и бѣгите на конюшню жеребцовъ. Я тамъ васъ буду ждать.

— Что случилось Мая?

Но Мая уже исчезла.

На конюшнѣ, въ денникѣ «Каракала», горѣла свѣча въ мѣдномъ шандалѣ. Дверь денника была открыта. Мая сѣдлала жеребца. Какъ только Игрунька подошелъ къ ней, она кинулась къ нему, охватила руками шею и, цѣлуя въ щеки и губы, зашептала, трясясь отъ волненія.

— Миленькій . . . Вамъ бѣжать надо. Сію минуту . . . Только что за мельницей нашли убитого Генвальта. Кто-то, должно быть слободскіе, убилъ его вчера ночью и оттащилъ тѣло въ кусты. Куломзинъ сказалъ, что это вы его убили. Я сама слышала, какъ матросъ Гришинъ требовалъ вашего ареста и отправки въ Харьковъ. . . Я была въ кабинетѣ у папы. Они собрались въ гостиной. Куломзинъ предсѣдательствовалъ, Горбунковъ, Гришинъ, Пантюхинъ и Мордкинъ засѣдали. Гришинъ требовалъ, чтобы васъ сейчасъ-же во время заутрени казнить въ назиданіе народу. . . Куломзинъ и Мордкинъ были противъ смертной казни. Я сама слышала, какъ они голосовали. Васъ присудили убить сейчасъ-же. Горбунковъ и Гришинъ пошли за красноармей-

цами. Я побѣжала къ вамъ... Вамъ бѣжать надо сію-же минуту... На «Каракалѣ», если и погоня будетъ, васъ не догонятъ. Здѣсь до границы казачьей всего двадцать верстъ. Я слышала, казаки поднялись противъ большевиковъ...

Она вывела «Каракала» въ корридоръ. Металось пламя свѣчи, то вспыхивало ярко, то качалось, то припадало... Шевелились черныя тѣни по стѣнамъ и рѣшеткамъ...

— Садитесь, миленькій!.. скачите родненькій! Господи! Безъ дома, безъ хлѣба, въ святую ночь выпускаю васъ... Храни васъ Господь.

Она крестилась... Застѣнчиво, неумѣло крестила Игруньку, торопила его.

— Ъжайте, ѡжайте, соколикъ... Тамъ.. когда кончится все, вернетесь. Я себя соблюду. Слово свое помню.... Вѣрна буду, родной мой... Съ Богомъ... Замкну конюшню и скорѣе къ заутренѣ... Хорошо, что одѣться успѣла... Никто не догадается.

Какъ невѣста въ бѣломъ съ кружевами платьѣ, съ голубыми лентами въ волосахъ, стояла она передъ Игрунькой. Мягко и ласково звучалъ ея голосъ. Въ полынномъ запахѣ сѣна, подлѣ огромнаго Каракала казалась она маленькой и стройной, необыкновенной, какъ свѣтлый духъ.

— Да хранить васъ Господь!

Маленькая ручка умѣло держала поводья, другая напряженно уперлась въ правое стремя, когда садился Игрунька.

Охватила руками колѣно. Прижалась къ нему щекою, потомъ губами... Заплакала... Махнула рукою...

— Скорѣе, скорѣе! Надо и мнѣ успѣть добѣжать, чтобы никто не видалъ...

Она шла со свѣчею впереди, показывая дорогу. Открыла ворота въ манежѣ, изъ манежа на задній варокъ, отодвинула жердяную огороду.

— Тутъ спуститесь, и балочкою налѣво, а какъ поднимитесь, по звѣздамъ — на югъ. Балочка-то за слободою уже выйдетъ въ степь...

— Храни Господь!

Игрунька молчалъ. Прыгалъ отъ волненія подбородокъ, зубы отбивали дробь.

Боялся заплакать.

— Спасибо, Мая!.. —, нагнулся съ сѣдла, крѣпко поцѣловалъ дѣвушку въ губы. Еще мгновение и прыгнулъ бы съ коня и остался съ нею, съ любимой, а тамъ хоть смерть, не все ли равно!

Потянулъ въ степь Каракаль. Тронулъ съ мѣста. Опять обхватила колѣно руками Мая, прижалась губами.

— Не забывай, Игрунечка... милый!

— Не забуду, любимая...

Сразу внизъ прынулъ жеребецъ. Едва усидѣлъ въ сѣдлѣ Игрунька. Огонекъ свѣчи, поставленной на землю и бѣлая дѣвушка исчезли. Въ темную пропасть, храпя и осторожно ступая, спускался старый Каракаль. Надъ головою синее звѣздное небо. Точно живыя мигали звѣзды, манили и показывали путь. Съ неба гудѣлъ и несся пасхальный перезвонъ, дрожали долгіе переливы и таяли въ небѣ. Пасхальная заутреня шла въ слободѣ... Поспѣеть-ли Мая?

На колѣнѣхъ стыло ощущение прикосновенія дѣвичьихъ рукъ и поцѣлуевъ. Спустившійся внизъ жеребецъ могуче шагаль по узкой тропинкѣ, вьющейся по дну балки, и не видимой всаднику. Пахло сыростью, старымъ листомъ и землею. Стукнетъ камень подъ копытомъ и опять неслышно, легко несетъ Каракаль своего всадника.

Что впереди? Смерть?... Муки?... Бои и побѣды? Новые люди, новыя встрѣчи. Впереди жизнь... И развертывалась она передъ Игрунькой, яркая и красочная, какъ романъ въ прошломъ, — яркая и красочная въ будущемъ, загадочная и интересная, полная необычайныхъ приключеній.

Что тамъ за этой балкой? Что тамъ далеко въ степи гдѣ чей-то краснымъ огнемъ горитъ костеръ? Что будетъ, завтра? Черезъ годъ? Много-ли лѣтъ ему впереди или это онъ доживаетъ послѣдніе часы и пойдетъ вслѣдъ за Гензальтомъ? Кто убилъ Гензальта? Убили подъ него, подъ Игруньку, воспользовавшись ихъ вчерашнею ссорою. «Онъ лежитъ мертвый... А я живъ.»

И это — «я живъ» — радостными, звонкими ударами бурно колотилось въ сердцѣ. Ему отвѣчали все удаляющіеся звоны колоколовъ, да тихое гудѣніе земли, ночная пѣсня степи...

Прошелъ годъ. Игрунька прожилъ его въ хмѣльномъ угарѣ веселаго общенія съ беззавѣтно удалою молодежью, въ величайшемъ счастьѣ побѣдъ... Некогда было задумываться. День былъ розписанъ по часамъ и по минутамъ. Создавались новые полки Донской молодой арміи и Игрунька поступилъ въ одинъ, гдѣ служилъ его братъ почти мальчикъ, Чернецовскій партизанъ, Олегъ. Молодежь казаки, молодежь офицеры, — все пылало однимъ огнемъ любви къ Родинѣ, и на ученьяхъ и послѣ ученья, во время бесѣдъ, и тихими лѣтними вечерами, когда за тѣнистыми садами лагеря, въ ажурной листьѣ густыхъ акацій догорало солнце, а на передней линейкѣ безъ конца лились пѣсни казачьи, Игрунька такъ сливался съ полкомъ, съ офицерами и казаками, что ему казалось, что онъ не Игорь Кусковъ, девятнадцатилѣтній юноша, а что-то могучее, сильное, дышащее тысячью грудей, съ тысячью сердецъ, пылко бьющихся, именуемое полкомъ.

Помнить еще Игрунька, какъ пріѣхалъ къ нему его товарищъ де-Роберти, поручикъ Чернобыльскаго гусарскаго полка и тайно сообщилъ ему, что знамя прибыло, и полкъ формируется у Деникина. Игрунька хорошо простился съ казаками и отправился въ родной полкъ. Была весна 1919 года, — ровно годъ прошелъ съ того дня, какъ простился Игрунька съ Маей, когда онъ пріѣхалъ въ большую Кубанскую станицу.

Было и грустно и радостно на сердцѣ. Грустно потому, что полюбилъ онъ казаковъ и сжился съ ними, радостно потому, что возвращался въ свой полкъ. Подъ штандартомъ его Игрунька клялся въ вѣрности Родинѣ и полку.

Вечерѣло. Духовито пахло отъ степи, отъ яблоневохъ и сиреневыхъ садовъ, и домики станицы, крытые, гдѣ соломою, гдѣ желѣзомъ, утопали въ густой листьѣ. Днемъ была гроза. Пролилъ дождь, и отъ дороги съ прибитой черной пылью шелъ сладкій запахъ земли. Солдатъ доброволецъ указалъ Игрунькѣ хату, гдѣ помѣщался командиръ формируемаго полка. Игрунька слѣзъ съ Каракала, отдалъ его вѣстовому и по досчатому настилу, сгибаясь подъ вѣтвями сиреней, прошелъ къ большому дому зажиточнаго казака. Толкнулъ дверь. Передъ нимъ галлерей. Въ галлерей сундуки. Пе-

стрый половикъ шелъ по крашенному охрой полу. Пахло мятой и укропомъ. Игрунька кашлянулъ. Никто не отозвался. Онъ прошелъ по корридору. Влѣво дверь. Открылъ ее и остановился. Въ комнатѣ съ двумя большими, въ тюлевыхъ занавѣскахъ, окнами — полумракъ. У стѣны, гдѣ стояла высокая, со многими подушками, казачья постель, спиною къ Игрункѣ, на колѣняхъ — нѣсколько офицеровъ. Онъ всѣхъ узналъ по затылкамъ. Ротмистры Бровцынъ и Дубровинъ, поручикъ де-Роберти, корнетъ Павловъ, по прозванію «Муха», корнетъ Бобровский, прапорщикъ Яшвилъ и... Котикъ Ожогинъ. Никто не оглянулся. Офицеры продолжали стоять на колѣняхъ у постели. На постели былъ бережно разостланъ и, какъ показалось Игрункѣ, безпомощно лежалъ на красномъ пуховомъ одѣялѣ полковой штандартъ.

Всѣ встали.

Старшій, ротмистръ Бровцынъ, обернулся къ офицерамъ. Игрунька увидѣлъ темное, худое лицо со шрамомъ черезъ щеку, и на немъ свѣтлые, куда-то въ даль смотрящіе глаза. И, когда Бровцынъ перевелъ эти глаза на Игрунку, Игрунька прочелъ въ нихъ такую муку, такое страшное страданіе и такую напряженную волю, что невольно потупился.

— Этотъ штандартъ, господа, — хриплымъ, задушеннымъ голосомъ, не привыкшимъ тихо говорить, сказала Бровцынъ, — былъ впереди нашего полка, когда Чернобыльскіе гусары торжественно въѣзжали въ Парижъ...

Онъ помолчалъ. Слово не было. Не мастеръ онъ былъ говорить.

— Въ Парижъ... повторилъ онъ... Теперь мы должны дожить до того великаго дня, когда осѣненные этимъ нашимъ священнымъ стягомъ, мы войдемъ въ святую, родную Москву... Москву, захваченную хамомъ и жидами!... Это, господа. — ужасно... Поклянемся, господа, не измѣнять завѣтамъ дѣдовъ и отцовъ, поклянемся вѣрою и правдою служить Господу Богу, Царю и Родинѣ и не покидать нашего боевого георгіевскаго штандарта.

— Клянемся, — глухо проговорили офицеры и перекрестились.

— Завтра, господа, въ мѣстной церкви мы отслужимъ молебенъ, а потомъ приступимъ къ формированію полка.

Ротмистръ Бровцынъ сдѣлалъ полупоклонъ, офицеры повернулись, увидѣли Игруньку. Раздались привѣтствія и слова радости, что «нашего полку прибыло.» —

Въ тотъ вечеръ Игрунька сидѣлъ съ Ожогинымъ на рундучкѣ у казачьяго дома. Томно пѣли, перекликаясь въ яблоневомъ серебрѣ, сверкающемъ подъ луной, соловьи. Щемящая тоска была на сердцѣ, и Котикъ рассказывалъ:

— Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда въ Спасскомъ произошли большія перемѣны. Куломзина изъ совѣта убрали и комиссаромъ сталъ Саенко, сынъ кузнеца, мрачный парень, восемнадцати лѣтъ. Было постановлено отобрать отъ насъ Спасовскій домъ, и обратить его на нужды пролетаріата. Отца обвинили въ контръ-революціи и въ сношеніяхъ съ казаками. Слѣдали обыскъ, перерыли весь домъ, всѣхъ насъ арестовали и увезли въ Харьковъ въ тюрьму. . . Отца и мать разстрѣляли. . . Лека лежала въ сыпномъ тифу. . . она вскорѣ умерла. Мы остались двое: — я да Мая. За насъ вступился мѣстный богачъ Бардижъ. Онъ занималъ какое-то крупное мѣсто въ губернскомъ продовольственномъ комитетѣ. Онъ подкупилъ чрезвычайную комиссію, и Маю и меня отпустили къ нему на поруки. Онъ сдѣлалъ Маѣ предложеніе. . .

— Но вѣдь онъ старый, — перебилъ Котика Игрунька.

— Ему около сорока лѣтъ.

— Я помню его. . . Толстый, неопрятный.

— Онъ спасъ насъ.

— Мая согласилась?

— Да, но просила не торопить со свадьбой.

— Ты знаешь, Котикъ. . . Она. . .

— Да, знаю, — перебилъ Котикъ. — Она дала тебѣ слово. . . но кто могъ думать, что все такъ обернется.

— Дальше. . .

— Когда осенью прошлаго года казаки подошли къ Воронежу, Бардижъ съ нами бѣжалъ. Я поѣхалъ въ Кіевъ къ Гетману а потомъ сюда. . .

— А Мая? — глухо спросилъ Игрунька.

— Она поселилась въ Крыму и находится въ полной безопасности.

— Они еще не вѣнчаны?

— Нѣтъ, свадьба будетъ не раньше зимы. Бардижъ хочетъ устроить свои дѣла и вѣнчаться въ Константинополѣ. Онъ не вѣритъ въ успѣхъ Добровольческаго движенія.

— Я поѣду къ ней, — воскликнулъ Игрунька. — Котикъ, это невозможно. Она дала мнѣ слово. Она — моя. . .

— А полкъ?

— Что полкъ?, — какъ въ туманѣ повторилъ Игрунька.

— Ты клялся сейчасъ подъ штандартомъ нашего славнаго Чернобыльскаго полка не измѣнять ему и съ нимъ и подъ нимъ войти побѣдоносно въ Москву.

— Это говоришь ты, Котикъ? . . А помнишь, что ты говорилъ въ Спасовкѣ о томъ, что надо плюнуть на все и беречь свое здоровье?

— Игрунька. Духъ мой теперь закалился въ бояхъ. Тогда я былъ слабъ.

Выше поднимался надъ садами мѣсяцъ, въ сизые туманы, какъ въ подвѣчную фату окутывалась станица и, какъ свѣчи, стояли посеребренные луннымъ свѣтомъ пирамидальные тополи. Громко пѣли соловьи, таинственными казались темные своды кустовъ, пряно пахло сиренью. И плыли въ головѣ Игруньки мысли. Вспоминались ему слова матери.

«Есть земное и есть небесное», — говорила мама Игрунькѣ. «Есть преходящее и есть вѣчное. Земная любовь къ женщинѣ есть преходящее чувство. Приходить и уходить. Но вѣчна любовь къ Богу, къ Царю, къ Родинѣ, — и этой любви ты не измѣнишь». . . Еще говорила она: — «Суворовъ говаривалъ: — «слава это дымъ. Все тлѣнъ и суета суетъ. Покой души — у Престола Всевышняго». Не гонись, милый, за славой, но гонись за честью. Пусть не славно будетъ твое имя, но пусть будетъ оно честно. Христосъ намъ говорилъ: «Царство Божіе внутри насъ находится.» Въ сердцѣ нашемъ высшее счастье. Въ сердцѣ своемъ, Игрунька, въ сердцѣ, отъ меня народившемся, ты найдешь всегда отвѣтъ, какъ поступить тебѣ, когда будешь колебаться. Въ сердцѣ ищи честнаго отвѣта. Его спроси, — и скажетъ, что вѣчно, что правда, и что скоропреходяще и что обманъ. Гдѣ твой долгъ передъ Богомъ, Государемъ и Родиной — тамъ правда, гдѣ что иное — тамъ око соблазняетъ тебя, тамъ обманъ и не вѣрь оку, вырви его мысленно, и послушайся голоса сердца.»

Послѣ революціи, когда провожала его къ Ожогинымъ, сказала ему: — «не смущайся, что Государь отрекся. Не смущайся, когда тебѣ скажутъ, что Государя нѣтъ, что онъ убитъ. Знай, — ни Бога на небѣ, ни Государя на землѣ, ни Родины убить нельзя. Можетъ, и придется пережить лихолѣтье, что не станетъ Бога надъ нами и не защититъ Онъ насъ, что не будетъ Государя и поправа будетъ земля наша. Къ этому идетъ. Но это будетъ временное ты-же вѣруй въ Господа, носи въ сердцѣ своемъ Государя и люби даже уничтоженную Родину. Потому-что Богъ, Царь и Родина это вѣчное, это то, чему служить, что любить, за что отдать жизнь — честно. Все остальное — суета суетъ»...

Никуда въ ту весну не поѣхалъ Игрунька. Остался въ полку.

XV.

Лѣтомъ, при крикахъ «ура», несшихся изъ красныхъ вагоновъ, Чернобыльскіе гусары въ составѣ трехъ эскадроновъ двинулись на Украину, гдѣ армія генерала Деникина развивала наступленіе.

Началась для Игруньки жизнь еще болѣе необычайная, чѣмъ была раньше. Врагъ — сѣрые Русскіе рубахи со скатанными сѣрыми шинелями, бѣжалъ подъ напоромъ англійскихъ танковъ и добровольческой пѣхоты. Конница, и въ ея рядахъ — бригада изъ Чернобыльскаго и Половецкаго полковъ, — его преслѣдовала. Отбитые обозы съ продовольствіемъ, товарами и виномъ, взятые плѣнные, освобожденные города, села и помѣстья! Благословенія жителей, улыбки и поцѣлуи женщинъ, крестныя знамена и пѣніе «Христосъ воскрес» — тамъ, куда приходили добровольцы.

Рѣяли въ воздухѣ бѣло-сине-красные флаги, звенѣли и гудѣли колокола, у церковей стояло духовенство въ золотыхъ ризахъ, кругомъ хоры пѣвчихъ, женщины, дѣти и старики. Сверху — синее знойное небо, благодать Божія, льющая лучи свѣта на обнаженные сѣдые головы. Величавые перезвоны... Внизу умиленное пѣніе: «Царю небесный», вздохи и радостный смѣхъ.

«Пришли... Спасли... Освободили... Святые... Добровольцы»...

За городами и селами — степь, балки, убранный въ скирды хлѣбъ, далекая пыль отходящихъ полковъ, пулеметы на тачанкахъ и свистъ и щелканіе пуль.

Война шла, какъ сто лѣтъ тому назадъ. Конница была царицею полей сраженія. Передъ вторымъ эскадрономъ, гдѣ былъ Игрунька, на кровномъ ворономъ жеребцѣ носился ротмистръ Бровцынъ, въ алой фуражкѣ на затылкѣ, съ кривою гусарскою саблей въ рукѣ, съ большимъ маузеромъ на боку. Ярокъ и памятенъ его обликъ. За нимъ гусарская лава. И она пестра, какъ цыганскій таборъ. У кого за плечами мотается Дагестанскій башлыкъ, кто въ алой фуражкѣ, кто въ казачьей папахѣ, кто въ низкой кабардинской шапкѣ, кто въ англійской зеленоватой кепкѣ, кто въ русской защитной фуражкѣ, и только одинаковые алые Чернобыльскіе погоны, да углы русскихъ цвѣтовъ на рукавѣ говорятъ, что эта лава — одна семья.

И вся она была бурный порывъ, стремленіе къ бою и къ побѣдѣ. Бровцына прозвали «Фигнеромъ» — за то, что собственноручно приканчивалъ онъ плѣнныхъ красныхъ командировъ и комисаровъ.

— Они измѣнили Государю моему, — говорилъ онъ, — они продали Родину жиду, они отдали души свои діаволу пусть Богъ ихъ рассудитъ.

И холоднымъ блескомъ стали горѣли его глаза.

— Готовы, Данилычъ? — хриплымъ голосомъ кричалъ онъ послѣ боя, входя въ селеніе.

— Готовы, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ сзади могучій, старый вахмистръ, въ русской защитной рубахѣ съ крестами на груди. — Ожидаютъ на выгонѣ.

Съ Кольтомъ въ рукѣ шелъ Бровцынъ на выгонъ. Тамъ мутно сѣрѣла длинная шеренга плѣнныхъ. Медленно, тяжелымъ шагомъ шелъ вдоль нея ротмистръ, сопровождаемый вахмистромъ. Сѣрые глаза сверлили, проникая въ душу красноармейцевъ.

— Направо... налѣво... направо... добрый солдатъ, вачѣмъ дурака валялъ, съ нами дрался?... комиссаръ?... красный офицеръ... Коммунистъ?... налѣво, налѣво... налѣво...

А потомъ... щелкали по ватылкамъ выстрѣлы и тихо, усталымъ голосомъ, говорилъ Бровцынъ вахмистру: —

— Прибрать эту падаля, чтобы не воняла! . .

На дневкахъ, — днемъ были панихиды.

Хоронили убитаго «Муху», корнета Павлова, хоронили героя, князя Пѣгашева. Подъ нимъ красноармейцы убили лошадь, они хотѣли взять его въ плѣнъ, но онъ четырехъ застрѣлил изъ револьвера, а пятымъ выстрѣломъ себѣ въ ротъ покончилъ съ собою. . . Каждый разъ, какъ стояли на дневкѣ, были похороны и панихиды. . .

А вечеромъ гремѣли по селу лихія гусарскія пѣсни, звенѣли тарелки, билъ бубенъ и ходило вино въ круговой чашѣ.

Смерть и кровь, пѣсня и вино спаяли всѣхъ въ одну семью, и въ эти лѣтніе дни не чувствовалъ Игрунька сердца своего: — горѣло оно въ сладкомъ огнѣ.

Проснулся Игрунька отъ того, что муха попала ему въ ротъ, онъ поперхнулся, закашлялся и открылъ глаза. Не смотря на то, что его деньщикъ съ вечера распылил на окнѣ свою шинель, въ комнатѣ было свѣтло. Лучи утренняго солнца широкими полосами пробивались сквозь щели и разрѣзъ шинели, ложились золотыми пятнами на полу и побѣленнымъ стѣнамъ. Въ нихъ съ глухимъ монотоннымъ жужжаніемъ носились и толкались мухи. Глинобитный полъ «для парада» и чистоты былъ посыпанъ какою то травкой и отъ нея шелъ сладкій, волнующій запахъ. Игрунька протянулъ руку къ часамъ, лежавшимъ на стулѣ съ развѣшеннымъ на спинкѣ платьемъ и амуницией. Часы были золотые, съ браслетомъ. Чужіе часы. Ихъ недавно отобрали отъ плѣннаго комиссара и Игрунька купить ихъ у солдата. И постель, на которой лежалъ Игрунька, деревянная, немного коротковатая для него постель, со стеганнымъ, пестрымъ, коричневымъ одѣяломъ восточнаго рисунка, — была чужая. И хата, гдѣ спалъ Игрунька — чертъ его знаетъ, кому принадлежала эта хата!

Было семь часовъ. Въ девять было назначено выступленіе. Шли не впередъ, а отходили назадъ. Надо было оправиться отъ боевъ, отдохнуть и укомплектоваться. Изъ девятнадцати офицеровъ, вышедшихъ съ Кавказа и Кубани, оставалось только пять, — четырнадцать были убиты, раненные лежали по госпиталямъ, умерли отъ сыпного тифа. Отъ трехъ эскадроновъ остался только одинъ, да и въ немъ

едва насчитывалось шестьдесятъ человѣкъ: — полка не существовало.

Игрунька потянулся, спустилъ ноги съ постели и улыбнулся. «А вѣдь я — коммунистъ», подумалъ онъ и вспомнилъ, что сейчасъ пойдетъ пить чужой чай, потомъ сядетъ на чужую лошадь и чужое сѣдло. Лошадь была уже не Каракаль. — Каракала, покрытаго коростой и совершенно обезноженнаго Игрунька долженъ былъ бросить мѣсяцъ тому назадъ въ какомъ-то селеніи, недалеко отъ Корочи, а вмѣсто него Игрунькѣ привели полковой масти, вороного коня, неопредѣленной породы. . . Да . . все было чужое.

За глинобитной стѣною, сквозь одностворчатую, крашенную коричневой краскою дверь, былъ слышенъ разговоръ и звенѣла посуда.

«Должно быть, Софья Ивановна чаемъ поить господъ», — подумалъ Игрунька и улыбнулся.

И «сестра», Софья Ивановна Серебренникова, была тоже — чужая сестра. Она пристала къ полку въ деревнѣ Бѣлая Гора, оказалась знакомой Бровцына, прижилась къ полку и ѣздила при немъ, мягко, по Русски, съ женской простотой ухаживая за больными и ранеными, помогая офицерамъ на дневкахъ и походахъ вести ихъ несложное хозяйство, заботясь о томъ, чтобы они были сыты и напоены. Жалованья не получали. То некогда было сѣздить казначею, то казначея не было, то въ казначействѣ не было денегъ. Собранія не было и все, что надо было, брали отъ жителей. Иногда жители, тронутые удачью гусаръ, сами давали, иногда брали насильно.

И, одѣваясь, усмѣхнулся Игрунька. «Что за жизнь. Между смертью и муками. въ бою, въ плѣну, или просто, вдругъ измѣнять солдаты и увести къ краснымъ».

Вспомнились трупы офицеровъ съ вырѣзанными на плечахъ погонами, со вбитыми, вмѣсто звѣздочекъ, гвоздями, съ казачьими лампасами, вырѣзанными на ногахъ, съ выбитыми зубами и поломанными пальцами. Смертныя муки стерегли каждый день и отъ этого будущаго не было. О «завтра» не думали. «Завтра» была смерть, а о смерти думать не хотѣлось. Было только «сегодня». Въ этомъ «сегодня» было всегда такъ много радости.

Молодые дамы и барышни освобожденных городов и селений, помѣщицы, гимназистки и учительницы, всѣ «бѣлые», освобожденные ими, казалось, такъ-же, какъ добровольцы, понимали, что у нихъ «завтра» нѣтъ. Сегодня флаги, колокольный звонъ, пѣніе «Христосъ воскресъ», давно не слышанная музыка и бравыя пѣсни, а завтра, если, не дай Богъ, отойдутъ добровольцы, — доносы, сыски, тюрьма, — и смерть, и муки. И отъ того хватались за «сегодня». Отъ того наряжались въ лучшія свѣтлыя платья, звали къ себѣ постояльцевъ, шли въ кафе, рестораны, кинематографы и театры, и смѣялись, и говорили, пока можно было смѣяться, пока говорить было позволено.

Сегодня добровольцы, завтра большевики, Петлюра, Махно или просто дикая банда озвѣрѣлыхъ «зеленыхъ».

Наскоро заключались браки, вѣнчались, успѣвали даже выносить и родить ребенка въ этомъ страшномъ кочующемъ хаосѣ. Узнавали о смерти мужа, съ которымъ провели медовую недѣлю, и выходили снова замужъ. Вдовы, дѣвушки легко поддавались на ласки загорѣлыхъ стальныхъ юношей, стоявшихъ на порогѣ жизни и смерти. На днякахъ легко можно было найти развлеченіе и не ушелъ отъ этого Игрушка. Образъ Май тускнѣлъ въ его памяти и заслонялся другими смутными образами, возможными только въ это невозможное время.

Была гимназистка, совсѣмъ не умѣвшая любить, восторженная, горящая пыломъ самоотреченія, была рыхлая, умиленная поповна, мягкая, теплая, говорившая сквозь слезы: — «ужъ такъ мнѣ хотѣлось-бы услужить вамъ ва муки, за ваши страшныя, за жизнь вашу ужасную, такъ хотѣлось-бы, чтобы вы довольны остались. Обо мнѣ не думайте — вы уйдете — намъ смерть»... Была пожилая, прекрасная дама, пригласившая ночевать такъ спокойно, какъ приглашаютъ обѣдать... Была простая хохлушка, сказавшая: — «мужика моего красные угнали, холодно одной спать, приходите погрѣться»...

Отъ этой смѣны мѣстъ, лицъ, женскихъ ласкъ, отъ постоянной готовности къ смерти, отъ необходимости жить безъ своего, безъ собственности, быть «бѣлымъ коммунистомъ», по неволѣ, ожесточалось сердце и появлялись новыя понятія, какихъ раньше не было.

И не было странно, что къ полку приبلудилась, какъ бездомная собака, Софья Ивановна Серебренникова, что она всѣхъ питала и обо всѣхъ заботилась, что она была строгая и что Бровцынъ, нелюдимый и мрачный «Фигнеръ», свѣтлѣлъ при ея приближеніи. . .

XVI.

Въ сосѣдней горницѣ, на накрытомъ скатертью столѣ, шумѣлъ небольшой мужицкій самоваръ. На пестрыхъ тарелкахъ лежали горячіе коржики изготавленія Софьи Ивановны, стояла крынка молока и тарелка съ вареными яйцами. Жестянка «корнедъ-бифа» была искусно вскрыта и содержимое, наръзанное красивыми ломтями, лежало на блюдѣ. За столомъ сидѣлъ Бровцынъ, одѣтый для похода, съ кривою саблей на боку. Пилъ чай. Софья Ивановна, легко и широко шагая по комнатѣ, прибирала въ чемоданъ остатки закуски, и доставала изъ стѣнного шкапа посуду. Она была высокаго роста, съ красивымъ, круглымъ, Русскимъ, загорѣлымъ лицомъ и съ большими карими глазами. Низкая косынка закрывала ея волосы. Въ ней поражала легкость движеній при крупномъ полномъ тѣлѣ. Она ходила мягко, какъ кошка, не стуча. Встанетъ на стулъ, чтобы достать что-нибудь сверху шкапа, и не слышно, какъ она встала, дѣлаетъ все такъ, будто ей это ничего не стоитъ. Она не такъ молода, — но ея движенія гибки и увѣренны, какъ у дѣвушки. Подошла къ божницѣ, вынула лампадку, погасила фитиль.

— Фитиль-то у нихъ, Константинъ Петровичъ, на слона сдѣланъ. Не лѣзетъ. . .

Говорила она, пѣвуче растягивая слова, картавя. Мелодичный голосъ звучалъ, какъ музыка. Что-то успокаивающее было въ немъ.

Про нее рассказывали чудеса. Задолго до войны, семнадцати лѣтъ, по убѣжденію, она стала сестрою милосердія и всю войну прожила съ солдатами въ госпиталяхъ. Во время революціи она входила въ бунтующія толпы дикихъ, озвѣрѣлыхъ людей, отрекшихся отъ Бога, поносившихъ Царя и Россію и тихимъ, ровнымъ голосомъ говорила о Богѣ, Царѣ и Россіи. И ея не трогали. На ней сбывались слова

90 псалма Давидова: «идеть отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, къ тебе же не приблизится» . . «на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія» . . «яко той избавить тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна» . .

Душа ея была сломана. Въ началѣ войны, почти на ея глазахъ, — она слышала канонаду и при каждомъ выстрѣлѣ говорила съ трепетомъ: «вотъ этимъ Сережу могутъ убить», — убили ея жениха. Она стала монахиней въ міру. Никакая черная работа ея не пугала, смерти она ждала, искала ее и потому всегда бывала тамъ, гдѣ опасность. И былъ у нея особый талантъ, — говорить съ солдатами. . . Ея боялись комиссары, ее не смѣла арестовать «чека».

И тамъ, гдѣ ее знали, ее считали святой. . . Про нее говорили: «солнца не видно, а лучи остались. Свѣтять и грѣютъ лучи . . . но не слѣпить солнце.»

Она справилась съ фитилемъ. «сдѣланнымъ на слона» и засвѣтила лампадку.

— Праздникъ сегодня, Константинъ Петровичъ, сказала она, — Преображеніе Господне, а помолитесь намъ негдѣ. Храмъ разрушенъ и священникъ убитъ.

— Гдѣ тамъ молиться, — сказалъ Бровцынъ, здороваясь съ Игрунькой, — Русь, я думаю, и молитвы все забыла. Проклятая сторона.

— Она не проклятая, — тихо, убѣжденно сказала Софья Ивановна, принимая, какъ должное, поцѣлуй руки Игруньки. — нѣтъ. . . не проклятая она. Она убогая. Вы понимаете меня: — она — убогая. И Богъ ея не оставитъ. Онъ проститъ ее, вернется къ ней, и опять все будетъ хорошо. Такая уже Русь особенная. Къ ней нельзя подходить съ обычнымъ аршиномъ. . . Садитесь, Игрунька, я вамъ налью чаю.

Бровцынъ, не мигая, смотрѣлъ на нее острыми глазами и что-то думалъ.

— Вы меня осуждаете, Софія Ивановна, — наконецъ, какъ бы черезъ силу, выговорилъ онъ, — за нихъ?

— Я не осуждаю васъ, — сказала Софія Ивановна и ея прекрасные, большіе глаза сверкнули, будто слеза на нихъ набѣжала. — Я боюсь за васъ, что вы ошибетесь и казните невинныхъ.

— Не ошибусь никогда, — сказалъ хрипло Бровцынъ. Не могу ошибиться. Я ихъ слишкомъ знаю.

Софія Ивановна ничего не отвѣтила. Игрунька подумалъ, что онъ мѣшаетъ ихъ разговору, и хотѣлъ встать. Бровцынъ положилъ тяжелую, черную, мохнатую руку на локоть Игруньки и сказалъ: —

— Если куда не надо, останься. Я хочу, Игрунька, чтобы и ты зналъ. Вотъ сестра меня осуждаетъ.

— Не осуждаю я васъ, а боюсь за васъ.

— Слушайте, Софія Ивановна, и ты, Игрунька, слушай и запомни. Христось училъ любви и прощенію. Онъ заповѣдалъ любить ближняго своего и отдавать за него жизнь. Христось заповѣдалъ прощать обижающимъ насъ. . . И знайте, Софія Ивановна, — я мщу не за свои обиды. Я мщу не за то, что они моего старика отца на глазахъ моей матери забили на смерть, что они перебили ноги и руки моей матери и еще живую бросили въ сухой колодезь, откуда, мнѣ рассказывали, два дня были слышны ея стоны, я мщу не за то, что они опозорили мою сестру и невѣсту, а потомъ убили ихъ, не за то, что они отняли у меня все, — все это по евангелію я имъ простилъ. Это было мое. Двѣсти лѣтъ дворяне Бровцыны жили господскою жизнью среди нихъ и это ихъ раздражало. Они дорвались до власти и расправились съ нами. — Я это понялъ. . . и имъ простилъ. Мы были два лагеря. — Мы знали, что война неизбежна. Они побѣдили: ихъ счастье и тѣхъ я не трогаю. . . Но есть поступки, ихъ ни Христось не проститъ, ни я простить не могу.

Бровцынъ перевелъ дыханіе.

— Вы сказали, Софія Ивановна, — продолжалъ онъ Русь, — убогая. . . Не совсѣмъ это такъ. Не очень то она убогая. . . У меня былъ. . . Чернобыльскій гусарскій полкъ. . . Развѣ то, что теперь носить это имя, — Чернобыльскій полкъ? Я помню — шесть эскадроновъ и коннопулеметная команда, все молодцы, какъ одинъ, всѣ на одинаковой масти вороныхъ коняхъ, всѣ одинаково мыслятъ — «за вѣру, Царя и отечество». Не убогій былъ полкъ, увѣряю васъ. Они уничтожили его. И я не могу понять, какъ «убогая» Русь пошла уничтожать его. Я могу понять жидовъ, — и скорѣе могу имъ простить, чѣмъ простить тѣмъ, кто рубилъ сукъ, на которомъ сидѣлъ. . . Была Армія, былъ Царь, была Россія. Осталось —. . . Вы видите, что осталось? Стадо кочевниковъ, толпа бѣлыхъ коммунистовъ въ реквизированныхъ чужихъ

домахъ, на чужихъ лошадяхъ, питающихся чужимъ хлѣбомъ. И это надолго. И вотъ, за Россію, за Государя моего, за Армію, за мой полкъ — я расправляюсь съ ними... И моя расправа угодна Богу. Я очищаю Русь отъ тѣхъ, кто ее уничтожилъ, и хочетъ и дальше пакостить и уничтожать.

— Большевики избиваютъ буржуевъ, — сказала Софія Ивановна.

— Я избиваю пролетаріевъ.

— Что-же останется?

— Останется Россія, очищенная отъ одинаково вредныхъ элементовъ. Ибо, Софія Ивановна, — буржуй выродился... Изъ труженика помѣщика, онъ сталъ вреднымъ эксплуататоромъ, прокучивающимъ деньги, занимающимся развратомъ, и такъ-же вреденъ тунеядецъ-пролетарій. Когда я иду по фронту плѣнныхъ я вижу, кто пороченъ такъ, что исправить его только могила, и я отправляю тѣхъ въ могилу. Большевики стригутъ слишкомъ выросшія деревья, я вырываю плевелы.

— По вашему выходитъ, что большевики дѣлаютъ полезную для Россіи работу, — сказала Софія Ивановна. Ничего не отвѣтилъ Бровцынъ.

— А вы знаете, — сказала Софія Ивановна, — можетъ быть, вы правы. Большевики — это наказаніе Божіе, посланное намъ, убогимъ, за наши грѣхи. Большевики гоненіемъ на церковь вернуть насъ къ Богу, большевики, смертными муками казнившіе царя, вернуть насъ къ Государю, большевики, преслѣдующіе Русь, вернуть насъ къ любви къ Родинѣ. Это испытаніе, посланное намъ отъ Господа, и мы должны смириться...

— Игрунька, — сказалъ Бровцынъ, — полкъ простоить теперь мѣсяцъ подъ Харьковомъ. Ты можешь поѣхать въ Крымъ... Я слыхалъ, тамъ у тебя дѣло есть. Можетъ, и уладишь.

Игрунька всталъ и вытянулся.

— Покорно благодарю, господинъ ротмистръ. А не возьмутъ за это время Москвы?

Бровцынъ поднялъ глаза на Игруньку. Смертельная тоска опять была въ нихъ. Глубоко въ душу Игруньки проникали эти глаза, кололи его, сверлили какими-то страшными, неразгаданными думами.

Тихо сказалъ Бровцынъ:

— Безъ Государя никогда не возьмемъ Москвы... А и возьмемъ — не удержимъ. Какъ бы навадъ не отошли. Сильнѣе становятся красныя войска... Тамъ тоже офицеры царскіе работаютъ... Эхъ, кабы не они!... Ни понять ихъ, ни простить не могу... потому и вывожу въ расходъ... Если бы не они! Побѣдили-бы легко, а, побѣдивъ, столковались-бы...

Въ тотъ же вечеръ радостно взволнованный отпускомъ, свободой, предстоящимъ свиданьемъ съ Маей, Игрунька устроился, при содѣйствіи Софіи Ивановны, въ санитарномъ поѣздѣ, шедшемъ на Лозовую, и выѣхалъ въ Крымъ.

XVII.

Утро на крымскомъ плажѣ. Жаркое солнце поднялось надъ моремъ и нестерпимымъ блескомъ горять вдали синія волны. Въ небесномъ куполѣ таютъ оранжевыя облака. Вчера была буря съ грозой и молніями. — Буря протчалась, буря ушла, отгремѣли громы, отсверкали молніи, въ тепломъ воздухѣ разлита пріятная сырость. Она смягчаетъ жару, и море успокаивается съ тихимъ ропотомъ. Бѣгутъ волна за волною къ сѣрому, блестящему гравію, катятъ передъ собою круглые, шлифованные булыжники, шумятъ ими и съ шипѣніемъ расползаются по песку, никнутъ и впиваются въ землю. Въ зеленый хрусталь обратилась волна, кружевомъ разостлалась по берегу пѣна и тихо лижетъ сѣрыя розовые и бѣлые плоско растертыя камешки. А сзади встаетъ другая, вся въ темномъ сапфирѣ, въ солнечныхъ изгибахъ и блестяхъ, яркая, играющая. Поднимается, высится, ломается въ пѣну на гребнѣ и стремится, гонимая тайною силой, къ берегу, чтобы улечься на немъ и исчезнуть. Вдругъ встаетъ одна выше другихъ, грознѣе, точно кто-то вздохнетъ на днѣ моря, зашумитъ, подхватитъ крупные камни съ самаго дна, погонитъ ихъ съ грохотомъ и также сломится волна и разольется изумрудомъ и только дольше шипитъ упиваемая гравіемъ пѣна. Девятый валъ набѣжалъ... Вправо въ море оторвались высокія скалы. Одна розоватая, высокая, точно гора, съ выступами, съ утесами, со срѣзанной наискось плоской вершиной. Другая будто бѣжала ей вдогонку,

тонкая, пикомъ торчитъ изъ воды у самого берега. Если сощуриться и смотрѣть на нее сквозь рѣсницы, затуманенный солнцемъ — точно человѣкъ въ остроконечномъ бапшыкѣ, или монахъ въ капюшонѣ громаднаго роста стоитъ за розовую скалою. Это скалы: — «Дива» и «Монахъ» — легенды Симеиза, романтика сороковыхъ годовъ, смѣшанная съ кудрявою красивой сказкою туземцевъ. За ними кулисами набѣгаютъ розовато-золотистыя горы, покрытыя чахлою зеленою пыльныхъ кустовъ. Влѣво круглая бухта замыкается плоскимъ выступомъ, обрывистыми скалами, горами камней, обвалившихся въ море.

Съ моря идетъ теплый запахъ соли, водорослей, рыбы и смолы — запахъ моря. Съ суши пахнетъ кипарисомъ, и нѣтъ-нѣтъ донесется терпкій запахъ йодоформа и креолина и за нимъ, — можетъ быть это только такъ кажется, — принесется раздражающій запахъ человѣческаго трупа. Съ тѣхъ поръ, какъ идетъ война, весь Крымъ полонъ госпиталями и лазаретами, всюду блѣдныя лица, изсохшія тѣла, блестящіе слоновою костью черепа и большіе, точно изъ другого міра смотрящіе, то злые, укоризненные, то кроткіе глаза. Ихъ, конечно, жаль Маѣ Ожогоиной, но отъ нихъ такъ неуютно въ Крыму. Трудно выбрать мѣсто на берегу, гдѣ бы не было этихъ людей въ старыхъ, рваныхъ, больничныхъ халатахъ, въ грязномъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу. Повсюду валяются ихъ отбросы: — бумаги, окурки, рваныя газеты, жестянки отъ консервовъ.

Мая въ изящномъ трико, — синемъ съ бѣлымъ въ полосу, обтягивающемъ ея красивое тѣло, съ обнаженными по плечи руками и выше колѣна ногами, загорѣлыми, пріятнаго золотисто-розоваго цвѣта, въ голубой шапочкѣ, закрывающей ея волосы, лежитъ на гравіи у воды, отдаваясь солнечнымъ лучамъ. Подлѣ нея, на плоскомъ камнѣ сидитъ Жениа Голембовскій, юноша двадцати лѣтъ, студентъ Ростовскаго, бывшаго Варшавскаго Университета, пошедшій къ Деникину добровольцемъ. Жениа одѣтъ въ купальный костюмъ.

«Смѣшно сказать: — одѣтъ», думаетъ Мая. — «На немъ только маленькая малиновая тряпочка, привязанная къ шнурку, идущему поперекъ тѣла. Прежде за такой костюмъ арестовали-бы. Это все равно, что безъ костюма. А теперь привыкли!»

Женя только что оправился отъ сыпного тифа. Его длинное тѣло, очень худо. Мая видитъ его согнутую спину, съ буграми выдавшихся желтыхъ позвонковъ, тонкія, бѣлыя ноги со слѣдами вередовъ и чирьевъ, съ сухожиліями, натянутыми подъ колѣномъ, какъ веревки, и большою, коричневатую колѣнною чашкою.

«Какъ некрасивъ мужчина», — думаетъ Мая и переводитъ глаза на свои полныя ноги, точно покрытыя блестящимъ шелкомъ. Она напрягаетъ мускулъ, шевелитъ маленькими розовыми пальчиками, и ей кажется, что она видитъ, какъ какая то драгоценная жидкость сладко переливается подъ кожей, золотитъ и румянитъ ее.

Женя ея «адъютантъ». Женя сохнетъ по ней. Пускай сохнетъ. Можетъ быть, это нехорошо съ ея стороны, что она такая сытая, полная, красивая и счастливая въ теперешнее время. Вчера въ «Чашкѣ чая», какой-то пьяный офицеръ подмигнулъ ей и сказалъ: «жена Бардижа сядь ко мнѣ поближе!».. Нахаль! Такихъ надо въ комендантское управленіе отправлять и судомъ общества офицеровъ ссылатъ къ большевикамъ. Жена Бардижа... Они не вѣнчаны, но живутъ, какъ мужъ и жена. Это, конечно, не хорошо, но теперь всѣ такъ дѣлаютъ. Это называется — «страховаться». На дняхъ въ какой-то компаніи, на пикникѣ, у фонтана въ Мальцевскомъ лѣсу пиній, въ горахъ, играли на балалайкахъ и мальчишка кадетъ, три раза раненный, съ отнятой по колѣно ногой, пѣлъ большевицкія частушки. Онъ подмигнулъ ей и лихо спѣлъ:

Я на бочкѣ сажу,
А подъ бочкой склянка.
Мой мужъ комиссаръ,
А я спекулянтка.

«Кадетъ былъ изъ Харькова. Онъ зналъ всю исторію Бардижа. Ея мужъ спекулянтъ? Развѣ худо то, что онъ дѣлаетъ? Онъ ходитъ на специально зафрахтованномъ пароходѣ въ Константинополь, покупаетъ тамъ сахаръ, вино и коньякъ, и доставляетъ въ Севастополь для госпиталей и арміи. Развѣ это худо? Каждый помогаетъ арміи, кто чѣмъ можетъ. Капитонъ Давыдовичъ не можетъ воевать. Не такіе у него нервы и не такая комплекція. За то у него ноги — пріятно посмотреть — полныя, бѣлыя, чистыя, не хуже

женскихъ ногъ. И самъ онъ очень опрятный. Онъ просто ловкій человѣкъ, а не спекулянтъ. Теперь всякаго умнаго человѣка называютъ спекулянтномъ. Капитонъ Давыдовичъ современный человѣкъ. И чтобы она стала дѣлать, если-бы не Капитонъ Давыдовичъ? Капитонъ Давыдовичъ ее спасъ». Мая поднимаетъ руку и смотритъ, прищурившись, на ладонь на солнце, какъ ея пальчики кажутся темно-розовыми и совсѣмъ прозрачными у краевъ. На пальцахъ три кольца: съ жемчугомъ, съ рубиномъ и сапфиромъ — это подарки Капитона Давыдовича, знакъ ея вѣрности «Добро-арміи» и Россіи. Это хорошо и для французовъ.

— «Можетъ быть», думаетъ Мая — «нехорошо то, что я такъ скоро и легко забыла мученія папы и мамы? Но что-же я могла дѣлать? Слезами ихъ не спасешь, когда они умерли. Плакать, оставаться тамъ, чтобы умереть отъ тифа, какъ умерла Лека, или попасть въ тюрьму?.. А что тамъ дѣлають съ дѣвушками!! Говорятъ нехорошо, что Капитонъ Давыдовичъ служилъ у большевиковъ. Было-бы нехорошо, если-бы онъ служилъ въ красной арміи или въ Че-ка. Но онъ торговалъ, онъ даже что-то хорошее дѣлалъ, и онъ спасъ меня и Котика. Если-бы мнѣ было сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, если-бы я не была молода и красива, я, можетъ быть, и могла-бы умереть тамъ. Но во имя чего?.. А я жить хочу. Очень, очень, очень хочу жить. Хочу ѣздить въ коляскѣ въ Ялту на поплавокъ, ѣсть мороженое, пить на-стоящій чай и, если это не могутъ дать мнѣ другіе, отчего это не взять отъ Капитона Давыдовича? Всѣ бѣжали отъ большевиковъ какими-то дураками, ничего не захвативъ, даже безъ паспортовъ. Вотъ генераль Бѣлолипецкій до сихъ поръ не можетъ доказать, что онъ генераль, а Капитонъ Давыдовичъ, когда бѣжалъ, захватилъ какія-то бумаги». Мая не знаетъ толка въ бумагахъ, но за эти бумаги ему и англичане и французы, большія деньги давали — фунтами и франками. «И бѣжали они прилично, на хорошей тачанкѣ, на парѣ сытыхъ лошадей. У нихъ былъ взять съ собою самоваръ, корзина съ посудой, окорокъ ветчины и жареный гусь. Это уже и не бѣгство, а пикникъ. И на большевицкомъ посту Капитонъ Давыдовичъ накричалъ на красноармейца и въ зубы ему далъ. Развѣ это не смѣлость? А на добровольческомъ посту потребовалъ, чтобы его вели къ самому глав-

ному и черезъ два дня онъ былъ у министра торговли и доказалъ ему, что онъ кадетъ, не тотъ кадетъ, что умираетъ на фронтѣ и въ госпиталяхъ отъ ранъ и отъ тифа, а кадетъ изъ тѣхъ, что считаются теперь самыми умными людьми; только и могущими править Россіей. И оказалось, что Капитона Давыдовича знали всѣ. И Лебедевъ и Зедлеръ, и предсѣдатель Круга, и предсѣдатель Рады, и Пономаревъ, и Горчишинъ, и Сидоровъ. — Всѣ, всѣ. И всѣ были рады, что онъ спасся отъ большевиковъ. Онъ въ какомъ-то собраніи читалъ докладъ и четыре часа бесѣдовалъ въ Ос-вагѣ. Онъ дѣлецъ, а не спекулянтъ. И Россію спасутъ не Жени съ пятнистыми ногами, и глазами раненой газели, а Капитоны Давыдовичи, ловкіе, подвижные, все знающіе, все умѣющіе, съ маленькими блестящими за очками глазами. Капитонъ Давыдовичъ обѣщалъ повести Маю въ Константинополь. Мая увидитъ Золотой Рогъ, Стамбулъ, мечеть Айя-Софію, Перу, Галату, гаремы султанскихъ женъ, будетъ обѣдать у Токотліана. А потомъ они поѣдутъ въ Римъ, или Парижъ. . . Въдь это счастье. И если-бы не революція, не большевики, развѣ привалило-бы ей такое счастье? Вышла-бы замужъ за какого-нибудь Игруньку Кускова, заперъ бы онъ ее въ казармахъ Прокучова, рожала-бы она дѣтей и съ деньщикомъ стирала-бы грязныя пеленки. . . Брр. . . какая гадость. Капитонъ Давыдовичъ современный человѣкъ. Онъ научилъ ее, что надо дѣлать, что бы не имѣть дѣтей. Съ Капитономъ Давыдовичемъ она станетъ «глобьтроттеръ», — она будетъ ѣздить на автомобилѣ и летать на аэропланѣ. Капитонъ Давыдовичъ ей сказалъ какъ-то: — шестнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ рыцарства, семнадцатый — вѣкомъ маркизовъ и красоты, восемнадцатый — вѣкомъ военщины, девятнадцатый — вѣкомъ социальныхъ утопій, двадцатый будетъ вѣкомъ капитала и торговли. Капитонъ Давыдовичъ кончилъ университетъ и у него вездѣ есть связи. . . Нѣтъ, положительно, ей привалило счастье и было-бы глупо отказываться отъ этого счастья только оттого, что замучили ея папу и маму. Живому псу лучше, чѣмъ мертвому льву, — такъ говорилъ Капитонъ Давыдовичъ — и песъ. . . Развѣ это худо? Псы бываютъ очень милые. Капитонъ Давыдовичъ обѣщалъ ей привезти маленькаго итальянскаго «лупето». Его, говорятъ, можно въ муфтѣ носить: такой онъ маленькій.

И вотъ за весь его умъ, за всѣ его способности, злые люди окрестили его спекулянтомъ. Просто потому, что они измучены жизнью, опасностями, болѣзнями, голодомъ и озлоблены. . . Ахъ, злые, злые люди теперь стали и какіе завистливые!» . .

— Женья, — томнымъ, лѣнивымъ голосомъ говоритъ Мая, — скажите мнѣ, Капитонъ Давыдовичъ спекулянтъ?

Женья выпрямляется. Теперь на его спинѣ не видно острыхъ позвонковъ, но зато выдаются сѣрыя лопатки. На правомъ плечѣ растутъ черные, жесткіе волосы и торчитъ большая бородавка. Женья поворачиваетъ къ Маѣ свое острое, безусое, безволосое лицо съ громадными темными глазами въ коричневыхъ глубокихъ вѣкахъ. Онъ смотритъ въ синіе глазки Маи, смотритъ на ея округлое, упругое тѣло, на золотистую бронзу безупречныхъ, словно точеныхъ изъ слоновой кости ногъ. Въ глазахъ его жадная страсть, еле сдерживаемая волею.

«Какъ онъ безобразенъ съ этой длинною грудною клѣткою и провалившимся желтымъ животомъ. Какъ не понижаютъ мужчины, что имъ нельзя такъ оголяться передъ женщинами. А все погоня за здоровьемъ, за солнцемъ. . . За счастьемъ» . . .

Женья молчитъ и тяжело дышетъ. Вопросъ засталъ его врасплохъ.

— Что-же вы молчите, Женья? Говорите прямо, откровенно. Я хочу знать правду.

— Я никогда не думалъ объ этомъ, — чуть слышно говоритъ Женья.

— Хитрый вы, хитрый человѣкъ. Вы боитесь меня оскорбить. . . Ну — прямо: --- спекулянтъ, или нѣтъ?

— Право Марія Николаевна. . .

— Ну ладно. . . По глазамъ вижу, что спекулянтъ. Жена спекулянта!, — Мая томно вздыхаетъ.

— А вы ея адъютантъ. Бѣдный рыцарь! . .

— Марія Николаевна. . . Боже! какой рамокъ на меня нашелъ! Вы знаете, кто васъ сегодня ищетъ съ утра? Распрашивалъ вашъ адресъ. Я не сказалъ. Можетъ быть вамъ непріятно.

— Кто? . . Да говорите скорѣе.

— Кусковъ, не то поручикъ, не то ротмистръ.

Мая быстро поднимается. Она сидитъ на пескѣ, вытянувъ ноги, и смотритъ на Женю. Качаетъ головою.

— Сумасшедшій вы человѣкъ, Женя. . . Игрунька здѣсь и вы мнѣ ничего не сказали! Слушайте. . . Гдѣ онъ?

— Онъ былъ на этапѣ.

— Бѣгите за нимъ. Ведите его сейчасъ сюда. Да, постойте. Одѣньтесь раньше. Куда-же вы, голый!

Она смотритъ, какъ неловко, стоя, смущаясь ея взглядомъ, Женя надѣваетъ подштанники и башмаки.

«Боже, какъ это все некрасиво!», думаетъ она.

— Тащите его сюда. Я буду продолжать лежать на солнцѣ. Да дайте мнѣ мою книгу и зонтикъ!

— Какую книгу, Марія Николаевна, тутъ двѣ?

— Господи!, какой безтолковый. . . французскую. . . Французскую, милый человѣкъ. . .» L'homme, qui assassina», —¹⁾ Фарпера. . .

XVIII.

Девятый валъ шумно набѣжалъ на берегъ и докатился пѣнистымъ краемъ до ногъ Май. Теплая вода коснулась розовыхъ пальчиковъ. Мая вздрогнула, поджала ноги и положила книгу въ сторону. Цвѣтной шелковый зонтикъ бросалъ отсвѣтъ на ея лицо и дѣлалъ его розово-смуглымъ. Мая потянулась, заложила подъ голову руки и закрыла глаза.

«Сейчасъ придетъ Игрунька», — подумала она. — «Будетъ объясненіе. Ахъ! какъ это скучно! Что ему надо?.. Онъ хороший, Игрунька, но хорошіе люди скучны, несовременны. . . Что-же? Наспѣхъ вѣнчаться въ Ялтинской церкви, жить на какойнибудь реквизированной дачѣ, въ компаніи такихъ же соломенныхъ вдовъ, жарить на примусѣ американское сало и обивать пороги канцеляріи коменданта, добиваясь пособія и пайка. Насмотрѣлась я на офицерскихъ добровольческихъ женъ! Не для того она сходилась съ Капитономъ Давыдовичемъ, чтобы все кончить бракомъ съ офицеромъ — добровольцемъ. Это красиво въ фельетонѣ «Осважной» газеты, но въ жизни: — Константинополь, Токотлианъ, а потомъ Парижъ много лучше. Надо умѣть оторваться отъ

¹⁾ Человѣкъ, который убилъ.

прошлаго вѣка и стать современной женщиной безъ предвзвѣдковъ.

По песку скрипѣли шаги и позванивали шпоры. Мая открыла глаза, сѣла, кокетливо оглядѣлась, красиво-ли она сидитъ и успокоенно улыбнулась: — «очень красиво! Совсѣмъ какъ на открыткѣ съ Кавальери».

Игрунька шелъ къ ней въ сопровожденіи Жени. Игрунька выглядѣлъ молодцомъ. Въ краповыхъ чакчирахъ, Русской военной рубашкѣ съ золотыми, рубчатыми гусарскими погонами, съ тяжелой шашкой на боку, съ линялой «боевой» красной фуражкой, одѣтой ухарски на бокъ. Сапоги съ розетками, шпоры — все такое милое, Русское, военное. И красиво юное, темнымъ загаромъ покрытое, худое лицо съ большими сѣро-голубыми честными глазами въ длинныхъ рѣсницахъ. Очень красивы чистыя губы и твердый подбородокъ.

Игрунька возмужалъ и похорошѣлъ. И, противъ воли, суровое, гордое, неприступное выраженіе сползло съ лица Майи и на губахъ появилась улыбка, открывшая двѣ маленькія ямочки на щекахъ.

— Здравствуйте, герой, — сказала Мая. — Простите, что я васъ такъ принимаю. Но мнѣ доктора предписали, какъ можно больше лежать на солнцѣ. Надо нервы лечить послѣ всего пережитого!

Мая протянула Игрунькѣ темную, загорѣлую, покрытую солоноватымъ налетомъ, руку и Игрунька, нагнувшись, поцѣловалъ ее.

— Какъ вы похорошѣли, Мая, — сказалъ Игрунька.

— А прежде не была хороша? Ну, садитесь! Намъ о многомъ, многомъ надо поговорить. Что братъ Котикъ?.. Женья, какъ вы не можете догадаться, что вы теперь лишній. Идите ко мнѣ. Скажите Сусаннѣ Митрофановнѣ, чтобы черезъ часъ пришла одѣть меня и чтобы приготовила на троихъ кофе. Вы съ нами напьетесь кофе, Женья.

— Итакъ, вы герой!.. Я рада... Вы нехорошо сѣли. Набѣжить волна и замочить ваши новые бриджи. Пойдите. Я подвинусь. Я хочу васъ видѣть. Вы все такой-же милый! Садитесь на этотъ камень. Такъ... Хорошо... Можно подумать, что я васъ на фотографіи снимаю... Нѣтъ... люблюсь вами... Вотъ вы какой!.. Тогда просто бабешкой были, задорный мальчишка!.. У — у — у —! какъ вы не-

навидѣли большевиковъ!.. Монархистъ?... Да?... По
прежнему —.

— Мая, я не перемѣнился. Ни въ убѣжденіяхъ своихъ,
ни въ чувствахъ...

Мая перебила его.

— Оставьте, пожалуйста. Знаю я вашу жизнь. На-
смотрѣлась... Признайтесь, кого, кого вы не любили въ за-
воеванныхъ городахъ...

Игрунька покраснѣла...

Мая погрозила ему пальцемъ.

— Ну вотъ, вотъ... Ничего, Игрунечка. Былъ молодцу
не въ укоръ. Только не запутались-бы въ какуюнибудь
пошлую, мѣщанскую связь...

— Мая, увѣрю васъ... Какъ тогда... Помните въ
Пасхальную ночь, въ прошломъ году, когда вы сѣдлали мнѣ
Каракала...

— А что Каракаль?..

— Я принужденъ былъ его оставить. Закоростовѣлъ,
обезножился.

— Жаль, хорошій былъ жеребецъ...

— Да, многое погибло.

— Погибло, Игрунька, и не вернется. Того, что было,
не будетъ.

— Не будетъ того, что было въ Спасовкѣ?

— Да... Не будетъ... И Спасовки, Игрунька, нѣтъ.
Спасовку сожгли крестьяне.

— Слыхалъ... Но Спасовка вещь... А есть Мая, нѣчто,
что погибнуть не можетъ... Слово.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите, — сухо сказала
Мая.

— Я говорю вамъ о томъ, что мы связаны словомъ.
Вы обѣщали мнѣ быть моею женою...

— Игрунька, оставимъ это. Скажите честно, правдиво,
какъ вы всегда мнѣ говорили: вы-то сдержали слово? Вы-то
были мнѣ вѣрны? Ни съ кѣмъ, ни разу не измѣнили?...
Нѣтъ, — хватая Игруньку за руку, — воскликнула Мая. —
Ничего не говорите. Не лгите. Я не хочу, чтобы вы лгали.
Вы не должны лгать. Ну, такъ знайте, что вы не сохрани-
лись и я не сохранила себя чистой въ этомъ кошмарѣ.

— Мая! . .

— Да, Игрунька, вы должны меня понять — и простить.

— Бардижъ?

Мая густо покраснѣла.

— Мая, я не вѣрю. . Онъ старый.

— Ему сорокъ два года. Для мужчины это не возрастъ. Онъ спасъ меня и Котика. Если бы не онъ — насъ не было-бы.

— Кто онъ? Большевикъ? . . Мая, вы не можете быть одно съ этимъ человѣкомъ. Мая, — вы прекрасная, чистая!

— Игрунька, не будьте ребенкомъ. Жизнь, Игрунька, не романъ, не сказка, жизнь очень тяжела. . . Особенно теперь, и не мы ею управляемъ.

— Мая!, — съ силою сказалъ Игрунька, — я не вѣрю. . . Это. . . Ужасъ!

Мая встала и сложила зонтикъ. Ей вдругъ, когда она встала, стало стыдно, что она въ купальномъ, обтягивающемъ грудь и бедра костюмѣ, она подняла простыню и закуталась ею.

— Игрунька! не волнуйтесь. . .

— Мая. . . Бросьте все. . . Сегодня-же поѣдемъ въ Севастополь, оттуда въ полкъ, въ Харьковъ и тамъ обвиняемся.

— Нѣтъ. . . Нѣтъ. . . Игрунька. . . Этого не можетъ быть. . . Да. . . Я измѣнила. . . нашей любви, это такъ. . . Я связала себя съ другимъ. . . Проклинайте меня. . .

— А ваше слово, — закрывая лицо руками воскликнулъ Игрунька. — Вы дали мнѣ раньше слово и вы можете и должны разорвать съ этимъ человѣкомъ.

Онъ видѣлъ, какъ сквозь загаръ стало блѣдно ея лицо. Она опустила глаза.

— Я считала васъ убитымъ, — солгала она.

— Бросьте все, — сказалъ Игрунька. — Ёдемъ въ полкъ.

— Нѣтъ, Игрунька. Этого не будетъ. . . Если-бы здѣсь было только слово. Болѣе чѣмъ слово. И знаю, вы никогда меня не простите.

Мая повернулась и пошла къ дачѣ. Простыня сползла съ ея плечъ, упала на гравій. Залитая солнцемъ Мая поднималась къ желѣзной калиткѣ, открыла ее, щелкнула замкомъ и скрылась. . . Какъ богиня, изваянная изъ золота.

Ночью Игрунька сѣлъ въ вагонъ четвертаго класса въ поѣздъ, шедшій изъ Севастополя въ Харьковъ. Въ вагонѣ было темно, освѣщенія не полагалось. Игрунька забился въ уголъ, стараясь, чтобы его никто не замѣтилъ и не узналъ. Компанія зеленой молодежи, гимназистовъ въ бѣлыхъ фуражкахъ и коломянковыхъ курткахъ и гимназистокъ въ кружевныхъ колпачкахъ, дѣлавшихъ ихъ похожими на бѣлоголовыхъ птичекъ, точно стая воробьевъ, шумно заняла двѣ скамьи недалеко отъ Игруньки. Они ѣхали въ Джанкой съ какого-то спектакля, или концерта. Музыкальныя фразы, то сказанныя, то напѣтыя, носились въ вагонѣ среди глухого молчанія остальныхъ пассажировъ, мрачно притулившихся на вещахъ.

За окнами безъ стеколъ, серебряная стояла ночь. Слышались гудки пароходовъ и свистки паровозовъ, пахло моремъ, каменнымъ углемъ, канатомъ и какими-то ладанными испареніями почвы, садовъ, бульваровъ и цвѣтовъ вокзальнаго сквера. На перронѣ слышался смѣхъ, шутки, кто-то кого-то провожалъ у сосѣдняго вагона, и лилась длинная, ласковая бесѣда, точно ворковали голуби.

— Я все не могу разобрать — искусство это, или нѣтъ, — сказалъ ломающимся голосомъ гимназистъ, и ему сейчасъ-же изъ глубины вагона, изъ самой темени, не озаренной лунными отблесками, отвѣтилъ дѣвичій голосъ:

— Ну, конечно, Крутиковъ, искусство. Какъ можно еще сомнѣваться.

Голосъ напѣлъ:

«Этотъ маленькій попикъ въ лиловенькой рябѣ».

— «Попикъ», «гробикъ». . . — Наши отцы учили насъ уважать религію и съ почтеніемъ и страхомъ относиться къ смерти и похоронамъ, а тутъ. . .

— Но это такъ глубоко, — сказалъ другой мужской голосъ. — Въ этомъ и сила Вертинскаго, что онъ даетъ вамъ одинъ цѣлую гамму настроеній.

— И какой онъ душка, — произнесло контральто, напѣвшее слова пѣсенки. — Пришелъ, сѣлъ и заколдовалъ. Кажется, разобрать по частямъ. . . — ничего? Ни голоса у него, ни музыки, и стихи не стихи. . . А захватываетъ.

И она напѣла:

Что вы плачете здѣсь одинокая бѣдная дѣточка,
Кокаиномъ распятая на мокрыхъ бульварахъ Москвы
Вашу синюю шейку чуть-чуть прикрываетъ горжеточка,
Облысѣвшая вся и смѣшная, какъ вы.

— Кокаиномъ распятая. Мнѣ, кажется, товарищи, это тово... Кошунственно, — замѣтилъ кто-то съ другой скамьи.

— Товарищи! — Вы слышите, господа, Дзеннэ все не можетъ привыкнуть, что теперь здѣсь добровольцы и это слово неприлично...

— Ну, виновать, виновать.

— Какой вы, Дзеннэ, заматерѣлый клерикаль.

— Онъ, господа, вѣрующій.

— Да, я вѣрую, — сказалъ Дзеннэ...

— А по моему; вѣровать нечего. Ничего отъ слова не будетъ. Живи и жить давай другимъ.

— Вотъ этимъ, — заговорило снова контральто — мнѣ и нравятся эти пѣсенки, что въ нихъ такъ много и такъ мало.

— «Гдѣ вы теперь? .. Кто вамъ цѣлуетъ пальцы?»

запѣлъ изъ одного конца вагона кто-то молодымъ теноркомъ и ему отвѣтило контральто

— Куда ушелъ вашъ китайченокъ Ли?

И казалось, что дѣвушка при этомъ лукаво улыбалась.

— Вѣдь это прелесть что такое? Это придумать надо.

— Это, господа, настроеніе. Почему я люблю въ кинематографѣ Вѣру Холодную? Она даетъ настроеніе, эти пѣсенки, стихи Анны Ахматовой даютъ настроеніе, — это все новое... Это наше, и потому — любимое.

— Господа, вы знаете, Фіалковскій нюхалъ кокаинъ.

— Ну и что?

— Какъ-же? Кокаинеточка.

— Очень хорошо?, — раздались голоса.

Но Фіалковскій не отвѣчалъ. Онъ продолжалъ:

— Старые, ушедшіе боги, будили мысль, но не давали настроенія. И назывались они строго. Точно паспортъ предъявляли. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

— Знаемъ, знаемъ, что у васъ Фіалковскій, по словесности пять.

— Нынѣшніе называютъ себя непременно съ именемъ... Максимъ Горькій.

— Это псевдонимъ — сказали съ другой скамьи.

— Все равно. Анна Ахматова, Александръ Блокъ, Андрей Бѣлый, Игорь Сѣверянинъ.

— Ну и что-же?

— Имя начинаетъ звучать гордо. Оно заслоняетъ отчество и фамилію. Связь съ родомъ теряется, это шагъ впередъ отъ семьи къ индивидуальной свободѣ.

— Но былъ — Левъ Толстой.

— Садитесь, Маруся, это потому, что былъ Алексѣй Толстой.

— Ахъ, да.

— Господа, кто читалъ «Двѣнадцать» Блока?

— Не могъ достать. Я читалъ только разборъ Маріэтты Шагинянъ въ «Пріазовскомъ краѣ».

— Маріэтта Шагинянъ, какъ звучно, — скавало контрольно.

— Повидимому гениальная вещь.

— Все, что Александра Блока — гениально. Пушкинъ и Блокъ. Христосъ и діаволъ.

— Новые поэты выше старыхъ.

— Настроение, главное, господа, настроеніе... А помните — «Креольчикъ?»

— Это придумать надо.

За окномъ медленно плыли бѣлые скаты мѣловыхъ осыпей... Возникнетъ на остановкѣ небольшая станція, точно побѣленная луною. Группа пирамидальныхъ тополей сторожить ее. Красная блеститъ черепица крыши. Бѣлые домики и за ними, по долинѣ, круглыя шапки яблонь и жерди виноградниковъ утонули въ серебряной дымкѣ. На платформѣ ходили люди. Слышался женскій смѣхъ. Гимнастки выбѣгали на платформу, задирали головы къ лунѣ, кричали въ вагонъ:

— Ботнаръ, идите сюда. Чудно. Какъ дивно пахнетъ луною.

— У Любы даже луна пахнетъ.

— Но увѣряю васъ. Это что-то особенное.

Кто-то внизу стучалъ молоткомъ по желѣзу. Трогались не сразу, и опять мимо оконъ уходили тополя, постройки, раскрытое окно, освѣщенное изнутри красной занавѣской, тускло прозрачной, за домою открывалась долина и были видны бѣлыя горы и застывшіе подъ луною сады.

Игрунька слушалъ молодые споры и думалъ. Онъ казался себѣ старикомъ, а ему было только двадцать два года. Въ двадцать два года — всѣ мечты о счастьѣ, о семьѣ разбиты. Въ двадцать два года прожита цѣлая большая жизнь и онъ стоитъ передъ жуткимъ вопросомъ, да стоитъ-ли вообще жить? Эти, молодежь, рѣшили уже всѣ эти вопросы. Имъ не грезится семья, они не думаютъ о вѣчной любви. У Игруньки передъ глазами всегда была ихъ семья. Отецъ и мать были святыней. Быть такимъ, какъ отецъ. Во всемъ ему подражать. Когда онъ увидалъ Маю Ожогину, онъ сразу влюбился въ нее. Онъ увидалъ за ней семью. Все для Маи — и цѣль жизни — бракъ съ ней. Но началась война, была революція и Игрунька понялъ, что есть большее, чѣмъ семья. Въ Добровольческой арміи онъ постигъ великую цѣль, за которую умерли — «Муха», Пѣгашевъ и всѣ эти молодые и старые. Они вспоминались ему въ гробахъ и безъ гробовъ, въ черной могилѣ, съ жуткимъ ощущеніемъ земли, осыпающейся на бѣлыя лица. Есть «великая, единая, недѣлимая». И въ удаленіи Мая слилась съ нею и олицетворила ее. И какъ высока, прекрасна, цѣломудренно чиста, непостижимо любима была «великая, единая, недѣлимая» — такъ стала въ мысляхъ казаться чистой и прекрасной Мая. Онъ слышалъ о Бардижѣ, но онъ слышалъ и о какомъ-то Совѣщаніи, что-то вродѣ совѣта — «Совнаркома» при Деникинѣ, что вредитъ Деникину. И не вѣрилъ, — ни въ опасность Бардижа, ни въ опасность совѣщанія. «Это все зависть, это все болтовня», — думалъ онъ и ѣхалъ къ Маѣ чистой, физически чистой. Онъ допускалъ въ ней измѣненіе характера, направленія мыслей — это онъ исправить. Онъ понималъ: Бардижъ ее спасъ и она ему благодарна. Но онъ не подозрѣвалъ возможности нарушенія дѣвственной ея чистоты. Мая ему казалась такою, какою была въ первый пріѣздъ въ Спасовку: — бѣленькой, чистенькой, веселой. . . И такъ-же на фронтѣ онъ думалъ о «великой, единой, недѣлимой». За этими словами скрывается непременно Россія Императорская, чистая, не-

прикосновенная и прежняя, — отъ Калиша до Владивостока и отъ Торнео до Эрзерума.

Игрунькѣ казалось, что вся Россія, какъ ихъ Чернобыльскій полкъ, пылаеть однимъ чувствомъ любви къ Родинѣ Въ мысляхъ одно, любовь одна: — «великая, единая, недѣлимая». И думалъ: — по всей Россіи тихимъ шепотомъ несется святое, страшное пѣніе:

«... Да молчитъ всякая плоть человѣческая и ничто-же земное себѣ помышляетъ».

Притихли степи и долины, притихли горы. Море притаилось въ священномъ ужасѣ. Могло быть два положенія: — или бои съ ихъ мучительнымъ страхомъ и съ ихъ бурною радостью побѣды, или молодецкій загулъ съ лихими пѣснями:

... «Завтра, можетъ, въ эту пору
Насъ въ атаку поведутъ
И корнетскую рубаху
Кровью алою зальютъ.

Ней, гусарь, покуда пьется
Горе жизни заливай,
У Чернобыльцевъ такъ ведется: —
Ней! Ума не пропивай.

И не могло быть въ эту великую пору житейской обыденщины. Или буря могла быть: страсть, горячія объятія, жгучіе поцѣлуи и разбуженная сигналомъ тревоги ночь. Или клятвы вѣрности, брачные флеръ-д'оранжи — но не могло быть расчета и сознательной жизни для себя.

«Се жертва тайная совершена... Доручается!», — повторялъ онъ часто про себя и, чудилось ему, духъ его вознесенъ на высоту. — Приподнять и парить надъ земнымъ. Жертвы требовали: спокойный, бѣлый «Муха», лежавшій въ калиновыхъ цвѣтахъ, въ дощатомъ гробу, Пѣгашевъ съ чернымъ, раскroеннымъ лицомъ, перевязаннымъ платкомъ, опущенный въ могилу безъ гроба, за руки и за ноги, и тѣ два эскадрона — двѣсти юношей, офицеровъ и солдатъ, что ушли въ неизвѣстность...

Тылъ его поразилъ и пришибъ. Вагоны безъ свѣта, лазареты безъ лампъ и свѣчей... И залитые блескомъ электричества кинематографы и театры... Разгульные визги скрипокъ, свистъ окаринъ и звонъ піанино, несущіеся изъ кабаковъ и кафе.

А когда на берегу моря увидалъ Маю, — какъ фарфоровую статуэтку въ сине-бѣломъ, полосатомъ трико съ обнаженными ногами — все понялъ. Она была его. Только онъ одинъ могъ видѣть ее такою, и то послѣ брака... — Ее видѣли всѣ.

«Великая, единая, недѣлимая!»

«Кокаиномъ распятая на мокрыхъ бульварахъ Москвы». Пускай Корниловцы, Марковцы, Дровдовцы поютъ подъ свистъ пуль и скрежетаніе снарядовъ:

Русь могучую жалѣмъ,
Намъ она кумиръ.
Мы одну мечту лелѣмъ:
Дать Россіи миръ.

Ихъ младшіе братья увлечены Вертинскимъ. Имъ ближе «креольчикъ», имъ дороже сладкій и тонкій ядъ недосказанностей, тотъ страшный душевный онанизмъ, что медленно, но вѣрно ползетъ съ новою поэзіей, съ сотканными воображеніемъ «Незнакомками», съ мелкой, ехидной издѣвкой надъ религіей, «попиками въ лиловой рясѣ», и этими насмѣшливо-грязными словами только что-появившейся и прославленной гениальною поэмы:

«А вонъ и долгополый —
Сторонкой, за сугробъ...
Что нынче не веселый,
Товарищъ попъ?»

Помнишь, какъ бывало
Брюхомъ шель впередъ,
И крестомъ сіяло
Брюхо на народъ»...

Игрунька не все понималъ, но все чувствовалъ. Нельзя ни на сценѣ, ни на экранѣ показывать иконы и богослуженіе, нельзя говорить объ этомъ такъ легко, какъ нельзя нарушать Русское правописаніе и уничтожать старыя буквы.

«Особое Совѣщаніе» надъ великой, единой, недѣлимой — это тоже, что Капитонъ Давыдовичъ Бардижъ надъ Маей. Можетъ быть, оно и спасло ее отъ большевиковъ, какъ Бардижъ спасъ Маю, но отъ себя самой не спасло и не единая она, а на куски раздробленная, не великая, а мелкая и низкая, не недѣлимая, а раздираемая украинцами, Донскимъ кругомъ, Кубанскою радой, контръ-развѣдкой и спекулянтами.

Не чистою спокойною рѣкою текла жизнь, какъ текла тогда, когда онъ былъ въ корпусѣ и зналъ точно, что надо дѣлать, а неслась грязнымъ, бурнымъ потокомъ, ломая все на пути и хорошее и худое. И ломала она семью прежде всего. Потому-что, — ясно чувствовалъ это Игрунька, — съ Маей уже не можетъ быть семьи.

И первый разъ зародилось сомнѣніе. Да то-ли онъ дѣлаетъ, что нужно? Гдѣ-же правда? Правда-ли въ «Фигнерѣ», разстрѣливающемъ за Россію красныхъ офицеровъ и коммунистовъ, носящемся въ алой Чернобыльской фуражкѣ, съ кривою гусарскою саблею въ рукахъ, на ворономъ жеребцѣ, рискующемъ ежечасно и ежеминутно своею жизнью для того, чтобы Мая могла лежать на пескѣ съ обнаженными ногами и носить кольца, а Вертинскій и ему подобные крутить мозги молодежи?

Или правда въ чемъ-то другомъ.

XX.

Корниловцы, Марковцы и Самурцы отступали... Это казалось невѣроятнымъ. Наскоро пополненный и совсѣмъ необученный Чернобыльскій гусарскій полкъ былъ брошенъ въ арьергардъ для прикрытія отступленія.

Дождь сыпалъ нѣсколько дней и сѣрыя струи его сливались съ низко нависшими черными, косматыми тучами. Тамъ то и дѣло вспыхивали, точно низкія молніи, яркіе, короткіе огни, а ватѣмъ къ шуму дождя по степи присоединялся скрежещущій звукъ несущихся снарядовъ. Въ сѣромъ небѣ появлялись бѣлые, быстро тающіе дымки шрапнелей и слышались двойные густые звуки разрыва и долетѣвшаго грома выстрѣла. Свистали круглыя пульки. Заѣсы боя надвинулись на Чернобыльцевъ.

Красныя стрѣлковая и латышская дивизіи безконечными цѣпами, упираясь въ края горизонта, наступали на Чернобыльцевъ и Половцевъ, и жидкими, ничтожными и жалкими казались гусарскія лавы. Танки и пѣхота исчезли. Четыре орудія конной батареи спрятались въ балкѣ и молчали, поднявъ къ небу мокрыя дула. Мало было снарядовъ. Ожидали хорошей цѣли.

Куда ни глянешь: черная земля, бурая, низкая листва небранной свекловицы, почернѣвшая солома сжатыхъ нивъ. На горизонтѣ тоскливая пологая гряда холмовъ, низкихъ, жирныхъ, черныхъ и, кажется, вотъ вотъ и они поползутъ грязью подъ дождемъ и сольются съ равниной.

Гдѣ-то далеко торчить бѣлая колокольня. Темнѣютъ деревья, кусты. Бѣлые домики селенія — точно телеграфная строчка на черной полосѣ земли.

Лава едва ползетъ по грязному полю. Всадники нахохлились, накрылись отъ дождя, кто чѣмъ могъ. У кого — «винцерада» — непромокаемое пальто съ высоко задраннѣмъ на папаху колакомъ, кто накрылся гдѣ-то стянутымъ верѣтѣмъ, кто рогожей. Отступать совсѣмъ не то, что наступать.

«Нѣтъ настроенія,» — сказалъ сегодня юноша вѣстовой, подававшій Игрункѣ лошадь.

Черноземная грязь и солома налипаютъ на копыта. Скользятъ лошади, тяжело поднимаютъ пудовыя ноги.

— Лава сто-ой!.. —

— Стой!.. стой!.. стой!.. передаютъ команду взводные командиры.

Гусары останавливаются и поворачиваются къ непріятелю. Дождь бьетъ въ лицо холодными, липкими струями. Лошади прижимаютъ уши, вертятся, стараются стать хвостами къ дождю. По мокрымъ, блестящимъ, горячимъ шеямъ мутными шариками катится дождевая вода. Гривы намокли и слиплись въ косицы. Впереди ничего. Безкрайняя степь черными полосами земли упирается въ черное небо.

Стрѣльба затихла. Идутъ, или остановились красные?

Игрунка соскочилъ съ лошади, вынулъ изъ футляра бинокль и глядитъ въ даль. Дождь заливаетъ стекла. Пластокъ намокъ. Мало толку отъ протиранія.

— Идутъ, — говоритъ сзади Игрунки унтеръ-офицеръ Босенко.

Онъ подѣхалъ совсѣмъ близко и стоитъ сзади Игрунки. Игрунка чувствуетъ, какъ горячимъ влажнымъ дыханіемъ обдаетъ его мокрую шею и затылокъ лошадь Босенко.

— Во-онъ, на бугорчикѣ показались, гдѣ стерна кончается. Видите?.. Порядливо идутъ. Не то, что прежде.

Шагахъ въ двадцати отъ Игруньки, впереди лавы, Бровцынъ. Его вороной жеребецъ составилъ переднія ноги, разставилъ заднія, откинулъ хвостъ, раздѣланный перомъ, поднялъ голову и стоитъ, насторожившись, покорно подставляя дождю морду и только сморщилъ храпки и закрылъ ноздри, чтобы не натекала вода. Бровцынъ прямой, стройный, юношески гибкій, въ короткомъ черномъ плащѣ, въ фуражкѣ темной отъ дождя, съ саблей на темлякѣ въ правой рукѣ, небрежно бросивъ поводъ, поднесъ лѣвой къ глазамъ бинокль. Трубачъ замеръ сзади него, держа трубу въ рукѣ у бедра. Въ шинели съ опущеннымъ воротникомъ, съ четко видными погонами и бѣлеными ремнями амуниции, трубачъ совсѣмъ такой, какъ были въ старой Императорской Арміи.

Но дальше, вдоль по лавѣ, хотъ и не смотрѣть! Разномастный, разнотипныя лошади, худыя, мокрыя, дымящіяся паромъ, и такіе-же разные люди. Чуть позади Игруньки на маленькомъ киргизскомъ маштакѣ, недавно отбитомъ у красныхъ, на высокомъ, тяжеломъ казачьемъ сѣдлѣ, неуклюже сидитъ мальчикъ гимназистъ. Его лицо блѣдно и устало. Временами онъ закрываетъ глаза. Игрунька знаетъ: онъ сильно страдаетъ, у него второй день дизентерія. — За нимъ на тощей буланой лошади сидитъ здоровый мужикъ-доброволецъ. Вся его посадка и пригонка обмундирования говорятъ, что ѣздитъ онъ мастеръ, но по своему, и въ солдатахъ никогда не служилъ.

Конскія ноги по колѣно въ черной грязи. — Лошади дышутъ тяжело. Между красной пѣхотой и гусарской лавой черная земля. Блестятъ по бороздамъ тонкія водяныя лужи. По этой грязи, на этихъ лошадяхъ не поскачешь, не атакуешь пѣхоту, ничего не сдѣлаешь. Безполезно ждать.

Мелькнули подъ самымъ горизонтомъ, въ сѣрыхъ, дымящихся туманахъ четыре огонька, одинъ за другимъ, точно кто моргнулъ огненными глазами, и ближе, и ближе шипѣніе, гулъ, гудѣніе и ш-ш-ш-леппъ, — обдавая Бровцына грязью, въ двадцати шагахъ отъ него ударилъ въ землю снарядъ и не разорвался. Ни одинъ мускулъ на лицѣ Бровцына не дрогнулъ, его лошадь, туго сжатая шенкелями, не шевельнулась.

Ни одинъ изъ четырехъ снарядовъ не разорвался.

— Поручикъ Кусковъ, — отнимая бинокль отъ глазъ крикнулъ Бровцынъ.

Игрунька лихо, брызгая землею на лошадь Бровцына, подскочилъ къ эскадронному командиру.

— Поѣзжайте, голубчикъ, на батарею, скажите, чтобы отходила на Ворожбу.

— Передать на батарею, чтобы отходила на Ворожбу, господинъ ротмистръ, — повторилъ Игрунька, держа руку у козырька смятой фуражки.

— Да. . . Мы тоже туда идемъ. Какой чортъ намъ тутъ торчать, все равно, мы ихъ не остановимъ.

Отъ батареи, гдѣ приказаніе, переданное Игрунькой хмуρο выслушалъ чернобородый капитанъ, Игрунька увидалъ, какъ эскадронъ собрался во взводы и вытянулся въ узкую колонну.

Пошли полями, топча зеленую озимь, къ бѣлѣющей церковной колокольнѣ.

XXI.

Въ Ворожбѣ стали въ бывшей почтовой конторѣ. Оттуда вчера ушла армейская контръ-развѣдка. Бровцынъ вошелъ въ комнату, заваленную бумагами съ письменнымъ столемъ, съ конвертами и письмами. Выдвинулъ ящикъ: — и тамъ полно писемъ.

— А сукины сыны!, — проворчалъ онъ. — Не побезпокоились даже уничтожить. . . Какая халатность!

Онъ сталъ рыться.

— Мило. . . Смотрите, Игрунька, — списокъ военныхъ чиновъ и запасныхъ посада Ворожбы. . . Это чортъ знаетъ, что такое! Хорошо: пришли мы, а пришли бы красные, и всѣхъ этихъ людей потащили бы въ че-ка. На разстрѣлъ! Вотъ тыловыя сволочи! . . Атарщиковъ! — крикнулъ онъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ его вѣстовой съ Софіей Ивановной возились, приготовляя чай. — Растапливай печку, да гони всю эту литературу въ огонь. Страсть у тыловой братіи писательствомъ заниматься. Игрунька, читалъ когда-нибудь Егора Егорова «Военные Разказы»? Нѣтъ? Былъ такой писатель въ Императорской Руси. Конный артиллеристъ. Гдѣ-то онъ теперь? Умный парнишка. Такъ вотъ

онъ какъ-то написалъ, что стали бы дѣлать штабы, если бы отъ нихъ отобрали бумагу и чернила. Ну какъ думаешь?

— Перестали-бы писать, — сказала Игрунька.

— Эхъ-ты. Мало знаешь ихъ писарскую душу. Стали бы драть кору съ деревьевъ и писать углемъ. Но положимъ и уголь и кору отобрали? А... а нѣтъ — Егоръ Егоровъ пишетъ, что въ своемъ писарскомъ задорѣ, они стали бы сдирать другъ съ друга кожу и писать кровью... И все таки: писать, писать, и писать, — говорилъ Бровцынъ, съ удовольствіемъ глядя, какъ Атарщиковъ охапками таскалъ бумагу, какъ она занималась въ печкѣ веселымъ желтымъ пламенемъ, и гудѣла желѣзная заслонка печи.

— Ты понимаешь, Игрунька, — я, должно быть, сродни арабскому султану Омару, сжегшему Александрійскую бібліотеку. Пріѣхалъ онъ, поди, зимою, усталый, верхомъ въ Александрію. Вошелъ въ мраморныя палаты. Оно хоть и Африка, а когда съ Средиземнаго моря задуетъ хорошій мистраль, поди тоже сыро. Одежка плохая, больше для красоты, а тамъ этакіе свитки пергаментовъ, — цѣлыя горы человѣческой лжи, самовосхваленія и притворства... лежатъ этакіе равные египетскіе Марксы... Поглядѣлъ, поглядѣлъ на эти всѣ богатства Омаръ, весело сверкнули его глаза, оперся картинно на саблю, выложенную камнями, подумалъ, хлопнулъ въ ладоши и крикнулъ: Абдулка! Гамидка! Магометъ! — въ огонь эту рухлядь!... Да ж-живо!... Да... тамъ все таки была бібліотека... можетъ быть, и умное, и здоровое, что было... Навѣрно даже было... А адѣсь чужія письма, да отобранныя газеты и брошюры. Ну посмотри самъ, чего тутъ нѣтъ.

И изъ послѣдней кучи Бровцынъ сталъ вынимать листы печатной и писаной бумаги.

— Г. Зиновьевъ и Л. Троцкій, — читалъ онъ, — тоже писатели, подумаешь! «О мятежѣ лѣвыхъ с. р. Петроградъ. Издательство Петроградскаго Совдепа». . . Съ ятями и ерами, по старой орфографіи. Свое на заборной грамотѣ печатать не желаютъ... «Къ правднику 1-го Мая»... «Интернационалъ» и «Коммунистическая марсельеза» — золотомъ на рововой бумагѣ. «Изданіе отдѣла управленія Гатчинскаго городского совѣта рабочихъ и красноармейскихъ депутатовъ. Апрель

1919 г.»... Видалъ — миндалъ? Ну печатали мы такъ свой Русскій гимнъ? Когда генераль Богдановичъ издавалъ брошюры патристическаго содержанія и лубочныя картины, и министерство внутреннихъ дѣлъ разсылало ихъ по волостямъ, — вся наша, съ позволенія сказать, «интеллигенція» злобно шептала: — погромная литература! — А эти-ли пѣсни не призывъ къ самому страшному міровому погрому культуры и цивилизаціи?... Дальше: «Г. Зиновьевъ». Этой уже безъ твердаго знака — «Что долженъ знать и помнить коммунистъ красноармеецъ». Рѣчь товарища Зиновьева на конференціи красноармейцевъ 15 января 1919 года. Книгоиздательство Петроградскаго Совдепа»... Памятка, такъ сказать, красноармейца. «О чемъ поетъ буржуазія», «Безъ фундамента изъ труповъ рабочихъ нѣтъ учредилки», «Будемъ героичны и мы», «Надо строить армію»... Разрушать, голубчики, не надо было... Откуда все это пошло? все Петербургское...

— Надо-быть отъ пѣнныхъ, — сказалъ Атаршиковъ. Бровцынъ нахмурился.

— Ахъ да... Отъ пѣнныхъ... вотъ что, голуба, сегодня на разсвѣтѣ развѣздъ мой взялъ въ степи двухъ красныхъ офицеровъ. Ты понимаешь... Я не могу удержаться, когда вижу ихъ, а между тѣмъ ихъ надо допросить. По всему видно, что у нихъ теперь новая организація. Ну такъ вотъ, пройди и запиши — видишь, чортъ, и мы не можемъ безъ этого проклятаго «записи»... Да запиши, кто они и какъ теперь у нихъ армія? Кто противъ насъ, какія части, кто командуетъ. Понимаешь, Игрунька, — тутъ уже не Махно и не Марусей Никифоровой пахнетъ, а Императорской военной академіей и Павловскимъ военнымъ училищемъ. Видалъ ихъ цѣпи? Чуть-что не въ ногу идутъ. Я бы сказалъ: нѣмцы, если-бы нѣмцы-то тоже кверху тормашками не полетѣли и славнаго Императора не замѣнили нѣмецкимъ Керенскимъ...

— Гдѣ они, господинъ ротмистръ?

— Черезъ дворъ налѣво, хата. Тамъ часового увидишь. Тамъ и они.

Игрунька взялъ изъ выюка полевой блокъ-ночь и побѣжалъ по лужамъ черезъ дворъ.

XXII.

Часовой, гусаръ, въ англійской желтой короткой шинели, подпоясанной бѣлымъ ремнемъ съ бѣлыми патронташными перевязями, съ винтовкой со штыкомъ у ноги стоялъ у двери.

— Безъ разводящаго, ваше благородіе, допустить не могу, — сказалъ онъ. — Однако мы васъ знаемъ.

— Зовите разводящаго, — сказалъ Игрунька.

— Пожалуйте такъ. Не стоитъ беспокоить, — сказалъ солдатъ и толкнулъ дверь въ избу.

«Правъ я, или нѣтъ, что вхожу, безъ разводящаго» — думалъ Игрунька, входя въ дверь. — «Конечно, не правъ... Надо было настоять на вызовѣ разводящаго, а не лѣзть такъ?... Дуракъ я самъ!»...

Въ пустой избѣ, съ глинобитнымъ замызганнымъ поломъ, за столомъ, на лавкѣ, идущей вдоль задней стѣны, облокотившись, сидѣлъ пожилой человѣкъ. У него были коротко остриженные сѣдѣющіе волосы и чисто выбритое, сухое тонкое, плоское, бронзоваго загара, лицо съ сѣрыми глазами. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрую рубашку съ нашитыми вдоль ворота косыми кумачными полосами и со звѣздами на рукавѣ. Онъ поднялъ на Игруньку печальные каріе глаза.

Другой, молодой, въ сѣрыхъ штанахъ съ обмотками и башмакахъ, въ такой же рубахѣ, блѣдный, тою желтоватою блѣдностью, какая бываетъ отъ голоданья или лежанія въ больницѣ, съ круглыми рыжими глазами, ходилъ по комнатѣ и, когда открылась дверь, остановился у большой печки и со страхомъ посмотрѣлъ на Игруньку.

Игрунька сдѣлалъ полупоклонъ, — молодой низко поклонился, сидѣвшій за столомъ не шевельнулся. Игрунька вызвалъ разводящаго.

Молодого увели къ караулу. Игрунька придвинулъ щербатую скамью и сѣлъ противъ краснаго офицера. Онъ вынулъ блокъ-нотъ. Было очень неловко.

— Мнѣ приказано допросить васъ, — сказалъ, краснѣя, Игрунька.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, — тихо, отнимая голову отъ руки, сказалъ красный офицеръ и скучнымъ, не живымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Игруньку.

— Ваше имя, отчество и фамилія? Вашъ чинъ?

— Николай Сысоевичъ Масягинъ, Императорской службы капитанъ, при Временномъ Правительствѣ произведенъ за отличіе въ подполковники. Въ офицеры вышелъ изъ Александровскаго военного училища въ 1907 году, — тихимъ, печальнымъ голосомъ, охотно отвѣтилъ офицеръ.

— Кадровый офицеръ?

— Какъ видите — да... N-скаго Краснослободскаго полка. На войнѣ командовалъ ротой. Два раза раненъ. Имѣю георгіевское оружіе.

— Какъ-же вы пошли служить къ этой сволочи?

— Простите, — еле слышно сказалъ капитанъ, — я думаю это вашего вопроса не касается... Да и все равно, если-бы я вамъ все рассказалъ, вы бы меня не поняли.

Игрунька покраснѣлъ. Карандашъ задрожалъ въ его рукѣ.

— Хорошо-съ!, — хмуро сказалъ онъ... — Конечно — понять васъ никакъ не могу-съ... Никогда не пойму... Ну, — вы правы: — это къ дѣлу не относится. Кто вы теперь и гдѣ вы служите?

— Я командиръ 1-го батальона, N-таго стрѣлковаго полка, M-ской стрѣлковой дивизіи, VIII совѣтской арміи.

— Кто командиръ полка?

— Товарищъ Башмачасовъ, изъ коммунистовъ.

— Кто начальникъ дивизіи?

— Товарищъ Кусковъ.

Карандашъ сломался у Игруньки.

Опустивъ ставшее пурпурнымъ и вспотѣвшее лицо, Игрунька сталъ большимъ чернымъ англійскимъ ножомъ чинить карандашъ.

— Какъ вы сказали?, — кинулъ онъ. Онъ ясно разслышалъ фамилію начальника красной дивизіи, дѣйствовавшей противъ него, но ему хотѣлось, чтобы это было не такъ и онъ переспросилъ.

— Товарищъ Кусковъ, изъ кадровыхъ генераловъ, бывший мой начальникъ. Онъ командовалъ полкомъ, сначала на германскомъ, а потомъ на кавказскомъ фронтѣ. Последнее время бригадой. Но тутъ я его потерялъ изъ вида.

— Знаю-съ, — со злобой оборвалъ Игрунька. — Вы не знаете его имя и отчество... Кусковыхъ много.

— Такой, какъ онъ, — одинъ. Зовутъ его Федоръ Михайловичъ. Кто изъ старыхъ боевыхъ офицеровъ не знаетъ Федора Михайловича Кускова!..

— Гдѣ стоитъ его штабъ? — не слыша самъ своего вопроса, сказалъ Игрунька.

— Вчера былъ въ Корытинѣ, сегодня долженъ перейти въ Овражное.

— Это въ двадцати верстахъ?

— Да, кажется.

Игрунька задавалъ вопросы, капитанъ отвѣчалъ. Игрунька записывалъ, что дивизія состоитъ изъ трехъ бригадъ, по три полка каждая, но третья бригада еще не развернута, что при каждой бригадѣ имѣется легкій артиллерійскій дивизионъ, что кромѣ того при дивизіи должны быть два гаубичныхъ и два тяжелыхъ дивизиона, но ихъ нѣтъ, а есть два тяжелыхъ орудія, которыхъ, однако, не могли вывезти изъ Сѣвска изъ-за грязи, что долженъ быть и воздухоплавательный отрядъ и еще два эскадрона кавалеріи, но аэропланы неисправны и надежныхъ летчиковъ нѣтъ. . . Все это было-бы очень интересно въ другое время. Капитанъ просилъ подчеркнуть, что онъ и его товарищъ Худжинъ не взяты въ плѣнъ, а перешли на линіи сторожевыхъ постовъ къ гусарамъ, потому что они не желаютъ служить совѣтскому правительству. Капитанъ напиралъ на то, что онъ и Худжинъ ищутъ людей, готовыхъ вернуть Россіи законнаго Государя.

Игрунька записывалъ, не соображая, что пишетъ. Молоточками стучала мысль: — «его отецъ въ совѣтской арміи его отецъ въ двадцати верстахъ отъ него. А гдѣ мама? Почему его отецъ съ ними? . . Его отецъ приказалъ стрѣлять красной бригадѣ и это по его приказу вылетѣли тѣ снаряды, что обдали грязью Бровцына и, если-бы разорвались, убили бы его самого. Гусары вчера мечтали прорвать фронтъ красныхъ, захватить ихъ штабъ дивизіи и повѣсить нач-дива».

Карандашъ въ его рукѣ то и дѣло ломался. Онъ чинилъ его, и онъ опять ломался.

— Не хотите-ли мой карандашъ? Онъ химическій. Не такой ломкій, — сказалъ капитанъ.

«Онъ ничего не знаетъ. Онъ не знаетъ, какіе страшные кузнецы работаютъ у меня въ головѣ и бьютъ по черепу».

«Онъ мечталъ вчера повѣсить краснаго нач-дива. Повѣсить своего отца... Мама! мама! какъ-же это вышло?»

Хотѣлось все бросить и бѣжать по мокрой, грязной степи, отдаваясь дождю и вѣтру. Уйти отъ неизъяснимаго ужаса жизни. Но убѣжишь развѣ отъ этого? Онъ, поручикъ Чернобыльскаго гусарскаго полка, воюетъ со своимъ отцомъ, начальникомъ красной совѣтской дивизіи. Умереть... Пустить пулю въ лобъ... А что толку? Завтра оправятся Корниловцы, Дроздовцы и Самурцы, перейдутъ въ наступленіе, завтра просохнетъ земля и приползутъ, ковыляя, танки, и завтра Бровцынъ выстрѣломъ изъ кольта прикончитъ его отца, — милаго, добраго папу!.. Что-же это за ужасный міръ? Что-же это за жизнь?.. и гдѣ-же Богъ?..

— Некомплектъ въ частяхъ, достигавшій въ прошломъ году въ пѣхотѣ 71%, теперь почти пополненъ, — говорилъ капитанъ.

Опять сломался карандашъ.

— Простите... Вы говорите: — пополненъ?

— Да, почти.

— Ахъ, это очень интересно...

— Я говорю къ тому, что теперь въ арміи и дисциплина, и организація гораздо выше. Сытинъ удаленъ изъ Царицына, Сталинъ переведенъ въ Рев-воен-совѣтъ, Ворошиловъ и Мининъ удалены и всѣ командныя мѣста заняты офицерами генеральнаго штаба.

— Да, конечно... Конечно... Но вы это покажете въ большемъ штабѣ, а мнѣ собственно: — кто начальникъ дивизіи?

— Кусковъ, Федоръ Михайловичъ Кусковъ, — внушительно сказалъ капитанъ и поднялся со скамьи, такъ какъ и Игрунька всталъ.

— Хотите, чтобы я подписалъ свое показаніе?

— Да, пожалуйста... А впрочемъ, нѣтъ, не надо — это только предварительное... Такъ сказать, черновое... , сказалъ Игрунька, собирая листки, такъ написанные, что онъ и самъ не могъ-бы разобрать, что онъ написалъ.

Онъ пошелъ къ двери, оставивъ фуражку на столѣ.

— Поручикъ, — тихо сказалъ капитанъ, — фуражку забыли...

— Да... Въ самомъ дѣлѣ...

Игрунька схватилъ фуражку и, нахлобучивъ ее на брови, пошелъ на дворъ

Дождь лилъ холодными, косыми струями. Онъ мочилъ плечи, пробилъ спину и текъ по ней къ поясу. «Надо, надо что-то дѣлать. . . Вѣдь не могу-же я въ самомъ дѣлѣ противъ отца!» . . . Игрунька стоялъ на дворѣ подъ дождемъ и думалъ, и зналъ: — выхода нѣтъ!

Открылось въ главномъ флигелѣ окно и ласковый картавый голосъ обозвалъ его:

— Игрунька, что съ вами? Идите чай пить.

Сестра Серебренникова была у окна. Игрунька бросился къ ней.

— Софья Ивановна. . . Можно къ вамъ? Мнѣ очень надо переговорить съ вами наединѣ.

— Идите. . . я одна. Напоила «Фигнера» чаемъ, сейчасъ разогрѣла для васъ.

XXIII.

Въ маленькую неуютную комнату почтоваго смотрителя, съ поломанною постелью и сорванными занавѣсками на небольшомъ четырехстекольномъ деревенскомъ окнѣ, тихо вступали сѣрыя сумерки. Дождь пересталъ. Густой туманъ ползъ по двору. Кругомъ парила степь. Выдыхала душный запахъ земли, навоза и гари.

Сестра Серебренникова успѣла прибрать свою комнату. Маленькій столикъ у окна былъ застланъ нестрою скатертью, на немъ стоялъ заглохшій самоваръ, лежалъ кусокъ хлѣба на тарелкѣ и англійскій мармеладъ въ жестянкѣ. Сестра только что встала изъ за стола, чтобы засвѣтить лампу. —

— Подождите минутку. Хочу устроить занавѣску.

Она достала изъ чемодана съ рыжими боками и ржавыми мшистыми ремнями синюю тряпку, ловко вскочила на стулъ, чтобы привязать ее къ торчащимъ подъ окномъ гвоздямъ.

— Кажется, какъ разъ въ пору будетъ?

Игрунька не шевельнулся. Онъ только что все сказалъ сестрѣ. Такъ сказалъ, какъ сказалъ-бы матери. Она выслушала его, и Игрунька понялъ, что она не знаетъ, что отвѣчать, и выигрываетъ время. Сестра вожала тесемку губами, по бѣличьи поднимая губу. Сѣрые глаза сосредото-

точно размѣряли разстояніе. Она нагнулась надъ столомъ, плавно, не дѣлая никакого усилія, протянула полную руку, длинные пальцы быстро связали бантъ. Мягко сошла со стула: ни одна половица не скрипнула.

«А сама рослая, полная, но увѣренная и смѣлая... Нѣтъ она не растерялась, она знаетъ, что надо дѣлать, и только не нашла еще нужныхъ словъ».

Сестра подошла къ опрокинутому ящику отъ консервовъ. На немъ была лампа съ тонкимъ бѣлымъ стекломъ. Сестра уже сдѣлала на нее абажуръ изъ розоваго листка съ золотымъ текстомъ «интернаціонала». Подышала въ стекло, чиркнула спичку, подняла фитиль, надѣла стекло, абажуръ. Розовыя краски побѣжали по ея лицу, по низкой косынкѣ и по бѣлому фартуку.

Софія Ивановна сѣла на ящикъ, положила полную мягкую руку на руку Игруньки и ласково сказала.

— Бѣдный вы, бѣдный!...

Близко отъ Игруньки было широкое, круглое лицо, загорѣлое, съ милыми ямочками на щекахъ, съ алыми губами, тонкимъ прямымъ носомъ и большими, въ длинныхъ рѣсницахъ, выпуклыми, свѣтлокарими глазами. Игрунька видѣлъ отдѣльные волоски темныхъ бровей, маленькія складочки вѣкъ подъ рѣсницами, нѣжную кожу щекъ, на скулахъ и у шеи открытую тонкимъ, едва примѣтнымъ, бѣлымъ пухомъ. Видѣлъ желтоватую ямочку подбородка и розовую мочку уха, сверху прикрытаго черной съ бѣлымъ краемъ косынкой.

Точно незримые токи излучались отъ головы Софіи Ивановны, изъ большихъ глазъ, гдѣ видѣнъ былъ хитрый узоръ сѣрыхъ ниточекъ райка, проложенныхъ по желтому полю, и незамѣтно сливавшихся съ глубокою блестящею бѣлизною глаза съ едва примѣтными синими и красными жилками. Эти токи сливались съ токами, шедшими отъ горящаго лица Игруньки съ густыми, русыми, растрепанными волосами, и смущенными растерянными глазами. И не слова, что говорила Софія Ивановна, а, должно быть, эти токи, страннымъ образомъ переворачивали мысли Игруньки и открывали ему новыя возможности. Такъ бывало ночью. Послѣ долгихъ мучительныхъ думъ, засыпалъ Игрунька крѣпкимъ сномъ и, вдругъ, среди ночи просыпался. Все ясно въ головѣ.

Рѣшеніе постановлено. Задача рѣшена, въ голову пришла ясная, крѣпкая мысль. Мама говорила ему, что это Ангель-Хранитель являлся ему со своимъ духовнымъ совѣтомъ, съ помощью духа всезнающаго. Теперь Ангель вселился въ Софію Ивановну и ея устами говорилъ ему. Да и не была развѣ Софія Ивановна среди нихъ, черныхъ и кровавыхъ, свѣтлымъ ангеломъ?

Дорогія, тихія, ласковыя, милыя, мягкія, теплыя и красивые слова срывались съ полныхъ губъ.

— Бѣдный вы, Игрунька, — говорила сестра. — И всѣ мы такіе бѣдные. Убогіе, да только Богомъ оставленные. И тамъ бѣдные, гдѣ отецъ вашъ съ жестокою мукою въ сердцѣ ведетъ полки сражаться за неправо дѣло. И адѣсь — бѣдные. Господи, отпусти намъ прегрѣшенія наши... Господи научи мя оправданіямъ Твоимъ. Потому, Игрунька, что наши-то земныя, человѣческія оправданія не оправдываютъ насъ... Да, ни отцу вашему, ни вамъ не будетъ оправданія, когда столкнетесь въ бою...

— Что же мнѣ дѣлать, — прошепталъ Игрунька.

Онъ чувствовалъ, что яснѣло въ головѣ, какъ яснѣютъ пустынные дали погожимъ утромъ, послѣ ночной грозы. Открываются далекія горы, дрожитъ надъ ними маленькая, свѣтлая звѣздочка, разстилаются пески, и чисто въ трепещущемъ небѣ. Четки далекіе камни, скалы и утесы предгорій, Была его голова, какъ распаханная и взбороненная нива, готовая принять зерно и вытолкнуть изъ него живыя силы роста.

— Милый, Игрунька, весь вы родной для меня. Героемъ должны вы быть, да гдѣ геройство, кто намъ укажетъ? Геройство въ исполненіи долга, а гдѣ нашъ долгъ? Великія были слова: — за Вѣру, Царя и Отечество, какъ треугольникъ были они, — а вынули одно слово и развалились линіи и спуталось все и не знаешь что присовѣтывать? За отечество... — и тутъ на югъ отечество и тамъ, чай, отецъ-то вашъ, за отечество, за Москву бѣлокаменную полки ведетъ... Если бы царь былъ съ вами? Благословила бы васъ, Игрунька, и противъ отца идти. Сказала-бы: простить Господь. Благословенъ грядый во имя Господне!.. А такъ, Игрунечка конечно, мы правы. Мы за Россію, за право. Мы, за Русское вѣковое имя, — такъ, думаю, и у отца вашего своя дума есть:

— побѣдить, и побѣдивъ прогнать коммунистовъ изъ Кремля, освободить Русскій народъ отъ насильниковъ и вернуть на престолъ московскій Царя православнаго, Божія помазанника... Вы вѣрите, что отецъ искренно съ ними?

— Нѣтъ, не вѣрю. И папа и мама, благословили насъ трехъ, Свѣтика, Олега и меня идти спасать Россію отъ большевиковъ.

— Такъ какъ-же противъ него идти?.. Вотъ что, Игрунька. Мнѣ моимъ женскимъ умомъ не рѣшить этого вопроса. По женскому, по слабому, могу я вамъ присовѣтовать что-нибудь совсѣмъ глупое. Попросимъ мы Константина Петровича разсудить васъ.

— Бровцына?.. Я боюсь ему это сказать. Онъ такъ ненавидитъ большевиковъ. Какъ признаюсь я, что отецъ мой съ большевиками?

— Вы, Игрунька, не знаете нашего «Фигнера». Онъ, Игрунька, — точно зубръ въ Бѣловъжской пущѣ въ Императорское время. Точно бѣлая ворона. Онъ — образчикъ той нравственной порядочности, той душевной опрятности, какую нѣкогда блистало наше офицерство. Его ничѣмъ не купишь. У него, какъ у Бога, нѣтъ «на лица зрѣнія», у него только правда.

— Я не смогу ему разсказать. Разсказать, такъ разсказать все, такъ, какъ я вамъ разсказалъ. Все... И про дѣтство и кто мой отецъ, кто была моя бабушка, его мать, кто моя мать, и какъ мы всю жизнь бились, что называется «изъ кулька въ рогожку»... Какъ я ему это расскажу? Надо и про тетю Липочку разсказать, про ея семью. Про дядю Ипполита, про тетю Азалию и про Тома... Онъ и слушать не станетъ. Какой ему интересъ!.. У меня и словъ не найдется.

— Я расскажу, — сказала Софія Ивановна, — а вы сядьте въ уголку, вонъ тамъ, на моей постели, и, гдѣ я ошибусь, поправьте меня... А уже повѣрьте, какъ Бровцынъ скажетъ, такъ тому и быть.

— Да... Такъ-тому и быть, — согласился Игрунька.

Сестра Серебренникова встала и вышла изъ комнаты. Черезъ минуту она вернулась въ сопровожденіи хмураго ротмистра Бровцына.

— Ну, что еще тамъ случилось?, — мрачно спросилъ Бровцынъ, садясь на стулъ у самовара. — Вы-бы, Софія Ивановна, разъ меня отъ сна оторвали, хоть-бы чайкомъ побаловали.

Сейчасъ, родной, вдуюмъ съ Атарщиковымъ самоваръ, я васъ еще и печеньемъ и ветчинкой угощу.

— Ну, это дѣло. Рассказывайте, святая душа, чѣмъ и кому судьба еще досадила!..

XXIV.

Ночь на исходѣ. Давно потухъ самоваръ и лампа загасла. Въ комнатѣ темнота, за окномъ чуть блѣднѣетъ сумеречный разсвѣтъ. Всю ночь говорили... То говорила сестра, то вставлялъ свои поправки, увлекаясь воспоминаніями, Игрунька. Наконецъ, кончили. Все разъяснено. Въ Овражномъ, въ двадцати верстахъ отсюда, стоитъ съ совѣтской красной дивизіей отецъ Игруньки, генераль Кусковъ. Ѳедоръ Михайловичъ Кусковъ, чья мать Варвара Сергѣевна... Чья жена Наталья Николаевна... Кто всю жизнь былъ вѣренъ Государю Императору и кто, пріавъ временное правительство, уже не могъ не принять правительства большевиковъ, потому-что одно вытекало изъ другого.

Ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не прервалъ Бровцынъ этого сбивчиваго, путаннаго и въ самой сбивчивости и путанности своей, яркаго и сильного разсказа. Ни разу не посмотрѣлъ на своего поручика. То сидѣлъ, опустивъ глаза въ пустой стаканъ, то смотрѣлъ долгими минутами въ раскраснѣвшееся, оживленное лицо сестры Серебренниковой.

— Кончено? — спросилъ онъ.

— Да... все, — сказала Софія Ивановна.

— Ну! дѣла, — вздохнулъ Бровцынъ и запустилъ темную ладонь въ гущу вьющихся, сѣдѣющихъ волосъ... Натворили православные, чтобъ имъ ни дна ни покрывки!.. А все, сукины дѣти, социалисты паршивые, вся эта недоучившаяся мразь... «Интеллигенты»! — съ отвращеніемъ говорилъ Бровцынъ. — Эва! какіе умы замутили. Да точно я Ѳедора Михайловича, твоего батьку не зналъ!? Да вѣдь это солдатъ былъ! Живи онъ при Екатеринѣ, — Суво-

ровымъ-бы-быть. Эй Богу. Храбръ, какъ левъ, послушенъ, какъ овца, силенъ, какъ волъ. Да, мнѣ понятно, почему Корниловцы, Дрозды и Самурцы должны были отойти. Этого, если впрягся служить, — будетъ служить. Онъ, что твой Кутеповъ. Сол-датъ!.. Съ нимъ нынѣшнимъ Наполеончикамъ изъ вольнопѣровъ состязаться мудрено... Да... Дѣла!.. Эхъ! Игрунька, — морщась отъ какой-то внутренней мучительной боли, воскликнулъ Бровцынъ, — жаль мнѣ, голуба, тебя, да ничего не подѣлаешь.... Противъ отца не пойдешь...

Онъ всталъ, прошелся, разминая ноги, по комнатѣ, раскрывъ дверь и зычно крикнулъ:

— Атарщиковъ! Проси сюда полкового адъютанта со всѣми его чертячьими бланками и печатями.

Повернувшись отъ дверей, онъ сказалъ.

— Что-же, голуба! Богъ далъ, Богъ и взялъ, да будетъ благословенно имя Господне!!.. Нельзя идти противъ отца. Сказано въ законѣ: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтень будеши на земли.» Такъ, Софія Ивановна?

— Такъ, — сказала Серебренникова.

Блѣдно и устало было ея лицо. Исчезли одухотворявшіе ее флюиды, точно ангелъ Господень оставилъ ее. Скрестивъ руки, стояла она въ углу и не шевелилась. Игрунька стоялъ у постели на вытяжку и не сводилъ глазъ съ Бровцына.

— Ну, долголѣтіе... Къ чортовой матери долголѣтіе при нынѣшнихъ условіяхъ. А только, — непостыдную надо кончину. А, если противъ отца... Нехорошо... Нехорошо, Игрунька... Понялъ, голуба... Я — командиръ полка теперь. Мнѣ ты подъ нашимъ святымъ штандартомъ клялся не измѣнять полку, я и сниму съ тебя твои клятвы... Вотъ, что голуба... Уйди... Понимаешь, уйди отъ зла и сотвори благо. И сегодня-же, пока не столкнулись мы съ ними... Пошлю я тебя въ Туапсе, въ нашъ конскій запасъ за лошадьми... А тамъ — видно будетъ. Чуетъ мое сердце, что тяжелыя времена настали для насъ. Съ нашимъ правительствомъ, дѣлящимъ шкуру медвѣдя, не убивъ его, то раздающимъ помѣщичьи земли мужикамъ грабителямъ, то порющимъ мужиковъ за то, что земли взяли, со всѣми этими совѣщаніями, кругами,

радами, генераль-губернаторами, представителями, миссиями, ос-вагами, ка-детами, эс-эрами, какъ-бы мы сами въ такую помойку не влетѣли, что не хуже большевицкой... Стоять лицомъ къ врагу тяжело, а повернуться спиной, куда хуже... Такъ вотъ, Игрунька, ежели что... Понимаешь: — прощаю, разрѣшаю, — и ѣзжай себѣ съ Богомъ, куда глаза глядятъ: — въ Абиссинію, Бразилію, Аргентину, Австралію, Канаду... Ты молодъ. Учись... Только учись чему нибудь полезному... Вотъ этой пошлости: международнаго права не изучай, а изучи-ка ты, какъ стать сильнымъ. Ибо право теперь: — сильного, умнаго, твердаго. Поступай, куда хочешь: — въ Политехникумъ какой-нибудь, Земледѣльческую Академію, сельско-хозяйственную школу, сапожную мастерскую, чтобы дѣлать ты умѣлъ, а не только говорить. Запоганили мы человѣческое слово... А — Слово Богъ... Когда можно — вернешься... Ну, прощай, голуба... Не могу вести тебя въ атаку противъ родного отца!..

Бровцынъ поцѣловалъ Игруньку и показалось Софіи Ивановнѣ, что по его темному со шрамомъ лицу текли слезы. Она плакала, прижимая платокъ къ глазамъ. Было ей тяжело, чѣмъ тогда, когда хоронили веселаго «Муху», когда опускали въ землю Пѣгашева, или когда въ братской могилѣ лежали изуродованные трупы гусарь 1-го эскадрона, попавшихъ въ плѣнъ къ краснымъ.

Надъ бѣлой, ровной пеленой высокаго тумана, до крышъ ватянувшего селеніе и степь, блистало блѣдное, ожидающее разсвѣта небо. Длинной линіей, въ туманѣ, сверкали огни на желѣзнодорожной станціи и красные вагоны на насыпи точно плыли по молочному морю. Игрунька въ сопровожденіи вѣстового, ѣхалъ верхомъ къ станціи, чтобы покинуть фронтъ и полкъ, и съ ними все, что было ему дорого.

Смутно было на сердцѣ. Широкія дали манили необъятнымъ просторомъ и жизнь казалась такою-же интересной, такою-же таинственно-безконечною, какъ просыпающаяся подъ солнечными лучами Русская степь.

И, когда подѣхалъ къ станціи, услышалъ знакомый стрекочущій звукъ летящаго снаряда, и бѣлый дымокъ вспыхнулъ высоко надъ колокольней съ зеленой крышей.

Большевики начали обстрѣль селенія Ворожбы.

— Вы покидаете насъ, ваше благородіе? — сказалъ вѣстовой, передавая небольшой чемоданчикъ, гдѣ было все, что имѣлъ Игрунька.

— Да... Посылаютъ меня на Кавказъ... за лошадьми, — вадыхая, сказалъ Игрунька.

— Точно, обезконѣлъ полкъ, — сказалъ молодой доброволецъ, — одна слава, что гусары, а поскакать не на чѣмъ.

— Храни васъ Богъ, — сказалъ Игрунька, обнимая и цѣлуя добровольца.

— И васъ, ваше благородіе.

Второй снарядъ разорвался надъ маленькими домиками селенія и желтымъ пламенемъ надъ туманомъ вспыхнула соломенная крыша.

«Отецъ мой... Папа обстрѣливаетъ Ворожбу. А знаетъ онъ, что тамъ его любимый Игрунька? И гдѣ-то мама?», — подумалъ Игрунька и вошелъ на станцію.

Толпа народа, толкотня, неразбериха, мѣшки, увязки, ящики, жесткія спины, еще болѣе жесткіе локти обступили его. «Отправляютъ», «не отправляютъ». «Свободенъ путь», «не свободенъ путь». «Нѣтъ паровоза», .. «есть паровозъ»... «Машинистъ отказывается» ... «Машинистъ за бутылку водки и фунтъ колбасы согласился»...

Около десяти часовъ утра, когда на горизонтѣ замаячили пѣхотныя большевицкія цѣпи, а съ Ворожбы потянулись темной колонной гусары, прикрывавшіе батарею, — поѣздъ тронулся, и кряхтя, и звеня, покатился на югъ.

И было такое чувство у Игруньки, что онъ покидаетъ не только полкъ и фронтъ, но покидаетъ и Родину, и все, что было мило и дорого на бѣломъ свѣтѣ, чего уже не будетъ и что не вернется никогда.

XXV.

Въ эти самые дни стрѣлковая красная дивизія, бывшая подъ командой товарища Кускова, внезапно получила приказъ грузиться въ вагоны и слѣдовать на сѣверъ, къ Петербургу.

Комиссаръ, жердеобразный человѣкъ изъ народныхъ учителей, убѣжденный коммунистъ, ходилъ озлобленный и

озабоченный. Атаки красныхъ войскъ на Царицынъ не имѣли успѣха, Деникинъ побѣдоносно шелъ къ Орлу. Москвѣ грозила опасность, и только подъ Ворожбою удалось сломить сопротивление добровольцевъ. Въ разгаръ этой побѣды красное командованіе снимало съ отвѣтственнаго участка лучшую дивизію товарища Кускова и отправляло ее въ Петербургъ. Правда, товарищъ Зиновьевъ еще съ лѣта слалъ паническія радіо. «Красный Питеръ въ опасности! Оплоту коммунизма, красному Питеру, угрожаютъ бѣлогвардейскія банды царскаго генерала и помѣщика Родзянко». Но комиссаръ Благовѣщенскій зналъ цѣну донесеніямъ Зиновьева.

Солдатское красноармейское стадо, толкаясь и гомоня, набивалось въ вагоны. Издали можно было принять ихъ за старыхъ солдатъ времени великой войны. Но ближе — запрокинутыя на затылокъ, смятыя, мягкія фуражки съ большою красною звѣздою, нечесанные длинные волосы, грязныя лица и уже черезчуръ скверная безпардонная ругань показывали, что въ арміи многого не хватаетъ, и воспитана она по новому.

Федоръ Михайловичъ внѣшне привелъ-бы ее въ порядокъ, но не было никакихъ отпусковъ отъ казны. Не было машинокъ для стрижки волосъ, давно нельзя было достать мыла. Довольствовались тѣмъ, что удавалось нагнать, реквизировать, — словомъ, такъ или иначе отнять у населенія. Съ лѣта маневрировали по такимъ мѣстамъ, гдѣ второй годъ взадъ и впередъ шатались отряды Мамонтова и Миронова, Улагая и Думенко, Врангеля и Жлобы и гдѣ ничего нельзя было отыскать. Деревни и села стояли съ раскрытыми избами, безъ крышъ, съ разбитыми окнами и снятыми дверьми. Жители были запуганы и одичали. Война носилась здѣсь бѣшеннымъ ураганомъ, а во всѣхъ неудачахъ красныхъ и бѣлыхъ виновнымъ оказывалось мирное населеніе городовъ и селъ. Красные налегали на города, травя, разстрѣливая и обирая остатки уцѣлѣвшихъ «буржуевъ», бѣлые налегали на крестьянство, требуя помощи освободительному движенію.

Для Федора Михайловича, его штаба и комиссара, къ эшелону прицепили два классныхъ вагона. Старый вагонъ 2-го класса съ ободранными диванами и четко выведенными на царужной желтой стѣнѣ серебряными двуглавыми орлами

и вензелемъ Николая I, — вагонъ былъ съ Николаевской дороги, — и новенькій зеленый вагонъ III класса съ бѣлыми кричащими буквами «Р. С. Ф. С. Р.» съ молотомъ и серпомъ подъ ними.

— Я засматривалъ, товарищъ, въ вагонъ 2-го класса, — говорилъ комиссаръ. — Оно, хотя и мягко, вальяжно, да такъ запакощено, что войти невозможно. Диваны кишать клопами и вшами. Я думаю, давайте устроимтесь въ третьемъ, тамъ мнѣ показалось очень чисто.

— Устраивайтесь, гдѣ хотите, — устало сказалъ Оедоръ Михайловичъ.

За тѣ полтора года, что онъ служилъ въ красной арміи наружно онъ мало перемѣнился. Несмотря на хорошую пищу, — Благовѣщенскій былъ любитель поѣсть и выпить, — онъ не поправился. Кусокъ становился поперекъ горла. Онъ зналъ, какъ и отъ кого добывали гусей, утокъ, телятъ и поросятъ для его и комиссарскаго стола. Противиться этому не могъ. Въ немъ уже около года шла глухая, внутренняя работа. Въ тихой лабораторіи сердца медленно вынашивалось рѣшеніе и онъ давно бы привелъ его въ исполненіе, если-бы не думы о судьбѣ Наташи.

Наташа жила въ Петербургѣ. Оедоръ Михайловичъ имѣлъ возможность посылать ей продовольствіе и деньги, и онъ зналъ, что Наташа многимъ тайно помогала. Наташа имѣла двѣ комнаты въ реквизированной на Звенигородской улицѣ квартирѣ, но въ той же квартирѣ было поселено пять молодыхъ коммунистовъ, имѣвшихъ приказаніе непрерывно слѣдить за Наташей, и вѣжливыхъ съ нею «постолько, поскольку» онъ, Оедоръ Михайловичъ, былъ хорошо аттестованъ комиссаромъ Благовѣщенскимъ.

Если-бы Оедоръ Михайловичъ видѣлъ исходъ, онъ пожертвовалъ-бы и Наташей. Но исхода не видѣлъ. Кругомъ были туманъ и неясности. И сколько доходили до него слухи, «Особое совѣщаніе при Главкомѣ Доброарміи» — было ему непонятно. Тѣ-же сокращенія именъ, что у большевиковъ, рѣзали ему ухо, а попадавшіеся плѣнные ничего не могли толкомъ сказать. Оедоръ Михайловичъ ждалъ Государя Императора. Для него онъ пожертвовалъ бы и Наташей...

Онъ часто вспоминалъ слова покойнаго Тома — «и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объять».

Или онъ былъ плохимъ свѣточемъ, или слишкомъ сильна была тьма кругомъ, но не могъ онъ разсѣять мрака красноармейской толпы. Что были его тихія, разумныя слова, передъ кричащими, полными дерзкихъ призывовъ рекламами «агит-поѣздовъ», съ ихъ лекторами, балаганами и непрерывной, богохульственной похабщиной.

Но онъ зналъ, что съ поѣздомъ Донского «главкома» Сидорина ѣздила оперетка съ полуголыми Ростовскими дѣвицами, — и потому боялся промѣнять кукушку на ястреба.

Теперь его посылали на Петербургскій фронтъ. Тамъ появился какой-то Родзянко. Кто онъ? Что несетъ? Что написано на его знаменахъ?

Федоръ Михайловичъ ходилъ взадъ и впередъ по станціонной платформѣ. Теплый вѣтеръ тянулъ съ выжженной степи и доносилъ терпкій запахъ гниющихъ конскихъ труповъ. Ими засыпана была тогда вся степь отъ Тамбова до Чернаго и Каспійскаго морей. Выбита и уничтожена была гражданской войной — гордость Россіи — задонская лошадь.

Комиссаръ Благовѣщенскій, какъ тѣнь, слѣдовалъ за нимъ и Федору Михайловичу казалось, что комиссаръ старается въ затылкѣ его прочитать его думы, чтобы донести «по начальству»: комитету «ком-партіи».

— Ай-я-й, товарищъ, какъ шибко вы сѣдѣте, — говорилъ Благовѣщенскій. — Вамъ и пятидесяти нѣтъ, вы немного старше меня, а затылокъ совсѣмъ бѣлый. Думаете много... И о чемъ думаете?

— Да вотъ, мыла, товарищъ, нѣтъ, — а смотрите, какъ безъ мыла завшивѣли мои стрѣлки, — вотъ и забота.

— Это, конечно, хорошо, товарищъ... Что вы такъ думаете о меньшомъ братѣ... А только... Да вотъ и у меня забота. Все я думаю о своей фамиліи.

— Ну, что-же, ваша фамилія прекрасная. Благая вѣсть... А?.. А вдругъ извѣстіе, что товарищъ Сытинъ вялъ Царинь. Чѣмъ худо?

— Вотъ вы шутите. А вамъ не вдомекъ, что фамилія моя поповская и очень уже контръ-революціонная.

— Ну, кто объ этомъ станетъ думать?

— А, вы думаете, товарищъ Троцкій не догадается? Они и то прошлый разъ, какъ я имѣлъ честь являться господину предсѣдателю Рев-воен-совѣта, изволили сказать: — «Благо-

вѣщенскій... Елаговѣщенскій... А почему Благовѣщенскій?» ..

— Переименуйте въ «Гутенахрихтенъ», — славно звучитъ и тоже самое означаетъ. Они себѣ Русскія личины понадѣвали, ну а вы жиловскую надѣньте.

— Охъ, товарищъ, — что вы говорите. Я даже и понимать васъ не хочу, — боязливо оглядываясь, сказалъ Благовѣщенскій. — И всегда вы такъ. И не поймешь васъ никакъ. Что вы за человѣкъ за такой. Служите исправно. О солдатахъ заботливы... А на душѣ?... Что у васъ тамъ?..

Гадливо пожимаясь, шелъ отъ комиссара Ѳедоръ Михайловичъ...

«И цѣлый день на глазахъ у этой пакостной, подхалимской слизи, у этого гнуснаго нароста на Русской жизни, — этого лакея при хамѣ», думалъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Онъ ждалъ ночи. Когда уснетъ весь вагонъ, — тогда въ темнотѣ, подъ мѣрный говоръ колесъ, — думать, думать и думать.

Надо-же что-нибудь дѣлать.

Что-нибудь?

Вотъ именно «что-нибудь». — Что-нибудь и какъ-нибудь онъ не умѣлъ дѣлать.

Былъ прямъ, какъ натянутая струна, былъ могучъ, какъ дубъ и твердъ, какъ сталь.

И тля ѣла дубъ и ржа съѣдала сталь. Слабѣли колки, натягивавшіе струну.

XXVI.

Петербургъ жилъ тревожною, безпокойною жизнью. Но Ѳедоръ Михайловичъ замѣтилъ, что онъ уже не тотъ, что былъ при временномъ правительствѣ. Люди обносились и выцвѣли. На Невскомъ, Морской и на набережной Невы еще попадались въ теплые солнечные дни нарядные матросы-клѣшники, въ штанахъ съ раструбомъ, точно юбка, въ большомъ набѣленномъ декольте съ драгоценными кулонами на шеѣ. Шатались курсанты имени Троицкаго въ красныхъ рогатыхъ каскахъ и красныхъ казакинахъ. Но не удалое нахальство было на ихъ сытыхъ лицахъ, а растерянность и влоба. Чѣмъ глубже уходилъ Ѳедоръ Михайловичъ въ улицы Петербурга, тѣмъ больше видѣлъ разрушеній. На Невскомъ

торцовая мостовая была вывернута, какъ бы для ремонта, но никто ея не ремонтировалъ, а раскрадывали на топливо шашки. Тамъ не хватало забора, тамъ стоялъ разгромленный, обгорѣлый домъ, чернѣя рядами пустыхъ оконъ. На углу Литейной, Ѳеодоръ Михайловичъ увидалъ сѣдого, длиноволосаго священника въ рясѣ, просившаго милостыню, тамъ же стояла какая-то барыня и продавала пирожки. Поражало отсутствіе людей средняго возраста. Были молодежь и старики. Молодежь ходила пестрыми толпами, шумливо пересмѣивалась, и была весела. Старики обгорваны, худы и унылы. Но и молодежь была настроена странно. Пѣли шуточные частушки и частушки эти были не во славу, а въ насмѣшку коммунистамъ.

У Николаевского вокзала, гдѣ по прежнему стоялъ, сдерживая могучаго коня, чугунный Александръ III, въ толчѣ мѣсячниковъ старуха обругала Ѳеодора Михайловича:

— Ишь, толстомясый, морду наѣлъ и претъ, горя ему мало, — сказала она.

— Прикажете арестовать, товарищъ? — васуетился Благовѣщенскій.

— Оставьте. Ну какой-же я толстомясый?, сказалъ Ѳеодоръ Михайловичъ.

Благовѣщенскій улынулся. Худое лицо монаха-подчижника глядѣло изъ подъ смятой фуражки съ алой авѣздой.

Въ осенней прелести стоялъ Таврической садъ. Зелено-красныя деревья глубокими мазками уходили въ мутные туманы далей. Оттуда тянуло сыростью и нечистотами. На Таврической и Потемкинской, на мостовой поросла трава и желтѣли осенніе цвѣты одуванчика. Меланхолическая грусть была въ этой запущенности разрушенія. Ѳеодоръ Михайловичъ, болѣзненно любившій Петербургъ, ее тотчасъ-же почуялъ. Было на душѣ тихо и безнадежно печально, какъ у постели тяжело больного, милаго сердцу и стараго друга. Осенній день стоялъ на сердцѣ — печальный и звонкій.

Разѣздовъ по городу у Ѳеодора Михайловича было много. Дивизию распахали по частнымъ домамъ по всему городу. Было неуютно и неудобно. Но казармы стояли съ разбитыми окнами и испорченными приспособленіями, и жить въ нихъ было нельзя.

На Забалканскомъ проспектѣ жеящины и приличнаго вида оборванные люди рыли окопы. Молодой саперный офицеръ и два унтеръ-офицера руководили работами. Ломы звенѣли, выворачивая камни мостовой, и красный песокъ, смѣшиваясь съ черной землей, ложился пушистыми грудами. Проступала вода. Вбивали колья, неумѣло, голыми руками путали колючую проволоку.

У начальника обороны Петербурга, стараго офицера генеральнаго штаба, Ѳедоръ Михайловичъ высказалъ свои мысли по поводу укрѣпленія баррикадами улицъ.

— Это годилось въ 1798, 1848 и 1871 годахъ, — говорилъ онъ, — но, простите, товарищъ, это напрасная работа, стѣсняющая маневрированіе и въ случаѣ безпорядковъ въ тылу, могущая сослужить намъ плохую службу. Въ арміи Юденича имѣются танки, а что для танка — эта пародія окопа!?

— Все знаю, все знаю, — шепталъ почтенный старикъ. — Всѣ съ ума-съ посходили. Паника-съ. Окопы роятся не для непріятеля, а для успокоенія Петрокоммуны. Зиновьевъ едва не удралъ. Приказано собрать рабочихъ и составить изъ нихъ двѣ дивизіи, на спѣхъ вооруживъ ихъ... Жду Троцкаго. Можетъ быть, онъ что-нибудь предприметъ, чтобы успокоить ихъ.

— Что-же такъ напугало васъ?

— Вчера Ямбургъ съ налета взяли. Товарищи такъ драпнули, что къ ночи въ Гатчинѣ оказались. Тутъ всѣ подняли головы. Никуда не показись. Всѣ рады-съ.

— А вы?, — быстро спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ. Старикъ вздохнулъ.

— Повѣсятъ, Ѳедоръ Михайловичъ!.. Въ два счета повѣсятъ. Развѣ простятъ нашу службу имъ?..

— Должны же они понять...

— Насъ понять-то нельзя-съ. Почему мы имъ служимъ?

Такое настроеніе страха отвѣтственности Ѳедоръ Михайловичъ замѣчалъ повсюду. Точно при приближеніи бѣлыхъ начали очухиваться очумѣлые и задавать себѣ вопросъ: кому и для чего они служатъ.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ у вдовы Ипполита, Аглаи, на Сергіевской.

Аглая, благодаря связямъ съ Горькимъ, Лилиной и Луначарскимъ, сохранила за собою квартиру и пользовалась особымъ покровительствомъ комиссара народнаго просвѣщенія. Ѳедоръ Михайловичъ засталъ у нея блѣднаго нервнаго Свенторжецкаго и поэта Круга. Приходъ красноармейскаго командира ихъ смутилъ.

— Не бойтесь, господа, — сказала Аглая. — Это родной братъ моего Поленьки. Онъ, правда, черносотенецъ, но человекъ честный. Хотите, Ѳедя, чаю?

Потухшая бульотка стояла у кушетки. Аглая, въ фантастическомъ пунцовомъ капотѣ, распустивъ волосы цвѣта красной мѣди, лежала блѣдная, худая и сіяла лучистыми вelenными глазами.

Свенторжецкій началъ опять ходить по комнатѣ, пощелкивая туфлями съ черными помпонами. Поэтъ Кругъ въ какомъ-то просторномъ вестонѣ изъ мохнатой матеріи съ открытою грудью и шею, заgrimированный подѣ Блока, или Байрона и, какъ показалось Ѳедору Михайловичу, набѣленный, уютно усѣлся у ногъ Аглаи.

— Кругъ написалъ новую поэзу, — сказала Аглая. Называется: «Гуны». Замѣчательно передаетъ настроеніе эпохи. Начните, Дима.

Кругъ устремилъ въ пространство безцвѣтные, линючіе глаза и, раскачиваясь, сталъ читать пѣвучимъ голосомъ, нараспѣвъ и сильно картавя: —

Мы — гуны . . . Мы гуны —
Мы звонны, мы струнны,
Вязливы, басисты,
Въ тѣлахъ волосисты . . .

«Все тоже», — думалъ Ѳедоръ Михайловичъ, — «все тоже, какъ и тогда, когда это все еще начиналось, бушевали по улицѣ солдатскія толпы и бунтовала Государственная Дума — они думали только о себѣ. И теперь, когда, можетъ-быть, наступаетъ радостный часъ освобожденія отъ власти дьявола, — они думаютъ о новыхъ словахъ и воспѣваютъ насиліе и кровь. Они дѣлаютъ это, чтобы никого не задѣть. Аглая не вспомнила ни про Ипполита, ни про Тома. Она ихъ забыла. Ей дорого, что она можетъ цѣлыми днями лежать на кушеткѣ, распускать свои необыкновенные воло-

сы, курить надушенные папирсы и играть роль друга и вдохновителя поэтовъ и писателей... При такихъ условіяхъ бесполезна борьба съ дьяволомъ. Развы мы не гниль? Ну и пусть очищаютъ эту гниль бѣлые, красные, чрезвычайки, контръ-развѣдки, — все равно кто!» —

— Чудно!, — сказала Аглая и закурила тонкую папирску. — Это великое достиженіе. Это — гениально... Вы, Дима, тутъ превзошли Блока. Какая глубина мысли! Все должно покориться грубой силѣ, пришедшей все разрушить, чтобы новыя поколѣнія могли строить... Гениально!..

— А скажите, Ѳедоръ Михайловичъ, — скавалъ, оставаясь у окна и то приподнимаясь на каблучкахъ, то опускаясь, Свенторжецкій — возможно, что бѣлогвардейцы возьмутъ Петроградъ?

Ѳедоръ Михайловичъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ Аглая закричала, махая дымящейся папирсой.

— Что они только дѣлаютъ!.. Эти самовлюбленные генералы! Они опять куда-то исчезнуть, а насъ станутъ хватать и разстрѣливать.

— Что-же дѣлать?, — тихо спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Покориться надо... Надо покориться... Имъ, сильнымъ, имъ новымъ, имъ деракимъ, имъ все поправшимъ!

— Они отъ дьявола.

— И прекрасно... Прекрасно! чѣмъ дьяволъ хуже Бога? Служили Богу, будемъ служить дьяволу, — говорила Аглая, пыхая папирсой. — Все одно! Была-бы красота стиховъ, красота мысли, красота формы и звучность ритма.

Мы гунны... Мы гунны...

Мы звонны... Мы струнны...

Звенить, Дима! Звенить!.. А?!

Когда уходилъ отъ Аглаи Ѳедоръ Михайловичъ, было у него такое чувство, что все ни къ чему. Не надо ни наступленія Юденича, ни обороны Петербурга, и ничего не выйдетъ у Юденича, потому что и тамъ, вѣроятно, сидятъ Свенторжецкіе, Круги, Аглаи и идутъ сумбурно нелѣпо, безъ Царя въ головѣ, безъ Царя въ сердцѣ и безъ Царя на знаменахъ!..

Только объѣхавъ всѣ свои части, и повидавъ кое-кого изъ знакомыхъ, Оедоръ Михайловичъ поѣхалъ на квартиру Наташи. Онъ нарочно оттягивалъ это свиданіе. Такъ въ дѣтствѣ, бывало, онъ оставлялъ самую вкусную конфету на послѣдокъ. Онъ жаждалъ увидать Наташу и боялся встрѣчи съ ней, боялся ея молчанія.

Квартира, отведенная Наташѣ, состояла изъ пяти комнатъ и кухни. Три комнаты, на улицу, занимали коммунисты, двѣ, во дворъ, были отданы «женѣ нач-дива». Кухня была общей. Теперь въ одну изъ комнатъ Наташи вселялся Оедоръ Михайловичъ съ Благовѣщенскимъ.

Наташа не вышла къ Оедору Михайловичу, но онъ видѣлъ ее, когда открыла она на минуту дверь. Она показала ему выше ростомъ, худѣе, чѣмъ была, и красивѣе.

Оедоръ Михайловичъ хотѣлъ окликнуть ее, но не посмѣлъ. Одно успѣлъ подмѣтить, когда она закрывала дверь. Долгій взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ и въ немъ — любовь.

Этотъ взглядъ все рѣшилъ. Все, что надумывалъ, что такъ и этакъ прилаживалъ въ своихъ мысляхъ Оедоръ Михайловичъ, — все стало ясно, точно, кто разложилъ по отдѣламъ его мысли, разставилъ по шкапамъ, какъ книги, и ярлыки наклеилъ.

«Все сказать. Ничего не должно быть неяснаго, недоговореннаго. Теперь, Богъ дастъ, и ей удастся спастись. Объяснить ей, почему онъ пошелъ къ красную армію и сказать все, что тамъ дѣлалъ и что думалъ. Все... все... Подойти и сказать: — во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь...» и начать.»

И спросилъ самъ себя: — «а сзумѣешь, съ вѣрою это сказать?» — Отвѣтилъ твердо: — «да, сумѣю».

Почувствовалъ: — натянулась струна, какъ дубъ стало твердо рѣшеніе и какъ сталь крѣпка воля.

Ждалъ ночи. Пилъ вдвоемъ съ комиссаромъ чай. Ему и Благовѣщенскому принесъ его изъ кухни коммунистъ и почтительно сказалъ: —

— А супруга ваша, товарищъ, у себя пьютъ. Нездоровы, должно-быть.

Когда всё легли спать, Оедоръ Михайловичъ притаился и слѣдилъ. Трое коммунистовъ ушли. Двое спали въ дальней комнатѣ. Тамъ все стихло. Усталый за день мотанія по городу, Благовѣщенскій заснулъ на мягкой постели.

Оедоръ Михайловичъ всталъ и, какъ дѣлали въ корпусѣ, когда хотѣли обмануть начальство, устроилъ изъ шинели и мундира на постели чучело и укуталъ одѣяломъ. Будто это онъ самъ тамъ лежитъ: спитъ крѣпко. Потомъ надѣлъ шаравары и чулки и тихо прокрался къ комнатѣ Наташи. Попробовалъ открыть дверь. Заперта на ключъ. Наташа не спала. Сейчасъ-же услышалъ мягкій стукъ маленькихъ босыхъ ногъ и въ мысляхъ увидалъ ихъ. Вотъ такъ въ Джаркентѣ, когда познакомились, она, босая, мыла полы. Помнилъ розовыя ноги съ крутымъ подъемомъ и стройныя бѣлыя икры.

— Кто тамъ? — послышался голосъ Наташи. Чужимъ, строгимъ и недовольнымъ показался ему ея голосъ.

И когда отвѣчалъ шепотомъ, его голосъ дрожалъ.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, —пусти меня, Наташа.

Какъ только Наташа услышала святые слова, она тихо повернула ключомъ и открыла дверь.

Полумракъ былъ въ комнатѣ. У нетронутой узкой дѣвичьей постели, бѣлой и чистой, на столикѣ горѣла свѣча. Она освѣщала большой ликъ иконы Божіей Матери. У столика на стулѣ лежали раскрытыя книги. Узналъ ихъ Оедоръ Михайловичъ: — молитвенникъ и евангеліе его матери. Ихъ отдала Наташѣ Липочка. Еще сказала тогда:

— Возьми, Наташа, ты вѣрующая, ты будешь читать, а мнѣ ужъ, гдѣ ужъ, что ужъ...

Въ ночной рубашкѣ до пятъ, какъ въ бѣломъ хитонѣ, была Наташа. Густые волосы распущены. Они падали ниже спины серебристой волной. Лицо было свѣтлое. Большіе горѣли глаза, отражая огонь свѣчи. Такими видѣлъ Оедоръ Михайловичъ мученицъ на картинахъ. Помнилъ: — каменные стѣны цирка, арена, львы, тигры, желѣзныя рѣшетки клѣтокъ, и такія свѣтлыя женщины въ бѣлыхъ одеждахъ, съ большими лучистыми глазами.

Крестикъ на золотой цѣпочкѣ лежалъ поверхъ рубашки. Должно-быть, цѣловала его, молясь. Крестикъ былъ Оедора

Михайловича. Обмѣнялись они крестами, когда послѣ вѣнчанія пріѣхали домой.

Все это увидалъ Ѳедоръ Михайловичъ и понялъ, что все можно сказать и все должно сказать. Хотѣлъ стать на колѣни передъ нею, но она подала ему стулъ, а сама сѣла на постель.

— Пойми меня, Наташа, и прости — сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Наташа опустила глава и послѣ долгаго молчанія прошептала: —

— Ни понять не могу... ни простить.

Тогда сталъ рассказывать ей про свои мученія, про все, что пережилъ въ красной арміи, про бесплодность работы и стараній. И она слушала. Иногда вставляла: — «все знаю... Знаю»...

Когда онъ кончилъ, она сказала тихо:

— Почему-же ты пошелъ?

— Наташа, если-бы я не пошелъ, ты была-бы взята въ чрезвычайную комиссію... Тебя замучили-бы.

И все рассказаль. И сказалъ, какъ, когда услышалъ ея слова на лѣстницѣ: — «мы проживемъ еще, Ѳедя», все перевернулось въ его душѣ и рѣшилъ во имя спасенія ея пойти на службу.

Широко раскрылись глава Наташи и стали ясные. Точно душа выглянула оттуда. — Безсмертная.

— Чудной — сказала она — Тѣло мсе хотѣлъ спасти, а душу свою загубилъ.

И засмѣялась. Обняла его по старому рукою такъ, что локоть пришелся у подбородка.

Сказала:

— Не думай обо мнѣ. Уходи отъ нихъ! Искупи свою вину. Покайся.

И было рѣшено, что, когда поѣдетъ на фронтъ Ѳедоръ Михайловичъ, — перейдетъ къ бѣлымъ. Не будетъ дольше служить дьяволу.

— А ты, Наташа? —

— Я молилась за тебя и вотъ домолилась. Спасла... И ты молись... Господь милосердъ, — сказала она.

Прижала къ себѣ и поцѣловала, по старому, въ губы. Нѣжность была въ ея поцѣлуѣ. Нѣжность и любовь. Два цвѣтка чистыхъ — лилія и роза.

Долго лежали потомъ на постели рядомъ. Смѣялись ихъ души. Матерь Божія смотрѣла на нихъ. Радовалась счастьемъ людскому.

Понялъ въ тотъ часъ Ѳеодоръ Михайловичъ, что значили слова Евангельскія, сказанныя Томомъ: — «и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ».

Свѣтъ — любовь жертвенная, что душу свою отдастъ за други своя. Такою любовью любила его Наташа. Тьма не загасила вѣчнаго свѣта женской любви.

Уходилъ въ семь часовъ утра. Цѣловала у двери, провожая его, Наташа. Оба смѣялись. . .

И, когда разбиралъ устроенное на постели чучело, Ѳеодоръ Михайловичъ тоже смѣялся. Чувствовалъ себя такимъ молодымъ, какъ тогда, когда былъ кадетомъ и такъ же мастерилъ чучело.

Первый разъ молитвенныя слова шли на умъ. Тихонько легъ въ постель. Притворился спящимъ. Про себя шепталъ старыя слова. Молился. . . Вдругъ вспомнилъ: — «трубочистъ, трубочистъ, милый добрый трубочистъ». . . И засмѣялся. . . и уснулъ съ улыбкой на лицѣ. Уснулъ крѣпко.

XXVIII.

Знакомыя мѣста. . . . Сколько разъ юнкеромъ на маневрахъ, а потомъ офицеромъ въ Академіи, на съемкахъ— Ѳеодоръ Михайловичъ ходилъ и ѣздилъ по этимъ прямымъ, убѣгающимъ вдаль, среди полей, шоссе! Направо, Волхонское — на Лигово, прямо, чуть изгибаясь, наверхъ, на Пулковскую гору и на Гатчино, налево въ Царское Село. Большой, широкій, двухъ-этажный съ мезониномъ трактиръ съ красной вывѣской съ золотыми съ зеленою буквами. Дворъ за открытыми воротами, мощеный крупнымъ булыжникомъ. Ясли и коновязи съ натрушеннымъ сѣномъ и запахомъ лошадей и навоза. Надъ ними, въ золотѣ осени, старая бѣлая береза и стройная раскидистая рябина въ алыхъ пучкахъ ягодъ, — пальма сѣвера. Крестьянскіе, богатые дома, заборы, то старые сѣрые, то новые, желтой охрой крашенные, подъ ними кусты акацій, калины и бѣлаго боярышника. Раскидистыя березы аллеей уходили въ даль. Тусклая, родная, милая петербургская перспектива раскинулась передъ

Федоромъ Михайловичемъ. Мосты надъ канавами, досчатый настилъ къ крылечку на столбахъ, грязное, въ колеяхъ, шоссе. На горѣ, на большой одинокой дачѣ, въ гостинной висѣла мраморная доска. Здѣсь смотрѣли на маневры въ такомъ-то году Императоръ Николай II и Императрица Александра Федоровна и «изволили чай принимать». — Купцова дача. Противъ дачи тѣнистая аллея густыхъ липъ уходила къ зданіямъ Императорской Пулковской обсерваторіи. Бѣлыми, каменными стѣнами чуть виднѣлись они сквозь зелень парка. У южнаго пристѣна, гдѣ шоссе врѣвалось въ гору, былъ каменный водоемъ, и изъ лъвиной замшѣлой пасти тихо струилась вода. Александра I и маневры Николаевскихъ полковъ помнилъ водоемъ.

Федоръ Михайловичъ зашелъ погрѣться въ избу. Хозяинъ, рослый мужикъ, недружелюбно смотрѣлъ на его звѣздами расшитую шинель. Въ просторной, низкой комнатѣ пахло лампаднымъ масломъ. Въ углу, въ широкомъ золотомъ окладѣ, подъ стекломъ, былъ темный Спасовъ Ликъ. Двѣ бумажныя розы прижались къ стеклу. Зеленая лампадка теплилась передъ иконой. По сторонамъ, по стѣнѣ, оклеенной голубоватыми, въ щеляхъ, обоями, висѣли выцвѣлыя фотографии — Императора Александра II и какихъ то бравыхъ преображенцевъ съ красными грудями. Надъ окнами портреты Императора и Императрицы. Два года слонялись здѣсь большевики, а не могли со стѣнъ снять портреты и, конечно, не вытравили изъ сердца образы тѣхъ, кто яснымъ солнышкомъ являлся, то на маневрахъ, то на прогулкахъ, и кого знали и любили.

— Служили?, — спросилъ Федоръ Михайловичъ.

— Служилъ, — хмуро сказалъ крестьянинъ.

— Лейбъ гвардіи въ Преображенскомъ полку, при Его Императорскомъ Величествѣ Государѣ Императорѣ Александрѣ II?

Старый крестьянинъ подтянулся, мелкія морщинки разгладились на его лицѣ и онъ, весело и значительно посматривая на Федора Михайловича, бодро сказалъ:

— Сподобился, ваше превосходительство, въ Санъ-Стефано быть. У ставки главнокомандующаго на часахъ стоялъ. Шинельки рваныя, а души бравыя, Ваше Превосходительство... Старая служба — хорошая служба была!

Гдѣ-то, за Царскимъ Селомъ, ударила пушка. Звякнули стекла оконнаго переплета.

Хозяинъ перекрестился и сказалъ: —

— Эхъ! Благословиль-бы Господь!..

И понялъ Ѳедоръ Михайловичъ, что желалъ онъ побѣды «бѣлымъ».

Вышелъ. Не могъ сдерживать больше радости, что веселыми смѣшками ходила въ самой глубинѣ его сердца, гдѣ, казалось, серебрянымъ смѣхомъ заливалась Наташа.

Посмотрѣлъ на синее небо въ розовыхъ барашкахъ, на свѣжую пригожесть октябрьскаго дня, на сердолики зрѣлой рябины съ тающими брилліантами утренняго инея, на мокрыя крыши, на просторъ темныхъ, бухлыхъ отъ воды луговъ, на блески Исаакія и Новодѣвичьей колокольни и стало еще радостнѣе. И повторилъ слова мужика: —

— Эхъ! благословиль-бы Господь!..

Подъ крыльцомъ, все шоссе до Пулковскаго трактира было черно отъ людей.

Это были поднятые Троцкимъ на защиту «краснаго Питера» заводскіе рабочіе. Блѣдные, хмурые, съ худыми темными лицами, узкоплечіе, неуклюжіе, въ темныхъ пальто, пиджакахъ, въ длинныхъ брюкахъ и ботинкахъ на шнуркахъ, съ неумѣло накрученными патронташами и мѣшками, съ австрійскими винтовками за плечомъ на веревкахъ, у кого дуломъ кверху, у кого дуломъ книзу, они толпились у домовъ Подгорнаго Пулкова. Вспыхивали папироски. Сѣрый дымокъ тянулъ надъ сѣрыми картузами и мягкими шляпами. Люди были не похожи на солдатъ. И пахло отъ нихъ не тѣмъ здоровымъ запахомъ Русской пѣхоты — смѣсью запаха сапожной смазки, кожи, махорки и пота, — такъ привычнымъ Ѳедору Михайловичу запахомъ, что онъ его любилъ, а пахло чѣмъ-то кислымъ, какою-то гнилою прѣлью.

Рабочими распоряжались нѣсколько курсантовъ. Комиссаръ, въ зеленомъ англійскомъ френчѣ, слишкомъ широко для него и висящемъ, какъ на огородномъ чучелѣ, съ красной повязкой на рукавѣ, топорща локти, ѣхалъ верхомъ на сѣрой, пузатой крестьянской лошаdkѣ и дергалъ поводьями.

— Товарищи, — кричалъ онъ, — поддержи революціонную честь рабочаго пролетаріата. Красный Питеръ не можетъ быть сданъ бѣло-гвардейской сволочи. Долой капиталистовъ, угнетающихъ трудовой народъ.

— Сукинаго сына! — сказалъ кто-то подлѣ Оедора Михайловича, — вотъ гадкая канитель!

Впереди раздавались неувѣренныя команды: — «въ ружье»... «въ ружье»... «товарищи, станьте по отдѣленіямъ»...

Головная часть нестройной толпою пошла къ Царскому.

Между домовъ было видно поле и насыпь желѣзной дороги. По ней медленно двигался сѣрый поѣздъ. Онъ остановился. Изъ головного вагона метнулось яркое пламя, гулко прокатился, отдаваясь эхомъ въ гору, выстрѣлъ, и долго гудѣлъ, что-то пришепѣтывая, снарядъ. И снова ударила пушка...

«Война», думалъ Оедоръ Михайловичъ. — «Какъ не похоже это на войну». Онъ вспомнилъ сѣрые, землистыя лица туркестанскихъ стрѣлковъ, какъ лежали они на вѣсныхъ поляхъ Польши, осенью 1914 года. Словно опять увидалъ линію волнистаго, наскоро выкопаннаго окопа. Уходила эта линія за горизонтъ. По нему залегла одинаковая сѣрая пѣхота. Вездѣ были туго подтянутыя, скатанныя шинели, мѣшки, черныя патронташи. Въ безпорядкѣ и хаосѣ войны былъ какой-то строгій линейный порядокъ. На равныхъ промежуткахъ сзади, все на одномъ разстояніи, за холмиками земли, точно въ могилкахъ, лежали офицеры. Блестѣлъ на солнцѣ золотой рожокъ горниста. За ними длинные окопы поддержекъ, дальше батальонныхъ резервовъ, еще дальше полкового резерва. Въ горизонтъ уходили цѣпи и было что-то неумолимо грозное въ этихъ страшныхъ Русскихъ стрѣлковыхъ цѣпяхъ. Пули свистали. Пули рыли землю. Пули щелкали въ окопы, или вдругъ мягко скрывались гдѣ-то и тогда вытягивалось рослое тѣло и безпомощно, какъ лапка наѣкомаго, дергалась чья-нибудь нога въ высокому сапогѣ. — Впереди, — совсѣмъ недалеко, были такія-же линіи свѣжей земли и за ними густою сѣрою полоскою легли каски въ чехлахъ. Съ обѣихъ сторонъ часто трещали ружья и не было слышно отдѣльныхъ выстрѣловъ, но точно бурлило и клокотало поле, какъ громадный, ме-

талломъ кипящій котелъ. Строчили въ этомъ кипѣніи четкую строчку Русскіе пулеметы и имъ отвѣчали германскіе.

Вспомнилъ: — свистки. По всему полю. И въ наставшей минутной тишинѣ вдругъ стали слышны сдавленные стоны раненныхъ, и крики офицеровъ: «въ атаку! въ атаку!».

Вспомнилъ: никто не всталъ. Всѣ лежали, уткнувъ голову въ землю и прикрывъ ее ладонями. Помнилъ: бѣлые лица офицеровъ и большіе безумные глаза.

— Въ атаку!.. Въ атаку!..

Еще ощутилъ тогда: — холодомъ надвигающееся чувство страха позора, — болѣе страшное, чѣмъ чувство страха смерти. Тотчасъ увидалъ согнутую фигуру «дѣдушки» Селядцева, командира полка. Сѣдая борода по грудь, китель на старческомъ обвисломъ животѣ. Онъ всталъ, снялъ фуражку, перекрестился, взялъ у знаменщика серебряное, старое, въ лохмотьяхъ, знамя, и пошелъ. Когда проходилъ мимо Ѳедора Михайловича, крикнулъ.

— Идемъ, что ль, Ѳедра Михалычъ!

Да, ясно вспомнилъ: — всѣ тогда встали. Грянуло ура! Незабываемо грозное. Всѣ побѣжали по полю. И страшно показалось: — какъ много ихъ было.

Прорвали тогда нѣмецкую позицію и много нѣмцевъ взяли въ плѣнъ.

А, когда шелъ назадъ собирать свой полкъ, видѣлъ на полѣ: — лежитъ убитый «дѣдушка» Селядцевъ. Грудь прикрыта лоскутами парчеваго знамени, а рядомъ на колѣняхъ стоитъ великанъ знаменщикъ и плачетъ.

Да... То была война!

Тамъ былъ ужасъ... Но тамъ былъ подвигъ, тамъ была красота!..

XXIX.

У крыльца стоялъ Тереховъ, красноармеецъ изъ старыхъ кадровыхъ солдатъ. Онъ пошелъ въ красную армію «по охотѣ». «Кормиться гдѣ-нибудь надо, а воевать привыкъ». На немъ была чистенько обдернутая новая шинелька, за спиной висѣлъ, какъ ранецъ, тяжелый сѣрый мѣшокъ.

Посмотрѣлъ Ѳедоръ Михайловичъ на мѣшокъ, и въ усы сѣдые усмѣхнулся. Усмѣхнулся, увидавъ Ѳедора Михайловича, и Тереховъ. Въ мѣшкѣ укручено было черное пальто

Федора Михайловича съ барашковымъ воротникомъ и собачья шапка подъ бобра. Наташа дала.

«Что пора, молъ?» — точно спросилъ глазами Тереховъ. Спросить громко нельзя: — кругомъ народъ.

«Пожалуй, пора», — подумалъ Федоръ Михайловичъ и посмотрѣлъ на солнце.

Высоко, близко къ полудню, было яркое солнце. Смотрѣть больно, глаза слезятся и не видно его, такое свѣтлое. И пригрѣвать стало.

Федоръ Михайловичъ прислушался. Къ пушечной пальбѣ стали присоединяться ружейные выстрѣлы. Будто стрѣляли по окраинѣ Царскаго Села отъ Перелѣсина. Протрещать и смолкнуть.

Да... пора.

И только сталъ спускаться съ крыльца, по шоссе прискакалъ молодой комиссаръ, изъ курсантовъ, Абраша Гольдшмитъ. Онъ былъ присланъ изъ Москвы для руководства артиллеріей.

— Что случилось?, — спросилъ Федоръ Михайловичъ. — Какъ дѣла?

— Ой, что случилось?... Какъ дѣла?... Уходить надо — вотъ какъ дѣла! Ваши стрѣлки, товарищъ, отходятъ. Они очищаютъ Царское Село. Ой... И что будетъ! Ну и эта рабочая с-вол-лочъ... Развѣ-же это солдаты!... Красные курсанты имени Троцкаго на танкъ въ атаку ходили. Ну и что вышло!... Ой... ну что вышло?... Ну и всѣ, конечно, перебиты... Ой... И что скажетъ товарищъ Троцкий?... Тамъ у нихъ танки, танки, танки... А у насъ — ихъ... Одни комиссары...

— Ну, — сказалъ Федоръ Михайловичъ, — Надо ѣхать.

— Куда?, — спросилъ, неумѣло сядя на лошадь, Благовѣщенскій.

— Въ Царское.

— Какъ?... Что?...

— Надо-же остановить безумцевъ и повернуть ихъ въ бой.

— И, вы полагаете, я долженъ тоже ѣхать?

— Вы... А зачѣмъ?

— Но я комиссаръ!

— Ну это ваше дѣло...

Федоръ Михайловичъ легко сѣлъ на косматую лошадку и бодро поѣхалъ по шоссе.

На скатѣ холмовъ, у старой бѣлой церкви кораблемъ, на взъерошенной осенней травѣ лежали трупы красныхъ курсантовъ имени Троцкаго. Въ красныхъ казакинахъ и рогатыхъ шапкахъ, съ бѣлыми лицами они казались не людьми, а восковыми фигурами. Шутовской нарядъ не отвѣчалъ величавому покою смерти.

У въѣзда въ паркъ рабочіе разсыпались цѣпями и перекликались, не зная, что дѣлать. Поперекъ шоссе лежалъ убитый гимназистикъ, лѣтъ двѣнадцати, въ сѣрой шинели со свѣтлыми пуговицами. Недоумѣнно смотрѣли въ небо широко открытые тусклые глаза и точно спрашивали Бога: — «за что?»

Въ паркѣ было тихо. Развѣзженные, размолотыя колесами орудій и подводъ дороги блестѣли длинными лужами. Въ нихъ плавалъ желтый листъ. Сквозь порѣдѣвшіе кусты были видны просторы зеленыхъ газоновъ. На одномъ стояла двухъ-орудійная батарея и часто стрѣляла, куда-то въ даль посылая гудящіе и скрежещущіе снаряды. Проѣхали мимо нея, и снова обступила дремотная тишина парка, блеклая зелень кустовъ, черные гроздья сирени, красные клены и стройныя ели.

У гусарскихъ казармъ стали попадаться стрѣлки дивизіи Федора Михайловича. Они собирались группами на шоссе между паркомъ и казармами. Раздавались команды, офицеры пытались возстановить порядокъ. На окраинѣ еще пострѣливали, но огонь былъ вялый. Бой затихалъ. Раненый подошелъ къ Федору Михайловичу, растопырилъ грязныя ноги и сказалъ:

— Федоръ Михайловичъ! Я есть делегатъ. Видать вродѣ того, что останемся мы.

— Отобьемся, — хмуро сказалъ Федоръ Михайловичъ.

— Есть такая надѣя у насъ, Федоръ Михайловичъ, что не отобьемся.

Ротный командиръ, изъ старыхъ офицеровъ, увидалъ Федора Михайловича и пошелъ къ нему.

— Что прикажете дѣлать, товарищъ?, — обратился онъ къ Федору Михайловичу.

— Отходите къ Рѣдкому Кузьмину. Увидите кого еще, передайте мой приказъ: всей дивизіи собираться въ Рѣдкомъ Кузьминѣ.

Смѣялись глаза у Ѳедора Михайловича, чувствовалъ надъ собою молитву Наташи, чувствовалъ прощеніе и благословеніе матери.

— Ну вотъ, это такъ, — слышались голоса въ рядахъ красноармейцевъ. — Это правильно. Съ понятіемъ дѣловъ... А то въ контръ-атаку!... И чаво ходить... Хапать нечего... Поспѣешь къ Богородицѣ груши околачивать!

— Товарищъ командиръ, — тихо, но внушительно сказалъ офицеръ, — Родзянковцевъ тамъ почти никого. Одинъ танкъ и тотъ больше не работаетъ. Ихъ и полка не набѣжитъ... У насъ девять бронепоездовъ... Черезъ полчаса мы въ такіе клещи зажмемъ ихъ, что имъ не выскочить.

— Знаю-съ... Но развѣ можно при такомъ настроеніи людей рассчитывать на успѣхъ?

— Я ихъ живо образумлю...

— Успокойте ихъ въ Рѣдкомъ Кузьминѣ.

— Царское оставить придется.

— Сегодня оставите, — завтра возьмете... Баловство! Ротный повернулся.

— Ну! Пошли товарищи!... Если думка за начдива правильная, — пробормоталъ онъ, — въ гадкую исторію мы влипли.

И, увидавъ, что Ѳедоръ Михайловичъ поворачиваетъ лошадь къ Гатчинской дорогѣ, — крикнулъ: —

— Товарищъ, тамъ одни патрули остались!

Ѳедоръ Михайловичъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Слѣва былъ грязный, растоптанный, поросшій съ краевъ мелкой травою Софійскій плацъ. За нимъ поднимался въ пестрой осенней листьѣ розовый приземистый соборъ. Справа были поля и нѣсколько дачъ. Обсаженная лиственницами широкая дорога уходила улицей къ домамъ.

На плацу лежало два конскихъ, раздутыхъ трупа и брошенная телѣга съ чьими-то вещами. Тереховъ бодро шагаль за лошадью Ѳедора Михайловича. Ѳедоръ Михайловичъ остановился у палисадника, слѣзъ съ лошади, отдалъ поводья Терехову, толкнулъ калитку и вошелъ въ садикъ.

Тереховъ привязалъ лошадь къ голой, мокрой рябинѣ и крикнулъ:

— Позвольте, я посмотрю напередъ, нѣтъ ли кого?

— Ладно.

Было тихо кругомъ. Оедоръ Михайловичъ остался въ саду. Солнышко пригрѣвало. Надъ деревьями парка гудѣли снаряды. Гдѣ-то за соборомъ у Павловска глухо трещалъ пулеметь. И ни одного человѣческаго голоса.

— Пустая, — сказалъ Тереховъ. — Только очень разорѣно и грязно.

Оедоръ Михайловичъ пошелъ къ дачѣ. На балконѣ лежала солома, стоялъ столъ на трехъ ногахъ, лампа съ разбитымъ колпакомъ, на столѣ — бумаги. Стеклянная дверь вела въ комнату. Отъ спущенныхъ занавѣсей въ ней было полутемно. Ъдкій запахъ нечистотъ, валявшихся на полу, стоялъ въ комнатѣ. Поломанная мебель, порванный диванъ, лужа крови на немъ. Бинты, марля.

— Все равно. Давай здѣсь, — сказалъ Оедоръ Михайловичъ. Снялъ аммуницію, шинель, мундиръ съ красными звѣздами. Тереховъ досталъ рубашку, пальто и шапку.

Радостно переодѣвался Оедоръ Михайловичъ. Тереховъ мазалъ шинель и мундиръ его въ терпко-пахнущей крови.

— Ловко это вышло, — говорилъ онъ, — привезу, скажу, съ васъ снять удалось.

— Спасибо, Тереховъ. Никогда не забуду. Да Наталью Николаевну скорѣй направляй на Гатчино.

— Не извольте беспокоиться. Мимолетное дѣло.

— Ну, еще разъ спасибо!

Оедоръ Михайловичъ обнялъ и поцѣловалъ Терехова. Потомъ смотрѣлъ въ окно, какъ онъ вывелъ лошадь, сѣлъ и затрусилъ по грязной дорогѣ.

Подождалъ немного. Вышелъ на балконъ. Сталъ у рѣшетки на солнцѣ. Тепло грѣло солнце. Мягко, по родному, облежала лобъ круглая шапка съ бархатнымъ верхомъ, свободно висѣло старое, прожженное пальто.

Въ саду стояли темныя, точно губки рыхлыя, хватенныя морозомъ георгины. На акаціи висѣли черныя стручья, отъ лиственницъ шелъ смолистый запахъ.

Пушки смолкали. Царское Село было очищено красными. Бѣлые еще не входили. Кругомъ были миръ и тишина. Оедоръ Михайловичъ думалъ о Наташѣ. Только-бы ей удалось уйти. Только-бы ей удалось спастись!

Онъ сошелъ съ крыльца и медленно пошелъ изъ сада. По дорогѣ шла дама съ господиномъ въ старой мягкой шляпѣ и черномъ короткомъ пальто.

Уже издали дама замахала зонтикомъ Оедору Михайловичу и крикнула прерывающимся отъ слезъ голосомъ: —
— Слушайте!.. Наши выгнали большевиковъ! Добровольцы входятъ въ Царское! Сейчасъ будутъ служить въ соборѣ молебенъ.

И точно въ отвѣтъ на ея слова мягко ударилъ колоколъ на Софійскомъ соборѣ и плавно понесся торжественно порхающій звукъ давно не слыханнаго звона къ голубому небесному простору.

Дама подходила къ Оедору Михайловичу.

— Прямо, точно Христосъ воскресъ! — сказала она. — Спасены!..

XXX.

Тереховъ въ Рѣдкомъ Кузьминѣ явился начальнику штаба дивизіи съ докладомъ о смерти Оедора Михайловича. Онъ привезъ шинель и мундиръ, вымазанные въ крови и подробно разсказалъ, какъ «товарищъ генералъ выѣхали за казармы и стали выгонять товарищей въ цѣпь, чтобы «контру» дѣлать бѣлогвардейской сволочи, и какъ «въ разъ» поблѣднѣли и упали съ коня». Онъ разсказалъ, какъ онъ подбѣжалъ къ «товарищу генералу», разстегнулъ шинель и мундиръ, а «они уже готовы». Пуля въ самое сердце попала.

— Рубашка уся въ крови и не дышуть.

Онъ такъ вдохновлялся своимъ разсказомъ, что блѣднѣлъ и начиналъ самъ вѣрить, что все такъ и было.

Комиссаръ Благовѣщенскій брезгливо потрогалъ за-скорузлое сукно и сказалъ:

— Ну, вотъ что... Дѣло особое. Заворачивай вещественныя доказательства и поѣхали въ Питеръ, это надо разобратъ. Вдова осталась. Надо все устроить по хорошему.

Тереховъ сѣлъ на переднее мѣсто автомобиля, рядомъ съ шофферомъ-коммунистомъ, Благовѣщенскій развалился

сзади и, принявъ важный, сосредоточенный видъ, какой, по его мнѣнію, должно имѣть въ автомобилѣ начальство, помчался по разбитому Московскому шоссе, мимо подрубленныхъ ветель въ Петербургъ.

Дома онъ осторожно предупредилъ Наташу, что ее ожидаетъ тяжелое извѣстіе объ ея мужѣ и прошелъ къ коммунистамъ. Всѣ были въ сборѣ. Тревога мутила ихъ. Для усиленія сознательности борцовъ за красный Питеръ исполкомъ Петро-коммуны постановилъ, чтобы всѣ коммунисты явились въ строй и побуждали красноармейцевъ и рабочихъ къ храбрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Это совсѣмъ не улыбалось теплой компаніи коммунистовъ, сторожившихъ жену Нач-дива.

Володька Безпалый, въ недавнемъ прошломъ «котъ», — теперь членъ ком-партіи, настоящаго пролетарскаго происхождения, сидѣлъ за чайнымъ столомъ, запустивъ пальцы въ растрепанные русые волосы. Мойша Рубинчикъ, мальчишка лѣтъ пятнадцати, сынъ портного, длинноносый, худой, съ печатью голоданія и вырожденія на лицѣ, съ большими томными глазами въ темномъ обводѣ рѣсницъ, сидѣлъ противъ Володьки и ждалъ отъ него откровенія. Онъ пошелъ въ ком-ячейку, чтобы избавиться отъ службы въ красной арміи. Идти теперь впереди этой самой арміи противъ танковъ ему было не по вкусу. Онъ слышалъ, какъ финскіе курсанты-коммунисты полегли подъ огнемъ танковъ. Слѣдовать ихъ примѣру что-то не хотѣлось.

Спокойнѣе другихъ были Васька Долгополовъ, — гимназистъ первой гимназіи, Алеша Пестряковъ, сынъ псаломщика и Женичка безъ фамиліи, пропившійся парень лѣтъ тридцати. Они чувствовали себя настоящимъ пролетаріатомъ, а потому внѣ закона. Они были агентами всероссійской чрезвычайной комиссіи, по отдѣлу сыска, и понимали, что ихъ не посмѣютъ тронуть. При входѣ Благовѣщенскаго съ Тереховымъ въ столовую, коммунисты продолжали сидѣть. Пять паръ глазъ поднялось на Благовѣщенскаго.

— Товарищи, случилось страшное несчастье, — сказали онъ: — рабоче-крестьянская власть въ тяжелую минуту борьбы съ міровымъ капиталомъ получила громадную брешь. Смертельной пулей сраженъ одинъ изъ доблестныхъ нач-

дивовъ, товарищъ Кусковъ. Онъ мертвъ! но мы живы и мы отомстимъ за него.

— Ты что?, — мотнувъ головою на Терехова, — сказалъ Володька.

— Мундиръ и шинель окровавленные доставилъ, — сказалъ Тереховъ, подмаргивая носомъ, и развернулъ измятый и почернѣвшій мундиръ.

— Давай.

— Самое сердце еройское сражено вражьей пулей, — подавая шинель и мундиръ, говорилъ Тереховъ.

— Не канючь. Не лѣзь, куда не спрашиваютъ, — кинулъ Женичка.

Володька сдвинулъ стаканы и лотокъ съ хлѣбомъ въ сторону и развернулъ мундиръ. Пять лохматыхъ головъ склонилось надъ нимъ. По мѣрѣ осмотра лицо Володьки становилось довольнѣе. Хитрая, сладкая усмѣшка появилась въ углу губъ. Онъ откинулся отъ мундира, медлительно раскурить отъ зажигалки папиросу, пыхнулъ два раза, замусолилъ мундштукъ, пожевалъ его и бросилъ въ стаканъ.

— Пулей, говоришь, убить, — сказалъ онъ, глядя въ глаза Терехову.

— Пулей-съ. Самъ видалъ, какъ упали. Усамоe сердце угодила.

— Та-акъ... Товарищи, засвидѣтельствуйте, что ни на шинели, ни на мундирѣ дырки отъ пули нѣтъ, — сказалъ Володька.

Тереховъ вдохнулъ. Снялъ фуражку. Мелкія капли пота проступили у него на лбу.

Женечка поспѣшно вышла въ сосѣднюю комнату и сейчасъ-же вернулся съ пятью большими револьверами Para-bellum и разложилъ ихъ противъ cadaго.

— Спасибо, Женя, — кинулъ Володька, — съ понятіемъ человѣкъ.

— Они, растегнумшись были. Такъ-что жарко очень было, — сказалъ Тереховъ.

— Ладно. Не заговаривай зубы... Мойша и Вася, останьтесь при товарищѣ Кусковой до распоряженія. Изъ комнаты никуда не выпускать. Ни за нуждою, никуда. Пусть сука у себя пакостить. Рабоче-крестьянская власть

умѣть карать враговъ народа. . . Ты, сукинъ сынъ, пособникомъ быть! Говори, куда дѣвалъ нач-дива?

— Вы не ругайтесь. Правовъ такихъ теперь нѣтъ, — сказалъ Тереховъ, злобно глядя на Володьку. — Никуда я его не дѣвалъ. Лежитъ на полѣ за казармами за гусарскими. Царство ему небеснее.

— У, холопская кровь, — крикнулъ Володька, подошелъ къ Терехову и ударилъ его рукояткой револьвера въ зубы. . . — Говори сейчасъ, а то въ чрезвычайкѣ заставятъ говорить.

— Что-же, я могу сказать, — сплевывая кровь изъ разбитаго рта, сказалъ Тереховъ. — Я, какъ передъ истиннымъ Христомъ.

— Не смѣй ты мнѣ Христа своего поминать, гадъ. Говори прямо. Бѣжалъ?

Тереховъ молчалъ.

— Алеша, Женя, — собирайте его въ чрезвычайку, и васъ, товарищъ комиссаръ, прошу слѣдовать за мною. . . А ту суку, — уже въ корридорѣ крикнулъ онъ Долгополову и Рубинчику, — стеречь до распоряженія, и дверь у ей высадить, чтобъ всегда на виду была.

Тотъ же автомобиль, чей-то господскій легкій Фордъ повезъ ихъ на Гороховую.

Вечерѣло. За Адмиралтействомъ пылалъ румяный осенній закатъ. Золотомъ горѣла адмиралтейская игла съ корабликомъ на вершинѣ — царская забава. Народа на улицѣ не было. Только женщины-милицейскіе, въ короткихъ синихъ юбкахъ и синихъ шапочкахъ, съ револьверами на боку, похаживали на перекресткахъ.

У чрезвычайной комиссіи стояло нѣсколько грузовиковъ и легковыхъ автомобилей. По всему городу арестовывали «сочувствующихъ» и спѣшили ихъ вывести въ расходъ.

Володька исчезъ въ одной изъ комнатъ. Пестряковъ и Женечка остались при Благовѣщенскомъ и Тереховѣ.

— Вы, Тереховъ, — сказалъ Благовѣщенскій, — покажите по совѣсти. Можетъ-быть, и правда нач-дивъ ушелъ. Онъ мнѣ показался сегодня утромъ какимъ-то страннымъ. Все въ усы себѣ посмѣивался.

— Господи! Да какъ-же!.. Бой!.. Они это любятъ... Они и на войнѣ-то, какъ пушки заслышутъ, такъ все посмѣваются, али напѣвають что. Такой характеръ военный. За то ихъ и солдаты любили.

— Да, конечно... А вы все таки... По правдѣ все... Пожалѣйте меня.

— То-то жалѣете вы, очкастые, нашего брата, какъ кошка мышку, — подумалъ Тереховъ.

Прошло больше часу. Наконецъ, въ корридорѣ появился Володька съ двумя чекистами. Благовѣщенскаго отвели въ просторную комнату безъ мебели, гдѣ уже было много народа, а Терехова повели на конецъ корридора и втокнули въ маленькую, ярко освѣщенную висячей электрической грушей комнату. У окна, заставленного картонами, былъ установленъ тяжелый рабочій верстакъ и къ нему придѣланы клещи съ винтовымъ зажимомъ. На столѣ валялись слесарные инструменты. Сбоку, за небольшимъ столомъ, сидѣлъ молодой чекистъ въ кожаной курткѣ. На его красивое, изсиня блѣдное лицо спускались со лба длинные черные волосы. Передъ нимъ была бумага. У рабочаго верстака стояли двое. У одного остриженные въ кружокъ волосы были перевязаны на лбу ремешкомъ. Другой былъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, худой, со впалыми щеками и большими злыми глазами. Въ комнатѣ было холодно и душно пахло.

— Красноармеецъ Сидоръ Тереховъ? — спросилъ чекистъ, надѣвая пенсне съ чернымъ шнуркомъ.

— Я... — сказалъ Тереховъ — Явите Божецкую милость... Ну за что меня взяли?..

— Скажите, — перебилъ его чекистъ. — При какихъ обстоятельствахъ погибъ нач-див, товарищъ Кусковъ?

— Они, значить, завернуть хотѣли стрѣлковъ, чтобы ихъ въ контру направить, вотъ такъ выѣхали за казармы... «Товарищи!», — кричатъ — «за мной»... А тутъ пули скупаютъ и взвизгиваютъ... Они, растегнувшись, были... Гляжу... упали.

— Онъ пѣшкомъ былъ или верхомъ?

— Верьхи.

— Такъ... Дальше.

— Я, какъ вижу, значить, ну, упали они. Вотъ онъ, значить, лежить... Сапоги врозь торчать... Кровь рудою бьетъ. Наскочутъ кадети, увидятъ — начальникъ, насмѣшку сдѣлаютъ. Ну, я мундиръ ихній, шинель снялъ, на коня посѣлъ...

— Ска-ажите, Сидоръ Тереховъ... А противникъ?

— Противникъ? Бѣлые то-ись?

— Да. Бѣлые.

— Бьютъ страсть... Говорю, пули въ землѣ роются. Набили они намъ ряжку, сомнѣваться стали бойцы.

— А вы, ничего?

— Богъ миловаль.

— Товарищъ, а нач-див не убѣжалъ?

— Н-никакъ н-нѣтъ!

— Никакъ нѣтъ?

— Какъ передъ Истиннымъ. Да, Господи, что я слѣпой что-ли былъ?

— Товарищи, — возвысилъ голосъ чекисть, — возьмите его для допроса.

Мастеровой съ ремешкомъ на лбу и два чекиста подвели Терехова къ верстаку. Онъ не упирался. Не понималъ, не догадывался, что они хотятъ дѣлать. Мастеровой ловко выпрямилъ пальцы обѣихъ рукъ и сразу зажалъ ихъ у основанія ногтей въ клещи.

— Такъ не ушелъ къ бѣлымъ нач-див? — ласково ска-валъ чекисть.

— Хошь, што хотите со мной исдѣлайте, а я отъ своего не отрекусь, — сказалъ Тереховъ.

Бѣлое, какъ бумага, стало его лицо. Крупныя капли пота показались на лбу.

— Нажмите, товарищъ. —

Мастеровой подкрутилъ винтъ.

— Убить?

— Убить, — еле слышно прошепталь Тереховъ.

— Еще, — нѣжно сказалъ чекисть. Мастеровой надавилъ на винтъ. Изъ-подъ ногтей показалась густая, черная кровь.

— Ногти сойдутъ, товарищъ, — дѣловито ска-залъ ма-стеровой.

— А что?

— Нельзя станетъ шилья загонять.

— А... Да... Загоняйте шилья... Убить, говорите? Тереховъ не отвѣчалъ. Его лицо стало прозрачно сѣрымъ, глаза лучились слезами. Онъ бормоталъ: —

— Живыи въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небеснаго водворится...

— Убить?

— Речеть Господеви: Заступникъ мой еси и прибѣжище мое...

— Теперь не скажутъ, — сказалъ мальчикъ. — Молиться зачалъ. Кончено...

— Загоняйте шилья!, пронзительно взвизгнувъ чекистъ. Терехову перехватили пальцы клещами пониже ко второму суставу, и мальчикъ сталъ вбивать подъ ногти небольшие сапожные гвозди.

— Богъ мой и уповаю на Него...

— Рабоче-крестьянская власть социалистовъ, — громко сказалъ чекистъ, подходя къ Терехову, — сумѣетъ заставить говорить правду лакеевъ, прислужниковъ капитала. Говори, сукинъ сынъ!

— Яко Той избавить тя отъ сѣти ловчи...

Чекистъ выхватилъ револьверъ и съ силой ударилъ имъ по щекѣ Терехова. Тереховъ пошатнулся и лишился сознания.

— Тащите его, товарищи, — сказалъ чекистъ и, когда Терехова пронесли мимо него злобно ткнулъ его ногой.

Очнулся Тереховъ позднюю ночью. Онъ лежалъ на грязномъ полу, въ длинной узкой комнатѣ. Тускло и скучно горѣла лампочка. Въ комнатѣ былъ человекъ тридцать. Красноармейскіе офицеры и нѣсколько рабочихъ. Тутъ-же ходилъ взадъ и впередъ, подергивая плечами, Благовѣщенскій.

Время отъ времени открывалась дверь, дуло сквознякомъ и кислымъ амміачнымъ запахомъ, появлялась плохо бритая голова стараго служителя арестнаго дома, и слабымъ, усталымъ голосомъ служитель вызывалъ по фамиліямъ арестантовъ.

Вызовы разнообразились. Однихъ онъ вызывалъ — «безъ вещей, къ допросу», — другихъ: — «съ вещами въ городъ», третьихъ просто: — «безъ вещей». Тѣ, кого вызы-

вали «безъ вещей» крестились, торопливо прощались съ окружающими и уходили. Нѣкоторые плакали.

Ночь тянулась медленная, тоскливая. Тереховъ лежалъ, сцѣпивъ зубы отъ страшной боли. Смертельно хотѣлось пить.

Дверь снова открылась.

— Иванъ Благовѣщенскій... Сидоръ Тереховъ, безъ вещей!..

— Къ разстрѣлу, значить, — пробормоталъ Тереховъ, поднялся и пошелъ къ двери. За нимъ шелъ Благовѣщенскій и, не помня себя, громко восклицалъ:

— Не можетъ быть!.. Не можетъ быть!.. Вѣдь они-же социалисты! Не можетъ быть!

XXXI.

Когда выломали дверь комнаты и у отверстія съ револьверомъ сталъ наглый, лопухій Мойша, — Наташа все поняла. Она поняла, что Благовѣщенскій ее обманулъ, сказавъ, что Ѳедоръ Михайловичъ убитъ, и Ѳедору Михайловичу удалось благополучно бѣжать. Наташа опустилась на колѣни и ушла въ благодарную молитву. Она была счастлива. Она не слышала, какъ ругалъ ее и богохульствовалъ въ коридорѣ Мойша, какъ онъ позвалъ товарища и они вмѣстѣ поносили имя Божіе. Спиной къ нимъ, и лицомъ къ окну, гдѣ догорало вечернее небо, — поставить икону она боялась, чтобы не надругались, — Наташа говорила слова той новой молитвы, которой научила ее церковь въ эти страшные дни.

— «Милосердный Боже», — шептала она, — «помоги Ты намъ, безпомощнымъ созданіямъ Твоимъ и внуши намъ безпредѣльную преданность, безотвѣтную покорность Твоей святой волѣ. Какъ-бы жестоки ни были наши страданія, даруй намъ, Господи, силу и способность утѣшаться надеждой на Твою защиту и помощь, увѣренность въ Твоей близости. Тебѣ все возможно, Господи. Нѣтъ такого горя, такой бѣды, отъ которой Ты не могъ-бы насъ спасти. Нѣтъ такого зла, котораго Ты не могъ-бы побороть въ пользу душъ нашихъ. Научи-же насъ, Господи, покорно переносить всѣ испытанія, всѣ бѣдствія, которыми Тебѣ угодно насъ посѣтить. Сохрани души наши отъ отчаянія и унынія,

дай намъ всегда помнить и не забывать, что Ты близокъ насъ, что мы дороги Тебѣ, что Ты всегда готовъ помиловать и спасти насъ»... .

Она молилась и не слышала, какъ вернулись остальные квартиранты, какъ хоромъ вопили они непотребныя слова, мяукали, какъ кошки, въ ея дверяхъ, лаяли по собачьи и, наконецъ, выстроившись въ рядъ, стали мочиться въ ея комнату на полъ. И только, когда громадная лужа длиннымъ языкомъ стала подходить къ ея ногамъ, — она гадливо перешла въ уголъ.

Она знала, что при социалистическомъ правительствѣ ея тѣло находилось во власти этихъ гнусныхъ людей, потерявшихъ человѣческое подобіе, но она знала и то, что нѣтъ такой власти, нѣтъ такой силы, которая могла-бы овладѣть ея душою и оторвать её отъ Бога.

И такъ шли дни и ночи подъ градомъ самыхъ грязнѣйшихъ оскорбленій, самыхъ мерзостныхъ пакостей, на какія только способна фантазія отрешагося отъ Бога коммуниста.

Она ничего не ѣла. Никто ее не навѣщалъ, никто, можетъ-быть, не зналъ, что изъ ея комнаты сдѣланъ былъ самый гнусный застѣнокъ изъ всѣхъ застѣнковъ, устроенныхъ въ Россіи Владиміромъ Ильичемъ Ленинымъ.

Ея тѣло задыхалось отъ вони. Она не находила себѣ мѣста отъ грязи, разведенной въ ея комнатѣ коммунистами, но она не теряла бодрости духа и продолжала съ жаркимъ усердіемъ молиться за всѣхъ своихъ дорогихъ. За своего отца, за Оедю, за Свѣтика, Игруньку, Олега и Лизу. Ей казалось, что она всѣхъ ихъ видитъ, со всѣми мысленно бесѣдуетъ.

Прекрасна была она съ сіяющими глазами.

Черезъ десять дней ее увезли изъ ея квартиры. И, когда увозили, нагло и весело ржали коммунисты, обзывая ее мерзкими словами.

Ее привезли въ какую-то комнату, гдѣ стояла широкая, большая кровать съ многими подушками. Съ нея сняли одежды и обнаженную бросили на кровать. И сейчасъ-же комната наполнилась людьми. Она увидала желтыхъ китайцевъ съ черными косами, скуластыхъ латышей, солдата съ дырой вмѣсто носа... .

Это было точно во снѣ. Всѣ они показались и исчезли.

Невидимая музыка стала звучать въ ея ушахъ. Передъ глазами засверкала ослѣпительный свѣтъ, и увидѣла она, что стоитъ у основанія широкой бѣлой лѣстницы, блестящими ступенями уходящей вверхъ. Взглянула туда. И застыла въ восторгѣ. Тамъ въ высотѣ, на престолѣ слоновой кости, украшенномъ золотомъ, въ голубомъ сіяніи прозрачнаго неба, гдѣ днемъ горѣли брилліантами звѣзды, въ чудныхъ тканыхъ ризахъ, сидѣла Божія Матерь. Благостны и кротки были неземныя очи и смуглое лицо было преисполнено такой пресвѣтлой красоты, какую не дано имѣть людямъ.

По лѣстницѣ, до самаго верху, точно перламутровыя облака-барашки въ ясный день, сидѣли ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ. Свѣтлыя лица, золотистые кудри, голубиныя крылья, тихо рѣющія надъ ихъ сонмомъ: все отчетливо увидала Наташа. Отъ трепета тѣхъ крыль вѣяло сладостное дуновеніе, и весь воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ весеннихъ цвѣтовъ.

Наташѣ было мучительно больно. Она поднималась по лѣстницѣ. Круты и скользки были ступени, остры ихъ края. Наташа падала на колѣни. Разбивалась въ кровь и снова упала на кровавыя раны.

Тянулась руками къ Божіей Матери и медленно шла.

Грубый смѣхъ и плоскія шутки были кругомъ постели, гдѣ лежало Наташино земное еще живое тѣло. Ихъ она не слышала.

Въ ушахъ звучала иная, неслышанная музыка. Медленно и мѣрно пѣли Ангелы, какъ поютъ въ Духовъ день тропарь «Нынѣ отпускаеши», — и голоса ихъ возносились къ небу, летѣли въ голубыхъ глубинахъ между звѣздъ, а потомъ припадали къ землѣ, окутывая Наташу бережными и нѣжными колыханіями звуковъ.

Еще были въ рукахъ у Ангеловъ золотые инструменты, подобные арфамъ и, когда смолкали голоса, — звенѣли, замирая, струны.

Тихо поднималась Наташа. Болѣли раненныя ноги, все тѣло страдало. На Наташѣ была длинная рубашка съ крестикомъ Оедора Михайловича. Въ этой рубашкѣ простилась она съ нимъ, когда обрекла себя на муки.

И вотъ, — пришли эти муки!

Но гдѣ-же онѣ? Нѣтъ ихъ!

Сладкій покой охватываль Наташу. Таяли, затихая въ небесной выси, голоса. Рѣяли крылья... Все ближе былъ Престоль Пречистой.

Наташа видѣла, что у ногъ Божіей Матери въ свѣтлыхъ одеждахъ сидѣли земныя женщины.

Она различала старыхъ и молодыхъ. У всѣхъ на лицахъ были счастье и покой.

Чѣмъ выше поднималась Наташа, тѣмъ легче было идти. Мельче и шире становились ступени и были онѣ усыпаны бѣлыми лиліями и розами.

Боялась Наташа оглянуться назадъ. Чувствовала, что поднялась на такую высоту, какъ не бывала никогда. Что горы Джаркента!

Шли минуты... Можетъ быть, часы?... Дни?... Можетъ быть сама вѣчность шагала...

Наташа тянулась вверхъ, какъ поднимается утренними зорями роса отъ цвѣтовъ, неся воздыханія и молитвы земли къ синему небу.

Какъ сквозь сонъ услышала грубо сказанныя слова:
— Кажись, подохла сука?

И кто-то, бурно дыша ей въ лицо зловоннымъ дыханіемъ, прохрипѣлъ: —

— Въ остатній разъ. Покелева теплая.

Очнулась... Увидала всклокоченные, рѣдкіе, грязные волосы, смрадную, черную дыру вмѣсто носа, узкіе острые глаза въ красныхъ гноящихся рѣсницахъ.

Волосатая грудь давила.

Помутилось въ глазахъ. Наташа въ отчаяніи простерла впередъ руки и почувствовала, какъ нѣжные свѣжіе пальцы коснулись ея ладоней и сила вернулась къ ней. Подняла голову.

Пречистая Марія встала съ Престола слоновой кости, золотомъ убраннаго, склонилась къ Наташѣ и обѣими руками привлекала ее къ себѣ. Увидала Наташа, что изъ прекрасныхъ глазъ Богоматери капають слезы. Бѣгутъ по щекамъ и падаютъ на мраморныя ступени лѣстницы. И, падая, обращаются въ жемчугъ.

Увидала тогда Наташа, что женщины у Ея ногъ собираютъ жемчужины и выкладываютъ ими ризу на образѣ Богоматери. И взглянула на тотъ образъ Наташа.

Безъ младенца была тамъ написана Божія Матерь со скорбнымъ ликомъ, въ слезахъ, склоненная внизъ, а подъ нею храмы въ огнѣ, люди въ мукахъ. Православные храмы... Русскіе...

Плачеть надъ Русью православною Матерь Бога живого. Жемчугами убирають женщины ея хитонъ и покрывало... И много, много жемчужинъ уже установлено рядами и отливають перламутровою тѣнью, какъ складки небесной ткани.

Заглядѣлась на дивный образъ Наташа. Надпись славянскою вязью прочитала подъ нимъ: — «Божія Матерь, падшихъ заступница»...

Все поняла Наташа. Пала Русь. Но отомолить ее у Господа Силь, слезами — жемчугами отомолить ее Владычица!

Съ благодарностью подняла она къ Святой Дѣвѣ голову. Устремила на нее выплаканныя очи. Но ничего не увидѣла. Такъ ясенъ и свѣтелъ былъ ликъ Пречистой, какъ солнце въ лѣтній погожій день. Золотой воздухъ мелкою выбью плылъ передъ нею, разливаясь все шире и шире. Въ могучемъ согласіи замирали и гасли звуки Ангельскаго хора.

Въ безконечность уплывала Наташина душа и уже не по земному видѣли очи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Шоссе изъ Царскаго Села на Гатчину прямое, какъ стрѣла. Отъ самаго Царскаго видно, какъ оно бѣлымъ карандашомъ упирается въ Мозинскія высоты у деревни Хабоне. Поля, луга, болота, кочки, сжатые овсы, черная ботва картофеля, капустныя кочерыжки, промоины и низкій, лохматый ивнякъ съ острыми желтыми и коричневыми листочками: — невеселая осенняя картина разстилалась по сторонамъ шоссе. Вправо зелено-сѣрыми буграми вздымались вершины темнаго Дудергофа — точно гигантская кочка на болотѣ, и продолговатая, покрытая обнаженнымъ орѣшникомъ съ желтыми пятнами тополей и березъ гора Кирхгофа. Бѣлѣла на солнцѣ двумя башнями кирка. Пасторскій домъ краснѣлъ желѣзной крышей въ темныхъ сиреневыхъ кустахъ.

Надъ широкимъ, влагою дождей, тумановъ и болотъ насыщеннымъ просторомъ залегла осенняя печаль.

Грустною казалась Ѳедору Михайловичу развернувшаяся передъ нимъ широкая дорога, но и родною. Онъ родился въ туманахъ Ингерманландіи, полюбилъ сѣренкіе, маленькіе, окруженные рябинами домики, лѣпившихся по склонамъ Дудергофской гряды, чухонскихъ деревушекъ — Покказенпурскова, Пелгола, Пелголяйне. Царскосельское шоссе съ его ровными кучами щебня, отдѣльными глыбами гранита ремонта и бѣлыми верстовыми столбами онъ хорошо изучилъ. Онъ помнилъ его чистымъ, подметеннымъ, съ подсыпанною по колеямъ и выбоинамъ щебенкой. По нему мало ѣздили. Проѣдутъ въ базарные дни возы съ сѣномъ,

направляясь въ Царское, прогремѣть таратайки съ закутан-ными въ платки и шали бабами и высокими бѣлыми жестянками съ молокомъ, да въ праздники чинно трусятъ къ киркѣ чухонскія двуколки, запряженные маленькими ладными, толстыми лошадами. Подъ вечеръ мчатся онѣ карьеромъ подъ пьяные крики закусившихъ въ трактирѣ послѣ пасторской проповѣди чухонь.

Теперь это шоссе, давно не ремонтированное, было покрыто грязью и лужами, обрывками и клочками сѣна и соломы, валялись по нему консервные жестянки, гильзы отъ патроновъ, обрывки пулеметныхъ лентъ, окровавленные тряпки.

Федоръ Михайловичъ шелъ легкой, бодрой походкой, направляясь къ Гатчинѣ. За Царскимъ Селомъ снова начали бухать пушки и Федоръ Михайловичъ опредѣлилъ, по звуку, что это били съ броневыхъ поѣздовъ по подступамъ къ Царскому Селу.

Онъ хмурился. Заботная мысль долила его. Удастся ли Терехову провести Наташу въ Гатчину, если бои возобновятся или добровольцы, не дай Богъ, начнутъ отступать.

«Да, отчего бы имъ отступать? Въ Петербургѣ, среди коммунистовъ, паника. Благовѣщенскій, комиссаръ, ему говорилъ, что Зиновьевъ готовится «драпнуть» въ Финляндію. Луначарскій послалъ «вѣрнаго» человѣка къ генералу Юденичу хлопотать о пощадѣ, указывая на свои заслуги передъ Родиной по охраненію памятниковъ старины, музейныхъ и дворцовыхъ драгоценностей. Навѣрно, добровольцы заняли Тосно и перерѣзали сообщеніе съ Москвою. Въ красномъ штабѣ поговаривали о появленіи какихъ-то финскихъ частей у Званки на Сѣверной дорогѣ, о движеніи Англійскаго флота къ Кронштадту и Красной Горкѣ. Если Юденичъ сегодня ночью, или даже завтра утромъ, нажметъ, онъ будетъ въ Петербургѣ и тогда Терехову будетъ легко доставить Наташу въ Гатчину. . . Петербургъ будетъ охваченъ большевицкимъ «драпомъ».

И вдругъ назойливая, противная, надоѣдливая мысль мелькнула въ его головѣ. Не дѣли двѣ тому назадъ, когда его дивизія дралась подъ Ворожбой на Курскомъ фронтѣ — все у Деникина шло хорошо. Казачьи отряды генерала

Мамантова, подъ свистъ и вой совѣтскихъ «Правдъ» и «Известій», подходили къ Тулѣ. Казаки вѣшали комиссаровъ и безконечными обозами отправляли добычу въ тылъ. Правѣ ихъ генераль Врангель, овладѣвшій Царицынымъ, шелъ къ Балашову и Саратову, лѣвѣ подходили къ Орлу . . . — и вдругъ. . . Онъ помнить эти жуткіе для совѣтской власти дни. Товарищъ Троцкій въ Совнаркомѣ истерично кричалъ, что наступили послѣдніе дни совѣтской власти, что революція въ опасности и пролетаріатъ долженъ напречь послѣднія силы для спасенія ея завоеваній. Тащили женщинъ и дѣтей рыть окопы. Тысячами разстрѣливали по тюрьмамъ невинныхъ людей. Приносили кровавыя гекатомбы страшному демону, покровителю коммунистовъ. Ясные солнечные дни смѣнила полоса холодныхъ вихрей, тумановъ и проливныхъ дождей. Повернулъ назадъ лихой Мамантовъ, и понесся къ Дону еще скорѣе, чѣмъ шелъ къ Тулѣ. Врангеля переброшили отъ Царицына къ Харькову. Къ Ѳедору Михайловичу подошла латышская дивизія — и Корниловцы, Дроздовцы и Марковцы стали отходить.

Что случилось? Или отвернулъ свое лицо Господь-Богъ отъ бѣлыхъ, или сатанистамъ-большевикамъ кровью жертвъ удалось умиловить діавола и онъ наслалъ искушеніе добровольцамъ, но, помнить Ѳедоръ Михайловичъ, какъ вдругъ въ пеленѣ дождя вмѣсто стойкихъ, зеленыхъ англійскихъ шинелей и черныхъ Корниловскихъ погонъ, они увидели жидкую лаву конницы, медленно отступавшую отъ нихъ. А когда въ туманѣ яснѣющаго дня заняли Ворожбу, онъ получилъ приказаніе идти съ дивизіей въ Петербургъ. . . Совѣтское командованіе гордо заявляло, что оно расправилось съ бѣлогвардейскими бандами Деникина и близокъ часъ, когда красный Харьковъ будетъ занятъ красноармейцами и совѣтская власть жестоко рассчитается со всѣми предателями, генеральскими и буржуазными лакеями, помѣщиками, офицерами, попами и ихъ казацко-кулацкими бандами. . .

«Что-же случилось тамъ, гдѣ были его Свѣтикъ, Игрунька и Олегъ? Почему они, его сыновья, не захватили его, стараго дурака, и не вывели на поворъ всѣмъ. Имъ онъ разсказалъ-бы все, какъ разсказалъ Наташѣ, и пусть поставили-бы его къ стѣнкѣ и вывели-бы въ расходъ за его невольное служеніе сатанѣ.»

«Онъ сказаль-бы ямъ, что правда съ ними, его дѣтьми, правда съ крестомъ животворящимъ, а не съ каббалистической звѣздой.»

«Почему-же они тогда повернули и стали отступать? Ему писали съ фронта его товарищи, красные ген-штабисты, что Деникинскіе бѣлогвардейцы отступаютъ безъ достаточнаго нажима, что у Деникина что-то случилось въ тылу, чего они не знаютъ. Что у Деникина совсѣмъ мало войска.»

«А вдругъ и тутъ тоже самое?»

Федоръ Михайловичъ остановился и повернулся лицомъ къ Петербургу. Прислушался къ грохоту пушекъ броневыхъ поѣздовъ.

«Это съ «товарища Троцкаго», изъ пушки Канэ... На Варшавскомъ пути... Это на Царской вѣткѣ... И далеко, какъ будто у Лигова, на Балтійской дорогѣ, тоже стрѣляетъ броневой поѣздъ. И ни одного выстрѣла со стороны добровольцевъ генерала Юденича»...

Похоже это пустынное, грязное, печальное шоссе на тыловой путь арміи, одержавшей побѣду?»

Федоръ Михайловичъ вспомнилъ, какъ бывало, когда онъ побѣждалъ со своими лихими туркестанцами на германскомъ фронтѣ за Вислой, на рѣкахъ Бзурѣ и Нидѣ. По тыловымъ дорогамъ ни пройти, ни проѣхать отъ непрерывнаго движенія обозовъ и людей. Тогда, на побѣдный фронтъ, длинными вереницами тянулись дымящіеся походныя кухни и пахло отъ нихъ щами и варенымъ мясомъ. Съ трескомъ колесъ, издали напоминающимъ пулеметную стрѣльбу, ѣхали патронныя двуколки, ротныя повозки съ хлѣбомъ, пустыя санитарки. Оттуда тянулись транспорты раненыхъ, шли толпы понурыхъ, ошалѣвшихъ плѣнныхъ, везли телѣги, доверху груженныя небрежно наваленными ружьями.

На этомъ шоссе — пусто. Далеко впереди Федора Михайловича у бѣлыхъ столбовъ подъема, возлѣ деревни Хабоне маячила, ковыляя, англійская шинель. Отъ Царскаго села тянулось нѣсколько телѣгъ и маленькихъ пестрыхъ группъ.

По пестротѣ ихъ Федоръ Михайловичъ опредѣлилъ, что это бѣженцы изъ Царскаго. Это стремленіе уйдти назадъ, а не дожидаться, когда добровольцы Юденича пройдутъ впередъ, было показательно.

На склонѣ зеленой выемки шоссе, прилепившись къ травѣ, лежалъ, отдыхая, человѣкъ. На затылкѣ англійскій веленый картузъ съ англійской кокардой, на плечахъ желтая англійская шинель безъ погонъ, небрежно окрученная пустымъ патронташемъ. Одна нога въ башмакѣ и обмоткѣ, другая нога забинтована почернѣвшей отъ грязи и крови тряпкой. Доброволецъ не шелохнулся, когда мимо него проходилъ Федоръ Михайловичъ и не поднялъ на него блѣднаго, изможденнаго голодомъ лица. Разминулись молча.

«Это мой врагъ,» подумалъ Федоръ Михайловичъ. — «Сегодня утромъ я направлялъ своихъ стрѣлковъ противъ него... Иду мимо... Ничего не спрошу... И онъ не спроситъ... Намъ обоимъ стыдно»...

«Да что-же это такое?»

«Тутъ нѣтъ упоенія, счастья побѣды. Тутъ нѣтъ той благородной ласки и ухаживанія за побѣжденными и плѣнными. Тутъ: — бьютъ лежачаго, уничтожаютъ въ страшной ненависти другъ-друга.»

И вспомнилъ, какъ по приказу политическаго комиссара отводили за квартиро-бивакъ сотни плѣнныхъ юношей бѣлогвардейцевъ, какъ имъ давали въ руки лопаты и вставляли рыть канавы-могилы для себя. Въ холодныхъ сумеркахъ трещалъ пулеметъ, валились люди и ихъ засыпали землею, торопясь отъ нихъ отдѣлаться. Такъ, можетъ быть, разстрѣляли гдѣ-нибудь и его Свѣтика, Игруньку — любимца Натани, Олега? Поразительно ясно стало: — это не война. Это нѣчто въ миллионы миллионовъ разъ худшее, чѣмъ самая ужасная война.

II.

Поднявшись на гряды холмовъ Федоръ Михайловичъ остановился. Впереди были сады и постройки Мозина. Въ зеленыхъ берегахъ текла рѣка Ижора. Гатчина тонула въ кудрявыхъ, желтыхъ берегахъ и темныхъ еляхъ и соснахъ громадныхъ лѣсныхъ пространствъ Звѣринца, Орловской рощи и Пудостьскихъ лѣсовъ. Блестящіе, серебряные купола ея собора веселыми точками стояли надъ моремъ лѣсовъ. Горизонтъ былъ широкъ. Вправо до Кипени и Ропши, влѣво до Антропшинскихъ холмовъ все было покрыто лѣс-

ными островами, кустарникомъ и прихотливыми нагибами то скрывающейся, то появляющейся рѣки, блещущей подъ лучами яркаго послѣполуденнаго солнца. Въ пестрой одеждѣ осеннихъ цвѣтовъ было неожиданно весело, нарядно и красиво, точно Ѳеодоръ Михайловичъ попалъ въ иное царство, гдѣ не такъ чувствуется печаль Ингерманландскихъ болотъ.

Стало легче на душѣ. Присѣлъ отдохнуть на большомъ придорожномъ камнѣ съ бѣлымъ кругомъ въ красномъ обводѣ и съ черною цифрой. Снизу, гдѣ прямою бѣлесою стрѣлою уходило шоссе, упиравшееся въ деревню Перелѣсино настойчиво тарахтѣла телѣга.

Крестьянская лошадь, мужикъ — Царскосель, съ нимъ рядомъ, спиною къ лошади, въ черной мягкой шляпѣ и черномъ штатскомъ пальто стройный господинъ. На заднемъ мѣстѣ, на жердяхъ, покрытыхъ пестрымъ лоскутнымъ одѣяломъ, между корзины и чемодановъ, красивая дама. Съ нею дѣвушка въ лѣтней шляпѣ съ лентами, и широкими полями.

Ѳеодоръ Михайловичъ взглянулъся... Знакомыя... по кто?, припомнить не могъ... Дамы всматривались въ него. Старшая нагнулась къ сидѣвшему рядомъ съ возницей, сказала ему что-то. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Ѳедора Михайловича, приказалъ остановить телѣгу и пріятнымъ, барскимъ баритономъ окликнулъ: —

— Ѳеодоръ Михайловичъ!

И Ѳеодоръ Михайловичъ сейчасъ-же узналъ всю семью. Это были Декановы, богатые Екатеринославскіе помѣщики, владѣльцы нѣсколькихъ домовъ въ Петербургѣ. Самъ Декановъ служилъ когда-то въ гвардіи, былъ въ Академіи вмѣстѣ съ Кусковымъ, по болѣзни оставилъ ее, вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ имѣніе и занимался въ деревнѣ тонкоруннымъ овцеводствомъ, а въ Петербургѣ коллекціонированіемъ и созданіемъ библіотеки и картинной галлерей. Ѳеодоръ Михайловичъ бывалъ иногда у Деканова, а сынъ его, Игрунька, былъ въ кавалерійскомъ училищѣ вмѣстѣ съ сыномъ Деканова — Димой.

Ѳеодоръ Михайловичъ подошелъ къ женѣ Деканова — Екатеринѣ Петровнѣ.

— Господи! какое счастье! ... ушли отъ нихъ! —

Екатерина Петровна протянула маленькую, породистую, изящную руку для поцѣлуя.

— Прямо: — такое ощущение... Истинно, какъ въ Свѣтло-Христово воскресеніе. Точно Христосъ Воскресъ.

— И правда, воскресъ Христосъ, — сказала прелестная брюнетка, дочь Екатерины Петровны — Вѣрочка. А Наталья Николаевна не съ вами?..

— Нѣтъ. Но я надѣюсь, что завтра, или послѣзавтра она будетъ въ Гатчинѣ, — сказалъ Федоръ Михайловичъ.

— Какъ вы, Николай Николаевичъ?

— Какъ видите, — сказалъ, пожимая руку, Декановъ.

— Мы, какъ только увидали добровольцевъ въ Царскомъ, — оживленно рассказывала Екатерина Петровна, — пособрали, что могли, да скорѣ наняли телѣжку и ѣдемъ... А куда, — сами не знаемъ. Только подальше отъ нихъ.

— Вы въ тюрьмѣ сидѣли? — спросилъ Федоръ Михайловичъ.

— Въ тюремной больницѣ. Тифъ спасъ. Мы обѣ переболѣли. Смотрите, у Вѣры волосы только стали отростать. Коля въ Николаевскомъ госпиталѣ... А потомъ, — Коля конторщикомъ въ лѣсномъ складѣ служилъ, Вѣра въ Главсахарѣ работала, а я дома: — и швецъ и жнецъ и въ дуду игрецъ. По пуду картофеля изъ Перелѣсина таскала. А вы какъ? Вамъ труднѣе было. Вы у «нихъ» служили!

Федоръ Михайловичъ промолчалъ.

Ужасно! Ужасно. Кто не былъ здѣсь, кто не жилъ съ ними, врядъ-ли пойметъ, — сказала Екатерина Петровна. — Николка только госпиталемъ и спасся. Хотѣли насильно забрать. А Королькова помните? Онъ рядомъ на дачѣ жилъ. Забрали. Бѣдняга съ ума сошелъ. Сочли, что онъ представляется и — разстрѣляли. У нихъ это просто.

— Вамъ удалось что-нибудь спасти изъ вашихъ вещей? — спросилъ Федоръ Михайловичъ.

Онъ отказался сѣсть въ повозку и шелъ рядомъ съ Екатериной Петровной, положивъ руку на край.

— Вы развѣ не знаете? Какъ только «это» случилось, къ намъ въ домъ поставили комиссаріатъ, намъ отвели только одну комнату. Подумайте, до чего мучительно было видѣть, какъ на нашихъ глазахъ разоряли родное гнѣздо. Всѣ картины и музейныя рѣдкости отвезли въ какой-то домъ, будто на сохраненіе, кажется, впрочемъ пока сохра-

няють, но Внѣш-торгъ взялъ ихъ на всякій случай на учетъ. Библіотеку. . .

— Неужели имъ и библіотека понадобилась?

— Ахъ, у меня нѣтъ силъ это разсказать.

— Жена лежала въ тифѣ, дочь тоже, — медленно началъ Декановъ. — Я ходилъ навѣщать ихъ. Возвращаюсь какъ-то, иду по Литейному и вижу: — ѣдутъ подводы. Самыя обыкновенныя грязныя подводы и на нихъ навалены книги, все цѣнныя книги въ художественныхъ кожаныхъ переплетахъ. Телѣгу по ухабамъ, — весна была и снѣгъ не совсѣмъ сошелъ, — качаетъ и книги сыплются на землю. Никто и вниманія не обращаетъ. Я поднялъ — гляжу: мои книги. *Ex libris* моего дѣда на заглавномъ листѣ: змѣя, пьющая изъ чаши. Я догояю возницу. . . Съ нимъ какой-то юноша. «Товарищъ», — спрашиваю я, — «чьи книги и куда вы везете?» — Юноша охотно отвѣчаетъ: «это книги изъ дома Деканова и ихъ приказано раздать по начальнымъ школамъ пролетаріату». Вы понимаете, Ѳедоръ Михайловичъ, рѣдчайшія произведенія прошлаго и позапрошлаго вѣка, едва не первыя изданія Расина и Дидро, три четверти на французскомъ и англійскомъ языкахъ, въ художественныхъ переплетахъ, — въ народныя школы, разрозненными томами, гдѣ сторожа переведутъ ихъ на цигарки. . .

— А изъ драгоценностей вамъ ничего не удалось спасти?

— Ничего, — отвѣчала Екатерина Петровна. — Онѣ лежали у насъ въ сейфѣ. Тамъ ихъ у насъ и забрали. Тогда говорили: въ сейфѣ не поемѣютъ. . . Банкъ ключи не выдастъ. Ломать не рѣшатся. Пришли молодые люди, потребовали ключи, — и, безъ ропота, какъ говорится, «въ два счета», имъ дали ключи. Все забрали по карманамъ и растащили. Вѣра видѣла свою брошку на матросѣ.

— У насъ, — сказала Вѣрочка, — только и остались мамины серьги и мое кольцо. Мы ихъ отдали *mademoiselle* и она, честная душа, сегодня ночью прибѣжала и отдала ихъ назадъ — а то, кромѣ стараго платья, ничего.

— Еще Вѣрина котиковая шубка и шапочка какимъ-то чудомъ уцѣлѣли, — сказала Екатерина Петровна.

— Какъ же вы будете? — спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ. О себѣ онъ не думалъ, какъ будетъ онъ. Онъ всегда былъ бѣденъ, всегда работалъ, никогда ничего не имѣлъ,

но ему странно было смотрѣть на Декановыхъ, жившихъ роскошно, въ собственныхъ домахъ, имѣвшихъ все, чего ни захотятъ, избѣженныхъ утонченнѣйшею роскошью и ѣдущихъ въ крестьянской телѣгѣ въ потрепанныхъ старыхъ, а у Вѣрочки еще и не по сезону легкомъ, платьяхъ.

Они въѣзжали въ Гатчину. Три шоссе сходились угломъ — изъ Краснаго, изъ Пулкова и изъ Царскаго. Стояли легкія въѣздныя ворота съ арматурой. И въ ту минуту какъ они въѣзжали въ ворота и Екатерина Петровна собиралась отвѣтить, густой, плавный ударъ колокола раздался надъ садами и мягко, чуть дрожа, поплылъ имъ навстрѣчу, точно обдавая ихъ теплымъ воздухомъ.

— Ко всенощной, — сказала, крестясь, Екатерина Петровна. — Какъ будемъ жить? По правдѣ сказать, — не думала. Но помню слова Христа: — посмотрите на птицъ небесныхъ, не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, но Отецъ ихъ Небесный питаетъ ихъ.

— У меня есть немного совѣтскихъ денегъ, но врядъ-ли они пригодятся, — сказалъ Декановъ. — Мы сейчасъ ѣдемъ на Константиновскую, на дачу Булацеля. Мы тамъ бывали. Если самого Булацеля тамъ нѣтъ, — кто-нибудь тамъ есть. Мы устроимся. Идите и вы съ нами. Какъ нибудь пріютимъ.

— Я хотѣлъ пройти въ штабъ и зарегистрироваться, — сказалъ Федоръ Михайловичъ.

— Отличное дѣло. А отсюда, милости просимъ къ намъ, чаишко будемъ пить, — сказала Екатерина Петровна.

— Приходите, Федоръ Михайловичъ, — ласково сказала Вѣрочка. Каріе, точно слѣбля Екатерина-славскія вишни, глаза посмотрѣли въ самую душу Федора Михайловича. Увидали въ ней смятеніе и тревогу. Поняла Вѣрочка: — тяжело было идти Федору Михайловичу въ станъ бѣлыхъ и рассказывать всю исторію красной своей службы. Поймутъ-ли его тамъ? Поняла еще, что волнуется и боится онъ за Наталью Николаевну. И, сочувствуя этому рослому, статному человѣку съ шалкой сѣдыхъ волосъ, она задержала его руку въ своей, прощаясь, и крѣпко, дружески, пожала ее.

— Такъ помните: дача Булацеля, — крикнула Екатерина Петровна, когда телѣга свернула налево. — Будемъ ждать васъ до десяти, потомъ, простите, спать ляжемъ. Первый разъ спокойно, не боясь обысковъ и арестовъ!

III.

Федоръ Михайловичъ не пошелъ въ штабъ. Не могъ онъ идти очищаться и оправдываться передъ людьми, не очистившись передъ Богомъ. Сильные, колеблющіе воздухъ удары соборнаго колокола настойчиво звали его, указывая ему единственно вѣрный путь: — къ Богу.

Квадратный, широкимъ крестомъ строенный, изъ бѣлаго пудожскаго камня, подъ серебряными куполами, соборъ стоялъ по срединѣ площади и давилъ маленькіе домики и низкія тонкія въ желтой листвѣ березы. Со всѣхъ сторонъ шли богомольцы. Старики и старухи съ блѣдными, истощенными голодомъ лицами. Ихъ морщинистая обвислая кожа была, какъ матерія, съѣденная молью. — Бездонный ужасъ и покорность судьбѣ были въ пустыхъ глазахъ. Барышни — гимназистки мѣстной гимназіи — одиѣ блѣдныя, тихія, съ испуганными, недоумѣвающими глазами робко крались къ собору, другія шли мимо съ подростками и смѣялись, весело толкаясь. Эти были сытыя и румяныя.

Федора Михайловича поразило отсутствіе на улицахъ добровольцевъ. Гатчино было ближайшимъ тыломъ частей, наступавшихъ на Петербургъ. Въ Гатчинѣ должны были быть штабы корпусовъ и дивизій, въ Гатчинѣ, разъ наступленіе шло отъ Ямбурга, должны были быть дивизіонные и корпусные резервы. Оно все должно было быть опутано проволокою телеграфовъ и телефоновъ, по нему должны были носиться мотоциклеты и велосипедисты, ѣздить конные патрули, наконецъ, шататься люди резерва. Какъ ни велика дисциплина, людей не удержишь, особенно послѣ побѣды. Да и должна идти чистка города, осмотры, обыски.

«Это развѣ не большевикъ?» — подумалъ Федоръ Михайловичъ, сталкиваясь у самаго собора съ молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ во все черное. Молодой человѣкъ внимательно, слишкомъ внимательно, посмотрѣлъ на Федора Михайловича и недобрая улыбка скривила его тонкія губы.

«Я знаю его. . . Онъ приходилъ къ чекистамъ, живущимъ на моей квартирѣ . . . почему его не схватили? Онъ смѣло и свободно гуляетъ по Гатчинѣ, какъ будто Гатчино и не занято бѣлыми войсками. . . Какъ-же велика армія Юденича? Если въ ней, какъ писали въ совѣтскихъ газетахъ,

сто тысячъ, то въ Гатчинѣ должно быть не менѣ тридцати тысячъ, оно должно быть набито солдатами «до отказа». Изъ каждаго окна должны торчать солдатскія лица. Этого нѣтъ... Вотъ прошелъ солдатъ въ англійской шинели съ трехцвѣтной нашивкой, и идетъ офицеръ въ погонахъ... Подойдти? распросить?...

Завтра!..

«Сегодня — Богу...»

Федоръ Михайловичъ вошелъ въ мягкій сумракъ собора. Маленькой группой у амвона стояло человѣкъ тридцать добровольцевъ. Федоръ Михайловичъ обратилъ вниманіе на ихъ разнокалиберность. Старый, прямой генералъ въ солдатской шинели при аммуниціи и свѣтлыхъ, видно, недавно нашитыхъ погонахъ стоялъ впереди, за нимъ человѣкъ пять юношей, блѣдныхъ, щуплыхъ, усталыхъ. Старые запасные солдаты лѣтъ сорока, сорока пяти, утратившіе гибкость членовъ, сутулые, безъ солдатской выправки... Офицеръ гвардеецъ и рядомъ другой, штатскаго вида, въ небрежно надѣтой разстегнутой англійской шинели. Кругомъ толпились Гатчинскіе прихожане. На клиросѣ пѣлъ хоръ.

Федоръ Михайловичъ заявилъ причетнику, что онъ желаетъ послѣ всенощной исповѣдаться, а завтра пріобщиться и стать въ темномъ углу у выступа. Старая дама и старикъ громкимъ шопотомъ спрашивали молодую даму.

— Значитъ удалось таки собрать пѣвчихъ?

— Какъ-же. Наши, какъ услышали благовѣсть, — бѣгомъ побѣжали.

— Большевики — то не позволяли... Наголодались...

— Не знаете, крестъ съ мощами Іоанна Крестителя цѣль?

— Цѣль, цѣль... Я батюшку спрашивала.

— Радость какая! Богъ дастъ Его святыми молитвами удержатся.

— Мало ихъ очень, — понижая голосъ, сказала молодая. — Я слышала у Родзянки всего восемь тысячъ.

— Ну все таки танки, — значительно сказалъ старикъ. — Тосну заняли?

— Кто говоритъ, заняли, кто нѣтъ.

— Я все таки, Марія Алексѣевна, думаю въ Нарву ѣхать. Вѣрнѣе какъ-то. Ну, не дай Богъ, оставятъ. Опять,

какъ лѣтомъ, разстрѣлы пойдутъ. А у меня, — надо-же было бѣды такой, вѣбра начальникъ дивизіи ихней ночеваль со штабомъ. Донесутъ. Сами знаете, чѣмъ пахнетъ.

— Богъ дастъ удержатъ. Англичане помогутъ.

Тоскою сжалось сердце у Ѳедора Михайловича. Мысль о Наташѣ мучительно заняла въ головѣ. Какъ-то она пробирается къ нему? Пошла, должно быть, будто ко все-нощной. . . Или завтра, послѣ обѣдни? Можетъ быть, завтра большой «драпъ» охватить Петербургъ и уйдутъ съ ея квартиры чекисты, прежде, чѣмъ хватятся о немъ.

Церковное пѣніе, давно не слышанное входило въ душу легко, какъ входитъ хозяинъ въ домъ. Занимало привычные уголки души.

«Господи устнѣ моя отверзися и уста моя возвѣстятъ хвалу твою», — читаль псаломщикъ шестопсалміе.

Сколько разъ онъ самъ гимназистомъ, кадетомъ, юнкеромъ читаль эти псалмы, и сейчасъ онъ ихъ помнитъ наизусть.

Обгоняя чтеца, онъ повторялъ про себя:

— «Господи, да не яростію Твоею обличиши меня, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша меня». . .

«Какъ хорошо! какъ хорошо!» думаль онъ — «Какъ уютно молиться такъ, и знать, что и Наташа сейчасъ молится тѣми-же словами, тѣми-же трепетаніями души. И мы, какъ двѣ струны, настроенныя въ одинъ ладъ звучимъ однимъ звукомъ.»

Ѳедоръ Михайловичъ съ умиленіемъ смотрѣлъ, какъ ходилъ по собору съ большою, пестрою, толстою свѣчою діаконъ, и за нимъ священникъ съ кадиломъ.

Кланялась передъ иконою свѣча, звенѣло кадило. Сильнѣе становился запахъ ладана. Въ окна глядѣлись сумерки. Осенній день догораль. Съ клироса радостное несло: — «Хвалите Господа съ небесъ» . . . и «Аллилуія» порхало по угламъ храма. Всю тоску забываль Ѳедоръ Михайловичъ и уходилъ все дальше отъ страшнаго, пережитого.

Когда кончилась служба, онъ прошелъ въ алтарь. Тамъ ожидалъ его священникъ у аналоя съ крестомъ и евангеліемъ. Долго говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ, открывая ему свою душу. Онъ зналъ, что ему нѣтъ прощенія, онъ просилъ только, чтобы Богъ понялъ его, понялъ, что онъ

виновать только въ одномъ: — не могъ пожертвовать Наташей!

И когда преклонилъ въ душной, пахнувшей розовымъ масломъ и ладаномъ мглѣ, подъ тяжелою и жесткою эпитрахилью колѣни, ощутилъ прикосновеніе рукъ священника и услышалъ слова — «властію, данною мнѣ отъ Бога прощаю, разрѣшаю» . . . — почувствовалъ, что тяжесть отходитъ съ души.

Онъ шелъ при лунномъ блескѣ по Гатчинѣ, спрашивалъ у встрѣчной молодежи дорогу на Константиновскую. Было легко на сердцѣ.

IV.

Федоръ Михайловичъ долго звонилъ у крыльца напрасно. Звонокъ былъ испорченъ. Наконецъ его увидала Вѣрочка. Окно, прикрытое кустами акаціи, открылось и Вѣрочка окликнула.

— Федоръ Михайловичъ! Вы?

— Я.

— Идите въ калитку, во дворъ, я отпущу вамъ на кухню.

— Да мнѣ можно къ вамъ? Не помѣшаю?

— Ну вотъ еще! Хоть со скандаломъ, но устроились.

И васъ помѣстимъ. Мама ждетъ васъ съ самоваромъ.

— Ого! даже самоваръ!

— Увидите.

Въ оренбургскомъ платкѣ на плечахъ, Вѣрочка казалась полнѣе. Безъ шляпки были видны ея коротко, какъ у мальчика, остриженные волосы, въѣющиеся спереди. Пока шли по доскамъ вдоль дома, она рассказала въ двухъ словахъ всю исторію. Старый Булацель умеръ отъ голода. Его жена и сынъ помѣшались отъ горя и тоже умирающіе, пошли пѣшкомъ въ Курскую губернію, куда звала ихъ крестьянка, служившая у нихъ нѣсколько лѣтъ прислугой. Вѣроятно погибли: они были такіе слабые. Домъ заняла какая-то госпожа Твердоносова. Сынъ ея служилъ въ инженерахъ у большевиковъ, а вчера перешелъ къ бѣлымъ и получилъ назначеніе командовать обозомъ.

Госпожу Твердоносому съ Екатериной Петровной и Декановымъ и засталъ на кухнѣ Федоръ Михайловичъ.

Кухня представляла картину полного разрушенія. На большомъ кухонномъ столѣ въ безпорядкѣ были навалены: кофейная мельница, краюха хлѣба, разбитая чашка отъ умывальника, остовъ швейной машины, привинченная къ краю стола мясорубка, розовый шелковый корсетъ, нѣсколь-ко стакановъ и чашекъ и связка книгъ. Меблировка кухни была странная. Широкий мягкій диванъ стоялъ у стѣны. На немъ лежали подушки и свернутое одѣяло, въ головахъ ночной столикъ. На немъ большіе аллюминіевые часы, роговые шпильки и кожаные бигуди. Въ углу круглый столикъ съ вязаною скатертью, на немъ лампа съ пестрымъ абажуромъ и подлѣ два кресла.

Госпожа Твердоносова возсѣдала на диванѣ. Это была особа лѣтъ сорока пяти съ большимъ, загорѣлымъ, морщинистымъ лицомъ. На лобъ спускались не очень опрятныя пряди своихъ и чужихъ волосъ. Одѣта она была въ кофту, поверхъ нея была накинута стертая до бѣлизны шведская кожаная куртка на красной подкладкѣ. Она размахивала черными отъ работы и грязи руками и настойчиво доказывала Екатеринѣ Петровнѣ.

— Извольте, — говорила она, хрипло усмѣхаясь и указывая на входившаго Федора Михайловича, — и еще одинъ лѣзетъ. Да что-же это гостинница у меня что-ли? —

— Вы же сами, милая моя, сказали, — кротко отвѣчала Екатерина Петровна, — что вы не по праву вселились въ этотъ домъ и что вы совсѣмъ не знали господъ Булацель.

— Не отрицаю... Не отрицаю, — кричала госпожа Твердоносова. — Но позвольте вамъ замѣтить, что собственности теперь больше нѣтъ. И почему это будетъ Булацелей, а не мое? Разъ нѣтъ собственности, то я такъ понимаю: кто пришелъ раньше, тотъ и взялъ.

— Что-же вы дома, какъ грибы въ лѣсу собирать будете, — сказалъ, пожимая плечами, Декановъ, — сказка про бѣлаго бычка — обернулся онъ къ Федору Михайловичу.

— Я даже не знаю, изъ за чего разговоръ идетъ, — сказала Екатерина Петровна. — Эта добрая женщина отвела намъ три комнаты — это больше, чѣмъ намъ нужно, дала постели, постельное бѣлье, помогла поставить самоваръ и, о чемъ еще идетъ разговоръ, я не возьму въ толкъ.

— О прынцыпахъ, сударыня... Сказала-бы, товарищъ, да не знаю, какъ теперь, при новомъ начальствѣ, какое слово употреблять прикажутъ. Изволите видѣть: — я вдова околодочнаго надзирателя. Въ революцію марта мѣсяца за правду пострадалъ, борясь съ мятежниками, убить матросами и, по распоряженію временнаго правительства, въ красномъ гробу торжественно похороненъ въ Петроградѣ, на Марсовомъ полѣ. Имѣю я право на какое нибудь пособіе или нѣтъ!?

— Съ нашей точки зрѣнія, — сказалъ Декановъ, — конечно, имѣете.

— Такъ... Извольте посмотрѣть, какова судьба несчастной вдовицы. Я обила пороги всѣхъ сильныхъ міра сего, припадала къ стопамъ и цѣловала руки, обливаясь слезами, Родзянки, князя Львова, господина Керенскаго и товарища Ленина и, вы понимаете, никто не внялъ моимъ мольбамъ! Ежели въ красномъ гробу и на манеръ памятника посерединѣ площади, то имѣю я право, какъ вдовица героическая, на воспособленіе со стороны правительства? Я каждый день ходила въ нашъ мѣстный совдепъ и меня все грозили поставить къ стѣнкѣ, а вы сами понимаете, что обозначаетъ сей жестъ. Претерпѣвъ множество лишеній и узрѣвши, что господа Булацели умерли и естественнымъ путемъ покинули свое имущество я дошла до самого Зиновьева и, стоя на колѣняхъ, изложила вдовью свою жалобу. Ихъ превосходительство сказать изволили: — «теперь собственности нѣтъ и все принадлежитъ трудящему народу и пролетаріату». Позвольте васъ спросить: если я вдова околодочнаго, пролетаріатъ я или нѣтъ? Если нѣтъ никакой собственности и домъ Булацелей стоитъ безъ никому, могу я его себѣ взять въ полную собственность? Вошла... Первое время странно было въ чужихъ вещахъ рыться, точно я воровка какая, — однако, думаю, это законъ такой, и въ совдепъ моему сыну сказали, что пролетаріату все можно. А я такъ понимаю, что пролетаріатъ: — это бѣдные люди и ихъ теперь сила — ну вотъ видите, я все и привела въ порядокъ...

— Elle est tout a fait folle, pauvre dame!¹⁾ — сказала, вставая съ кресла, Екатерина Петровна. — Идемте, Ѳедоръ

¹⁾ Эта бѣдная женщина совсѣмъ сумасшедшая.

Михайловича, чем напиться и закусить, что притащить удалось. Я думаю, вы очень голодны. — Вы позволите, madame Твердоносова, одолжиться у васъ чашками и стаканами.

— Берите, берите... Я объ одномъ говорю, я вамъ даю, но прошу помнить, что домика я никому не отдамъ, кромѣ господъ Булацелей или ихъ законныхъ наслѣдниковъ по нотаріальному завѣщанію.

— Не извольте беспокоиться, — сказалъ Декановъ, — никто на вашу собственность не покушается. Намъ только переждать здѣсь, пока бои не кончатся, и мы вернемся къ себѣ въ Петроградъ.

— А вы думаете, они Петроградъ возьмутъ? — спросила госпожа Твердоносова. — Вѣдь поди, если они возьмутъ; меня погонять отсюда. Вотъ и Сеничка пошелъ къ нимъ служить, а кто знаетъ, гдѣ лучше? Къ нимъ-то уже притерпѣлись какъ-то. Взять господина Зиновьева, онъ хоть и сумрачный на видъ, непріятный, на жида похожъ даже, а какъ хорошо меня разрѣшилъ: — «собственности», говорить, «нѣту, а все принадлежитъ трудящему народу и пролетаріату». Если бы бѣлые-то не нападали, можетъ быть, и голода не было-бы. А то, сказываютъ, Деникинъ съ казаками весь хлѣбъ забрали и англичанамъ продаютъ.

За чаемъ хлопотали Екатерина Петровна и Вѣрочка. Декановъ сидѣлъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и курилъ папиросу за папиросой.

— Вы посмотрите, — сказала Екатерина Петровна, подавая тарелки съ голубымъ обводомъ и золотыми вензелями подъ императорской короной. — Это все съ запасной половины Гатчинскаго дворца. Я знаю эти вензеля. Госпожа Твердоносова расширила, очевидно, понятія о собственности куда только можно.

— Да, пролетаріату все возможно, — окутываясь дымомъ сказалъ Декановъ. — Сижу и думаю: неужели еще три, четыре дня и мы поѣдемъ въ Петербургъ, въ свой домъ и начнемъ собирать тѣ вещи, что я помню съ первыхъ дней моего дѣтства? Даже не вѣрится. Я готовъ многимъ пожертвовать, но такъ хочется имѣть свой уголъ и опять работать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ работалъ всю жизнь. Когда при временномъ правительствѣ отобрали въ имѣніи тон-

корунный скоть у меня было такое чувство, будто кожу съ меня, живого, сдирали. Годы работы, раздумья, наблюдений, заботы объ акклиматизации, изученіе предмета. . . И росчеркомъ пера все уничтожено. . . Миѣ Дима писалъ изъ моего имѣнія, что онъ не могъ найти даже слѣдовъ нашего дома. Обгорѣлое мѣсто. Груда кирпичей и битого стекла. Отъ парка — одни пни. . . Лучшее имѣніе во всей губерніи было. И виновныхъ нѣтъ. . . А вы, Ѳеодоръ Михайловичъ, имѣли какія-нибудь извѣстія отъ вашихъ сыновей и дочери?

— Нѣтъ. Ничего. . . , глухимъ голосомъ сказалъ Ѳеодоръ Михайловичъ. — Какъ ушли. . . — ничего.

— Миѣ посчастливилось. Одно письмо миѣ Дима черезъ бѣлаго контръ-развѣдчика переслалъ, другой разъ въ госпиталѣ, этокое совпаденіе, познакомился я съ молодымъ краснымъ офицеромъ. А онъ, оказывается, изъ плѣнныхъ бѣлыхъ, чудомъ уцѣлѣлъ, только раненъ былъ, и служилъ тамъ съ моимъ Димочкой. Много про него рассказывалъ.

— Нѣтъ. . . Я ничего, — повторилъ Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Богъ дастъ, скоро увидите ихъ, — сказала Вѣрочка и опять, какъ днемъ, ея темные глаза съ ласковымъ вниманіемъ остановились на Ѳеодорѣ Михайловичѣ и проникли ему въ душу. Точно какіе-то ключи были у нея отъ его души и могла она входить къ нему чистымъ взглядомъ своимъ безъ всякаго запрета.

V.

На другой день, отстоявъ обѣдню и пріобщившись Св Тайнъ, Ѳеодоръ Михайловичъ пошелъ отыскивать штабъ сѣверо-западной арміи.

День былъ солнечный, яркій и тихій. На Петербургской улицѣ, подлѣ зданія мужской гимназіи стоялъ англійскій сѣрый танкъ. Подлѣ него толпились любопытные. Въ зданіи гимназіи помѣщался штабъ корпуса генерала Родзянко. Ѳеодоръ Михайловичъ толкнулся туда. По гимназическому двору было движеніе солдатъ. Входили и выходили люди въ англійскихъ шинеляхъ съ винтовками и безъ винтовокъ, у кого со штыкомъ кверху, у кого со штыкомъ книзу. Къ деревьямъ были привязаны маленькія крестьянскія лошади,

небрежно поѣданные различными сѣдлами. Онѣ глодали кору съ деревьевъ и понуро жались на истоптанномъ пескѣ. Отсутствие военного порядка поразило Федора Михайловича. У дверей стоялъ часовой — не часовой, сторожъ — не сторожъ — просто мужчина съ ружьемъ. Онъ равнодушно смотрѣлъ на входившихъ и выходившихъ людей. Въ просторной комнатѣ Федоръ Михайловичъ нашелъ большой столъ, на немъ планы окрестностей Петербурга двухверстнаго масштаба, недопитые стаканы чая, тарелки съ хлѣбомъ и саломъ, нарѣзаннымъ ломтями и безчисленные окурки папирозъ. По стѣнамъ были койки съ взъерошенными одѣялами. На двухъ окнахъ изъ четырехъ были спущены занавѣси и, несмотря на то, что былъ полный день, горѣло электричество. Было похоже, что тутъ всю ночь разговаривали, обсуждали какіе-то планы, курили, ѣли, пили, спали, вставали, читали донесенія и отдавали распоряженія. Да, такъ бывало всегда во время боевъ, но никогда во время самыхъ тяжелыхъ боевъ не бывало у Федора Михайловича такого безпорядка и неряшества. И Федоръ Михайловичъ понялъ: — въ штабѣ здѣсь, такъ-же, какъ и въ красныхъ штабахъ машина работала однимъ колесомъ. Была, быть можетъ, — голова, былъ начальникъ отряда и при немъ начальникъ штаба, но не было опытныхъ адъютантовъ, ординарцевъ, вѣстовыхъ и деньщиковъ, которые организовали-бы по человѣчески жизнь штаба. Въ стройный военный штабъ вмѣстѣ съ добровольцами и партизанами входила студенческая богема и разрушала дисциплину и порядокъ. Здѣсь было «товарищество», сродное тому, что было въ красной арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ была и та Русская распушенность, что медленно и вѣрно разрушала всякую организацію. Федоръ Михайловичъ съ одного взгляда понялъ, что вся машина штаба, а съ нимъ, значить, и вся машина арміи работала «постольку — поскольку». Здѣсь не приказывали, а просили, здѣсь было нѣсколько «любимыхъ вождей», но не было начальника. Здѣсь дѣлали, что хотѣли, что могли, но не дѣлали «во что-бы то ни стало».

Высокій человѣкъ съ большимъ землисто-сѣрымъ лицомъ, и сѣрыми умными глазами, въ кителѣ съ генеральскими погонами, подошелъ къ Кускову и спросилъ его, что ему нужно.

— Я генераль Кусковъ, перешель вчера къ вамъ отъ красныхъ, — сказалъ Оедоръ Михайловичъ, — и хотѣлъ-бы такъ или иначе узнать свое здѣсь положеніе.

Генераль съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Оедора Михайловича, и видѣлъ Оедоръ Михайловичъ, что хочетъ и не можетъ подать ему руку старый генераль. Онъ нахмурился.

— Видите... У насъ здѣсь корпусный штабъ... Это совершенно насъ не касается. Я не знаю...

Къ нему на выручку поспѣшилъ молодой, худощавый офицеръ съ погонами кавалерійскаго полковника, исполнявшій, повидимому, обязанности начальника штаба генерала.

— Вамъ, — сказалъ онъ, — надо обратиться на Багговутовскую, дача № 46, тамъ организована, или будетъ организована особая коммиссія по изслѣдованію причинъ, почему оставались въ совѣтской Россіи генералы — тамъ все разберутъ...

Оедоръ Михайловичъ поклонился и вышелъ. На дворѣ онъ засталъ оживленіе. Нѣсколько добровольцевъ солдатъ привели плѣнныхъ красноармейцевъ и, окруженные толпою любопытныхъ дачниковъ и дачницъ, громко о чемъ-то говорили. Оедоръ Михайловичъ прислушался.

— Генераль Юденичъ сюда ѣдетъ, — говорилъ молодой солдатъ.

— Теперь ѣдетъ. Онъ тады-бы поѣхалъ, когда Гатчину брали. Нѣтъ, братики мои, Родзянко — вотъ это герой! Вотъ и часа тому нѣтъ прикатилъ на автомобилѣ и прямо у цѣль. Подшелъ —, а пули такъ и роютъ. Я цѣлюсь, онъ глядитъ. Въ весь ростъ стоитъ. Какъ заколдованный. Стрѣлилъ. Онъ въ бинокль глядитъ. «Не попалъ», — говоритъ, «сукинъ сынъ! Давай ружье». Далъ. Онъ легъ. Полы шубки распахнулись, выцѣлили. Бьетъ!.. Вотъ это генераль! Этому арміей командовать... Рядомъ лежитъ Барсовъ, пуля шмякнула подлѣ, — онъ заплакалъ. А Родзянко ему говоритъ: — «ты кто такой?» — «Я,» — говоритъ — «крестьянинъ». «Что у тебя есть?» «Ничего у меня нѣтъ, въ батракахъ служу» — «Такъ! а у меня», — говоритъ Родзянко, — «шесть домовъ въ Петербургѣ, конный заводъ, много чего и то не боюсь. Ты помрешь — ничего не оставишь, а я помру, все сгинетъ, а мнѣ на страшно». Тотъ и плакать пересталъ. Тутъ командиръ полка къ нему подползайтъ,

для рапорта, значить. А онъ говоритъ: — «ведите цѣпи впередъ, наступленіе дѣлать будемъ» — и самъ пошелъ съ нами... Вотъ это командующій арміей... А то Юденичъ! Мы не слышали такого...

«Да,» подумалъ Федоръ Михайловичъ, «легенда о всадникѣ на бѣломъ конѣ, примѣры Скобелева крѣпко живутъ въ Русскомъ народѣ и не могутъ ихъ вытравить ни танки, ни броневые поѣзда, ни броневики, ни пулеметы. Солдатъ требуетъ отъ начальника безразсудной храбрости и много надо такта и согласія между Родзянкой и Юденичемъ, чтобы примирить молодой задоръ солдата съ мудростью начальника»...

На Багговутовской, въ указанномъ домѣ, штаба не оказалось. Бравый солдатъ, ординарецъ, распорядившійся на дворѣ, сказалъ, что генераловъ и офицеровъ ожидаютъ изъ Ямбурга только ночью и навряд-ли какая-бы то ни было комиссія будетъ работать раньше трехъ, четырехъ дней.

— Надо-же разобраться имъ, какъ слѣдуетъ, — говорилъ солдатъ, зорко вглядываясь въ лицо Федора Михайловича. — Тутъ грязи — не приведи Богъ сколько. Коммунистическій клубъ здѣсь былъ... Ну, вы, попроворнѣй справляйтесь, — прикрикнулъ онъ на двухъ женщинъ полуинтеллигентнаго вида, мывшихъ полы и вышедшихъ на крыльцо съ ведрами и мокрыми тряпками.

Федоръ Михайловичъ опять сходилъ въ штабъ, добился дежурнаго адъютанта и заставилъ его записать его Гатчинскій адресъ. Онъ думалъ о Наташѣ. Онъ зналъ, что Наташа бросится искать его въ штабъ.

VI.

Въ воскресенье, 13-го октября, въ соборѣ, по приказанію начальства, служили торжественную литургію, а послѣ нея молебствіе о дарованіи побѣды. Послѣ молебна по Гатчинѣ пошелъ крестный ходъ. Несли мощи Іоанна Крестителя, покровителя Гатчины.

Шелъ дождь со снѣгомъ. Холодный вѣтеръ рвалъ тяжелые языки пестрыхъ хоругвей и трепалъ волосы духовенства. Толпа Гатчинцевъ шла за крестнымъ ходомъ.

Мрачное молчаніе было въ толгѣ. Вѣры въ побѣду не было. Въ крестномъ ходѣ и молебномъ пѣніи видѣли безсиліе воинской силы. Шли съ разорванными отчаяніемъ сердцами. Знали, что будетъ, если бѣлые покинутъ Гатчину.

Изъ Царскаго села и Павловска пришли бѣженцы и рассказывали, какъ избивали женщинъ и дѣтей за сочувствіе бѣлымъ. Корпусъ графа Палена отошелъ къ Таицкому водопроводу. Знаменитая по маневрамъ Кавелахтская позиція была сдана безъ боя. Печорскій полкъ, потерявшій командира и офицеровъ, бѣжалъ отъ Ропши, оставивъ двѣ пушки и грузовикъ со снарядами. Матросы и красноармейцы заняли Кипень и продвигались къ Пудости, грозя отрѣзать Гатчину съ запада.

Растерянны, блѣдны и печальны были лица обывателей. Кто заискивалъ передъ штабными, ища мѣста въ поѣздахъ, идущихъ на Ямбургъ, кто предавалъ себя волѣ Божіей.

Федоръ Михайловичъ съ Декановыми обошелъ за крестнымъ ходомъ Гатчину, вернулся домой и, сидя у окна, смотрѣлъ, какъ текли потоки воды по стекламъ, и вѣтеръ гнулъ кусты акаціи, срывая съ нихъ послѣдніе желтые листочки. Крупная снѣжинка падала на окно, изъ бѣлой становилась прозрачной, узоромъ ложилась по стеклу и растекалась струею.

— Вы какъ надумали, Федоръ Михайловичъ, — спросилъ Декановъ. Онъ стоялъ у холодной печки и курилъ.

— Что надумалъ? — отрываясь отъ окна, сказалъ Федоръ Михайловичъ.

— А вотъ насчетъ драна. По всему видно, что будутъ отходить. Я нашелъ въ штабѣ стараго пріятеля, и онъ не только общалъ меня предупредить, но и въ штабномъ вагонѣ оставилъ мѣста для всѣхъ насъ. Я и васъ записалъ съ нами.

— Благодарю васъ. Но вы знаете... Я ожидаю сюда изъ Петербурга жену.

Вѣтеръ трясъ оконными рамами и изъ-за стеколъ дули его струи, холодя Федора Михайловича. За стѣной госпожа Твердоносова препиралась съ Екатериной Петровной.

Вѣрочка подошла къ Федору Михайловичу и сказала настойчиво:

— Оедоръ Михайловичъ. . . Вы побѣдете съ нами.

Оедоръ Михайловичъ поднялъ глаза на дѣвушку. Она, прекрасная въ своей молодости, свѣжая, чистая, въ короткихъ кудряхъ, стояла у окна. Темные глаза смотрѣли ему въ душу. Оедоръ Михайловичъ понялъ, что въ ней была тревога за него, случайнаго спутника ихъ бѣженской жизни. По дѣтски чисто, по женски красиво, по христіански свято Вѣрочка полюбила вдумчиваго, серьезнаго, такъ много пострадавшаго генерала и не хотѣла его гибели. Она чувствовала что, если за цѣлую недѣлю Наталья Николаевна не смогла выбраться изъ Петербурга и добраться въ Гатчину, она или погибла, или никогда не выберется оттуда.

Она еще глубже посмотрѣла въ глаза Оедору Михайловичу и повторила: —

— Вы побѣдете съ нами. . .

Въ часъ ночи къ Декановымъ постучали въ окно. Оедоръ Михайловичъ слышалъ, какъ Декановъ спросилъ:

— Сейчасъ? . .

— Да, сейчасъ. Когда тронемся, не знаемъ. А лучше сейчасъ.

Декановъ вошелъ къ Оедору Михайловичу.

— Гатчину приказано эвакуировать, — сказалъ онъ. Одѣвайтесь, Оедоръ Михайловичъ. Идемъ.

Идти куда-то было надо. Нельзя было оставаться у госпожи Твердоносовой, когда эвакуировали Гатчину. Оедоръ Михайловичъ это понималъ. Онъ одѣлся и пошелъ съ Декановыми.

VII.

Дождь пересталъ. Полна сырыхъ испареній была ночь. Небо, покрытое тучами, нависло низко. За путями разстилось Гатчинское военное поле. Его пустынные просторы холодили душу страхомъ неизвѣстнаго.

Штабной поѣздъ, переполненный бѣженцами съ увязками, корзинами и чемоданами, стоялъ на третьемъ пути въ ожиданіи паровоза. Паровозъ пошелъ на Таицы забрать вагоны съ патронами и не возвращался. Въ вагонѣ III класса, гдѣ устроились Декановы, было темно. Свѣчей не было.

Кто-то из штабныхъ тревожнымъ, громкимъ шопотомъ, слышимымъ по притихшему вагону, сообщалъ по секрету, что колонны красныхъ обнаружены у Витина, а ихъ кавалерія уже захватила Волосово.

— Могутъ быть большія непріятности, — шепталъ штабной. — А на готовъ ли у васъ, господа, винтовки. Кто, господа, у насъ комбатанты? Ну да, если потребуется и женщинъ надо вооружить.

— Я полагаю, — отвѣчалъ ему другой, — необходимо на площадки и въ корридорахъ поставить часовыхъ отъ команды контръ-резвѣдчиковъ. Мало-ли, кто могъ тутъ сѣсть. Вы сами понимаете.

— Понимаю... Понимаю..., — шептало начальство. — И, знаете, свѣта надо. Темнота способствуетъ паникѣ.

— Сейчасъ достанемъ лампу.

Принесли большую столовую лампу, установили ее на какихъ-то ящикахъ и зажгли.

— Только, господа, ради Бога, будьте осторожниѣ. Надѣлаете пожара, это будетъ хуже всякихъ красныхъ въ Волосовѣ, — спокойно сказалъ маленькій генералъ съ блѣднымъ лицомъ и съ черной бородкой. Онъ одинъ былъ спокоенъ и не вооружался.

Вѣрочка замѣтила, что Ѳедора Михайловича не было. Онъ принесъ ихъ вещи, помогъ имъ устроиться и куда-то ушелъ. Она вышла на площадку и спустилась на низкую платформу. Тускло горѣли фенари. Мокрый песокъ хрустѣлъ подъ ногами. На краю площадки, въ петербургскомъ направленіи, спиною къ ней, стоялъ человѣкъ въ черномъ пальто и круглой шапкѣ... Ѳедоръ Михайловичъ...

Ей стало безконечно его жаль. Она знала Наталью Николаевну, суровую, неприступную красавицу, нетронутую Петербургской сплетней.

— Ждете? спросила Вѣрочка, подходя къ Ѳедору Михайловичу.

— Да, жду, Вѣра Николаевна, — не оборачиваясь, отвѣчалъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Почему, Ѳедоръ Михайловичъ, вы думаете, что она придетъ?

— Она общала въ Гатчину, — глухо проговорилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Но, все такъ измѣнилось... Она могла пробраться стороною въ Ямбургъ или Ревель... Ей легче было бѣжать въ Псковъ и оттуда къ Нарвѣ. Тутъ — бои.

— Она общалась въ Гатчину, — упрямо повторилъ Оедоръ Михайловичъ.

— Что-же вы хотите дѣлать?

— Я останусь. Буду ждать.

— Вы знаете, это послѣдній поѣздъ изъ Гатчины. Посмотрите, какъ пуста станція. Ни одного вагона, ни одного паровоза, ни души кругомъ. Все, или бѣжало, или притаилось... Скоро и войска уйдутъ. Я слышала, подъ Гатчиной не будутъ драться. Васъ здѣсь уже знаютъ. Васъ выдадутъ. Оедоръ Михайловичъ, поѣзжайте съ нами!

Онъ не отвѣчалъ. Повдняя ночь таилась кругомъ. Зеленымъ глазомъ въ вышинѣ мигалъ одинокій фонарь семафора. Пахло мокрымъ пескомъ и деревомъ. Пустынна и мертва была очищаемая станція. По шоссе, у дворца, тарахтели колеса подводъ, тамъ шли люди. Ихъ голоса далеко разносились въ сырость воздухъ.

Вѣрочка стояла сзади Оедора Михайловича и съ тоскою смотрѣла на него. Сѣдые волосы отросли и густыми прядями, какъ шерсть, выбивались изъ подъ старой шапки собачьяго енота.

Ей было жаль его. Она привязалась къ нему. Все было въ немъ фантастично. Встрѣча на шоссе по пути въ Гатчину. «Папа посмотрѣлъ тогда на человѣка, сидящаго у шоссе, потомъ нагнулся къ мамѣ и сказалъ: — «это Оедоръ Михайловичъ.» — Мама спросила: — «какой Оедоръ Михайловичъ? Не помню.» — «Игрунькинъ отецъ, помнишь? Мужъ Натальи Николаевны, — Плевицкой номеръ два. Развѣ не помнишь, за годъ до войны у Барковыхъ благотворительный концертъ? Она пѣла. Всѣ удивлялись, что она не на сценѣ.» — «А да, помню, помню...» И Вѣрочка вспомнила. Это былъ ея первый большой вечеръ. Она помнила высокую, стройную блондинку съ большими добрыми, сѣрыми глазами, чудно спѣвшую рядъ народныхъ пѣсенъ. Она помнила трехъ кадетъ, что привела она потомъ къ ея матери и сказала: — «это мой старшій Свѣтикъ, это Игрунька, а это Олегъ»... Никто не хотѣлъ вѣрить, что у нея такія большія дѣти. — «Еще дочка, Лиза, дома осталась,» сказала она. — «Жена

полковника Кускова» — шептали про нее. — «Какая красавица. Говорятъ, простая казачка». «Ну да,» сказалъ кто-то. — «Ея отецъ генералъ въ отставку». . . Во время войны вся семья слѣдила за Ѳедоромъ Михайловичемъ по «Инвалиду». Ѳедоръ Михайловичъ за взятіе укрѣпленной позиціи получилъ георгіевское оружіе. Какъ красиво описанъ былъ его подвигъ! . . Ѳедоръ Михайловичъ раненъ, остался въ строю. . . Сынъ его, Святославъ, тяжело раненъ. Невидимый Ѳедоръ Михайловичъ перекочевалъ на Кавказъ, потомъ опять появился въ Россіи. . . «Вы слышали, Кусковъ надѣлъ красный бантъ? . . Это ужасно». . . «Ѳедоръ Михайловичъ служить у большевиковъ». . . «Какой, ужасъ!» . . . «Да, если такіе люди пошли, значить». . . И вотъ увидала, — постарѣвшаго, измученнаго, сѣдого. . . а помнила съ темно-русскими густыми волосами. Заглянула въ глаза, — и поняла все. . . Не умѣла-бы объяснить, не смогла-бы сказать, что поняла, но поняла, что онъ . . — мученикъ. И стало жаль его. . . Жили вмѣстѣ у госпожи Твердоносовой. Трогали заботы Ѳедора Михайловича о ея родителяхъ. Еще весь домъ спитъ, а Ѳедоръ Михайловичъ наколетъ дровъ, принесетъ воды, поставитъ самоваръ, исчезнетъ куда-то и притащитъ, то бѣлый хлѣбъ, то американское свиное сало, то консервы, то рисъ. Вмѣстѣ съ нею и мамой готовятъ обѣдъ. И шутить. А глаза не смѣются. Въ глазахъ — смертельная тоска. Вѣрочкѣ казалось, что только она одна понимаетъ его тайну. Онъ любитъ свою жену, ту красавицу пѣвицу, что когда-то очаровала ее. . . Любитъ безумно. Вѣрочкѣ казалось, что Богъ возложилъ на нее успокоить и спасти этого человѣка.

Вѣрочка сѣла на низкій гранитный кантъ платформы. Ноги поставила на рельсы. На ней былъ короткій, котиковый сакъ. Такая-же шапочка была надвинута на лобъ.

Ѳедоръ Михайловичъ сѣлъ рядомъ съ Вѣрочкой.

— Дѣло вотъ въ чемъ, — начала Вѣрочка. Сконфузилась, замолчала и стала теревить край шубки.

— Что-же, Вѣра Николаевна, обо мнѣ разсуждать, сорная трава изъ поля вонъ. Если погибну, туда мнѣ и дорога. Нагрѣшилъ я, напуталъ въ своей жизни. . . И ничего я, старый дуракъ, не знаю.

— А кто знаетъ? — вскидывая на него голову, быстро сказала Вѣрочка. — Если нѣтъ Государя, то и никто не

знаетъ. — Вѣдь нельзя же такъ!.. Я, можетъ быть, не такъ говорю, но вы меня поймете... Пробовали... Все одно, ничего не выходитъ. Можетъ быть, я очень глупо говорю... Вы меня остановите тогда. Ну было-же все... Были и республики, и Керенскій, и Ленинъ, и тамъ у добровольцевъ — Деникинъ, Колчакъ, — а все ничего не выходитъ. Никто никого не слушается, всѣ другъ съ другомъ ссорятся, другъ противъ друга подкапываются. Никто никому не вѣрить. И народъ имъ не вѣрить... Въ тифу я лежала въ больницѣ. Сосѣдки издѣвались надъ мамой и надо мной за то, что и въ больницѣ мы умывались и шлифовали ногти. Не теряли «буржуйнаго вида»... Было очень тяжело... Много было ненужныхъ обидъ и оскорбленій. И вотъ, уже не знаю, былъ-ли то кошмаръ, или бредъ, или просто я ночью надумала, но представилось мнѣ: — громадный нашъ Казанскій соборъ. Зимняя непогожая ночь. По площади курить метель. Подъ колоннадами сугробы въ ростъ человѣка, и тутъ-же сдуло снѣгъ такъ, что блестятъ ледяные камни гранитныхъ панелей и сѣрые обледенѣлые торцы. Къ нимъ полосками и мысами прилипъ серебряный снѣгъ. Большіе фонари качаются на вѣтру. Тяжелыя двери собора будто заперты. Вѣтеръ свиститъ у высокихъ тамбуровъ. И будто вижу я внутренность собора. Негасимыя лампы горятъ: синія у чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, алая надъ царскими вратами. Колеблются... Мигаютъ... Точно живыя... Проснулась... Такъ ярокъ сонъ... И вотъ мысли... Наши иконы живутъ и вѣра живая у насъ. Во мракѣ, въ холодномъ просторѣ собора, накопилось много молитвъ, пѣснопѣній, мыслей людскихъ... Горя... Застыли въ холодномъ сумракѣ... Мѣсто свято тамъ. Какъ великъ, непостижимо великъ народъ, создавшій соборъ, иконы, тихія лампы, и глубоко понявшій кроткую вѣру Христа!

Вѣрочка ждала, что Ѳеодоръ Михайловичъ что-нибудь скажетъ, но онъ сидѣлъ, опустивъ голову на ладони.

— Я была въ Римѣ, видѣла соборъ св. Петра. Не то. Тамъ на готовомъ строили. Въ тысячелѣтнія языческія вѣрованія вклинилась христіанская вѣра. Вы понимаете, тамъ что-то отъ язычества. Отъ Юпитера и Венеры. Кроткой чистоты нѣтъ. Того, что у насъ... въ православіи. Въ глухія приневскія болота, въ лѣса Московіи, гдѣ ничего

ничегошеньки, не было... въ половецкія степи, Русскіе принесли свою вѣру Христову... На голомъ просторѣ поставили великолѣпныя громады храмовъ и монастырей и создали поэтическую прелесть Русскаго православнаго богослуженія.. Такой народъ, Ѳеодоръ Михайловичъ, погибнуть не можетъ. Ленину и большевикамъ не сокрушить православную вѣру и не свалить имъ Россіи... А будетъ Россія — нужны ей будете и вы.

Очень я ей нуженъ!

— Ѳеодоръ Михайловичъ! У васъ есть дѣти... Тамъ есть мальчики и дѣвочки, и еще родятся и будутъ рождаться. И мы не знаемъ, какъ жить?... И мы не знаемъ, гдѣ правда?... И кто-же намъ расскажетъ про старую, красивую Россію? Кто станетъ съ собою водить въ церковь, пока незамѣтно не окружить она насъ святыми чарами и не научить любви къ Богу. Вы, генераль Государевой службы и много офицеровъ, такихъ, какъ мой братъ Димочка, какъ ваши сыновья, ждутъ вашего слова, вашего совѣта... Можно, Ѳеодоръ Михайловичъ, сто политехникумовъ кончить, пройти десятки раб-факовъ, но имѣть пустое сердце... А съ пустымъ сердцемъ не создать Россіи. Какъ-же вы хотите понапрасну погибнуть!

— Куда я годенъ, самъ заблудшій, дьяволу поклонившійся.

— Именно вы!.. Именно вы, прошедшій эти муки и знающій ихъ. Вы все скажете! Какъ никто. Вы скажете: — я все прошелъ. Я все испробовалъ, — и я знаю: Россія: — только православная. Россія только царская. Въ Россіи — Русскимъ нѣтъ жизни. Русскіе только въ православной царской Россіи... Вамъ повѣрятъ...

Было долгое молчаніе. Подъ ногами у Вѣрочки гудѣли и пѣли рельсы. Въ сырой мглѣ показался одинокій желтый паровозный фонарь, и громокъ и звученъ былъ стукъ колесъ по путямъ. Изъ лѣсной сырой мглы, пахнувшей сосною и смолою появился паровозъ. Онъ остановился у водокачки и слышно было, какъ лилась вода изъ желѣзнаго рукава. Въ сырость воздухъ раздавались голоса.

— А плацформы и вагоны? — спрашивалъ кто-то, махая ручнымъ фонаремъ со станціи.

— Эге! — отвѣчали съ паровоза и шумъ воды глушилъ слова, — угнали.

— Кто угналъ?

— Красныи угнали... Тамъ красныи... едва ноги унесли.

— Наши идѣ?

— За Тайцами... Съ полъ-версты не будетъ.

— Воды возьмете, отправлять будемъ.

— А Волосово какъ? Не съ матросами?

— Проскочите. Сейчасъ номеръ седьмой прошелъ. Телефонили: — ничего... Тихо.

Звякнуло желѣзо трубы, откинутой отъ тендера, пыхнулъ паромъ паровозъ, тяжело дохнулъ разъ, другой и, сверкая красными топками, прокатилъ мимо Оедора Михайловича и Вѣрочки.

— Пойдемте, — сказала Вѣрочка. — Сейчасъ, вѣрно, отправлять будутъ.

Оедоръ Михайловичъ всталъ и молча пошелъ за Вѣрочкой.

VIII.

Дожди размочили дороги. Отъ нихъ набухли болота. Раннія сумерки, темныя ночи, плохіе ночлеги, усталость, недоѣданіе порождали нелѣпные слухи. Провѣрить ихъ было нельзя: — кавалеріи не было и штабы дивизій питались свѣдѣніями отъ жителей и отъ бѣженцевъ. Къ громадному обозу «арміи» прибавлялись повозки и толпы жителей. Точно увлекаемые какимъ-то рокомъ снимались съ насиженныхъ гнѣздъ разоренные революціей помѣщики, чиновники, рабочіе и крестьяне. Съ женщинами и дѣтьми, съ котомками, корзинами и увязками шли они за арміей, сами не зная, куда и зачѣмъ. Бѣжали въ послѣднюю минуту, непродуманно, хватая впопыхахъ ненужныя вещи и оставляя дома цѣнныя бумаги и документы. Когда бѣжали, думали: — «ненадолго, мы скоро вернемся», потому что не умѣшчалась въ головѣ мысль, что «дома», своего угла не будетъ никогда. За Сѣверо-западной арміей тянулись подводы, двуколки, извозничьи пролетки и толпы закутанныхъ въ самое разнообразное тряпье жителей. На ночлегахъ не хватало мѣста. Дома и дачи разбирали войсковыя части

и бѣженцы становились биваками въ грязи осенней распутицы, на дорогахъ подлѣ взбухшихъ, надувшихся водою канавъ. Они расфивались по полямъ, ища топлива и ѣды. Они собирали кочерыжки капусты, забытый, промерзшій картофель, ходили просить милостыню у добровольцевъ и у крестьянъ. Въ ихъ станѣ плакали больныя и простуженныя дѣти, кашляли глухимъ, раздрающимъ горло, мучительнымъ кашлемъ. Среди поля, на чемоданахъ, подъ пледами и тряпьемъ, сидѣли молодыя и старыя женщины, съ худыми лицами, обострившимися носами и подбородками, и изъ расширенныхъ глазъ ихъ глядѣлась ни съ чѣмъ не сравнимая тоска. Онѣ жадно прислушивались ко всякимъ слухамъ, къ артиллерійской, пулеметной и ружейной стрѣльбѣ и опредѣляли, что дѣлать. Когда на сѣверѣ гремѣла канонада, въ ихъ станѣ слышались голоса, полныя надеждъ.

— Англичане бомбардируютъ Кронштадтъ.

— Кронштадтъ возьмутъ, все по иному пойдетъ.

— Самое ихнее поганое гнѣздо.

— Слыхать, наши получили подкрѣпленіе, опять Красное Село занимать будутъ.

— Охъ вернуться-бы! Тамъ мамаша осталась, старушка восьмидесяти-пяти лѣтъ. Какъ-то она?

— А не убьютъ?

— Можетъ, на старости пожалѣютъ.

— Финляндія выступила. Маннергеймъ пріѣхалъ, поднять народъ и съ сѣвера идетъ на Петроградъ.

— Деникинъ Тулу занялъ. Недалеко и до Москвы.

У жалкихъ костровъ, гдѣ трещали сырые сучья и кипятили въ жестянкахъ отъ консервовъ красноватую желѣзистую воду, жались люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія. На бурочномъ пальто, подложивъ подъ бокъ шотландскій пледъ, лежалъ худощавый, высокій штатскій, съ курчавой темной бородкой, съ пенсне на шнуркѣ на носу. Былъ онъ гласнымъ Павловской думы, встрѣчалъ вошедшія въ Павловскъ войска, привѣтствовалъ ихъ хлѣбомъ солью и рѣчью, говорилъ свитыя слова о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, поцранныхъ большевиками, отводилъ квартиры, указывалъ скрывшихся комиссаровъ и агентовъ чрезвычайки и наскоро въ полуразрушенной богатой своей дачѣ устраи-

валъ чай съ закусками для дорогихъ гостей... А потомъ, темною ночью, на знакомомъ извозчикѣ, съ двумя сыновьями гимназистами, оставивъ дома больную жену, не пожелавшую ѣхать съ ними, бѣжалъ за обозомъ уходящихъ частей дивизіи генерала Вѣтренко. Въ Гатчинѣ ночевалъ подъ крышей, а теперь вторую ночь проводить подъ пролеткой извозчика, гдѣ попало. У него одна мечта добраться до Гунгербурга. Тамъ у него есть дача.

Старшій сынъ его, юноша шестнадцати лѣтъ, крѣпился и помогалъ разжигать костеръ, ходилъ въ лѣсъ собирать вѣтки и листья. Младшій, мальчикъ 12-ти лѣтъ, лежалъ на извозничьемъ полушубкѣ. Голова его пылала въ жару. Тифъ начинался.

Вчера на привалѣ хоронили дѣвочку, — дочь учительницы, умершую ночью отъ тифа. Сосѣди принесли изъ деревни лопаты и копали могилу въ песокѣ. Когда раскопали на аршинъ, показалась черная вода. Въ воду, безъ гроба, положили худенькое тѣльце дѣвочки въ коричневомъ платѣ гимназистки и засыпали мокрымъ пескомъ. Старый священникъ, бѣженецъ, на память читалъ молитвы. Маленькая кучка чужихъ людей возилась съ бившейся въ истерикѣ матерью и ея двумя маленькими дѣтьми, кричавшими, заглушая слова молитвы, пронзительными голосами все одно и тоже слово: «мама!.. мама!»..

У богатой Петербургской домовладѣлицы на рукахъ скончался ребенокъ и она носила два дня его съжившійся синій трупикъ, не желая отдавать его хоронить.

Наступали темныя сумерки, съ набухшаго неба сыпалъ мелкій, холодный, томительный октябрьскій дождь и уже не просыхали подъ нимъ покинутые всѣми люди. Когда, сбившись въ какой нибудь ригѣ или сараѣ, на балконѣ дачи, или просто подъ стогомъ стараго сѣна, подъ телѣгами, они говорили, перекидываясь словами, становилось страшно. Нельзя было понять, гдѣ былъ бредъ, гдѣ ясныя мысли.

— Не можетъ Богъ позабыть насъ... Не можетъ не вспомнить, и не пощадить насъ...

— Господа! Есть-же цивилизація и гуманность. Мы живемъ въ двадцатомъ культурномъ вѣкѣ.

— Надо избрать депутацію къ генералу Юденичу и къ иностраннымъ миссіямъ и просить о помощи.

— Такого бѣдствія никогда не бывало.

— Мы чужого не хотимъ. Мы своего ищемъ. У меня въ Петербургѣ три дачи пустыя, да у тестя моего въ Силамягахъ двѣ — я пятьдесятъ человѣкъ могу помѣстить.

— Не можетъ того быть, чтобы Юденичъ сунулся зря. Это временный отходъ.

— Англичане отказались давать танки.

— Вчера у красныхъ взбунтовались матросы... Троцкий пріѣхалъ ихъ умирять, одинъ матросъ, — мнѣ и фамилію его называли, да я позабылъ, — Кутырь что-ли, — выхватилъ револьверъ и застрѣлил Троцкого.

— Да котораго?

— Какъ котораго?

— Въ томъ-то и дѣло, что ихъ три и, кто настоящій никто не знаетъ.

— Наши у Волосова окапываются.

— Отъ Гатчины отошли.

— Отошли, но замѣьте, безъ давленія противника, по стратегическимъ соображеніямъ.

— Знаемъ... слышали...

— Коля! спаси меня! Танкъ надвигается на меня. Танкъ давитъ мнѣ голову.

— Успокойся, дорогая... Ничего нѣтъ.

— Нѣтъ... я слышу шумъ его панцирей и какъ скребетъ онъ по песку.

— Это сосны шумятъ надъ твоею головою. Мы на дачѣ, моя родная.

— На дачѣ?... Но почему такъ холодно?... А насъ не будутъ разстрѣливать?

— Нѣтъ, родная. Мы ушли отъ нихъ.

— Но я вижу сверканіе въ небѣ. Это рвутся ихъ шрапнели.

— Это звѣзды, милая. Яснѣетъ небо... Морозъ стягиваетъ лужи. Станетъ сухо и ты поправишься.

— У меня тифъ?

— Соня, ты просто простудилась отъ непривычки ночевать у костра.

— Милый... если у меня тифъ, — брось меня. Не возись, не заражай себя. Пожалѣй Талю и Колю.

Подъ телѣгой, у котелка на кострѣ, хозяйственно, домовито устѣлась крестьянская семья. Старый мужикъ въ бараньей шубѣ помѣшивалъ деревянной ложкой въ котелкѣ картофель. Противъ него двѣ бабы и съ ними трое дѣтей.

— Что дѣлать будемъ, Егоръ Спиридоновичъ? И куда идемъ незнаемо, невѣдомо. Развѣ такъ можно? Хоть-бы начальство какое прислали, чтобы руководило.

— Безъ начальства точно трудно, а только и своимъ умомъ проживемъ. У меня, въ Ямбургѣ, кумъ, бакалейнымъ товаромъ торговалъ. Я такъ полагаю, прямо къ нему и никакѣхъ. Торговать, Матрена, будемъ.

— Да торгъ-отъ какой, нонѣ. И не пойму я, какія деньги настоящія. То знала совѣтскія, да думскія, а теперя вотъ пошли Юденичи что-ли, да эстонскія, «вабарыки»¹⁾ прозываются. Вчора солдату папирось продала, суетъ, а я и не пойму, что... Какая теперь торговля!

— Хотя-бы царь скорѣе объявился. А то надоѣли, пропади они пропадомъ, то Зиновьевъ, то Троцкій, то Родзянки пошли и, кому кланяться, не знаешь. Песъ ихъ пожри.

И шли, шли дальше. Несли въ котомкахъ свое жалкое имущество, несли свои заботы, планы о будущемъ, мечты, воспоминанія прошлаго, несли истощенное голодомъ и болѣзнями тѣло и, чѣмъ больше страдали, тѣмъ больше тянулись къ жизни и мечтали найти такую спокойную страну, гдѣ бы можно было имѣть крышу, тепло и хотъ разъ досыта поѣсть, обсушиться и помыться.

Шли, и несли съ собою тифъ...

IX.

Въ Ямбургѣ бѣженцы задержались. Съ 14-го октября по 1-ое ноября они стояли станомъ подъ Ямбургомъ и въ Ямбургѣ, ожидая какого-то поворота къ лучшему. «Начальство» приказало въ Ямбургѣ возобновить торговлю и повѣсить на лавкахъ вывѣски. По странной случайности уцѣлѣла отъ большевиковъ и была повѣшена только одна вывѣска: — гробовщика.

¹⁾ Waba-riki надписи на эстонскихъ кредитныхъ билетахъ — государственная бумага. Русскіе прозвали ихъ вабарыками.

По телеграфнымъ столбамъ и заборамъ расклеивали воззванія и ловунги, призывавшіе къ борьбѣ съ большевиками и поступленію въ добровольческія части.

«Бѣлый воинъ несетъ миръ и свободу...»

«Почему ты не доброволецъ»?...

«Спасеніе Россіи въ уничтоженіи коммунизма.»

«Вмѣсто хлѣба и свободы

Голодъ, холодъ и невзгоды,

Большевикъ несетъ народу.»

«Кто стоитъ за правое дѣло,

Кто въ бою, отваженъ, спокоенъ,

Жизнь отдастъ кто за родину смѣло?

Это бѣлый доблестный воинъ.»

Клочки розовой, бѣлой и голубой бумаги расклеивались на всѣхъ видныхъ мѣстахъ. Кто-то тщательно ихъ снималъ.

Навстрѣчу отходившей волнѣ бѣженцевъ была выдвинута благотворительность. 14-го октября, энергичный, распорядительный Петербургскій фабрикантъ Цоппи, когда-то богатый, независимый человѣкъ, теперь полубѣженецъ и эмигрантъ открылъ на станціи Волосово первый питательный пунктъ на 365 бѣженцевъ. Затѣмъ у станціи Веймарнъ, въ имѣніи Пустомержи, въ деревняхъ Лялицы и Ямсковичи, открылись убѣжища на 30, 150 и 200 человѣкъ.

Но, что могли они сдѣлать, когда стихійно росла волна бѣженцевъ и быстро достигла грозной цифры въ 15 тысячъ человѣкъ. Населеніе большого уѣзднаго города катилось на западъ впереди арміи, предваряя ея отступленіе.

Дожди смѣнились яркими, солнечными, морозными днями. Лѣса и сады просыпались утромъ въ серебряномъ уборѣ. Искрился, игралъ брилліантами снѣжныхъ кристалловъ иней, сіяли въ немъ кусты и деревья. Ледяной покровъ уже не таялъ подъ лучами не грѣющаго Петербургскаго солнца.

Кто могъ, распоясая по дачамъ. Гнѣздились по пятнадцати, по двадцати человѣкъ въ дачной комнатѣ. По ночамъ бывало такъ тѣсно, что ложились отдыхать по очереди, одни лежали, другіе стояли. Одни согрѣвались животною теплотою, а другіе ждали, какъ милости, чтобы пустили погрѣться съ холодныхъ балконовъ и изъ садовъ.

Морозъ крѣпчалъ. Въ уцѣлѣвшихъ на дачахъ градусникахъ ртуть опустилась до четырехъ, потомъ до девяти, потомъ до одиннадцати градусовъ. Чугуномъ авенѣло замерзшее шоссе, вѣтеръ завивалъ на немъ холодные, пыльные смерчи, бросалъ ихъ въ глаза, гналъ съ тихимъ шелестомъ бумагу и солому, сбивалъ съ травы иней и бѣлымъ узоромъ наметалъ на черныя, въ бѣлыхъ пузыряхъ, замерзшія лужи.

На красныхъ лицахъ бѣженцевъ проступала кровь. Начались обмороженія рукъ и ногъ и некуда было дѣвать ознобленныхъ . . .

21-го октября сдали безъ боя Гатчину. Чтобы подпереть части генерала Родзянко и графа Палена, стоявшія у Таицкаго водопровода, брали по частямъ роты и батальоны изъ дивизіи князя Долгорукаго, занимавшей Лугу. Луга осталась безъ охраны и была занята красными. Насильно вооруженные крестьяне, гонимые матросами, шли къ Витино. Гатчино могло быть окружено. . . Двумя быстрыми маршами добровольцы отошли на Волосовскую укрѣпленную позицію. Позицію укрѣпляли еще осенью, когда болота были непроходимы, и она упиралась флангами въ болотистые лѣса. Она казалась неприступной. Морозы сковали болота и въ Волосовѣ части чувствовали себя неуютно.

25-го ноября, по Ямбургу, тревожнымъ шопотомъ пошелъ слухъ, неясный и темный. Красная кавалерія прорвалась за правый флангъ нашей позиціи и подходитъ къ Гдову.

Въ Ямбургъ два раза пріѣзжалъ генералъ Юденичъ. Шли какія-то, бѣженцамъ невѣдомыя совѣщанія, торопились достроить желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Лугу. Поговаривали о новомъ наступленіи, но поспѣшно сворачивали лазареты и склады и увозили въ Нарву. Настроеніе у бѣженцевъ становилось паническимъ.

Ночью, 28-го октября, началась паника. У Кленна, маленькой, притаившейся за Ямбургомъ, у лѣсной рѣчушки, деревни, среди лѣсовъ и болотъ произошелъ ночной бой и занимавшій Кленна Конноегерскій эскадронъ отошелъ. Красные были въ тылу у Ямбурга. Кто-то не только видѣлъ за Ямбургомъ большевицкую кавалерію, но узналъ и вождя ея, полковника офицерской кавалерійской школы, Далматова.

Бѣженская толпа сорвалась и, не думая ни о чемъ, покатилась къ границѣ Эстоніи.

Быль ясный, вѣтрёный, морозный день. Черезъ замерзшую рѣку Лугу, по деревянному мосту на Петербургскомъ шоссе и по льду, по одиночкѣ, группами, пѣшие, и на подводахъ и саняхъ тянулись съ утра бѣженцы.

— Въ Эстонію!

Эстонія казалась обѣтованной землей. «Въ Эстоніи отдохнемъ, отѣдимся, отогрѣмся, поспимъ спокойно.» Оборванные, закутанные во что попало, въ платкахъ и шаляхъ, въ шубахъ и холодныхъ пальто, сгорбленные, придавленные голодомъ шли люди, на что то надѣясь, вѣруя, что кто-то непременно ихъ пожалѣетъ и имъ поможетъ.

Не могъ же Господь-Богъ не видѣть ихъ несчастій, не могъ не слышать ихъ молитвъ, не могъ не замѣтить длиннаго ряда свѣжихъ могилъ и столькихъ дѣтскихъ могилокъ, коекакъ засыпанныхъ, снабженныхъ такими трогательно-наивными, хрупкими крестами сдѣланными изъ щепокъ материнскими руками!!..

За Эстоніей стоитъ Европа. Сидитъ въ Гельсингфорсѣ французскій генераль д'Этьеванъ, а въ Ревелѣ англичанинъ Вильсонъ, доносятъ они обо всемъ въ Парижъ и Лондонъ и правительства Мильерана и Ллойдъ-Джорджа, конечно, обо всемъ освѣдомлены.

Знаютъ они и о мужествѣ старыхъ солдатъ и молодежи, той «золотой молодежи», что казалась никуда негодной и что такъ доблестно умирала на подступахъ къ Петербургу. Донесли имъ о нечеловѣческихъ страданіяхъ людей, виновныхъ лишь въ томъ, что имѣли они несчастье родиться не въ Вяземской лаврѣ, не въ темномъ притонѣ. Имѣли они несчастье получить образованіе и стать культурными людьми, не прошли революціоннаго стажа каторги, ссылки, или тюрьмы, не отреклись отъ Бога и Родины. Ихъ дѣти умерли на поляхъ Восточной Пруссіи, Галиціи и Буковины, защищая Францію и Англію и вотъ они, старики и старухи, бѣженцы, остались теперь беззащитными. У нихъ отняли Царя, имъ навязали Временное правительство. Послы Франціи и Англіи возились съ господами Львовыми и Керенскими. Они взяли на себя послѣдствія переворота и они должны-же позаботиться о всѣхъ этихъ несчастныхъ. Имъ некуда дѣваться. . . «Поймите», — думали они, — «отъ

насъ все отняли. У насъ осталась только жизнь. Дайте же намъ жить!»

Въ толпѣ бѣженцевъ, неся на себѣ свои пожитки шли трое Декановыхъ. Ѳедора Михайловича не было уже съ ними. Въ Ямбургѣ Ѳедоръ Михайловичъ, не дожидаясь суда и разбора его дѣйствій у красныхъ, явился, основываясь на расклеенныхъ объявленіяхъ, въ ближайшій полкъ. Командиромъ полка оказался его товарищъ по училищу и послѣ короткаго разговора, рѣшено было, чтобы не обижать начальниковъ-добровольцевъ, назначеніемъ надъ ними бывшаго краснаго офицера, что Ѳедоръ Михайловичъ вступить въ командованіе первымъ взводомъ 1-ой роты и будетъ считаться какъ-бы поручикомъ.

Ѳедоръ Михайловичъ согласился. Его такъ грызла тоска по Наташѣ, такъ жаждалъ онъ дѣятельности и смерти, что торопился скорѣе стать въ ряды добровольцевъ.

Получивъ обмундированіе, онъ передалъ Деканову свое старое пальто и мѣховую шапку и, когда только могъ, добывалъ ему муку и сало, снабжая Декановыхъ при всякой окавіи.

Исхудалые, обмерзшіе, въ бѣженской толпѣ шли Декановы по обледенѣлому шоссе и Екатерина Петровна вслухъ размышляла, кого изъ знакомыхъ и близкихъ они могли найти въ Нарвѣ и Ревелѣ.

— У Зиновьева, Петроградскаго предводителя, домъ большой въ Нарвѣ. Онъ долженъ меня помнить. Я танцевала съ его сыновьями у княгини Клейнгаузенъ, — говорила Екатерина Петровна, въ тонкихъ, сбитыхъ башмачкахъ ковыляя ознобленными ногами по жесткому щебню.

— Мама, — сказала Вѣрочка, — у Сбручскихъ двѣ дачи въ Гунгербургѣ, а потомъ и имѣніе Фалль подъ Ревелемъ, — вѣдь все-же это наши люди. Въ самомъ Ревелѣ много нашихъ. Это-же мама Русскій городъ, кругомъ Русскій.

— Уже куда болѣе. Наша древняя Колывань, — сказалъ Декановъ, покручивая усъ и снимая съ него ледяныя сосульки. — Однако что это?

Впереди, по шоссе показалось темное пятно народа.

Какъ ручей, прегражденный плотиной, останавливается и разливается вдоль нея, образуя широкое озеро, такъ потокъ бѣженскаго движенія, чѣмъ-то остановленный разли-

вался широкою толпою по ледянымъ, бугристымъ полямъ, по жесткимъ вывороченнымъ плугомъ пластамъ песчаной земли, заливалъ низину, поросшую кустарникомъ, подходилъ къ темному сосновому лѣсу и вливался въ него.

Повсюду, вправо и влѣво отъ шоссе были видны люди, повозки, подобіе шатровъ, кое-гдѣ курился срываеый вѣтромъ дымъ и гомонъ тысячной толпы доносился до Декановыхъ.

— Господи-Боже мой! — воскликнула Екатерина Петровна. — Да что-же тамъ случилось? Неужели эстонцы не пускаютъ черезъ границу?

Х.

Поперекъ шоссе стояли тяжелыя деревянныя рогатки, густо оплетенныя колючей проволокой. Въ проходѣ — рослый солдатъ эстонецъ, бѣлокурый, голубоглазый, широкоплечій. На немъ сѣрая, нѣмецкаго покроя, шинель съ узкими синими погонами, суконная островерхая сѣрая шапочка съ голубою съ чернымъ кокардой. Онъ держалъ подъ мышкой ружье съ примкнутымъ штыкомъ и, засунувъ руки въ карманы и разставивъ ноги въ высокихъ черныхъ добротныхъ сапогахъ, наблюдалъ толпившихся у рогатокъ бѣженцевъ.

Вправо и влѣво отъ дороги узорчатымъ сѣрымъ кружевомъ по замерзшимъ полямъ ползли колья, опутанные проволокой. За ними виднѣлась неровная, зигзагообразная, съ выступами капонировъ пулеметныхъ гнѣздъ линія окоповъ. Кое-гдѣ изъ подъ бревенчатого, присыпаннаго толстымъ слоемъ земли и песку блиндажа, возвышалась черная желѣзная труба. Легкій дымокъ вился къ сѣрому сумрачному небу. Между проволоками стояли человѣкъ пятнадцать солдатъ. Они смѣялись, переговариваясь между собою. Сѣрыя поля уходили къ горизонту, вдоль шоссе тянулись избушки деревни Сала, занятой солдатами. За ними лѣсъ. Острые глаза Деканова рассмотрѣли надъ лѣсомъ бѣлую колокольню и золотой крестъ Ивангородскаго собора.

У самыхъ рогатокъ женщина протягивала къ часовому завернутое въ лохмотья дитя и, плача, истерично кричала. Дитя было бѣлое и тихое. Черные глаза его были неподвижно, съ недѣтскимъ выраженіемъ ужаса направлены зъ даль.

— Дайте, проклятые, хоть дитю-то умереть въ теплѣ. Ироды окайнные. Шестой день на морозѣ маюсь, теплаго во рту не было, ознобила ноженьки, дайте Христа ради погрѣться, хоть каши какой ребенку сварить. Молоко все у грудяхъ замерзло. Неужели такъ на холоду, на болотѣ, помирать будемъ. И на васъ управа найдется.

Часовой глупо ухмылялся, а когда женщина пыталась подойти ближе, онъ, не вынимая ружья изъ подъ мышки, направлялъ штыкъ на женщину и мрачно мычалъ, какъ мычать на надѣвшую собаку:

— Но! Но-о!..

— Имъ чужое горе что!, — говорила женщина въ черной соломенной шляпкѣ. — Давѣ офицеръ подходилъ. Я ему толкомъ говорила, что я къ себѣ домой, иду, Ивангородская, молъ, я мѣщанка. Куды и слушать не хотить. Кулакомъ къ лицу тычетъ. Тутъ, молъ, вамъ не Россія, а Эстія. Сволочь проклятая, что я въ училищѣ-то географію не учила? Нарвскій уѣздъ Петербургской губерніи вотъ и весь сказъ. Обрядились, какъ нѣмцы, важности понабрались и фордыбачатся. А наше начальство молчить. И куды позадѣвалось оно все? При Царѣ развѣ смѣли такъ, чтобы дитя умирало, люди замерзали и такая издѣвка надъ православными была.

— При царѣ! Эко чего вспомнила!, — воскликнула, оборачиваясь къ ней, женщина съ ребенкомъ. — Да, рази при царѣ-то мы шатались такъ зимою по лѣсамъ, по болотамъ. Да я ночью и лѣтомъ въ лѣсъ зайти боялась. А теперь на-кося шестую ночь ночевавши безъ одѣжи теплой. И ребенка совсѣмъ загуби-ила!..

Женщина отошла въ сторону, разрыдалась, сѣла на краю канавы и, растегнувъ кофту, стала вынимать изсохшую синюю грудь, собираясь кормить.

На кучѣ щебня сидѣлъ Павловскій гласный и со стоическимъ хладнокровіемъ читалъ газету. Вѣтеръ моталъ чернымъ шнуркомъ его пенсне и шуршалъ газетой. За канавой, укутанный пледомъ лежалъ его больной сынъ. Другой сынъ-гимназистъ сидѣлъ надъ нимъ и задумчиво смотрѣлъ вдаль...

Декановъ подошелъ къ гласному.

— Антонъ Павловичъ, — сказалъ онъ, — что же это тутъ дѣлается?

Антонъ Павловичъ отложилъ газету, посмотрѣлъ на Деканова красными, слезящимися, обмерзлыми глазами и сказалъ жалобнымъ, простуженнымъ, срывающимся на высокія ноты голосомъ.

— Европейская справедливость, или христіанская добродѣтель старушки Европы. Намъ приказано не пускать. Коротко и просто... Видите, тамъ дальше проволока? По ней токъ пущенъ. Вчера, рассказываютъ, мужичекъ одинъ освирѣпѣлъ и пошелъ черезъ нее. На смерть убило. Оттащили къ намъ и намъ-же хоронить приказали.

— Но приняты какія-нибудь мѣры? — спросилъ Декановъ. Ему отозвался отъ кучки мужчинъ, сидѣвшихъ кружкомъ у дымящаго костра, ѣдко пахнущаго можжевельникомъ, полный круголицый человѣкъ и Декановъ узналъ въ немъ богатаго петербуржца и царскосельскаго дачевладельца.

— Начальникъ 1-ой эстонской дивизіи генераль Теннисонъ приказалъ Русскихъ въ Эстію не пускать. Онъ, видите-ли на войнѣ въ Русской арміи обознымъ батальономъ командовалъ, такъ знаетъ, какъ надо съ Русскою сволочью обращаться. Ну, а насчетъ мѣръ — хлопочутъ. Министръ вчера Сѣверо-Западнаго правительства пріѣзжалъ, знакомиться съ нашимъ положеніемъ. Теперь въ Таллинъ уѣхалъ, будетъ докладъ дѣлать президенту Теннисону.

— Позвольте, — сказалъ Павловскій гласный, — но вы сейчасъ назвали Теннисономъ начальника эстонской дивизіи.

— Такъ точно. И тотъ Теннисонъ, и этотъ. Тотъ хочетъ пустить и даже министру внутреннихъ дѣлъ господину Геллату приказъ отдалъ осмотрѣть, нельзя-ли насъ размѣстить по пустымъ, нашимъ-же Русскимъ дачамъ въ районѣ станцій Корфъ и Іеве. Такъ-что, какъ видите, мѣры приняты. Сѣверо-Западный министръ даже обнадеживалъ вчера, что какая-то смѣшанная Русско-эстонская комиссія на автомобиляхъ поѣдетъ осматривать районы и будутъ хлопотать передъ американцами, чтобы они насъ на паекъ взяли. Въ животныхъ мы, Русскіе, обращены были въ совѣтскомъ раю, ну и тутъ животными пребываемъ, посадятъ по клѣткамъ и

будутъ кормить, а вы чувствуете это и лижите благородныя руки... Деньковъ этакъ черезъ семь общаютъ движеніе воды.

— Но позвольте, — со слезами въ голосѣ сказалъ Павловскій гласный, — но мы подохнемъ здѣсь деньковъ черезъ семь. У меня сынъ въ тифу лежитъ... Вы слышите... Тамъ опять кого-то отпѣваютъ. И это въ ста верстахъ отъ столицы Россійской Имперіи и въ двадцати верстахъ отъ стараго Русскаго Ивангорода.

— Это ихъ не касается. Эстія замиряться желаетъ съ большевиками. Господа эстонцы упиваются своею свободой и хотятъ жить. У нихъ сессія парламента, земельный законъ провести надо, а тутъ бѣженцы съ тифомъ и съ голодными желудками.

— Я на эстонцевъ и не рассчитываю, — сказалъ гласный, — но тамъ стоитъ англійскій флотъ, а Эстія созданіе Англіи. Развѣ безъ Англіи могла-бы существовать самостоятельно одна изъ самыхъ маленькихъ Русскихъ губерній...?

— А что-же будетъ дѣлать Сѣверо-западная армія? — спросилъ Декановъ.

— И это предусмотрено. Разоружена и выдана совѣтской республикѣ. Коротко и просто.

— Вы это такъ спокойно говорите!

— Я, Николай Николаевичъ, спокойствію обученъ за это время... Очень даже обученъ. Если-бы, скажемъ, я сейчасъ увидѣлъ, что пришли эстонскіе и англійскіе солдаты и стали бы ловить нашихъ женъ и дочерей, убивать ихъ, свѣжевать, какъ скотину, и мясомъ кормить собакъ, я бы не удивился. Убиваютъ и свѣжуютъ на ихъ глазахъ нашу Родину и мясомъ ее кормятъ Польшу, Латвію, Эстонию, — это никого не удивляетъ. Россію надо уничтожить. — Поняли?... Не нужна она больше.

— Не будемъ говорить о политикѣ, — примирительно сказалъ гласный. — Я сейчасъ могу говорить только о личномъ. Вы понимаете: у меня сынъ въ жару на морозѣ лежитъ. Вы посмотрите, какое небо. Вотъ вотъ вьюга задуетъ.

— Имъ, Антонъ Павловичъ, — говорилъ толстый господинъ, — до вашего сына дѣла нѣтъ. Они о себѣ думаютъ. Только о себѣ. Ихъ картофельная республика жить хочетъ. Она вашу Сѣверо-западную армію епитъ и видитъ, — какъ-

бы безъ остатка слопать. Въ ея командномъ составѣ чуть не на третъ графы, да бароны — мѣстные землевладѣльцы. Чѣмъ круче съ ними большевики поступать, тѣмъ глаже пройдетъ земельный законъ. Да что ихъ осуждать. Всѣ такъ бы поступили, какъ они. Своя рубашка къ тѣлу ближе.

— Всѣ, но только не Русскіе! — воскликнулъ Декановъ.

— А какъ-же поступили-бы по вашему Русскіе?

— То есть?

— Ну вотъ, положимъ, Россія. . .

— Императорская Россія — вставилъ Декановъ.

— Ну, хоть Императорская Россія. . . И на границѣ ея вотъ такъ-же столпились-бы бѣженцы, скажемъ, англичане и французы. Тоже, голодные, озябшіе. . . Уже я не знаю, что произошло, землетрясеніе, наводненіе, все равно, — словомъ, — некуда имъ дѣваться. Вы думаете, ихъ пустили-бы?

— Полноте, полноте, — заговорилъ Декановъ. — Они еще и подойти къ границѣ не успѣли-бы, какъ губернаторъ въ золотомъ мундирѣ и бѣлыхъ штанахъ на тройкѣ примчался-бы къ границѣ. Изъ сосѣдняго села принесли-бы хлѣбъ-соль. . . Антонъ Павловичъ надѣлъ-бы цѣпь и во фракѣ и цилиндрѣ привѣтствовалъ-бы ихъ рѣчью. По городамъ и селамъ какая суета-бы шла. Въ домахъ отворили-бы лучшіе покои, пекли-бы пироги, закупали вино. Общественность организовала бы комитеты и мы не знали-бы, какъ и куда усадить нашихъ братьевъ, попавшихъ въ несчастье.

— Да, развѣ не такъ было, — раздались голоса отъ той группы, гдѣ сидѣлъ круглолицый. — Вспомните корабли съ Русскимъ хлѣбомъ, плывшіе помогать Америкѣ.

— Вспомните добровольцевъ Черняева, шедшихъ умирать за Сербовъ. . .

— Русскаго Императора Александра II въ Шейновѣ, озабоченнаго спасеніемъ Болгаръ.

— Нашихъ моряковъ въ Мессинѣ во время землетрясенія.

— Ну, Русскіе, положимъ, — сдался толстый, — но я не понимаю, почему Русскіе?

— Потому Русскіе, — съ убѣжденіемъ сказалъ Декановъ, — что только Русскіе истинные христіане. Только въ Россіи въ чистотѣ сохранилась основанная на любви православная христіанская вѣра и только Русскіе умѣютъ пола-

гать души свои за други своя... А остальные... Ихъ съѣлъ эгоизмъ. Подъ пышными соборами католиковъ и въ Ватиканѣ не любовь къ ближнему, но эгоизмъ, а въ реформатскихъ, протестантскихъ и лютеранскихъ храмахъ давно вмѣсто Христа философія и вмѣсто богоискательства самый скучный атеизмъ. И прибавьте къ этому все пожравшій «бизнесъ».

— И потому, папа, — сказала Вѣрочка, подходя къ отцу, — насъ и преслѣдуютъ и гонятъ всѣ. Христова церковь была всегда гонима... Пойдемъ, папа, въ лѣсъ. Маму надо устроить въ какомъ-нибудь шалашѣ. Я хочу ей растереть ноги. Она, какъ съѣла, такъ встать не можетъ... А посмотри, что тамъ надвигается, — показала рукою на востокъ Вѣрочка.

Съ востока низкія и темныя неслись тучи. Онѣ краснѣли въ верхахъ, точно за ними пылало пламя. Ледяной вѣтеръ задувалъ. Онъ разогналъ эстонцевъ. Полами шинели окручивалъ онъ ноги часового. Бѣженцы пошли въ лѣсъ. У проволоки, въ канавѣ, осталась женщина съ обледенѣлой, сухою, обнаженной грудью. Она пыталась кормить умирающаго ребенка. Вѣтеръ развѣвалъ космы волосъ. Она качалась изъ стороны въ сторону и казалась куклою. Большіе выпуклые глаза свѣтлѣли, ничего не выражая. Ни страданія, ни печали. Медленно, капля за каплей, катились изъ нихъ по обледенѣлымъ щекамъ слезы и, падая, замерзали прозрачными кристаллами.

И, когда она осталась одна, часовой вышелъ изъ-за закрытія и грубо, по мужицки, ругаясь, погналъ ее изъ канавы.

— У, собачья дочь, пошла отсюда! Подыхай въ сторонкѣ, холера поганая и со щенкомъ своимъ! Прибирай тебя потомъ.

Жалкими, какъ у побитой собаки, глазами она смотрѣла на эстонца. Онъ ударилъ ее прикладомъ въ спину, схватилъ за руки и вытянулъ изъ канавы. Кротко смотрѣли на него печальные глаза. Онъ толкнулъ ее къ лѣсу, поддалъ прикладомъ подъ ноги, и она пошла, спотыкаясь о замерзшія, песчанья борозды. Она прошла шаговъ триста, качнулась въ сторону, остановилась, упала ничкомъ и затихла, уткнувшись лицомъ въ ледяную землю и закрывая своимъ тѣломъ ребенка.

Вѣтеръ вадуваль ея легкія юбки, обнажая ноги, укрупченныя сѣрыми шерстяными чулками, и игралъ ея волосами, выбивая ихъ изъ-подъ платка. Она не шевелилась.

Съ востока отъ Ямбурга понеслись первыя острыя снѣжинки. Онѣ катились по замерзшему шоссе, шелестѣли по травѣ и сухимъ листьямъ брусники. За ними точно бѣлая стѣна надвинулась. Небо стало бѣлымъ. Горизонтъ заслонили вихрями несущіяся снѣжныя полосы и все стало принимать зимній видъ. Природа точно торопилась замести слѣды человѣческаго горя, покрыть низкіе холмики могилъ, засыпать снѣгомъ женщину съ ребенкомъ.

Въ лѣсу, сбившись стадомъ, стояли бѣженцы. Декановъ, разжившійся гдѣ-то топоромъ, мастерилъ неумѣлыми, красными, потрескавшимися руками шалашъ для Екатерины Петровны. Вѣрочка у сосѣдей на кострѣ кипятила воду.

Два дня шелъ снѣгъ. Два дня бивакомъ стояли въ лѣсу бѣженцы. Чѣмъ-то питались, чѣмъ-то согрѣвались, одоляя другъ-другу... Хоронили умершихъ. Умеръ гимназистъ, сынъ Павловскаго гласнаго. Декановъ съ толстымъ краснымъ человѣкомъ копали ему на опушкѣ, въ снѣгу, могилу. Закопали мелко, безъ гроба, положивъ ставшее маленькимъ и легкимъ бѣлое тѣло. Отецъ тупо смотрѣлъ на него. Снѣгъ падалъ на его обнаженную голову, таялъ и текъ на лобъ и на пенсне, и Антонъ Павловичъ безмысленно повторялъ: —

— Европа видитъ... А Богъ не видитъ...

На третій день пріѣхала эстонская коммиссія. Бѣженцевъ стали пропускать за проволоку и направлять въ поѣздахъ и пѣшкомъ по дачнымъ мѣстамъ. Явились американцы и организовали кормленіе дѣтей и выдачу пайковъ взрослымъ.

Декановы отыскиали своего бывшего конторщика. Онъ служилъ на суконной фабрикѣ, бывшей Штиглица, теперь эстонской государственной, въ канцеляріи и имѣлъ квартиру и прислугу. Онъ радушно уступилъ двѣ комнаты Декановымъ и прислалъ за Екатериной Петровной сани. Когда шли по шоссе, обсаженному деревьями къ заводскимъ постройкамъ, снѣгъ лежалъ глубокій и рыхлый, было не больше трехъ градусовъ мороза, пасмурно и тихо... Вдали подъ Ямбургомъ гулко гремѣли пушки.

Большевики наступали.

XI.

Отъ Троцкого — приказъ краснымъ войскамъ: — взять Нарву во что бы то ни стало. Эстонскія позиціи у Нарвы не были сильны, но онѣ были укрѣплены и окружены проволокой. Взять ихъ нужна хорошая артиллерія и много снарядовъ, а ни того, ни другого у красныхъ нѣтъ. Эстонская позиція тянется отъ моря, замерзшаго у береговъ, къ деревнѣ Сала на петербургскомъ шоссе, между Ямбургомъ и Нарвой, потомъ загибаетъ широкою дугою къ деревнѣ Низы, подходитъ къ рѣкѣ Наровѣ и идетъ по Наровѣ до Чудского озера, уже замерзшаго. Хорошо укрѣплена она только на участкѣ, захватывающемъ шоссе и Балтійскую дорогу. Здѣсь окопы въ ростъ человѣка, блиндажи, траверсы, пулеметныя гнѣзда, проволока въ двѣ полосы, каждая въ три ряда прочныхъ кольевъ, здѣсь и толстый электрическій проводъ. Къ флангамъ укрѣпления становятся ниже, мельче, дѣлаются прерывчатыми, проволока не вездѣ натянута, кое гдѣ торчатъ одни колья, — позиція не настоящая, а партизанская, добровольческая. Надѣялись на болота, — болота замерзли. Надѣялись на рѣки Плюссу и Нарову, на Чудское озеро — ноябрьскіе морозы ледяными мостами покрыли ихъ. Обойти Нарвскую позицію можно гдѣ угодно, это знаютъ эстонскія и добровольческія части, занимающія позицію и потому очень нервны. Эстонцы двумя дивизіями, — 1-ой и 4-ой — занимаютъ лѣвый участокъ позиціи отъ моря до Петербургскаго шоссе. На лѣвомъ ихъ флангѣ стоитъ 4-ая дивизія, составленная изъ рабочихъ, зараженныхъ коммунистическимъ духомъ. Въ ней — постоянные разговоры, что пора кончать войну, соединиться съ большевиками и идти съ ними въ Нарву арестовывать Русскихъ офицеровъ. Въ Нарвѣ толпа эстонскихъ солдатъ напала на Русскаго офицера и срѣзала у него револьверъ. Съ Русскаго офицера сорвали погоны. . . Тамъ обругали. . . Тамъ побили. . .

Въ центрѣ позиціи — лучшая эстонская дивизія генерала Теннисона. Офицеры въ ней эстонцы, бывшіе офицеры, фельдфебели и унтеръ-офицеры Россійской Императорской Арміи. Она примыкаетъ къ Русскимъ частямъ Добровольческой арміи. Здѣсь между эстонцами и Русскими отношенія добрососѣд-

скія. Отъ деревни Сала до деревни Низы стоятъ Талабскій, Семеновскій, Уральскій и другіе полки Сѣверозападной арміи. Талабцы, — крестьяне рыбаки, жители Талабскихъ острововъ на Чудскомъ озерѣ, убѣжденные противобольшевики и отличные солдаты. Семеновцы, лѣтомъ въ полномъ составѣ перешли отъ большевиковъ и желаютъ смыть позорное революціонное пятно, легшее на ихъ полкъ въ дни мартовскаго бунта. Все это хорошіе солдаты и доблестные офицеры. Трудно имъ не называть Эстонию «картофельной республикой», примириться съ тѣмъ, что Ивангородъ и Нарва больше не Русскіе города. Трудно воевать по приказу эстонскаго главнокомандующаго, генерала Лайдонера, бывшаго полковника Русскаго генеральнаго штаба, но стараются. Выбора нѣтъ: — большевики, или эстонцы.

Нелегко и эстонцамъ. Имъ жутко видѣть опять среди себя балтійскихъ бароновъ и знать, что цѣлая Ливенская дивизія составлена изъ нѣмцевъ. Русское засилье они еще признали-бы, но нѣмецкаго боятся, какъ огня. Соблазнъ великъ. Большевики предлагаютъ выгодный хорошій миръ и миръ былъ-бы заключенъ, если-бы не мѣшали этому англичане и французы, настаивающіе на продолженіи борьбы.

У эстонцевъ нѣтъ настроенія воевать, нѣтъ этого настроенія и у большевиковъ. Они приканчиваютъ Деникина. Они все бросили для занятія Харькова, Кіева и Царицына и на Нарвскомъ фронтѣ у нихъ только мобилизованные рабочіе, нѣсколько дивизій Петроградскаго округа, бронепоездъ «товарищъ Ленинъ», одна тяжелая батарея и почти нѣтъ конницы. И отъ этого большевики привязаны къ желѣзной дорогѣ, мало подвижны и не рискуютъ овладѣть Нарвою широкимъ маневромъ на Корфъ и Іеве, движеніемъ на Ревель. . .

И тѣмъ не менѣе: отъ Троцкаго приказъ: — взять Нарву во что-бы то не стало! . .

Федоръ Михайловичъ окончилъ обходъ окоповъ своего участка. Полкъ, гдѣ онъ служить, занималъ позицію на стыкѣ съ эстонцами у деревни Сала. Только перейти шоссе, загороженное рогатками и другой разговоръ, другое довольствіе, другая служба.

Федоръ Михайловичъ добросовѣстно продѣлалъ все то, что когда-то требовалъ, чтобы дѣлали вводные командиры

его бригады на Германскомъ фронтѣ. Только противогазовъ и средствъ противогазовой обороны не провѣрялъ. Не было противогазовъ, не было и средствъ противогазовой обороны. Да и многого не было. Винтовки были грубо вычищены: — не выдавали смазки. Ходы не были отчищены отъ снѣга, — не хватало лопатъ. О чемъ ни спрашивалъ Ѳедоръ Михайловичъ, на все былъ одинъ отвѣтъ: — «нѣтъ»... «не было»... «не выдавали»... «не получали»... Съ грустью убѣждался. Ѳедоръ Михайловичъ, что бѣлая армія была еще болѣе импровизированная, чѣмъ красная.

На краю участка Ѳедоръ Михайловичъ сѣлъ на бѣрма траверса и досталъ спрятанный въ окопной нишѣ топоръ и обрубокъ дерева. Онъ со своимъ взводнымъ унтеръ-офицеромъ Дмитріемъ Куличкинымъ точили топоромъ деревянные лопаты. Куличкинъ обучалъ Ѳедора Михайловича. Лопаты были нужны. Снѣгъ засыпалъ неровности земли. Траншеи и ходы сообщенія было необходимо откопать, пока при начавшейся оттепели ихъ не залило водою.

Шелъ мелкій, надоѣдливый дождь и шуршалъ по снѣжнымъ сугробамъ. День клонился къ вечеру и сѣрыми туманами были закутаны дали. Сѣрое небо сливалось съ сѣрой землей. Ѳедоръ Михайловичъ и Куличкинъ были голодны. Хлѣба не привозили, привозили муку и солдаты пекли изъ нея въ ведрахъ лепешки — опрѣсноки. Когда пекли, а когда и просто ѣли ее, растворяя со снѣгомъ, не было хлѣбопекарныхъ печей.

— Завтра, Митя, намъ надо непременно самимъ устроить хлѣбопекарную печь. Не такъ уже трудно это, — сказала Ѳедоръ Михайловичъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, печь устроить можно. Въ землѣ выкопаемъ славно. Кирпичи тутъ на деревнѣ достать можно... А только, ни бадей, муку мѣсить, ни дрожжей... Ничего не достать, — отвѣчалъ Куличкинъ.

— Въ Нарву пошлемъ. Купимъ.

Куличкинъ бросилъ работу, досталъ изъ кармана кисеть съ табакомъ, свернулъ изъ газетной бумаги козью ножку и, раскуривъ ее, съ наслажденіемъ затянулся.

— Довольствуютъ, ваше благородіе, казалось-бы, одни и тѣ же англичане, что эстонцевъ, что насъ, а вы поглядите: эстонцу табакъ везутъ, варенье, кофе, чай, галеты,

каждый день у него щи съ мясомъ, а намъ — муку да сало. А съ варенаго сала у ребятъ животы болятъ. И почему такое?.. Помню: служилъ я въ Красноярскомъ пѣхотномъ полку. Да, ежели порція меньше двадцати золотниковъ потянетъ, что скандалу было... Или хлѣба недостатка? Почему-же, когда царь былъ, — старались, а не стало царя и все пошло прахомъ. Одинъ у одного тянетъ, всякій себѣ беретъ, о другомъ не думая.

— Не надо было Государя свергать, — сказалъ тихо Оедоръ Михайловичъ. — Вотъ, Митя, не пойму, какъ тутъ изгибъ сдѣлать, боюсь расщепить доску.

— Позвольте, ваше благородіе... Да, развѣ мы Государя свергали? Я въ плѣну австрицкомъ былъ въ это время, ничего и не чуялъ. Пріѣхалъ, значить, чудно все, красные флаги висятъ, музыка что-то не Русское играетъ. Ну, слышали мы: — перемѣна власти. Государь Императоръ отрекся. «Какая», — спрашиваемъ, — «власть?» Намъ говорятъ: «большевики». А намъ все одно. Лишь-бы домой. А вишь-ты какъ обернулось. Два года въ красной арміи отслужилъ, противъ казаковъ дрался, а теперь вотъ и самъ не знаю, зачѣмъ деремся. За Эстію эту что-ли?

— Отчего вы ушли отъ большевиковъ?

— Помилуйте, ваше благородіе. Да что тамъ! Каждому видать: жидовская махинація, чтобы Россію скорѣе уничтожить. Я вѣдь Троцкаго, какъ васъ теперь, видалъ. Что-же?... Жидъ... Да еще — паршивый жидъ. Большая голова, рыжеватые волосы чуть вьются, борода, стекла на носу, уши торчкомъ, ноги кривыя... И это послѣ главномандующаго великаго князя Николая Николаевича, какъ я его послѣдній разъ видалъ!.. Совсѣмъ неподобное что-то. Срамота одна... Комиссаръ — жидъ, ротный командиръ — мальчишка гимназистъ, школу кончилъ, а винтовку собрать не умѣетъ. Разобралъ затворъ, — товарищамъ показывалъ, а собрать, — бьется и ничего у него не выйдетъ, напаялить боевую личинку, вертитъ на бойкѣ и не знаетъ, куда свернуть. Соединительную планку не пригонитъ никакъ. Такъ и не собралъ... Это ротный... Молитвы не поютъ, переклички не дѣлаютъ, солдаты въ казармѣ съ дѣвками спятъ, а чуть что не такъ офицеру сказалъ, — сейчасъ либо въ морду тычутъ, либо подъ арестъ. Лѣтомъ, когда насту-

пление было, я и подался сюда. Думалъ: царя найду. Услышу: — можетъ, живъ. Вотъ, ребята подъ Ямбургомъ сказывали: — живъ, и наслѣдникъ съ имъ. Въ скиту старообрядскомъ укрываются... Или другое какое имя объявятъ... А и тутъ... Съ кѣмъ не поговоришь, только хмурятся. Не то солдата бояться, не то такъ неподобное что думаютъ.

— Что неподобное?

— Да вотъ про эту самую республику.

— А что? не хотите ея?..

— Нѣтъ, ваше благородіе. Насмотрѣвшись — довольно... «Товарищей» больше не надо. Я, ваше благородіе, плѣнныхъ казаковъ, плѣнныхъ добровольцевъ со всѣхъ фронтовъ повидалъ. Нѣтъ уваженія къ вождю. Сегодня Колчакъ, завтра Болдыревъ, тамъ опять Колчакъ, имъ это все равно, что портянки смѣнить. А при Государѣ Императорѣ развѣ такое было? Была присяга, былъ законъ... Былъ страхъ... И была, ваше благородіе, честь. И все это было выше мукъ земныхъ, выше смерти. Вотъ позвольте, ваше благородіе, рассказать вамъ, что я въ плѣну австрийскомъ наблюдалъ и пережилъ. Солдата теперь захаяли. Извѣстно, теперь солдатъ съ толку сбить. Что у него? Ни Бога, ни царя, ни Родины. — Осталась, значить, одна добыча, да сладость, чтобы натѣшиться кровушкой вволюшку, ну и сталъ солдатъ грубиянъ, — разбойникъ... А вѣдь какой былъ... Это развѣ только что въ сказкѣ можно описать... желаете, расскажу вамъ?

— Рассказывайте, Митя. Все равно надо сидѣть здѣсь всю ночь. Опасаюсь наступленія. Погода уже очень способствуетъ. Утромъ крестьяне изъ-подъ Ямбурга говорили, что, слыхати. Нарву приказано взять во что бы то ни стало.

— Коли сами не сдадимъ, никогда не возьмутъ, — сказалъ Куличкинъ и снова сталъ раскуривать козью ножку.

Спичка, вспыхивая, освѣщала простое, скуластое лицо, съ узкими сѣрыми глазами, толстый широкій носъ и мягкія губы подъ русыми усами. Бороду Куличкинъ брилъ и она выступала на похудѣвшихъ щекахъ темной щетиной. Обыкновенное Русское было лицо. Такія лица бываютъ у городскихъ, у старыхъ солдатъ сторожей — съ налетомъ какой-то культуры на грубомъ мужицкомъ лицѣ.

— Былъ я съ пятнадцатаго года въ плѣну, въ Моравіи. Работали мы на поляхъ у помѣщика артелью. Тридцать человѣкъ была артель. Былъ въ ней солдатикъ, такъ маленький, невидный совсѣмъ солдатикъ, и не упомяну какого полка. «Михрютками» у насъ такихъ солдатъ зовутъ. А имя ему было, Петръ Сорокинъ. Тоже обнаковенное Русское имя, ничего не обозначающее, а былъ онъ съ Пензенской губерніи. Звали мы его Петрушей. У него на правой рукѣ начисто были пальцы срублены, и была рука, какъ лопатка — одинъ большой палецъ на сторону торчалъ. Работать много онъ, конечно, при такомъ убожествѣ не могъ, ну все помогалъ, сколько могъ. Мы его не обижали. Хорошій былъ человѣкъ. Тихій. И про раненіе свое необыкновенное рассказывать не любилъ.

— Гдѣ-же его такъ ранило? — спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— А вотъ, какъ было дѣло. Какъ-то разговорилъ я его и вотъ, что онъ мнѣ сказалъ. Былъ онъ взять въ плѣнъ цѣлымъ, безо всякихъ, значить, поврежденіевъ. Поставили его австрійцы на заводъ, уголь въ печку подбрасывать. Подбрасываетъ Петруша уголь день, подбрасываетъ другой и вдругъ задумался. «А что,» — думаетъ, — «этотъ заводъ производить? А, ну какъ что нибудь для войны? Тогда, значить, и я противъ Государя и Отечества работаю! Противъ присяги иду.» — И сталъ онъ, значить, спрашивать, разузнавать, что дѣлаютъ на заводѣ. И узналъ: — дѣлаютъ снаряды. Затосковалъ Петруша и отказался работать, — уголь подбрасывать. Повели его къ начальству. Переводчикъ жидъ стоитъ, у нихъ переводчиками все больше жида были. — «А знаешь,» говорить, «тебя за это казнить могутъ». — «Что-жъ», говорить Петруша, — «Казните. На то ваша власть. А противъ Государя и Родины работать не стану. . .» Повели его въ карцѣй и стали тамъ, по нѣмецкому обычаю, пытать. Подвѣшивать къ стѣнкѣ. Кольца такія въ стѣнѣ сдѣланы, ременныя петли, руки вздѣнуть въ петли и подтянуть такъ, что едва пальцами ногъ пола касаешься, всѣ суставы выворачиваетъ. Пяти минутъ не выдерживаетъ человѣкъ. . .

— А вы испытали это? — спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Да, бывало . . . , какъ-то неохотно сказалъ Куличкинъ и продолжалъ разсказъ. — А Петрушу, значить, подвѣсятъ, да будто забудутъ, на часъ, а то и болѣе оставятъ. И признался мнѣ Петруша, что, какъ два дня его подвѣшивали, почувствовалъ онъ, что, если на третій день повторять станутъ, не выдержитъ онъ и согласится идти на работы. . . «Повели» — говоритъ, «меня третій разъ подвѣшивать и такая тоска меня охватила. Стану я измѣнникомъ присяги и буду проклятъ во вѣки вѣковъ. . . . И вижу, ведутъ меня черезъ мастерскую и на чурбанѣ лежитъ топоръ. Тутъ, словно меня осянило. Схватилъ я топоръ въ лѣвую руку, положилъ правую на чурбанъ, вытянулъ пальцы и разъ! — Топоромъ по рукѣ. Ну, пальцы такъ, ровно щепки, во всѣ стороны брызнули, зашуршали по стружкамъ, кровь фонтаномъ. . . Вотъ, ваше благородіе: — Тѣло свое Петруша повредилъ, а душу спасъ. Не пошелъ противъ Государя и Родины работать.

XII.

Ночь надвинулась незамѣтно. Точно далекіе туманы подошли вплотную къ окопамъ. Чуть намѣчалась на снѣгу сѣрая полоса проволочнаго загражденія. Дождевая вода шумѣла и все казалось, что слышится какой-то шорохъ, не то шаги, не то разговоръ. Красной точкой попыхивала папироска у рта Куличкина и не видно было всего лица, но освѣщались только усы да часть подбородка и изъ темноты поблескивали глаза.

— Было насъ, ваше благородіе, въ Угартѣ, въ плѣнномъ лагерѣ поболѣе тысячи человекъ, — началъ Куличкинъ другой разсказъ. — И было среди насъ сто — цифру я точно запомнилъ, круглая была, — сто унтеръ-офицеровъ Россійской Императорской Арміи. И потребовали, значить, австрійцы, чтобы мы поѣхали на итальянскій фронтъ окопы рыть. Унтеръ-офицеры отказались. Заявили по начальству, что это противъ союзниковъ, а союзники съ нами. Имъ клятву давалъ Государь Императоръ, а мы ему клялись. Понаѣхалъ судъ. Стали пытать, подвѣшивать. Тридцать пять человекъ соблазнилось, а шестьдесятъ пять остались тверды. Тогда повели насъ на разстрѣлъ. Приѣхалъ австрійскій генералъ съ переводчикомъ. Построили насъ въ рядъ, выстроилась

противъ насъ рота съ ружьями и сказали намъ, что, коли мы согласимся на работы ѣхать, ничего намъ не будетъ, а не согласимся, сейчасъ насъ всѣхъ разстрѣляютъ. Старшій нашъ вышелъ съ праваго фланга и говоритъ переводчику: — передайте его превосходительству, что мы, Русскіе унтеръ-офицеры, рады умереть за Государя и Родину. Послѣ этого скомандовалъ намъ: — «Смирно!.. Боже царя храни!» — И мы стройно зашѣли. И что-же видимъ? Снялъ шапку австрійскій генераль и по лицу его слезы текутъ. Намъ послѣ переводчикъ рассказывалъ, что пришелъ онъ домой и ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а ѣсть ничего на ѣсть. А потомъ говоритъ: — «никогда мы не побѣдимъ Русскихъ. Вся война понапрасну. Нельзя побѣдить народа, гдѣ такіе солдаты»... Пропѣли мы гимнъ... Разъ и другой и третій. И отмѣнили намъ разстрѣлъ, замѣнили каторжною тюрьмою. Съ годъ мы просидѣли. Уже въ шестнадцатомъ году пріѣхала изъ Россіи сестра милосердія Масленникова, хлопотала за насъ, Божья душа. Освободили насъ...

— И вы тамъ были?

— Былъ и я... сподобился, — тихо, точно конфузясь, сказалъ Куличкинъ, бросилъ цыгарку, всталъ и пошелъ по окопу...

Когда Куличкинъ вернулся, Федоръ Михайловичъ спросилъ его:

— Почему же вы служили у большевиковъ?

Ничего не отвѣтилъ Куличкинъ. Федоръ Михайловичъ сидѣлъ, опустивъ голову на ладони рукъ, и тяжелыя думы ворочались у него въ головѣ. Онъ вспомнилъ, какъ слушалъ рѣчи Зиновьева и Троцкаго, какъ во образѣ дьявола представилось ему на красной звѣздѣ лицо Троцкаго, и понималъ, что и епископъ Теофанъ правъ и правы тѣ, кто вѣритъ въ силу бѣсовскую. Развѣ не бѣсовская сила замутила всю Россію? Какъ-же пошли такіе люди работать съ третьимъ интернаціоналомъ на разрушеніе Россіи? И Куличкинъ пошелъ, поди и Петруша гдѣ нибудь старается. Сильна была Россія вѣрою православною, сильна была Государемъ, и это поняли Куличкины и Петруши, герои, не думавшіе о томъ, что высокій подвигъ ихъ станетъ извѣстенъ. Но какъ-же этого не поняли тѣ, кто кончилъ университетъ, кто могъ читать и, можетъ быть, и читалъ Достоевскаго, Соловьева и Аксакова! Какъ-

же послѣ этого страшнаго опыта не поняли Керенскіе, Савинковы, Авксентьевы, Черновы, Львовы, что народная правда настоятельно требуетъ Царя. А нѣтъ, не поняли. Везутъ изъ Ревеля газету «Свободу Россіи» — и что въ ней? все тѣ же переиѣвы, все тѣ же выходки противъ религіи и Государя... Вчера ротный командиръ Ѳедора Михайловича спорилъ съ нимъ и говорилъ, что хорошо, что была революція, что Россія должна быть республикой и на настойчивый вопросъ Ѳедора Михайловича, а кто-же будетъ президентомъ? — долго мялся и, наконецъ, сказалъ: — «когонибудь выберутъ». . . Да, кого-нибудь. . . На полъ часа. Нѣтъ, безъ Богомъ помазаннаго Царя ничего не будетъ. Все погибнетъ и другъ друга пожрутъ, пожрутъ эти великіе герои шестьдесятъ пять унтеръ-офицеровъ и Петруша, тѣло свое загубившій, а душу сохранившій. И теперь они съ такимъ же упорствомъ, съ такою же настойчивостью, губятъ свою душу, думая дать наслажденіе тѣлу, а тѣло погибаетъ отъ голода, холода, отъ сыпного тифа. . .

Страшный вопросъ всталъ передъ Ѳедоромъ Михайловичемъ.

Сейчасъ, быть можетъ, ему придется умирать и на смерть вести унтеръ-офицера Куличкина и другихъ, довѣрившихся ему. За что умирать? . .

Они сражаются, помогая эстонцамъ. И они знаютъ, что Юффе, Радекъ, Красинъ и Литвиновъ пріѣхали уже въ Юрьевъ и тамъ находится эстонскій представитель Поска и вотъ-вотъ начнутся мирные переговоры, гдѣ никто не подумаетъ о Сѣверозападной арміи.

Наташу замучили большевики. . . Ѳедоръ Михайловичъ получилъ объ этомъ извѣстіе отъ вдовы Ипполита — Агнии. Можетъ быть, его сыновья Свѣтикъ, Игрунька и Олегъ погибли уже. У Деникина такъ неблагополучно. О дочери Лизѣ вотъ уже два года ничего не слышно. Сколько страшныхъ, кровавыхъ жертвъ. Какъ опустошена, какъ до дна выпита душа! Ничего не осталось, никого не осталось. Липочка. . . Венедиктъ Венедиктовичъ. . . Бѣдные, замученные люди. . . И даже сладости смерти не осталось! За что умирать?

За Эстію!

Такого жуткаго одиночества души никогда еще не испытываль, никогда не переживаль Ѳедоръ Михайловичъ... Къ чему его георгіевскій крестъ и его, казалось, незабываемый подвигъ на Бауръ! Къ чему подвигъ скромнаго Петруши? Въ царское время о Петрѣ Сорокинѣ оповѣстили-бы по всей Россіи и въ полку о немъ говорили-бы и поминали, какъ поминали Архипа Осипова, погибшаго въ Михайловскомъ укрѣпленіи на Кавказѣ, или рядового Рябова, погибшаго въ Японскую войну. На перекличкѣ Осипова вызывали слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ и слѣдующій за нимъ солдатъ говорилъ неизмѣнно: — «погибъ во славу Русскаго оружія!» Восемьдесятъ лѣтъ была слава. И не стало славы. Болѣе тысячи лѣтъ возносили на Руси святую чашу съ Дарами и говорили священники отъ временъ Владиміра до нашихъ дней: — «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»... неужели не будетъ и этого? Неужели все, все растоптано на Руси? Растоптанъ Царь, — эмблема власти, растоптана слава, красота подвига, растоптана вѣра и съ нею растоптана — любовь!..

И что-же осталось?

Торжествующій хамъ!

И этому хаму поклонились Петруши, святые въ своемъ великомъ служеніи Государю и Родинѣ, поклонились Куличкины... И онъ, Ѳедоръ Михайловичъ, поклонился тоже!

Тяжела была хмурая дождливая ночь ноябрьской оттепели!

Душа задавала вопросы. Душа хотѣла хоть что-нибудь понять и ничего не могла понять. Все было такъ нелѣпо, такъ несуразно и странно, какъ можетъ быть несуразно и нелѣпо только самоубійство.

Да самоубійство это и было. Самоубійство цѣлаго великаго народа.

И ни примириться, ни простить этого никакъ не могла душа Ѳедора Михайловича.

Слова Куличкина вывели Ѳедора Михайловича изъ задумчивости.

— Ваше благородіе, глядите, — сказалъ онъ, показывая рукою на юго-востокъ.

Далеко за лѣсомъ точно зарницы вспыхнули и огненнымъ метаніемъ озарились сѣрыя тучи.

— Стрѣляютъ, — сказала Куличкинъ.

Громы выстрѣловъ донеслись и далеко лѣвѣе позиціи ихъ полка ярко вспыхнули огни разрывовъ.

Притаившись, молчала позиція добровольцевъ. Выбѣгали изъ блиндажей люди и становились вдоль потаявшаго и чернѣвшаго на южныхъ скатахъ окопа. За насыпью желѣзной дороги непрерывно, пучками огней, разрывались шрапнели и небо свѣтилось и гремѣло стальными, тяжелыми громами.

Рывкнули далеко за Нарвой наши пушки и долго гудѣли снаряды. Къ артиллерійской стрѣльбѣ примѣшались стрекочущіе, тревожные ночью, звуки пулеметовъ, затрещали винтовки и въ ночной тишинѣ настороженное ухо едва улавливало, или это только казалось, что улавливало оно протяжное ура атакующихъ.

— У Низовъ, должно быть, — прошепталъ Куличкинъ.

— Да у Низовъ, — сказалъ Ѳеодоръ Михайловичъ и опытнымъ ухомъ, по вдругъ утихшей ружейной стрѣльбѣ, по тому, что шрапнели стали рваться гораздо дальше, чѣмъ рвались раньше, по тому, что наши пушки дали нѣсколько очередей бѣглаго огня и замолчали, по нѣсколькимъ рѣзкимъ залпамъ — понялъ: — у Низовъ неблагополучно. Наши отошли.

Больно сжалось сердце. Такая безотрадность была кругомъ. Ждали атаки на свой участокъ. Послали развѣдку за проволоку. Ѳеодоръ Михайловичъ пошелъ съ нею. Хотѣлъ опасности, хотѣлъ хотя чѣмъ нибудь взвинтить нервы, заглушить боль отчаянья.

По рыхлому, талому снѣгу прошли около пяти верстъ. Нигдѣ не было непріятеля.

Утромъ на грузовикѣ пріѣхалъ румяный, толстогубый ротмистръ Шпакъ, привезъ изъ штаба муку, сушеную рыбу, папиросы, газету «Приневскій Край» и красные листки прокламацій для разброски непріятелю.

Разсказалъ, что ночью красные, при поддержкѣ ураганнаго огня, густыми цѣпами атаквали Дубровку и Низы. Наши оставили Низы и отошли на переправы у рѣки Плюсы. . .

— А въ Нарвѣ что? — спросилъ Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Тихій ужасъ!

ХІІІ.

За Нарвой, по Гунгербургской дорогѣ, если идти къ морю, съ лѣвой стороны находится православное кладбище. Большія деревья въ инеѣ. Сосны мягко шумятъ. На лапчатыхъ вѣтвяхъ бѣлыми шапками налипъ снѣгъ. Заметенныя снѣгомъ дорожки уходятъ между старыхъ мраморныхъ памятниковъ, желѣзныхъ и деревянныхъ крестовъ: — все обитатели Нарвы, или случайные дачники изъ Петербурга. Кладбище полого спускается въ луговину. За луговиной лѣсъ. Высокая каменная стѣна отдѣляетъ кладбище отъ луговины. На луговинѣ слѣды саней, конскій пометъ. Длиннымъ безпорядочнымъ рядомъ, на снѣгу, безъ гробовъ, кто въ рваномъ, грязномъ бѣльѣ, кто въ истертой, такой затасканной, что никто на нее не польстился, шинели, лежатъ мертвецы. Убитые, умершіе отъ ранъ, съ темными въ кровоподтекахъ лицами, съ опущенными вдоль тѣла руками. Умершіе въ госпиталяхъ отъ сыпного тифа съ зеленовато-бѣлыми лицами, съ большими въ узлахъ руками, сложенными на груди, и желтыми, въ моволяхъ, пятками ногъ. Они лежатъ ненужные, всѣми позабытые и ждутъ очереди, когда сторожъ выкопаетъ имъ могилу и придетъ священникъ наскоро отпѣть убіенныхъ. . . «ихъ же имена ты, Господи, вѣси». Вороны кружатся надъ ними, не смѣя напасть. Лохматая собака, ошестинившись, отбѣжала, пугливо оглядываясь. . . Ихъ хоронятъ, но число ихъ не убываетъ. Тифъ косить бѣженцевъ и солдатъ Сѣверо-западной арміи и некому и некогда заниматься мертвыми. . .

«Тихій ужасъ» стоитъ надъ старой Нарвой.

Отъ кладбища шоссе съ широкими песчаными обочинами идетъ, извиваясь, къ городу. На окраинѣ стоитъ заглохшій заводъ, постройками сбѣгающій къ рѣкѣ Наровѣ. Кирпичное зданіе училища и городъ. . . Начинается каменная мостовая. По старымъ шведскимъ укрѣпленіямъ, вдоль рѣки, раскинулся городской садъ съ желѣзнымъ крестомъ на каменномъ цоколѣ и надписью, что здѣсь въ братской могилѣ похоронены солдаты Петра I, бравшіе штурмомъ Нарву и убитые на этомъ укрѣпленіи. За садомъ узкими улочками разбѣжался древній шведскій городъ. Изъѣденныя временемъ стѣны, узкія стрѣлчатые окна въ тяжелыхъ

каменныхъ рамахъ, темныя двери, гранитныя ступени, архитектура XV и XVI вѣковъ, сложная нѣмецко-шведская готика.

Надъ дверями гербы, изсѣченные изъ гранита: — львы на заднихъ лапахъ, рыцарскіе шелома съ опущеннымъ въ чешуѣ забраломъ и страусовыми перьями, кресты съ остроугольными концами и на выющихся лентахъ готическими буквами, такими, что никто теперь прочесть не можетъ, имена владѣльцевъ и рыцарскіе девизы.

Декановъ шелъ съ Вѣрочкой по этимъ тихимъ улицамъ и Вѣрочкѣ казалось, что она слышитъ странный, въ носъ, старинный, пѣвучій языкъ. Будто какими-то необычными словами переговариваются другъ съ другомъ дома.

На городской площади съ памятникомъ, у стараго магистрата, домъ, гдѣ жилъ Петръ Великій. Тамъ въ узкую улицу вдалась гостинница «Москва» съ холодными, неуютными номерами, занятыми чинами штаба Сѣверо-Западной Арміи. На площади и въ прилегающихъ улицахъ снѣгъ растоптанъ людьми. По городу ходятъ эстонскіе солдаты съ грубыми лицами, неряшливо одѣтые, старающіеся показать свою свободу и независимость. Толкаются офицеры и солдаты Сѣверо-западной Арміи, кто въ старой военной шинели, кто въ англійскомъ рыжемъ пальто, едва достигающемъ колѣнъ, кто въ мѣховомъ полущубкѣ, кто въ штатскомъ пальто, всѣ съ угломъ, нашитымъ изъ національныхъ цвѣтовъ ленточекъ.

На углу, баба-крестьянка съ лотка торгуетъ булками на эстонскія деньги, напротивъ — кафе. Дверь открыта. Широкими прозрачными клубами идетъ на улицу паръ и кафе полно зычными и шумными голосами. Тамъ можно скромно пообѣдать на «крылатки», деньги Сѣверо-Западной Арміи.

Солдатъ эстонецъ схватилъ мальчишку, продавца газеты «Приневскій Край», отнялъ у него номера и даетъ ему подзатыльники. На шумъ и крики выбѣжали офицеры, дамы. .

— Вы не смѣете бить мальчика, — взволнованно кричить раскраснѣвшаяся дама. — Господа, это возмутительно.

— Оставьте, Нина Васильевна. Съ ними ничего не подѣлаешь, — останавливаетъ ее молодой офицеръ.

— Моя не смѣй? Моя не смѣй? Ти молчи, Русски свинь.

— Господи! и за что мы должны еще получать отъ нихъ оскорбленія!

— Кошмаръ! — говорить ротмистръ Шпакъ.

Въ англійскомъ пальто и фуражкѣ, съ гусарскими погонами на плечахъ, въ сапогахъ съ розетками на голенищѣ, онъ стоитъ въ толпѣ спокойнымъ, невозмутимымъ зрителемъ. Въ англійскомъ лагерѣ Нью-Маркетѣ, гдѣ онъ прожилъ годъ, онъ научился англійскому хладнокровію, и знаетъ лучше, чѣмъ кто другой, что заступиться некому. Сила на ихъ сторонѣ. Кругомъ торчатъ эстонскія шинели.

Декановъ искалъ квартиру. Было странно въ осажденномъ городѣ искать помѣщеніе, но Екатерина Петровна такъ ознобила ноги, что должна нѣкоторое время лежать. Въ Ревель не пускали эстонцы, а на той квартирѣ, гдѣ они жили, устраивали сыпное отдѣленіе заводскаго лазарета. Декановъ разжился деньгами, самыми настоящими эстонскими «вабарыками». Онъ нашелъ знакомыхъ и подъ свое имущество въ Петербургѣ получилъ ссуду на вѣру. Въ кафе ему сказали, что все дома заняты: лучшіе эстонскими солдатами 4-го полка, худшіе Русскими лазаретами, тыловыми командами, штабомъ и его учрежденіями. Искать не стоитъ. Въ комендантскомъ управленіи, куда онъ толкнулся, любезный комендантъ Кутковскій, полуполякъ, полурусскій, нарвскій старожилъ, знавшій каждый уголокъ Нарвы, — скавалъ:

— Нигдѣ, полковникъ, ничего нѣтъ свободнаго. Госпитали насъ съѣли. Давно пора начать эвакуацію, да эстонцы не позволяютъ. Срамъ сказать — на одной квартирѣ и хозяева и сыпно-тифозные. Попробуйте: Остерская семья. Фрау баронинъ Апфельстиернъ.

Остерская — самая старая улица города. Дома помнятъ времена Ивана III и дни рыцаря Магнуса. Темное гранитное зданіе съ высокими, какъ у кирпичи, воротами, въ черной рамѣ съ гербомъ и былъ номеръ седьмой. Долго звонилъ Декановъ въ ржавый, тускло звенѣвшій за дверью колокольчикъ. Онъ уже хотѣлъ уходить, когда за дверью раздался шелестъ, очень мало похожій на шаги. Заскрипѣлъ ржавый ключъ и дверь тяжело распахнулась. Плитный полъ, высокая стѣна съ каминомъ, давно не видавшимъ огня, ка-

кія-то темные облупившіеся портреты въ дубовыхъ рамкахъ, направо лѣстница наверхъ и стылый холодъ, еще болѣе непріятный, чѣмъ уличный морозъ. У дверей стояла худая, старомодно одѣтая дама въ черномъ. Блѣдное и изможденное голодомъ и лишеніями лицо ея было породисто. Черная, траурная косынка покрывала волосы.

— Баронесса Апфельстіернъ? — сказалъ Декановъ, приподнимая шляпу.

— Да, я баронесса Апфельстіернъ. Что вамъ угодно? отвѣтила дама.

Вѣрочка вадрогнула. Она говорила тѣмъ мелодичнымъ голосомъ, чуть въ носъ, какой ей слышался все время, пока она ходила мимо старыхъ домовъ Нарвы. Она говорила по Русски, но Русскія слова точно неслись изъ глубокой старины, отъ временъ, когда шли на штурмъ Петровскіе солдаты, гибла на Нарвской переправѣ конница Шереметева, или еще раньше, когда по одну сторону стояли рыцари Магнуса, а по другую сермяжные латники царя Ивана въ чешуйчатыхъ кольчугахъ и шапкахъ іерихонкахъ.

— Мнѣ сказали. . . Видите-ли. . . Насъ трое. У меня больная жена, у нея отморожены ноги, это моя дочь Вѣрочка и я — Николай Николаевичъ Декановъ, петербургскій домовладѣлецъ. Мы бѣженцы. Можетъ быть, у васъ можно имѣть двѣ комнаты?

— Домъ не отапливается, тѣмъ же страннымъ голосомъ мелодично сказала дама. Очень холодно. Вотъ тамъ. . . Посмотрите сами.

Она повернулась и стала подниматься по лѣстницѣ. Ни одна ступенька не скрипнула подъ нею и былъ слышенъ только легкій шорохъ ея платья. Подъ Декановымъ и Вѣрочкой скрипѣли замерзшія ступени, покрытыя толстымъ слоемъ пыли. Дама открыла дверь. За дверью стоялъ въ тяжелыхъ стальныхъ латахъ рыцарь. Это было такъ неожиданно, что Вѣрочка вадрогнула и крѣпко ухватила за отца. Робко взглянула на рыцаря, — доспѣхи, вздѣтые на стойку. . . Полъ штучнаго уворнаго паркета былъ покрытъ пылью. Стулья и кресла стараго фасона чинно стояли, и тлѣли на нихъ вышитыя шелками и бисеромъ подушки. Въ окна съ мелкимъ свинцовымъ переплетомъ и толстыми стеклами тускло крался дневной свѣтъ. Въ нихъ было видно голубое

небо и зубчатая башня Ивангородской крѣпости. Вѣрочкѣ показалось, что крѣпость была новая, только что отстроенная. . .

По стѣнамъ висѣли портреты. Вѣрочка запомнила портретъ дамы въ костюмѣ позапрошлаго вѣка. Фижмы бѣлаго платья вздымали бока подъ очень тонкой, мыскомъ спускающейся таліей. Блѣдное, съ выцвѣтшими красками лицо портрета было похоже на хозяйку.

За комнатою шла амфилада пыльных комнатъ, старой мебели, картинъ, портретовъ и стылаго мертвого холода.

— Тутъ нѣтъ ничего для живыхъ людей — сказала дама, возвращаясь къ лѣстницѣ. — Хотите, — живите.

Вѣрочка шла, прижавшись къ отцу, и шептала: «ни за что. Папа, милый папа, ни за что».

— Какъ же вы сами живете? — спросилъ Декановъ.

Дама посмотрѣла на него большими, странно засверкавшими глазами и сказала:

— Я всегда здѣсь живу. Я привыкла.

Заскрипѣлъ ржавый ключъ, раскрылась дверь на улицу и Декановъ съ Вѣрочкой вышли на крыльцо.

— Постойте, — сказала дама, отходя въ глубь громаднаго hall' я, — не идите. . . Подождите!

Декановъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее.

— Пойдемъ . . . пойдемъ, — шептала Вѣрочка.

Такъ въ нерѣшительности прошло минуты полторы.

— Теперь . . идите! Прощайте, — сказала дама и Вѣрочкѣ показалось, что она исчезла, растворилась въ сумракѣ возлѣ высокой стѣны.

— Папа, папа, — говорила Вѣрочка. — Какой ужасъ! Ты знаешь. . . Я увѣрена . . . Это привидѣніе.

— Какія глупости, Вѣрочка. Просто несчастная, изголодавшаяся, старая аристократка, живущая воспоминаніями прошлаго. . .

Солнце ярко освѣщало высокое, старое зданіе, бывшее противъ дома баронессы Апфельстіернъ. Тамъ помѣщались интендантство и военный судъ Сѣверо-западной арміи. Какой-то солдатъ въ шинели шелъ отъ него внизъ по крутому

спуску къ Петербургскому шоссе. Декановъ видѣлъ, какъ онъ вышелъ на шоссе и подходилъ къ высокому каштану.

— Что это? . . . , спросила Вѣрочка. — Аэропланъ?

Въ воздухѣ раздавался быстро приближающійся свистъ.

Въ то-же мгновеніе всѣ стекла въ зданіи интендантства посыпались на снѣгъ, а внизу, гдѣ шелъ солдатъ, поднялся высокій столбъ чернаго дыма и, секунду спустя, густой, полный звукъ разорвавшагося тяжелаго снаряда оглушилъ Деканова и Вѣрочку. Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди, одни къ мѣсту взрыва, другіе отъ него къ мосту и наверхъ къ городу.

Декановъ съ Вѣрочкой спустились на шоссе. Кучка людей толпилась около большой черной воронки. Вѣдко пахло газами.

— Вотъ былъ солдатъ и нѣтъ его.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

— Только шинель и осталась.

— Гдѣ шинель?

— А на березѣ, вонъ, видите, у третьяго дома отсюда. Его это шинель, тутъ не было шинели.

Декановъ посмотрѣлъ туда, куда всѣ повернулись. На вершинѣ старой березы была наброшена солдатская шинель съ почернѣвшими, обожженными полями.

— Папа, если-бы она насъ не задержала, это были бы мы, а не солдатъ.

Декановъ снялъ шапку и перекрестился.

Надъ головами опять свистѣло и гудѣло, новый тяжелый снарядъ несся надъ городомъ. Онъ разорвался наверху, у базара, и осколкомъ его отбило ногу торговкѣ папирозами.

— Ой, матушки! . . Ой что это! — кричала она, корчась въ лужѣ крови.

Народъ вѣеромъ разбѣгался съ базарной площади, бросая лотки, лавки и подводы.

Броневой поѣздъ «товарищъ Ленинъ» обстрѣливалъ Нарву.

Ночью Деканова разбудилъ тревожный стукъ въ окно. У окна стоялъ ротмистръ Шпакъ.

— Николай Николаевичъ, выйдите на минутку, — сказалъ онъ.

Когда Декановъ вышелъ, Шпакъ повелъ его на фабричное шоссе.

Въ морозной ночи шумѣлъ Нарвскій водопадъ, пробиваясь сквозь льдины. На шоссе Декановъ различилъ частую трескотню пулеметовъ и ружейные выстрѣлы. Въ тишинѣ ночи они казались близкими и какъ будто сзади Нарвы.

— Я сейчасъ изъ штаба, — сказалъ Шпакъ. — Большевики идутъ на Корфъ. Если отрѣжутъ... вы понимаете? Въ 4-омъ Эстонскомъ полку очень ненадежно. Былъ митингъ. Рѣшено всѣхъ Русскихъ офицеровъ арестовать и выдать большевикамъ. Наша позиція прорвана у Тербинки. Уральскій полкъ отошелъ на двѣ версты. Говорятъ: — наши очень неохотно дерутся... Убѣжайте, Николай Николаевичъ, въ Ревель.

— Какъ-же я уѣду, дорогой Евгений Павловичъ, когда у меня нѣтъ разрѣшенія.

— Все устроено. Идемте сейчасъ къ коменданту. Я ему говорилъ. Утромъ пойдетъ поѣздъ на Ревель, онъ обѣщаль вамъ выдать документы и оставить мѣста. Только-бы вамъ удалось проскочить Корфъ до того, какъ его займутъ большевики. Въ крайности идите на шоссе и вдоль моря обойдете.

— Спасибо большое вамъ, Евгений Павловичъ, что подумали о насъ. Вы ничего не слышали о Кусковѣ?

— Сейчасъ ихъ полкъ пошелъ восстанавливать положеніе. Можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ. Будетъ ужасно, если возьмутъ Нарву. Тогда по мирному договору эстонцы выладутъ всѣхъ насъ большевикамъ.

Ни одинъ фонарь не горѣлъ въ Нарвѣ, ни одно окно не свѣтилось. Повсюду былъ призрачный свѣтъ полной луны. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами. Остерская улица, гдѣ помѣщалось управленіе коменданта, выглядѣла, какъ декорація оперы изъ средневѣковой жизни. Когда Дека-

новъ проходилъ мимо дома баронессы Апфельстиернъ, ему показалось, что за мелкимъ переплетомъ окна прильнуло къ стекламъ блѣдное лицо баронессы и свѣтлые глаза слѣдятъ за нимъ. Онъ вадрогнулъ. Мурашки пробѣжали по его спинѣ и онъ невольно ускорилъ шагъ.

— Въ этомъ домѣ никто не живетъ, — сказалъ Шпакъ. Единственный домъ въ Нарвѣ. Боятся. Тамъ привидѣніе.

— Тамъ живетъ баронесса Апфельстиернъ, — сказалъ Декановъ. — Я ее самъ видѣлъ.

— Ничего подобнаго. Увѣрю васъ, — тамъ никого нѣтъ. Смотрите: по этой улицѣ всѣ дома разрушены, а въ этотъ домъ ни одинъ снарядъ не попалъ. Домъ, гдѣ я живу и гдѣ раньше жилъ генералъ Юденичъ, двумя снарядами совершенно разбитъ, домъ Зиновьева разрушенъ, домъ Черноголовыхъ поврежденъ, а этотъ стоитъ на самомъ пролетѣ и ничего.

На концѣ улицы стояли сани безъ лошади. На саняхъ увлы и корзины. Три сестры милосердія топтались на морозѣ въ тоненькихъ пальто. Одна плакала.

— Евгенийъ Павловичъ, — закричала она, увидавъ Шпака, — что-же это? Надо раненыхъ вывозить, а лошади нѣтъ. Эстонцы, говорятъ, позицію оставили. Сюда идутъ заодно съ большевиками, насъ рѣзать будутъ.

— Постойте, Марія Михайловна, я вотъ одно дѣло кончу, вернусь къ вамъ, какъ-нибудь общими силами докажемъ ваши манатки до станціи.

— Евгенийъ Павловичъ! спасите!

— А они не прійдутъ сейчасъ?

— Слышите, какъ стрѣляютъ.

Въ канцеляріи коменданта, не спавшій всю ночь комендантъ писалъ, выдавалъ пропуска, говорилъ съ кѣмъ-то по телефону, урезонивалъ, усовѣщивалъ, бранился и просилъ.

Его глаза были воспалены и Декановъ удивлялся, какъ этотъ человѣкъ еще что-то помнилъ, и что-то соображалъ.

На разсвѣтъ Декановъ съ Вѣрочкой и Шпакомъ подъ руки довели до станціи Екатерину Петровну и устроили ее въ вагонъ, гдѣ уже сидѣли сестры. Сестры успѣли раздобыться кипяткомъ и изъ консерва готовили кофе. Увидавъ Шпака, онѣ стали звать его пить кофе. Шпакъ подмигнулъ

имъ на Декановыхъ и высокая полная сестра, съ чистымъ красивымъ лицомъ подошла къ Екатеринѣ Петровнѣ и предложила ей подкрѣпиться.

Стекла вагоновъ сотрясались отъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Въ утреннемъ туманѣ за Кренгольмомъ видны были вспышки. Стрѣляла наша конная батарея.

Шпакъ весело сообщалъ, что наши и эстонцы отбили красныхъ, взяли триста плѣнныхъ, что «положеніе возстановлено» и Корфу опасность не угрожаетъ.

— Это нашъ Ѳеодоръ Михайловичъ отличился, — сказала Вѣрочка.

Надъ Нарвой носились снаряды и бѣлые дымки шрапнелей вспыхивали то спереди, то сзади высокой, красной колокольни новой лютеранской кирки.

«Тихій ужасъ» стоялъ надъ Нарвой.

XV.

Морозъ въ двадцать градусовъ. Солдаты попрятались по блиндажамъ и землянкамъ, сидятъ у желѣзныхъ дымныхъ печекъ и тѣ, кто приходитъ изъ караула или изъ лѣса, куда ходили за дровами, красны, оживлены, а на желтомъ лохматомъ сукнѣ ихъ шинелей бѣлый налетъ инея. И пахнетъ отъ нихъ крѣпко: — морозомъ и лѣсомъ. Солнце поднимается за Ямбургомъ, — большое, круглое и не яркое. — Глазами смотрѣть можно и, когда смотришь, кажется, что видишь, что оно прозрачное и точно налито какою-то огненною массою. Хочется на немъ погрѣться, но не грѣетъ солнце, и только блестятъ подъ нимъ бѣлый снѣгъ и мягче кажутся дали. И сейчасъ же темной дымкой начинаетъ затмеваться солнце, точно на лицо свое натягиваетъ сѣрый, мягкій, пушистый оренбургскій платокъ. Отъ земли тянутся частыя нити. Подымается туманъ. Сѣрая целена покрываетъ небо съ краевъ, обгоняетъ солнце, затягиваетъ его. Нѣкоторое время оно еще видно, молочнымъ шаромъ висящее въ небѣ. Туманъ гуще, солнце исчезло. Все сѣро, однотонно, точно картина, нарисованная карандашемъ. Сѣрое небо, черная щетка лѣса, бѣлый снѣгъ и тѣни на немъ не тѣни, а такъ, точно налетъ какой-то. Горизонтъ узкій, видно не дальше трехъ, пяти верстъ и морозъ такъ крѣпокъ, что, кажется, чувствуешь его,

вдыхая, точно пьешь густой воздухъ, пропитанный ледяною влагою.

Всѣ эти дни красные обстрѣливали позицію изъ полевыхъ орудій и бросали тяжелые снаряды въ Нарву. Иногда появлялись отъ лѣса темныя цѣпи, одна, другая, третья. маячили на бѣломъ снѣгу, и рвались надъ ними, бѣлыми катящимися въ воздухъ дымками, эстонскія и добровольческія шрапнели. Трещали пулеметы, начинали свою хлопотливую пѣсню винтовки, имъ отвѣчали выстрѣлы красныхъ, и, срываясь о снѣгъ, пѣли и выли пули надъ окопами, чертя по снѣгу длинныя прямыя линіи. . . Красныя цѣпи подходили къ проволокамъ, срывались и бѣжали назадъ. Падали на снѣгу люди. Одни лежали тихо, другіе поднимались, махали руками и жалобно кричали. Наступали сумерки, — они лежали тихо, уткнувшись лицами въ снѣгъ. Морозъ доканчивалъ то, что сдѣлали пули. Утромъ ихъ не было. Ихъ убирали красные. Трупъ имѣлъ цѣнность платья, какъ имѣетъ цѣнность убитый волкъ, или лисица. изъ за своей шкуры. Раздѣтые трупы иногда хоронили. иногда, когда земля была слишкомъ тверда отъ мороза, складывали штабелями, какъ доски, до лучшихъ дней.

У защитниковъ Нарвы крѣпла увѣренность, что Нарву отстоятъ, что Нарву не сдадутъ.

Шпакъ привозилъ на позицію номера «Приневскаго Края» и добровольцы читали ѣдкіе стихи по поводу частыхъ атакъ Нарвскихъ позицій.

Хоть и хочется
Больно хочется
Нарву Лейбъ съ бою взять.
Нарва колется
Больно колется,
Нарву Лейбъ не видать . . .

Или повторяли звучные стихи «Эли» — «Нарва-Верденъ».

Ты пережила столѣтѣя,
Ты поборола алой тлѣнъ,
Выдержишь дни лихолѣтѣя.
Старая Нарва — Верденъ.

Рвутся и воютъ снаряды . . .
Имъ не пробить древнихъ стѣнъ.
Стойки лихіе отряды . . .
Старая Нарва — Верденъ.

Нынѣ тебѣ угрожаетъ
Много обмана, измѣнъ.
Всюду враговъ отражаетъ
Старая Нарва — Вердень.

Сила враговъ уже таетъ,
Ты не отдашь имъ въ плѣнъ...
Става побѣдой вѣнчается
Старую Нарву — Вердень!

Было замѣтно, что стихи нравились. Ихъ читалъ Куличкинъ собравшимся кругомъ солдатамъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ согнутый номеръ «Приневскаго Края», а лѣвой ритмично размахивалъ, дирижируя какимъ-то невидимымъ хоромъ. Сравненіе Нарвы съ Верденемъ льстило. Кругомъ свѣтлѣли худыя, потемнѣвшія отъ голода и мороза лица, а руки сжимали винтовки.

— Ишь ты, братецъ ты мой, — сказалъ маленький Карвовскій, солдатъ изъ Красносельскихъ парней, увлеченный потокомъ наступленія и поступившій въ полкъ. — Ловко пущено: — старая Нарва — Вердень. Это хорошо было-бы на пѣсню положить, чтобы на походѣ нѣтъ.

— Никогда имъ зимою не взять Нарвы, — сказалъ Куличкинъ. — А почему не взять? — первое: на снѣгу видать очень отчетливо каждаго. Даже и ночью. Второе: — каждый солдатъ очень понимаетъ, что, если и раненъ только, а дойти назадъ не можетъ, все одно, крышка, капуть — замерзнешь, и, значитъ, смѣлости настоящей нѣтъ. Третье: — стрѣлять неспособно, снѣгомъ затворъ забьетъ, боекъ капсюля не разбиваетъ, ударной силы нѣтъ. Значитъ, — вотъ и весь сказъ, — наступать зимою не годится. Ужъ на что нѣмцы были упорный народъ, а зимою, да еще въ снѣга рѣдко когда шли.

— Комиссаръ погонить, пойдешь, — сказалъ солдатъ, служившій раньше въ красной арміи.

— Красный офицеръ тоже. Они теперь звѣзды на рукава поналѣпили, отличія подѣлами, гляди и до плечъ доберутся: погоны вздѣнуть, не хуже господъ станутъ... Товарищи! — Сказалъ другой.

— Офицеры завсегда съ нами были, а эти сзадѣ, да съ револьверомъ. Своихъ бьютъ! Паскуды!

— Нашъ офицеръ впереди идетъ. Возьмемъ поручика Кускова. Старый уже человѣкъ, а въ дозоръ-ли, въ развѣдку съ нами. Наступленіе идетъ, станеть въ окопѣ, бинокль къ глазамъ прижметъ, кругомъ пули роютъ, онъ тебѣ — хуть-бы што. Скала каменная.

— А, сказываютъ, въ красной арміи генераломъ былъ.

— Мало-ли что заставило. Кто-жъ его пойметъ.

И замолчали.

Федоръ Михайловичъ ходилъ со Шпакомъ ввадь и вперёдъ по шоссе. Шпакъ ожидалъ вольноопредѣляющихся, посланныхъ съ газетами въ сосѣдніе полки и къ эстонцамъ. Эстонцы тоже просили Русскую газету. Своя социалистическая «Waba-Maa» имъ надоѣла, да многіе по Русски лучше понимали, чѣмъ по эстонски.

— Вы говорите, Евгений Павловичъ, на югѣ, у Деникина плохо?

— Передаю то, что узналъ изъ перехваченнаго совѣтскаго радіо. Образовался какой-то «совѣтъ спасенія Родины». Совѣтъ требуетъ отставки генерала Деникина. Добровольческая армія сдала уже Новочеркасскъ. Пишутъ: хотятъ за границу идти.

— Скверно, — проговорилъ Федоръ Михайловичъ. — Все заграница манить. Обѣтованной землею кажется. Вотъ и нашимъ кавалась раемъ. Дрались-бы въ Ямбургѣ, все хотя клочекъ, да свой, со своими законами.

— А можетъ, совѣтское радіо вретъ? — сказалъ Шпакъ.

— Совѣтское радіо въ такихъ дѣлахъ рѣдко вретъ, какъ-бы про себя, съ убѣжденіемъ, сказалъ Федоръ Михайловичъ.

— Я слыхалъ, тамъ все таки что-то дѣлается, — сказалъ Шпакъ. — Будто генералъ Врангель командованіе приметъ, въ Крыму организовываться будутъ.

— Да . . . конечно . . . въ Крыму. Если мы тутъ Нарву слабенькими силенками держимъ, какъ Перекопъ не удержатъ! Можетъ-быть, еще Богъ и спасетъ. У меня тамъ три сына, Евгений Павловичъ, и дочь была въ Новочеркасскѣ въ Смольномъ Институтѣ. А Новочеркасскъ сданъ?

— Сданъ, — подтвердилъ Шпакъ.

— Что-же это такое, — съ какимъ-то надрывомъ въ голосъ воскликнулъ Оедоръ Михайловичъ.

— Кошмаръ! — скавалъ понравившееся ему слово Шпакъ.

XVI.

Послѣ полудня Куличкинъ вызвалъ Оедора Михайловича изъ землянки. Съ утра шелъ напряженный артиллерійскій бой. Отъ Плюсскихъ переправъ стрѣляла наша конная батарея, изъ-за станціи Нивы, броневой поѣздъ «товарищъ Ленинъ» посылалъ тяжелые снаряды по Нарвѣ. Двѣ наши батареи, — одна добровольческая и одна эстонская стрѣляли отъ Дубровны. Имъ отвѣчало уже не двѣ, какъ было всѣ эти дни, а четыре красныя батареи, изъ нихъ одна, тяжелая, давала постоянные перелеты.

Громъ выстрѣловъ, гудѣніе и стальной скрежетъ несущихся снарядовъ потрясали морозный воздухъ. Высокіе клубы чернаго дыма, какъ какіе-то гиганты деревья, поднимались то тутъ, то тамъ на снѣжной равнинѣ.

За раненіемъ ротнаго командира Оедоръ Михайловичъ командовалъ ротой. Рота была не велика: — всего шестьдесятъ человѣкъ, но все молодцы — старые солдаты.

Когда Оедоръ Михайловичъ вошелъ въ окопъ, — рота уже была вызвана «въ ружье» и сѣрожелтыми пятнами стояла вдоль бруствера. Пулеметчики прилаживали ленту въ пазъ пулемета.

— Смотрите, ваше благородіе, — идутъ, — сказалъ Куличкинъ. — Восемью цѣпями, и пулеметы тянуть. Надо полагать, въ сурьезъ пошли.

Холмистая гряда полей лѣвѣе лѣса была усыяна черными точками. Будто торчали тамъ пеньки срубленнаго лѣса. Правилень и четокъ былъ ихъ узоръ. Кое-гдѣ пятна были чернѣе, это группы по два, по три человѣка волокли на лямкахъ пулеметы.

Края красныхъ цѣпей уходили къ сѣверу, пересѣкали шоссе. Не менѣе дививіи красныхъ было брошено на фронтѣ эстонской и Русской позицій. Наши батареи посылали по нимъ шрапнели. Бѣлые дымки всплывали въ сѣромъ небѣ и катились, вздуваясь воздушными парусами, надъ темными точками непріятеля.

Юноша, — гимназистъ, добровольецъ, «связь» съ эстонцами, точно изъ подъ земли выросъ противъ Фёдора Михайловича и отрапортовалъ, вытягиваясь передъ нимъ:

— Ваше благородіе, генералъ Теннисонъ, начальникъ 1-ой эстонской дивизіи, передали приказаніе не открывать огня, пока переднія цѣпи не дойдутъ до проволокъ: эстонцы патроны изъ магазиновъ вынули.

— Слушаю. Передайте, Кортманъ, — будетъ исполнено.

Фёдоръ Михайловичъ прошелъ вдоль роты.

— Не стрѣлять безъ моей команды, — сказалъ онъ. Огонь откроемъ на проволоку. Прицѣлъ постоянный... Возьми основаніе кольевъ на мушку.

Щелкнули опускаемые прицѣльные рамки. Нѣкоторые солдаты уже поставили прицѣлы, соблазненные четкостью далекихъ цѣпей на снѣгу.

Красноармейцы шли, ложились, вставали и снова шли.

Изъ пеньковъ обратились въ карандаши. Стали видны разнообразныя, больше черныя пальто рабочихъ, шапки, винтовки на ремнѣ. Когда ложились, то казались маленькими кучками навоза, разбросанными по снѣгу. Щелкали и двоили выстрѣлы. Пули пѣли тоскующую пѣсню надъ окопами. Кого-то ранило и раненый поползъ по ходу сообщенія.

— Кого-это? — крикнулъ Куличкинъ.

— Коровайкина, господинъ взводный. У ногу, съ рюкзака. Кажись, кость задѣта...

Въ небѣ гремѣли стальные громы артиллеріи. Надъ полемъ свистали, черкали и шлепали пули. Въ окопѣ было слышно, какъ дышали люди. Кто-нибудь скажетъ вполголоса: —

— О Господи!

И сосѣдъ прошенчетъ: —

— Чего ты?...

— Ничего. Страшно... Больно много ихъ. Удержимъ-ли?

У непріятеля затакали два пулемета, пропѣли свою пѣсню и оборвали. Правѣе затрещалъ третій, четвертый, пятый, первые два снова пристроились, видно наладили новую ленту, правѣе еще три и стали надъ окопами свистѣть пуль непрерывенъ и жутокъ. Добровольцы прижались къ

снѣговому откоосу, точно хотѣли вросли во внутреннюю крутость бруствера.

Красные смолкли. . . Пошли впередъ. . . Стали обозначаться подъ шапками лица, видно, какъ снѣгъ взметывается подъ ногами, а сзади остаются бѣлые длинные слѣды. Идутъ медленно и тяжело. . .

Когда-то такое зрѣлище волновало Федора Михайловича. Было страшно и хотѣлось набить «ихъ» много, много. . . Тогда они были: — враги. Въ чужой одеждѣ, съ чужимъ запахомъ солдатскихъ рядовъ, съ малопонятнымъ разговоромъ, повиновущіеся какимъ-то своимъ законамъ. Тогда Федоръ Михайловичъ зналъ, что надо дѣлать съ плѣнными, какъ поступать съ ранеными, зналъ, что онъ удерживаетъ Русскую землю отъ вторженія въ нее нѣмцевъ. Онъ дрался за Русскую Варшаву съ красивымъ златоглавымъ православнымъ соборомъ, за русскій Владиміръ Волинскій, за славныхъ польскихъ пановъ и крестьянъ, такъ смѣшно говорящихъ по русски. Онъ не пускалъ врага къ С. Петербургу и къ Москвѣ. Въ Петербургѣ была его Наташа, тамъ учились его сыновья и дочь, а въ Москвѣ была сестра Липочка съ семьею, и тамъ были родные, знакомые, тамъ, въ С. Петербургѣ, были могилы его матери и отца подъ калиновыми кустами и плакучей березой на Смоленскомъ кладбищѣ. Тамъ были Государь, Родина и потому тамъ былъ задоръ. Хотѣлось истребить всѣхъ германцевъ и не дать въ обиду ни одного своего.

Теперь. . . Пусто было на сердцѣ. Одна страдающая нота замѣняла аккордъ души и она звенѣла, отзываясь мучительными думами и мѣшая что-нибудь понимать. Врагъ наступалъ на него отъ милаго сердцу, отъ родного Петербурга, гдѣ лежала его дорогая мамочка и гдѣ замучена его милая Наташа. Тамъ все родное. Тамъ воспоминанія дѣтства: Ивановская улица, Федосьинъ женихъ, Танечка, Савина, тамъ корпусъ, училище, академія. . . Когда-то. . . Тридцать лѣтъ тому назадъ Игнатъ, женихъ горничной его матери былъ кумиромъ его сердца. Игнатъ — Петербургскій рабочій. Съ нимъ вмѣстѣ въ Муринѣ онъ ходилъ на Охту, къ пороховымъ погребамъ удить рыбу. Смотрѣлъ съ обожаніемъ на русую бороду Игната, пѣлъ съ нимъ бравыя солдатскія пѣсни и считалъ его недостижимымъ идеаломъ. . . Въ тѣ дни кучеръ и конюхъ Савиной были его друзьями. . .

И вотъ они: — Игнаты, Савинскіе кучера, конюха, дворники идутъ цѣпями по снѣгу и онъ караулитъ ихъ, чтобы разстрѣливать ихъ изъ пулеметовъ и винтовокъ. Его фронтъ направленъ на Петербургъ, а сзади него чужая теперь Нарва. Нарва — востонскій Верденъ.

— Повернули... Бѣгутъ навадь! — прошепталъ сзади него Куличкинъ.

Не выдержали красные суроваго молчанія Нарвскихъ окоповъ.

И сейчасъ въ лѣсу затрещали пулеметы... Черныя фигуры стали падать и оставаться на бѣломъ снѣгу.

— Ваше благородіе! — Ихъ же пулеметы по нимъ бьютъ, Господи! Твоя воля, что-же это такое?!

Ужасъ на лицѣ стараго унтеръ-офицера... Ужасъ въ его словахъ!!...

Федоръ Михайловичъ зналъ, что это такое. Какойнибудь Благовѣщенскій, какіе-нибудь Бронштейны, Крохмали, Финкельштейны, Фрунзе, Мѣхоношины приказали разстрѣливать оробѣвшихъ, чтобы заставить Игната, Савинскихъ кучеровъ и конюховъ, дворниковъ и рабочихъ идти на окопы.

— Идутъ опять..., — вдохнулъ Куличкинъ. А много ихъ свои-же побили.

Въ туманахъ зимняго дня колыхались цѣпи. Качались, смыкались въ кучки, разсыпались, падали, корчились на морозѣ. Снова стали видны лица. Бѣлая, несмотря на морозъ, съ пустыми черными глазами. Въ застывшемъ вѣдухѣ висѣла скверная матерная ругань. Появились красные офицеры съ револьверами въ рукахъ...

Эстонцы открыли огонь.

— Ваше благородіе, начинать, что-ли?

Федоръ Михайловичъ молчалъ. Онъ не видѣлъ цѣпей. Онъ видѣлъ свое дѣтство, Игната, Андрея и Якова — Савинскихъ кучеровъ.

«Какъ-же по нимъ-то?... По роднымъ?... Дорогимъ?»

Командовалъ Куличкинъ:

— По неприятельскимъ цѣпямъ... Постоянный... Часто. Начинай.

Кто-то-рѣзко, не своимъ голосомъ, крикнулъ: —

— Пачки!

XVII.

Восемь разъ повторяли красные атаку. Одни бросались на проволоку, хватались за нее и падали, сраженные электрическимъ токомъ, другіе бѣжали назадъ, сбивались въ кучу, попадали подъ разстрѣлъ своихъ пулеметовъ, разсыпались снова цѣпями, расталкиваемые кулаками комиссаровъ и красныхъ офицеровъ, пополнялись изъ резервовъ и снова шли по снѣжному полю, покрытому тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Шли, нанюхавшись кокаина, со смѣхомъ, ничего не понимая, не слыша свиста и щелканья пуль. Шли въ отчаяніи, потому-что нельзя было не итти. Шли сами и заставляли идти другихъ, потому что былъ приказъ Троцкого: «взять Нарву во что-бы то ни стало».

Они знали, что такое приказъ Троцкого. Они не могли его не исполнить.

Федоръ Михайловичъ видѣлъ, что это не война, не сраженіе, не атака, не безумство храбрыхъ, не суровое исполненіе долга, не счастье пасть за Родину, а отвратительное избіеніе людей, подобное казнямъ въ чрезвычайкѣ. Молча, съ сурово сдвинутыми бровями, стоялъ онъ въ окопѣ во весь ростъ и смотрѣлъ въ бинокль.

Онъ не рисовался. — Просто: забылъ про пули.

Онъ думалъ о другомъ. Почему одни Игнаты, Андрей и Яковы съ безумнымъ упорствомъ кидались на проволоку и гибли на снѣгомъ покрытыхъ поляхъ Русской земли, а другіе Игнаты, Яковы и Андрей, закрѣпившись за проволокой съ пущеннымъ по ней сильнымъ электрическимъ токомъ, съ хладнокровнымъ упорствомъ избивали ихъ? Ему всегда были отвратительны погромы. Какъ много писали о гнусности гражданской войны. О томъ, какую гадкую роль играютъ войска при этомъ. Они-же писали. . . Соціалисты! . . . Теперь, эти самые соціалисты затѣяли въ небывалыхъ размѣрахъ избіеніе Русскаго народа Русскимъ-же народомъ и Игнаты, Андрей и Яковы кинулись съ рабскимъ усердіемъ исполнять ихъ приказъ.

Ночь надвинулась. Былъ всего пятый часъ, по совѣтски — второй, но коротокъ декабрьскій день на сѣверѣ. Туманъ садился на землю. Крики смолкли. Перестали стрѣлять винтовки. Сумракъ сталъ передъ глазами. Во мракѣ поле,

покрытое тѣлами замерзающихъ раненыхъ. стонало непрерывнымъ стономъ.

— Тысячи двѣ набили ихъ, — вздохнулъ Куличкинъ.

«Понимаетъ-ли онъ то, что понимаетъ Ѳедоръ Михайловичъ? Понимаетъ-ли, что ихъ нельзя было избивать, они не враги, но братья»...

«Но... если не остановить ихъ... погибнетъ послѣдняя идея великодержавной Россіи — ея добровольческая армія?»

«Тысячи двѣ набили»... Сегодня двѣ, вчера, третьяго дня, да сколько погибло отъ артиллерійскаго огня. Артиллеристы хвастали, что работали на пораженіе. Да, сколько побила тяжелая артиллерія въ Нарвѣ... Вчера, — Шпакъ рассказывалъ, снарядъ ударилъ въ Кренгольмъ въ квартиру рабочаго и отъ семи душъ, цѣлой семьи съ бабушкой и дѣдушкой, съ дѣтьми и внуками, осталась груда обгорѣлыхъ развалинъ, гдѣ «любители» отыскивали человѣческія кости».

«Кому эти жертвы?»

Изъ-за снѣжныхъ холмовъ кроваво-краснымъ серпомъ поднималась молодая луна. Звѣздочка загорѣлась въ зеленѣющей дали. Все принимало призрачный видъ. Стоны раненыхъ стихали. Въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ замерзали люди.

Кому?!... Кому нужны эти жертвы?

Какъ видѣніе, стала передъ Ѳедоромъ Михайловичемъ кроваво-красная звѣзда и въ ней лицо Троцкаго.

Согнулся крючковатый носъ, изъ вьющихся волосъ проступили маленькіе, острые рожки, скривился въ презрительно-саркастическую улыбку ротъ.

Дьяволъ!... «Сатана тамъ править балъ!»

Тамъ не правительство, а сатанисты. Когда Ѳедоръ Михайловичъ служилъ въ красной арміи, онъ слыхалъ о томъ, что Ленинъ давно боленъ дурною болѣзнью, что его мовгъ не въ порядкѣ. — Онъ правилъ Россіей! Ему пѣли гимны, въ его честь слагали стихи, и «сволочью» называли мучениковъ, борющихся за свято-русскую землю. Помнить Ѳедоръ Михайловичъ, какъ къ нему въ дивизію прислали «авбуку красноармейца» и тамъ на букву «И» былъ такой стишокъ:

Ильичъ желѣзною метлой
Сметаетъ сволочь съ мостовой.

Ржали довольнымъ смѣхомъ красноармейцы, носился съ этимъ стишкомъ молодой курсантъ, нравился имъ ихъ добрый Ильичъ.

Сатанисты взялись уничтожить Россію. Сатанистамъ она стояла поперекъ горла, какъ послѣдняя цитателъ христіанства. Западъ давно поклонился золотому тельцу. Жила любовь только на Святой Руси. Видѣлъ эту любовь Федоръ Михайловичъ всю свою жизнь, и понималъ, что ею стоитъ Россія. Любовью покоряла она киргизовъ и сартовъ, любовью согрѣвала бурятъ и якутъ, съ любовью шла въ нѣдры Кавказа и Русскій языкъ звучалъ на одной шестой земного шара. Русскій церковный благовѣстъ звенѣлъ въ Калишѣ и во Владивостокѣ, въ Торнео и въ Эривани. И пока цѣла была Русь, стояли святыя храмы, не могъ сатана установить золотого тельца на Русской землѣ. И онъ послалъ ватменіе на умы Русской молодежи. Въ невѣріи и насмѣшкѣ къ обрядамъ православной вѣры росли гимназисты и студенты. Красивые, трогательные символы вѣры Христовой замѣняли сатанинскими знаками таинственныхъ треугольниковъ и звѣздъ. Среди знати, любовицества ради, творили черную мессу. Со смѣшкомъ, съ хитрой ухмылочкой завоевывалъ сатана Русское общество, и смѣялись надъ тѣмъ, что Государь хороший семьянинъ. Подсылали къ нему дьявола въ образѣ старца, чтобы опоганить царскіе чертоги. Насмѣхались надъ святостью брака, не ходили къ исповѣди и причастію, повсюду творили блудъ. Сатана входилъ въ Русь осторожно, но входилъ черезъ парадное крыльцо, а не черезъ черныя двери. «Любоньтно... Интересно... Умно... Это не то, что попы!»..

А за сатаной крадся жидъ. Онъ накопилъ ненависть ко всему міру, но особенно ненавидѣлъ онъ Россію, пріютившую его на своихъ хлѣбахъ. Онъ хотѣлъ править. Ему надо было измываться надъ Русскимъ народомъ, ему надо было показать, что значить «черта осѣдлости». Нагло выперъ онъ впередъ, опираясь на сатану.

Сатана — Ленинъ, и жидъ Троцкій — вотъ, кто началъ. Кто толкнулъ стоявшій надъ бездной Русскій народъ и онъ покатился и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе.

Молиться!..

«Молиться?.. Молитва безъ подвига — ничто. Надо работать а не только молиться. Работать? Эти тысячи убитыхъ и замерзающихъ раненыхъ, — это работа? Работать тамъ?.. Черезъ огненную геенну мукъ душевныхъ прошелъ Федоръ Михайловичъ, работая тамъ. Работать здѣсь?.. Ну, отстояли Нарву... А дальше что? Бѣлыя арміи гибнуть. Бѣлыя арміи безъ фундамента. У нихъ земли не было. Народъ обратился въ бѣженцевъ. Не было Царя, и гдѣ было три Русскихъ, тамъ было четыре партіи.»

Ужасно было на душѣ. Пустота страшная.

«Мама!.. Наташа!.. Дѣти!.. гдѣ-же вы всѣ, родные, милые?.. Не могу я жить, не спросивъ у васъ, что-же дѣлать?»

«Оправданы черныя пятна тѣлъ убитыхъ, лежащихъ на снѣгу въ полѣ, угодны Богу жертвы людскія, потому что нельзя ихъ простить.»

«Могли же они идти не на десятки эстонскихъ и добровольческихъ пулеметовъ, не на проволоку окоповъ, а на тѣ одинокіе пулеметы, что стояли въ лѣсу, на комиссаровъ и ихъ сокрушить и вернуть Царя Родинѣ, и порядокъ странѣ...»

«А почему-же ты не сдѣлалъ этого, когда былъ тамъ съ ними? Почему не пошелъ?»

И чувствовалъ Федоръ Михайловичъ, что съ тѣхъ поръ, какъ началась революція, онъ, всю жизнь повиновавшійся только долгу, онъ, всего себя отдавшій служенію этому долгу, не выполняетъ долга, идетъ противъ совѣсти.

«Почему не отстоялъ Государя? Почему не пошелъ въ Думу и не арестовалъ безумцевъ, думавшихъ кровью и мятежемъ спасти Россію? Почему не умеръ съ тѣми городскими, что отстаивали порядокъ и законъ? Они у Господа Силь, а ты?»..

«Почему пріялъ революцію и временное правительство, а не сдѣлалъ того, что долженъ былъ сдѣлать?»..

«Вѣдь училъ-же ты солдатъ: — «дѣлай все, что тебѣ прикажутъ, если же противъ Государя, не дѣлай — въ этомъ воинская дисциплина.» — Почему-же, когда стали дѣлать противъ Государя, ты не возмутился, а пошелъ за тѣми, кто заточилъ Государя? Ты пошелъ потому, что пошли твои начальники: — Брусиловъ, Рузскій, Корниловъ. Тебя поразило, что Корниловъ навѣсилъ георгіевскій крестъ на

унтеръ-офицера Кирпичникова, совершившаго тягчайшее преступленіе, убившаго своего ротнаго командира.»

«Не могли имѣть удачу тѣ, кто шелъ противъ Государя въ прошломъ. Не могли имѣть удачу тѣ, кто шелъ противъ революціи, а самъ славословилъ революцію. Потому что коммунисты, большевики и сатанисты — это все дѣти ревлюціи, порожденіе ея краснаго флага и сатанинской звѣзды.» . .

Вольноопредѣляющійся Кортманъ пришелъ звать Оедора Михайловича пить чай. Оедоръ Михайловичъ спустился въ землянку и задумался надъ желѣзной кружкой, пахнущей вѣнникомъ.

Кортманъ былъ счастливъ одержанной побѣдой, отбитымъ штурмомъ. Большія потери у «непріятеля» его радовали.

— Россію надо возстановлять, — говорилъ онъ, — красный и потный, допивая шестую кружку чая, — съ того, что подать сигналъ «анпель» . . . «на свои мѣста скачите!», — пропѣлъ вольноопредѣляющійся. — Въ Петроградѣ Государь и каждый на свое status quo пожалуйте. Вольноперъ Кортманъ, вы чѣмъ были до великой безкровной? — Гимназистомъ шестого класса Петроградской 2-ой классической гимназіи. — Пожалуйте за парту. Доучитесь сначала, а потомъ посмотримъ, куда васъ примѣнятъ. — Ваше благородіе, вы кѣмъ были? . . .

Глухо отвѣтилъ Оедоръ Михайловичъ.

— Командиромъ 1-ой бригады N-ской дивизіи.

— Генераломъ стало-быть. . . Позвольте. . . Почему-же вы? . . — вольноопредѣляющійся вдругъ поперхнулся, смутился и покраснѣлъ. . .

— Я кипяточку принесу еще . . ваше . . . благородіе. . . Можетъ быть, вы еще выпьете — сказалъ онъ, схватилъ чайникъ и выскочилъ изъ землянки.

Когда онъ вернулся, онъ не засталъ въ землянкѣ Оедора Михайловича.

Оедоръ Михайловичъ шагаль взадъ и впередъ по шоссе. Лунная тѣнь двигалась за нимъ по снѣгу, то пропадала, когда заслоняли луну облака, то появлялась снова и шепталь Оедоръ Михайловичъ страшныя слова. Лихорадочнымъ кошмаромъ охватывали они его, раскаленными молотками били по самому сердцу — и слова эти были: —

— Ни понять-ни простить! . .

Жуткою правдою оказалось все то, о чемъ шептались въ окопахъ, о чемъ бредили тифозные на больничныхъ койкахъ въ лазаретахъ, что казалось вѣроломствомъ. Эстонія, 21-го декабря стараго стиля, заключила перемиріе съ большевиками.

Этого надо было ожидать. Когда эстонцы разоружили, предварительно обстрѣлявъ, мирно шедшую къ Корфу дивизію князя Долгорукаго, когда арестовали штабъ генерала Арсеньева и разоружили чиновъ штаба, когда послали Русскихъ офицеровъ и солдатъ въ маленькія деревушки у Чудского озера и поставили въ каторжныя условія жизни, было ясно, что они не считались съ добровольцами. Одна часть Сѣверозападной арміи доблестно сражалась, умирала и калѣчилась на подступахъ къ Нарвѣ, въ эстонскихъ окопахъ, отстаивая самостоятельность Эстїи, другая часть той-же арміи, поставленная въ анти-санитарныя условія, вымирала отъ тифа. И ничего другого она не могла дѣлать: ей угрожали выдачею большевикамъ: — на разстрѣлъ.

Всѣ понятія права и правды были перепутаны. Русскіе солдаты-стали невольными кондотьерами у эстонской республики. Русскіе солдаты становились бѣлыми рабами, — иначе смертная казнь отъ руки большевиковъ. Бьющую бичами и скорпіонами руку надо было цѣловать. Превозносили министра Поску за то, что онъ не согласился на требованіе большевиковъ о выдачѣ добровольцевъ.

Поэтъ Игорь Сѣверянинъ воспѣвалъ голубо-озерную Эстїю за то, что ему милостиво разрѣшили жить на старой дачѣ. Могли и выслать! . .

Армію разоружали и ликвидировали подъ контролемъ англичанъ. Офицеровъ и солдатъ устраивали на лѣсныя и торфяныя работы въ Эстоніи, желающіе могли уѣхать куда угодно, но . . . получить визы было невозможно, а на путешествіе давали пять англійскихъ фунтовъ.

Куда ѣхать? . .

Туманили молодыя головы мечты о возстановленіи фронта, о томъ, что кто-то, гдѣ-то, что-то организуетъ, что Германія прочно взяла въ свои руки борьбу съ большевиками и что теперь все пойдетъ по иному. Бѣжали въ Ревель, къ

французскому полковнику Гюрстелю, сегодня записывались въ иностранный легіонъ, на завтра просили вычеркнуть изъ записи. Мечтали поѣхать къ Деникину, который не то держится у Новороссійска, не то отошелъ въ Крымъ. Собирались во Владивостокъ къ Колчаку, къ генералу Миллеру въ Архангельскъ. Ихъ пускали, не пускали, они ѣхали, не ѣхали. Отъ надеждъ переходили къ отчаянію. Умирали по госпиталямъ въ притихшей Нарвѣ, гдѣ свободно и нагло расхаживали большевицкіе солдаты и офицеры. Прорывались въ Ревель и тамъ обивали пороги всевозможныхъ учреждений, а вечеромъ предавались безумному кутежу.

Полкъ, гдѣ служилъ Ѳеодоръ Михайловичъ, разошелся. Большая часть съ командиромъ полка «задѣлалась» на лѣсныхъ работы, небольшая часть, — мѣстные крестьяне, ушла къ большевикамъ, нѣсколько человѣкъ офицеровъ, студентовъ, гимназистовъ и молодежи ѣхали за границу. Кто мечталъ поступить въ высшее учебное заведеніе во Франціи, или Германіи, кого манила жизнь, полная приключеній и онъ думалъ ѣхать въ Абиссинію, Аргентину или еще куда-нибудь и «сѣсть тамъ на землю»...

Ѳеодоръ Михайловичъ сначала думалъ устроиться въ лѣсопильной артели, но тоска, охватившая его послѣ ночи, проведенной въ раздумьи объ отбитомъ штурмѣ, и болѣзнь, что-то въ родѣ тифа, пережитая имъ на ногахъ, парализовали его волю, онъ во время не записался въ пильщики, проболтался до марта въ Нарвѣ, наблюдая, по приказанію начальства, за уборкою труповъ и чисткою лазаретовъ, мылъ самъ полы, рылъ могилы, таскалъ трупы, а когда окончилась эта работа, въ самомъ ужасномъ настроеніи, не зная что дѣлать, пріѣхалъ въ Ревель.

На Морской, переименованной эстонцами въ Riik uli, подъ старинной аркой, съ виднѣющимся, какъ въ сѣрой круглой рамѣ, просторомъ сине-зеленаго моря и бѣлыхъ льдовъ онъ встрѣтилъ Вѣрочку Деканову. Онъ шелъ безцѣльно, не зная куда приткнуться, голодный, отвыкшій ѣсть, въ старой англійской шинели безъ погонь, въ высокихъ сапогахъ. Лицо его, не бритое, смуглое, такъ постарѣло, что Вѣрочка узнала его по фигурѣ, сильной и стройной, да по вдумчивымъ, сѣрымъ, добрымъ глазамъ. Она окликнула его и перешла къ нему черезъ узкую улочку съ тающимъ снѣгомъ.

— Оедоръ Михайловичъ, давно? Какъ вы попали въ наши края.

Котиковая шапочка была кокетливо надѣта на правый бокъ. Отростающіе волосы волнами падали на плечи, румяное отъ свѣжаго вѣтра лицо было жизнерадостно, весело сверкали темныя вишенки глазъ.

— Вы куда идете?

— Я собственно самъ не знаю куда?.. Я никуда не иду.. Мнѣ некуда идти.

— Ну, такъ идемте къ намъ. Мы живемъ тутъ не далеко. Наискосокъ отъ Петербургской гостиницы. Наши хозяйки, двѣ премилыя старушки нѣмки. Мы ихъ «мышками» называемъ, такія они тихія, добрыя, настоящія евангельскія души. Я не сомнѣваюсь: онѣ васъ устроятъ у себя. А обѣдать мы ходимъ къ фрейлейнъ фонъ Мензенкампфъ, тоже святая душа. И обѣдаютъ у нее все такіе-же тихіе люди, какъ папа съ мамой.

— Какъ здоровье Екатерины Петровны?

— Мама, слава Богу, поправилась. Теперь ходитъ совсѣмъ бодро. Осталась краснота, и та, говорятъ, пройдетъ. И какъ мы счастливы, что вырвались отъ нихъ. Постойте... Или зайдемте вмѣстѣ. Мнѣ надо купить пирожныя. Будемъ чай пить... Вы были больны?

— Да, и у меня было что-то вродѣ тифа.

— Намъ Шпакъ говорилъ. Какой милый нашъ Шпакъ, неправда-ли?..

— Да онъ вездѣ поспѣетъ. Всѣмъ помогаетъ.

— Папѣ отличный костюмъ изъ американскаго Краснаго Креста досталъ. И вамъ достанемъ. Надо готовиться плыть за границу. Мы ждемъ парохода.

— Зачѣмъ?

Вѣрочка не отвѣтила. Она выбирала пирожныя.

— Вы любите эти бріюши? — спросила Вѣрочка, показывая на золотистыя въ маслѣ пирожныя, — или лучше я вамъ возьму съ кремомъ. Очень хороши. Придемъ домой, устроимъ васъ, отдохнете, а потомъ пообѣдаемъ у Мензенкампфши и къ намъ чай пить, изъ самовара. Прекрасный городъ. Мы никогда-бы отсюда не уѣхали, тутъ несмотря на всѣ эти Rijk uul настоящая Россія, но тутъ большевики. Вотъ вы спросили — зачѣмъ? И я вамъ отвѣчу: — зачѣмъ,

что тутъ большевики. Съ ними жить нельзя. Вы слышали, какъ Булакъ-Булаховичъ арестовалъ Генерала Юденича? Если-бы не полковникъ Гюрстель и не англичане, его увезли-бы въ Юрьевъ и тамъ отдали большевикамъ. Не забывайте, Ѳедоръ Михайловичъ, что вы у нихъ служили, а потомъ ушли. Они этого не прощаютъ. Балаховцы по городу волками рыщутъ. Въ Петербургской гостиницѣ постоянные скандалы. Да, на одинъ ихъ красный автомобиль посмотрѣть съ краснымъ флажкомъ — тошно станеть. Ведутъ себя вызывающе.

— Они подошли къ узкому, темному, старому дому.

— Пожалуйте, — сказала Вѣрочка. — Посмотрите-ка какая лѣстница. И ночью никакого освѣщенія. Со свѣчею гостей провожаемъ и такъ это красиво, патриархально. Свѣчу ладонью прикрываешь, пальцы розовые сквозятъ и тѣни бѣгутъ по ступенямъ. Кажется, слышишь ласковый шопотъ нашихъ бабушекъ и дѣдушекъ. . .

XIX.

Вечеромъ Ѳедоръ Михайловичъ, постриженный и побритый, въ простомъ, но приличномъ штатскомъ костюмѣ, полученномъ, по хлопотамъ Екатерины Петровны и Шпака отъ американцевъ, уютно сидѣлъ въ просторной комнатѣ со старинными маленькими окнами.

У спинокъ постелей стоялъ большой, накрытый скатертью столъ, на немъ шумѣлъ самоваръ, были стаканы, чашки, тарелки съ пирожными, съ масломъ, съ ветчиной и хлѣбомъ. Екатерина Петровна, оправившаяся, помолодѣвшая, сидѣла за самоваромъ, Вѣрочка помогала ей, Ѳедоръ Михайловичъ и Шпакъ допивали чай, Декановъ открылъ форточку и курилъ подлѣ нея трубку.

— Какъ-же это устроили? — спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ, оглядывая все это довольство и свой костюмъ.

— Мы, дѣти Бога, — сказала Екатерина Петровна. Развѣ мы знаемъ для чего и зачѣмъ посылаетъ Онъ намъ то или другое испытаніе? Развѣ мы не птицы небесныя? Мы пріѣхали безъ копейки денегъ, а теперь можемъ жить. Нашелся добрый человекъ.

— И, конечно, еврей, — сказалъ Шпакъ.

— При каждомъ русскомъ, — сказалъ философически Декановъ, — непременно есть хорошій добрый еврей —

благодѣтель. Всѣ евреи — жида, а этотъ, особенно хорошій — еврей! Такъ вотъ! иду я по Нарвѣ и встрѣчаю такого. Онъ большія дѣла со мною имѣлъ по шерстяному дѣлу. Поговорили «по душамъ». «Я», — говоритъ Соловейчикъ, — «ни минуты не сомнѣваюсь, что Россія будетъ снова богатая и собственность возстановлена. Угодно, я вамъ ссужу подъ ваше «Серебряное Руно». — Я говорю: — у меня нѣтъ никакихъ документовъ, — а онъ отвѣчаетъ: «я вамъ, Николай Николаевичъ, на одно ваше слово повѣрю. Не первый годъ знакомы». . . И ссудилъ мнѣ тысячу фунтовъ. Ну и живемъ. . .

— И все не такъ. . . все не такъ, — качая завитой у парикмахера, сѣдѣющей, фарфоровой, изящной головкой, говорила Екатерина Петровна. — Соловейчикъ — это тебѣ отъ Бога. . . А Шпакъ? . . . Смотрите — служить. При Древеницѣ состоитъ, а тотъ что-то дѣлаетъ по ликвидаціи арміи. . . А наши святія старушки? Все, все отъ Бога. Надо вѣрить. . . Помните, съ нами изъ Царскаго Села пришелъ профессоръ академіи Байковъ? Устроился у эстонцевъ въ военномъ училищѣ, преподаетъ имъ тактику и топографію, а Зеленковъ, артиллерійскій генералъ, подъ Перновымъ садоводство въ долгъ снялъ, уже парники налаживаетъ. Гвардеецъ Ермолаевъ. лихой сердцеѣдъ, — сколько женщинъ загубилъ, — конторщикомъ на пивоваренномъ заводѣ. . . Вы скажете, не Богъ? А помните Антоновскую. . . Нѣтъ, вы не знали ее. . . Коля, за кого она вышла потомъ? — За Реброва.

— Ну, скавалъ! Не за Реброва. За Реброва это ея сестра вышла, она за Баумана, и развелась съ нимъ — теперь ѣдетъ въ Германію переводчицей къ японскому консулу Суусуки. Ну, развѣ не птицы небесныя? развѣ мы не дѣти Бога. Ахъ, я была раньше легкомысленная, во многое не вѣрила, многого не понимала. Теперь я все понимаю. Все отъ Бога!

— Что-же, — вставая, въ глубокомъ волненіи проговорилъ Ѳедоръ Михайловичъ и деревяннымъ былъ его голосъ. — И Наташа замучена. . . по волѣ Божьей? И чрезвычайка. . . и голодъ. . . и милліоны разстрѣлянныхъ. . . и замученные Государь и его святые дѣти. Это отъ Бога? Кто же нашъ Богъ. . . Жестокій Богъ крови?? Богъ Адонаи?

Екатерина Петровна растерялась. Сипѣлъ, напѣвая русскую пѣсню, самоваръ.

За окномъ были тихи улицы средневѣковаго города. Откуда-то доносился томный вальсъ. Оркестръ игралъ на далекомъ каткѣ.

Звонко и молодо прозвучалъ голосъ Вѣрочки.

— Есть испытанія, — сказала она. Она встала, покраснѣла. Дрожала нижняя губа надъ подбородкомъ съ ямочкой. — Мы видимъ страданія, страданія минутныя . . . пускай даже страданія цѣлаго года. . . какъ у Царской Семьи. . . И мы думаемъ о земномъ. А на дѣлѣ. . . Святыми великомученицами, святымъ страстотерпцемъ восходятъ они къ Престолу Господа. И ваша жена, Ѳеодоръ Михайловичъ, — она у Бога. Она молить за васъ. Она молить за Россію. И ихъ много. . . Ихъ все больше и больше становится. . . Вы видали, разжигаютъ стальную болванку. . . Я видала на заводѣ. . . И молотами бьютъ ее. . . И протягиваютъ сквозь тиски. Какъ капли крови, брызжутъ раскаленные искры, и выходятъ . . . выходить — закаленная сталь! . . . Россія измученная. . . Россія съ гонимою церковью, съ разстрѣлянными епископами и священниками, Россія съ лучшими сынами своими, офицерами и солдатами, томящимися по тюрьмамъ, убиваемыми ежедневно десятками, да вѣдь эта Россія куда выше сытой Европы съ ея шиберами-спекулянтами, съ жаждой наживы и развлечений. Въ огнѣ мученій перегорѣли словенные предрасудки и голубая дворянская кровь слилась въ одномъ потокѣ съ алой кровью крестьянъ. . . Господи! . . . Папа! . . . Мамочка, милая моя, вы мои милые Ѳеодоръ Михайловичъ и Евгеній Павловичъ — да вижу я ее, встающую изъ крови, какъ румяное солнце встаетъ изъ луговой росы, свѣтлую, радостную, прекрасную, Россію мою! Неубиваемую! . . . Душевную и духовную! Великую! . . .

Вѣрочка не договорила и убѣжала въ свою комнату.

Томилъ далекій вальсъ. О чемъ-то тихомъ и грустномъ рассказывалъ старый мѣдный самоваръ и попыхивала и сипѣла трубочка въ зубахъ у Деканова.

— Вотъ, Катя, и такъ иногда бываетъ, — наконецъ, сказалъ онъ, — что яйца курицу учатъ.

— Кошмаръ, — прошептала Шпакъ.

Счастьемъ сверкали его глаза. Точно видѣлъ онъ за этимъ кошмаромъ свѣтлое и радостное пробужденіе.

Двѣ недѣли спустя, раннимъ утромъ, Ѳеодоръ Михайловичъ поднялся по узкой желѣзной лѣстницѣ, изъ трюма нѣмецкаго товаро-пассажирскаго парохода «Alexandra» и прошелъ на бакъ. На трюмномъ широкомъ люкѣ, покрытомъ брезентомъ, было пусто. Пароходъ шелъ по снѣжному полю. Блѣдно-синее, передразвѣтное небо сливалось, на горизонтѣ, съ синими льдами. Подъ носомъ парохода шуршала разбиваемый имъ ледъ. Сзади оставалась темная полоса воды съ плавающими въ ней кусками льда. Пароходъ шелъ плавно и спокойно. Шуршали льдины о его борта и усыпляли мысль. Кругомъ безконечные, снѣжные просторы. Сзади творилась несказанная тайна красоты ежедневнаго рожденія солнца. Играли солнечные лучи. Золотою дымкою укутывалась снѣжная пустыня и каждую секунду мѣнялись краски, изъ золота вливаясь въ пурпуръ, въ яркую синь, на которую выплыло полное солнце. Оно разбросало линіи тѣни. Четкими сдѣлало каждую льдинку, отброшенную пароходомъ, каждый комъ снѣга, далекую сигнальную вѣху. Справа надвигался на пароходъ островъ. Казалось, что онъ плылъ на пароходъ. У берега узкой полоскою по прибрежному песку плескали темносинія волны. Торчали розовыя гранитныя скалы. Сосны стояли розовыми леденцами, мѣшаясь съ черными буками, и въ зелено-сѣромъ сквозномъ кружевѣ рисовалось каменное зданіе лоцманской станціи.

Пароходъ остановился и гудкомъ вызвалъ лоцмана. Отъ острова отдѣлился человѣкъ. Казалось, какая то сила съ большою быстротою несла его къ пароходу. Стоя одною ногою на маленькихъ санкахъ, обѣ одною полозѣ, опираясь руками на палку, онъ другою ногою съ острымъ конькомъ быстро отталкивался отъ льда и мчался по ледяному простору, оставляя тонкій, блестящій слѣдъ.

Въ утреннемъ голубомъ воздухѣ, пропитанномъ золотыми нитями, человѣкъ въ мѣховомъ треухѣ и короткомъ полушубкѣ казался живущимъ какою-то особенною, красивою жизнью, такъ непохожею на жизнь другихъ людей. Одинокій островъ, буки и сосны подлѣ маленькаго зданія съ непогашеннымъ свѣтомъ въ окнѣ, синяя кайма воды у берега и ледяные просторы съ несущимся человѣкомъ — сага сѣвера . . . спокойная, тихая, незлобивая.

Человѣкъ подлетѣлъ къ пароходу. Со свистомъ размахнулась веревка, змѣею упала на снѣгъ. Онъ подхватилъ ее, привязалъ къ ней санки. Ихъ втянули на пароходъ. Бросили веревочную лѣстницу и онъ быстро вскарабкался на черный бортъ. Онъ оказался краснощекимъ, румянымъ, широкоплечимъ шведомъ-лоцманомъ.

Пароходъ зашумѣлъ винтомъ, вzbилъ за собою зелено-вато-бѣлую пѣну, дрогнулъ, взлѣзая на ледъ, обломалъ его и пошелъ, шурша льдинами. Лоцманъ стоялъ на верху подлѣ рулевого и короткимъ пальцемъ показывалъ направление къ проявившимся вдали синимъ островамъ.

На пароходѣ начиналась жизнь. Изящный бѣлокурый господинъ въ короткомъ пальто и туфляхъ на босу ногу, съ дамскими щипцами въ рукахъ, пробѣжалъ по палубѣ къ камбузу. Спустился. Поднялся, остановился у борта. Въ дверяхъ лѣстницы появилось завитое, томное, напудренное женское лицо и картавый голосъ капризно произнесъ:

— Alexandre, veux-tu descendre?¹⁾

Бѣлокурый господинъ кинулся внизъ за скрывшейся въ люкъ дамой.

Въ каютъ-компаніи звенѣли посудой. Прошелъ нѣмецъ матросъ съ закопѣлымъ кофейникомъ.

Оддоръ Михайловичъ сидѣлъ, не двигаясь.

Вѣрочка подошла къ нему. Оддоръ Михайловичъ поднялъ на нее пожелтѣвшіе, печальные, больные глаза и сказалъ:

— Вѣра Николаевна, скажите, зачѣмъ и куда я ѣду?

— Зачѣмъ? Это не дано намъ знать...

— Зачѣмъ я живу?

— Такъ Богу угодно. Значить, не исполнили вы всего, что вы должны были совершить на землѣ. Не конченъ вашъ путь...

Оддоръ Михайловичъ скривился...

— Слова... слова... слова..., — сказалъ онъ. — Я сильный и мнѣ не нужно утѣшенія.

— Кто знаетъ, что еще будетъ впереди и для чего Господь изъ бездны испытаній вынесъ вашу жизнь. Такъ надо.

¹⁾ Александръ, сойдешь-ли ты.

— Вѣра Николаевна. Это магометанскій фатализмъ.

— Да это фатализмъ, но фатализмъ христіанскій. Ни одинъ волосъ не упадетъ съ вашей головы, если на то не будетъ воли Божьей.

Какъ няня ребенку, стала говорить Вѣрочка Оедору Михайловичу:

— Мы ѣдемъ въ Берлинъ. И вы съ нами. Будемъ работать. И ждать, терпѣливо ждать, когда спасетъ Господь свою Россію. И тогда мы вернемся туда... Домой вернемся мы... будемъ работать... будемъ учиться... Главное, любви будемъ учиться. Погибли мы отъ того, что не было любви между нами. А теперь есть. Вотъ уже нѣсколько насъ. Вы, Шпакъ, папа съ мамой, а потомъ будетъ еще больше, будетъ христіанская община.

— *Alexandre, veux-tu descendre,* — сказалъ, криво усмѣхаясь Оедоръ Михайловичъ.

— Да... И Баланины. Мы примемъ и ихъ, такими, какъ они есть. Всѣ — люди. Мы молоды, Оедоръ Михайловичъ...

— Говорите о себѣ...

— Нѣтъ и вы... И мы должны, слышите, мы должны сберечь себя, научиться многому къ тому дню, когда позовутъ насъ обратно Русь. Мы не можемъ придти туда съ пустыми руками и пустымъ сердцемъ. Тамъ такъ страдали. Тамъ такъ нужны наша ласка и любовь.

— Вы вѣрите, что мы вернемся?

— О!... не такъ скоро... Пройдутъ мѣсяцы, года. Но будетъ день. Будетъ такой свѣтлый, радостный день и воскреснетъ Русь! Христа распинали и мучили Іудеи, хамы распяли и убили Русь, но воскресъ Христосъ и Русь воскреснетъ. Мы придемъ и скажемъ имъ: Христосъ воскрес.

— И никто не отвѣтитъ. Тамъ умерли всѣ. Кто мнѣ отвѣтитъ? Нѣтъ моей Наташи.

— Послѣ святой заутрени, въ Печерской лаврѣ нѣкогда настоятель вошелъ въ пещерныя могилы и сказалъ: Христосъ воскрес, и изъ всѣхъ пещеръ четкимъ шорохомъ пронесся отвѣтъ: — Воистину воскрес!.. Тоже и на Руси будетъ. Чудесна Русь и чудо будетъ въ ней!..

— Я не доживу до этого чуда. Оторваны мои корни отъ моей земли и чувствую я, что не вынесу и умру. Не пересаживаютъ стараго дерева на новое мѣсто...

Ярче становились дали. Серебромъ сверкали снѣгъ и ледъ, прозрачными аметистовыми туманами надвигались берега. Ближе подступали острова съ красивыми дачами, съ садами голыхъ деревьевъ, съ рѣшотками, сбѣгающими къ берегу, гдѣ голубой каемкой лежало море. Прекрасенъ былъ Божій міръ на сѣверѣ, какъ былъ прекрасенъ онъ и вездѣ, гдѣ ни касался божественный рѣзецъ, гдѣ ни ударялъ чеканъ великаго Мастера и великаго Архитектора.

Маленькая дѣвичья рука, тоже созданіе Господа Силь, тоже красота въ розовомъ блескѣ кожи и нѣжномъ теплѣ пальцевъ, тихо легла на темную загрубѣлую руку Ѳедора Михайловича. Близо заглянули къ нему въ глаза темныя вишни въ собольей корзинѣ рѣсницъ. Перламутровый паръ шелъ изъ пунцовыхъ губъ, жемчугами блестя зубы. Сколько силы, сколько здоровья, сколько Русской красоты было въ Вѣрочкѣ!

— Мы вернемся въ Россію, Ѳедоръ Михайловичъ. — Мы вернемся!!..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Мартовскій нордъ-ось набѣгалъ порывами съ моря изъ-за высокой горы. Ворошилъ тяжелыя, синія волны, покрывалъ заливъ кружевомъ бѣлыхъ зайцевъ и, когда врывался между двумя каменными молами съ маяками, былъ упористъ и свѣжъ. Упругой доской валился онъ на лицо и на грудь, мѣшалъ идти, опутывалъ ноги полами одежды.

— Въ такіе дни то, что происходило въ Новороссійскѣ, было Игрунькѣ непонятно и страшно. На высокой горѣ кадеты хоронили своего директора. Въ наскоро выкопанную яму опустили безъ гроба сухое изсохшее тѣло въ кителѣ съ бѣлыми генеральскими погонами. Когда расходились, были такъ печальны, что казалось: — все кончено. Внизу у эстокадныхъ пристаней, гдѣ нелѣпо были натисканы красные вагоны и рѣзко звенѣли буферныя цѣпи, подъ навѣсами элеваторовъ, днемъ и ночью грузили какіе то ящики на черные дымные пароходы. На рейдѣ сѣрыми стрѣлами въ синезеленой накипи волнъ вытянулись англійскіе миноносцы. Алые флаги, расцвѣченные синими и бѣлыми полосами, играли на свѣжемъ вѣтру.

Все было безпокойно и несмотря на яркое весеннее солнце — не весело. Дни казались послѣдними. Впереди ничего не было. И отъ того тоска заполняла сердце Игруньки. Не зналъ, что дѣлать. Ждалъ приказа отъ Бровцына, но давно потерялъ связь съ Чернобыльскими гусарами и не вналъ, живы-ли они. Кого ни спрашивалъ, никто ничего не зналъ.

14-го и 15-го марта Новороссійскъ наполнился потрепанными англійскими шинелями добровольцевъ и донцовъ.

По бѣлому, посыпанному, какъ мукою, мѣловою пылью шоссе, мимо станціи, по дорогѣ, спускавшейся къ болоту, у эстокадныхъ пристаней, вездѣ были набиты худыя, заморенныя косматыя лошади.

Черныя казачьи сѣдла торчали надъ ними, какъ кочки. У домовъ были приставлены пики и рѣдкіе коноводы, прислонившіеся къ стѣнамъ, дремали, щурясь на солнцѣ. Ждали рѣшенія. Возьмутъ или не возьмутъ лошадей.

Игрунька тоже ждалъ какого-то рѣшенія. Ходилъ по пристани. Тамъ давились въ толпѣ люди, ругались, проклинали судьбу, а больше молча тискались, медленнымъ потокомъ вливаясь на сходни кораблей.

Мелькнулъ въ толпѣ загорѣлой молодежи Свѣтикъ... Можетъ быть, это только такъ показалось? Хотѣлъ Игрунька ему крикнуть, но онъ уже исчезъ за чернымъ бортомъ, точно провалился куда-то. Стройный, высокій прошелъ Олегъ. Игрунька остановилъ его. Пустыми глазами смотрѣлъ на него Олегъ.

— Ты что-же?

— Жду своего полка.

Олегъ махнулъ рукою.

— Хаосъ, — сказалъ онъ...

— А ты?

— Я со своими.

— Ну и я со своими.

Они разстались...

Игрунька не могъ уѣхать. Это ему казалось поворотнымъ. Ждалъ Чернобыльцевъ.

— Не ушли-ли къ зеленымъ? — сказалъ его товарищъ Македонскій.

— Бровцынъ?.. Бровцынъ?.. Эге, дорогой мой, да они на Бессарабію отступали, какъ насъ разрѣзали, — подтвердилъ его сосѣдъ.

— Что-же у васъ вышло?

— Да чортъ его знаетъ. Не то Кубанцы измѣнили, не то мы не выдержали. Такой тарарамъ пошелъ, не приведи Богъ.

— Что-же мнѣ дѣлать?

— Заняться драпомъ, какъ и мы. Ай-да съ нами.

— Не могу. Надо ожидать прикава отъ начальства.

— Да начальство-то ни бумъ-бумъ не понимаетъ.

— Брось, Кусковъ... Погоди, счастье еще улыбнется намъ и на Святой недѣлѣ мы будемъ въ Москвѣ.

Толпа новыхъ людей оттѣснила Игруньку отъ товарища. Мимо шли старые, бородатые казаки, озабоченно толкались локтями, протискивали ящики и котомки и недовольно глядѣли на празднаго Игруньку.

— Значить, коней бросить придется.

— Слыхалъ, сказали безъ нихъ грузиться.

— Какой же казакъ безъ коня?

— Это уже дѣло начальства.

Такъ шло цѣлый день. Море дышало вѣтрами и брызгало солеными каплями, у маячныхъ моловъ четко били склянки на англійскихъ судахъ, тревожно посвистывали бѣлые съ золотыми трубами нарядные катера и качались подлѣ черныхъ закопченныхъ пароходовъ.

Не могъ ѣхать съ ними Игрунька. Казалось это ему бѣгствомъ, позоромъ.

Ночью онъ шелъ голодный и продрогшій, по темнымъ улицамъ, озареннымъ свѣтомъ молодой луны. Когда поднимался въ городъ, оборачивался: видѣлъ парчевую дорогу лунныхъ отблесковъ на рейдѣ, темныя таинственныя горы и огни на плотикахъ мачтъ: — бѣлые, а пониже красные и зеленые и глазки ярко сіяющихъ иллюминаторовъ.

Игрунькѣ казалось, что онъ слышитъ оттуда горготаніе людскихъ толпъ на перегруженныхъ палубахъ.

На улицахъ понуро стояли брошенные казаками лошади. Они шарахались отъ него, а потомъ тянулись, шумно вдыхая, точно хотѣли понюхать, не хозяинъ ли это. Какія-то темныя тѣни шатались по улицамъ, стучали въ дома и подозрительно оглядывали Игруньку. На углахъ стояли посты обывательской самообороны. Холодный вѣтерокъ подувалъ, неся запахъ воды и каменнаго угля, и когда набѣгалъ, слышнѣе становился рокотъ моря, а Игрунькѣ казалось, что это онъ слышитъ говоръ людской толпы. Наверху въ горахъ пострѣливали одиночные выстрѣлы. Странно было думать, что тамъ есть люди. Надъ горами было темное небо и горѣли звѣзды, свѣтилъ рогатый мѣсяцъ и точно чему-то ухмылялся лукаво. За Стандартомъ поднималось зарево и

освѣщало склоны горъ. Со Станички неслись чьи-то отчаянные крики и чудился трескъ ломаемыхъ оконъ и стоны.

Въ ресторанѣ «Слонъ» за задвинутыми ставнями щелились огни. Оттуда неслись голоса и женскій смѣхъ.

Игрунька сворачивалъ налѣво на Воронцовскую. На правой сторонѣ былъ маленькій, бѣлый, одноэтажный домъ въ три окна. За первымъ окномъ были двери. Сбоку висѣла вывѣска: «Зубной врачъ Гольденцвейгъ.» Въ этомъ кварталѣ все жили зубные врачи и все евреи. Хозяйина дома не было. Домъ одно время былъ занятъ генераломъ съ женою, крайнюю комнату отдали Игрунькѣ, сзади на кухнѣ жила женщина съ двумя дѣтьми — двухъ и пяти лѣтъ. Игрунька никогда не видалъ ея. Комната была отъ коменданта по отводу, платить не полагалось. Иногда ночью просыпался отъ плача дѣтей и слышалъ шипѣніе и бормотаніе матери, уговаривавшей ихъ. Дѣтей видалъ. Это были хорошенькіе — особенно старшая, дѣвочка — жиденята съ темными веселыми глазками и выючимися по плечамъ кудрями. При видѣ Игруньки они бросались прятаться куда нибудь и потомъ изъ-за закрытія смотрѣли расширенными, испуганными, любопытными глазами.

Генераль съ семьею уѣхалъ. Когда Игрунька вошелъ на крыльцо, задвижка у двери открылась и кто-то быстро прошлепалъ босыми ногами вглубь сѣней. Игрунька вошелъ въ свою комнату. Въ ней былъ лунный сумракъ. У стѣны стояла большая мягкая постель съ пуховымъ одѣяломъ, въ головахъ лежали чистыя подушки. Кто-то безъ него прибралъ и переставилъ мебель въ комнатѣ. Ночная, женская сорочка была положена на подушки. Должно-быть, хозяйка собиралась ночевать здѣсь.

За деревянной переборкой шевелились дѣти. Женскій голосъ сказалъ недовольно:

— Спи, Роза, Будетъ ворочаться.

— Жарко, мамеле.

Игрунька сѣлъ на стулъ у занавѣшеннаго окна.

— Господинъ офицеръ, — услышалъ онъ за стѣною. — Я думала, вы уѣхали. Можно въ комнату войти за вещами?

— Пожалуйста.

Женщина обошла по сѣнямъ и вошла въ комнату. Она была босая, въ короткой, бѣлой юбкѣ, фестонами падавшей

ниже колѣнъ. Грудь и плечи были закутаны темнымъ платкомъ съ бахромой. Въ темнотѣ былъ виденъ стройный силуэтъ и высокая прическа черныхъ волосъ. Женщина ваяла сорочку и стыдливо спрятала ее подъ платокъ.

— Что-же вы не уѣхали? — спросила она.

Голосъ былъ красивый и звучный.

— Не на чѣмъ было.

— Но другіе господа уѣхали, — сказала женщина, останавливаясь и дверей.

— Я не люблю толкаться.

Она помолчала, внимательно разглядывая Игруньку.

— Къ краснымъ пойдете? — вдругъ спросила она.

— Нѣтъ.

— Завтра днемъ красные будутъ здѣсь, — сказала она въ сторону. — А куда уйдете? Кругомъ самый скверный народъ... Зеленые... Только моремъ и можно...

Игрунька не отвѣтилъ. Она не уходила.

— Вы ѣли что-нибудь?

— Нѣтъ.

— Я вамъ принесу, что есть.

Она исчезла. На кухнѣ загремѣла посудой. Игрунька сидѣлъ у окна и думалъ о томъ, что онъ попалъ въ глупое положеніе. Если завтра придутъ красные, то смерть неизбежна.

«А все равно!» — подумалъ онъ, — «Россіи нѣтъ, ну и меня не будетъ!»

Онъ ощупалъ тяжелый Маузеръ.

«Завтра»... «Есть еще сегодня и, кто знаетъ, что будетъ завтра?»

Женщина внесла лампу, проворно накрыла столъ скатертью съ розовымъ рисункомъ какихъ-то фантастическихъ цвѣтовъ, принесла тарелки, ножи, вилки, холодную баранину, яйца, бутылку вина, чайникъ и бѣлый хлѣбъ. Разставила по столу и ушла. Она была молодая, съ матовымъ цвѣтомъ лица, красиво причесанными волосами и тонкимъ носомъ. Отъ носа шли къ подбородку скорбныя складки. Онъ старили ее. Руки были маленькія, холенныя, не огрубѣлыя.

Игрунька хорошо поѣлъ и, выйдя на улицу, сѣлъ на ступеньки крыльца.

II.

Быль чертъ его знаетъ какой часъ ночи. Но несомнѣнно часъ какихъ-то фантастическихъ приключеній. Луна висѣла полудискомъ надъ водой. Сверкающая дорога шла отъ нея къ берегу. Берегъ былъ закрытъ противоположнымъ домомъ. У дома, какъ призракъ, стоялъ голый, прозрачный пирамидальный тополь. Море тихо плескалось о берегъ. Точно вздыхало о чемъ-то. На военномъ кораблѣ пробили склянки. Прозраченъ и значителенъ былъ ихъ звукъ.

Игрунька сидѣлъ на каменной ступени. Онъ отдался очарованію потеплѣвшей ночи. Сознаніе, что онъ живъ, сытъ, молодъ и, какъ вѣтеръ, свободенъ, было приятно.

Прошлое прошло, не будетъ будущаго... Есть настоящее. Есть сегодня. Сегодня, серебряное въ лучахъ уходящей за море луны. Сегодня — запахъ моря, манящая ширь, охраняемая насторожившимися горами. Молодо и сильно билось сердце у Игруньки. Быль теперь не какъ человѣкъ, но какъ Божій звѣрь, радующійся біенію каждой жилки своего сильного и здороваго тѣла.

Гибкая женская фигура опустилась мягко на камень подлѣ него. Игрунька ощутилъ ея теплое бедро. Край луны коснулся далекаго моря. Вспыхнула серебряная полоска. Луна исчезла. Стало темнѣе и уютнѣе.

Игрунька почувствовалъ маленькую, теплую руку на своей ногѣ. Онъ осторожно повернулъ голову. Лицо хозяйки было подлѣ. Она серьезно и сосредоточенно смотрѣла вдаль. Ея глаза сіяли. Лицо же было печально. Игрунька обнялъ ее. Гибкій станъ затрепеталъ и подался подъ его рукою. Игрунька приблизилъ свое лицо къ ея лицу и осторожно и робко поцѣловалъ ея щеку.

— Пойдемъ, — сказала она. — Холодно становится...

Она пошла, не оглядываясь, впереди него. Тщательно заперла за ними дверь. Погасила лампу. Стала раздѣваться. Игрунька неловко, сидя на стулѣ, стягивалъ сапоги...

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Игрунька.

— Сарра, — отвѣчала женщина.

Она лежала подлѣ.

Растрепавшіеся волосы щекотали грудь и шею Игруньки.

За стѣною заплакалъ ребенокъ.

— Это твои дѣти? — спросилъ Игрунька.

— Мои, — сонно отвѣтила Сарра, свернувшись комочкомъ, просунула мягкую, душистую руку подъ голову Игруньки, сочно поцѣловала его и устроилась спать.

— Ты замужешь?

— Вдова.

— Твой мужъ умеръ?

— Его убили позапрошлымъ лѣтомъ.

— Кто убилъ?

— Бѣлые. . . Добровольцы. . .

— Почему?

— Сказали, что онъ большевикъ. И разстрѣляли.

— Онъ былъ? . . — Холодъ бѣжалъ по жиламъ Игруньки.

— Зубной врачъ. . . Засыпая, отвѣтила Сарра. — Я помогала ему. . . Спи ужъ. Не надо вспоминать.

Игрунька хотѣлъ встать и уйти. Хотѣлъ задавать вопросы и не могъ. Косматый ужасъ страшными, невозможными призраками обступилъ его. Ничего онъ не могъ понять. Спрашивалъ Бога и не получалъ отвѣта. . .

Что-же это такое?

Она спала подлѣ, прижимаясь мягкимъ, горячимъ, влажнымъ тѣломъ къ нему, добровольцу. Добровольцы убили ее мужа. Завтра придутъ красные. Есть-ли предѣлъ грѣховности, или грѣхъ уже сталъ безъ мѣры и числа?

Онъ не спалъ. Онъ видѣлъ, какъ ясенѣло окно за занавѣской и мутный свѣтъ входилъ въ комнату. Подлѣ него на подушкѣ лежало лицо спящей женщины. Блѣдное, точно восковое, было оно сурово.

Густыя тѣни ложившеся отъ плотно сомкнутыхъ рѣсницъ. Какіе сны снились ей? Что было въ этой головѣ, подъ этимъ чистымъ лбомъ, оттѣненнымъ черными волосами? Игрунька боялся пошевелиться. Страхъ и нѣжность, жалость и ужасъ были въ немъ. Чего бы не далъ онъ, чтобы прочесть ее мысли, чтобы понять, что-же это за міръ теперь, гдѣ нѣтъ никакихъ условностей, и счастье это или страшное горе эта свобода? Ему казалось, что долженъ появиться призракъ ее разстрѣяннаго мужа и ледянымъ тяжелымъ тѣломъ лечь между ними и заохладить ихъ на вѣки.

Она пошевелинулась, открыла темные глаза, секунду съ недоумѣніемъ, будто ничего не понимая, смотрѣла на Игруньку, потомъ улыбулась, обняла его и поцѣловала.

— Ужъ не спишь, — сказала она.

Утромъ поила его чаемъ. Была розовая, сонная, но причесанная и умытая свѣжей водой.

— Сарра, почему вы меня приласкали? — спросилъ Игрунька.

Сарра долго смотрѣла на него.

— Ужъ очень вы красивый. Я давно за вами примѣчала. А вчера такъ жалко васъ стало, какъ пришли вы и сказали, что сдаваться краснымъ не будете... Такой вы жалкій... жалкій...

— А вы красныхъ не любите?

— А за что ихъ любить?... Ненавижу ихъ... Если-бы не дѣти... Въ море кинулась бы... Ушла-бы, куда глаза глядятъ... Хамы... Мужики...

Она прошлась по комнатѣ. Грудь поднималась у нея отъ негодованія и отъ вдругъ прихлынувшихъ слезъ заблестали глаза. Она продолжала дрогнувшимъ голосомъ: —

— Я васъ спасу! Я вчера еще это задумала. Вы сидите у меня, я сбѣгаю за однимъ человѣкомъ. Хорошій человѣкъ. Чтонибудь вмѣстѣ для васъ придумаемъ... Хорошій вы. Деликатный... А глаза синіе, какъ у дѣвушки.

III.

Сарра ушла. Игрунька остался одинъ въ ея маленькомъ домикѣ. Приходилось покориться судьбѣ. Улица была пуста. Въ домѣ съ тополемъ окна были заложены ставнями. Въ промежуткѣ между домами синѣлъ заливъ. Онъ былъ пустъ. Влѣво, у бѣлыхъ скалъ, за цементнымъ заводомъ, какъ кресты на кладбищѣ, торчали изъ воды мачты потопленныхъ военныхъ кораблей. По горизонту, туманя свѣтло-синее небо, тянулись пологими черные дымы. Армада съ арміей уплывала къ неизвѣстнымъ берегамъ.

Какъ пусто было на сердцѣ!.. Но какъ интересна дальнѣйшая судьба!.. «Романъ приключеній»! Да, — романъ. Что-то вродѣ Тома Сойера сталъ Игрунька. «А, Игрунька? Каково тебѣ? Сумѣешь умереть такъ-же весело, какъ

весело умѣлъ жить?» Игрунька ввѣлъ револьверъ, осмотрѣлъ его. На холодномъ дулѣ у самаго пулевого отверстія желтой крапинкой легла ржавчина. «Надо отчистить», — подумалъ Игрунька. — Полѣзъ, было, въ сумку за тряпочкой и смазкой и остановился. «Къ чему? Все равно завтра онъ мнѣ не понадобится. Онъ мнѣ нуженъ только сегодня. На одинъ разъ! На одинъ выстрѣлъ!»

Игрунька потянулся, подошелъ къ зеркалу.

«Красивъ.» — Подумалъ онъ. «Если хочешь быть красивымъ, поступай въ гусары. Мнѣ и въ гусары поступать не надо».

Русые, свѣтлые волосы, чуть завиваясь, сбѣгали на тонкій лобъ. Расчесаны они были на проборъ. Солнце подожгло ихъ на концахъ и тамъ они сверкали блѣдною мѣдью. Прямые брови и синіе глаза съ густою поволокой!.. Красивъ!..

«И я умру!.. Господи! спаси меня!» — сказалъ Игрунька и сказалъ съ такою вѣрою, съ такою силою, что, ему показалось, какая-то безплотная масса вдругъ подступила къ нему и охватила его тѣло, какъ мягко охватываетъ ночью теплый воздухъ, когда спускаешься изъ степи въ глубокую балку.

«Нѣтъ... Мы поборемся еще!» — подумалъ Игрунька и сладостно ощутилъ всю силу своего юнаго тѣла. Казалось: — вплавь переплыветъ море.

«И не изъ такихъ передѣлокъ выходили!»

Игрунька весь точно напряжился и сталъ выше ростомъ. Заблестали глаза.

«Хороша жизнь. Тамъ большевики, меньшевики это дѣло десятое. Ни тѣмъ, ни другимъ. Что-же, тутъ кадеты, тамъ большевики — а позоръ одинъ. Нѣтъ! Надо Царя! Безъ Царя Россіи не будетъ. Аминь — крышка. Я служить хочу Царю. А пока — быть солдатомъ. Кондотьеромъ! Есть, говорятъ, у французовъ иностранный легіонъ въ Африкѣ... Къ нимъ... куда угодно... Но только жить... Мама! Милая мама, помолись за меня и за папу. Ты святая!!

Еще теплѣе стало на сердцѣ. Плотнѣе окуталь его этотъ воздухъ и было почти физическое ощущеніе прикосновенія непонятнаго тѣла.

Понялъ: — можетъ прыгнуть съ высокой скалы въ пропасть и не разобьется, можетъ оказаться въ пучинѣ морской и не утонетъ.

«Хочу — по волнамъ морскимъ пойду, какъ по сушѣ. Скажу горамъ -- двиньтесь, защитите меня -- и двинутся. Спасибо, мама! Мамочка милая, жива-ли ты? И гдѣ ты молишься обо мнѣ, у себя-ли дома передъ старой иконой или у Господа?»

Спасибо, мамочка!»

Игрунька такъ вѣровалъ въ эту минуту, что если-бы вошли красноармейцы и повели его на разстрѣлъ — не испугался-бы. Зналъ, что не разстрѣляютъ...

Дверь отворилась и въ комнату, впереди Сарры, вошелъ брѣнеть, высокаго роста, въ короткомъ изящномъ пальто.

— Демосеенъ Николаевичъ Атлантиди, — представился онъ. Томные глаза ласково окинули Игруньку съ головы до ногъ.

Игрунька поклонился.

— Штабсъ-ротмистръ Кусковъ, — сказалъ Атлантиди, времени терять на разговоры и объясненія не приходится. Большевики прошли Перевальную. Черезъ часъ ихъ отрядъ будетъ въ предмѣстьи. Городская сволочь развѣшивается красные флаги, готовясь встрѣчать ихъ. Зеленые грабятъ дома... Хотите ѣхать въ Константинополь или нѣтъ?

Игрунька опять молча поклонился.

— Но, предупреждаю, простымъ матросомъ.

— Есть! — отвѣчалъ Игрунька, вытягиваясь.

— Вамъ надо переодѣться. Госпожа Гольденцвейгъ, можетъ быть, вы поможете.

— У меня отъ покойнаго мужа кое что осталось, — сказала Сарра. — Господинъ офицеръ, пойдемте ко мнѣ.

Черезъ пять минутъ Игрунька оглядѣлъ себя въ зеркало. «Чучело, огородное чучело!» — подумалъ онъ. «Воробьевъ на огородѣ пугать... А все-таки хорошъ!»

Вѣроятно, того-же мнѣнія была и Сарра. Она кинулась ему на шею и покрыла его страстными поцѣлуями.

«Ну, это дѣло десятое,» подумалъ Игрунька, оправилъ костюмъ, вышелъ къ сидѣвшему у окна греку, и, вытянувшись передъ нимъ по военному, отпрапортовалъ: — «есть, господинъ капитанъ.»

Грекъ захохоталъ, показывая подъ черными усами крѣпкіе бѣлые зубы.

— Ахъ! шутъ гороховый... Вы знаете, штабс-ротмистръ, вы погубите всѣхъ публичныхъ дѣвокъ въ Батумѣ и Константинополѣ.

— Есть, господинъ капитанъ.

— Ну, идемте!

Мягкая фетровая шляпа, съ широкими порыжѣвшими и съѣденными молью полями, была ухарски надвинута на бокъ. Широкій, черный пиджакъ не первой свѣжести едва покрывалъ спину Игруньки, и его талія приходилась подъ лопатками. Сѣрые, въ черную клѣтку, штаны были заправлены въ щегольскіе сапоги, на шеѣ было длинное красное шерстяное кашнѣ, а на плечахъ висѣло драповое пальто. Напялить его въ рукава Игрунька не рисковалъ. Оно было достаточно широко, но кончалось много выше колѣнъ. Господинъ Гольденцевейгъ былъ вдвое меньше Игруньки.

— Ну, это ничего, — ободрилъ его Атлантиди, — въ Батумѣ справите матросское.

Они спустились къ морю и прошли по растоптанному, пыльному шоссе, черезъ болотную балку. Тутъ еще стояли казачьи лошади. Однѣ подошли къ водѣ и, вытянувъ шею, смотрѣли въ синія дали, точно ждали своихъ хозяевъ, другія стояли понуро, опустивъ въ пыль морды. Домашній скрабъ, ящики съ какимъ-то барахломъ валялись здѣсь, когда-то дорогіе и цѣнные, теперь никому не нужные. На желѣзнодорожныхъ путяхъ были вагоны, пустые и съ вещами. Игрунька замѣтилъ въ вагонѣ, голубую плюшевую мебель, картины а подъ вагономъ въ лужѣ крови лежалъ мертвецъ въ лохмотьяхъ. Трупъ дѣвочки лѣтъ пяти, съ посинѣвшимъ, опухшимъ, разбитымъ о камни лицомъ лежалъ на пескѣ у самого шоссе. Какіе-то люди вышли изъ-за вагоновъ и подозрительно смотрѣли на Атлантиди. Онъ шелъ смѣло и спокойно, какъ хозяинъ.

Долго шли по шоссе къ цементному заводу. Сильнѣе пахло гарью. Черныя обгорѣлыя балки лежали между обугленныхъ деревь. Бѣлый дымъ шелъ по землѣ, красными точками сверкали искры. Ночной пожаръ догоралъ.

Прошли черезъ ворота. Три дня тому назадъ Игрунька видѣлъ здѣсь англійскаго часового, аккуратно одѣтаго, и

отсюда выпархивали изящные автомобили. Теперь тутъ никого не было. Окна въ домахъ были разбиты и между строеніями бродили какіе-то люди. Обогнули маячный молъ и спустились внизъ, гдѣ за моломъ, у берега стоялъ на якорѣ большой палубный баркасъ. На берегу лежало пять человѣкъ. Одѣты они были такъ же, какъ Игрунька. Только одинъ, приземистый, коренастый грекъ былъ въ синей морской курткѣ и такихъ же толстаго сукна штанахъ, въ фуражкѣ съ золотымъ якоремъ на тульѣ. Онъ подошелъ къ Атлантиди и Атлантиди сказалъ ему.

— Ну вотъ, Степанъ Леонардовичъ, и еще одинъ. Довольно?

— Обѣдъ готовить умѣешь? . . Вахта стоять можешь? — кинулся на Игруньку толстый человѣкъ.

— Вы, Парчелли, не очень его пугайте. Справится со всѣмъ.

— Есть, господинъ капитанъ, — сказалъ Игрунька и вытянулся. Окружавшіе капитана босяки засмѣялись.

— Стѣпу я возьму съ собой, — сказалъ Атлантиди.

— Хорошо. Только пусть поможетъ отвалить.

Парчелли быстро заговорилъ съ Атлантиди по гречески.

IV.

Съ полудня засвѣжѣло. Толстое дерево мачты скрипѣло, большой гротъ надулся и капитанъ приказалъ крѣпче подтянуть ванты. По синимъ волнамъ стали вспыхивать бѣляки и съ шипѣніемъ подбѣгать къ бортамъ. Шкуна называлась «Фортуна». Она была тяжело гружена какими-то ящиками и бочками, плотно укрытыми брезентомъ. На этомъ брезентѣ, безъ матрацовъ и подушекъ, предоставлялось спать командѣ. Маленькую каюту о двухъ койкахъ занимали капитанъ и его помощникъ.

Съ часу Игруньку поставили на вахту, у рулевого штурвала. Команда, только что пообѣдавшая похлебкой изъ любви съ кусками бараньяго сала, ушла подъ люкъ спать, капитанъ провѣрилъ Игруньку и спустился въ каюту къ храпѣвшему помощнику. Игрунька остался одинъ на палубѣ.

«Итакъ: — дворянинъ Кусковъ. . . Нѣтъ болѣе сословій, всѣ люди равны. . . Сынъ генерала. . . Нѣтъ ни чиновъ, ни орденовъ, все похерено. . . Отлично. Кадетъ роты Его

Величества 1-го Кадетского корпуса... Но Его Величества нѣтъ и существуетъ или нѣтъ и самъ 1-ый Кадетскій корпусъ. — это подѣ вопросомъ. Юнкеръ Николаевского кавалерійскаго училища...» «Печаль... тоска... надежды ушли... Молчи, грусть, молчи!» Все это было. Штабсъ-ротмистръ Чернобыльскаго гусарскаго полка! Спасенье... Лека, Мая... — Ничего не осталось. Тетя Липочка можетъ сколько угодно рассказывать, что дѣдушка былъ профессоромъ, а бабушка Варвара Сергѣевна, святая женщина, жила при дворѣ, прекрасно знала языки и у тети Липочки была кувернантка *mademoiselle Suzanne*, изъ-за которой отравился его другой дядя *André*, а прадѣдъ былъ корпуснымъ командиромъ и очень важной особой. Все это *temps passés* — а нынче почтись Саррой —... Сегодня Сарра, мѣсяцъ тому назадъ, сестричка изъ полевого госпиталя, еще раньше дачница въ Гаграхъ... Это: — завоеванія революціи. То, что было, было и. тѣмъ меньше оно оставить слѣда, тѣмъ лучше. Сарру или хотя бы имени знаетъ, а сестричку: — сестра, да сестра... это не современному. Хорошо это, или худо? Если слушать маму... Мамѣ я бы не сказалъ этого. Да, была-бы мама, ничего этого и не было-бы. Тетя Липочка тоже осудила-бы. Хотя она добрая, эта тетя Липочка. Бѣдная и добрая и «ужасно смѣшная. У нея все «ужасно». А тетя Агнія? Социалистка. Она бы не осудила. Она обо всемъ открыто говоритъ и все курить. Тетя Липочка возмущалась, что тетя Агнія курить. «Ужасно неприлично, когда женщина курить». А теперь все курятъ. Сарра вчера быстро чиркнула спичку и закурила папиросу. Красное пламя папироски красиво освѣщало кончикъ ея носа. И сестричка въ оврагѣ тоже курила, плакала, цѣловала руки Игруньки, говорила что-то о свадьбѣ и курила, безъ конца курила... Воображаю что говорили-бы о насъ наши дѣдушки и бабушки, или прадедъ корпусной командиръ?»...

«Пошли мы впередъ, или назадъ? Культура — то, что теперь, или тогда была культура? Чинно, мирно... Мальчишка съ образомъ, шафера, благословеніе родителей и дьяконъ. Мама рассказывала про свою свадьбу въ Джаркентѣ и плакала отъ счастья, вспоминая.

«Завоеванія революціи... Я живу ими. Что за люди подлѣ меня? Что за судно? что за капитанъ? Жаловаться

нельзя, обхождение хорошее. . . Вздудли парусъ, подтянули шкоты. . . Познакомились.

— Вы кто? . . Офицеръ? . . доброволецъ? — краснѣя, спросилъ его юноша лѣтъ 17, съ ясными карими глазами. — Ну! Я такъ и думалъ. Я кадетъ. Когда грузили корпусъ, я остался. Воевать хотѣлъ. Въ полкъ поступить, а вотъ она какая война вышла. Одинъ чистый драпъ. Спасибо къ Атлантиди нанялся. Если грузъ чисто доставимъ, въ Батумѣ хорошо заработаемъ. Тогда и одѣнемся. А зовутъ меня Миша. Я вторую недѣлю у Атлантиди. Сначала на кухнѣ посуду мылъ, а потомъ по ночамъ грузили баркасъ и караулили его. Бѣлокурый, молодой третьяго дня поступилъ. Казакъ, Костя Дербенцевъ, онъ отъ полка отсталъ, а въ другую команду не взяли. . . Помощникъ капитана матросъ настоящій. Былъ у большевиковъ. Отъ нихъ для агитаціи сюда былъ присланъ, увлекся добровольцами, служилъ на «Ріонѣ», а теперь ушелъ. Не понравилось отступление. А старикъ поваръ — просто босякъ. . . Хохолъ, Игнатъ Подорожный».

«Вотъ и всѣ, не считая капитана. Весь міръ. «Фортуна» — Костя, Миша, Колька и Игнатъ. Вмѣстѣ обѣдали. Изъ одной, большой глиняной чашки. Игнатъ деревянной ложкой подталкивалъ куски сала къ Игрунькѣ — и говорилъ хмуро:

— Ъшьте на здоровьице. Ваша порція! Каждому по два куска кладено.

Послѣ обѣда Миша подошелъ къ Игрунькѣ и шепнулъ ему.

— Спать рядомъ будемъ, Игрунечка, я устроилъ, а то я Игната боюсь, онъ ко мнѣ и къ Костѣ, какъ къ дѣвченкамъ, лѣзетъ. . .

«Что же лучше? Эта звѣриная, братская, дикая жизнь съ Костей, Мишей, Колькой и Игнатомъ, Сарра, сестра, вчерашнія переживанія, парусъ на синемъ полѣ волнъ, тихое шипѣніе бѣляковъ, посвистываніе вѣтра въ вантахъ и шевелящаяся, точно живая картушка въ мѣдномъ фонарѣ компаса, или вся та сложная жизнь, что осталась позади?

Косматый ужасъ царапалъ вчера сердце странными сопоставленіями. Брошенные, околѣвающія отъ голода лошади на пыльных холодныхъ улицахъ, мертвый ребенокъ,

мертвецъ подъ вагономъ съ плюшевой мебелью и утромъ страшное гортганіе толпы людей на пароходѣ... Вѣдь это-же все ужасъ?... Куда они поплыли? Они бросили родину, домъ, семью!»

«Большевики говорятъ, что родина, домъ и семья предразсудки, а отецъ служить у большевиковъ. Родина — весь міръ. Семья — человѣчество. И Костя Дербенцевъ — Миша Лихаревъ, Колька Пузырь и Игнатъ Подорожный мнѣ такъ-же должны быть дороги, какъ братъ Свѣтикъ, и Олегъ и Лиза.

«Лиза брошена въ институтъ. Говорили, что тамъ уже не институтъ, а общежитіе дѣвицъ имени Владимира Ленина.»

«А я живу... Солнце славно свѣтитъ. Тепло на немъ. Снѣнія волны весело играютъ и пѣна шипитъ подъ килемъ. Сытое тѣло нѣжится и взоръ смотритъ вдаль... Я живу. Всѣ основы морали сброшены. Осталось одно «я». «Мнѣ» — это главное. А тамъ — Родина, Россія.»

Трупъ подъ вагономъ, умирающія лошади, погибшая слава, Сарра, плачущая сестра въ оврагѣ, что-то робко бормочущая о свадьбѣ — это мелочи... Это для меня. А я... я... это главное и я завоюю себѣ жизнь!»

«Въ первомъ классѣ корпуса батюшка, толстый, опрятный, хорошо пахнущій, съ волнистой расчесанной бородой, съ узорнымъ золотымъ крестомъ на груди, училъ ихъ десяти заповѣдямъ Господнимъ. И сейчасъ ихъ помнитъ Игрунька. Говорилъ тогда батюшка: «Что-бы быть людьми, надо эти заповѣди исполнять. Безъ нихъ жить нельзя.» И вызывалъ, добрыми маслянистыми глазами глядя на Игруньку сквозь очки въ золотой оправѣ:

— Ну, Кусковъ, читай-ка, братъ, заповѣди.

И звонко барабанилъ Игрунька.

— Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не будутъ тебѣ божини развѣ мене...

Не сотвори себѣ кумира, ни всякаго его подобія...

«А вѣдь творили, творили кумиры. Вся Россія творила кумиры изъ революціи. Помнитъ Игрунька красные гробы и похороны на Марсовомъ полѣ, помнитъ Керенскаго. Все были кумиры...

«И теперь кумиръ — «Я». «мнѣ», «мое счастье, моя забава».

«И ради этого кумира — и «укради», и «убий», и «послушествуй на друга своего свидетельство ложно» и «прелюбы сотвори», все, все ему — этому «я», кто-бы оно ни было...

— «И говорилъ тогда, давно, батюшка, ходя между партами:

— Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе ... А ну Козловскій, вижу, похвалиться хочешь, скажи. какая большая заповѣдь Господа?

— Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе, — говорилъ высокимъ дѣвичьимъ голосомъ маленькій Козловскій и стоялъ на вытяжку.

— Вѣрно, Козловскій, вѣрно. Сія есть главная заповѣдь, въ ней, сказалъ Христосъ, законъ и пророки...

Революція отметнула это. Она сначала мягко, какъ-бы шутя, отстранила священниковъ отъ народа. «Батюшкамъ здѣсь не мѣсто», — говорило Временное Правительство и въ красныхъ гробахъ хоронили покойниковъ.

И съ «батюшками», точно Господь ушелъ со своими заповѣдями и остались только «умные» завѣты и лозунги и смыслъ ихъ былъ одинъ: — «Все можно. Твой часъ насталъ. Кто можетъ — берн, наслаждайся».

И можно стало офицеру Чернобыльскаго гусарскаго полка стоять за рулевымъ колесомъ на шкунѣ, везущей краденое добро, и можно... Все можно.

Кружилась голова, духъ захватывало отъ широкихъ возможностей, отъ чувства безкрайной свободы. И было жутко. Такъ жутко бываетъ, когда поднимаешься на куполь Исакиевскаго собора и глядишь внизъ... Игрушечные домики, люди, какъ мухи, и дали полей и лѣсовъ, и море залива.

И кажешься себѣ великимъ и сильнымъ, парящимъ надъ міромъ. Люди-птицы, на аэропланахъ летящіе въ поднебесьи, люди-молнии, носящіеся на автомобиляхъ — сѣли пространство, и съ покоренными пространствомъ и высью узкою показалась старая мораль.

И начиналъ понимать ихъ Игрунька и точно съ вышины кинулся въ пучину — рѣшилъ отдаться новой морали. И опредѣлять онъ ее двумя понятіями:

«Я» и «сегодня». Ни другихъ, ни завтра.

Быть первымъ между равными, — такъ рѣшилъ Игрунька и это ему удалось. Онъ былъ образованный среди мало-образованныхъ. Ему все удавалось, за что онъ ни брался. Скоро стало такъ, что не Колька помогалъ прокладывать курсъ Степану Леонардовичу, а Игрунька; прикинули по картѣ, сообразили путь и пошли на перерѣзъ, не держась береговъ. Выиграли день. Игрунька живо научился поваренному дѣлу и, когда смѣнялъ Подорожного — вся команда и самъ капитанъ похваливали его стряпню. Игрунька отобралъ у Кольки гармонику и вмѣсто камаринскаго, который только и умѣлъ играть Пузырь, сталъ играть и польки, и вальсы, и матчишъ, и матлотъ. Въ штормъ только онъ да Пузырь могли стоять у штурвала, — остальныхъ укачивало. Вмѣстѣ со Степаномъ Леонардовичемъ Игрунька разобралъ машину, сообразилъ неисправности въ магнето, вычистилъ, починилъ и оставалось только набрать въ Батумѣ керосина, чтобъ можно было идти съ моторомъ. Онъ составилъ матросскій квартетъ и чему-чему, какимъ только пѣснямъ не училъ онъ команду. И на вино онъ оказался крѣпче другихъ. Когда все хмѣлѣло, онъ былъ твердъ на ногахъ и смѣлъ въ рѣчахъ.

«Морской волкъ», — думалъ онъ про себя съ самодовольной улыбкой — и когда сходили на берегъ, онъ ходилъ въ раскачку, заложивъ руки въ карманы, съ револьверомъ на боку и длиннымъ ножомъ за поясомъ. Его принимали за большевика: — тѣмъ лучше. Съ толпою пьяныхъ матросовъ, окруженный своими обожателями Костей, Мишей, Колькой и Игнатомъ онъ кутилъ въ притонахъ и публичныхъ домахъ Сухума и Поти. Обыгрывалъ простаковъ въ карты, набивалъ карманы грязными грузинскими, добровольческими, донскими и царскими рублями, а днемъ обмѣнивалъ ихъ на фунты и доллары. Ночью — кутежъ, пьяные крики, лезгинка съ ножомъ въ рукѣ, лихой матлотъ съ публичной дѣвкой, армянкой съ безстыдными жестами, или дикій кэкъ-уокъ при крикахъ и хохотѣ загулявшихъ матросовъ и портовыхъ рабочихъ. Блескъ синихъ его глазъ умиралъ самыхъ дерзкихъ и никто не смѣлъ его тронуть. Щедрый и смѣлый, красивый и сильный — онъ былъ кумиромъ набережныхъ, доковъ и пристаней. Кровь дяди Миши сказала въ немъ.

Онъ былъ благороденъ въ поступкахъ и жестахъ, и это поко-
ряло толпу. Онъ могъ дико выругаться и ударомъ кулака
свалить мужчину и тутъ-же галантно цѣловать руку попра-
вившейся ему цвѣточницы.

Ему все сходило съ рукъ. Въ толпѣ дикихъ матросовъ

Русскихъ, турокъ и грузинъ, большевиковъ, социалистовъ,
анархистовъ — простой сволочи, утратившей человѣческое
подобіе, съ мозгами, затуманенными грошовыми социалисти-
ческими брошюрами, онъ всакивалъ со стаканомъ вина на
столъ, стучалъ ножомъ по стеклу и, блестя потемнѣвшими
глазами, кричалъ: —

— Да здравствуетъ великая Россія. Да будетъ въ ней
снова Государь! Ура!

И ура гремѣло по харчевнѣ.

— Пойте, сволочи, пойте, негодяи, падшіе люди и дѣвки,
пьяными, паршивыми устами «Боже царя храни». Будьте
хоть на минуту льдьми, а не скотами.

Нестройное пѣніе раздавалось въ притонѣ.

Покрывая его, звучалъ сильный и нѣжный теноръ Игрунь-
ки и ему баритономъ вторилъ Миша, помогали Костя, Колька
и Игнатъ. Ихъ квартетъ вывозилъ весь нестройный гамъ
голосовъ.

И когда на смѣну Игруньки всакивалъ надерганный
социалистами рабочій и кричалъ:

— Товарищи, это. . .

Игрунька обрывалъ его крикомъ:

— Сволочь! Какіе мы тебѣ товарищи. Мы матросы, а
ты интеллигентная вошь! Балалайка! Соплякъ! Гони его
вонъ, ребята, въ шею, къ чертямъ. . . Буржуйскій грамо-
фонъ. . . Онъ ловкимъ ударомъ валилъ оратора со стола и
начиналась дикая, пьяная драка. . .

«Бѣлый волкъ» звали его на «Фортунѣ» за бѣлокурые
волосы и нѣжный, не загорающий до черна цвѣтъ лица. «Бѣ-
лый волкъ» когда-то шутя изучилъ приемы борьбы Джиу-
джитсу и умѣлъ смирить любого нахала. «Бѣлый волкъ»
самъ былъ нахальнѣе всѣхъ — первый среди равныхъ —
онъ умѣлъ быть первымъ негодлемъ среди негодяевъ — и
потому ему все было доступно.

Въ Батумѣ команда приодѣлась. Операциі Степана
Леонардовича были удачны. Разгружалась команда явно у

грузинской таможни, а о мѣстѣ погрузки велись таинственные переговоры съ какими-то аджарцами въ черныхъ чалмахъ и въ тайну ихъ посвященъ былъ только Игрунька. Повезутъ контрабанду. А можетъ-быть, и отстрѣливаться придется. Горѣло сердце Игруньки. Хотѣлось ему, чтобы на черной ленточкѣ матросской шапки было вышито его прозвище «Бѣлый волкъ»...

Золотая мимоза цвѣла въ эту пору въ Батумѣ. Свѣшивались нѣжные, пыльные шарики ея цвѣтовъ кистями къ окнамъ домовъ, плѣняли сладкимъ запахомъ, навѣвали странныя грезы, рядили нищету въ пестрыя краски фантазій. Мѣрно шумѣло синее море, набѣгая длинными ровными валами къ розовому гравію берега, и шумѣли вдоль него причудливыми листьями мохнатые, точно шерстью обросшіе хамеронсы бульвара. Азалія была вся въ бѣлыхъ и розовыхъ цвѣтахъ и весна шла въ пышномъ одѣяніи субтропической флоры.

Съ карманомъ, полнымъ фунтовъ и долларовъ, чувствуя себя миллионеромъ, въ щегольской синей англійскаго сукна матроскѣ съ алыми вышитыми по вороту якорями, въ широкихъ модныхъ штанахъ и ботинкахъ, уже полупьяный Игрунька пришелъ поздною ночью къ дѣвчнкѣ-одинокѣ и заночевалъ съ нею.

Ночью проснулся. Въ коморкѣ, почти цѣликомъ занятой широкой постелью, было душно. Лампа горѣла. Открылъ глаза. Видитъ: — сидитъ Вѣруська у стола, лампочку спустила съ потолка, газетами отгородила свѣтъ отъ Игруньки, отпоролъ съ его шапки ленточку и, надувъ пухлые губки и шуря добрые сѣрые глаза, быстро по рисунку бѣлымъ шелкомъ вышиваетъ буквы. Слово «бѣлый» уже готово, шьетъ теперь букву «в»... Угодить Игрунькѣ хочетъ. И не думая ни о чемъ, чуть пріоткрывая губы, едва слышно постъ Одесскую пѣсенку.

«Одесса — мама»...

Долго наблюдалъ ее Игрунька. Выпроставъ ноги изъ-подъ одѣяла, сѣлъ. Она перестала пѣть, подняла на него глаза и смотрѣла съ испугомъ.

— Ты изъ Одессы?

— Да.

- Зачѣмъ не спишь?
- Ты хотѣлъ, чтобы у тебя надпись была.
- Гдѣ училась вышивать гладью и рисовать?
- Я въ бѣлошвейной работала, дѣвчонкой.
- Сколько тебѣ лѣтъ?
- Семнадцать.
- Что-же ты такъ?
- Отъ большевиковъ ушла. Боялась, замучаютъ. А тутъ работы не нашла. . .
- Почему себя работой мучаешь? Я тебѣ за это не заплачу ничего.
- Не надо мнѣ ничего. Я по любви.
- Пой «Одесса мама».
- Вѣруська начала.
- Стой! Громче пой! Со мною вмѣстѣ.

«Одесса мама»,

жалобно раздалось по крошечному номерочку въ ночной тиши.

— Громче. . . Такъ. . . Ты все исполнишь, что я тебѣ скажу?

- Ты видѣлъ. . . Вчера. . . И хоть сейчасъ.
- Почему? . . Ты, Вѣруська, пакостница.
- Нѣтъ. . . Я чистая. . . Помыслы у меня чистые, а это главное. Такъ и Христось училъ.
- Ты и во Христа вѣруешь? . . .
- Вѣрую, — чуть слышно прошептала дѣвочка.
- Какъ же ты смѣешь вѣровать?
- Христось пойметъ меня и простить.
- Ахъ ты, стерва, стерва! А почему ты мнѣ вышиваешь?
- Я сказала: — по любви.
- За что же ты меня любишь?

Дѣвочка вскочила со стула, упала на колѣни къ ногамъ Игруньки и, прижимаясь похолодѣвшими щеками къ его тѣлу, чуть слышно проговорила:

— Скажи. . . Ты великій князь? . . Ты только такъ. . . скрываешься? . . Скажи? . . Я никому не скажу.

— Сталъ бы великій князь такія гадости съ тобою дѣлать, какъ вчера дѣлали. Пьяный по кабакамъ шататься. Съ хулиганьемъ и раклами танцовать?

— Ты нарочно, — прошептала, молитвенно складывая руки, дѣвочка, — ты нарочно... Чтобы не узнали.

— Да почему ты такъ думаешь?

— Стройный ты... Высокій... И глаза синіе. И власть въ нихъ страшная. Вчера, когда грузинъ съ кинжаломъ на тебя кинулся, ты только сказала: — гадина!.. И онъ отошелъ. Ты великій князь!.. Я знаю...

— Какой же я великій князь?

— Михаилъ Александровичъ... Братъ Государя.

Она всплеснула руками.

— Ахъ, какъ хорошо это будетъ! Опять Государь... Служба въ церквахъ. Я въ бѣлошвейной, канарейка поетъ. И я чистая, чистая... Я исповѣдуюсь и Богъ меня простить...

— Ты Русская?

— Да.

— Какой губерніи?

— Города Кронштадта.

— Ну, полно болтать глупости. Пой: «Одесса мама.»

Дѣвочка оторвала лицо отъ ногъ Игруньки, подняла большіе, сѣрые, полные слезъ глаза и зашѣла тонкимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Одесса мама!.. Одесса мама!..

Я живу совѣмъ не при фасонѣ

И семья моя совѣмъ бѣдна

Не бываю часто у Франкони

Чай не пью у Робина.

Одесса мама!.. Одесса мама ..

Глупая пѣсня Одесскихъ проститутокъ звучала печально, какъ молитва. Игрунька смотрѣлъ на ея маленькій пухленькій носикъ со слѣдами пудры и слезъ, на порозовѣвшія щеки и слушалъ. Сквозь стекла окна доносилось мѣрное рокотаніе моря и въ щели шелъ пряный, дурманящій запахъ мимозы.

— Ты — великій князь!.., прошептала Вѣруська и опять упала къ ногамъ Игруньки. — Я знаю... Ты нарочно... Скрываешься... А потомъ Государемъ будешь... Сохрани тебя Господь!..

VI.

Въ Константинополѣ Игрунька крупно поговорилъ съ Степаномъ Леонардовичемъ изъ-за неправильнаго расчета съ товарищами.

— Меня обижать можете, — скавалъ онъ, — а ихъ не позволю, понимаете?..

Взоръ былъ на столько выразителенъ, что Степанъ Леонардовичъ доплатилъ недостающія лиры матросамъ, но Игрунькѣ пришлось уйти. Онъ не тужилъ. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Въ магазинѣ случайныхъ вещей онъ купилъ себѣ щегольской штатскій костюмъ, постригся, завился, сдѣлалъ «маникюръ» и проводилъ цѣлые дни у Токотліана на Grande rue de Péra.

Его принимали за молодого дипломата.

Деньги приходили и уходили. Откуда приходили? — Игрунька ватрундился бы сказать. Разно. Бывали удачныя ставки на *petits chevaux*, были крупныя выигрыши, перепродажи и размѣны, дарили женщины, богатая гречанки... Случалось, по утрамъ, въ старомъ затасканномъ костюмѣ, идти грузить товары на корабли... было всего. Куда уходили деньги, опредѣлить было легче. Уходили на завтраки и обѣды, на чашку кофе или порцію мороженаго, на женщинъ и вино.

За моремъ шла героическая борьба генерала Врангеля за послѣдній кусокъ Русской земли. Она уже не трогала Игруньку. Тамъ были его братья?... Да, вѣроятно, были... Тамъ, въ арміи товарища Фрунзе, могъ быть его отецъ?... Да — могъ быть. И этого Игрунька не понималъ. Чтобы понять это и стать судьбою между ними и отцомъ, надо было прибавить къ одной изъ сторонъ что-то цѣнное. И это цѣнное было — «за вѣру, царя и отечество.» — Такой лозунгъ могъ бросить его и на отца, и на братьевъ... Безъ него... Пусто было въ сожженномъ сердцѣ и онъ подумывалъ, что хорошо было бы служить, хорошо было бы воевать, опять скакать, рубить, лежать въ окопѣ, сжимая твердыми руками винтовку... Но только... Не противъ отца.

Когда поляки втянулись въ войну съ Россіей, симпатіи Игруньки даже склонялись на сторону отца. Онъ воевалъ съ «чужими», съ врагомъ Россіи. Но идти къ большевикамъ

не могъ. И когда приходили раздумья, онъ гасилъ ихъ виномъ и развратомъ.

Дождливымъ, холоднымъ, осеннимъ днемъ пришли корабли генерала Врангеля. Голодные и умирающіе отъ жажды люди, какъ скотина, были набиты на палубы. Но ихъ духъ былъ высокъ и, когда мимо проходилъ на катерѣ генералъ Врангель, кричали ура!.. Махали шапками. . . И отъ этого ура радостно было на сердцѣ у Игруньки. Видѣлъ онъ, какъ блѣднѣли лица у французовъ и англичанъ.

И думалъ тогда Игрунька объ урокахъ прошлаго, вспоминалъ профессора Елчанинова и какъ цитировалъ онъ слова Петра Великаго:

— «Недорубленный лѣсъ вырастаетъ скоро!»

Недорубленъ былъ лѣсъ и могъ вырасти снова, потому что свѣжи, молоды и могучи были его пни и ждали только теплаго весенняго солнца, чтобы пустить побѣги.

Игрунька розыскалъ Олега и поручика де Роберти.

У Токотліана, въ углу, за круглымъ мраморнымъ столикомъ усѣлись: изящный въ черномъ пальто и мягкой шляпѣ Игрунька, Олегъ въ казачьей формѣ, въ шароварахъ съ выцвѣлымъ, изодраннымъ лампасомъ, и де Роберти въ портертомъ англійскомъ френчѣ.

Блуждалъ и прыгалъ разговоръ. . . О Перекопѣ. . .

— Нѣтъ. . . Нѣтъ. . . Въ томъ то и дѣло, что не было настоящихъ укрѣпленій!.. — говорилъ Олегъ.

— Они шли густыми цѣпями. Артиллерія ихъ косила огнемъ. Десять, сто на одного, — сказалъ де Роберти.

— Притомъ холодъ, — добавилъ Олегъ. — Полку не успѣли раздать шинелей. Не знаемъ, кто задержалъ. . . Въ рубашкахъ рваныхъ мы ночью въ снопъ зарывались, а утромъ такъ коченѣли, что уже не могли подняться. . . Бровцынъ убитъ. Твоего Чернобыльскаго полка нѣтъ. Все теперь сводное. . . безъ лошадей, — сказалъ де Роберти. Сестра Серебренникова въ Польшу подалась.

— Что безъ лошадей. Почти всѣ безъ оружія. Говорятъ, французы отберутъ и послѣднее.

— Союзники!

— А ты?

— Да какъ. . . Тогда, подъ Курскомъ, узналъ отъ плѣнныхъ. . .

И замолчалъ. Смотрѣлъ на широкое окно съ маленькими занавѣсками. Въ щели занавѣсокъ виднѣлся уличный потокъ людей и на cadaго десятаго прохожаго приходилась сѣрая Русская или обфасоненная на Русскій манеръ желтая англійская шинель.

— Что узналъ? — насторожился Олегъ.

— Отецъ тамъ . . . съ ними. . .

— Да. . . Знаю, мнѣ Свѣтикъ говорилъ. Читалъ дневникъ отца. Значить, ты зналъ?

— Да.

Оркестръ изъ пьянино, скрипки, віолончели и окарины наигрывалъ попури изъ Корневильскихъ колоколовъ.

— Скитался. . . Да . . . не могъ идти противъ отца.

Въ моемъ скитаньи,
Много страданья,
Но и взамѣтъ,
Что наслажденій,
Любви волненій,
Любовныхъ сценъ!

Ахъ, Итальянки,
Нѣмки, испанки,
И англичанки,
Словомъ весь міръ!
Къ себѣ манили . . .

напѣлъ подъ музыку Игрунька.

Печальны были его глаза. — Пойдемъ отсюда . . . не могу больше, — сказалъ онъ.

На улицѣ-лѣстницѣ, сотнями выщербленныхъ каменныхъ ступеней спускавшейся къ морю, среди старыхъ узкихъ неровныхъ домовъ, подъ веревками съ навѣшеннымъ бѣльемъ, гдѣ пахло бараньимъ жиромъ, греческой водкой «мастикой», ладаномъ и соломенною гарью, гдѣ вверхъ и внизъ, внизъ и вверхъ ходили турки и медленные турчанки съ лицами обмотанными черными платками съ сѣтками передъ глазами, Игрунька остановился подлѣ кофейни.

— Олегъ, — сказалъ онъ. — Ты ничего не слыхалъ о мамѣ?

— Мама у Господа. . .

— Что ты. . . Скончалась? Тебѣ писали? . . . Откуда ты знаешь?

— Никто не писалъ. . . Но знаю.

— Почему?

— Я такъ чувствую.

— Олегъ... Нелзя такъ говорить.

— Почему? Ей лучше.

— Проклятое время, — воскликнулъ Игрунька... Все погибло. И церковь погибла, и Бога нѣтъ у людей.

Едва шевеля молодыми, потрескавшимися, припухшими губами, скавалъ Олегъ: —

— Совижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ю...

Пошелъ внизъ къ морю. Игрунька побѣждалъ за нимъ. Де Роберти остался у кофейни.

— Олегъ... ты... святой... что-ли?

— Нѣтъ.

— Ты все знаешь... Про маму... отъ Бога?

— Я чувствую Бога... А ты?

— Нѣтъ... Я живу... Ахъ, Олегъ... Запоганилъ я свою душу. Ты и про Лизу чувствуешь?

— Да...

— Что-же?

— Не разобрался еще...

— Меня-то прощаешь?

— Не мнѣ тебя судить.

— Поцѣлуй меня.

Олегъ крѣпко поцѣловалъ Игруньку.

— Ты куда?

— Къ своимъ на корабль.

Игрунька смотрѣлъ, какъ спускался къ пристани съ яликами Олегъ. Онъ шелъ, озаренный солнцемъ, и, казалось, надъ его головой сіяетъ блистающій нимбъ.

VII.

Черезъ четыре дня Игрунька, проживъ послѣднія лиры, отправился искать работы и кое-какъ нанялся steward'омъ¹⁾ на пароходъ «Styria», бывшій Австрійскаго Ллойда, реквизи- рованный французами. Капитаномъ былъ итальянецъ, помощникомъ капитана словенецъ, commissaire du gouvernement,²⁾ французскій лейтенантъ и всѣ три полюбили, лихого,

¹⁾ Лакеемъ.

²⁾ Коммиссаръ Французскаго правительства, т. е. комендантъ парохода.

расторспнаго, голуооглаваго красавца стюарта, носившаго такое смѣшное имя.

— Кускони, — навывалъ его итальянецъ.

— Кускò, — звалъ его словенецъ.

— Кюскофъ, — кликалъ его французъ.

Жилось хорошо, но хотѣлось другого. Манило дальше синее море. Ходить изъ Константинополя въ Марсель, мимо Митилены и мыса Матапанъ, пролѣзать мимо знаменитой Сциллы, любоваться горящими огнями улицъ Реджіо съ попеременно вспыхивающими краснымъ и зеленымъ фонаремъ маяка и яркимъ бѣлымъ мигающимъ свѣтомъ Мессинскаго сигнала, ходить по Тирренскому морю, вдоль Эльбы и Корсики съ ихъ старыми башнями, стоять въ карантинѣ у Фріуля, любясь на развалины сѣрыхъ стѣнъ въ желтыхъ скалахъ замка графа Монте-Кристо и на берегу смотрѣть его могилу и въ то же время цѣлыми днями мыть посуду, носить по каютамъ и въ каютъ кампанію утромъ кофе, днемъ абсентъ и соду, подавать блюда за обѣдомъ и ужиномъ, а ранними утрами мыть и скоблить палубу и чистить мѣдь Игрунька не могъ. Онъ былъ образованъ, былъ мечтатель, былъ испорченъ и слишкомъ много видалъ на своемъ недолгомъ вѣку. Онъ шелъ мимо Сциллы и думалъ объ Одиссеѣ, объ его странствіяхъ, вспоминалъ стихи, заученные, какъ образцы гекзаметровъ.

«Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына...»

Блѣдыми казались ему подвиги Ахиллеса. Жалкими и наивными странствованія Одиссея. Ахиллесъ не зналъ аэропланнхъ бомбъ, пулеметнаго огня и газовыхъ атакъ. Во времена Трои у плѣнныхъ не сдирали кожу съ ногъ, вырѣзывая лампасы, не снимали кожаныхъ перчатокъ съ рукъ. Троянскій конь была хитрость, на какую большевики не попадутся. И тѣ, кто идетъ къ большевикамъ, думая, что они сыграютъ роль Троянскаго коня и принесутъ большевикамъ заразу и разложеніе, — просто попадаютъ «къ стенке»... Одиссей не ходилъ въ штормъ на парусно-моторной шкунѣ «Фортуна», не сбивалъ паруса при раскачкѣ мачты въ восемьдесятъ градусовъ. — Подвиги Одиссея передъ подвигами его, Игруньки, казались ничтожными. Только не родился еще Гомеръ, могущій воспѣть гекзаметрами дѣла и гнѣвъ на большевиковъ — Игоря Федорова сына!..

А, когда шли между Эльбом и — — — — — кой, представлялъ себѣ маленькаго человѣка въ треугольной шляпѣ, здѣсь ронившагося и здѣсь узнавшаго первое заточеніе. Наполеону было легко. Ему кричали: vive l'Empereur, съ нимъ были воспламеняющіеся французы, чуждые Русскаго скептицизма. Ну-ка попробоваль бы онъ говорить товарищамъ о пирамидахъ и о вѣкахъ, смотрящихъ съ ихъ высоты! Жива стали бы орать:

— Товарищи! все это буржуазные предразсудки, и какъ пирамиды есть память о фараонахъ, то есть полицейскихъ и объ египетскомъ паризмѣ, заведшемъ черту бездлости для несчастнаго еврейскаго народа, то слѣдуетъ эти самыя пирамиды къ чортовой матери снести.

И снесли бы. Игрунька не сомнѣвался, что, думая сѣмьачки, принялись бы за работу, заложили бы динамитъ и взорвали бы пирамиды и сфинксовъ, ибо гениаленъ въ разрушеніи Русскій народъ. Его Наполеонами не возьмешь. Онъ имѣлъ — своихъ Наполеоновъ и имена имъ: — Стенька Разинъ и Пугачевъ. Но при Степанѣ Разинѣ и Емельянѣ Пугачевѣ не было жиды и потому не удалось имъ по настоящему тряпнуть Московю такъ, чтобы и душа Русская ко всѣмъ чертямъ полетѣла.

Понималъ Игрунька, что въ Россіи Наполеонъ невозможенъ, а можетъ быть только законный, Богомъ вѣнчанный Царь. . .

Во Фріулѣ не могъ равнодушно думать о графѣ Монте Кристо. Чѣмъ онъ хуже его? Почему и ему не построить себѣ замокъ на какойнибудь скалѣ и не играть крупную роль?

Европа — битая карта. Игруньку тянуло въ Америку. Еще въ Константинополь любовался онъ чистыми, холеными, щеголеватыми американскими солдатами, подсаживался къ нимъ въ трактирахъ и кафе и слушалъ ихъ рассказы, стараясь понять ихъ. И понялъ изъ рассказовъ одне, что гдѣнибудь въ Аргентинѣ можно такимъ, какъ Игрунька, молодчикамъ устроиться въ кавалеріи. Тамъ постоянныя войны, оперативныя перевороты въ республикахъ и тамъ царить милитаризмъ.

Грезы о «червонномъ доломитѣ и ментикѣ, сотканномъ изъ тучи» воскресли въ сердцѣ Игруньки. Южная Америка стала его мечтою.

Весною 1921 года, прокутивъ всѣ заработанные франки на карнавалѣ въ Ниццѣ, опять матросомъ на мрачномъ угольщикѣ Игрунька отправился за океанъ.

Ценуа, Ницца, Монте-Карло, Марсель, Барселона, Гибралтаръ. Танжеръ, Декартовъ мысъ зеленый, двадцать дней синего океана и Рио-де-Жанейро...

Кто изъ Русскихъ юношей, гимназистовъ и кадетовъ не мечталъ объ Америкѣ? У кого, прикрытые латинской грамматикой, или исторіей Сиповскаго, не лежали романы Майнъ-Рида, Купера, Густава Эмара, Жаколио, Буссенара. Жюль-Верна и другихъ чародѣевъ описаній путешествій и приключеній? Не избѣжалъ этого и Игрунька. Онъ родился въ Джаркентѣ, но Средней Азии не помнилъ. Двухлѣтнимъ ребенкомъ попалъ онъ въ Петербургъ и прожилъ въ немъ безвыѣздно до самой войны. И потому онъ острѣе испытывалъ тягу къ путешествіямъ и запахъ надвигающагося порта, самого красивого изъ всѣхъ портовъ міра волновалъ его. Онъ рѣшилъ покинуть угольщикъ. Въ углу трюмнаго помѣщенія, гдѣ висѣла его койка, стоялъ его маленький чемоданъ и въ немъ любовно уложены черный смокингъ, бѣлые рубашки, брюки со складкой, туфли, шляпа и шелковые чулки, — его теперешній парадный мундиръ. Твердо вѣрилъ Игрунька, что его русые волосы, и голубые глаза, его стройный станъ и высокій ростъ въ этой одеждѣ откроютъ ему двери куда угодно.

Вечеромъ сошелъ съ парохода. Черная шляпа на бекрень, смокингъ, умопомрачительные брюки, галстукъ и два доллара въ карманѣ. Пальмы бульвара бросали отъ фонарей причудливыя тѣни. Въ широкихъ окнахъ кафе — яркій свѣтъ. Люстры, пестрые фонари всѣхъ цвѣтовъ радуги. Вокругъ трескуче-пѣвучій испанскій языкъ. На панеляхъ за столиками: гренадинъ и сода съ виски. Мулаты съ темными лицами и курчавыми волосами, въ безукоризненныхъ бѣлыхъ, съ тонкими полосками костюмахъ, съ тросточками въ рукахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и тонкихъ башмакахъ, красавицы креолки съ громадными черными глазами и кожей шафраннаго цвѣта, съ большими серьгами въ ушахъ, блестящими зубами при улыбкѣ, стройныя, изящныя въ движеніяхъ, попарно, по трое, обнявшись за таліи, проходили танцующей походкой, напѣвая мотивъ танго или матчиша. Свѣтъ

пестрыхъ лампѣоновъ и яркихъ люстръ пятнами ложился на прохожихъ и увеличивалъ пестроту красокъ. Пахло нѣжными духами. Изящные офицеры въ свѣтломъ хаки съ кручеными погонами и въ шлемахъ, въ мундирахъ съ широкими шарфами и звенящими саблями, блѣдныя испанки, рыжія американки, темныя французенки, брызжущій смѣхъ, восклицанія, крики, цоканіе копытъ парныхъ лошадей по мостовой и шелестъ резины колесъ создавали, особую, невиданную Игрунькой картину беззаботнаго счастья. Вдали свѣтилось фосфоресцирующее море. Огни пароходовъ длинными, бѣлыми, красными и зелеными столбами змѣили свои отраженія по водѣ. Въ теплой ночи, напоенной ароматами цвѣтовъ, полной тѣней отъ гранатовыхъ деревьевъ, пальмъ и кактусовъ, двигалась живая, пестрая, веселая толпа. Пятна свѣта создавали клочки картинъ, неожиданно яркихъ и необычайно красивыхъ. Изъ-за легкой желѣзной ограды протянулись вѣтви, усыянные невиданными цвѣтами. Свѣтъ упалъ на нихъ и придалъ имъ небывалую окраску. За ними мракъ ночи, прямые столбы пальмъ и въ звѣздномъ небѣ едва намѣчается перистая крона листьевъ. Розовый свѣтъ абажура легъ на шляпку и смуглый кончикъ носа, и улыбка красныхъ устъ, сверкающая бѣлизной зубовъ, кажется манящей и сладкой. Въ свѣтѣ автомобильныхъ огней, стройныя, холемыя гнѣдые кони въ англійской упряжи, точно лакомъ покрытые, стоятъ, выпуклые, но коляски не видно во мракѣ. Въ свѣтъ окна попалъ всадникъ въ широкой шляпѣ на худой лошади. Вытянуты впередъ его ноги въ длинныхъ свѣтлосиреневыхъ штанахъ и большія стремяна покрыты пылью степеней. Процокалъ копытами по мостовой и исчезъ въ сумракѣ ночи.

Пряно пахнетъ цвѣтами. Налетитъ вѣтерокъ съ моря и покроетъ ихъ ароматъ тяжелыми, солеными дыханіями океана. Тогда, заглушая шумъ людской толпы, послышится вздохъ, — то набѣжалъ девятый валъ и катится по песку и камнямъ, разсыпаясь о пристань.

Говоръ, пѣсни, звоны гитары, стenanье скрипокъ, и пѣсни и танцы изъ каждой двери, изъ cadaго окна. Вспоминать Игрунька Котика Ожогина, степь, гостинную Танюши Лоскутовой, когда, теперь, сидя за стаканомъ гренадина, напѣвалъ: —

Въ далекой, знойной Аргентинѣ,
Гдѣ небо такъ безумно сине,
Гдѣ женщины, какъ на картинѣ,
Про Джо и Кло поютъ. —

И точно олицетворяя его мечты, — будто Джо и Кло, двѣ мулатки шли, обнявшись, выдѣлывая па, сверкая шелкомъ чулокъ и кружевами поднятыхъ юбокъ, и, танцуя, онѣ наткнулись на Игруньку.

— *Hijo del Dios blanco!*¹⁾ воскликнула одна и смѣясь заглянула прямо въ синіе глаза Игруньки.

Есть языкъ общепонятный. Языкъ любви. Игрунька былъ мастеръ на немъ говорить.

Черезъ минуту онѣ сидѣли съ нимъ за столикомъ, ѣли мороженое и пили коктейль. Онѣ узнали, что онъ Russo, говоритъ по нѣмецки и по французски, и разыскали подружку креолку, говорившую по нѣмецки.

Переводчица оказалась красивѣе новыхъ знакомыхъ. Она была и бойчѣе ихъ. Въ полночь Игрунька танцоваль танго между столиками съ креолкой, привлекая на себя вниманіе своимъ высокимъ ростомъ, свѣтлыми волосами и голубыми глазами. Кругомъ при всплескахъ рукъ раздавались веселые возгласы

— *Hijo del Dios blanco!*

На утро, Игрунька съ рекомендательнымъ отъ креолки письмомъ ѣхалъ въ Буэносъ Айресъ въ Русское кафе «Украина».

Было жарко на солнцѣ. Пыльные мостовыя блестѣли. Ихъ поливали водой изъ боченковъ голые негры. Сонно дремали пальмы. Въ пурпуровыхъ цвѣтахъ висѣли острия вѣтви гранатового дерева. Пряно пахло померанцовымъ цвѣтомъ и какъ будто еще лиліей. Ближе къ морю къ ароматамъ цвѣтовъ примѣшивался царапающій горло запахъ угольного дыма и острый запахъ рыбы и воды.

Сладко и больно было на сердцѣ Игруньки. Дивила красота природы и синяго неба, волновала прошедшая вихремъ страсть, но чего то не хватало, о чемъ-то тосковало сердце. О чемъ?

Онъ не зналъ. . .

¹⁾ Сынъ бѣлаго бога. (*Хихо дель Діосъ бланко*).

VIII.

Двѣ недѣли спустя «сынъ бѣлаго бога» писалъ Олегу въ Галлиполи.

...«Я окупился въ жизнь Южной Америки. Два дня я провелъ въ Рио, затѣмъ Сантосъ и столица Уругвайской республики Монтевидео. Еще одинъ день и я въ Южно-Американскомъ Парижѣ, въ Буэносъ Айресѣ... Милый Олегъ... небоскребы и движеніе толпы прямо таки феноменальны. Я жилъ въ Русской посольской церкви и поступилъ простымъ «піономъ» въ Русское кафе «Украина». Двѣнадцать часовъ въ день работы въ кафе — мытье половъ и стеколъ, затѣмъ стаканы и тарелки. Но вечерамъ я переодѣваюсь и въ кафе. Тамъ я на практикѣ училъ испанскій языкъ и присматривался къ нравамъ Аргентины»...

Пять мѣсяцевъ «сынъ бѣлаго бога» мылъ тарелки и полы, пока судьба не обратила на него вниманія.

Былъ балъ у германскаго посла. Въ посольскомъ домѣ яркимъ свѣтомъ горѣли огни и занавѣси казались прозрачными. Игралъ военный оркестръ. На улицѣ уже былъ слышенъ шелестъ ногъ, говоръ и смѣхъ танцующихъ паръ.

Игрунька, въ отлично вычищенномъ смокингѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, стройный, красивый и высокій, выше всѣхъ ростомъ, въ печальномъ раздумьи стоялъ въ залѣ. Никто никогда не догадался бы, что этотъ изящный молодой человекъ съ манерами гвардейскаго офицера — «піонъ» изъ кафе «Украина». Но Игрунька ощущалъ это. Подъ бѣлыми перчатками была грубѣющая кожа и черноты ногтей не могли выправить и уничтожить никакой маникюръ. Старый смокингъ поблескивалъ на локтяхъ, и усилія утюговъ не могли придать такую складку брюкамъ, чтобы хотѣлось подъ нею провести двумя пальцами по воздуху и сказать свистящее: — ф-фиии... Онъ опускался. Никакія «часовыя» не дадутъ ему возможности сшить себѣ новый костюмъ. Нѣжности рукъ не вернешь, и скоро уже никого не обманешь. Вѣдь будутъ знать, кто онъ. Никто не пригласитъ его, какъ молодого дипломата, на посольскій балъ.

Вчера креолка Пепита, дочь богатаго скототорговца, послѣ страстныхъ объясненій, вскопила и воскликнула:

— Покажи мнѣ твои руки!..

— Зачѣмъ мнѣ показывать руки? — краснѣя, сказалъ Игрунька.

— Нѣтъ!... Покажи... Я чувствовала!... О! Я понимаю, почему у тебя нѣтъ шикарной поджамы и ты не можешь нанять для меня хорошенькую garçonnière... Ты вовсе не русскій гусарскій офицеръ, а ты чернорабочій изъ порта. Ты мостильщикъ улицъ или каменотесъ. Ты пилющикъ дровъ. Ты презрѣнный лакей, и по просту обманщикъ. Ты обманулъ меня баснями о своихъ предкахъ и имѣешь мозоли на ладоняхъ и жесткіе пальцы...

Какъ все это было обидно. И развѣ могла Петита, дочь Аргентинскаго богача и ското-промышленника, понять, что при теперешней Россіи возможно, что гусарскій ротмистръ служить «шюномъ» въ кафе, а половой изъ третьеразряднаго трактира командуетъ арміей. Она даже не понимаетъ, гдѣ Россія. Она прельстилась «Hijo del Dios blanco», его ростомъ, бѣлымъ цвѣтомъ кожи, русыми волосами и голубыми глазами и она такъ хотѣла, чтобы у сына бѣлаго бога были и мягкія руки... Да, жизнь становилась тяжела! Нить мѣсяцевъ работать по двѣнадцати часовъ въ сутки и не видѣть просвѣта, такъ можно всю молодость прогулять и въ Буэносъ-Айресѣ видѣть только кафе «Украину», да его покровителей.

Для «сына бѣлаго бога» это немного мало.

Балъ у посланника не радовалъ. Вѣроятно, это былъ посѣдній балъ. Больше его не пригласитъ. Петита едѣтъ, и она всею будетъ звонить своимъ назойливымъ голосомъ, что «hijo del Dios blanco» — погонщикъ муловъ, чистильщикъ сапоговъ, метельщикъ улицъ, грузчикъ тяжестей на пристани...

— Tenente Kousskooa, — услышалъ онъ ласковый, пріятный голосъ. Два штатскихъ, одинъ молодой голубоглазый, бѣлокурый ротмистръ Гестерштеинъ, Парагвайскій офицеръ, нѣмецъ, знакомый Игруньки, въ смокингѣ, другой во фракѣ, полный, съ сѣдой головой, съ умными, добрыми, большими, на выкатѣ глазами, бритый и красный, стоялъ передъ нимъ. — Das ist ein russischer Offizier. Er spricht sehr gut deutsch,⁴⁾ сказалъ Гестерштеинъ и, пожимая Игруньку за

⁴⁾ Русскій офицеръ. Онъ очень хорошо говоритъ по нѣмцки.

локоть, шепнулъ ему: — полковникъ Шерифе, военный министръ Парагвайской республики.

— Отчего молодой офицеръ такъ печаленъ на балу?, — сказала на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ Шерифе.

— Ахъ, господинъ полковникъ. Нечему радоваться. Все такъ безотрадно грустно.

— Я понимаю васъ. . . Гдѣ вы служили?

— Въ Чернобыльскомъ гусарскомъ полку.

— Кончили училище?

— Я кончилъ полностью семь классовъ кадетскаго корпуса и былъ одинъ годъ въ училищѣ.

— Gut. Sehr, sehr gut.¹⁾ «Вполнѣ воспитанный молодой человѣкъ.»

— Кому нужно мое воспитаніе!

— Совсѣмъ не нужно быть пессимистомъ. Es waren zwei Frösche, und einer war Pessimist und der andere war Optimist.²⁾ Эти лягушки попали въ погребъ, прыгнули, въ темнотѣ упали въ глубокую банку со сливками и стали тонуть. Pessimist — воскликнула: — «я пропала». Сложила покорно лапки, захлебнулась и умерла. Optimist сказала: — «мы еще поборемся», и стала быстро двигать лапками. . . Когда настало утро, лягушка — Optimist сидѣла усталая, но счастливая на сбитой ею горкѣ сливочнаго масла.

— Я вотъ уже пять мѣсяцевъ двигаю лапками, — улыбаясь, сказалъ Игрунька, — но не чувствую подъ собою масла.

— Погодите, вы любите верховую ѣзду?

— Еще-бы. Это моя страсть.

А лошадей . . . ?

— Обожаю.

— Не бойтесь оказаться въ глухой преріи, отрѣзаннымъ отъ всего міра, со взводомъ бравыхъ солдатъ, отстаивая границы преріи отъ индѣйцевъ.

— Чего-же тутъ бояться! Одно наслажденіе.

— Я могу васъ принять младшимъ офицеромъ въ нашу кавалерію. Форма красивая, жалованье мы платимъ хорошее и вы будете при своемъ дѣлѣ.

¹⁾ Хорошо! Очень, очень хорошо.

²⁾ Жили-были двѣ лягушки. Одна была мрачная, другая жизнерадостная.

— Какъ я былъ-бы счастливъ!

— Отлично. Завтра я возвращаюсь въ Асунціонъ. Явитесь ко мнѣ на будущей недѣлѣ и дѣло будетъ сдѣлано.

— Благодарю васъ.

Шерифе крѣпко пожалъ руку Игруньки, взглядываясь своими сѣрыми глазами въ синіе глаза молодого человѣка и ласково сказалъ:

— Вы мнѣ напоминаете моего сына, убитаго при штурмѣ Вердена.

На этомъ балу никто не танцевалъ такъ весело, такъ изящно, какъ «Niño del Dios blanco», и злословіе Пепиты, какъ она ни старалась, не могло помѣшать успѣху Русскаго офицера среди знойныхъ цвѣтныхъ дамъ.

IX.

Маленькій городъ Асунціонъ пологими скатами спускался къ млѣющему подъ солнечными лучами, въ огненной игрѣ блестящихъ волнъ Парагваю съ дымящими пароходами и блескомъ бѣлыхъ яхтенныхъ парусовъ. Аргентинскіе, Бразильскіе и Уругвайскіе флаги пестрыми бабочками порхали на вершинахъ мачтъ и на гротовыхъ ряяхъ. Мягкій теплый вѣтеръ набѣгалъ изъ степей, морщилъ голубыя волны, стлался муаровыми полосами по рѣкѣ и, когда парусъ попадалъ въ эту полосу, вдругъ круто ложилась яхта къ водѣ и неслась быстро съ опѣненнымъ, мягко шуршащимъ килемъ.

— Бимъ-бомъ... бимъ-бомъ... бамъ-бамъ... несся однообразный, въ два колокола, звонъ собора. Былъ католическій праздникъ.

Улички, немощенныя, кромѣ главной, «Palmas», покрытой деревянными торцами, прерывались небольшими площадями. На площадяхъ стояли памятники маршалу Лопецу и его сподвижникамъ. Память шестилѣтней войны, веденной противъ Аргентины, Уругвая и Бразильской имперіи.

Памятники утопали въ цвѣтушихъ розовыхъ кустахъ и герои войны въ широкихъ шляпахъ, то съ винтовками, то съ саблями, выглядывали изъ нихъ, точно изъ громадныхъ букетовъ.

За рѣкою до горизонта — густое зеленое море.

— Это «чако» — лѣса, перепутанные лианами, колючими кактусами и карликовыми пальмами, — непроходимыя

заросли, въ которыхъ живетъ заманчивая тайна Южно-Американской прерии.

На «Palmas», сквозь зеркальные стекла магазиновъ были видны Европейскіе товары: шелки, бархаты, издѣлія изъ золота, вѣера, драгоценные камни, стекло, хрусталь, картины, гравюры. — точно Ялтинскіе ряды на набережной въ лѣтнее время сезона. Столики кафе, накрытые отъ солнца широкими тентами, выбивали на панель. За ними пестрый покровъ людей. Шуршали большіе листы газетъ. Синій дымокъ сигаръ вился къ потолку. Негры-лакеи въ бѣлыхъ курткахъ съ золотыми пуговицами проворно бѣгали, разнося напитки и пирожки.

Въ такомъ кафе, за столикомъ, за чашкой кофе сидѣлъ Игрунька, дожидая своего спутника, лейтенанта Монтесть дель Око. Онъ долженъ былъ ѣхать съ нимъ на миссіонеръ «El Tránsito» по рѣкѣ Пилькомаъ на фортъ «генерала Дельгадо» — на аргентинскую границу.

На Игрунькѣ защитный костюмъ съ высокимъ воротникомъ, перетянутый ремнемъ съ круглой золотою бляхой, и синіе «шассеры» съ розовымъ лампасомъ, на выпускъ. Сабля на ремняхъ падаетъ на плиты панели, мягко блистая сталью наковальи.

Вчера вечеромъ, въ театрѣ «Гренада», Игрунька и Герстерштейнъ, по широкой лѣстницѣ въ мавританскомъ стилѣ вышли на громадную площадку, возвышающуюся надъ улицами, идущими къ порту. Огненные амариллы, пѣтушіе алоэ и причудливые кактусы, окружавшіе площадку, при свѣтѣ огней стѣны страшными чудовищами.

У стѣны стояли столики. По площадкѣ взадъ и впередъ ходила густая толпа, какъ въ фойе Петербургскаго театра. Гулъ голосовъ стоялъ надъ толпой. Иногда вырвется женскій смѣхъ и серебрянымъ колокольчикомъ прозвенитъ въ гулъ мужскихъ голосовъ, или вскрикнетъ испанка, притворно возмущенная шуткой кавалера. Игрунька и Герстерштейнъ заняли столикъ въ центрѣ площадки, и Игрунька, въ темномъ мундирѣ кирасирскаго покроя, съ нѣмецкой наскокой со звѣздой въ рукѣ, чувствуя себя центромъ вниманія толпы, смѣло оглядывалъ дамъ. Онъ понималъ значеніе мундира. Какъ въ Спасекомъ альян доломанъ звать его на подвиги, такъ теперь мундиръ Парагвайской республики,

стянутый въ талию, дѣлалъ его сильнымъ и готовымъ на смерть и раны. «Не было — ли ошибкой», — думалъ Игрунька, «такъ мало заботиться о внѣшности мундира и не потому-ли наши цвѣтные добровольческіе полки лучше дрались, что они были лучше одѣты. — Но объ этомъ не надо думать. Стоитъ пустить въ голову мысли о Россіи и начнетъ сжиматься сердце, встанетъ память объ отцѣ и матери и потянетъ снѣтъ въ безкрайныя степи съ замерзшими буграми черной земли, со шляхомъ, широкимъ, въ версту, со многими блестящими полями, въ вѣздухъ бодрящей, морозной, въ дали туманной, гдѣ пахнетъ соломенною гарью, полынью и гдѣ такъ радостно зяенокъ по утрамъ лай собакъ.

— Дая хорошаго солдата, — сказалъ Гестерштейнъ, наклоняясь къ уху Перушки, — Родина тамъ, гдѣ нанялся онъ служить. Мы съ вами, *tenente* Кузнецъ, солдаты по призванію. Ни у васъ, ни у меня Родины нѣтъ. Я присягалъ служить Императору Вильгельму и служить людямъ, такъ легко отказавшимся отъ арміи, чтобы сохранить свои шкуры, я не могу. Я милитаристъ, *tenente* Кузнецъ, такъ-же, какъ и вы милитаристъ и, увѣряю васъ, мы съ вами сумѣемъ создать изъ нашихъ ковбоевъ добрыхъ солдатъ. Не такъ-ли, *tenente*?

Слово «*tenente*» — правилось Игрунькѣ. Былъ онъ корнетомъ. Былъ хорошишимъ, за годъ службы въ добровольческой арміи дослужился — и все «за отличіе въ бояхъ съ большевиками» — до чина штабсъ-ротмистра. Но по существу, — онъ еще никогда ничѣмъ не командовалъ, никогда никого не обучалъ. Тутъ придется учить владѣть лассо, стрѣлять изъ карабина и пистолета, колоть неудобными, но красивыми палашами и ловко драться въ боевой схваткѣ навахой, кривымъ ножомъ, національнымъ оружіемъ Парагвайцевъ.

Научитея! Не боги горшки лѣпятъ! За то, когда вернется домой, будетъ что рассказать и показать дома. . .

Опять. . .

Кому разсказать? Кому показать? Какъ встрѣтится онъ съ отцомъ? Гдѣ его милая мама? Олегъ говорилъ. . . Вотъ бы слушала его безъ конца. . . Да — жива-ли родная? Братья разсѣяны по бѣлу свѣту. Мая замужемъ за Бардижемъ. Игрунька видѣлъ ее мелькомъ въ Константинополѣ. Скупали брилліанты у бѣженцевъ, собирались

ѣхать въ Ниццу покупать у какой-то Русской княгини, оказавшейся безъ гроша заграницей, ея виллу... Кого, что найдете онъ въ Россіи? Большевиковъ, хамовъ, озвѣрѣлыхъ товарищей и гибель культуры.

Не надо думать!..

Черезъ столикъ сидѣли смуглые красавцы офицеры Парагвайскаго кирасирскаго полка. Широкіе въ плечахъ, узкіе въ таліяхъ, съ орлиными рѣзкими профилями и черными бездонными глазами, они въ бѣлыхъ, германскаго покроя, колетахъ гвардіи Президента яркими пятнами выдѣлялись въ толпѣ.

«Живутъ, смѣются, и я буду жить, буду смѣяться и любить... Вотъ моя Родина. Развѣ не прекрасна она?»

Внизъ, къ широкому простору многоводнаго Парагвая сбѣгали улочки одноэтажныхъ домовъ, всѣ въ зелени садовъ. Точно свѣтящіяся жемчужины горѣли электрическіе фонарики и причудливымъ узоромъ филигранной сѣтки опутывали темный городъ.

Надъ головою сверкали южныя звѣзды и ярко сіяло созвѣздіе Креста.

Сбылись мечты юности. Грезы дѣтства воплотились въ чудесную явь.

Изящная, красивая дамы, очень смуглая, съ яркими бѣлками глазъ, съ темными рѣсницами, въ бѣлыхъ платьяхъ съ пестрыми шарфами, съ черными кружевными вѣрами — Игрунька зналъ — все знать Асунсіона, сливки общества. Кавалеры, то въ черныхъ легкихъ смокингахъ поверхъ бѣлыхъ панталонъ — крупные коммерсанты, то въ мундирахъ, смѣются, вспыхивая тонкими пахитосами. А въ уши льется плавный разсказъ Гестерштейна. Онъ былъ радъ поговорить по нѣмецки.

— Смотрите, *tenente*, — сказалъ Игрунька, — совсѣмъ лиловый негръ... Я зналъ такую пѣсенку Русскаго пѣвца и поэта Вертинскаго. «... и снилось мнѣ потомъ: въ притонахъ Санъ-Франциско лиловый негръ вамъ подаетъ манто»... Выходить: — есть такіе!.. Я думалъ-нарочно.

— Это Хименець. Онъ сынъ парагвайца и бразильянки. Онъ служить въ торговомъ флотѣ. Тутъ вы найдете удивительные образцы метизаціи. Нигдѣ нѣтъ столькохъ гебридовъ, какъ въ Парагваѣ, Здѣсь индѣйцы, негры, испанцы,

англосаксы, французы, иѣмцы, евреи, ихъ особенно много въ Аргентинѣ, Русскіе. . . — Вы знаете, всё машинисты на полевыхъ машинахъ въ Аргентинѣ Русскіе. . . . И все это перемѣшалось. . . . Еще мороженого съ ромомъ?

— Stimmt.¹⁾

Негритенокъ принесъ стеклянные бокалы съ розоватой снѣжной массой.

— Вы знаете, *tenente* Кусковъ, — продолжалъ Гестерштейнъ, — фортъ генерала Дельгадо, куда мы завтра ѣдемъ, не совсѣмъ обыкновенный фортъ. Онъ возникъ въ 1917 году. До этого года здѣсь была небольшая ферма француза Гравіера. Онъ жилъ на ней съ молодою женою, братомъ Людовикомъ и пятью работниками. Кромѣ того, у него по расчисткѣ «чако» работали поденно за спиртъ и за ромъ индѣйцы племени «Попа».

Это мирные индѣйцы. Однажды они сообщили Гравіеру, что на ферму изъ «чако» двигается воинственное племя индѣйцевъ «Чамокѣка», воюющее съ племенемъ «Попа» и ненавидящее бѣлыхъ. Гравіеръ послалъ Людовика на моторной лодкѣ въ Асунсьонъ и гонца на аргентинскій постъ «Фонтана». Черезъ два дня Людовикъ вернулся съ отрядомъ солдатъ на ферму брата «Эсперанца». Онъ нашелъ семь изуродованныхъ труповъ и полусъѣденную собаку. Эскадронъ Парагвайскихъ ковбоевъ послалъ всюду разъѣзды. Разъѣзды донесли, что неподалеку въ «чако» видны костры. Эскадронъ былъ спѣшенъ и цѣпь стрѣлковъ стала продираться черезъ «чако». Лаяли обезьяны, зеленые и синіе попугаи съ красными крыльями носились, крича, какъ вороны, надъ солдатами. Наконецъ подошли къ догорающимъ кострамъ. На лѣсной прогалинѣ лежало 15 обнаженныхъ труповъ зарѣзанныхъ индѣйцами аргентинскихъ солдатъ и мертвые, проколотые дротикомъ офицеръ и сержантъ. Послѣ этого правительство на мѣстѣ фермы построило фортъ съ круглымъ бревенчатымъ блокаузомъ. На форту находятся 35 стрѣлковъ и два пулемета. Ими вы и будете командовать. Индѣйцы «Чамокѣка» ушли вглубь «чако» и больше не показывались. Солдатамъ данъ приказъ стрѣлять ночью по всякому человѣку, подходящему къ посту, безъ окриковъ и даже безъ предупрежденія. . . —

Все это вспоминалъ теперь Игрунька, сидя въ лучшемъ

¹⁾ Идетъ.

кафе Асунсіона «Испанія», противъ театра, гдѣ вчера такъ хорошо провелъ время съ лейтенантомъ Гестерштейномъ.

Подъ столикомъ лежалъ легкій чемоданъ. Игрунька ъхалъ на кровавый постъ «генераль Дельгадо», къ могиламъ Гравіера и его жены. . . Быть можетъ, гдѣ нибудь недалеко отъ поста есть другая ферма, и тамъ красавица дѣвушка. И будетъ день, когда индѣйцы нападутъ на эту ферму и онъ, лихой *tenente* Кусковъ, спасетъ ихъ . . . и потомъ . . . кто знаетъ, — женится на черноглазой испанкѣ» . . .

Бѣгутъ мечты. . .

Подъ тентомъ ресторана тепло, но не жарко. Въ утреннихъ туманахъ зеленѣетъ таинственное «чако». Тамъ ягуары, пестрые попугаи, черные туканы съ громадными красными носами, золотистые фазаны — «дьяку», красавицы «гарсы», напоминающіе цапель, громадные крокодилы въ рѣкѣ Пилькомаѣ и темныя тяжелыя «карпинго» (*carpincho*) — водяныя свиньи.

Тамъ еще стоитъ чудное средисвѣковье, когда звѣри не боялись человѣка, когда Колумбъ шелъ къ этимъ самымъ берегамъ, когда объѣзжалъ ихъ Америго-Веспуччи и когда страшна, ужасна и полна смертельныхъ мукъ, кровавой борьбы за существованіе была жизнь, но была она и красива. Тамъ отецъ не шелъ на сына и сынъ на отца, но брать отстаивалъ брата.

Озаренный яркими лучами солнца, подъ синимъ утреннимъ небомъ, въ радостномъ отвѣтѣ бѣзъбужаго тента. Игрунька дѣйствительно казался «сыномъ бѣлаго бога».

И невольно въ его головѣ складывались стихи про самого себя: —

И сладки мечты, и богаты,
И въ нихъ: — и соблазнъ и разбой!
Какъ будто въ тавернѣ пирата
Танцуетъ мой стихъ золотой.

Въ притонѣ, гдѣ душно и смерто,
Пьетъ ромъ одинокій ковбой
И пишетъ на бочкѣ съ опорто
«Любимой» — уставшей рукой.

Какъ принцъ, онъ изященъ и стилищенъ,
Красивъ, какъ треновый валетъ,
И къ поясу грозно прищипленъ
Блестящій рѣзной пистолетъ! . . .¹⁾

¹⁾ Стихи заимствованы авторомъ у одного Русскаго офицера, служащаго въ Парагвайской кавалеріи.

Осень 1919 года Липочка давалась особенно тяжело. Выходила, что называется, ребромъ. Уплотненіе квартиры, несмотря на все заступничество Машина комиссара, постигло и ихъ. Ютились все пятеро въ кухнѣ и маленькой столовой. Остальныя комнаты были заняты насильно вселенными жильцами, — рабочими безъ работы, жившими на паекъ и цѣлыми днями игравшими въ карты.

Водопроводъ былъ испорченъ. Ходили за нуждой на дворъ и, такъ какъ квартира Венедикта Венедиктовича была высоко, на пятомъ этажѣ, то въ прихожей, у дверей, поставлена была рабочими параша, занавѣшенная рваной простыней. Отъ этого воздухъ въ квартирѣ былъ тяжелый: — не продохнешь.

Маша сказала, что она такъ жить не можетъ и открыто ночевала у своего комиссара. Липочка ахала, охала, но въ душѣ была довольна. Меньше ртовъ и меньше народу на кухнѣ. На кухнѣ отъ маленькой печки, устроенной на плитѣ и заботливо обложенной кирпичами, было всегда дымно и пахло чѣмъ-нибудь събытнымъ, то пригорѣлыми желудями, сушившимися на замѣну кофе, то прѣснымъ запахомъ пареного картофеля, а чаще нудною вонью воблы и селедки.

Когда ставили на плитѣ печку «буржуйку», Венедиктъ Венедиктовичъ шутилъ:

— Раньше-то, при проклятомъ царизмѣ, развѣ позволили-бы такое? Кухню мусорить!

Старшій дворникъ по головкѣ не погладишь-бы. Геродового позовалъ-бы. Пожалуйте въ участокъ. И протоколъ. А теперь граціозно это выходить. При рабоче-крестьянской власти все можно! Особенно намъ, пролетаріямъ.

Онъ былъ возбужденъ, какъ возбуждены голодные люди. Возбужденіе это то приходило, то уходило и тогда сменялось сонливостью и апатіей.

Вотъ, шибку вынемъ, картономъ отъ переплета замѣнимъ, въ немъ дыру прорѣжемъ и трубу отведемъ. Совѣмъ очаровательно будетъ. А переплетъ-то какой! А, Олимпиада Михайловна, полюбуйтеся! Братца вашего, Андрея Михайловича наградная книга:

— «Миллеръ въ переводѣ Гербея». Можетъ-быть, покажемъ сво семенную реликвию?

— Гдѣ ужъ, намъ ужъ о семейныхъ реликвіяхъ думать. Другого картонка подходящаго нѣтъ.

— Этого самый подходящій. Вотъ палѣшица-то! Шиллеръ въ переводѣ Гербеля! Кому это при рабоче-крестьянской власти понадобится можетъ? Развѣ, что на цыгарки: козью ножку крутить. Шиллеръ... Шиллеръ!... Орлеанскую дѣву когда-то учили. Ты, чай, Липочка и сейчасъ еще помнишь?

— Ну, еще бы...

Прощайте вы, поля, холмы родные

И ты, зеленый доль, прости...

размахивая почернѣвшей отъ работы маленькой ручкой. продекламировала Липочка.

— Ахъ, какое время было!.. Мамочка была жива.

— Да, при проклятомъ царизмѣ было время. Тогда калачикъ-то у Филиппова на Троицкой улицѣ за три копѣйки можно было купить. Мѣдные. Съ двуглавымъ орломъ позади. Славно было въ нихъ, да въ пятаки на Семеновскомъ плацу въ орлянку играть. «Орелъ или рѣшка»? А? Гдѣ теперь всѣ эти пятаки, да трехи, да двѣ копѣечки, да копѣйки. Помню въ гимназій насъ все заставляли писать копѣйку черезъ «е», а на монетахъ «Б» — стояло. Да, прибрала куда-то новая власть копѣечки-то народныя! Вмѣстѣ съ этою ятью сожрала. На «пимоны» теперь считаемъ. На манеръ американцевъ.

— И что за рабоче-крестьянская власть такая, въ толкъ не возьму никакъ, — сказала Липочка. — Ну что въ управленіи государствомъ можетъ понимать рабочій. Онъ недѣлю стоитъ по восемь часовъ надъ станкомъ, только и дѣлаетъ, что суетъ листъ подъ штампъ, да отдергиваетъ, а въ субботу до свободы дорвется, — только пьянствовать и умѣть. Или взять крестьянина. . . — Маята одна со скотомъ да съ землею. Что они понимаютъ въ международныхъ вопросахъ или въ политической экономіи? Я и гимназію хорошо кончила и курсы прошла, а сдѣлай меня министромъ, да не хочу, потому что не знаю, какъ и къ дѣлу приступить.

— Обманъ одинъ, Олимпиада Михайловна. У насъ въ рабоче-крестьянской власти ни одного крестьянина, ни одного рабочаго, а все интеллигенція сидитъ, да евреи. Возьми Ильича. Ни рабочій, ни крестьянинъ. Дворянинъ. Изъ

Россіи удаль молодымъ возлюбл. Россіи никакъ не знаетъ и не понимаетъ. Ходячая брошюра и гадъ, весь прогнившій. Опять Троцкій — тоже еврей — эмигрантъ... А Зиновьевъ... — одинъ хуже другого. Прежнюю аристократію упрекали, что далеко отъ народа стояла, не понимала народъ, а эта?.. Она и народа никогда не видѣла. Кругомъ латыши, поляки венгерцы.

— А вѣдь правятъ... .

— Да какъ! Вотъ говоримъ и оглядываемся. Я тебѣ вѣрю, ты мнѣ вѣришь. А ужъ при Машѣ не скажешь.

— Я Машѣ вѣрю, — сказала Липочка. — Маша хорошая. Она только несчастная очень.

— Ну что за несчастье. Въ теплѣ, въ сытости живетъ, по театрамъ ходитъ.

— Не въ этомъ счастье, — вздохнула Липочка, и задумалась. Прекрасны были ея сѣрые глаза на блѣдномъ, нездоровомъ, одутловатомъ отъ голода лицѣ. Глубокая печаль лежала въ нихъ. Напомнили они Венедикту Венедиктовичу глаза ея матери. Варвары Сергѣевны. Красавица была Варвара Сергѣевна. Боготворили, заглядывались на нее когда-то гимназисты старшихъ классовъ. Шептались въ церкви: — «Кускова!.. Видаль?.. Кускова... Красивая дама... Жена профессора»... И только глаза у Липочки и остались. Лобъ обтянутъ былъ кожей, щеки увалились и пожелтѣли, скулы выдались и носъ картошкой торчалъ надъ сжатыми, сухими губами. Не красилъ голодъ людей. А былъ настоящий голодъ. Когда Россіей правили Императоры, о такомъ голодѣ кричали бы въ газетахъ, устраивали бы выставки пайкового хлѣба и моченой воблы, говорили-бы рѣчи. Графъ Л. Н. Толстой, Короленко, Чеховъ возвысили-бы свои голоса и громѣли-бы, бичуя недоглядѣвшее правительство. Теперь молчали. Графъ Толстой умеръ, не доживъ до наступленія того земнаго рая, который онъ проповѣдывалъ, Чехова не было, а Короленко и другіе писатели молчали. И власть была «своя», желанная, да и рты были залѣплены.

— Безпокоятъ меня дѣти, — сказала послѣ долгаго молчанія Липочка. — Вспоминаю свое дѣтство. Конечно, и мы ушли отъ родителей и не слушались ихъ, но все же это не было такъ, какъ теперь. Маша живетъ съ комиссаромъ.

Господи! Если бы я, или кузина Лиза... Если бы съ нами это случилось, когда мы были въ гимназін, или на курсахъ, сколько было бы разговору, шуму, крику! Отецъ проклялъ бы, изъ дома бы выгналъ. Онъ, хотя, когда выпьетъ, и проповѣдывалъ, что мы должны на содержаніе идти, а случись что, первый же возмутился-бы... А мама! Да она слезами изошла-бы. Мы были чистыя... А онѣ... Дика! Дика! Неужели ничего этого не нужно? Неужели счастье въ томъ, чтобы быть, какъ животныя, и жить въ грязи и въ вони и не думать о душѣ. Вѣдь есть-же душа-то! Есть Господь Богъ!..

Молчалъ Венедиктъ Венедиктовичъ. Хмуриль свѣтлыя брови и крутилъ папиросу самодѣльнаго табаку.

— А Лена?.. Боюсь, и она не невинна. Всего шестнадцатый годъ пошелъ дѣвочкѣ, а каждый день по танцулькамъ бѣгаетъ. «Тамъ», говоритъ, «мама, я голодъ забываю»... И хотя-бы матери что сказала! Одинъ былъ у меня — Одея правдивый и того эсъ-эры убили. Дику моего кадеты убили... Господи, Господи! Дика, да что мы съ тобою люди, или скоты?

— Погоди, мать, вотъ кончится гражданская война и станетъ хорошо. Явится хлѣбъ, прибавятъ паскъ, перестанутъ преслѣдовать, Богъ дастъ, и мясо появится, будетъ ладно.

— Хлѣбъ, Дика, мясо... Такъ!.. Ты и сахаръ еще прибавь... и чай... А душа-то!.. Душа!!! Такъ безъ нея и будемъ на ихъ поганые плакаты молиться, да Карау Маркеу кланяться. Нѣтъ! Лучше ужъ съ голоду помереть, да душу сохранить!

XI.

Венедиктъ Венедиктовичъ въ шестомъ часу вечера вернулся домой. На его звонокъ дверь ему отворилъ хмурый квартирантъ. Значитъ: — изъ семьи никого не было дома. Липочка съ утра, раньше чѣмъ ушелъ Венедиктъ Венедиктовичъ, взяла мѣшокъ, салазки и съ Андрюшей ушла на поиски съѣстного. Три дня они питались гнилою трескою и горячею водою.

Венедиктъ Венедиктовичъ прошелъ въ столовую и сѣлъ на диванѣ. Сумерки были густыя. Онъ едва различалъ знакомые надобѣвшие предметы. Объденный столъ... «Къ чему

онъ? Давно не обѣдали. Самое слово какое то странное. И нишестя теперь по новому «обед»... Точно съ новымъ на-чертаемъ оно утратило свое старое значеніе».

«Богатъ я никогда не былъ», подумалъ Венедиктъ Венедиктовичъ, — «но сытъ былъ всегда. Великимъ постомъ. Бывало, когда служилъ я на главномъ почтамтѣ, пойдешь Липа на Круглый рынокъ и принесешь оттуда фунтовъ пять головизны. И сварить супъ. Чего, чего тамъ не плавало. И желтый янтарный поджаберный жиръ, и полупрозрачные, точно опилекъ, жесткіе и скользкіе хрящи. Славно они трещали на зубахъ, еще коричневая зубчатая, такая мягкая штука тамъ была и бѣлое, нѣжное мясо... Пустить Липа туда соленого огурца, луку, картофелю... Мы и не знали тогда, что картофель драгоценность. У мелочныхъ и зеленыхъ лавокъ просто корзинами стоялъ. И никто не воровалъ. Странно... Грациозно это выходило... Продавали не на фунты. Что его на фунты-то, попадетъ десять штукъ, — а мѣрами. Такими желѣзными цилиндрами, мѣдными обручами обитыми. Придетъ кухарка съ корзиной и двѣ мѣры возьметъ на пятакъ. И пятаки были такіе ловкіе, толстые, съ рубчатымъ краемъ и съ орломъ съ одной стороны и надписью съ другой: «пять копѣекъ» — и внизу тире. И куда все это пропадалось? Не могли-же совѣмъ пропасть? Мѣдные... Прочные...»

«Куда?» — Мысли мутились. Отъ голода являлись новыя небывалыя ощущенія. Клонило ко сну. А сна не было. Не давалъ уснуть голодный желудокъ. Требовалъ пищи. Искалъ работы. «Тоже и ты безработный», подумалъ Венедиктъ Венедиктовичъ, — «какъ фабрика безъ сырья... Вчера смотрѣлъ я на Липу. Поверхъ худобы одутловатость какая-то появилась. Отеки какие-то. Ахъ нехорошо это. Это отъ голода. Прежде слова такого не знали. Голодали иногда крестьяне на Волгѣ. Неурожаи бывалъ. Такъ тогда и Красный Крестъ, и земство и кто-кто туда не ѣхалъ. Столовые открывали. Одни голодали, другіе были сыты и отъ сытости своей спали. А теперь — всѣ... А чтобы тогда чиновники почтовые голодали? Войдешь въ портерную.. битокъ въ сметанѣ, или котлета пожарская и пиво, желтое, янтарное, а наверху нѣна губы щекочетъ! Очаровательно это... чортъ возьми, выходило. «Баварія» или «Калинкина» завода...

А-то «Трехгорное». А го Волгѣ и въ Туркестанѣ все больше «Йигулевское» пили. Куда все дѣвалось?

Въ окно безъ занавѣси, — занавѣску и штору Липочка продала на прошлой недѣлѣ, сказала: «вы мужчины, вамъ она безъ надобности. Кто и увидитъ, не бѣда» — свѣтила полная луна. Серебряныя нити косою трубою тянулись изъ окна на полъ и чертили прямоугольники. Ярко свѣтилась доска обѣденнаго стола, старая, когда-то полированная, теперь просто засаленная.

«Хоть бы крошка какая хлѣба осталась на столѣ», подумалъ Венедиктъ Венедиктовичъ. «Маленькая этакая корочка. Старая. Со слѣдами зубовъ, а снаружи коричневая, точно лакомъ покрытая. Бывало, такія валялись безъ надобности. Кухарки въ помойное ведро бросали ихъ съ яичной скорлупой и огуречной кожей. Господи! Теперь-то... Да... Не понимали мы своего богатства.

И вдругъ почувствовалъ, что изъ буфета сладко пахнетъ горячимъ, печенымъ хлѣбомъ. Точно увидѣлъ его. Круглый, большой каравай съ запеченной коркой, сѣрой мукой сверху посыпанный, а съ краевъ коричнево-красный и по бокамъ продавленъ и оттуда мякишъ теплый такъ и пышетъ жаромъ. И отъ этого запахъ.

«Это кажется мнѣ, этого не можетъ быть. Откуда тамъ быть горячему хлѣбу?»

Но запахъ былъ такъ силенъ, такъ опредѣленно шелъ изъ бокового шкапа, съ дверцей со сломаннымъ замкомъ, что Венедиктъ Венедиктовичъ всталъ и, шатаясь, подошелъ къ буфету. Все въ немъ дрожало. Дыханіе прерывалось. Онъ открылъ дверцу. На нижней полкѣ увидалъ большой каравай. Пахнуло хлѣбнымъ ароматомъ. Вытащилъ изъ ящика внизу ножъ... Руки дрожали. Хватилъ рукою... И точно проснулся отъ тяжелаго сна. Хлѣбъ растаялъ. Передъ глазами — пустая пыльная полка. Это привидѣлось только... Въ головѣ что-то стукнуло. Начались сильныя головныя боли. Шатаясь, подошелъ къ дивану. Прилегъ.

«Голодная галлюцинація», — подумалъ Венедиктъ Венедиктовичъ. — «Съ этого начинается. Въ Крыму, говорятъ, доктора изучаютъ голодъ и записываютъ все его явленія. Да. Поле для экспериментовъ широкое. Вся Россія голодаетъ.»

Въ груди катились раскаленные желѣзные шары. Глаза лѣзли изъ орбитъ. Лунный свѣтъ раздражалъ. Мысль прыгала и не могла остановиться ни на чемъ. Посмотрѣлъ на столъ. Ясно, отчетливо увидалъ: — на столѣ, въ лунномъ лучѣ стояла тарелка. На тарелкѣ въ соку большая баранья котлета на косточкѣ и подлѣ котлеты картофель. Это было невѣроятно, но это была уже не галлюцинація. Отъ котлеты вкусно пахло. Блѣдно желтый жиръ окружалъ коричневое, подгорѣлое мясо. Внизу была подливка. Все еще не вѣрилось. Но глаза не обманывали, все было ясно. «Надобы подѣлать её. Липочкѣ, Андрюшѣ, Ленѣ... Маша сытая... А кто знаетъ? И ей... Нѣтъ, всѣмъ не хватитъ. Оставлю дѣтямъ картофель, а котлету съѣмъ пополамъ съ Липой. Ей мягкое. Себѣ косточку... Да вѣдь она не знаетъ? Лучше съѣмъ всю... Хоть разъ до сыта наѣмся и тогда спать. Съѣмъ и котлету и картофель. Всталъ. подошелъ къ столу. Нагнулся. Хотѣлъ понюхать, а потомъ схватить руками и глотать мясо... Опять толчекъ. Тяжелое чувство пробужденія. Ничего... Пусто на столѣ. Лунный свѣтъ сверкаетъ на пылинкахъ.

Это было невыносимо...

Кинулся на диванъ, легъ ничкомъ, уткнулся лицомъ въ ладони, сжалъ глаза пальцами. Все тѣло дрожало отъ сухихъ рыданій.

Въ прихожей звонили. Не слышалъ. Звонили еще. Зналъ, что это Липочка, что квартирантъ не откроетъ. Не могъ встать. Точно послѣ тяжелой болѣзни былъ пришибленъ.

«Что-же дальше? Галлюцинаціи?... Потомъ будутъ мухи передъ глазами... Потомъ... голодная смерть.»

Липочка позвонила третій разъ. Венедиктъ Венедиктовичъ медленно всталъ и, шмыгая ногами, пошелъ въ прихожую.

— Ну что?

— Повезло, Дика! Муфту продала. Купила муки, морковнаго чая и рѣпы. Сейчасъ будемъ готовить обѣдъ.

— Хорошо, — очаровательно это, граціозно... Только, Липа, безъ меня... Я не могу. Я полежу. Совсѣмъ обезсилѣлъ. Вотъ нелѣпица-то. Прости.

— Лежи, лежи, Дика. Я и одна управлюсь. Хотя и устала! Да, подумай, какая удача! Всё поѣдимъ! А Андрей не вернулся?

Венедиктъ Венедиктовичъ не отвѣтилъ. Онъ лежалъ опять ничкомъ на диванѣ. Ему было мучительно стыдно.

«Я-то... хотѣлъ... котлету... одинъ... а она, усталая... Подумертвая... все о насъ. Святая... святая...»

XII.

Маша пришла въ полдень. У Липочки вся семья пила на кухнѣ кофе. Маша была разодѣта въ шубку изъ шеншилла и такую-же сѣраго мѣха кокетливую шапочку. На дворѣ шла крупа. Снѣжкины, застрявшія въ мѣхѣ, въ прохладной кухнѣ медленно таяли и обращались въ сверкающія круглыя капельки. Не было Венедикта Венедиктовича. Онъ съ утра ушелъ хлопотать о дровахъ.

Маша принесла съ собою лампу «примусъ» и жестянку керосина.

— Это, мамочка, тебѣ подарокъ. Мнѣ больше не нужно. — сказала она, здороваясь, и не цѣлуя матери.

— Постой, Машенька... а ты?

— Мнѣ, мама, больше не надо.

— Такъ вѣдь это... его?...

— Его... Только я ушла отъ него и больше не вернусь!...

— Какъ-же, Маша? — съ испугомъ сказала Липочка.

— Послѣ, мама, расскажу. Скучно... Въ какой вы вони живете! Какъ не задохнетесь!

— Тебѣ хорошо критиковать, — сказала Лена, дувшая на блюдечко съ рыжимъ, пахнущимъ грязной тряпкой кофе. — ты свое счастье нашла, а каково намъ.

— Молчи, Лена. Ты дура!

— Отъ такой слышу, — огрызнулась хорошенькая Лена.

— Маша, Лена, оставьте, — взмолилась Липочка.

— Да что, мама, она себѣ позволяетъ. Расфуфырилась, разодѣлась и думаетъ нивѣсть-что. Ея шубку на Сухаревкѣ продать — деревню прокормить можно. Буржуйка.

— Будешь, Лена.

— На, Ленька, дура, бери! — сказала, вставая съ табурета, Маша и сняла кофточку. — На, и шляпу бери. . . Ходи. . . Нравься, поражай толпу. Сто косыхъ она стояла. Бери! Твое счастье. Гдѣ твоя кофтуля?

Лена стояла, удивленная. Она ничего не понимала.

— Вотъ такъ исторія съ географіей! Что это за распределение излишковъ! — воскликнулъ Андрей и тоже всталъ изъ-за стола.

Маша проворно надѣвала старую, порыжѣвшую, суконную на ватѣ кофту сестры и укутывала голову оренбургскимъ платкомъ, когда-то доставшимся по наслѣдству Липочкѣ отъ ея двоюродной сестры Лизы. Старъ, грязенъ и рванъ былъ платокъ, но вся семья его любила.

— Мама, кончайте пить кофе. Мнѣ надо пойти поговорить съ вами.

— Что за контръ-революціонные секреты? — сказалъ Андрей.

— Идиотъ, — кинула Маша.

— А ты комиссарская шкура.

— Идемте-же, мама! — топнувъ ногою, нетерпѣливо воскликнула Маша. — Я не могу оставаться въ этой вони и съ этимъ хулиганомъ.

— А ты, стерва, не ругайся, а то я въ Чеку донесу, что у тебя секреты.

Липочка торопливо одѣвалась. Она напялила на себя старомодное пальто, шляпку, посмотрѣла въ окно, потомъ на свои ноги и грустно усмѣхнулась. Въ окно били сухія снѣжинки и звенѣли стеклами, на ногахъ были ботинки съ отставшими подошвами. Липочка вздохнула и пошла къ двери.

— Мама! Зачѣмъ ты идешь съ этой контръ-революционеркой? — крикнулъ Андрей и хотѣлъ перегородить матери дорогу. Маша оттолкнула его, пропустила мать впередъ и вышла за нею.

Онѣ молча спустились по лѣстницѣ и прошли черезъ дворъ.

По улицѣ мела снѣжная крупа. Круглыя снѣжинки катились по обледенѣлой панели, буграми наметались у домовъ, ложились на камняхъ мостовой узкими, длинными углами. Ледяной вѣтеръ вылъ, потрясая старыми, ничего

теперь не значащими вывѣсками. Онъ распахивалъ полы пальто Липочки и студилъ ей ноги. Онъ схватывалъ шелковую въ фальбалахъ юбки Маши, поднималъ ихъ выше колѣна и леденилъ ея стройныя ноги, въ шелковыхъ тонкихъ чулкахъ со стрѣлкой. Прошли мимо Чичкина, гдѣ подъ вывѣской были два пустыхъ отверстія съ выбитыми стеклами, прошли мимо Скачкова, когда-то торговавшего вкусной сливочной, шоколадной и кремъ-брюле помадкой и Русскими яствами, а теперь зіявшаго открытыми дверьми и пахнущаго мерзкою вонью, вышли къ Арбатскимъ воротамъ. Маша свернула по Пречистенскому Бульвару.

— Куда-же мы? — спросила Липочка.

— Пойдемъ къ храму Христа Спасителя. Тамъ сядемъ въ скверѣ къ сторонкѣ. Я хочу, мама, тебѣ все сказать! Истомилась я! Измучилась въ конецъ!

— Что такое, милая Маша! Господи! что еще стряслось?

Молчала Маша. Липочка уже не чувствовала ни холода въ ногахъ, ни снѣга, набившагося въ дырявую подошву, ставшаго комомъ подъ пяткой и давившаго ногу. Вьюга сѣкла по худымъ щекамъ и обжигала изсохшую кожу. Шла, торопилась дойти, ждала чего-то ужаснаго. Думала, что уже ничего ужаснѣе того, что было, что есть, быть не можетъ.

Когда выходили на площадь и во всей красѣ въ бѣлосѣрыхъ тучахъ показался всѣми золотыми куполами храмъ, Липочка невольно задержала шаги, пораженная его красотой.

Два солдата-красноармейца въ кожаныхъ, рваныхъ шинеляхъ нагоняли ихъ.

— Глянь, товарищъ, сколько золота на куполахъ, — сказалъ одинъ.

— Достать трудно. Это лѣса нужно ставить. Листы отдирать. Одной работы сколько!

— А зачиво не отодрать. Оно безъ пользы. А народъ прокормить можно. Внѣшторгъ живо разбазарилъ-бы. Глянь, а намъ пайку прибавка. А то главное, что такъ... Зря... Безо всякой пользы.

И они обогнали Липочку и Машу, не поглядѣвъ на нихъ.

Въ углу сквера сохранилась скамейка. Вѣтеръ сорвалъ послѣдніе листья съ кустовъ, качалъ голыми прутьями и свистѣлъ въ нихъ. Подъ скамейкой намело снѣга по щиколотку. Порядъ глазами дивный въ своихъ величавыхъ пропорціяхъ стоялъ бѣлый соборъ. Золотыя надписи вились надъ дверями. Купола въ вихряхъ тучъ казались нѣжнѣе, божественнѣе и величавѣе. Они какъ-бы подчеркивали величіе Бога надъ природою. Маленькимъ, расшитымъ, надушеннымъ платочкомъ Маша смахнула снѣгъ со скамейки и усадила мать. Сама сѣла рядомъ. Ленина кофточка была ей узка и не сходилась на груди. Пуговицы были застегнуты черезъ двѣ, и въ отверстія торчала легкая шелковая блуза. Маша сняла съ головы платокъ, укутала имъ свои плечи и плечи матери и тѣсно прижалась къ ней. За соборомъ было тише, и только временами набѣгали воздушные вихри, схватывали волосы Маши, играли развившимися прядями и кидали въ нихъ маленькія снѣжинки.

— Мапочка! — сказала Маша и голосъ ея дрожалъ.

Непривычная Липочкѣ ласка послышалась въ немъ.

— Мама, поймите меня и простите. Я не вѣрила въ Бога... И Богъ наказалъ меня... Хотѣла покаяться... Не могу... И въ храмъ идти не могу. Страшно... Я, мама, уже три недѣли, какъ ушла отъ комиссара... Все хотѣла вамъ сказать. И не могла. Боялась огорчить.

— Маша, — сказала Липочка и крѣпко прижала къ себѣ дѣвушку, — Маша, я очень рада, что ты его бросила...

— Не радуйся, мама... Тутъ много... Ахъ, какъ много спелось и посыпалось несчастій и все на мою голову... Мнѣ, мама, комиссаръ сказалъ, что дядя Одя измѣнилъ совѣтской власти и ушелъ къ бѣлымъ. Тетю Наташу за это замучили и она умерла въ пыткахъ.

— Господи! — прошептала Липочка, — Наташа!... Царство ей небесное!... Святая великомученица... Когда же это было?

— Мѣсяцъ тому назадъ. Вотъ, какъ подъ Петербургомъ были бои. Но слушайте дальше. Когда сказалъ мнѣ это комиссаръ ночью, я поругалась съ нимъ. Очень ужъ мнѣ тетю Наташу жалко стало... Да... Поругалась я и ночью ушла отъ него. Куда идти? Пошла къ вамъ. Не хотѣла тебя, мамочка, беспокоить, пошла по парадной лѣстницѣ.

Думала, постучусь. Жильцы меня знают. Я тихонько прошмыгну и лягу къ Еленкѣ. . . Только постучала, сейчасъ и открыли. Не спали жильцы. Пьянство у нихъ шло. Мызгинъ, знаешь, безносый, открылъ мнѣ и прямо въ объятія. Я кричать побоялась. Всѣ они пьяные, какъ звѣри. Думаю, закричу, всѣхъ убьютъ. И тебя и папу. Отбиваюсь отъ него. Другіе напали тоже. Повалили на полъ. . . Ну и Мызгинъ. . . Я, мама, понимаю, что это значить. На другой день къ доктору. Какъ будто ничего. . . А вчера и случилось. Я все отъ комиссара скрывалась, говорила, другимъ больна, а больше нельзя стало скрываться. Комиссаръ разсердился. Ты думаешь на Мызгина? . . . Нѣтъ. . . Онъ ихъ бонсея. На меня. . . Я во всемъ виновата оказалась. . . Mamочka! Кричалъ, грозилъ довести, что дядя Федя у насъ скрывался и тети Наташа лѣтомъ жила съ нами. Mamочka! Что-же это? Ты понимаешь что нибудь? Mamочka! Я навѣки больная. Спасибо, докторъ пожалѣлъ меня. . . Даромъ лечить. . . Утѣшалъ. . . Говорилъ: — теперь полъ Россіи такіа, какъ вы. Мама! да мнѣ-то легче? . . . Всю жизнь съ мазями возиться. . . Пакость какая! . . Mamочka, извелась я. . . измучилась. Хотѣла въ церковь ийти Богу покаяться. Да какъ Богу-то такое скажешь. Да и есть ли Богъ? . . . Ахъ, мама! Не вѣрила я никогда въ Бога. И комиссаръ говорилъ: — Бога придумали. А какъ же безъ Бога? Значить, когда смерть, — и ничего. Ни души — ни загробной жизни. Мамуля, родная. . . Я и думала: — жить, жить, танцевать, ѣсть, пить, смѣяться, по театрамъ ходить. . . А тутъ все это мимо. Больная я. Навѣкъ поганая. . . Паршивая, какъ Ленинъ. Мама, что же ты скажешь? Ну скажи же что-нибудь.

Иппочка крѣпко прижала къ себѣ Машу, грѣла своимъ дыханьемъ ея заледенѣлыя щеки. Что она могла сказать? Вся Россія такая несчастная, сифилитикомъ изнасилованная, голодная, холодная, оборванная въ смертельной тоскѣ простирается, ищетъ Бога и не находитъ его. Всѣми отвергнутая, всѣми оттолкнутая, въ самомъ смрадномъ, свалочномъ грѣхѣ погрязшая, позабывшая долгъ, совѣсть и честь, валяется она, никому не нужная. Что ужъ Маша! А Наташа? А Ипполитъ? А сынъ Венедиктъ? А сынъ Федоръ? Ужасъ одинъ, кошмаръ непрерывный, и никакимъ толчкомъ не проснешься, никакъ не избудешь, не сбросишь страшное

сновидѣніе. Кому же жаловаться? Кому сказать, что сифилитикъ и сумасшедшій правитъ Россіей и все разрушилъ? Пусто кругомъ. Только у Бога правда. А Богъ ушелъ. Или и вовсе никогда не было Бога! Ни понять, ни простить невозможно этого, и нечего ей сказать милой Машѣ, такой жалкой, такой несчастной. Нигдѣ никогда небывало такого ужаса, да и быть не можетъ подобнаго. И только Русь можетъ все это снести и стерпѣть.

Молчала Липочка. Только крѣпче прижимала тонкое, трелеущееся мелкою дрожью тѣло своей дочери, и гладила ей маленькія руки, затянутыя въ кофейнаго цвѣта перчатки.

— Тоска, мама. Тоска необъятная у меня на сердцѣ. И не снести мнѣ ся. Покаралъ меня Богъ. Значить, есть онъ гдѣ-то. И просить прощенья не хочу. Знаю, и онъ не пойметъ, не проститъ нашей страшной жизни!

Плакали обѣ. Смотрѣли вверхъ на купола. И казалось имъ, что не тучи неслись мимо куполовъ, а купола плыли по небу, наклонялись и хотѣли упасть.

Застывшія, околѣнѣлыя шли домой вечеромъ. Мимо смрадной вони Скачкова, мимо разореннаго Чичкина, по безумной Москвѣ.

Не было словъ оправданія. Не было словъ утѣшенія. Обѣ молчали.

XIII.

Ночью, въ отхожемъ мѣстѣ, на сахарной веревкѣ, сложенной вдвое, повѣсилась Маша. Висѣла, маленькая, жалкая на вытянутой посинѣвшей шейкѣ, подогнувъ стройныя ножки въ шелковыхъ чулкахъ со стрѣлкой и въ мокрыхъ, непросохшихъ еще башмакахъ.

Отпѣвали ее въ кладбищенской церкви, куда отвезъ ее на ручныхъ санкахъ Венедиктъ Венедиктовичъ, безъ гроба, завернутую въ старый Лизинъ семейный пуховой платокъ. Липочка хотѣла похоронить ее рядомъ съ могилой сына Федора, но кладбищенскій комитетъ отвелъ ей могилу въ концѣ кладбища, гдѣ была близка вода. Торопливо читалъ молитвы священникъ съ сухимъ, безстрастнымъ, точно мертвымъ лицомъ. Могильщики ругались скверными словами за то, что ихъ задерживаютъ. Андрей стоялъ и тупо смотрѣлъ на завернутую съ головою фигуру, страшную, неподвиж-

ную и не могъ понять, что это была его сестра. Лена стояла въ шубкѣ и шлянкѣ шениллы и рядомъ съ нею Машинъ комиссаръ шептала ей что-то, отъ чего разгорались покраснѣвшія на морозѣ щеки и блестяли ея, похожіе на глаза сестры сѣрые глаза.

Ночью Липочка лежала въ кухнѣ на своей постели, у стѣны, противъ печки и не могла заснуть. Длинной чередой шли мысли, тянулись воспоминанія слышаннаго и все сводилось къ одному: «наша несчастная земля полна чудесъ, явленныхъ Господомъ... Богъ спасетъ Русскую землю... У Бога ея сынъ Венедиктъ, у Бога и Ѳеодоръ, у Бога кроткая Наташа и жалкая Маша, у Бога Ипполитъ и святая мамочка. И она, мамочка, все расскажетъ Богу и всѣхъ ихъ, непримиримыхъ, примирить.»

И это будетъ такъ, потому что были чудеса. О чудесахъ этихъ говорила вся Москва.

Старый кладбищенскій сторожъ рассказывалъ Липочкѣ: разоряли въ Воронежѣ городъ раку прендобнаго Митрофанія, святителя Воронежскаго и защитника города отъ злыхъ. Ночью святотатственное дѣло свое дѣлали, потому что днемъ боялись народа. Въ церкви стоялъ большой нарядъ латышей при сфицерѣ, суетились комиссары, возились слесари и плотники. Освѣщена была только рака прендобнаго. Въ храмѣ лишь тускло мигали въ темнотѣ синими и малиновыми огоньками неугасимыя лампы. У царскихъ вратъ, высоко наверху, чуть свѣтился лампадный огонекъ и отъ него намѣчались, точно висѣли въ воздухѣ, края большого образа — тайная вечеря Христа. Рамка была видна золотая, да ноги Христа.

Когда сняли стеклянный футляръ и коснулись покрововъ святителя, свѣтомъ огненнымъ вдругъ озарилась вся церковь. Засіяли тысячею огней паникадила у Христа и Богоматери, у ангеловъ-хранителей, растворились безшумно золотыя врата у алтаря и въ полномъ облаченіи появился святой Митрофаній Воронежскій, окруженный синклитомъ духовенства. Невидимый хоръ пропѣлъ ликующими головами:

— Благословенъ грядый во имя Господне.

И откликнулись съ высоты ангельскіе лики: —

— Исполла эти деснота!..

Приказалъ комиссаръ стрѣлять по святителю. Грянулъ въ соборномъ храмѣ красноармейскій залпъ, тяжкимъ роко-чушимъ эхомъ отдався о выступы стѣнъ, о колонны, гуломъ прокатился по куполамъ, пролетѣлъ громовыми раскатами надъ вѣтмъ Воронежемъ городомъ, и попадали красноармейцы, перераненные своими же пулями. Пули отдались о видѣніе и вернулись къ стрѣлявшимъ. А видѣніе медленно исчезло. Потухли огни, въ сумракъ погрузился соборъ. Слышались въ немъ лишь крики и стоны раненыхъ. Поутру нашли ихъ подлѣ раки. Повезли по больницамъ и запретили рассказывать.

— Да, правду-то, матушка, — говорилъ старый сторожъ, развѣ ее утаишь? Молячкомъ, да тишкомъ, перелѣсками темными, оврагами глубокими, по деревнямъ и селамъ православнымъ бѣжить эта правда. На всякій ротокъ не накинешь платокъ. Не замолчишь Божью правду. Неприкосновенны, непоруганны остались мощи святителя Митрофанія.

Какъ-бы видѣла это видѣніе Липочка, видѣла милость Господню, видѣла и гнѣвъ Господа, молилась и надѣялась.

Еще вспомнила она, какъ одинъ старый профессоръ, другъ ея отца, пріѣхавшій въ Москву изъ Кіева, рассказывалъ про помѣщика Черниговской губерніи Лѣсоводова. Жилъ тотъ помѣщикъ съ женой и родственницей, старой дѣвой, въ небольшомъ домикѣ подлѣ усадьбы. Отношенія съ крестьянами были хорошія и крестьяне не мѣшали ему работать на усадебной землѣ. Когда узнали на селѣ, примыкавшемъ къ усадьбѣ, что коммунисты будутъ грабить церкви, священникъ съ дьячкомъ перетасили въ усадьбу все, что могли, принесли антиминсъ и въ гостинной устроили часовню. Священникъ поселился съ Лѣсоводовымъ и по утрамъ служилъ въ этой новой церкви обѣдни. Коммунисты рѣшили убить Лѣсоводовыхъ и священника и подговорили одного изъ мѣстныхъ парней помочь имъ напасть на усадьбу ночью въ распахъ.

— Когда ложатся спать буржуи? — спросили они у жителей.

— Якъ стемніе — вогню не свѣтять. Вірно спять.

Какъ стемнѣло, пошли съ проводникомъ. Подошли. Въ окошкѣ свѣтъ. Видать на занавѣскѣ тѣни. Много людей.

Ты говорилъ: они огней не зажигаютъ.

— Николи не світили. Що це таке скоїлось? Та вже-жъ скоро погасять. Почекаймо трошку.

Подождали. Наконєць, огни погасли. Видно, полегли спать.

— Ну, ходимъ.

Только пошли — колотушка раздалась.

— Ты-же, паря, говорилъ: никто ихъ не охраняеть?

— Та ни-жъ, не стереже. Не знаю, що це сегодня робыться.

И видять: идетъ старикъ, нязкій, приземистый, а крѣпкій, въ тулупѣ и въ валенкахъ.

— И чоловіка такого у нихъ не було, — прошепталъ проводникъ. — Тай одежда на ёму не тутошня.

И напалъ на нихъ необъяснимый страхъ.

— Идемте, товарищи, завтра придемъ. Завтра всѣхъ норѣшимъ.

Проводникъ пришелъ домой, легъ спать. Утромъ проснулся: — лихо на него напало.

Не можетъ спину разогнуть, совсѣмъ разнедужился. Поввалъ жену.

— Жинко, — говоритъ — пришла година помирать. Посылай, жинка, за попомъ.

Тронула жена его за голову, — какъ въ огнѣ горить. Помираеть человѣкъ. Побѣжала въ усадьбу, все рассказала священнику.

— Ничего, — говоритъ батюшка, — пусть лежитъ. Я отелужу молебень о здравіи, а какъ полегчаетъ, пусть придетъ въ церковь, исповѣдаться.

На третій день полегчало мужику. Пошелъ онъ въ церковь. Какъ поднялся на крыльцо, глянулъ въ залу и свалился безъ чувствъ. Когда привели его въ сознаніе — указалъ онъ на большой образъ св. Серафима Саровскаго, висѣвшій у дверей, такъ какъ не могли его пронести въ залу, слишкомъ великъ онъ былъ, и сказали:

— Оце тій самый ночній сторожъ, що тоді ходивъ та довбичемъ келотивъ.

Оставили въ покоѣ Лѣсоводовыхъ и ихъ церковь.

Еще, когда Липочка стояла въ очереди за воблой, одна полька рассказывала ей.

Изъ Бельгiи прiѣхала въ Римъ большая делегацiя студентовъ католиковъ представиться папѣ. При прiемѣ въ Ватиканѣ присутствовалъ полякъ изъ Варшавы — Панъ Бжозовскій.

Вдругъ открылись двери святѣйшихъ покоевъ и изъ нихъ вышелъ папа Пiй X, умершiй во время великой войны и почитавшiйся католиками святымъ.

Студенты въ страшномъ смятенiи склонили головы. Видѣнiе благословило ихъ и сказало, яснымъ, отчетливымъ голосомъ: «*Estote boni animo. Nolite turbare. Fidem habete. Anno milesimo nongentesimo vicesimo quinto cristianitas triumphabit in toto mundo. Estote instantes, laborate et orate et sperate... Jesus Christus vos non relinquet.*»¹⁾

Видѣнiе прошло черезъ весь залъ и скрылось въ противоположныхъ дверяхъ.

Развѣ не чудо, что сама Липочка по латыни помнитъ слова папы. Когда учила она латынь? Давно... На курсахъ и учила кое-какъ. И полька слова папы сказала по латыни:

Почему?.. Да потому, что чудо. Святыя слова? Такъ все и будетъ!

Еще говорила полька, что потомъ вышелъ настоящiй папа Пiй XI (Ратти) и сказалъ, что ему часто является покойный папа и даетъ ему совѣты.

Лежала Липочка на холодной, сбитой, жесткой постели и не могла заснуть. Вспоминала эти рассказы и думала: «Чудеса творятся на землѣ. Мертвые воскресаютъ и являются людямъ. Слышны пророческiе голоса, близка милость Господня къ намъ!

А когда Онъ помилуетъ, и кого помилуетъ, развѣ узнаешь».

Хотѣла молиться и не могла. Шуршали прусаки по стѣнамъ. Тоже голодные стали, хлѣба искали. Тревожно спала Лена, ворочалась на постели. Звала Липочку: «Мама, мама!».. А когда отзывалась Липочка: --

— Что тебѣ, Лена?

Молчала Лена... Успокаивалась и тихо дышала. Два раза становилась Липочка на колѣни. Хотѣла хоть «Отче нашъ» прочитать, повернувшись къ окну. Иконъ не было.

¹⁾ Не беспокойтесь... Не тревожьтесь... Вѣруйте... Въ 1925-омъ году христіанство восторжествуетъ во всемъ мiрѣ... Будьте тверды, работайте. Молитесь и надѣйтесь. Христосъ не оставитъ васъ.

Жильцы коммунисты потребовали, чтобы «боговъ» убрали.

Не перечилъ имъ Венедиктъ Венедиктовичъ. Снять иконы. Въ корридорѣ ихъ подъ половицей запрятали. Станетъ Липочка на колѣни и все ей представляется Маша, висящая на веревкѣ, видитъ она тонкую шею и грустное не живое лицо. И станетъ страшно. Не идти на умъ святыя слова.

XIV.

Недѣлю спустя послѣ похоронъ Маши, Лена вернулась домой часовъ въ десять утра. Не ночевала дома. Подошла къ своей постели и стала сворачивать одѣяло и подушки. А сама красная, возбужденная, все смѣется неровнымъ короткимъ смѣшкомъ и руки трясутся: не слушаются ея. Въ ушахъ сережки бирюзовыя, окруженные брилліантками. Узнала эти сережки Липочка. Маша носила ихъ, когда жила съ комиссаромъ. Больно стало Липочкѣ. Упало ея сердце низко. Чувствуетъ Липочка, какъ на самомъ днѣ души колотится оно быстро, быстро.

— Ты что-же, Лена?

И хочетъ Липочка строго спросить у дочери, почему не ночевала дома. И боится Лены.

— Что мама? — сухо отвѣчается Лена и колючимъ, жесткимъ взглядомъ смотритъ на Липочку. Не видно души христіанской въ сѣрыхъ, большихъ глазахъ Лены, въ красныхъ точно заплаканныхъ вѣкахъ. Ненависть горитъ въ нихъ. Ко всему міру ненависть. И къ матери тоже.

— Гдѣ-же ты, Лена, ночь провела? — не смѣло спросила Липочка.

— А вамъ какое дѣло, мама?

— Какъ какое дѣло! Мать я тебѣ, Лена.

— Нынче матерей нѣтъ. Семьи нѣтъ, — сказала Лена, и, свернувъ въ простыню постель, добавила порывисто:

— Ну... Я ухожу, мама... Не хочу съ вами въ голодѣ жить, въ вони задыхаться. Съ вами послѣднюю красоту потеряешь.

— Куда-же ты, Лена?

— Не ваше дѣло, мама...

Встала и ушла, не простившись. Догадалась Липочка, что къ Машинному комиссару ушла Леночка. «Сестра родная!», — подумала. . . И не ужаснулась. Привыкла, что теперь нечему ужасаться, потому что сняты все замки и печати, сняты все запрещенія и все позволено.

Стала Липочка молиться. Стала ходить въ маленькую, точно въ землю вросшую, старую церковь, часами стоять на колѣняхъ у ободренныхъ, со снятыми окладами, темныхъ старинныхъ иконъ. Непривычно суровы и уродливы казались иконы. Лики были темные, выцвѣтшіе, вѣка затемнили ихъ краску, а одѣянія, скрытыя отъ свѣта окладами, блистали пожухлой краской. Пестрота была въ иконахъ и казалась она неприличной. Трудно было молиться. Не знала, о чемъ молиться. Не смѣла просить Бога, чтобы все воскресли, — и милая, святая мамочка, и Наташа, и Оедя, и Дика, и несчастная Маша. Знала, что этого не будетъ. Вспоминала, какъ обижала Наташу, какъ наставляла, чтобы Оедоръ Михайловичъ пошелъ служить въ красную армію. Въ жаръ бросало Липочку отъ этихъ воспоминаній. «Я виновата во всемъ» — думала она. . . «Я! Я не боролась, не противилась, плыла по теченію. . . Да гдѣ ужъ мнѣ бороться! Господи! Я же вѣдь слабая! Я же немощная. Я же убогая! Пришли они. Прикрикнули, наорали. . . Къ стѣнкѣ! Въ расходѣ! . . Въ тюрьму! Господи! что же я-то могу. Ужъ какъ стѣснили меня. Прислуга у мамочки такъ не жила, какъ мы живемъ. Прислуга у мамочки всегда сыта бывала. Что мы, то и она ѣла. Мы широги и она широги. . . А мы теперь картофельную шелуху. Вчера селедку дали, а въ селедкѣ черви. . . Развѣ было такъ раньше. . . Господи! И опять я грѣшу. . . Все ропщу. Господи! Не могу не роптать на Тебя! Возмущенъ духъ мой противъ Тебя. Что же Ты дѣлаешь, Господи? Церковь Твою святую, православную, единую, чистую уничтожаютъ. Государя убили, семью развалили и нѣту ни мира, ни спокойствія на землѣ. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Такъ вѣдь, когда на земли ни мира, ни въ человѣцѣхъ благоволенія нѣтъ, — нѣту, Господи, и Тебѣ славы въ вышнихъ! Прости меня, Господи! Богохульствую я, да ужъ больно придавилъ Ты меня несчастіями. И нѣтъ мнѣ силы больше терпѣть». . .

Падала на полъ, билась лбомъ о холодныя каменные плиты и шентала:

— При царѣ Иванѣ строили эту церковь. При царѣ Иванѣ клали эти плиты. А и тогда было лучше. Надругались надъ церковью царь Иванъ съ опричниками своими, съ Малютою, съ Басмановымъ, да съ Аюнькою Вяземскимъ. . . А устояла . . . устоитъ и теперь. . . А мы-то! Мы-то погибнемъ, мы не увидимъ. . .

И шептала она:

— Верни Государя на престолъ Московскій. Верни правду на землю Русскую. . . Воскреси Русь. Воскреси моихъ дѣтей. . . Ну хоть Лену верни отъ разврата. . .

Ну хоть хлѣбушка мнѣ подай, Христа ради! Какъ милостыньку нищенкѣ. . . Господи! Господи! Силы нѣтъ! Ибру теряю. . . Ну хоть смерть мнѣ пошли!

Возвращалась домой. Сидѣли въ темнотѣ съ Венедиктомъ Венедиктовичемъ и молчали.

Не о чемъ было говорить.

XV.

Въ началѣ декабря Венедиктъ Венедиктовичъ пошелъ на службу и не вернулся. Прислалъ почтальона съ запиской Липочкѣ. Просилъ принести постельное бѣлье и собрать какую-нибудь посуду.

«Арестовали меня и отправляютъ въ Бутырскую тюрьму. Я полагаю, одно чистое недоразумѣніе».

Липочка помчалась въ тюрьму. Сутки таскалась по канцеляріямъ и по комиссарамъ, вымаливая и добиваясь свиданія съ мужемъ. Грубый Ляхинъ издѣвался надъ нею, его помощникъ Каринкевичъ ядовито допрашивалъ ее, но свиданіе допустили.

— Да, вы, товарищъ, — сказали ей Ляхинъ, — напрасно беспокоитесь. Лисенко взять по недоразумѣнію. Намъ видна птица по полету. Онъ ни эсъ-эръ, ни сановникъ. Кто-нибудь оболгалъ его. Чека разберетъ и выпустить. А здѣсь посидѣть, право, не худо. Тутъ у насъ министры сидѣли, и генералы, флигель-адъютанты здѣсь были. Возьмите, Макаровъ министръ у насъ сидѣлъ, генералъ Татищевъ, министръ Кутлеръ, Самаринъ, оберъ-прокуроръ, общественные дѣятели. . . Что вашъ мужъ! . . Почтовый чиновникъ и присланъ безъ обвиненія. Не волнуйтесь, товарищъ.

Самъ Венедиктъ Венедиктовичъ тоже былъ спокоенъ.

— Отлично это, Липочка, что принесла мнѣ все. А то вчера спать было нехорошо. Спасибо, батюшка одинъ свое пальто одолжилъ, а то холодно очень въ камерѣ.

— Какъ-же, Дика, тебя взяли?

— Вотъ нелѣпца-то вышла. И не понимаю, какъ. Взяли все наше отдѣленіе. Допросили. Всѣхъ выпустили, а меня оставили. Я спрашиваю: въ чемъ же меня обвиняютъ? — Мнѣ отвѣтили: послѣ узнаете. Вотъ и жду. Тутъ, говорятъ, мѣсяцами ждутъ. Ничего. Граціозно это все вышло.

Для Липочки наступило тяжелое, заботное время. Надо было выискивать средства, просить, вымаливать пайки, продавать послѣдніе остатки имущества, чтобы устроить Венедикту Венедиктовичу «передачу», принести ему бѣлую булку, кусокъ варенаго мяса, щепотку чая, восьмушку табаку. Нужны были деньги на подкупъ стражи, чтобы позволили свиданіе.

Самъ Венедиктъ Венедиктовичъ бодрости не терялъ. И хотя прошло уже три недѣли, а его не вызывали для допроса, онъ былъ спокоенъ.

— Что мнѣ, родная моя Липочка, можетъ быть? Ни въ чемъ я не виноватъ. Притомъ же я самъ видѣлъ отмѣтку на моемъ листѣ: — «пролетарскаго происхожденія», а это все равно, какъ въ старину написали бы: князь, или графъ что-ли. Живу тутъ въ тюрьмѣ. Да и тамъ развѣ не та-же тюрьма была? Вся Россія, Липочка, теперь одна тюрьма. Богъ дастъ, скоро и выпустятъ.

Липочка выбивалась изъ силъ. Когда ложилась вечеромъ на холодной кухнѣ, поужинавъ съ Андреемъ, не спала. Мучилъ голодъ. Получаемый паекъ дѣлила сначала пополамъ и половину отдавала Андрею, а оставшуюся половину снова рѣзала на три части, двѣ заворачивала для Дики и одну треть съѣдала. И была эта треть, какъ кусочекъ хлѣба, что даютъ послѣ Причастія.

Кожа да кости остались отъ Липочки. Но о себѣ она не думала. Въ ней вдругъ проснулась страшная сила самопожертвованія. По утрамъ она рылась въ старыхъ тряпкахъ, отбирала, что продать, а потомъ шла на Сухаревку и тамъ толкалась среди торговцевъ и торговокъ, спорила, бранилась, продавая тряпье и тутъ же покупая что-нибудь для Дики.

По ночамъ ей снились миллионы. Она покупала гусей и жарила ихъ для Дики. Просыпалась и въ полусознаніи думала: «вотъ бы Дикѣ баночку свѣжей икры отъ Баранова принести и горячій Филипповскій калачъ... И еще любить онъ анисовую водку.» А когда отходила совсѣмъ отъ сна, соображала, что это невозможно.

Венедиктъ Венедиктовичъ сталъ ей культомъ, ея религіей. За нимъ она забыла все свои горести и думала только о немъ. Ей казалось, что никогда никого она такъ не любила. Онъ ей рисовался несчастнымъ, святымъ, любящимъ, кроткимъ. За него она охотно пошла бы на смерть.

Подъ Крещенье, утромъ, шла радостная и возбужденная въ Бутырки. Кто-то сказалъ ей, что 9-го января будетъ амнистія и ея Венедикта Венедиктовича навѣрное выпустятъ. Наканунъ ей удалось продать за большіе деньги маленькіе бирюзовые сережки, что подарилъ ей отецъ на Пасху, когда ей было пятнадцать лѣтъ. Она берегла ихъ, какъ память. Она купила большую бѣлую булку, фунтъ табаку, сахаръ и чай и шла, мечтая, какъ она обрадуетъ Дикю и своимъ подаркомъ и извѣстіемъ, что еще четыре дня и они опять будутъ вмѣстѣ. На ея сердцѣ была тихая радость. По свѣтло-синему небу плыли розовыя облака. Солнце ярко свѣтило и морозъ былъ несильный. Лишній свѣтъ набивался къ чулкамъ черезъ рваныя подошвы, но это были такіе пустяки. Липочка къ этому уже привыкла.

Въ караулѣ усатый, старый красноармеецъ въ рваной шинели, долго вертелъ записку и крутилъ головою. Потомъ ушелъ, вернулся и сказалъ коротко.

— Нѣтъ такого.

— Какъ нѣтъ? — сказала Липочка. — Я была на прошлой недѣлѣ.

— Пожалуйте въ канцелярію.

Липочка покорно пошла со всеми своими свертками по длиннымъ корридорамъ и лѣстницамъ. Замедленіе свѣданія смутило ее, но радость продолжалась, сердце билось усиленно. «Какая нибудь ошибка», думала она. «Новый служитель... Можетъ быть, Дикю перевели въ другую камеру»...

Въ канцеляріи сидѣлъ молодой человѣкъ въ кожаной курткѣ. Въ комнатѣ было жарко нагрѣто, пахло желѣ-

зомъ печки и краской, и была отворена форточка. Морозный легкій паръ входилъ въ нее, стлался къ полу и таялъ у стола.

— Чѣмъ могу служить, товарищъ? — любезно спросилъ молодой человѣкъ.

— Мнѣ разрѣшены свиданія съ мужемъ, Венедиктомъ Венедиктовичемъ Лисенко.

— Ну?

— И меня не пускаютъ.

— Вполнѣ понятно.

— То-есть... почему это понятно?

Кожаная куртка порылась въ грудѣ бумагъ, лежавшихъ на столѣ, и достала листъ. Это было «дознаніе по дѣлу товарища Архипа Лисенко». Внизу длиннаго показанія, написаннаго чужимъ, незнакомымъ почеркомъ, было напечатано: «заключеніе слѣдователя» и каракулями написано: белай расхот.

Липочка въ недоумѣніи посмотрѣла на кожаную куртку.

— Простите, — сказала она, — я не понимаю.

— Это значить, что вашего мужа приговорили къ разстрѣлу.

— Моего мужа зовутъ Венедиктомъ, а не Архипомъ, — дрожая всѣмъ тѣломъ, сказала Липочка.

— Журинскій, — крикнула кожаная куртка, въ сосѣдную комнату, — къ Панкратову кого отправили вчера?

— Венедикта Лисенко изъ почтеля.

Кожаная куртка посмотрѣла на бумагу, изобразила на лицѣ своемъ крайнее недоумѣніе и сказала самымъ любезнымъ тономъ: —

— Простите, товарищъ, тутъ вышло недоразумѣніе. Венедикта Лисенко изъ почтеля разстрѣляли вмѣсто плѣннаго Деникинскаго офицера Архипа Лисенко. Довольно досадное, знаете, недоразумѣніе.

XVI.

Нѣсколько мгновеній Липочка ничего не соображала. Отъ голода и усталости у нея шумѣло въ ушахъ. Она не могла сообразить всей непоправимости происшедшаго. Въ ея головѣ не вмѣщалась мысль, что ея Дики, такого доро-

гого и нѣжно любимого, нѣтъ. Она внимательно, не мигая, смотрѣла на холеное, бритое лицо кожаной куртки. Наконецъ, какая-то мысль промелькнула въ ея глазахъ. Она сдѣлала шагъ впередъ, подошла къ столу, положила на него свои покупки и, опираясь на столъ концами пальцевъ, нагнулась къ лицу кожаной куртки.

— Вы говорите, — отчетливо и громко сказала она, — недоразумѣніе. Какъ-же это такъ можно по недоразумѣнію убить человѣка? Да вы знаете, кого вы убили? Вы убили того, кто во всю свою жизнь никому не сдѣлалъ зла. Кто самъ вышелъ изъ народа и всю жизнь работалъ для народа. Всю жизнь разбиралъ письма, разсылалъ ихъ по трактамъ, всю жизнь думалъ, какъ бы какое мужицкое, неграмотное письмо не пропало, дошло бы по адресу. Онъ никогда никакой политикой не занимался. Онъ служилъ всегда дѣлу, не спрашивая о рабочихъ часахъ, не думая о платѣ. Вы-его убили! Его сынъ убить эсъ-эрами во время усмиренья июльскаго возстанія... Онъ сыномъ своимъ пожертвовалъ для васъ, а вы его убили.

— Сударыня, — сказалъ, вставая, молодой человѣкъ, — я же вамъ сказалъ, что онъ разстрѣлянъ по недоразумѣнію. Ошибка всегда возможна. Намъ самимъ это очень досадно.

— Нѣтъ, такая ошибка никогда не возможна, — съ трясущейся головою сказала Липочка. — Вы не воскресите и не вернете мнѣ его! При царскомъ правительствѣ такой ошибки быть не могло. Тогда казнили, а не убивали.

— Я попрошу васъ, товарищъ, безъ сравненій, — воскликнула кожаная куртка.

Изъ сосѣдней комнаты выглядывали любопытныя лица писцовъ и совѣтскихъ чиновниковъ. Красноармеецъ, приведшій Липочку, топтался у дверей.

— А я вамъ скажу, — звонко повысивъ голосъ, продолжала Липочка, — что незачѣмъ вамъ было браться за власть, когда вы ничего сдѣлать не умѣете. Вы ненавидимы и презираемы всѣми. Вы палачи и убійцы Русскаго народа и вашъ Ленинъ архи-мерзавецъ и подлець...

— Какъ вы смѣете! — забормоталъ молодой человѣкъ. Да вы знаете, что за это вамъ будетъ! Вы оскорбляете народную власть!

--- Оскорбленіе величества! Ха-ха! Слово и дѣло! Ну казните и меня, несчастную, голодную и ватравленную женщину. Вамъ съ такими только и бороться!

— Уб-бир-райтесь вонъ! Пока сами цѣлы! Вонъ! сію же минуту вонъ...

— Что ужъ, гдѣ ужъ, намъ ужъ проповѣдывать. Я говорю правду! Мерзавцы вы всѣ и со своимъ Ленинымъ поганымъ мерзавцы!

— Уберите вонъ ее, товарищи! — взвизгнула кожаная куртка и съ силой черезъ столъ кулакомъ толкнула Липочку въ грудь.

Липочка пошатнулась. Солдатъ подошелъ къ ней и вьялъ ее за локоть.

— Идемъ, — сказалъ онъ. — Все одно не передѣлаешь.

Подталкивая Липочку передъ собою, онъ вывелъ ее въ корридоръ. За ними выбѣжала кожаная куртка. Она была внѣ себя отъ ярости.

— Товарищи! — завопила она, и нѣсколько красноармейцевъ особаго отряда подошли, волоча по каменнымъ плитамъ корридора винтовки. — Выгоните эту безумную женщину за ворота! Чтобы и духу ея здѣсь не было. Она оскорбляла рабоче-крестьянскую власть. Она васъ оскорбляла!

Человѣкъ пять красноармейцевъ окружили Липочку. У нея такъ, что она и замѣтить не успѣла, выхватили ея свертки съ хлѣбомъ и провизіей для Венедикта Венедиктовича. Усталая, разбитая, ничего не видя передъ собою отъ горя и внутренняго волненія, она машинально шла по длинному корридору, толкаемая грубыми людьми.

— Ишь-ты! контръ-революція какая выискалась, — шипѣлъ ей въ уши рослый бѣлобрысый солдатъ съ бѣлымъ, опухшимъ лицомъ и маленькими косыми, желтыми глазами въ бѣлесыхъ противныхъ рѣсницахъ. У него во рту не было зубовъ, какъ у старика, и онъ шепелявилъ. — Въ чемъ душа держится, а туды же, бунты заводить. Прокламации пущать.

Его сосѣдъ, маленькій, плотный, съ круглымъ веснушчатымъ лицомъ, съ полными щеками, бритый, круглолицый, схвативъ ружье на перевѣсъ, подталкивалъ Липочку прикладомъ подъ поясицу и отъ этихъ ударовъ было больно, противно и гнусно, и Липочка, вздрагивая при каждомъ ударѣ, все болѣе теряла сознание.

Съ визгомъ распахнулась на блокъ дверь. Стоявшіе у двери сторожа и служители выбѣжали впередъ на дворъ, чтобы посмотрѣть, что будетъ дальше. Какая-то женщина арестантка въ корридорѣ дикимъ голосомъ кричала: —

— Товарищи! опять женщину бьютъ! Опять насиліе въ тюрьмѣ! Товарищи, протестуйте! Не дайте совершиться беззаконію! . .

Яркій солнечный свѣтъ, игравшій на бѣломъ снѣгу двора миллиономъ искорокъ, ослѣпилъ Липочку. Она увидала ясное небо, хотѣла вдохнуть полной грудью, набрать воздуха, схватилась руками за грудь и безъ чувствъ свалилась на снѣгъ.

Въ корридорѣ тюрьмы, не унимаясь, кричали женщины.

— Мучители! . . Кровопійцы! . . Скоро ли перестанете вы пить нашу кровь! Житья отъ васъ, проклятыхъ, нѣтъ. Мы задыхаемся! . . Кровопійцы! . .

— Товарищи! насъ берутъ силою.

Покрывая женскіе голоса, ревѣлъ чей-то начальнический басъ: —

— Я вамъ покажу! Я съ тебя, стерръ-вы, сшибу спѣсь. Въ карцій упрячу! Лишаю прогулки на недѣлю!

Красноармейцы и служители окружили лежавшую на снѣгу Липочку.

— Что же, товарищи, окачурилась, что ли? Не вынесла нашего красноармейскаго духу?

— Ничего. Отойдетъ. . . Вишь шевелится.

Липочка вдохнула и подняла голову.

— Что съ ей дѣлать? — сказалъ маленькій круглолицый. — Въ больницу что ли нясти?

— Зачиво въ больницу! Нѣтъ такихъ больницовъ, чтобы контръ-революціонеровъ таскать, — сказалъ высокій съ бѣлыми рѣсницами.

— Эва, хлопотъ не оберешься съ ею, — хмуро сказалъ старый смотритель.

— Да и докторъ не приметъ, — добавилъ другой. — Ее кормить надоть. Чуть душа въ тѣлѣ держится.

— А то стукануть ее, — раздумчиво сказалъ круглолицый. — И вся недолга.

Никто ничего не сказалъ. Наступило тяжелое молчаніе. Люди топтались на снѣгу, не зная, что дѣлать съ Липоч-

кой. Она лежала, подогнувъ ноги и положивъ подъ голову руку.

— Стукануть что-ль? — сказалъ круглолицый, берясь руками за цѣвье винтовки, подлѣ штыковой трубки, и сонными глазами оглядывая толпу.

Никто ничего не сказалъ, только сильнѣе вдыхали въ толпѣ.

Круглолицый легкимъ размахомъ винтовки нацѣлилъ угломъ приклада въ високъ Липочки и ударилъ ее по виску. Раздался короткій, глухой стукъ. Липочка дернулась, хватилась руками за голову и застонала.

— Что зря мучаешь! — сказалъ высокій съ бѣлыми рѣсницами. — Бей, какъ слѣдуетъ!

Круглолицый опять такъ же легонько ударилъ, такимъ ударомъ, какъ бьютъ въ крокетъ молоткомъ по шару. И звукъ вышелъ похожій на ударъ по деревянному шару.

Липочка вскрикнула и сѣла на снѣгу.

— А и живуча сука!, — сказалъ бѣлобрысый.

— Бей, скотина, какъ слѣдуетъ. Жива будетъ. Смотри, въ отвѣтъ черезъ нее попадешь!

— Я думалъ, такъ только . . . побеловацца да и пустить, — сказалъ смущенно круглолицый.

— Бей, скотина! — крикнулъ съзади чей-то громкій голосъ.

Круглолицый словчился, изогнулся и тяпнулъ прикладомъ по переносицѣ. Липочка качнулась. Лицо ея залилось кровью, она упала ничкомъ на снѣгъ, дернулась нѣсколько разъ ногами и затихла.

— Воропановъ, — начальническимъ голосомъ распорядился одинъ изъ тюремныхъ сторожей. — Покличь-ка кого изъ ресторановъ уголовныхъ посмирнѣе, отнести женщину въ мертвецкую. А вы, товарищи, снѣгъ разгребите, ишь накровавила сука. Нехорошо! Политическіе на прогулку выйдутъ, увидятъ.

— Пусть видють и понимаютъ, — злобно сказалъ бѣлобрысый, — это имъ не царизмъ, а рабоче-крестьянская власть.

Тѣло Наташи умерло. Ея глаза видѣли въ свѣтломъ видѣніи лѣстницу, ангеловъ и Богоматерь, склонившуюся къ ней и простиравшую руки на встрѣчу. И это было послѣднее, что видѣли ея земные глаза. Они плотно сомкнулись, и тѣло ея, прекрасное и истерзанное, лежало неподвижно на смятыхъ загрязненныхъ простыняхъ. И Наташа уже не чувствовала его. Она не знала, гдѣ оно. Но свое «я» она чувствовала, сначала неясно, какъ бы въ забытіи, потомъ яснѣе.

Въ необъятномъ просторѣ, въ голубомъ эфирѣ, точно колыхалась она, уносимая къ свѣту незримому. Несла съ собою она мысли о землѣ. Не оторвалась еще. Не забыла земли. Знала, что къ Богу несется она, и боялась предстать передъ Нимъ.

«Какъ предстану я, недостойная, грѣховная, земными мыслями и заботами долимая, передъ Господомъ Силъ? Отринетъ онъ меня,» — проносилось въ ея существѣ.

«Какъ явлюсь передъ Христомъ всеблагимъ, недостойная Его, Сына Божія?»

«Какъ покаюсь я Духу Святому, когда не могу позабыть все то, что любила на землѣ?»

И молила увлекавшія ее невидимыя силы: —

— «Дайте мнѣ вновь увидать Божію мать. Человѣкъ она и по человѣчески пойметъ меня. Мать она и пойметъ мои мысли о дѣтяхъ, пойметъ мои скорби и печали. Жена она и не осудитъ женскіе помыслы мои. Дайте мнѣ прильнуть къ ея стопамъ, дайте мнѣ спросить и умолить ее о всѣхъ моихъ близкихъ. Кто-же скажетъ ей о нихъ, какъ не я, жена и мать?» Колыхались эфирныя волны безконечности, сознавала кругомъ себя иныя существа Наташа и не могла оторваться отъ земного безпокойства.

И тутъ ощутила подлѣ себя Богоматерь. Свѣтомъ неописуемымъ, нѣжнымъ и теплымъ прониклось все ея существо. Только тутъ повнала Наташа, что такое истинная доброта и любовь. Поняла, что слушаетъ ее Божія мать, Дѣва непорочная, сирыхъ защитница. Поняла Наташа, что стоитъ передъ нею свѣтлая сила и простретъ руку и остановить смерть и скажетъ — и такъ будетъ.

И склонилась благоговѣнно передъ этимъ свѣтомъ радостнымъ Наташа.

Ощутила она миллионы миллионовъ голосовъ, страстные мольбы людскія, что неслись отовсюду, просили Владычицу, молили Заступницу.

Страшно стало Наташѣ. Какъ ей обременять ее, уже и такъ обремененную столькими мольбами? И молчала Наташа, притаившись въ Свѣтѣ Радости.

Повѣяло благоуханіе лилій, запахъ ландыша коснулся ея, и пахло бѣлою сиренью. Бѣлымъ сталъ свѣтъ, заблесталъ, какъ первый снѣгъ въ голубомъ небѣ.

Услышала она слова, звону арфы подобныя, какъ небесная музыка, какъ журчаніе тихаго ручейка въ лѣсной глуши, какъ пѣніе птицъ раннимъ утромъ въ цвѣтущихъ яблоняхъ:

— Что хочешь отъ меня, жено? Что ищешь? О чемъ скорбишь?

И подумала Наташа: «Что-то мой Ѳеодоръ Михайловичъ? Добрался-ли онъ до спасенія?» И услышала голосъ.

— Мужъ твой много еще свершить долженъ. Кротокъ онъ и смиренъ сердцемъ. Не по волѣ своей погрѣшилъ онъ и долженъ покаяться. И когда покается и когда скажетъ его устами Господь правду свою, тогда разрѣшенъ онъ будетъ отъ земной суеты. Возьметъ его Господь къ себѣ, и соединитесь вы у Престола Господа Силъ и тогда познаете счастье.

«Матушка, Царица Небесная,» — Подумала Наташа, — успокой мою душу. Что съ сыномъ моимъ Свѣтикомъ?

— Много страдалъ сынъ твой Святославъ, — услышала Наташа — Пусть и еще пострадаетъ. Голодъ и холодъ... Оскорбленія и тоску... Страшное разочарованіе во всемъ... Смерть постыдную... Муки самоубійства даны ему Господомъ!..

«Матушка! да за что-же? Чѣмъ прогнѣвилъ мой Свѣтикъ Господа Силъ? Онъ молодой и невинный. Или муки его за меня, или за отца, или за дѣда, или еще за кого?

— Такъ хочетъ Господь.

Склонилась Наташа. Не посмѣла роптать на Господа. Подумала: «Что-же ждетъ моего Игруньку?» — И услышала голосъ:

— Возлюбилъ сынъ твой, Игорь, радости земныя.

Но возрадовался о немъ Господь. Чистъ онъ сердцемъ и отъ любви его счастье людямъ. Показалъ ему Господь весь міръ свой, во всей красѣ. Далъ ему испытъ полную чашу радости. И не дасть Господь ожесточиться его сердцу, не дасть слову осужденія вырваться изъ его души, не дасть печали и тоскѣ овладѣть имъ. Свѣтлый Ангелъ почіетъ надъ нимъ, доколѣ не отзоветъ Ангела къ себѣ Господь.

— «А Олегъ?»

— Благодать Господня на Олегѣ. Блаженни Миротворцы, яко тѣ сынове Божіи нарекутся. Дологъ путь сына твоего Олега. Послужить онъ Господу Силъ и увидить Правду и Справедливость Господню. На немъ почіетъ благословеніе Господа.

— «А Лиза?»

Ничего не отвѣтила Божія Матерь, но пахнуло нѣжнымъ запахомъ розъ, свѣтъ несказанной близости Матери Бога растаялъ и смѣнился инымъ свѣтомъ, нѣжнымъ и тихимъ, и ощутила Наташа ласковую близость иного существа и поняла, что Лиза коснулась ее.

И сейчасъ же за Лизой кто-то робко коснулся Наташи. И услышала она тихое слово: «просги»! Въ приврачномъ свѣтѣ тихо рѣюшемъ ощутила Наташа просящее прикосновеніе и поняла, что Липочка съ Венедиктомъ приблизились къ ней. Робкимъ блаженствомъ дышали ихъ существа.

Въ ликующемъ гимнѣ вознесла Наташа хвалу Господу Силъ и къ ея голосу примкнули новые и новые голоса и стала она узнавать ихъ. . . Ливинъ нѣжный, дѣвичій голосъ, мягкій голосъ ея отца Николая Федоровича и голоса всѣхъ тѣхъ, кого знала, кого любила. Всѣ они были тутъ.

И въ этомъ гимнѣ, тихо паря, стало ея существо сливаться съ небеснымъ эфиромъ, двигаться вмѣстѣ съ другими, дорогими и близкими, подниматься вверхъ къ свѣту незримому, къ Господу Силъ.

И позабыла Наташа всѣ земныя печали, позабыла все, что свершилось на землѣ.

И, позабывъ, стала готовиться къ новому существованію.

Теплый сумракъ окуталъ ее, и забылась она въ сладкомъ небытіи, предвидѣніи иного бытія.

Фортъ «генераль Дельгадо» находился на правомъ берегу рѣки Пилькома на въ глухой «чако», на границѣ Аргентины и Парагвая. На лѣвомъ берегу — Аргентина, на правомъ — Парагвай. Отъ небольшой пристани, гдѣ причалилъ «El Teupfo», тропинка шла навверхъ, гдѣ на зеленомъ холмѣ стояла длинная, одноэтажная казарма, подъ соломенной крышей. Она замыкала вырубленную и расчищенную среди лѣса площадку. Немного пониже стоялъ небольшой домикъ, штабъ поста и канцелярія и еще ниже, у самой рѣки былъ выкопанъ подковообразный окопъ, окруженный высокимъ брустверомъ, накрытымъ накатникомъ и землею.

Красно-бѣло-синій съ коричневой пятиконечной звѣздой — въ вѣнкѣ изъ Парагвайскаго чая флагъ безжизненно висѣлъ на шпигѣ надъ казармой. Одинокая проволока на пальмовомъ стволѣ спускалась къ штабному домику и здѣсь кончалась. Этимъ постомъ замыкался цивилизованный міръ, дальше шли безконечные «чако», перемежаемые «estero», или «belesa de muerte» — «красавицами смерти», живописными лужайками, поросшими прекрасными цвѣтами.

Это были непроходимыя болотныя топи, ужасъ Парагвайской «чако». Нога европейца не проникала въ эти лѣса. Въ нихъ, въ полной отъ вѣка неприкосновенности жили индѣйскія племена «Гвараны» и «Инка».

Пароходъ поджидалъ высокій, смуглый человѣкъ въ широкополой ковбойской шляпѣ и въ рубахѣ съ открытымъ воротомъ, заправленной въ длинные, широкіе штаны.

Прикрывъ ладонью руку, онъ всматривался въ пассажировъ. Увидавъ Монтесъ-де Око, онъ побѣжалъ къ маленькому домику. Сейчасъ-же съ террасы спустился средняго роста офицеръ въ пробковомъ, обтянутомъ бѣлою парусиною шлемѣ съ круглой кокардой и во френчѣ съ глухимъ стоячимъ воротникомъ при ременной амуниціи. На плечахъ были узкіе погоны лейтенанта.

Онъ привѣтливо улыбнулся и протянулъ руку навстрѣчу Монтесъ де Око. Застопорили машину. Спустили сходни. Монтесъ де Око сбѣжалъ на пристань и поздоровался съ лейтенантомъ.

— Лейтенантъ Кусковъ, — представилъ онъ Игруньку.

— Лейтенантъ Мориного, комендантъ поста, — назвался смуглый офицеръ. — Прошу, господа. «Мте» насъ ожидаетъ.

Штабной домикъ была окруженъ грубо сдѣланной террасой.

Кривые столбы изъ стволовъ пальмъ и сучьевъ краснаго желѣзнаго дерева поддерживали деревянную, сложенную изъ мелкихъ досокъ крышу. Виноградъ и пышноцвѣтущая рововымъ цвѣтомъ «Роза Помпонъ» обвивали террасу съ трехъ сторонъ и давали желанную тѣнь.

Небольшой досчатый столъ, ничѣмъ не покрытый и три грубыхъ соломенныхъ стула ждали гостей. Убога была обстановка испанской военной гаціенды, но манила она Игруньку охотничьей прелестью. На кривыхъ, гнущихся подъ ногами доскахъ пола лежали пестрыя шкуры дикихъ ковъ, антилопъ и газелей. Темно-сѣрыя съ серебристымъ отливомъ, оранжево-желтыя въ бѣлыхъ овальныхъ крапинкахъ, буро-черныя съ черными пятнами, скользкимъ ковромъ закрывали они щели пола. И пахло отъ нихъ терпкимъ охотничьимъ запахомъ свѣжаго мѣха. На стѣнѣ между окнами была растянута шкура ягуара. Хитрый рисунокъ черныхъ кольцеобразныхъ пятенъ на красноватомъ мѣху и длинный хвостъ были нарядно пушисты. Подлѣ двери, насторожившись, висѣлъ изящный Маузеръ съ никеллированнымъ затворомъ, въ приборѣ изъ морского американскаго орѣха, и казался онъ здѣсь дѣловымъ и значительнымъ. На столѣ стояли грушевидныя чашки: двѣ выдолбленныя изъ бычачьего рога и одна изъ какого-то темнаго дерева и подлѣ нихъ были положены серебряныя трубочки. Въ чашечкахъ былъ приготовленъ «мте», ковбойскій чай, горькій и невкусный, но освѣжающій и восстанавливающій силы. Отъ деревянной чашечки терпко пахло сандаломъ, серебряная трубочка почернѣла отъ употребленія, но все было такъ оригинально, такъ «по ковбойски» хорошо, а кругомъ были преріи и на сто миль кругомъ не было ни одного европейца. Игрунька съ наслажденіемъ потягивалъ «мте» черезъ трубку, стараясь въ манерахъ подражать своимъ новымъ сослуживцамъ.

— Вы охотникъ? — спросилъ онъ у лейтенанта Мориного.

— Здѣсь нельзя имъ не быть, — отвѣчалъ лейтенантъ.

— Какъ прекрасны, должно быть эти лѣса? — сказала Игрунька.

— Да, но и губительны. Здѣсь лежатъ капиталы на миллионы долларовъ, но достать ихъ невозможно. Каучуковое дерево растетъ здѣсь сплошными лѣсами, но для того, чтобы добраться до него, нужно работать по поясъ въ болотной жижѣ, облѣпленному мухами, и завоевывать каждый шагъ топоромъ. Съ уничтоженіемъ рабства негровъ — европейская цивилизація въ южной Америкѣ остановилась.

— Это звучитъ парадоксомъ, — сказалъ Игрунька.

Моринаго не понялъ его. Онъ говорилъ серьезно о дѣлѣ, какъ говорятъ простые люди, далекіе отъ пустой игры словами.

— Нужно много дешеваго людского матеріала, готового умереть за долларъ, чтобы расчищать здѣсь почву, добираться до каучука или раздѣлывать сады и пашни.

Негръ теперь сталъ равноправнымъ. Негръ пропитанъ социалистическими бреднями и его не заставишь работать. Работаютъ индѣйцы, за ромъ и водку, но они плохіе работники. У Аргентины, — кивнулъ на ту сторону желтѣющей внизу Пилькомаи Моринаго, — большія надежды на бѣлыхъ рабовъ-Русскихъ. Имъ, говорятъ, некуда дѣваться, и они остались въ мірѣ безправными, какъ рабы.

— Это временное, — вспыхнувъ сказалъ Игрунька. — Большевизмъ скоро будетъ сброшенъ. И мы опять станемъ тѣмъ, чѣмъ были: любимыми и уважаемыми членами народной семьи.

Ковбой въ неопрятной рубахѣ, съ растегнутымъ на черной волосотой груди воротомъ, подалъ жареную въ кокосовомъ маслѣ антилопу и принесъ бутылку рома и стаканы.

Моринаго раскурилъ тоненькую сигарку, разложилъ куски мяса по оловяннымъ тарелкамъ, налилъ пахучій ромъ по стаканамъ и сказалъ, попыхивая сизымъ дымкомъ:

— Тутъ на посту у меня три мѣсяца жилъ русскій офицеръ: — el tenente Statoslao Goluvinzew. . .

— Боже мой! — воскликнулъ Игрунька, — да это, вѣроятно, мой товарищъ по Николаевскому училищу Голубинцевъ, донской казакъ! Гдѣ онъ теперь?

— Не знаю! . . Кажется, онъ поѣхалъ надсмотрщикомъ на танинную фабрику въ Puerto Sastre rio Alto Paraguay — онъ тоже мечталъ — *regresa a Rusia, su pais, dentro de poco.*¹⁾ Не такъ скоро, однако. . . Онъ мнѣ много рассказывалъ про вашъ русскій большевизмъ. Тутъ въ Аргентинѣ сто лѣтъ тому назадъ было совершенно тоже.

— Большевики были въ Аргентинѣ? — воскликнулъ Игрунька.

— И еще какъ, — сказалъ, прихлебывая изъ стакана ромъ, Мориного.

— Расскажите Кускову про аргентинскаго краснаго диктатора Хуана Розаса, вы такъ хорошо это рассказываете, — сказалъ лейтенантъ Монтесть де Око.

— Мой дѣдъ юношей сражался противъ *colorados*²⁾. Мы потеряли тамъ все имущество, и мой отецъ, дѣдушка и бабушка бѣжали въ Парагвай, — сказалъ Мориного.

— Вы были Аргентинцемъ? — спросилъ Игрунька.

— Мы все испанцы, — сказалъ Мориного и подлил темнаго, отливающего яснымъ гранатовымъ сокомъ рома въ стаканъ Игрунькѣ. — Сыты-ли вы, мой новый помощникъ? — Я совершенно сытъ. Благодарю васъ. Я жду вашего разсказа. Большевики въ Аргентинѣ! Кто могъ бы думать!? «Въ далекой, внойной Аргентинѣ, гдѣ небо такъ безумно сине. . .» напѣлъ Игрунька.

— Что это такое?

— Ахъ, это танго. Это такая легкая музыка, красивая. Она очень въ модѣ была на югѣ Россіи года два тому назадъ. Я слыхалъ ее въ Ростовѣ. . . «Гдѣ женщины, какъ на картинѣ». Аргентина — страна богачей и большевики! кто могъ думать!

— Это и показываетъ намъ, что социализмъ и капитализмъ два родныхъ, но вѣчно воюющихъ другъ съ другомъ брата, — сказалъ Мориного.

— Но расскажите! Расскажите-же про аргентинскій большевизмъ.

— Сейчасъ принесутъ мороженое, мы разбавимъ его ромомъ и я съ удовольствіемъ расскажу вамъ про страшные годы краснаго диктатора, Калигулы 19 вѣка.

¹⁾ Какъ можно скорѣе вернуться въ Россію, свою Родину.

²⁾ Красныхъ.

Ковбой поставилъ мороженое въ глубокой оловянной чашкѣ, сверкавшее, какъ глыба тающего поздраватаго снѣга. Моринаго разложилъ его по стаканамъ съ ромомъ, отодвинулъ свой стулъ, усялся бокомъ, заложилъ ногу на ногу, разстегнулъ ремень аммуниціи и пуговицы френча.

— Разстегнитесь, господа, — сказалъ онъ. — Расскавъ будетъ длиненъ.

Онъ пыхнулъ сигарой и началъ рассказывать.

XIX.

— Это было, если память не измѣняетъ мнѣ, въ 1829 году, — сказалъ Маринаго и задумался, глядя на гаснущія за густымъ лѣсомъ «чако» дали. Въ вечерней тишинѣ отчетливѣе былъ слышенъ лай обезьянъ и громкіе, настойчивые крики попугаевъ.

Дневной жаръ спадалъ, наступало тепло, воздухъ былъ неподвиженъ, и тихо плескали волны Пилькомаи, набѣгая на густо заросшіе травой и камышами берега.

На миноносцѣ «El Treumfo» звонко пробили склянки. Въ казармѣ стихали голоса солдатъ и таинственная дрема сгущалась надъ лѣсомъ.

— Да, именно... Дѣдъ говорилъ: — въ 1829 году... Въ Аргентинѣ было слабое, безвольное правительство. Было увлеченіе свободами. Такъ недавно по Франціи пронеслась революція, Бонапартизмъ, Наполеонизмъ и отголоски этого нашли откликъ и въ Аргентинѣ. И мистицизму было мѣсто, и въ «вольные каменщики» записывались, и мужи совѣта вмѣсто того, чтобы править, говорили рѣчи, разговаривали, убѣждали, боялись арестовать, посадить въ тюрьму, послать на каторгу. Это были дни идеальныхъ устремленій, мечтаній создать какую-то новую, сладкую жизнь, гдѣ всѣмъ было бы хорошо.

— Маниловщина, — сказалъ Игрунька.

— Что? я не понимаю васъ, — спросилъ Моринаго.

— Простите, что перебилъ васъ. Я вспомнилъ нашего писателя Гоголя, изобразившаго этотъ мягкотѣлый идеализмъ и дававшего его образецъ въ видѣ помѣщика Манилова.

— Да... я не знаю... Не слыхалъ... Только вдругъ на горизонтѣ Аргентины появился нѣкто Хуанъ-Розасъ. Моло-

достъ онъ провелъ въ тюрьмѣ, потомъ жилъ за границей, бывалъ въ Аргентинѣ, какъ вождь полуанархической, полубандитской группы и, гдѣ кончалась проповѣдь коммунизма и анархій и начинались разбой и грабежи и наоборотъ, трудно было опредѣлить. Онъ бы, вѣроятно, такъ всю жизнь и скитался по преріямъ, укрываясь у индѣйцевъ, грабя фермы и почтовые кареты, если бы въ Аргентинѣ не вспыхнула революція. У насъ — улыбнулся Мориного, — въ южно-американскихъ республикахъ, революціи и смѣны правительствъ такъ же часты, какъ весеннія грозы въ горахъ. Мы уже въ школахъ не учимъ именъ президентовъ, потому что это невозможно: — ихъ такъ много. Розасъ воспользовался беспорядками въ Буэносъ-Айресѣ, съ шайкой приверженцевъ захватилъ власть и объявилъ себя «диктаторомъ волею революціи.»

— Совсѣмъ, какъ Ленинъ, — вставилъ Игрунька.

— Да, такъ, мнѣ и el teniente Statoslaо рассказывалъ, было у васъ въ ноябрѣ 1917 года. . . Розасъ объявилъ себя главою революціонеровъ, создателей новой свободной Аргентины, главою «Colorados». Онъ называлъ себя хранителемъ революціоннаго закона, защитникомъ трудящихся массъ, глашатаемъ свободы для всѣхъ униженныхъ и угнетенныхъ. Хорошо былъ повѣшенъ языкъ у этого негодяя и всѣ бездѣльники, рыцари большой дороги, повалили къ нему въ правительство. Аргентинская интеллигенція и остатки стараго правительства удалились въ преріи, не признавъ Розаса. Ихъ партія получила наименованіе бѣлыхъ — «blancos».

— Совсѣмъ, какъ у насъ, — сказалъ Игрунька, — недостаетъ только Петлюровцевъ, Махновцевъ и зеленыхъ.

— Начались невѣроятныя казни. Правленіе Розаса было для Аргентины одною кошмарною ночью, сплошь залитою слезами и кровью. Возстанія, руководимыя интеллигенціей, не прекращались. Интеллигенція гибла на плахѣ при ихъ подавленіи, массами эмигрировала за границу, остатокъ ея голодомъ и силою былъ вынужденъ подчиниться красному диктатору и поступить къ нему на службу. Розасъ окружилъ себя негрскими батальонами, уголовными преступниками, подонками городской черни и полудикими «гаучо-сами», безграмотными полуразбойниками, полупастухами.

— Можно подумать, — скавалъ Игрунька, — что вы рассказываете про Русскій большевизмъ и про Ленина. У насъ тоже китайскіе и латышскіе полки, уголовные преступники, городскіе хулиганы и отбросы, и полудикіе крестьяне, ваятые изъ деревенской молодежи, развращенной послѣдними годами войны.

— Да... Я потому и рассказываю вамъ, что все, что мнѣ рассказывалъ el teniente Stajoslao, казалось мнѣ повтореніемъ рассказа моего дѣда про страшное время Аргентинскаго Калигулы. Всѣ, кто носилъ сапоги и имѣлъ постоянную квартиру, назывались «господами». И «господа» были отданы во власть свиты Розаса. Розасъ приказалъ выжигать «бѣлыхъ» каленымъ желѣзомъ. Независимая печать была задушена. Выпускались только казенныя газеты самого Розаса. Для преслѣдованія «враговъ народа и революціи» повсемѣстно были учреждены революціонные трибуналы, судившіе не на основаніи законовъ, а по революціонной совѣсти. А судьями были каторжники, негры, метисы и бродяги. Да, teniente Кусковъ, исторія повторяется. Осужденныхъ казнили. Для продленія мученій жертвы палачей вооружали тупыми, зазубренными ножами, «чтобы бѣлый чувствовалъ, что его убиваютъ». Впрочемъ въ равныхъ провинціяхъ Аргентины были и различные способы казни. Это зависѣло отъ революціоннаго вкуса и революціонной избрѣтательности. Такъ, комиссаръ провинціи Сантъ-Яго, Ибарра, по профессіи пастухъ, лучший другъ Розаса, обшивалъ осужденныхъ кожей. Осужденныхъ стибали живыми такъ, что голова приходилась къ ногамъ, связывали въ этомъ положеніи, заворачивали въ только что снятую воловью шкуру и оставляли на солнцѣ. Кожа, высыхая, сжималась и медленно ломала на двое осужденнаго. Такой тюкъ съ еще живымъ осужденнымъ привязывали къ хвосту дикаго коня и пускали коня на волю. Женъ и дѣтей blancos брали заложниками, сѣкли и жгли каленымъ желѣзомъ, если революціонеръ убѣгалъ. По всей Аргентинѣ были развѣшены красныя флаги. Ношеніе національнаго Аргентинскаго цвѣта, бѣлаго съ голубымъ, считалось преступленіемъ, достойнымъ казни. Десять лѣтъ борьба шла неорганизованными возстаніями, легко подавляемыми сильной и преданной Розасу красной арміей. Въ 1839 году, аргентинская молодежь

составила, подъ предводительствомъ поэта Эгеварио, тайное общество «Майская Ассоціація». Заговоръ былъ раскрытъ и всѣ участники замучены на смерть. Другое общество «Южная Лига», поднявшее возстаніе, было разбито при Гаскомусѣ. Аргентинскіе патріоты ушли за границу и центромъ ихъ сталъ городъ Монтевидео. Въ 1842 году Марко Абелянедо составилъ «Сѣверную Лигу». Членамъ этого патріотическаго общества удалось поднять возстаніе въ Тукуманѣ, Сальта, Хуху, Катамаркѣ, Риохѣ и Кордовѣ. Возстаніе было подавлено, а Абелянедо отпилили голову. Розасъ правилъ декретами. Количество декретовъ, имъ изданныхъ за долгіе годы его правленія, исчисляется тысячами. Онъ отмѣнилъ религію, онъ приказывалъ насаждать матеріалистическое просвѣщеніе, свободное отъ «клерикальных суевѣрій», онъ создавалъ «революціонный» театръ, отмѣнялъ бракъ и семью. Онъ писалъ декреты о принудительномъ назначеніи женъ и дѣтей blancos для надобностей солдатъ, для очистки нечистотъ, для уборки улицъ и казармъ.

— Можно подумать, — вставилъ Игрунька, — что Ленинъ списывалъ съ Розаса его декреты.

— А можетъ быть, — раздумчиво сказалъ Мориного, — и Розасъ и Ленинъ списываютъ изъ одного и того же источника, намъ неизвѣстнаго.

— Какого? — насторожившись, спросилъ Игрунька.

Мориного не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ, помѣшивая серебряною трубкой ромъ и мороженое въ стаканѣ, и смотрѣлъ въ сумракъ ночи. Надъ просторами дремучаго лѣса парчевымъ пологомъ опускалось темное небо. Луна, рогомъ съ остріями, поднятыми кверху, медленно выплывала изъ-за лѣса и серебрились перистыя вершины пальмъ и вѣтки деревьевъ съ мелкими, блестящими, точно покрытыми лакомъ листочками. Лѣсъ затихъ. Теплая ночь излучала тяжелые и душные ароматы. Лѣсъ стоялъ полный угрозы, насторожившись подъ луною. Ярко, въ разъ, блеснули круглыми глазами иллюминаторы на миноносцѣ и отразились полосами серебрянаго свѣта въ темной водѣ. На «El Treinfinfo» важгли электричество.

Ковбой принесъ на террасу свѣчу въ стеклянномъ лампѣ и обаяніе ночи померкло. Кругомъ все погру-

вилось во мракъ и только луна серебрянымъ рогомъ плыла, ускоряя свой бѣгъ и поднимаясь надъ лѣсомъ.

— Вы спросили меня, охотникъ-ли я? — сказала тихимъ голосомъ лейтенантъ Моринаго. — Я охотникъ потому, что я ненавижу человѣчество. Разказы дѣда въ дѣтствѣ положили на меня печать разочарованія въ людяхъ... Какъ могли люди, зная все это, такъ повторять кровавыя событія. Вашу революцію дѣлала интеллигенція?

— Да.

— Не могла-же она не знать про событія въ Аргентинѣ сто лѣтъ тому назадъ? Чья-то сильная, подлая и мерзкая рука руководитъ человѣчествомъ и человѣчество ей повинуются. Я четвертый годъ живу на этомъ посту и радъ, что я далекъ отъ людей.

XX.

Долго длилось молчаніе. Наконецъ, Игрунька прервалъ его.

— Какъ-же и чѣмъ это все кончилось? — спросилъ онъ.

— Что? — вздрогнувъ, воскликнулъ задумавшійся Моринаго. Онъ точно ушелъ въ какой-то иной міръ и забылъ, о чемъ онъ разсказывалъ.

— Правленіе Розаса въ Аргентинѣ.

— Ахъ, да, — Моринаго всталъ, прошелся по террасѣ и остановился, прислонившись спиною къ столбу. — Кончилось... Все кончается на свѣтѣ. Это, кажется, еще царь Соломонъ сказалъ.

— Кончится и вашъ большевизмъ, — сказалъ лейтенантъ Монтесъ де Око.

— Да, конечно, кончится и вашъ большевизмъ, — повторилъ Моринаго. — Только я бы хотѣлъ, чтобы не такъ благополучно для вашихъ негодяевъ, какъ онъ кончился для Аргентинскихъ. Прощать и миловать ихъ нечего. Видите, Розасъ писалъ о томъ, что пламя Аргентинской революціи освободитъ все народы міра отъ власти «господъ» и задача Аргентинской красной республики стать во главѣ этого широкаго освободительнаго движенія. Народъ вѣрилъ этому. На дѣлѣ все шло по иному. Европейскія державы подвергли Аргентину блокадѣ, сосѣднія государства прекратили съ нею сношенія, потому что подъ управленіемъ Розаса

Аргентинская республика обратилась въ кровавый сумасшедшій домъ. Хозяйство, промышленность и торговля страны были разрушены до основанія. Бумажныя Аргентинскія деньги потеряли цѣнность. Того, что собирали отъ жителей натурой, едва хватало на содержаніе правительства и красной арміи. Населеніе плодороднѣйшей страны вымирало отъ голода. Розасъ всѣми мѣрами добивался кредита отъ иностранныхъ государствъ и признанія своего правительства. Обѣщаніями концессій въ странѣ онъ надѣялся купить ихъ милость. И такъ-же, какъ теперь у васъ, — первую на эти предложенія откликнулась Англія. Бизнѣсъ (business) для нея всегда бизнѣсъ и золото не пахнетъ кровью растерзанныхъ жертвъ. Снаружи страна джентльменовъ — внутри страна торгашей. Наверху нѣсколько пышныхъ львовъ, а подъ ними громадное алчное стадо гіенъ, это было всегда, это осталось и теперь.

Моринаго остановился въ задумчивости.

— Вы, однако, не любите Англіи, — сказалъ Монтесъ де Око.

— Гробъ покрашенный, — какъ сказано въ Евангеліи, внутри же полный костей и всякой мерзости. Алчность массъ, прикрываемая милосердіемъ лордовъ, жестокость и холодное звѣрство. Они завели теперь сношенія съ Русскими коммунистами. Тогда они заключили торговый договоръ съ Розасомъ. Въ тѣ годы лицемѣріе Англіи не имѣло предѣловъ. Въ англійскихъ газетахъ писали: — «когда къ намъ въ лавку приходитъ покупатель, мы не просимъ у него доказательствъ, что онъ не бьетъ своей жены». «Мы не имѣемъ права вмѣшиваться въ внутреннія дѣла чужого государства,» писали тѣ самыя газеты, которые открывали подписку для сбора денегъ на помощь отрядамъ итальянскаго революціонера Гарибальди.

— Видно, одно возставать противъ королевской власти, а другое бороться съ проходимцами, вышедшими изъ толпы, — сказалъ Монтесъ де Око.

— Впрочемъ, — продолжалъ свой разсказъ Моринаго, — и своя печать не отставала отъ англійской въ восхваленіи кровавого диктатора. Его называли «краснымъ преобразователемъ міра», «блустителемъ революціонной совѣсти»,

писали, что его власть «тверда какъ скала», что народъ любить «своего» Розаса, и что безчисленные возстанія это дѣло рукъ бѣлыхъ изъ Монтевидео. Чтобы развратить эмигрантовъ, Розасъ заводитъ тамъ большую газету «Diario». Эта газета проповѣдывала среди Аргентинской эмиграціи возвращеніе домой, признаніе краснаго правительства и покаяніе. Лъстецы или «adulatores» расхваливали въ этой газетѣ Розаса, рисуя его убѣжденнымъ гуманистомъ, антимилиитаристомъ и защитникомъ «народа». Они оправдывали терроръ, указывая на то, что Розасъ, какъ народный диктаторъ, долженъ быть безпощаденъ съ врагами народа. «Embusteros» или врали, — списывали процвѣтаніе и богатство Аргентины подъ управленіемъ Розаса. «Alcahuetas» или сводни развѣзжали по сосѣднимъ странамъ, сманивая и покупая приверженцевъ Розасу. И такъ продолжалось болѣе двадцати лѣтъ. Мой дѣдъ родился въ дни царствованія кроваваго диктатора и выросъ при немъ и въ ненависти къ нему. Въ 1852 году возстаніе началось въ красной арміи. Нѣсколько красныхъ полковъ объединились около военнаго помощника Розаса, генерала Хосе Уркиса. Народъ примкнулъ къ возставшимъ. Толпы молодежи стремились въ ряды blancos, въ ихъ числѣ былъ и мой восемнадцатилѣтній дѣдъ. Красныя части стали переходить на сторону возставшихъ, дружно поддержанныхъ эмиграціей. 2-го февраля 1852 года въ Буэносъ-Айресскихъ газетахъ писали, что правительство быстро справится съ «бѣлыми бандами» и жестоко расправится съ «врагами народа», а 3-го февраля войска Розаса были разбиты генераломъ Уркисомъ. Розасъ со своими министрами сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ Англію, гдѣ спустя много лѣтъ умеръ въ сказочной роскоши, созданной на награбленные и заблаговременно переведенныя въ Англію деньги. 15-го февраля армія генерала Уркиса вступила въ Буэносъ-Айресъ. Мой дѣдъ рассказывалъ, какъ у него дрожало сердце отъ восторга и градомъ текли слезы при видѣ ликовація освобожденнаго народа. Ихъ осыпали цвѣтами, они были окружены самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Женщины и дѣвушки цѣловали стремяна всадниковъ и руки пѣхотинцевъ. Тогда и женился мой дѣдъ на влюбившейся въ него дѣвушкѣ испанкѣ. Англія первая признала правительство генерала Уркиса.

— Но почему-же, — вставая, въ волненіи воскликнулъ Игрунька — Уркись не потребоваль отъ Англіи выдачи Розаса и награбленнаго имущества и не учинилъ надъ нимъ настоящаго народнаго суда?

Моринаго повернулся лицомъ къ рѣкѣ и долго ничего не отвѣчалъ. Мѣсяцъ высоко стоялъ надъ водою, отражаясь въ ея зеркалѣ. Глубокая ночь была кругомъ и лѣсъ застылъ въ неподвижномъ снѣ.

— Почему? — наконецъ, сказалъ онъ. — Blancos — христіане, Colorados — атеисты, и, что можно однимъ, того нельзя другимъ.

— Нѣтъ!.. Я!.. —, задыхаясь и дрожа, воскликнулъ Игрунька. — Я-бы всѣхъ ихъ!.. Всѣхъ живыми бы сжегъ!.. Я-бы всю сумму мученій, которымъ они подвергали бѣлыхъ, заставилъ-бы каждого испытать!..

— Даже если-бы среди нихъ были ваши братья... вашъ отецъ? — тихо сказалъ Моринаго.

Игрунька вздрогнулъ.

— Почему вы это спрашиваете?.. Что это значитъ? порывисто сказалъ онъ.

— Потому что отецъ моего дѣда, мой прадѣдъ былъ въ правительствѣ Розаса, — отвѣтилъ Моринаго и опустилъ на грудь свою красивую голову.

— Какой ужасъ!.. — воскликнулъ Игрунька и сталъ спускаться съ террасы. — Какой ужасъ на этой землѣ! И Богъ видитъ это и Богъ это допускаетъ!

— Не забывайте, — сказалъ Монтесъ де Око и его лицо стало мрачнымъ и суровымъ въ красныхъ отблескахъ свѣчей, — что кромѣ Бога есть дьяволъ и его работа направлена непрестанно къ тому, чтобы разрушить тотъ прекрасный міръ, что созданъ великимъ Архитекторомъ.

— Какъ страшно, какъ страшно, — содрогаясь внутреннею дрожью прошепталъ Игрунька и быстрыми шагами пошелъ по площадкѣ къ лѣсу.

— Tenente Кускоу!, — услышалъ онъ голосъ Моринаго. — Вернитесь! У насъ приказъ часовымъ стрѣлять по каждому, кто подходитъ изъ лѣса къ посту, не окликаая.

Игрунька остановился, подумалъ и пошелъ къ гаціендѣ, откуда привѣтливо свѣтила свѣча и гдѣ казались прекрасными ажурные листы винограда и розъ, освѣщенные изнутри.

Когда онъ поднялся на крыльцо, Мориного и Монтесъ де Око сидѣли рядомъ за столомъ. При видѣ Игруньки Монтесъ де Око воскликнулъ:

— Да здравствуетъ нашъ молодой другъ!

— Да здравствуетъ! — воскликнулъ и Мориного. Хлопнулъ въ ладоши и звчнымъ голосомъ, такъ что лѣсъ содрогнулся и эхо прокатилось по рѣкѣ и отвѣтило ему далекимъ откликомъ, крикнулъ: —

— Хуанъ! Рому!...

XXI.

Потекли дни странной, лихой, но однообразной жизни. Игрунька у ковбоевъ учился въ широкой степи, за лѣсомъ, накидывать лассо на дикихъ мустанговъ, поваливъ ихъ сѣдлатъ, вскакивать въ сѣдло и сидѣть при ихъ безумныхъ прыжкахъ. Его радовало, что онъ оказался ловче и смѣлѣе природныхъ ковбоевъ и лошади покорялись ему скорѣе. Подлѣ чучела, набитого соломою, онъ учился работать навахою, кривымъ ножомъ, а иногда вечеромъ онъ становился, согнувъ ноги и нагнувъ корпусъ, противъ кого нибудь изъ солдатъ. У обоихъ сверкали въ рукахъ ножи. Кругомъ толпились люди поста и лейтенантъ Мориного стоялъ въ широкихъ шассерахъ съ розовымъ лампасомъ, разставивъ ноги и заложивъ руки въ карманы. Какъ угли, горѣли глаза у солдата. И онъ и Игрунька дѣлали ловкіе прыжки, осторожно и мягко касались другъ друга лѣвыми руками и стремились нанести ножомъ примѣрный ударъ.

— Тушэ! — вскрикивалъ унтеръ-офицеръ и отскакивалъ отъ Игруньки.

— Плечо не считается, — говорилъ Мориного. — Они меня, господинъ лейтенантъ, по груди задѣли, — заявлялъ, выпрямляясь, унтеръ-офицеръ и показывалъ маленькую царапину на обнаженной кожѣ, гдѣ чуть показалась кровь.

Онъ снова становился въ позицію. Горящіе глаза стерегли движенія Игруньки, и они оба, — испанецъ, сынъ Парагвайскихъ прерій, и Игрунька, воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса и Николаевского училища, казались двумя ловкими играющими котятками.

— Тушэ, — говорилъ Игрунька и опускалъ ножъ. — Ваша побѣда, сержантъ де-Валеро.

— Завтра разсчитаетесь, господинъ лейтенантъ, — улыбаясь, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ. На посту любили Игруньку и любовались имъ, какъ любили и любовались имъ и въ Асунціонѣ, гдѣ остались покоренныя имъ сердца. И женщины и товарищи любили его всегда за отчаянность, за смѣлость, какъ въ будуарныхъ подвигахъ, такъ и подъ огнемъ вражескихъ батарей. Игрунька былъ молодъ, красивъ и силенъ. Онъ могъ потерять только жизнь, больше ничего, а про жизнь подъ звонъ гитары онъ часто пѣлъ своимъ товарищамъ по посту, пѣлъ по русски и переводилъ на испанскій языкъ старую пѣснь червонныхъ Чернобыльскихъ гусаръ: —

Жизнь наша бранная,
Жизнь безшабашная,
Дешево цѣнишься ты!

Ему говорили товарищи: *El tenente Kusskou ha sabido seguir el recto camino de honor*».

«Знаетъ поручикъ Кусковъ вѣрную дорогу чести.»

Въ полянахъ среди «чако», подъ развѣсистыми эвкалиптами стояла соломенная хижина съ широкой крышей. На пальмовомъ телеграфномъ столбѣ съ одинокой проволокой была прибита черная дощечка съ отчетливо написанной бѣлой цифрой 27. Это была почтовая станція. Тамъ находилъ Игрунька маленькіе надушенные розовые конверты, съ длинными, красными въ темно-синей рамкѣ марками и со штемпелемъ Асунціона. Его звали на свиданія. Онъ отпрашивался у Мориного и исчезалъ недѣли на двѣ съ поста. Бѣлокурые вьющіеся волосы, голубые глаза Игруньки, его стройный станъ и высокій ростъ поражали креолокъ. Его умѣнье пѣть подъ гитару и по Русски нѣжно приласкаться создали ему славу Донъ-Жуана и жизнь несла его отъ удовольствія къ удовольствію. То поѣздка на пароходѣ по живописной Пилькомаѣ, то уютная спальня со спущенными ставнями, любовь и волненіе быть востигнутымъ ревнивымъ мужемъ, то ночь въ легкой гаціендѣ, въ маленькой комнаткѣ съ красавицей креолкой, и опять недѣля постовой жизни, походная койка, шумъ дѣвственнаго лѣса, крики попугаевъ и лай обезьянъ.

Еще глубока и темна была ночь, когда Мориного заворачачался на своей постели, сдѣланной на рамѣ, оплѣтенной жилами и постланной соломеннымъ матрацомъ, чиркнулъ

спичку, закурилъ трубку, хрипло прокашлялся и засвѣтилъ свѣчу. Было пять часовъ.

— Кускоу! Кускоу!, — Окликнулъ онъ. О-э! О-э!

Игрунька спалъ на узкой походной сороконожкѣ. Свѣтъ, прорѣзавшійся сквозь щели дощатой двери, падалъ толстыми полосами на бѣленую стѣну.

Игрунька потянулся, накрылся съ головою одѣяломъ и сейчасъ же вспомнилъ, что сегодня охота на ягуара. Сонъ слетѣлъ съ него мигомъ.

— Сейчасъ, Мориного! — отозвался онъ и ловкимъ движеніемъ молодого тѣла поднялся на постели.

Мориного открылъ дверь. Въ комнату влился свѣтъ. Игрунька началъ одѣваться въ ковбойское платье. Когда вышли на веранду, еще совсѣмъ было темно. Черною стѣною намѣчался кругомъ притихшій лѣсъ. Рѣка была покрыта, какъ пуховою периною, густымъ слоемъ ровно лежавшаго бѣлаго тумана. На дворѣ едва виднѣлись силуэты людей съ лошадьми. Тамъ вспыхивали красными точками папиросы. Душный и странный тропическій запахъ травъ, растений и рѣки, прятный и сильный, точно налитанный ладаномъ и ванилью, стоялъ кругомъ. На небѣ мигали ясныя звѣзды. На землѣ была такая тишина, что голоса людей у казармы казались дерзкими и ненужными.

Тамъ кто-то кричалъ настойчиво.

— Хуанъ... Э-э... Хуанъ-э!

А изъ глубины коннаго сарая кто-то солидно отвѣтилъ.

— Э-Э! Чего тебѣ Хуанъ?

— Куда задѣвалъ лейтенантовы тѣрочины?

— Задѣвалъ... Задѣвалъ... Я, можетъ, и не бралъ ихъ вовсе.

— Карпинго.¹⁾

— Самъ ты карпинго, Хуанъ. Не видишь? А онѣ въ сѣдлѣ увязаны.

Игрунька слышалъ эти голоса по испански, но такъ по родному звучали солдатскіе голоса, что ему казалось, что это казаки или его Чернобыльскіе гусары переговариваются въ темнотѣ ночи.

¹⁾ Свинья.

Выѣхали въ полной темнотѣ. Лѣсныя тропинки обступили вѣтвями и мокрые листья задѣвали по лицу Игруньку.

Маленькія лошади шли просторной походою. Впереди, вытянувъ по ковбойски ноги, ѣхалъ Моринаго въ широкополой мягкой шляпѣ, за нимъ Игрунька, за Игрунькой охотники ковбой и пять солдатъ.

Черезъ часъ выбрались изъ лѣса. Широкая полоса прерій, поросшая высокою, желтою, сухою травою открылась передъ ними. Были тѣ предразсвѣтныя минуты, когда, какъ всегда въ тропикахъ, ночь быстро смѣняется днемъ. Сзади, въ лѣсу, еще таились темнота и жуткость ночи, а въ степи точно кто сдувалъ туманный сумракъ. Краснымъ полымемъ вспыхнулъ востокъ. Румяные огни охватили полъ неба, встали на немъ точно нарисованные золотые расходящіеся лучи, нѣсколько секундъ невидимое солнце изъ-подъ земли будто оглядывало степь и выплыло, яркое, сильное, торжествующее. Оно освѣтило міръ и безконечнымъ показался просторъ. Стадо антилопъ паслось недалеко отъ дороги. Передовой козелъ насторожился, подался нѣсколько шаговъ, точно хотѣлъ ближе разсмотрѣть всадниковъ и кинулся громадными скачками по степи. За нимъ припустило все стадо. И были видны только красныя спины да бѣлыя зеркала боковъ, точно порхающія надъ желтою примятою травою, какъ снѣжныя птицы.

Ягуара вчера нашли ковбой. Они выслѣдили его, когда онъ ходилъ на зарѣ пить воду въ рѣкѣ «Rio Verde», а потомъ скрывался въ густомъ острову кустовъ и деревьевъ и тамъ дремалъ днемъ.

Этотъ островъ окружили охотники.

Игрунька бросилъ свою лошадь, стреноживъ ее путами. Она паслась, вздыхая и обмахиваясь длиннымъ хвостомъ. Маленькія пестрыя птички перелетали съ травинки на травинку и качались на длинныхъ сухихъ стебляхъ ковыльника. Впрямъ солдаты вспугнули большого черного тукана и онъ полетѣлъ, какъ индюкъ, тяжело махая крыльями, и упалъ въ траву. Ковбой перекликались. Игрунька стоялъ на самомъ лазу, гдѣ примята была трава. Весь лѣсной островъ былъ не больше двадцати шаговъ. Тамъ, по словамъ кавбоевъ, было: — «самое ихъ кошачье гнѣздо.» Звѣрь долженъ былъ сейчасъ выскочить, если онъ не успѣлъ уйти раньше.

Игрунька холодными глазами опытного, видавшего виды охотника оглядывался по сторонамъ. Онъ увидѣлъ, какъ изъ поросли кустовъ широкимъ и длиннымъ прыжкомъ метнулась ярко желтая огромная кошка. Скрылась въ травѣ, прилегла, и снова прыгнула. На этомъ прыжкѣ, Игрунька поймалъ ея переднюю лопатку на золотую мушку ствола и выстрѣлилъ. Онъ увидѣлъ черную точку вытянутого хвоста, упавшую въ траву. Сейчасъ-же раздался второй выстрѣлъ. Лейтенантъ Мориного стрѣлялъ по другому ягуару.

Днемъ, въ тѣни густой листвы кустарника, закусывали «чураско» — жаренымъ на вертелѣ мясомъ и пили вино. На вѣтвяхъ громаднаго эвкалипта висѣли содранныя ковбоями шкуры ягуровъ и Игрунька нѣсколько разъ подходилъ къ нимъ и гладилъ хвосты. Потомъ они снимались въ маленькій аппаратъ Мориного, и хмѣльной послѣ ковбойской попойки Игрунька, присѣвъ къ землѣ, цѣлилъ изъ револьвера въ аппаратъ. Мориного сидѣлъ рядомъ. Онъ въ широкополой черной шляпѣ походилъ на учителя въ какой-нибудь степной кубанской станицѣ. Ковбои стали кругомъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, соломенныхъ панاماхъ и длинныхъ въ мелкихъ складкахъ штанахъ. Шутили надъ фотографомъ, острили и смѣялись грубымъ, здоровымъ, звонкимъ смѣхомъ. Послѣ снали, какъ убитые, вдыхая свѣжій запахъ степи. А когда жаръ свалилъ, долго ѣхали по преріямъ, направляя путь по солнцу и уже во мракѣ въѣхали въ лѣсъ окружавшій фортъ генерала Дельгадо. Нарочно громко кричали и говорили, чтобы обратить вниманіе часовыхъ.

XXII.

Шкуры ягуаровъ были высушены, отчищены и такъ отдѣланы, что сдѣлали бы честь заправскому скорняку. Игрунька разложилъ шкуру своего на столѣ, на верандѣ постовой гаценды и любовался ею. Клалъ руку въ пушисто приподнятый мѣхъ, отходилъ на шагъ и смотрѣлъ на красивое сочетание колецъ, четвероугольниковъ и пятенъ на желто-оранжевой шерсти.

«Хорошо мы съ Мориного раздѣлали,» — подумалъ онъ, хотя бы самому Мищенко¹⁾ въ пору. Какъ пушистъ,

¹⁾ Известный скорнякъ и чучельщикъ въ С. Петербургѣ.

наридень и богатъ этотъ мѣхъ. Такого и у индѣйцевъ не купишь. А потому-что свой!.. свой...

Игрунька повернулъ мѣхъ бокомъ, сдѣлалъ складку.

«Нѣтъ, отличный мѣхъ!.. Нигдѣ кожи не видать... Какъ мягко раздѣланъ!.. Прелесть!.. А я былъ пьянъ въ тотъ день отъ рома и вина... Пьянъ и счастливъ... Жарко свѣтило солнце. Безконечными казались преріи. Лѣсъ на берегу Пилькомаи едва синѣлъ на горизонтѣ. Голый эвкалиптъ былъ такъ значительно красивъ. Одинъ изъ ковбоевъ убилъ бѣлую гарсу. Мы выдернули изъ нея перья и украсили ими шляпы. Совсѣмъ, какъ эспри! Это былъ дивный день. Да и вообще жизнь чудесная штука.

Жизнь наша бранная,
Жизнь безшабашная,
Дешево цѣнишься ты. . .

«Кому же подарить онъ эту шкуру? Ее надо непременно подарить. Первый трофей серьезной охоты въ южной Америкѣ. Не себѣ же оставлять!.. Подарить Анитѣ, юной, стройной креолкѣ, женѣ банкира. Какъ она цѣловала его прошлое воскресенье! Оторваться нельзя! Онъ называлъ ее единственной и несравненной, а самъ торопился на гаціенду дель-Венадосъ, гдѣ его ждала лиловая мулатка донна Луиза. Все цвѣтныя. Цвѣтныя доступные и страстиѣе. Конечно, все равно, кому подарить: — Анитѣ, или доннѣ Луизѣ, или Пепитѣ, цвѣточницѣ изъ «Испаніи», бѣдная дѣвочка совсѣмъ сохнетъ по немъ. Хотѣла прискакать на фортъ генерала Дельгадо. Этого не доставало! Онѣ всѣ одинаковы. Всѣ хороши. Даже донна Марія, вдова пароходовладѣльца, пышно расцвѣтшая дама тридцати пяти лѣтъ. У нея уютнѣе всего. Такъ мило остановиться у нея, въ роскошномъ домѣ, на лучшей улицѣ, въ полномъ комфортѣ. Стать подъ ея руководствомъ на двѣ недѣли снобомъ и отъ нея дѣлать эскапады на окраину города къ Анитѣ, въ гаціенду дель Венадосъ къ страстной Луизѣ, или въ отсутствіи Маріи ватаскивать къ себѣ Пепиту.» . .

Жизнь наша бранная,
Жизнь безшабашная,
Дешево цѣнишься ты! . .

«Жизнь безшабашная!.. Разъ мужъ Аниты чуть не засталъ ихъ. Игрунька, скомкавъ платѣе и схвативъ сапоги

и саблю, выскочилъ со второго этажа въ клумбу цвѣтовъ... Ковбой стерегли его, когда онъ ѣхалъ отъ донны Луизы, чтобы убить, но Луиза дала ему самую рѣзвую лошадь и онъ усекалъ. Донна Марія застала его съ Пепитой въ своей спальнѣ. О! что тутъ было! И слезы, и ядъ, и кинжалъ. И все забылось въ бурѣ страсти, орошенной слезами. Красивы были томные глаза въ брилліантахъ слезинокъ. А плачущая женщина оказалась еще страстнѣе.»

«Молодчина ты, Игрунька!.. Высоко держишь русское знамя въ странѣ пѣсенъ, кастаньетъ и дикой страсти!»

«Нѣтъ, если дарить эту шкуру, то любимой...»

«Любимой?»

«Той, что любишь всегда, по комъ тоскуешь, кого ждешь и о комъ молишься!»

«Какъ давно онъ не молился. Что сказала бы милая мама, если-бы узнала, что онъ и «Отче нашъ» позабылъ...»

«Нѣтъ, Бога я не забылъ...»

Вчера мнѣ принесли письмо. Пишетъ Мая».....

«Любимой»...»

Игрунька досталъ изъ кармана смятое письмо.

... Я разошлась съ мужемъ и начала дѣло о разводѣ. Я не могу быть женою человѣка, не любящаго Россію»...

Строки тонкаго женскаго почерка плыли у него передъ глазами.

... «Чѣмъ дальше я отъ Россіи, тѣмъ больше ее люблю... Я живу теперь въ Нишѣ. Вы не повѣрите, Игрунька, я портниха и знаменитость. Послѣ m-me М., покровительствующей мнѣ, я лучшая вышивальщица и модница. У меня маленькій домикъ, уютный въ цвѣтахъ. Розы, розы, розы. Цвѣты моя слабость. Какъ мы культурны, какъ мы, Русскіе, высоки душою, полны красотой и какъ мы этого раньше не замѣчали. Только теперь видно. Ахъ, какъ хороша была Россія! Часто вспоминаю васъ, Игрунька, какъ были вы милы въ вашей гусарской фуражкѣ, когда уѣзжали изъ Спасскаго на «Каракалѣ». Я никогда не забуду этой минуты. Несся печальный благовѣстъ отъ сельскаго храма. Приникнувъ къ землѣ, дрожало стономъ небо... А я отпускала васъ въ неизвѣстность... Любимаго!.. Въ Нишѣ видѣла вашего брата Олега. Онъ въ лейбъ-казакахъ. Они стояли одно время въ Нишѣ. Какая физическая и ду-

ховная красота была въ этой горсточкѣ молодежи, сохранившей свои мундиры, алые и голубые погоны, бѣлые португезшашекъ и самыя шашки. . . Точно рыцари приплы къ намъ. Рыцари чести и меча. Мы все вълюбились въ нихъ! Они пѣли молитвы и гимнъ, и имъ Россія была не пустой звукъ. Они страдали за нее, они страдаютъ и будутъ страдать ради нея, но ей не измѣнять! У меня въ ушахъ звучить какой-то стихъ или пѣсня, что слышала я на ихъ праздникѣ, 4го октября, въ день памяти Лейпцигской битвы. Олегъ сидѣлъ подлѣ меня и говорилъ мнѣ: — съ какимъ-бы удовольствиемъ я сѣлъ на вороного коня и подъ роднымъ штандартомъ «съ сотней Лейбъ-казаковъ, изъ за ближнихъ холмовъ на врага устремился. Ура ихъ, какъ громъ нарастаетъ, когда на полковника ихъ Царь георгиевскій крестъ надѣваетъ. И восторгомъ горя, предъ глазами цари, не спѣша, въ окровавленномъ строѣ, боль отъ ранъ заглушивъ, лишь ряды сокративъ, идутъ Лейпцигской битвы герои.»

Это было нескладно, но когда я видѣла ихъ сокращенные ряды, маленькую кучку, горсть героевъ, я поняла это.

Тогда и теперь. Тогда геройство и теперь. Теперь сохранить царя въ сердцѣ своемъ — куда большее геройство. . . Что сказать о нашихъ? Увы, кругомъ суета суетъ. Мара Трубчевская развелась и вышла замужъ за Алека, помните мужа Ксаны Вятской. И уже разводится. У Вѣры Дороговой родился сынъ и умеръ отъ тифа. Несчастная не можетъ утѣшиться. Жена Константина Петровича Санѣева бѣжала въ Италію съ Павликомъ Бариновымъ, укравшимъ чужіе брилліанты. Занимается теперь спекуляціей. Баболовы открыли Русскую чайную въ Дубровникѣ и Кока съ Зиной поютъ и танцуютъ Русскую. Зина, говоритъ, два раза уже *fausse couche* устраивала. Марешенька Грайская кокаинистка и пьяница, путается съ сербскими солдатами. . . Да . . . все перемѣнилось. Леша и Нина служатъ въ банкѣ, а Куломзинъ, помните, комиссаръ въ Спасскомъ, бѣжалъ отъ большевиковъ и теперь служить въ Сербіи въ «катастарской секціи», землю мѣряетъ и планы снимаетъ.»

Игрунька скомкалъ письмо и положилъ его въ карманъ. Все показалось теперь инымъ кругомъ него. Блѣдная, тусклая, вялая, совсѣмъ некрасивая и незначительная, лежала снятая шкура ягуара на кривомъ дощатомъ столѣ.

Голая паутина вѣтокъ и слабей винограда и вьющейся розы на жердяхъ веранды томилла скукой. Была зима. Деревья и кусты потеряли листь. Но было жарко, какъ лѣтомъ. Дни были однообразно длинныя. Часто перепадали дожди.

Игрунька прошелъ въ свою комнату. Четыре шага въ длину, три въ ширину, стѣны съ облупившейся известкой, койка, столъ, соломенный стулъ, окно, а за окномъ темный, дѣвственный лѣсъ.

Лають обезьяны, кричатъ попугаи. За лѣсомъ преріи, безкрайныя степи и далеко на горизонтѣ купа деревьевъ: — почтовая станція 27. Это было заманчиво и хорошо годъ тому назадъ, когда онъ сюда пріѣхалъ съ лейтенантомъ Монтесъ де Око...

Но теперь, когда онъ сталъ лучшимъ стрѣлкомъ, фехтовальщикомъ и охотникомъ, все это не то.

Про него говорятъ, что онъ «*ha sabido seguir e recto camino de hono.*»¹⁾ —

«Неправда! Не онъ, а тѣ... Свѣтикъ, Олегъ, тѣ, про кого такъ пишетъ Мая, они, а не онъ — рыцари чести!...»

Боже! Боже! Какъ хочу я... Какъ готовъ... страдать... пожертвовать жизнью для Родины!»

И какъ пуста жизнь внѣ Родины. Эта выдѣланная имъ и Мориного шкура ягуара точно указала ему совсѣмъ новые пути. Ее нужно подарить любимой.

Но любимая тамъ, а не здѣсь. Не Анита, не донна Луиза, не Пешита, не донна Марія — любимая, а любимая тамъ...

Мая!...

Игрунька вышелъ изъ комнаты по бамбуковой лѣстницѣ, спустился съ веранды и пошелъ безцѣльно по лѣсной звѣриной тропинкѣ вдоль рѣки Пилькома. Онъ шелъ одинъ, безъ оружія, безъ шляпы, шелъ, позабывъ все.

XXIII.

Шли часы. Знойный день смѣнила лунная теплая ночь. На опушкѣ лѣса, гдѣ серебромъ горѣла прерія, было по вимнему тихо.

«Ура ихъ, какъ ромъ нарастаетъ»...

¹⁾ Умѣетъ найти вѣрную дорогу чести.

«Мейбъ-казаки... Чернобыльскіе гусары.»

«Счастье тамъ. Счастье на Родинѣ. Только родина счастье».

Казалось, не преріи Америки, поросшія сухими травами, видѣлъ Игрунька, а милый просторъ Харьковскихъ степей разстилался передъ нимъ. Морозъ хватилъ по зеленымъ овимымъ хлѣбамъ и точно крупнымъ сахаромъ осыпалъ иней ихъ яркіе стебли. На черныхъ вклокоченныхъ парахъ блеститъ ледъ. Золотятся просторы жнивья. Коверъ Родины въ прямоугольныхъ заплатахъ лежитъ передъ нимъ. И дымкомъ, и землею, и морозомъ напитанъ вкусный ядреный воздухъ. Русью пахнетъ. Несется со степи благовѣсть... Михайловъ день... Давно это было... Въ нарядномъ, по случаю храмового праздника, домѣ, они остались тогда одни съ Маей и Лекой. Лека стерегла ихъ, а сама смотрѣла большими смѣющимися глазами, какъ Мая быстро обняла Игруньку и неумѣло поцѣловала его. Это была клятва вѣрности.

И прошли годы. Тысячи были поцѣлуевъ. И многія темныя и свѣтлыя женскія ручки сжимали его руку, а не забылъ онъ этихъ трепещущихъ пальчиковъ дѣвочки, не забылъ поцѣлуя тѣхъ мягкихъ, пухлыхъ губъ, робко прижавшихся къ его губамъ.

Не можетъ забыть и благовѣста... Такъ звонятъ только въ Россіи. Лишь на Руси знаютъ, что такое благовѣсть, лишь Русскіе постигли значеніе волнующей музыки плывущихъ по степи и все нарастающихъ мѣдныхъ колыханій. Такъ не звонятъ нигдѣ!

Россія! Онъ видѣлъ ее всю. И всю ее любилъ. Онъ не понималъ русскихъ журналистовъ, брызжущихъ на нее злобой слюною, раболѣпно ползающихъ на колѣнкахъ передъ Западомъ и про Россію говорящихъ тремя словами: — «Дико, подло, бездарно»...

Пушай онъ «ура-патріотъ!»... Да, онъ «ура-патріотъ». Онъ любитъ даже нищихъ на паперти храма во всемъ ихъ уродствѣ и наготѣ, съ жалобными голосами, тощими, черными руками, ибо они колоритъ храма. Такихъ нищихъ тоже нѣтъ нигдѣ. Онъ видѣлъ нищихъ по всему свѣту. Они были хуже, были и лучше русскихъ нищихъ. Одни ходили слѣпые и ихъ вела собака съ краснымъ крестомъ на ошейникѣ, дру-

гіе лежали на улицѣ и играли на скрипкѣ или на фисъ-гармоніи, третьи сидѣли у вокзаловъ или ходили по ресторанамъ, но Русскіе нищіе всегда были у храмовъ, у Бога, потому и звали нищихъ: — «убогими»! Вспомнилъ сестру Софью Ивановну... Убогая, какъ нищія, была Русь, но и была она у Бога, а эти...

Духовнымъ окомъ видѣлъ Игрунька громадныя храмы, золото лампадъ и паникадилъ, мозаику стѣнъ, камни окладовъ и лики святыхъ. Вѣками накоплялась святость. И пусть хамъ и жидъ идутъ туда и танцуютъ пошлый фоксъ-тротъ, пусть подлецъ изъ подлецовъ, продавшійся красному дяволу красный попъ поносить Христа и читаетъ проповѣдь, сидя за ломбернымъ столомъ, поставленнымъ въ храмѣ — не убьетъ его вонючій смрадъ этихъ благоуханій ладона и воздуха, напоеннаго молитвенными воздыханіями тысячи годовъ.

Пошлость не убьетъ красоты, какъ не убили страстныя объятія креолокъ, испанокъ и мулатокъ робкаго поцѣлуя чистой дѣвочки.

«Надо дѣлать!.. Надо работать,» — шепталъ Игрунька. — «О чемъ-же мы, Русскіе, думаемъ! Надо искать царя! Надо у Бога просить царя! И только тогда спасется Россія»!

Игрунька ходилъ при лунѣ по опушкѣ лѣса и не понималъ, гдѣ онъ находится. Ни сна не было, ни усталости. Давно не былъ онъ въ храмѣ, давно не молился. Теперь подъ сѣнью деревьевъ, у степного простора чувствовалъ себя, какъ во храмѣ. Убогимъ нищимъ чувствовалъ себя, на паперти. Протягивалъ темную загорѣлую руку и молилъ:

— Верни! верни намъ родину!.. Спаси Россію! — Былъ онъ, какъ въ забытіи. Шелъ по лѣсу къ форту и ничего не видѣлъ, ничего не понималъ.

Полнымъ колдовства казался лѣсъ при свѣтѣ луны. Вотъ вотъ раскроются его темныя объятія и увидитъ онъ просторы, а за ними Чернобыльскихъ гусаръ или лейбъ-казаковъ Олега.

И восторгомъ горя,
Предъ глазами царя,
Не спѣша въ окровавленномъ строѣ,
Боль отъ ранъ заглушивъ,
Лишь ряды сокративъ,
Идутъ Лейпцигской битвы герои.

Вотъ оно «el recto camino de honor! . . .»¹⁾ «Какъ сократились ихъ ряды. Какъ мало ихъ, любящихъ и понимающихъ Родину-Россію! Какъ мало «ура патриотовъ». Кругомъ равнодушіе, себѣлюбіе, эгоизмъ. Ихъ мало. . . И будетъ еще меньше, но они вернутъ Россію, потому что они — сильные духомъ!» . .

Игрунька не соображалъ, гдѣ онъ. Можетъ быть, въ Спасскомъ? . . Нѣтъ, вѣрно, въ Прокутовѣ. Не даромъ ему такъ часто кажется, что солдаты говорятъ между собою не по испански, а по Русски. . . Съ коновязи, или изъ сарая доносятся ихъ голоса, и, кажется, это Чернобыльцы кричать.

— Но! . . балуй! Коська! . .

— Изварить, вы не видѣли моей скребницы?

— Для ча она мнѣ запонадобилась, твоя скребница.

— Онъ, братцы, у насъ всегда такой, свою затеряетъ, а чужую спрашиваетъ. . .

Не вырвать Россіи изъ его сердца и не найти ему счастья среди этихъ милыхъ, сердечныхъ, но чужихъ, чужихъ людей! Свои только тамъ. Не можетъ оно быть, чтобы всѣ они были большевиками. Не вѣрили въ Бога. . . Глумились надъ вѣрой и крестомъ. . . Его Чернобыльцы! Всѣ сто милліоновъ людей большевики? Никогда. . . Придетъ царь и опять осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ русскій народъ и скажетъ:

— «Спасены!»

Раздался лѣсъ. Очарованнымъ замкомъ казалась казарменная постройка. Были бѣлыя стѣны подъ луною точно мазанки малороссійскаго хутора. Безобразнымъ бугромъ вдымался блокаузъ, какъ разваленная скирда.

Постъ генерала Дельгадо. . .

Полтора года тому назадъ это имя звучало гордо. Пьянило мозги. Теперь послѣ письма Маи, послѣ думъ о родной землѣ, зимою, въ переплетѣ сухихъ виноградныхъ и розовыхъ вѣтвей, онъ показался унылымъ и скучнымъ.

Часовой въ широкой шляпѣ и длинныхъ штанахъ ходилъ, держа карабинъ подъ мышкой. Лунный свѣтъ сизымъ отблескомъ вспыхивалъ на стволѣ и погасалъ, когда солдатъ поворачивался кругомъ.

¹⁾ Прямая дорога чести.

«Ему данъ приказъ стрѣлять по каждому, кто выходитъ ночью изъ лѣса, не предупреждая. Онъ будетъ стрѣлять по мнѣ во имя этого приказа. Онъ убьетъ меня. Меня, Игруньку Кускова. Любимаго лейтенанта на посту, на границѣ Парагвайской республики. Любимаго, но ненужнаго... Не родного... И, если сейчасъ не убьетъ, могутъ завтра придти индѣйцы враждебнаго племени и убить меня въ бою за Парагвай. Игрунька Кусковъ умереть честно, по солдатски. Онъ не дрогнетъ передъ смертью... Онъ солдатъ!»

«За Парагвай!»

«Россія въ плѣну! .. Россія не свободна, Россіи нужны солдаты...»

«Онъ тратитъ время, силы... Уходятъ годы въ безпорядочной любви, а Россіи нужна семья...»

«Тамъ Мая, такъ же, какъ онъ, изстрадавшаяся, измученная, не нашедшая своего счастья, живетъ цыганскою жизнью и гдѣ-то въ Нишѣ шьетъ платья, мечтая о немъ.

«El recto camino de honor» — тамъ, а не здѣсь!

«Стоитъ зашумѣть кустами, высунуться изъ лѣса и будетъ выстрѣлъ и будетъ смерть... Что-же... Онъ не боится ея. Такъ ему и надо. Когда его товарищи на тяжелыхъ работахъ свято хранили имя полка и чтили и берегли Россію въ каторжномъ трудѣ, — онъ, какъ мотылекъ, порхалъ отъ удовольствія къ удовольствію. Донна Марія, Пепита, Луиза, Анита, Вѣруска въ Батумѣ, Сарра въ Новороссійскѣ, сестра милосердія... Онъ носилъ красивый мундиръ, бряцалъ саблею, пилъ ромъ и танцевалъ нелѣпыя танцы, а тамъ они, страдая, берегли Россію».

«Пусть убиваютъ его... Потому что онъ не на «recto camino de honor.» Онъ забылъ Россію».

Кровь прилила къ вискамъ и щеки въ прохладѣ ночи пылали. Въ пятнадцати шагахъ отъ него былъ солдатъ. Онъ остановился, лицомъ къ Игрунькѣ. Смотрѣлъ въ лѣсъ. Игрунька узналъ его въ блескѣ луны.

«Хуанъ Торресъ... Славный солдатъ. Глупый немного, но исполнительный и отличный стрѣлокъ. Онъ и убьетъ меня.»

«И будетъ это глупо»...

«Вся жизнь впереди. И многое впереди. И мы нужны... Нужны Россіи»...

— Хуанъ! О-гэ!-гэ-гэ!.. Хуанъ! — Крикнулъ Игрунька и эхо отъ его голоса покатилося по лѣсу.

— Э-э-э! — высоко, какъ кричать турки, испанцы, какъ кричать на югѣ, отозвался Хуанъ и брякнулъ ружьемъ на изготовку. — Какой лѣшій зоветъ меня! Э-э-э-э!

— Это я. El tenente Кусковъ!

— Э-э-э-э! господинъ лейтенантъ! Напугали меня. Я стрѣлять могъ... Э-э-э! Вотъ бѣда-то была-бы! Пожалуйста, проходите.

Эхо перекликалось по лѣсу отъ ихъ голосовъ. Сухая трава шуршала подъ ногами. Заскрипѣла лѣстница, погнулись доски веранды. Неубранная на столѣ лежитъ шкура ягуара. Блеститъ краемъ въ лунномъ лучѣ. Прекрасная, пушистая, мягкая. Игрунька знаетъ, кому онъ подарить ее.

Ей... Любимой... Маѣ...

Въ маленькой коморкѣ Игрунька при свѣтѣ свѣчи считалъ пезеты. Экономія изъ жалованья... Немного... Если размѣнять на доллары, будетъ и совѣмъ мало.

Бурно колотилось сердце. Сознаніе только что избѣгнутой опасности туманило голову. Широкіе планы ронлись въ головѣ. Не бѣда, что мало денегъ... Можно наняться опять steward'омъ или, въ крайности, кочегаромъ...

Но только быть съ ними.

Съ лейбъ-казаками... съ Чернобыльскими гусарами. Идти спасать Россію, возстановлять въ ней законъ и порядокъ, служить Родинѣ и Государю, защищать православную вѣру.

А потомъ создавать семью... Крѣпкую русскую семью, какою была ихъ семья до того, какъ разрушила ее революція.

Тернистый путь прошли онъ и Мая, но они научились понимать жизнь и они могутъ все простить во имя семьи и Родины.

И, когда легъ на жесткую койку Игрунька, въ его сознаніи сладко трепетала мысль:

«El tenente Igor Kuskou ha sabido seguir el recto camino de honor».¹⁾

¹⁾ Поручикъ Игорь Кусковъ умѣлъ идти истинною дорогою чести.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Въ русскую кустарную мастерскую фрау Зенгеръ (Berlin-Halensee, Friedrichsuferstraße) первымъ являлся **Оедоръ Михайловичъ Кусковъ**. Въ сѣромъ пиджакѣ и такихъ-же брюкахъ, приобрѣтенныхъ на деньги, одолженные Декановымъ, лѣтомъ и зимою всегда въ одномъ и томъ-же короткомъ и широкомъ англійскомъ форменномъ пальто, онъ тяжело поднимался на четвертый этажъ по узкой, темной и мрачной дубовой лѣстницѣ и звонилъ у квартиры Frau Adams.

Frau Adams, вдова офицера, сдавала изъ четырехъ комнатъ три балтійской нѣмкѣ-бѣженкѣ **Эммѣ Ивановнѣ Зенгеръ**, а та содержала Русскую кустарную мастерскую.

Въ мастерской работало семь человекъ. Три барышни: --- Вѣрочка Деканова, **Нина Сергѣевна Лихачева**, сестра офицера добровольческой арміи, молодая красивая блондинка и институтка, старая дѣва, сухая, чопорная сѣдая **Матильда Ивановна Парникель**, бывшая классная дама — занимались разрисовываніемъ акварелью и масляной краской коробочекъ, шкатулокъ, ящичковъ и портсигаровъ въ такъ называемомъ «Русскомъ» вкусѣ. Два офицера Сѣверо-западной арміи: кадровый гвардеецъ, полковникъ **Деконскій** выпиливалъ изъ тонкихъ мѣдныхъ и серебряныхъ листовъ двуглавыхъ орловъ, изображенія **Георгія Побѣдоносца**, замысловатыя избушки на курьихъ ножкахъ, ладьи, идущія на вѣсахъ парусахъ, стилизованныхъ птицъ и животныхъ, а капитанъ **Лоскутовъ** изъ унтеръ-офицеровъ Императорской Арміи, природный кустарь-Костромичъ, врѣзывалъ эти фигуры въ портсигары и коробки.

Ротмистръ Шпакъ полировалъ и лакировалъ всё эти вещи, а Ѳеодоръ Михайловичъ склеивалъ, навинчивалъ петли, вставлялъ замки и защелки. На немъ и на Шпакѣ лежала обязанность прибирать мастерскую, топить печи зимою, готовить клей, политуру и лакъ. Шпакъ кромѣ того долженъ былъ вести артельное хозяйство, готовить чай и закуску къ пяти часамъ. Работали едѣльно, артельно. Барышни, Деконскій и Лоскутовъ составляли артистическую часть артели и получали семьдесятъ процентовъ выручки, остальные тридцать дѣлили между собой Ѳеодоръ Михайловичъ и Шпакъ. Заработной платы хватало едва на голодное существованіе по скромнымъ пансіонамъ на окраинѣ. Ѳеодоръ Михайловичъ снималъ крошечную комнату-уголокъ у сапожника, на второмъ дворѣ въ Gartenhaus'ѣ, гдѣ имѣлъ кровать, постель и обѣдъ изъ большой порціи картофеля и тарелки горохового супа безъ мяса. Работали съ 9 до 1 часу дня. Въ часъ всё расходились и развѣзжались по пансіонамъ или Bierstube и собирались снова къ 3-мъ. Съ 3-хъ работали до 8-ми, но часто зарабатывались и дольше, до 11, до часу ночи. Только Вѣрочка всегда уходила ровно въ 8. Ее дома ожидали родители. Николай Николаевичъ устроился въ банкѣ, а Екатерина Петровна вела хозяйство.

Исполнялись слова Христа: «Воззрите на птицы небесныя, иже не сѣютъ, не жнутъ, ни въ житницы собираютъ, но Отецъ небесный питаетъ ихъ.» Какъ стая безпечныхъ птицъ, не привыкшихъ работать и «зарабатывать», примчалась изъ Россіи свѣтскія барышни, офицеры, чиновники, люди двадцатаго числа, готоваго хлѣба, въ чужую страну, въ холодный, громадный городъ. У большинства ничего не было. Изъ старыхъ знаній, любительскаго умѣнья писать красками, давнишнихъ увлеченій вышиваніемъ пришлось извлекать пользу и создавать кружки и рабочія артели. У Эммы Ивановны былъ капиталъ и родные въ Берлинѣ. Ея сердце лежало къ Россіи. Она дала деньги на оборудованіе мастерской и стала во главѣ ея, остальные несли, кто что могъ, и въ квартирѣ Frau Adams шла кипучая рабочая жизнь. И уже было видно, что Шпакъ влюбленъ въ Вѣрочку Деканову, а Деконскій всегда провожалъ Нину Сергѣевну до ея пансіона на Kurfürstenstraße... У него была жена въ Россіи, но съ 1917 года онъ ничего не зналъ о ней.

Было свѣжее майское утро. Берлинъ, принарядившійся въ гирлянды петуній и гвоздики на окнахъ и балконахъ, съ прекрасными клумбами на площадяхъ и вдоль проспектовъ, въ аллеяхъ цвѣтущихъ каштановъ, въ насажденияхъ, гдѣ въ розовомъ одѣяніи стоялъ японскій боярышникъ и японская еще безлиственная магнолія была покрыта нѣжными лиловыми цвѣтами, блестѣлъ сырыми, только что политыми асфальтами мостовыхъ. Терпкій запахъ смолы и бензиновой копоти смѣшивался съ ароматомъ цвѣтовъ и зелени. Небо, розовое внизу, синее наверху, затягивалось сѣрою дымкою угля фабрикъ и городской желѣзной дороги. Улицы въ Halensee были еще пустыни, нарядны и душисты. Трамваи ходили рѣдко. Тяжелый автобусъ желтаго цвѣта, недоступный Русскимъ и за обиліе въ немъ пассажировъ евреевъ прозванный «жидовозомъ», называвшійся также «желтой опасностью» за свой желтый цвѣтъ и грозный видъ, или «ручкой», потому что дамы махали ему «ручкой» на остановкахъ, только что пустился въ свой первый рейсъ, гудя по ровному проспекту. Берлинъ въ перспективѣ улицъ рисовался фантастическими очертаніями громаднхъ, круглыхъ, нефтяныхъ и газовыхъ бассейновъ, точно гигантскіе цирки размѣстившихся между домовъ. Высокія и тонкія, бѣлыя, красныя, черныя трубы фабрикъ, ажурныя мачты электрическихъ проводовъ, тяжелые, темные корпуса заводовъ, ряды мрачныхъ домовъ уродливой нѣмецкой архитектуры силуэтами рисунка футуриста, грозно-уродливой панорамой стояли надъ городомъ. Пугали. Давили воображеніе грозной силой техники. Отвращали уродливостью линій. На окраинѣ въ аллеяхъ молодыхъ каштановъ, уходившихъ къ городу, открывались широкіе просторы пустырей, покрытыхъ длинными бесѣдками и раздѣланныхъ подь огороды. Городъ кипѣлъ и клокоталъ кругомъ, а здѣсь отъ распаренной земли шелъ крѣпкій духъ, зеленѣли салаты и рѣдски, были натыканы рядами прутья и къ нимъ робко жался горошекъ. Бобы ползли по стѣнамъ бесѣдокъ. Краснѣлъ высокій макъ. Жены рабочихъ ковырялись въ землѣ. На тропинкѣ между грядъ стояла колясочка съ младенцемъ, выставленнымъ на солнце. Въ центрѣ города слыла тишина деревенскаго огорода. Жужжали шмели. Щеглята пѣли короткую пѣню и прыгали, прося хлѣбныхъ крошекъ. Мимо

шли чиновники съ портфелями въ безчисленные Amt'ы, бюро и канцеляріи, прикащики въ магазины и конторы, женщины чиновницы расходились по кварталамъ. Среди этой озабоченной, хмурой, дѣловой толпы вдругъ появился безпечный господинъ и съ нимъ нарядная овчарка — «Wolf» бѣжала, умно поглядывая по сторонамъ. На свистъ хозяина она неслась, улыбаясь и крутя хвостомъ. Дамы, бонны и сестры въ черномъ съ бѣлымъ платьѣ везли колясочки съ дѣтьми, направляясь въ скверы, на площади, въ сады — дышать свѣжестью зелени высокихъ липъ, каштановъ и дубовъ.

Въ эти утренніе ласковые часы Берлинъ чаровалъ Федора Михайловича. Нѣкоторыя улицы ему вдругъ напоминали Петербургъ. Особенно тѣ, гдѣ не было деревьевъ. . . «Вотъ это. . . Ну совсѣмъ наша Сергіевская или Фурштадская. . . И такъ-же, какъ у насъ, золотой крендель виситъ надъ булочной. — Навалены грудой въ окнѣ маленькіе, ржавые, сморщенные апельсины, стоятъ банки съ леденцами и карамелью, а у входа корзины съ морковью, картофелемъ, салатомъ. . . Кажется, увидишь надпись — «Зеленная и овощная торговля». . . Написано: «Obst und Gemüse. Südfrüchte»¹⁾. . . Только нѣтъ въ Петербургѣ такихъ безобразныхъ, тяжелыхъ, каменныхъ украшеній на домахъ, легче подъѣзды и выбѣгаютъ иногда на улицу старинными желѣзными вонтами на тонкихъ столбикахъ. Еще затягивали ихъ, въ случаѣ большихъ пріемовъ, бѣлой съ розовыми полосами матеріей, заставляя прохожихъ обходить по грязи.»

Федоръ Михайловичъ сворачивалъ на проспектъ и пропадало сходство. Широкій, съ двумя аллеями по сторонамъ, гдѣ подъ сѣнью деревьевъ, въ травѣ, бѣжали рельсы трамвая, украшенный цвѣтами вдоль оконъ — петуніей *semperflorens*²⁾ — проспектъ не походилъ на Петербургскую улицу. Всѣмъ своимъ видомъ: — безконечною длиною, вышиною солидныхъ домовъ, громадными монументальными подъѣздами, газонами съ кустами и цвѣтниками передъ домами онъ говорилъ о стремленіи дать массамъ во что бы то ни стало удобную, уютную, гигиеническую и красивую жизнь. Все было создано по послѣднему слову техники. Желѣзо, бетонъ,

1) Зелень и овощи. Южные Фрукты.

2) Вѣчно-цвѣтущей.

газъ, теплая вода, электричество, глубина, ширина комнатъ, цвѣты, арабески, орнаменты, лѣпныя работы, искусственный гранитъ. . . — И все было неудобно, неуютно, негигиенично и безобразно до тошноты. Художника замѣнила фабрика, генія смѣнилъ коллективъ, аристократа духа — демократическая толпа. Штампованныя статуи не были скульптурой. Олеографіи и чудеса трехцвѣтнаго печатанія не могли замѣнить картинъ. Мебель съ рѣзбою, сдѣланной машиной, не говорила о творческомъ трудѣ рѣзчика. Отъ всего уклада Берлинской жизни шелъ не ароматъ вдохновенія и таланта, а пахло потомъ фабричныхъ рабочихъ, углемъ, нефтью, масломъ и газомъ машинъ. . .

Это давило и утомляло Федора Михайловича. Здѣсь онъ понималъ, почему народился въ Германіи социализмъ. Почему именно здѣсь появился еврей Карлъ Марксъ съ его ужаснымъ ученіемъ. Человѣкъ не успѣвалъ думать, его обгоняла техника. Имъ понадобились шкатулки и коробочки. Федоръ Михайловичъ и Лоскутовъ взялись за столярныя верстаки, но они не сдѣлали и десяти ящиковъ, какъ ихъ замѣнила фабрика. Сосѣдняя деревообдѣлочная мастерская взялась поставлять имъ всѣ части коробокъ и трудъ человѣка замѣнился электрическимъ приводомъ.

Федоръ Михайловичъ смотрѣлъ на толстыя ноги нѣмокъ, на однообразныя, бритыя, грубыя лица нѣмцевъ и ему казалось, что ихъ создавала не любовь, но готовили ихъ на какой-то фабрикѣ, гдѣ были штампы — чиновника, спекулянта, купца, помѣщика, крестьянина, рабочаго, шуцмана, конторщика, шибера, банкира, шоффера, кучера . . . Такъ были однообразны всѣ эти Берлинскіе типы.

И все! таки! онъ любилъ Берлинъ. Потому любилъ, что, какъ ни пришибла его жизнь, онъ все еще любилъ ее, все цѣплялся за нее, все думалъ о Россіи, о томъ, что, можетъ быть, — здѣсь ея спасеніе.

Когда онъ входилъ въ темный подъѣздъ и поднимался по узкой деревянной лѣстницѣ на четвертый этажъ, дышалъ тяжело. Этого раньше съ нимъ не было. Это случилось. . . Когда? Онъ самъ не зналъ.

По субботамъ Ѳедоръ Михайловичъ ходилъ въ церковь въ посольскомъ домѣ на Unter den Linden 7. Сначала ходилъ и по воскресеньямъ. Потомъ долженъ былъ перестать. Было слишкомъ тяжело.

По воскресеньямъ церковь была полна народа. И не только церковь, но и маленькій дворикъ подлѣ нея гудѣлъ русскими голосами. Всѣ другъ друга знали, всѣ все знали другъ о другѣ. Въ церковь сходились, какъ въ клубъ, шумѣли, спорили на дворѣ, дымили папиросами, кричали. Нѣмцы называли это Affen-Sammlung¹⁾ и Русскіе повторяли это названіе. У бѣженцевъ было утеряно чувство обиды и оскорбленій они не понимали.

Въ маленькой, красивой церкви, собственности Императора Александра III, у каждого было свое мѣсто. Въ глубинѣ у стѣны, въ длинномъ черномъ сюртукѣ всегда стоялъ высокій, статный, полный благородства человѣкъ съ большой головой, съ львиной гривой черныхъ, сѣдѣющихъ волосъ, съ черными усами и небольшой бородкой. Рядомъ съ нимъ становился черноволосый, съ небольшими усиками, полный, представительный молодой человѣкъ. У стойки со свѣчами неизмѣнно появлялся старикъ съ польскими сѣдыми усами. Посерединѣ храма монументально возвышалась высокая, полная брюнетка, полъ обѣдни простаивавшая на колѣняхъ. Она увѣряла, что Государь живъ, а если и умеръ, то воскреснетъ, какъ воскресъ Христосъ. Позади нея стояла дама съ крашеными въ рыжую краску волосами, сильно покрашенная съ малиновыми сердечкомъ сложенными губами, все въ брилліантахъ и въ жемчугахъ. Она звала всѣхъ въ Россію, говорила, что лучше жить у большевиковъ и чистить отхожія мѣста въ казармахъ, да быть съ русскими, чѣмъ прозябать за границей, но сама въ Россію не торопилась. Полнѣющій, высокій человѣкъ въ рыжемъ пиджакѣ стоялъ впереди стойки со свѣчами и съ нимъ его сынъ, изящный, молодой человѣкъ, сильно картавящій, талантливый поэтъ, художникъ и музыкантъ. У окна, впереди Декановыхъ становилась высокая властная старуха, миллионерша, занимавшаяся мелкой благотворительностью и державшая политическій салонъ. У

¹⁾ Собраніе обезьянъ.

лѣваго клироса, а иногда на самомъ клиросѣ, появлялась красавица баронесса въ большой шляпѣ и громадными выпуклыми глазами оглядывала молящихся. Шпакъ стоялъ у дверей. Представитель Врангеля и его жена съ двумя блѣдными изящными дочерьми стояли въ узкомъ корридорѣ подлѣ церкви. На клиросѣ хорошенькая блондинка съ голубыми глазами, въ синей шляпкѣ пѣла сольныя партіи. Все было чинно, нарядно и свѣтски изящно. Оедору Михайловичу удавалось забыться въ молитвѣ, но когда выходилъ онъ изъ церкви и проталкивался сквозь толпу, въ корридорѣ и во дворѣ, передъ нимъ сторонились и онъ слышалъ, какъ шептали кругомъ: —

— Этотъ господинъ служилъ у большевиковъ!

— Это большевикъ. . .

Низко опустивъ голову, стараясь ни на кого не глядѣть, Оедоръ Михайловичъ быстро шелъ черезъ дворъ. Онъ торопился пройти къ Бранденбургскимъ воротамъ. Войдя въ Tiergarten, онъ вздыхалъ полною грудью. Онъ не слышалъ Русскихъ голосовъ. Ему не было страшно.

А онъ такъ любилъ Россію и Русскихъ!

У всенощной было лучше. Народу было меньше. Были больше дамы, перевалившія средній возрастъ. Опытнаго, вертляваго дирижера хора съ его любителями и красивой блондинкой не было. На клиросѣ становилось пять нѣмцевъ. Прямой, длинный старикъ, маленькій рыжій и три дамы съ копнами искусственныхъ свѣтло-рыжихъ волосъ, уложенныхъ яичкомъ на затылкѣ. Они пѣли по нотамъ, не понимая словъ.

— Господи помилуй, — несло съ клироса и казалось, что это поетъ не настоящий хоръ, а какой-то эрзацъ-хоръ.

Высокій священникъ, съ холенымъ, красивымъ лицомъ опереточнаго тенора, съ коротко остриженными волосами, въ пенсне, служилъ на распѣвѣ. Въ концѣ всенощной онъ выходилъ къ образу Богоматери и возглашалъ:

— Богородицу и матеръ свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ.

И сейчасъ-же, уставившись полными страсти глазами на Ликъ Пречистой, пѣлъ теноромъ: —

— Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ, Спасѣ моемъ. . . Хоръ мягко аккомпанировалъ ему. Полная дама, увѣрявшая, что Государь живъ, и рыжая

накрашенная, желавшая чистить отхожія мѣста у красноармейцевъ, бухались на колѣни и вторили священнику сладкими голосами.

Молитва была красива. Но слишкомъ много земной страсти было въ пѣніи священника и смотрѣлъ онъ на Божию Матерь наглыми глазами мужчины. Акаѳистъ звучалъ, какъ оперная арія, какъ любовная серенада. Оъ этого Ѳеодору Михайловичу было тяжело. Онъ уходилъ со всею ночью съ такими чувствами, какъ будто онъ былъ не въ церкви, а въ театрѣ, не молился, а грѣшилъ. Весь Берлинъ казался ему эрзацъ-городомъ, и церковь была эрзацъ-церковью, и священникъ казался самозванцемъ, эрзацъ-священникомъ. И долго въ ушахъ звучалъ теноръ, сопровождаемый въ полголоса нѣжнымъ контральто: — Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ. . .

Не была это молитва. . .

III.

Какъ-то зимою Декановы затащили Ѳеодора Михайловича въ циркъ Бушъ. Поѣхали своею компаніей: — Семья Николая Николаевича, Шпакъ и Ѳеодоръ Михайловичъ. Въ циркѣ показывали одиннадцать большихъ дрессированныхъ слоновъ. Слоны садились на барьеръ арены, играли на трубахъ, били въ барабаны, ходили и бѣгали по командѣ. Когда слоны вели себя неприлично, нѣмки визжали отъ восторга, и хохотъ раздавался по всему цирку. Потомъ выходили клоуны, давали другъ другу оплеухи, кувыркались, держали обручи стройной наѣздницѣ, скакавшей съ кавалеромъ на цирковомъ сѣдлѣ. Кавалеръ бралъ ее на руки и она плыла надъ толпой въ самыхъ соблазнительныхъ позахъ. Была еще труппа дагомейскихъ дикарей. Устраивали свой станъ, играли на инструментахъ изъ тыквъ и пѣли дикія пѣсни. Женщины съ сухими грудями, висящими, какъ концы башлыка, танцовали и прыгали, взвизгивая. Дикари ухали, сверкая бѣлыми зубами.

Все это было понятно, и Ѳеодоръ Михайловичъ сталъ забывать свою ноющую душевную боль. Рядомъ съ нимъ сидѣла Вѣрочка. Она искренно смѣялась и шуткамъ клоуновъ и смѣху толпы.

Арену прибрали, смели въ корзину слѣды невоспитанныхъ слоновъ, разстелили потертый блѣдно-розовый коверъ и на неё, щеголяя выправкой, твердо ступая въ ногу, вышло двадцать пять юношей. На нихъ были эраацъ-папахи изъ кроличьяго мѣха, какое-то подобіе Русскихъ кафтановъ, или черкесокъ, надѣтыхъ на бѣлыя, голубыя и красныя рубахи, и широкія шаровары, заправленные въ высокіе сапоги.

Федору Михайловичъ не надо было смотрѣть въ программу. — Онъ ихъ узналъ. Это были русскіе офицеры, русскіе юнкера и кадеты. Только русский кадетскій корпусъ, только Русское военное училище даетъ эту благородную выправку, чуждую натянутости прусскихъ офицеровъ и джентльменской распушенности англичанъ и французовъ. Федоръ Михайловичъ впился въ нихъ глазами. Ему казалось, что онъ могъ по фамиліямъ назвать ихъ. «Мазочка-помпонъ» Старцевъ, Бойсманъ, ихъ фельдфебель Купонскій, а это будто онъ самъ стоитъ, портупей-юнкеръ Кусковъ. Только... Никогда такъ худошавы и блѣдны не были ихъ лица. Никогда у нихъ, юнкеровъ роты его Величества, голодъ не смотрѣлъ изъ глазъ такимъ огненнымъ блескомъ. Молодые люди построились полукругомъ, какъ полковые пѣсенники, одинъ вышелъ впередъ, сталъ въ положеніе «вольно», закинулъ руки за спину, выставилъ лѣвую ногу и красивымъ баритономъ запѣлъ: —

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны...

Хоръ мягкими, плавными аккордами подхватилъ:

Выплываютъ росписные,
Острогрудые челны.

Что-то оборвалось въ груди у Федора Михайловича. Темный клубокъ подошелъ къ глазамъ. Онъ быстро всталъ, запахнулъ старенькое, потертое англійское пальто и протискался къ выходу. Декановъ пошелъ за нимъ.

Молча прошелъ Федоръ Михайловичъ черезъ тяжелую занавѣсъ, вышелъ изъ цирка и скорыми шагами направился къ темному каналу. Задувала вьюга. Сугробы тяжелаго, мокраго снѣга жались къ панелямъ и домамъ. Тускло мигали рѣдкіе фонари. Въ мутномъ, вьюжномъ сумракѣ тя-

желыми сводами темнѣли по ту сторону рѣки Шпрее аркады Національной Галлерей.

— Вамъ нехорошо? — нагоняя Оедора Михайловича, сказалъ Декановъ.

— Не могу я, Николай Николаевичъ, — понимаете, не могу!.. Русскіе офицеры, .. Русскіе юнкера, .. Тѣ, кто боролся три года противъ враговъ Родины. .. Голодные, въ шутовскихъ костюмахъ. .. Въ циркѣ, гдѣ слоны, гдѣ ди-кари-дагомейцы. ..

— Это временно . . . , пробормоталъ Декановъ.

— Какое испытаніе Россіи! Какое испытаніе Русской Арміи! Три съ лишнимъ года страшной войны. .. Милліоны смертей, тяжкія раненія, страданія. И еще три съ лишнимъ года войны за честь Родины, за Россію, за ея трехцвѣтный флагъ, за ея. . .

Оедоръ Михайловичъ зашнулся, и сказалъ, какъ-бы про себя.

— Да. . . Пустое мѣсто тамъ было. . . Пустое. . . Пойдемте назадъ. Вы понимаете, Николай Николаевичъ, какъ я люблю ихъ! Они родные. Родные. . . Я ихъ знаю. Это все равно, что не эти. Я ихъ все равно знаю. Это мои: Свѣтикъ, Игрунька, Олегъ. . . Это тѣ, что на Бзурѣ, по командѣ «въ атаку», встали. . . пошли. . . И были убиты. Это тѣ, кому въ госпиталяхъ отнимали ноги, а они лежали безъ стона. . . улыбались. Говорили: «сестрица, дайте покурить!».. Это тѣ, что отстояли-бы Россію и въ этомъ же Берлинѣ эти же пѣсни пѣли бы. . . Только не въ циркѣ, а на Unter den Linden. Не въ шутовскомъ костюмѣ за сто марокъ, а въ боевомъ нарядѣ. Какъ побѣдители. . . Если бы. . .

Они вернулись въ циркъ. Восторженными, сияющими глазами смотрѣла Вѣрочка на арену, гдѣ въ присядку танцовало два ловкихъ молодца —, а хоръ ухалъ и пѣлъ:

Ахъ, гдѣ — жъ ты, панянка, погуливала?

Не видать, не слыхать, и ничуть да про псе. . .

Проявилася панянка у насъ на селѣ,

У насъ на селѣ, на широкомъ на дворѣ! . . .

Пятитысячная толпа нѣмцевъ, переполнявшая громадный циркъ, ревѣла отъ восторга.

— Мама, — говорила Вѣрочка, — сжимая руку Екатерины Петровны. — Русскіе побѣдили. . .

— Да, — пробормоталъ Ѳеодоръ Михайловичъ, — не тамъ, гдѣ надо!

Въ эту ночь онъ не сомкнулъ ни на минуту глазъ. Вся прошлая жизнь встала передъ нимъ. Русскія пѣсни въ циркѣ Буша разбудили воспоминанія и прогнать прошлаго онъ не могъ.

На другой день онъ едва могъ дойти до мастерской. Работалъ вяло. Шпакъ смотрѣлъ на него и говорилъ: —

— Вы бы, Ваше превосходительство, пошли къ доктору. Отъ Краснаго Креста въ делегаціи если взять записку, онъ даромъ осмотритъ. Хорошій докторъ, Русскій. Москвичъ. Правда, генераловъ не долюбливаетъ, считаетъ, что генералы во всемъ виноваты, а такъ очень внимательный.

— Да надо пойти... Только хворать-то намъ, Евгений Павловичъ, не полагается.

— Ничего, Ваше превосходительство, похворайте. Я за васъ поработаю, по ночамъ. Справимся!

IV.

Декановы такъ настаивали, что Ѳеодоръ Михайловичъ отправился къ доктору. Докторъ Барсовъ, Виталій Николаевичъ, москвичъ, «общественный дѣятель», принимавшій во время войны участіе въ организаціи земскихъ лазаретовъ, еще молодой человѣкъ, бодрый, подвижной, съ круглымъ румянымъ лицомъ и маленькой подстриженной бородкой, по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, отъ одиннадцати до часа, принималъ Русскихъ бѣженцевъ бесплатно. Въ маленькой пріемной было уже пять человѣкъ, когда пришелъ Ѳеодоръ Михайловичъ. Онъ угрюмо сѣлъ въ углу, взялъ со стола старую нѣмецкую иллюстрированную газету, переплетенную въ толстый томъ, и сталъ разсматривать картинки, отгородившись ею отъ посѣтителей.

«Къ чему собственно я пришелъ?» — думалъ онъ. — Вѣдь я совершенно здоровъ. Крѣпокъ, силенъ.»

Но подъ сердцемъ сосало и была пустота. И странно, этого никогда раньше не было, — мысль быть на осмотрѣ у доктора его волновала.

— Генераль Кусковъ? — встрѣтилъ его Барсовъ на порогѣ кабинета, откуда только что вышла дама. —

— Такъ точно, — сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Что же у васъ? — Докторъ подошелъ къ рукойойнику, стоящему въ углу, и сталъ не спѣша мыть руки.

— Я и самъ не знаю, докторъ, что.

— Гм... Гм... Отвѣтъ не генеральскій, ваше превосходительство, попрошу раздѣться... Хорошо-съ... Сложеніе — богатырское... Было... Да, конечно, укатали сивку крутыя горки... А вѣдь горки-то, ваше превосходительство, были крутеньки, охъ, какъ крутеньки!... Вы и въ красной арміи служили и у Юденича были... Да, конечно... слыхалъ я...

Барсовъ ощупывалъ, выстукивалъ и выслушивалъ Ѳедора Михайловича, то прикасаясь холодными, влажными пальцами къ его груди, то нажимая ему на животъ, то прижимаясь къ его груди и спинѣ ухомъ.

— Питаніе недостаточное... Да, блѣдность, вялость кожи. Ну, это естественно... Легкія въ порядкѣ. Желудокъ, кишечникъ... все отлично. Вы изслѣдованія дѣлали?

— Нѣтъ, — коротко сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ. Докторъ въ это время крѣпко давилъ ему руками животъ.

— Больно?

— Нѣтъ.

— А тутъ?

— Тоже нѣтъ.

— Такъ... такъ... Безсонница, говорите вы. Что же, спать-то особенно не приходится. Поди и мысли тамъ разныя... И совѣсть тоже... Да... вотъ сердце, дѣйствительно, вяло. Наполненіе слабое. Вамъ сколько лѣтъ?

— Пятьдесятъ будетъ.

— Гмъ, рановато немного... Склерозъ уже есть. Вы бы могли отдохнуть, ванны побрать, въ Наугеймъ поѣхать, или хотя въ Орбъ или въ Кудову?

Докторъ посмотрѣлъ, какъ Ѳедоръ Михайловичъ надѣвалъ рваную рубашку, посмотрѣлъ на бахрому на его штанахъ и быстро перемѣнилъ разговоръ.

— Да... Конечно... Конечно... Дорого все это. Вы, мнѣ Шпакъ говорилъ, у Зенгерши работаете. Что она, платитъ по крайней мѣрѣ? Есть такія, что и вовсе не платятъ. Ну, что же, ваше превосходительство, питаніе надо бы улучшить. Утромъ-бы парочку яичекъ, эйнъ фюнфтель

ветчины. Работать поменьше, не ходить, а ѣздить. Сайодинъ я вамъ пропишу, охъ, дорогъ сталъ, мерзавецъ, — а еще лучше на ночь два стакана молока и въ каждый три капельки іоду...

— Докторъ! — взмолился Оедоръ Михайловичъ. — Вы же понимаете... Это невозможно. Яйцо сами знаете, что стоитъ.

— Записочку вамъ дамъ. Красный крестъ вамъ поможетъ. Немного, конечно, тамъ средства-то небольшія. Да и то неудобно, что вы генераль.

— Какъ это понять?

— Да, какъ сказать? Разъ генераль, должны быть и деньги.

Барсовъ остро и внимательно посмотрѣлъ въ глаза Оедору Михайловичу.

— Вѣдь, генералы всему виной были, есть и будутъ, — сказалъ онъ вдругъ, смягчая остроту того, что говорилъ, мягкой, свѣтлой улыбкой. — И тутъ. посмотрите, въ бѣженствѣ. Организуется, скажемъ, какое нибудь хорошее общественное начинаніе, какой-нибудь союзъ взаимопомощи, артель, магазинъ, затешутся туда генералы, станутъ командовать и пиши пропало. Такую бюрократію развѣдутъ! Бланки, отчетность, повѣрка суммъ.

— Какъ же можно безъ повѣрки суммъ, безъ отчетности. . . Особенно теперь, когда такъ упала нравственность.

— Тэ-тэ-тэ!.. А довѣріе къ общественнымъ силамъ. А тамъ, какъ постъ нашъ милый конферансье Ратовъ: — «пошла критика, малитика, политика и бѣдный мой кавказскій голова!» Вы не слыхали его пѣсню грузина — «Какъ пришли меньшевики, а потомъ большевики». . . Въ театрахъ-то бываете?

— Нѣтъ. . . Давно не былъ. . . Въ циркѣ какъ-то былъ. Поль-года тому назадъ. Вы мнѣ все-таки скажите, въ чемъ вы считаете виноватыми генераловъ?

— Не шли за общественностью, ваше превосходительство. Уже къ веснѣ 1915 года стало ясно, что они несостоятельны. Ну и надо было сдать все общественнымъ дѣятелямъ. Все, все. . . До командованія арміями включительно.

— Такъ вѣдь и сдали все. . .

— Когда?

— А при временномъ правительствѣ, и что же вышло?

— Да, вы вотъ про что... Ну, когданибудь поговоримъ. А теперь, понимаете, неудобно. Меня ждутъ... Такъ такъ-то, глубокоуважаемый. Сайодинъ, или іодъ въ молоко, яички утромъ, на завтракъ ветчина. бѣлая булочка, чаю пейте по меньше и слабого. Да, — вина, ни капли... До свиданія. Черезъ недѣлку покажитесь. Запишитесь у сестры на пріемъ.

Когда Ѳедоръ Михайловичъ выходилъ отъ доктора, бурно колотилось у него сердце. Въ глазахъ темнѣло. Спускался по коричневой мрачной лѣстницѣ и держался за перила. Ноги подкашивались. Безконечно долго шелъ по Kurfürstendamm'у и кружилась голова. Нѣсколько разъ останавливался у магазиновъ перевести дыханіе и отдышаться. Спирало въ горло. Мутными глазами смотрѣлъ на картины. Былъ нарисованъ старый нѣмецкій городъ, а рядомъ висѣлъ «Берлинъ подъ снѣгомъ» и подъ нимъ на коврѣ распростерлась плохо сложенная брюнетка съ копной волосъ на головѣ. Все это плыло мимо глазъ Ѳедора Михайловича въ красномъ туманѣ. Долженъ былъ держаться за поручни у окна, чтобы не упасть.

«Да, вотъ оно что», — билась назойливая мысль. «Генералы виноваты, что не пошли за общественностью. Все надо было сдать имъ — «Зем-союзамъ» и «Зем-горамъ». Полкъ отдать какому-нибудь земъ-гусару съ фантастическими погонями... Вотъ чего хотѣли тѣ, кто считалъ себя солью земли: — доктора, адвокаты, профессора и учителя!»

Все стало ясно.

Опять пошелъ по широкой панели, мимо голыхъ каштановъ. Сыпалъ мокрый снѣгъ. На плиткахъ тротуара было скользко. Встрѣчные прохожіе задѣвали его зонтиками. По ворсу желтаго пальто текли блестящія капли.

«Десять лѣтъ», думалъ онъ, — «съ самой революціи 1905 года шелъ штурмъ генераловъ и они держались. Десять лѣтъ — пресса, Государственная Дума, общественное мнѣніе добивались передачи власти отъ специалистовъ любителямъ. Десять лѣтъ шелъ натискъ на вѣру православную, на Русское государство и на Армію. Но вотъ война. На Русскую государственность и на «присяжныхъ» людей ополчились нѣмцы, австрійцы и турки. Стали на войнѣ истреблять лучшихъ людей, и въ это время къ генеральскимъ погонямъ

потянулись руки общественности. «Мы показали», — говорили Красные Кресты, Земь-союзы, и Земь-горы, — «как мы умѣем!» И блистали лазаретами, аристократками сестрами, рысаками, автомобилями, сладкими пирожками и фруктами. И создалось въ глазахъ толпы убѣжденіе, что, передай имъ власть, и жизнь будетъ не жизнь, а малина. Потечетъ молоко въ кисельныхъ берегахъ. И побѣда!.. — вотъ она будетъ побѣда!.. Что поддался этому простой, измученный войною на фронтѣ, развращенный въ тылу, закормленный пайками народъ, это было понятно... Но какъ поддались на это Государь и его генералы, какъ поддался на это онъ самъ, Ѳеодоръ Михайловичъ, это совсѣмъ непонятно. Барсовъ правъ: Государь Императоръ и генералы виноваты передъ Россіей, но только виноваты они не въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняетъ Барсовъ. Они виноваты, какъ виноватъ бываетъ кучеръ, посадившій на козлы мальчишку, неумѣющаго править, виноваты, какъ виноватъ наѣздникъ, давшій сѣсть неумѣющему ѣздить на горячую, кровную лошадь. И, когда разбита коляска и покалѣчены кони, когда мальчишка валяется съ раскроенной головой, когда, сбросивъ сѣдока, несется кровная лошадь, себя не помня, по оврагамъ и буеракамъ, виноваты кучеръ и наѣздникъ. И Государь и генералы виноваты въ томъ, что послушались и допустили вмѣсто себя общественность. И общественность себя показала. Когда стали къ правленію земскій дѣятель, профессоръ исторіи и адвокатъ: — все пошло прахомъ. Армія, а за нею Россія. И онъ, Ѳеодоръ Михайловичъ, виноватъ. Слѣпо былъ онъ преданъ Государю, а самъ измѣнилъ святому знамени, гдѣ было три символа: вѣра, царь и отечество, и пошелъ подъ кровавое знамя мятежа. И этого Господь никогда не проститъ. Государь великими муками и смертью искупилъ свою вину. Великими муками и смертью заплатили за свою вину многіе генералы, но проститъ Господь оставшихся въ живыхъ только тогда, когда явится истинный православный Царь. Когда явится и скажетъ — «долгъ, и отечество превыше всего. А о мнѣ вѣдайте, что мнѣ жизнь недорого, была-бы жива Россія», какъ сказалъ это Петръ. Когда явится Императоръ, подобный Александру I, и скажетъ: — «я отпущу волосы и бороду и удалюсь въ пустыню, но я не отдамъ своего отечества на поруганіе врагу.» Жертвы и подвига жаждетъ Господь отъ

согрѣшившихъ людей. Требуется не только покаянія, но и горѣнія въ исполненіи своего долга.

И спросилъ Ѳеодоръ Михайловичъ самъ себя.

«А было это всё эти пять лѣтъ? Было такъ, чтобы не словомъ, а дѣломъ, подвигомъ и смиреніемъ доказали-бы люди свое покаяніе?» —

И отвѣтилъ: —

«Да, тамъ, въ горахъ Македоніи и Албаніи, на шоссе-ныхъ работахъ, въ дремучемъ лѣсу у монастыря Горника, на фабрикахъ и каменоломняхъ Болгаріи, въ пустыняхъ Марокко, Туниса и Сиріи, гдѣ вечеромъ звучитъ «Отче нашъ», гдѣ сознательно поютъ святой старый Русскій гимнъ, гдѣ молятся о Русской славѣ, тамъ доказали и тамъ спасутся.»

«А остальные? Генералы, общественные дѣятели, политическія партіи отъ Авксентьева, Керенскаго, Кусковой, Чернова до легитимистовъ, конституціоналистовъ, рейхенгальцевъ, всё не думающія о подвигѣ и жертвенномъ горѣніи?»

«Въ геенну огненную! Потому что не манифестами, не воззваніями, не газетами, не листками, не распрями, не спорами спасется Россія, а сгораніемъ людей въ смѣлой, энергичной борьбѣ лицомъ къ лицу съ врагомъ, борьбѣ за вѣру прежде всего, за отечество и за царя.»

И вспомнилъ, какъ безъ спора отдавали заграницей святыя церкви большевикамъ, боясь скандала и полицейскихъ репрессій, какъ бранили Россію, какъ для Россіи не могли пожертвовать затасканными партійными программами. Снести на алтарь отечества жемчуга и брилліанты, проживаемые по заграничнымъ курортамъ и кабакамъ. Царя искали, и на царство шли между партіями въ гольфъ и въ бриджъ.

«Подвига ждалъ Господь! А подвига не было. И тамъ, гдѣ была нужна искупительная жертва — все кивали на Францію, на Германію, на Англію, на Америку, а на себя не наѣялись.»

Этотъ визитъ къ доктору и случайный, пустой разговоръ точно подвели черную черту подъ безконечными думами Ѳеодора Михайловича и написали итоги всей дѣятельности Русскихъ съ 1-го марта 1917 года и по настоящій день.

И стали въ итогъ одни нули. Вся кровь и жертвы Нарвы, Одессы, Царицына, Ростова, Новороссійска, Иркутска и Крыма дали: — Ничто.

Какъ дошелъ до своей квартиры, Ѳедоръ Михайловичъ не помнилъ. Сапожникъ Шютцингеръ ожидалъ его съ обѣдомъ. Ѳедоръ Михайловичъ поѣлъ безъ всякаго вкуса горохового супа и картофеля.

— Krank, Herr General, ein bisserl krank,¹⁾ сказалъ Шютцингеръ и помогъ Ѳедору Михайловичу добраться до постели, раздѣться и лечь. Онъ досталъ ему стаканъ Weinbrand и поставилъ на стулѣ.

— Ein bisserl ist gut²⁾, — сказалъ онъ.

«Не уйти мнѣ отсюда,» — подумалъ Ѳедоръ Михайловичъ.

V.

Послѣ пяти лѣтъ разлуки Декановы ожидали увидѣть своего Димочку. Сначала, съ зимы, они получали все болѣе и болѣе частыя письма отъ сына. Являлась надежда, что ему удастся накопить денегъ для поѣздки въ Германию, преодолѣть всѣ затрудненія съ паспортами и визами, получить отпускъ и приѣхать.

Екатерина Петровна боялась вѣрить такому счастью. Ждали весною или, можетъ быть, лѣтомъ.

И вдругъ утромъ, когда Екатерина Петровна вернулась съ базара на Wittenbergplatz — нагруженная рыбой «кабелъ», капустой и шпинатомъ для вечерняго ужина, ей подали телеграмму.

«Буду — 17го вечернимъ поѣдомъ.»

«Господи!» — подумала Екатерина Петровна, — «Да 17го то сегодня. Какъ же это такъ! — Покупки полетѣли на полъ. Она бросилась къ телефону.

— Fräulein, — молила она, вися въ темной передней пансіона у аппарата, — bitte, Steinplatz, hundert zwei, fünf null.³⁾

Полъ горѣлъ у нея подъ ногами. До вечера еще цѣлый день, а ей казалось, что у нея такъ мало времени и она не успѣетъ все сдѣлать, обо всемъ позаботиться. Два раза было falsch verbunden.⁴⁾ Екатерина Петровна чуть не плакала

¹⁾ Больны, господинъ генераль. Немного больны.

²⁾ Коньякъ. Немного — хорошо.

³⁾ Прошу Штейнплатцъ, сто два, пятьдесятъ.

⁴⁾ Неправильно соединили.

отъ досады. Наконецъ, добилась. Долго не могла дожидаться Николки. Точно не хотѣли ее понять въ банкѣ, что есть такой чиновникъ Декановъ, котораго ей надо видѣть.

— Was?.. Wie¹⁾?). слышалось въ трубку. Телефонная барышня торопила кончать. Гудѣла и пѣла проволока, и Екатеринѣ Петровнѣ казалось, что ее разъединили. Она хотѣла снова звонить, когда услышала родной, хриплый голосъ:

— Wer rufst²⁾?

— Коля! Николка! Это я...

— Кто?

— Господи, да я же!

— Катя?

— Ну. Да... Димочка ѣдетъ.

Послышался вздохъ и стукъ. Точно трубка упала изъ рукъ Деканова.

— Когда?

— Сегодня. Отпросись сейчасъ. Приходи.

— Говори толкомъ, когда же будетъ?

— Съ вечернимъ поѣздомъ.

— Отпрошусь съ обѣда...

Хотѣла говорить дальше, все рассказать. Жестокая барышня разъединила телефонъ. Екатерина Петровна побѣжала на улицу. Только башмачки стучали по ступенькамъ лѣстницы. Надо было все рассказать Вѣрочкѣ и съ нею готовить комнату Димочкѣ и «Лукулловскій» ужинъ. На Kurfürstendamm'ѣ стала у остановки трамвая. Все плыли мимо нея такіе ненужные. Ей нужно было 85 номеръ, а мимо шли 76, 176, «А»... Какъ нарочно... Екатерина Петровна разсердилась. Добѣжала до угла, гдѣ была остановка «Kraft-Omnibus'a и только стала тамъ, какъ мимо промчался пустой вагонъ 85 номера. Стало до слезъ обидно. Хотѣла бѣжать за нимъ. Но тутъ показался «жидовозъ». Екатерина Петровна помахала ему «ручкой» и остановила. Къ ея радости «жидовозъ» шелъ скоро и обогналъ «противный» трамвай. Съ остановки у Hallensee Екатерина Петровна добѣжала до мастерской Frau Senger.

¹⁾ Что? Какъ?

²⁾ Кто спрашиваетъ?

«Надо такъ сдѣлать, чтобы никто пока не узналъ. Сегодня, только мы. Мы одни. Никого не надо. Друзья, Федоръ Михайловичъ и Шпакъ — завтра.»

Она вызвала Вѣрочку на лѣстницу. Вѣрочка вышла съ перепачканными красками пальчиками и встревоженнымъ круглымъ личикомъ, но увидала сіяющее лицо матери и радостно воскликнула.

— Дима?!

— Да.

— Ну, конечно. Я такъ и знала. Когда?

— Представь... Сегодня. Я только что получила телеграмму.

— Боже! Какъ хорошо! Покажи!

Нагнувшись у окна нѣмецкой лѣстницы, темной, неприятной, пахнувшей мастикой и пылью, читали и перечитывали маленький листокъ телеграфнаго бланка. Будто слышали родной голосъ.

— Мама! нужно все хорошо приготовить.

— Да, душка!

— Деньги-то есть?

— Есть, есть. Я давно копила. У меня на это два доллара сбережено, изъ тѣхъ, что дядя Вася прислалъ. Помнишь, въ позапрошломъ году.

— Мама! Какая ты дальновидная.

— Идемъ сейчасъ.

— Хорошо. Я только лапы помою.

— Дома вымоешь. Не бѣда... Надо скорѣй. Я думаю, бѣлаго вина и Sekt.

— Коньяку еще. Папа такъ любить коньякъ и онъ давно не пилъ его.

— Хорошо. Я купила «кабельо».

— Мама. Это не годится. Мы ему приготовимъ Русскія щи и грешневую кашу.

— Пирожки купимъ у Фѣрстера. Съ мясомъ,

— Мама! Онъ съ мясомъ не любитъ. Съ капустой.

— И ветчины.

— Конечно, мама. Пирожковъ возьмемъ на TauenzienstraÙe.

— Я думала, въ русской кондитерской.

— Не поспѣемъ. Мы, мама, раздѣлимся и каждой дадимъ занятіе.

— Раньше всего комнату.

— Frau Maу общала. Я знаю, у ней есть свободная рядомъ съ вашей.

— Такъ идемъ-же!

— Идемъ!.. А папа! Знаетъ?

— Конечно! Такъ счастливъ. Я по телефону говорила. У него и трубка изъ рта полетѣла на полъ.

— Ну!

Объ побѣжали внизъ, на трамвай. Онѣ забыли свое бѣженство и бѣдность. Онѣ были счастливы.

VI.

Отъ пансіона, гдѣ жили Декановы, до Ангальтскаго вокзала было двѣнадцать минутъ ходьбы. На трамваѣ или автобусѣ и того меньше, но вышли за полтора часа. Хотѣли насладиться ожиданіемъ. Шли по широкой людной Lützowstraße и ихъ оживленные голоса звенѣли во влажномъ мартовскомъ воздухѣ. Вечеръ спускался на городъ розовыми дымчатыми туманами, садился на улицы угольною копотью и затягивалъ ихъ темнотою. Ярко вспыхнули фонари и даль стала казаться гуще. Небо сдѣлалось бездоннымъ и высокимъ.

— Пять лѣтъ не видались, — вздыхая, сказала Екатерина Петровна. — И не узнаемъ, пожалуй. Выросъ, возмужалъ.

— Онъ карточки въ прошломъ году посылалъ, не перемѣнился совсѣмъ, — сказала Вѣрочка.

— Мы не узнаемъ, онъ насъ узнаетъ, — сказалъ Декановъ.

— Ты думаешь, мы не перемѣнились! — воскликнула Екатерина Петровна. — Мы стали стариками.

Молодымъ счастьемъ горѣли ея глаза.

— Ты все такая, какъ была, когда онъ родился, — сказалъ Декановъ.

— Скажешь тоже, Никола!

Они шли, толкаясь, то торопились, то задерживали шагъ. Видѣли, что слишкомъ рано. Декановъ останавливался раскурить трубку, потомъ нагонялъ широкими шагами.

— Я высчиталъ: четыре года, три мѣсяца и двадцать дней мы его не видали.

— Онъ ушелъ 25-го ноября, на другой день послѣ маминыхъ именинъ.

— Ушелъ въ одиннадцать часовъ вечера, а въ три часа ночи насъ разбудили съ обыскомъ, — сказала Екатерина Петровна, — его искали.

— Потомъ взяли въ чрезвычайку, — сказала Вѣрочка.

— Да, пережили много. Ахъ, какъ много пережили, — вздохнула Екатерина Петровна, — а онъ-то, голубчикъ. Многого мы и не знаемъ.

— Сейчасъ расскажеть.

На Schönebergerstraße тускло горѣли фонари. По грязному асфальту, урча, тянулись грузовые автомобили съ прицепными платформами, груженными углемъ. Надъ головами были сотни путей и то и дѣло проносились поѣзда. Темные дома и заборы были черны отъ копоти. Екатерина Петровна не замѣчала неприглядности улицъ.

— Ты знаешь, Николка, — сказала она, — я положительно полюбила Берлинъ.

— Мама, мы ужасно рано пришли, — сказала Вѣрочка, глядя на большіе часы вокзала.

— Ничего, подождемъ. Ты подумай, онъ уже тутъ гдѣ то несется, приближаясь къ Берлину. Уже, поди Дихтерфельдъ проѣхалъ, — сказала Екатерина Петровна.

— Несется и думаетъ о насъ, — сказала Вѣрочка. — Какъ хорошо имѣть брата, какъ Дима, любить его и знать, что онъ любить.

Сидѣли на перронѣ противъ пути, гдѣ долженъ былъ придти поѣздъ. Вѣрочка нѣсколько разъ бѣгала посмотреть, вѣрно ли сидятъ. За пять минутъ до пріѣзда всѣ пошли къ рѣшеткамъ. Тамъ не было контроля. Внизу подъ доскою съ надписью «Ankunft»¹⁾ было написано мѣломъ, что «поѣздъ опаздываетъ на сорокъ минутъ».

Эти сорокъ минутъ имъ показались вѣчностью. Приходили какіе-то совсѣмъ ненужные Vorortzüge²⁾ и выбрасывали толпы пассажировъ. Вокзалъ гудѣлъ голосами, шар-

¹⁾ Прибытіе.

²⁾ Мѣстные поѣзда.

кали ноги, гремѣли телѣжки съ багажемъ. Потомъ на нѣсколько минутъ вокзалъ пустѣлъ и затихалъ. Наконецъ, платформа № 17 вспыхнула яркими электрическими огнями, какъ-то тревожно загудѣли по асфальту чугунными колесами десятки телѣжекъ и носильщики потянулись къ поезду. Гулъ колесъ раздиралъ нервы Екатерины Петровны. Сердце такъ колотилось, что ей казалось, она уже не въ состояніи будетъ встать. У рѣшетки толпились встрѣчающіе. Контролеры заняли мѣста въ клѣткахъ. Далеко въ темномъ дымномъ воздухѣ загорѣлся зеленый фонарь и повисъ въ небѣ. Гдѣ-то сбоку прозвонилъ телеграфъ. На верху появился красный огонь. Все это казалось Екатеринѣ Петровнѣ зловѣщимъ и значительнымъ. Послышался тяжелый, мѣрный гулъ и, сверкая однимъ фонаремъ, къ перрону подкатилъ громадный высокій паровозъ съ короткою и низкою трубою. Захлопали, открываясь двери, гдѣ-то щелкнуло быстро опущенное окно. Чей-то женскій картавый голосъ нетерпѣливо кричалъ: «Träger, Träger»!¹⁾

Первые пассажиры показались у рѣшотки. Какіе-то баварскіе мужики въ остроконечныхъ суконныхъ колпакахъ съ зелеными яркими лентами и волосяными кисточками, похожими на кисти для бритвы. Два молодыхъ челоѣка съ исцарапанными лицами проталили велосипеды. Прошелъ, махая билетикомъ, носильщикъ въ красной шапкѣ и толпа, какъ рѣка, остановленная плотиной, запрудила пропускные посты и разлилась во всю ширину перрона. Не было возможности разглядѣть и узнать въ ней кого-нибудь. Пропускали въ четыре калитки. Встрѣчающіе томились у нихъ и мѣшали смотрѣть.

— Мы прозѣваемъ его, — съ отчаяніемъ сказала Вѣрочка.

— Смотри, смотри, Вѣрочка, у тебя молодые глаза, ты должна увидѣть, — сказала Екатерина Петровна и, цѣпляясь за рукавъ Деканова, — поднялась на носки.

Хорошенькая дама въ модной шляпѣ колпакомъ подлѣ нихъ бросилась на шею толстому господину и сочно поцѣловала его въ губы. *Mein lieber Karl!*...

— *Mein lieber...*²⁾ вздыхала она и мѣшала смотрѣть Вѣрочкѣ.

¹⁾ Носильщикъ! Носильщикъ!

²⁾ Мой милый Карлъ! Мой милый!

Толпа убывала. И вдругъ она увидала его. Никто другой не могъ выглядѣть такъ, какъ онъ. Онъ былъ высокъ ростомъ. У него было чисто выбритое лицо съ маленькими подстриженными черными усиками. Сѣрая, мягкая, модная шляпа съ очень широкими полями и двумя примятыми спереди бросала тѣнь на его глаза. На немъ было легкое дорожное пальто цвѣта желтой пыли, съ кушачкомъ. Онъ самъ несъ свой плоскій кожаный чемоданъ. Онъ былъ очень изященъ. Вѣрочка его сейчасъ же узнала, хотя никогда не видала его въ штатскомъ. И онъ ее узналъ и замахалъ надъ головою рукою, радостно улыбаясь.

«Какъ онъ — думала Вѣрочка, — поцѣлуетъ здѣсь на людяхъ маму и меня?.. Онъ былъ застѣнчивый.» Странно было думать, что пять страшныхъ лѣтъ легло между ними. Казалось, вчера разстались.

Едва прошелъ онъ черезъ перронъ, какъ бросился въ объятія матери и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— А меня, меня... Дима..., говорилъ Декановъ, разставляя руки.

— И тебя, папа — воскликнулъ Дима и, освободившись изъ объятій матери, бросился въ объятія отца...

— А ты, — протягивая руку Вѣрочкѣ, сказалъ Дима, — ...ты... Красавица! — восхищенно сказалъ онъ, съ ногъ до головы оглядывая сестру.

— Дима! — восторженно взвизгнула Вѣрочка.

— Ты все тотъ же щенокъ! — сказалъ Дима, привлекая къ себѣ сестру и расцѣловалъ ее въ губы и щеки. — Милая! Родная! — говорилъ онъ между поцѣлуями.

У Деканова слеза за слезой текли по худощавому лицу, собирались на черныхъ усахъ и капали. Онъ хотѣлъ закурить трубку и щелкалъ по ней пальцемъ, какъ по зажигалкѣ, держа зажигалку, вмѣсто трубки, у рта.

— Папа, какой ты ужа-асно смѣшной, — воскликнула Вѣрочка, вынимая у отца изъ рта зажигалку. По ее нѣжному, розовому отъ волненія лицу текли слезы.

Съ вокзала ѣхали въ автомобилѣ. Автомобиль рычалъ и мчался по Königrätzerstraße, свернулъ на Potsdamer, выбирая людныя улицы. Декановъ и Екатерина Петровна сгорали отъ нетерпѣнія, торопясь пріѣхать домой. На главномъ сидѣньи сидѣли Екатерина Петровна и Дима.

Напротивъ Декановъ съ Вѣрочкой. Екатерина Петровна завладѣла правой рукой Димы, Вѣрочка лѣвой, и мать и сестра сжимали его руки и заглядывали въ его глаза. Сыпались, заглушенные шумомъ машины вопросы.

— Ты какъ?

— Отлично.

— Откуда?

— Сейчасъ изъ Парижа.

— Что тамъ?

— Пока ничего

— Ну вотъ мы и дома.

Тяжелый подъѣздъ ихъ принялъ. Мраморная лѣстница широкимъ маршемъ шла къ первому этажу. Оттуда поворачивала узкою, деревянною, и въ четыре колѣна, черными, дубовыми, сбитыми ступенями уходила наверхъ. Тускло горѣли прогорѣвшія закопченные лампочки. Во всемъ Дима, только что бывшій въ Парижѣ, подмѣчалъ упадокъ. Декановъ своимъ ключемъ открылъ дверь пансіона. Фрау Мау и горничная Эрна, принимавшія участіе въ счастьи своихъ постояльцевъ, встрѣтили Диму широкими, радушными улыбками масляныхъ лицъ.

— Дай руку старой. — шепнула по Русски Димѣ Екатерина Петровна. — Это наша пансіонская хозяйка. Очень хорошая женщина. — Unser Sohn, — обернулась она къ Frau May — fünf Jahre haben wir ihn nicht gesehen.¹⁾

— Fabelhaft!²⁾

— Ну, идемте, идемте, — торопилъ Декановъ. — Кончайте формальности.

Эрна низко присѣдала, умиленно глядя на красавца Русскаго, такъ похожаго на валютнаго иностранца. Вѣрочка отняла чемоданъ отъ Димы и пронесла въ его комнату. Она распахнула дверь и сказала:

— Пожалуйста! Все готово.

Маленькій столикъ былъ накрытъ на четыре прибора. Три бутылки и рюмки стояли на немъ. На умывальникѣ шумѣлъ «примусъ». На примусѣ стояла синяя эмалированная кострюля. Вѣрочка разогрѣвала щи. Въ комнатѣ пахло капустой съ мясомъ.

¹⁾ Это нашъ сынъ. Мы его не видали пять лѣтъ.

²⁾ Баснословно.

— Вотъ мы и дома, — повторила Екатерина Петровна. Убогое безвкусіе номера дешеваго нѣмецкаго пансіона, комнаты съ двумя широкими деревянными постелями, замусленной кушеткой объ одной покатой спинкѣ, пыльнымъ зеркаломъ и скверными олеографіями встрѣтило Диму у родителей.

VII.

Говорить было невозможно. Мысли летѣли. Разговоръ прыгалъ и срывался каждую минуту. Перебивали его различными путями. Такъ хотѣлось все другъ про друга узнать, а это все было такъ громадно. Точно не пять лѣтъ было прожито, а пятьдесятъ.

— Ну рассказывай, Дима. Ушелъ... И куда?

— Прямо къ дядѣ Петѣ. У него отношенія съ крестьянами были хорошія. Сахарный заводъ еще работалъ. Задѣлался я конторщикомъ.

— Ты... конторщикъ... Какъ папа!..

— Служу, а самъ прислушиваюсь. И услыхалъ: наши потянули къ Каледину, на Ростовъ.

— И ты туда?..

— Конечно, папа.

— Кушай, Димочка, щи. Пока горячія. Ничего мать стоговила? Она у тебя и кухарка, и прачка, и горничная. «Одной прислугой» могу публиковаться.

— Дивныя щи, мама.

— Къ Корнилову?, — наливая себѣ и сыну коньякъ, сказала Декановъ. — Коньякъ-то, Дима, вдѣсь не важнецъ. Ну, за неимѣніемъ гербовой напишемъ на простой.

— Къ Корнилову...

— За полкъ!

— За полкъ!

— Въ Ледяномъ походѣ былъ... Ну, былъ раненъ.

— Ты ничего не писалъ?

— Не хотѣлъ беспокоить.

— Рана какъ, зажила?

— Не совѣмъ. Все пулю достать не могутъ. Мѣшаетъ она мнѣ ѣздить верхомъ. Пришлось уйдти въ штабъ.

— Не по тебѣ это?

— Дима, а рана?.. Болить?

— Теперь, мама, я давно и думать о ней позабылъ.

— Ты вѣдь потомъ опять служилъ?

— Да, въ Самурскомъ пѣхотномъ полку. Тамъ меня при эвакуаціи тифъ схватилъ. Если бы не англичане, попалъ бы въ руки красныхъ.

— Ужасно!

— Димочка, я тебѣ еще налью. Русскія щи. Сама готовила.

— Спасибо, мама.

— Ну, дальше!

— Да что, всего, всего было и не расскажешь. Какъ вы выбрались?

— Чудомъ. Мы тоже въ тифу съ мамой лежали въ тюремной больницѣ.

— А вотъ выбились. Отецъ въ банкѣ, Вѣрочка ящики расписываетъ, а я дома — «одной прислугой».

— Ну, а въ Парижѣ почему былъ?

— Видишь, папа, я сталъ послѣ всего пережитаго совсемъ другимъ. Когда меня бросили въ Анапѣ, оглянувшись я, задумался и рѣшилъ, — ты прости, мама, прямо по солдатски скажу: — сволочь народъ сталъ. Честь позабылъ, совѣсти не стало. И рѣшилъ я стать новымъ человѣкомъ, какіе нужны новую Россію строить. Прежде всего, думаю, надо на ноги стать, надо деньги заработать. Спасибо вамъ, милые мои, что объ образованіи моемъ позаботились, спасибо и миссъ Гемсъ, что такъ прекрасно меня научила. Послѣ эвакуаціи я въ два счета задѣлался сначала въ миссію, а потомъ въ торговую контору. Два года я работалъ, какъ волъ, хотѣлъ столько заработать, чтобы вамъ помочь и самому учиться. Я поступаю съ осени въ Льежѣ въ Политехникумъ, на электрическое отдѣленіе. Электрофикація, такъ электрофикація, чортъ возьми, только не большевики ее дадутъ Русскому народу, а мы, молодая Русская эмиграція. . . Ну, да это потомъ. Какъ вы живете. . . Плохо?

— Грѣхъ Бога гнѣвить, Дима, мы живемъ, какъ немногіе тутъ живутъ.

— Папа какъ похудѣлъ! И щеки ввалились. И сѣдины сколько. И ты, мама, свои художественныя ручки загубишь въ конецъ. Нельзя такъ работать. Я не позволю. Ну, а щенокъ какъ? Скучаешь, Вѣра?

— Я, нѣтъ. Мы работаемъ, Дима. Работа святое дѣло.

— Не на такую работу мы рождены съ тобою, милая Вѣра. И я все это передѣлаю. Съ кѣмъ выдается?

— Да ни съ кѣмъ. Разъ въ мѣсяцъ, по вторникамъ послѣ перваго, въ маленькомъ рестораникѣ Fluchtverbandhaus, тутъ недалеко, собираемся полковою семьею. Насъ здѣсь семь человѣкъ живетъ. Вотъ и ты пойдешь. Хотя и недолго, а ты у насъ былъ. Ты нашъ. . . Ну, еще сослуживцы Вѣры. Ротмистръ Шпакъ, премилый юноша, еще у насъ тутъ другъ одинъ есть. Святой души человѣкъ, генераль Кусковъ. Онъ тамъ же, гдѣ Вѣра работаетъ.

— Кусковъ. . . Кусковъ. . . Пстой, папа. . . Да, этотъ «типъ» кажется былъ у большевиковъ.

— Дима, не говори такъ про Оедора Михайловича. Его надо понять. Вѣдь, и папа былъ у большевиковъ.

— Да, былъ. Конторщикомъ на лѣсномъ складѣ. А этотъ «типъ» командовалъ красной дивизіей. Одно время его дивизія стояла противъ насъ. Дралась великолѣпно. Одѣта, снабжена, выправлена, хотя-бы и не большевикамъ такъ. Старые Русскіе солдаты. Мы плѣнныхъ брали. Любить своего «товарища Кускова». Хорошъ «типъ». А сынъ мой его. . . Я ихъ есѣхъ зналъ. . . — противъ него. Старшій недавно въ Парижѣ застрѣлился. Недѣли за двѣ до моего пріѣзда. Американская дуэль, рассказывали, была изъ-за публичной дѣвки.

— Святославъ Оедоровичъ застрѣлился, — прошептала Вѣрочка. — Царство ему небесное.

— Онъ очень хорошій офицеръ былъ. Жалко, погибъ ни за понюхъ табака!

— Отецъ и не знаетъ, — сказала, крестясь Екатерина Петровна.

— Второі, Игорьъ, молодчина, красавецъ, какихъ мало, Чернобыльскій гусаръ. Мнѣ про него говорили еще въ Константинополѣ, — уѣхалъ въ Америку и, какъ въ воду канулъ. Младшій, Олегъ и сейчасъ на работахъ въ Юго-Славіи. Совсѣмъ не то монахъ, не то юродивый, а кажется, славный парень. У нихъ сестра была, Лиза, — та безъ вѣсти пропала въ Ростовѣ. Мнѣ ихъ жаль. Всѣ отличные были люди и такой отецъ!

— Дима! — воскликнула Вѣрочка, — вы, не выдашіе близко большевиковъ, не знаете этого. Федора Михайловича надо понять и, когда поймешь, простить.

— Ни понять-ни простить, — сказалъ Дима, раскуривая папиросу. — Ты, папа, давно на трубку перешелъ?

— Еще въ Совдепіи, какъ табаку не стало, привыкъ, да и дешевле.

Такъ говорили до утра. Сосѣдъ, медицинскій студентъ, Фрицъ Штробель не сердился на нихъ. И никто въ пансіонѣ не сердился. «Пять лѣтъ не видались съ сыномъ. Тоже тяжелую драму переживаютъ эти Русскіе», и имъ не легче, чѣмъ нѣмцамъ.»

Разошлись по комнатамъ въ восьмомъ часу утра. Декановъ вздремнулъ немного. потомъ всталъ и, не будя только что уснувшую Екатерину Петровну, на цыпочкахъ вышелъ въ переднюю. Онъ не удержался отъ искушенія пріоткрыть дверь и заглянуть къ сыну. Вѣрочка поймала его на этомъ.

— Папа, — прошептала она, — можно?

Декановъ поманилъ ее пальцемъ и отецъ и дочь минуты двѣ любовались Димой, крѣпко спавшимъ въ полумракѣ маленькаго номера.

VIII.

Дима проснулся въ одиннадцатомъ часу отъ того, что рядомъ, въ номерѣ, Эрна уронила щетку. Онъ быстро одѣлся, привелъ себя въ порядокъ, подошелъ къ номеру родителей и постучалъ. Никто не отвѣлитъ.

— Der Herr und Fräulein Wera sind weg,¹⁾ — сказала, высовываясь изъ номера, Эрна, улыбнулась молодому человеку и скрылась въ комнату.

Дима осторожно пріоткрылъ дверь. Екатерина Петровна спала на боку, повернувшись лицомъ къ двери. Покой и счастье играли на ея порозовѣвшемъ, казавшемся почти юномъ лицѣ. Темная съ просѣдью коса, небрежно спускалась съ подушки. Маленькія ручки были положены поверхъ одѣяла. Она едва слышно дышала.

Теплое чувство нѣжности и любви, какой еще никогда не испытывалъ Дима къ матери, залило его сердце.

¹⁾ Господинъ и барышня Вѣра ушли.

— Мама моя! Милая мама!, — прошепталъ онъ.

Онъ тихо прокрался къ постели, опустился на колѣни и покрылъ поцѣлуями руки матери. Екатерина Петровна сейчасъ же проснулась. Ей стало стыдно, что она въ постели, но радостно было видѣть милаго Диму подлѣ себя.

Она вѣдохнула, улыбнулась. Ясны были ея красивые, темно каріе глаза въ темномъ кружевѣ рѣсницъ. Маленькая ручка опустилась на голову сына и привычнымъ съ дѣтства для Димы движеніемъ стала терѣбить его волосы.

— Дима! Милый! Какъ хорошо, что ты пришелъ. Поговоримъ. У меня есть много, много, что мнѣ надо тебя спросить.

Гибкимъ, мягкимъ движеніемъ чуть полнѣющаго тѣла, она приподнялась на подушки и сѣла, давая сыну мѣсто на постели.

— Садись и говори!

Дима покорно сѣлъ. Его сердце все больше охватывалось волненіемъ сладкой любви. Онъ сразу почувствовалъ, до чего родная, до чего близкая была ему мать. И душа его открылась. Онъ смотрѣлъ на мать восторженными глазами, полными такой нѣжности, что Екатерина Петровна смутилась отъ счастья.

«Господи!» — подумала она. — «Если нужны были всѣ муки, оскорбленія и униженія этихъ пяти лѣтъ?.. Благодарю Тебя, Господи. за эти минуты радости, за это величайшее счастье.»

— Мама, — сказалъ Дима, — цѣлуя мать, какъ когда-то цѣловалъ ребенкомъ, «въ душку», въ шею подъ подбородкомъ, — душа моя открыта.

— Дима. . . Ты вѣруешь въ Бога?

— Да.

— Ты не измѣнилъ православной церкви?

— Нѣтъ.

— Спрашиваю, Дима, такъ, потому, что многіе польстились на блага земныя и перешли въ католичество. Богъ имъ судья, милый Дима, но, знай, великій грѣхъ они сотворили. Не проститъ имъ Господь. Люби нашу вѣру православную.

— Мама! Я рыцарь! Именно теперь, когда гонима вѣра православная, я считаю величайшею подлостью измѣнить ей.

— Такъ Дима. Нѣтъ красивѣе нашей вѣры. Она одна даетъ душевный покой. . . Я испытала это и тамъ. . . И тутъ. . . Молись каждый день, Дима! . . . Дима, Русскій — только православный!

Она протянула къ нему обѣ руки. Онъ порывисто схватилъ ея маленькія ручки и нѣжно и благоговѣнно поцѣловалъ ихъ.

— Дима, ты. . . монархистъ?

Каріе глаза матери впились въ темные глаза сына и, казалось, проникали въ самую душу его.

— Нѣтъ, мама.

— Нѣтъ?

Ея пальцы разжались, отпустили руки сына и маленькія ея ручки упали на одеяло.

Дима всталъ съ постели, прошелся по комнатѣ и остановился въ ногахъ матери. Смѣло и ясно смотрѣлъ на мать.

— Нѣтъ, мама. . . Я не принадлежу ни къ какой партіи. Но Царя ношу въ своемъ сердцѣ, потому что исторію Россіи помню и такъ много пережилъ теперь. Въ Добровольческой арміи, потомъ во время службы у англичанъ, мнѣ приходилось сталкиваться съ людьми всѣхъ партій и всѣхъ направленій. Это, мама, ненормальные люди. Это — Никиты Пустосвяты. Имъ не суть вѣры важна, а то какъ писать, «Исусъ» или «Иисусъ», креститься двумя перстами или тремя. Я, мама. . . Да скажу, что вся теперешняя молодежь. . . Мы стали шире. . . Тотъ футляръ, что поневолѣ носили вы, наши родители, еще болѣе тѣсный футляръ, что надѣвается на людей всякая партія, — и монархическая тоже — мы, мама, скинули этотъ футляръ. . . Мнѣ, какъ-то, въ конторѣ казакъ старшій одинъ говорилъ: «ты мнѣ правду матку подай, а программа мнѣ не нужна. Я ея въ толкъ не возьму, а ты мнѣ просто скажи, съ царемъ или безъ царя». . . Бесѣдовалъ я, мама, съ монархистами, то есть съ партійными, конечно. Имъ нуженъ такой царь, который ихъ программу бы призналъ. И у каждого разная программа. «А, если,» — говорю, — «царь да кое что отъ «кадетъ» позаимствуетъ, или какогонибудь эсъ-эра министромъ сдѣлаетъ, что тогда?» — «Намъ такого царя не надобно». Видишь, мама, имъ не царь нуженъ, а имъ нужно первенство ихъ партіи передъ другими. . . Словомъ. . . я такъ понимаю: если править партія, то ненависть и борь-

ба, гибель культуры и разложенье. Если Царь сидитъ на престолѣ московскомъ, царь безпартийный, царь надпартийный, царь, который выше всѣхъ этихъ программъ, лозунговъ и перегородокъ то любовь и миръ, и общая дружная работа. Царь беретъ работниковъ, любящихъ дѣло, понимающихъ, какъ надо дѣлать, и не спрашиваетъ ихъ, какой они партіи. Онъ спрашиваетъ дѣло и преслѣдуетъ за упущенье этого дѣла, а не за то, что человѣкъ когда-то числился въ какой то партіи. И потому, мама, у насъ ничего не выходитъ, что царя ищетъ партія. Вотъ, когда царя вся Россія станетъ искать, — тогда конецъ будетъ разбойничьему управленію, грабежу Россіи. Я говорилъ съ Американцами. Ты знаешь, вѣдь они демократы до мозга костей и имъ говорить о монархіи, — это все равно, что передъ быкомъ махать краснымъ плащомъ, и они меня поняли, что такой царь, такая монархія совершеннѣйшая форма правленія.

— Какъ-же, Дима, ты рисуешь себѣ конецъ всего нашего ужаса?

— Когда я думаю о концѣ, неизмѣнно встаетъ у меня въ головѣ одно имя. Не знаю почему, — это вопросъ массовой психологіи, — оно на устахъ у всѣхъ. Это имя великаго князя, верховнаго главнокомандующаго Николая Николаевича. — Мнѣ вотъ приходилось встрѣчаться въ Константинополѣ съ членами «Союза возвращенія на Родину.»

— Большевиками?

— Да, большевиками. . . И знаю, — и у нихъ это имя. И мнѣ кажется, что скоро будетъ день, когда во главѣ какого-то идеально вооруженнаго отряда честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и смѣлыхъ людей лвится онъ въ Петербургъ. А потомъ въ Петербургъ, въ зданіи военного округа, за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сядетъ онъ на председательскомъ мѣстѣ, и по одну сторону отъ него сядутъ генералы Деникинъ, Врангель, Юденичъ, Кутеповъ, Миллеръ, а по другую Надежный, Цуриковъ, Буденный, Лебедевъ, Шейдеманъ, Гарфъ, Каменевъ. . . — И скажетъ Великій Князь: — «Я пригласилъ васъ, господа, чтобы совмѣстными усиліями приступить къ созданію Русской Арміи. Наша Родина, — Россія погибла, потому что погибла ея армія, и, чтобъ создать Россію, нужно создать Армію. Генералъ Каменевъ, сдѣлайте докладъ о составѣ, расположеніи и устройствѣ того, что было красной

арміей.» — И начнется дѣловая работа, чужлая истеричныхъ партійныхъ выкликовъ и демагогическихъ рѣчей.

— Дима. Ты самъ себѣ противорѣчишь. Ты вчера такъ строго осуждалъ генерала Кускова, а сейчасъ самъ проповѣдуешь примиреніе съ большевиками.

— Нѣтъ, мама. Ты меня не поняла. Прощенія Кускова и всѣхъ прочихъ быть не можетъ, и если мы ихъ судить будемъ, мы ихъ осудимъ, какъ осудимъ всѣхъ красныхъ командировъ. Да если станемъ судить, — придется осудить и многихъ бѣлыхъ. Преступниковъ такъ много, преступленія такъ громадны, что судить ихъ уже не намъ. Судить ихъ будетъ Богъ, и прощать ихъ только можетъ Богъ. Мы ихъ ни понять, ни простить не можемъ.

— Дима! Ты виляешь. Ты не можешь ни понять, ни простить тѣхъ, кто работалъ съ большевиками, и ты хочешь всѣхъ этихъ красныхъ генерловъ сажать за одинъ столъ съ честнѣйшими патріотами Русской земли.

— Долго и много я думалъ, мама. И пришелъ къ тому: тутъ Русскіе и тамъ Русскіе. Русский можетъ побѣдить нѣмца, можетъ побѣдить француза, поляка и турка. И побѣждалъ. . . Тому свидѣтели тѣ черныя, истлѣвшія знамена и ржавые ключи, что показывала ты мнѣ, мама, въ Казанскомъ соборѣ, когда я былъ мальчикомъ. Но Русский Русскаго никогда не побѣдитъ. Когда я съ Самурскимъ полкомъ стоялъ противъ дивизіи Кускова, я понялъ это. Борьба бесполезна. И нужно не судить и не стараться понять другъ друга, не ковыряться въ душѣ, а стать просто на дѣловую работу.

— А если они не захотятъ?

— Повѣсить въ два счета.

— Кто же ихъ повѣситъ? Какая сила?

— Та же красная армія. Она станетъ Русской, какъ только почувствуетъ приближеніе законнаго, надпартійнаго вождя и она сокрушитъ всѣхъ тѣхъ, кто не покается и не омоетъ себя святою водою, кто не признаетъ православія и Россіи, о которыхъ ты вѣрно мнѣ сказала, что православіе и Россія одно. И не православный-не Русский. Я не говорю о магометанахъ и буддистахъ, они слились съ нами. И мы ихъ поняли и они насъ понимаютъ.

— Да, вотъ какъ . . . , раздумчиво скавала Екатерина Петровна. Она смотрѣла на сына. Онъ былъ прекрасенъ. Въ глазахъ горѣли угли энергіи и напряженной воли. Точно отъ англичанъ, своихъ сотрудниковъ, онъ научился просто и логично мыслить и безхитростно подходить ко всякому вопросу.

— Мама. . . Когда явился Наполеонъ, онъ произвелъ въ маршалы Даву, Нея и другихъ дѣятелей революціи, санкюлотскихъ вождей. И они стали ревностными слугами Императора Наполеона. Они, республиканцы. Во имя Франціи. . . Во имя Франціи, съ именемъ Наполеона на устахъ, они прошли всю Европу и споткнулись только на Москвѣ. . . Мама — если Цуриковъ, Буденный, Каменевъ и Лебедевъ, если Врангель, Деникинъ, Юденичъ, Миллеръ, Кутеновъ — Русскіе, то они съ именемъ великаго князя, а потомъ царя, котораго онъ укажетъ, сметутъ всю нечисть, налипшую на Кремль, и создадутъ великую Россію.

— Но если они захотятъ остаться . . . служителями III интернационала, служителями Сатаны?

— Тогда и ихъ, какъ Ленина, Троцкаго, Зиновьева и всю прочую продажную сволочь, смететъ Русскій народъ при одномъ дуновеніи правды Божіей.

Екатерина Петровна опять посмотрѣла на сына. Да, другой онъ былъ, чѣмъ ея Николка, другой, чѣмъ Ѳедоръ Михайловичъ Кусковъ. Шло съ нимъ въ Россію новое поколѣніе. И, точно угадывая мысли матери, Дима подошелъ и сѣлъ подле нея.

— Мама, мы выросли и возмужали въ огнѣ и бурѣ. За послѣдніе шесть мѣсяцевъ, по порученію одной фирмы, я объѣхалъ Европу. Я видѣлъ студентовъ Чехо-Словакии, студентовъ и школьниковъ Юго-Славіи, я познакомился съ Русскою молодежью во Франціи. Я видѣлъ донскихъ кадетъ въ суровой Черногорской Билечѣ. Я бесѣдовалъ съ юнкерами нашей «школы» въ Бѣлой Церкви. Кошутичъ, славный сербъ старикъ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ: — «мнѣ говорили дѣти-кадеты: За что насъ держать въ тюрьмѣ? Чѣмъ провинились мы, или родители наши?» Да, Билеча хуже самой суровой тюрьмы. . . А тамъ дѣти учатся. Тамъ преподаватели и воспитатели живутъ въ такой убогой обстановкѣ, какой и схимники не видѣли. Ихъ кормятъ впро-

голодь. Они не получают мѣсяцами нищенскаго жалованья. Ихъ прижимаютъ свои-же „дѣятели“, партійные радѣтели... И эта нищая молодежь, между лекціями занимающаяся тяжелымъ физическимъ трудомъ, идетъ первую среди иностранцевъ! Профессора все нѣтъ нѣтъ да играютъ имъ на старой социалистической волынкѣ, а они... нѣтъ, мама, это надо рассказать подробнѣе... Въ Парижѣ, наканунѣ моего отъѣзда, было дѣловое собраніе молодежи. Собралось человѣкъ триста. Студенты, интеллигентные рабочіе. Худые, загорѣлые, съ моволистыми руками, голодными глазами, въ истасканномъ и грязномъ платьѣ. Руководители собранія, старые люди, все виляли въ своихъ рѣчахъ, все говорили, что собравшіеся аполитичны, что ихъ союзъ не занимается политикой. И вышелъ студентъ... Попросилъ онъ слова къ порядку дня... Дали... Онъ всталъ и твердымъ яснымъ голосомъ сказалъ: — «Не пора-ли, господа, намъ опредѣленно поднять нашъ лозунгъ: «За вѣру, царя и отечество». Не знаю кто началъ. Можетъ быть, это и я или другой кто — мы все были единомышленники — запѣлъ «Боже царя храни». Если-бы, мама, ты знала, сколько силы было въ этихъ звукахъ! Я думаю, сто двадцать пять лѣтъ тому назадъ французская марсельеза не звучала въ Парижѣ такъ мощно, какъ звучалъ этотъ святой гимнъ, что пѣли тамъ молодые голоса.

— Дима! Дай мнѣ поцѣловать тебя!

— Мама! Мы совсѣмъ другіе, чѣмъ вы. Мы другіе. Чѣмъ были ваши дѣды? Мнѣ кажется, что въ насъ есть нѣчто отъ прадѣдовъ нашихъ. Мы подобны Толстовскимъ героямъ. Николаю и Петѣ Ростовымъ, Васкѣ Денисову, Дорохову. Тѣхъ породила великая Отечественная война и отблески Французской революціи, а мы рождены великою Отечественной войною и закалены страшнымъ бунтомъ черни... И до чего мы сильны! Въ Константинополѣ, мой товарищъ по лицу, ты его должна помнить, Миша Сапожковъ...

— Сынъ Варвары Михайловны. Дача въ Павловскѣ. Сейчасъ за крѣпостью?

— Онъ самый.

— Онъ живъ?

— Да. Въ Сорбоннѣ учится.

— А мать?

— Скончалась отъ сыпного тифа. Такъ вотъ, Миша Сапожковъ, худой, шуплый, голодный. Щеки ввалились. Совсѣмъ черепъ на тонкой шеѣ. Голодающій индусъ. Кричитъ мнѣ: «Нѣтъ еврейскаго вопроса! Его выдумала наша слабость, наша дряблость. Мы теперь сильны. Мы не боимся ихъ конкуренціи. Давайте имъ, чертъ возьми, какое угодно равноправіе, мы ихъ побьемъ. На какомъ угодно экзаменѣ мы будемъ первые. Пусть ѣдутъ евреи въ Россію. Они заставятъ насъ проснуться и работать. Мы потому и были слабы, что насъ всѣ опекали. Долой опеку!.. Справимся!..»

— Ну это онъ чересчуръ хватилъ.

— Кто знаетъ, мама! Вотъ я вчера подмѣтилъ и у тебя, и у папы, и даже у Вѣры въ глазахъ грусть. Вы будто не вѣрите, что спасеніе близко.

— Охъ, Дима! И хотимъ вѣрить. Да извѣрились. Боимся.

— Мама! Молодежь наша тому порукой. При Петрѣ, чтобы поднять Россію, посылали десятокъ молодыхъ людей учиться за границу. Теперь судьба послала насъ десятки тысячъ и мы принесемъ въ расхлябанную, облѣнившуюся, закисшую въ безграмотности Русь — и наши знанія, и нашу волю, и нашъ страшный закалъ въ терпѣніи и работѣ. Мнѣ, мама, за Россію не страшно...

— Съ тобою, Дима, и мнѣ становится спокойнѣе. А съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Кусковымъ ты всетаки познакомься... Ну не понимай его, не прощай, но поговори съ нимъ. Ему очень тяжело и къ тому же онъ боленъ.

IX.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ боленъ. Сначала онъ крѣпился. По утрамъ шелъ работать въ мастерскую Зенгеръ, стоялъ надъ столомъ, заваленнымъ частями коробочекъ, варилъ на желѣзной печкѣ клей, строгалъ и подчищалъ ящички, но у него скоро начинала кружиться голова. Онъ бѣзсильно садился на стулъ и долго сидѣлъ, ничего не соображая.

— Вы бы, ваше превосходительство, бросили, — говорилъ Шпакъ.

Но Ѳедоръ Михайловичъ снова принимался за работу и черезъ силу досиживалъ до обѣденнаго перерыва. Когда

шелъ домой, бралъ работу на домъ. Но дома не работалъ. Въ безсиліи лежалъ на постели въ темной душной комнаткѣ. Его навѣщаль Шпакъ. Рассказывалъ ему Берлинскія новости, приносилъ то булку, то банку мармелада отъ Декановыхъ.

— Спасибо, — говорилъ Оедоръ Михайловичъ. — Только скажите, что не надо. Понимаете... Не надо, ничего мнѣ не надо...

Говорилъ правду. Желанія ѣсть не было.

Какъ-то, въ церкви, не той маленькой, уютной домовою, что Императоръ Александръ III построилъ для себя, въ своемъ домѣ на Unter den Linden, — та уже была нѣмецкимъ правительствомъ отнята у законныхъ владѣльцевъ и отдана большевикамъ. — а въ другой, простой и неуютной комнатѣ на Nachodstraße, Шпакъ въ людской толпѣ произнесъ имя Кускова. Къ нему близко подошла высокая женщина, просто и скромно, но хорошо одѣтая, въ соломенной черной шляпкѣ, закрывавшей ея волосы и надвинутой на низкій лобъ. У нея были большіе, желто-каріе красивые глаза на кругломъ, русскомъ, румяномъ лицѣ. Крупные неровные зубы сверкали изъ-подъ полныхъ губъ. Она была вся — Русская. Гдѣ бы, кто ее ни увидѣлъ, — никто не принялъ бы ее за иностранку, — столько въ ней было той мягкой граціи въ движеніяхъ, глубокой доброты въ глазахъ и пѣвучей плавности рѣчи, какими обладаютъ только Русскія женщины.

— Вы сказали, Кусковъ? — сказала она, ласково глядя на Шпака. — Какой Кусковъ?

— Генераль, Оедоръ Михайловичъ, — отвѣчалъ Шпакъ.

— Большевикъ? — нараспѣвъ сказала женщина.

— Да, онъ служилъ въ красной арміи, но я его зналъ уже поручикомъ Сѣверо-Западной, гдѣ и самъ имѣлъ честь служить.

— Онъ здѣсь?

— Да.

— А вы про сыновей его ничего не слыхали?

— Нѣтъ. Ничего. И онъ ничего про нихъ, вотъ уже пятый годъ, не знаетъ.

— Старшій, Святославъ застрѣлился въ Парижѣ изъ-за Муранова.

Она хотѣла уже отойти отъ Шпака, но Шпакъ сказалъ.

— Онъ теперь въ нищетѣ лежитъ... Больной... Умираетъ.

Она остановилась.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ Halensee.

— Вы знаете его адресъ?

— Да.

— Скажите мнѣ. Я сейчасъ къ нему поѣду. Я знала его второго сына, Игруньку... Я постараюсь ему помочь... Чѣмъ могу, конечно... У меня у самой ничего нѣтъ.

— Святая душа, — сказалъ дожидавшійся ея почтенный господинъ въ усахъ и сѣдой бородкѣ клинушкой. — Гдѣ услышитъ, сейчасъ спѣшитъ на помощь.

— Маремьяна странница обо всѣхъ печальница — вы такъ говорили? — обернулась она къ старику.

— Нѣтъ, позвольте, я такъ про васъ не говорилъ.

— Мнѣ казалось, что вы говорили... — Такъ ѣдьте.

— Простите, — сказалъ Шпакъ, — но я совершенно не знаю, кто вы такая?

— Я... Ахъ да... Въ нынѣшнее время надо знать. Я сестра Серебренникова, Софія Ивановна... Вотъ и все. Не вѣрите? Спросите кого хотите. Баюшку, отца архимандрита Тихона, спросите. Онъ вамъ скажетъ, кто я.

— Не беспокойтесь, ротмистръ, — сказалъ старикъ. — Вашъ Кусковъ святую душу обрѣлъ. Если онъ боленъ, можете считать его здоровымъ. Наша Софія Ивановна мертвыхъ воскрешаетъ, больныхъ исцѣляетъ.

— Будетъ вамъ, — сказала Софія Ивановна. — Это грѣхъ такъ говорить... Кошунство... Каждый долженъ помогать, кто чѣмъ можетъ. Ѣдьте, ротмистръ... Видите... я даже не спрашиваю, кто вы.

— Я думалъ, потому, — смутился Шпакъ, — что меня весь Берлинъ знаетъ. Евгенийъ Павловичъ Шпакъ, мастерской изъ мастерской Зенгеръ.

Такъ ѣдьте.

Ора Михайловича Шпакъ засталъ лежащимъ на прибранной постели. Когда онъ сказалъ, что съ нимъ пріѣхала дама, Федоръ Михайловичъ засуетился, поднялся на постели, сталъ причесывать отросшіе сѣдые волосы.

— Дама?... Зачѣмъ дама?... Какая дама?... У меня никого нѣтъ знакомыхъ.

Въ мысляхъ проносились женскіе образы близкихъ къ нему. Наташа замучена, сестра Липочка убита... Можетъ быть, Ипполитова Азалея?

— Что, она странная? — спросилъ онъ. — Темно у меня. Нехорошо. Можетъ, лучше на улицу пойти, на скамеечку у остановки трамвая?

Но было поздно, дверь открылась и въ маленькую комнату Ѳедора Михайловича вошла сестра Серебренникова.

— Здравствуйте, — сказала она, протягивая полную бѣлую руку. — Я услышала, что вы больны и одиноки... У васъ никого нѣтъ. Я пріѣхала навѣстить васъ. Я хорошо знала вашего сына Игруньку, Чернобыльскаго гусара. Мы съ нимъ друзьями были.

Шпакъ почувствовалъ себя лишнимъ и незамѣтно вышелъ изъ комнаты. Сестра Серебренникова подошла къ окну и сѣла на стулъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Ѳедоръ Михайловичъ сначала стоялъ у двери, потомъ сѣлъ.

— Вы больны, — тихо спросила сестра. — У доктора были?

— Моя болѣзнь не такая, чтобы ее докторамъ лѣчить, — едва слышно проговорилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Понимаю, — сказала сестра.

Еще напряженнѣе стало молчаніе. Въ полутемной комнатѣ плохо были видны предметы. Рядомъ въ мастерской тикали часы. Шютцингера не было дома. Во всей квартирѣ томила тишина.

— Вы знаете, что такое Русскій народъ? — чуть слышно сказала Софія Ивановна.

— Знаю, — еще тише отвѣтилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Въ 1915 году... Мы прогнали нѣмцевъ. Было наступленіе... На Баурѣ... Цѣли ушли далеко впередъ. Артиллерію начали подавать за пѣхотой. Побѣда... Я пошла съ санитарями собирать раненыхъ. Идемъ по полю. Тихо. Впереди пулеметъ протрещитъ, или сорвутся короткіе залпы. Солнце садилось. Краснымъ налетомъ покрывалось изрытое окопами поле. Валялись тряпки, клочья рубахъ, винтовки, стаканы шрапнелей. Навстрѣчу люди... Раненые... Легко... Въ щеку, въ грудь, руку... ноги... ковыляя или

опираясь на винтовку. Два раненыхъ, солдатика нашихъ, оба въ ногу, оставляя кровавый слѣдъ, несли тяжело раненаго нѣмецкаго солдата. Я остановилась.

— Братцы, — что это вы?

— Тяжелый, самъ не дойдетъ, — вотъ несемъ...

— А вы?

— Мы ничего. Богъ грѣхамъ терпитъ. По мягкому. Только что боль одна.

— Такъ вѣдь онъ врагъ вашъ!

— Теперя, какой врагъ! Все одно, какъ и мы. Нашъ братъ. Раненый. Ему, чать, больно, какъ и намъ»... Вѣрьте, генераль, истинные христіане только простые русскіе люди. Не мы. Не интеллигенція. А мужики, солдаты, рабочіе, казаки, матросы. Они одни могутъ возвыситься до того, чтобы пожертвовать собою ради ближняго своего... Ради Христа.

— Какъ-же!.. Какъ-же, сестра, понимать теперешнее... погромы, насилія, издѣвательства надъ церковью... Я знаю. Это они. Мужики, солдаты, крестьяне, матросы, казаки... Я знаю. Нѣтъ людей пакостнѣ ихъ. Видалъ... затрясся весь, Ѳедоръ Михайловичъ.

— И нѣтъ ихъ святѣе.

— Я васъ не пойму.

— Они... Малые сіи. Они, какъ дѣти неразумныя. И дѣти обрываютъ жукамъ и бабочкамъ крылья и лапы. И дѣти мучаютъ животныхъ. Не понимая этого. Не понимая, что дѣлаютъ, издѣваются надъ религіей. И помните, сказалъ Христосъ: «Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было-бы, если бы повѣсили ему жерновный камень на шею и бросили бы его въ море»... И накажутъ не ихъ... Соблазнившихъ накажутъ.

— Въ небѣ?

— Нѣтъ, и на землѣ. Ихъ Христосъ не проститъ.

Замолчала. И томилось въ темной и тѣсной комнатѣ время, отбиваемое ударами маятника. Въ ужасѣ стоялъ у дверей Ѳедоръ Михайловичъ. Ему казалось, что съ каждымъ ударомъ маятника уходила изъ него жизнь.

«Такъ-такъ» — слышалось ему, — «такъ-такъ — или ты поступилъ, какъ малые сіи, или ты — такъ-такъ... Ты

не исполнилъ своего долга. Такъ-такъ... Долгъ... Государь... Отечество... Гдѣ все это? Такъ... Такъ».

И было молчаніе ужаснѣе самыхъ грозныхъ словъ.

Не было прощенья. Не было оправданія. Могло быть только одно: милосердіе.

Х.

Софія Ивановна все подняла на ноги. Красный крестъ, сестричество св. Ольги, частную благотворительность, союзъ офицеровъ, Декановыхъ. Ѳедоръ Михайловичъ былъ поставленъ въ такія условія, что могъ не работать. На лѣто предполагалось отправить его для леченія на воды. Сынъ Олегъ былъ розысканъ, ему были добыты визы, посланы деньги и письмо, чтобы онъ сейчасъ приѣзжалъ къ отцу. Въ обѣдъ, какъ свѣтлый духъ, являлась Софія Ивановна или Вѣрочка, привозили закуски, яйца, готовили бульонъ, вставляли ѣсть Ѳедора Михайловича. Вечеромъ, опять кто нибудь изъ Декановыхъ или сестра Серебrenникова сидѣли у него и занимали его чтеніемъ. Но все было напрасно. Софія Ивановна видѣла, какъ жизнь уходила изъ его какъ будто здороваго тѣла, какъ мучилась внутри душа. Ѳедоръ Михайловичъ таялъ на глазахъ у всѣхъ и нѣмецъ докторъ не могъ объяснить причины его увяданія.

— Тоска, — сказалъ онъ. — Болѣзнь чисто нервная. Душевная болѣзнь... Русская болѣзнь...

Ѳедоръ Михайловичъ, казалось, только дожидался сына, чтобы ему передать нѣчто важное, что тяготило его и еще привязывало къ жизни.

Въ воскресенье вечеромъ всѣ четверо Декановыхъ пришли къ Ѳедору Михайловичу. Декановъ, стоя у огня, у открытой форточки, курилъ трубку, Екатерина Петровна, пользуясь отсутствіемъ Шютцингера, на газовой плитѣ въ кухонькѣ готовила какао. Дима ходилъ. Онъ началъ серьезный разговоръ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, сидѣвшимъ на стулѣ у стола. На столѣ лежали книги, доставленные ему сестрой Серебrenниковой. Книги были духовнаго содержанія.

— Вы думаете? — сказалъ Дима, останавливаясь противъ Ѳедора Михайловича. — Вы думаете мы, молодежь, такъ

безпечны? Мы ничего не понимаемъ? Нѣтъ, Ѳедоръ Михайловичъ, мы понимаемъ, что новая жизнь будетъ труднѣе, будетъ скучнѣе, будетъ безобразнѣе, а, главное, пошлѣе вашей старой жизни. Какая нибудь контора, за бумагами или чертежами. Я знаю, что уже никогда больше не придется мнѣ весело скакать на лошади, наслаждаясь Божиимъ міромъ. . . Душа моя въ толстыхъ рубцахъ. Она-старая кожа. Ея не растянешь. Она не станетъ мягкой и гибкой. И такъ хочется иногда уйдти отъ искусственныхъ выдумокъ фабричной культуры. Уйти туда, гдѣ небо ближе и роднѣе трава. Гдѣ я не чужой среди бездушнѣйшей природы, какъ здѣсь между одушевленныхъ людей. Да, Ѳедоръ Михайловичъ, я счастливъ, какъ только можетъ быть счастливымъ человѣкъ, призванный строить великое. Но скорби моей у меня никто не отниметъ. Она тоже мое счастье. Она говоритъ мнѣ о скорби и радости всего міра. Радости создавать.

— Дмитрій Николаевичъ, — началъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Называйте его просто Димой, — перебила его изъ кухни Екатерина Петровна, — зазнается Димочка.

— Дмитрій Николаевичъ, — повторилъ Ѳедоръ Михайловичъ, — вотъ я часто слышу отъ васъ, что вы собираетесь творить новую Россію. Строить ее по новому.

— Да, безъ ошибокъ стараго. Безъ Распутиныхъ, безъ дворцовой камарилли, безъ протекціонизма, привиллегій... безъ . . . ну, словомъ, идеальную жизнь.

— Такъ, такъ . . . совѣмъ новую?

— Да, если хотите.

— И сами?

— Да.

— Не спросяся у насъ, старыхъ людей?

Дима посмотрѣлъ на Ѳедора Михайловича. Чисто выбритыя щеки блестѣли на скулахъ, сѣдые усы были закручены стрѣлками по старой модѣ, большіе сѣро-голубые глаза смотрѣли открыто. Темные брови были пушисты и густы, и сѣдые волосы расчесаны на проборъ. Ѳедоръ Михайловичъ точно принарядился, готовясь къ послѣднему смотрю. Дима хотѣлъ побороть начинавшуюся въ немъ симпатію къ этому старику. Внушалъ себѣ, что онъ «большевикъ», «красный командиръ», но чувствовалъ, что было

въ немъ что-то неумовимо простое, родное. Русское, чему противиться не могъ.

— То есть? — запнулся Дима.

— У насъ, Дима, — скавалъ Федоръ Михайловичъ, всталъ со стула и подошелъ къ курившему у окна Деканову. — У насъ была красота жизни. Мы были бѣдные люди. Въ дѣтствѣ иногда было очень тяжело. Много было обидъ и щелчковъ по самолюбію, но у насъ были миги ясные, свѣтлые. Освѣщали они всю жизнь. Такъ въ тѣнистой аллеѣ, въ солнечный день, золотыми кружевами разсыпано по дорожкѣ солнце. И не видишь сумрака и все кажется свѣтлымъ. Покойными кажутся тѣни. Наше солнце была православная вѣра. Въ ней было все... Закрою глаза и, какъ сейчасъ, ощущаю трепеть передъ исповѣдью, счастье послѣ Причастія. Семью, празднично одѣтую, за чайнымъ столомъ вижу мою мать. Все иное, все новое, потому что душа новая. На тѣни яркій кружокъ. Причастіе, — общеніе съ Богомъ... Вспомню заутреню и радостные выклики хора — «Христосъ воскресе». Свѣтлая платья, тысячи мерцающихъ огоньковъ, теплый сумракъ весенней ночи и дѣвочекъ, идущихъ со свѣчками, прикрытыми розовыми отъ пламени пальчиками. Всѣ были счастливы. Были счастливы нищіе и убогіе, наша прислуга въ дѣвичьей чинно сидѣла за столомъ съ розовымъ нѣмъ и была счастлива... да, разбросаны были кружки солнечнаго свѣта по жизненнымъ тѣнямъ и мы не видѣли ихъ мрака... И скорби мы не знали. Помню молитву утромъ и вечеромъ. Темень ротнаго помѣщенія, лампадка у иконы Архистратига Михаила и гудѣніе голосовъ, поющихъ «Отче Нашъ». Мы знали, на какомъ фундаментѣ строить жизнь, а позвольте мнѣ, Дима, спросить у васъ, — какой фундаментъ берете вы?

— Право и законъ... Свободу личности и равенство передъ закономъ... Неприкосновенность права собственности.

— Такъ... такъ... Видите, Дима, тѣ, кто отняли у людей счастье міра, тѣ, кто застлали ясное солнышко темными, грозowymi тучами, тѣ взяли за фундаментъ своего ученія страшную книгу, — твореніе Карла Маркса. Они его пакостную жидовскую рожу развѣсили въ храмахъ и залахъ, они творили изъ него кумира и его страшнымъ ученіемъ они

заразили толпы. Вы, чтобы бороться съ ними, чтобы строить новую Россію возьмете-же что нибудь готовое? Что-же это будетъ?

— Я не задумывался надъ этимъ вопросомъ, но наука политической экономіи, навѣрное, укажетъ пути, по которымъ надо идти, чтобы найти счастье народа. . .

— Счастье народа. . . Дима. Это утопія. Счастье человѣка, да. . . Но счастье народа. . . Дима. . . Вы меня не слушайте, если не хотите. Я необразованный человѣкъ. Я вѣдь только военное училище и академію кончилъ. Я къ кружковщинѣ не причастенъ. Я не знаю всѣхъ этихъ сильныхъ и умныхъ людей, что взяли на себя право казнить государей и ихъ вѣрныхъ слугъ. Да. У меня былъ братъ социалистъ, но онъ со мною избѣгалъ говорить. Можетъ быть, я что и глупое скажу. Утоплю васъ своими разсужденіями, не поднимающимися надъ уровнемъ конзервативнаго училища съ добрыми, старыми традиціями. Но я вамъ вотъ что скажу. Есть два пути. Христіанство и социализмъ. Свѣтъ и тьма. И будете строить государство, будете строить Россію, — иныхъ путей нѣтъ. Христіанство безъ компромиссовъ — только православіе. Внѣ православія уже не христіанство, но сдѣлка съ Христомъ. Церковь, отрубленная отъ государства, это уступка социализму. Это солнце, затуманенное туманами.

— Вы за то, чтобы церковь была государственной? — спросилъ, отрываясь отъ трубки, Декановъ.

— Да. Церковь — общество людей, собравшихся во имя Христа. Государство — общество людей, соединившихся для защиты своихъ интересовъ. И если хотѣтъ борьбы и ненависти, тогда государство внѣ церкви и государствомъ руководятъ партіи, борящіяся другъ съ другомъ. Въ государствѣ, гдѣ въ основу кладется взаимопомощь и любовь, гдѣ семья незамѣтно переходитъ въ родъ, родъ въ общину, община въ губернію и губернія въ государство — церковь и государство неразъединимы. Такова была старая Россія. Тотъ кто хочетъ уничтожить государство, тотъ отдѣляетъ его отъ церкви. . .

— Я часто думалъ. — сказалъ Дима. — Царь и Патриархъ.

— Я раньше не думалъ, — жилъ и работалъ. Смотрѣлъ на кружки свѣта, любовался ихъ игрой и не думалъ, откуда

они. Эти мѣсяцы передъ смертью наскоро продумать. Мнѣ ясно. Дима, вы не знаете того восторга, что охватывалъ всякого Русскаго при видѣ Царя. . . Вамъ вашъ папа скажетъ. Я помню, какъ стоялъ я въ рядахъ батальона, держалъ берданку на караулъ и кричалъ: «ура». И мимо ѣхалъ Государь. Я зналъ, что онъ человѣкъ, такой-же, какъ я, со всѣми слабостями. А было въ эти минуты такъ, что я не зналъ, на землѣ я, или нѣтъ? Неужели уже ради такихъ миговъ не стоить думать о Царѣ... Сказка о Царѣ придетъ съ запаснымъ солдатомъ въ темную мрачную избу, въ бѣдность и нищету и сколько разъ однимъ воспоминаніемъ согрѣетъ сердце. Вы сказали: ваша душа вся въ толстыхъ рубцахъ, какъ старая кожа. Вы, молодой! Мы не знали этихъ рубцовъ. Ихъ снимали эти миги. Человѣку надо такъ мало. Я служилъ въ глуши — на китайской границѣ. Дни текли однообразно скучные. Я былъ три года, какъ женатъ. . . И вотъ, какъ сейчасъ помню. Вечеромъ, осенью, въ нашъ домикъ пришелъ батальонный адъютантъ. «Кускини», — сказалъ онъ, — «Я отъ имени командира батальона поздравляю тебя кавалеромъ ордена св. Станислава 3-ей степени. Сейчасъ пришла телеграмма. Въ «Инвалидѣ» напечатано». — И онъ принесъ орденъ. Мы были такъ счастливы тогда съ женой. Собрались товарищи по батальону. Мы пили вино, пѣли пѣсни, танцевали. И была между нами любовь. И было счастье отъ кусочка алой эмали съ золотомъ и розовой ленточки. Не было зависти, но была радость. Приходили поздравлять солдаты. Зачѣмъ же отнимать это счастье? . . . Еще помню. Ёхалъ губернаторъ по степи и далъ ямщику киргизу на чай золотой. И отъ счастья не спалъ всю ночь киргизъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ везъ губернатора, и говорилъ, какъ онъ покажетъ золотой отцу, матери, женѣ и дѣтямъ и что имъ скажетъ. Счастья такъ мало на землѣ. Зачѣмъ лишать его простыхъ людей. . . ?

— Мѣщанское счастье, — тихо сказалъ Дима.

— Дима! Дима! Зачѣмъ затасканные, избитые, ненужные ярлыки. Мѣщанское счастье, квасной патріотизмъ, урапатріоты, елейность, ханжество. Все это злоба наклеила ихъ на то, что надо просто называть: счастье, любовь къ Родинѣ, гордость своею Родиною, вѣра и благочестіе. Дима, не пускайте пошлости въ свое сердце, не загрязняйте его и

только тогда вы поймете, гдѣ правда: — у Христа, или у социалистовъ.

— Я уже давно это понялъ, — пробормоталъ Дима.

— Ѳедоръ Михайловичъ, какао готовъ, можно нести, — сказала, появляясь въ дверяхъ кухни, Екатерина Петровна.

— Ну вотъ, Катя, — сказалъ Декановъ — въ нашу бесѣду о высокихъ матеріяхъ ты внесла пошлость.

— Не пошлость папа. — воскликнула Вѣрочка, — а самый настоящій голландскій какао, приготовленный съ любовью.

— Вы внесли къ намъ любовь, — сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ, цѣлуя руку Екатерины Петровны.

Когда Декановы, возвращаясь домой, шли на трамвай, Екатерина Петровна спросила Диму.

— Ну какъ? Примирился съ Ѳедоромъ Михайловичемъ? Не правда ли, какой онъ славный.

— Да... Только онъ очень... Я бы сказалъ, елейный какой-то. Но, конечно, онъ не большевикъ...

— Будешь елейнымъ, — воскликнула Вѣрочка, шедшая съ отцомъ, — вѣдь, онъ умираетъ. Я думаю, ему то открыто, чего мы никакъ видѣть не можемъ.

— Можетъ быть, еще и поживетъ, — сказалъ Декановъ.

— Нѣтъ, папа. Я поняла его. Онъ не можетъ себя простить и онъ умретъ!

XI.

Стукъ топоровъ, визжаніе пилъ и скрипѣніе блоковъ на канатной дорогѣ стихали. Дремучій лѣсъ съ порубленными площадями погружался въ прохладную темноту. Слышнѣе становились голоса обнаженныхъ по поясъ людей, сходящихся къ кладкамъ бревенъ, брусевъ и дровъ. Работали безъ верхняго платья и рубахъ ради экономіи въ одеждѣ. Смугло красные, точно индѣйцы, отъ загара и вѣтра, съ растрепанными выгорѣвшими волосами, съ худыми, молодыми лицами, совсѣмъ темными отъ голода, солнца и тяжелой жизни, — эти люди производили странное впечатлѣніе. Они шли въ порванныхъ, замазанныхъ лѣсною грязью ботинкахъ съ торчащими наружу пальцами, въ штанахъ, засыпанныхъ опилками, шатающуюся походкою людей, падающихъ отъ

усталости. Но голоса ихъ звучали бодро, эхомъ отдаваясь о скалы горныхъ хребтовъ.

— Вотъ, ребятки, и май на дворѣ, а не видать лѣта, — сказалъ, нагоняя партію рабочихъ, высокій, стройный парень лѣтъ двадцати трехъ, съ льняными волосами и свѣтлыми голубыми глазами. Онъ несъ на плечъ топоръ, и его мускулистые руки и грудь еще блестѣли рабочимъ потомъ.

— Все дождь и дождь. Дождь да туманъ въ лѣсу. И холодно какъ . . . —, продолжалъ онъ. . .

— Да. Сторонка. Одно сказать: — горы. У насъ у степу куды лучше, — отозвался черноволосый, черноусый молодецъ.

— У степу, — подхватилъ его сосѣдъ, такой же видный, но со щеками, обрамленными молодою пушистою бородкой. — Сказалъ тоже. Сравнилъ! . . Донъ-отъ теперь разлившись. Конца краю водѣ не видать. Блестить. Что, ребятажъ, не слыхали: не то цѣль, не то нѣтъ Черкасскій соборъ. Какъ головами, бывало, блестѣлъ. За сорокъ верстъ видать.

— Отъ Ростова, какъ къ Аксайской податься, такъ и за-мережить. Будто огни на солнцѣ, — сказалъ шедшій впереди юноша. Онъ былъ такъ худъ, что сзади были видны позвонки спинного хребта. Ему было холодно, и онъ, не бросая пилы, бывшей у него въ рукахъ, надѣвалъ на ходу рубашку.

— Я съ отцомъ на бѣгункахъ ѣздилъ, бывало, весною въ корпусъ. Вправо это Донъ блеститъ, что море, а влѣво степь. И только покажется Краснокутская роща, тутъ и купола засверкають.

— Бачка вашъ живъ? Не слыхали? спросилъ черноусый.

— Нѣтъ. Разстрѣляли. . . Еще при Калединѣ. Въ Каменской, какъ большевики были. . . Тогда и разстрѣляли.

— Царство небесное. Правильный офицеръ былъ, — сказалъ пожилой, коренастый человѣкъ.

— Да. Перебили много. Чать никого и не осталось, — проговорилъ черноусый.

— И съ чего съ такого? Ну что мы имъ сдѣлали? Мы живемъ, они живутъ. Кѣжись, усѣмъ мѣста хватало.

— Сво-бо-да! — протянулъ пожилой. — Вы, Сенюткинъ,

не слышали, чего въ газетахъ пишутъ. Что будетъ, или нѣтъ какая перемѣна?

— Это Олега Ѳедорыча спросить надо.

— Точно его. Душевный парень... И не казакъ, а какой уродился.

— Его мать, сказывали, сибирская казачка.

Во, во... Самсонова генерала дочь.

--- Нашего что-ль? Атамана?

--- Нѣтъ, сибирскаго. Изъ простыхъ они, — сказалъ юноша.

— Это уже вѣрно. Никого, какъ Олега Ѳедорыча попросить, онъ все знаетъ.

По крутой, натопанной въ грязи тропинкѣ, между обломковъ скалъ и пней, рабочіе спускались въ неширокую долину. Уныло журчалъ въ темнотѣ ручей и булькалъ по камнямъ. Между простѣнковъ лѣсной балки было темно, и даже привычные люди спускались въ долину гуськомъ и ощупью. Показались каменные, старинныя постройки, ограда. Какая-то часовня угломъ выдвинулась изъ лѣса, прикрытая густыми деревьями. Красный свѣтъ керосиновой лампы шелъ изъ оконъ и пятнами ложился на предметы. Блестѣлъ на мокрой вѣткѣ начавшаго опушаться листовой орѣшника, ложился алымъ квадратомъ на липкой черной землѣ, сверкалъ на большихъ неотесанныхъ камняхъ стѣны, скрѣпленной известкой.

Дождь пересталъ. Въ долинѣ было тепло. Ночь была тихая. Сквозь разорванныя тучи показались звѣзды.

«Ахъ ты, батюшка, ты нашъ тихій Донъ,

Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ,

запѣлъ было Сенюткинъ и оборвалъ.

— А что, господа, у костра? Дождя, кубить, нѣту. А — то надоѣлъ баракъ. Обрыдло все въ немъ.

— У костра занятнѣй, — раздались голоса.

— Все побалакаемъ, родную старину помянемъ.

--- Олегъ Ѳедорычъ подойдетъ, расскажетъ намъ чего.

Мигомъ соорудили костеръ. Недостатка въ сучьяхъ и въ стружкахъ не было. На длинныхъ желѣзныхъ прутьяхъ навѣсили котелъ и стали кипятить воду. Сѣли кругомъ костра. Люди подошли изъ каменной постройки на огонь.

Офицеры и казаки. Трудно было отличить однихъ отъ другихъ. Были они одинаково загорѣлые, съ мозолистыми руками и огрубѣлыми черными лицами, всѣ одинаково одѣтые въ полувоенный, полупштатскія лохмотья черно-рабочихъ.

— Что получилъ кто почту? — спросилъ черноусый.

— Всего два письма...

— А письма кому?

— Олегу Ѳедорычу былъ пакетъ заказной да Гаврилову.

— Гаврилову откеля?

— Изъ дому.

— А чаво пишутъ?

— Такъ, разное, — нехотя отозвался Гавриловъ. — Туманы пушаютъ. Не разберешь чего.

— Ты, Паша, про кота расскажи. Занятно.

— За котенка, за кошарку пять милліоновъ платять.

Мыши одолѣвать стали.

Лохматая черная голова нагнулась къ костру. Темныя руки закорюзлыми пальцами искали на груди. Достали кожаный самодѣлковый бумажникъ, вынули оттуда клочекъ пожелтѣвшей бумаги и казакъ, нагнувшись къ костру, сталь читать.

— Сѣра наша жизнь. Вотъ и весна, а словно по осени голѣютъ степи и дуетъ сѣверникомъ. Хаты пригинаются, въ землю прячутся. Не бѣлены давно. И бѣлить некому. Нѣту никого. Васютка не по своей волѣ преставился. А тотъ, что съ вашихъ мѣстъ пріѣхалъ, теперича далече, не въ нашихъ краяхъ, на работахъ.

— Это про Мальцова, что ли?

— Должно про него. Однохуторецъ мой.

— Читайте, Паша, дальше.

— Матушка ваша преставилась, а Ольга Семеновна къ комиссару на станицу въ услуженіе ушла. Пустой домъ стоитъ и работать некому. Еще мыша одолѣваетъ. За кошарку малую пять милліоновъ платять, да еще и налогъ подавай. Пудъ угля земляного шестнадцать милліоновъ, за лошенка платили двѣнадцать милліардовъ, а кормить нечѣмъ. На станціи, сказывали, валежнику много лежитъ. Особенно дѣтей. Съ голода мрутъ. Ждемъ васъ, кормильцевъ, не

знаемъ, и доживемъ ли до урожая, а и чѣмъ собирать будемъ. Рабочихъ нѣтъ. А между прочимъ жизнь наша хорошая. Грѣшно жаловаться. Да и противу прошлаго не то привыкли, не то полегчало. — Вотъ и все.

— Такъ... Какъ же понимать это? Ждутъ?

— Ожидаютъ.

— А между прочимъ не ясно.

— Значить все по старому. Ленинъ.

— Онъ самый, кому больше.

— Кабы не Ленинъ, управились бы.

— Ленинъ на семи языкахъ говорить. Съ татарами по татарски, съ армянами по армянски.

Примолкли. Слышно, какъ потрескивали сучья въ костръ и начинала бурлить вода въ котлѣ. Внизу шумѣлъ ручей.

— Писали съ востока, изъ Астрахани, стѣна надвигается. Казаковъ идетъ тѣма.

— Откуда?

— Съ востока, братики. Тамъ, уральцы, что съ генераломъ Толстовымъ пришли, сказывали, казаковъ много осталось.

— И куда позадѣвались всѣ герои? Ну атаманъ Калединъ застрѣлился, Атамана Назарова большевики разстрѣляли. Ну а Дутовъ идѣ? Идѣ Анненковъ?

— Дутовъ на смерть замученъ. Казаки выдали краснымъ.

— Анненковъ въ китайской тюрьмѣ въ Урумчахъ сидитъ, — раздались голоса, — заковатый въ цѣпи.

— Много казаковъ святыхъ нонче будетъ. А то не было вовсе.

— Не было? А Егорій Побѣдоносецъ не казакъ? Всегда съ пикой отображенъ.

— А Дмитрій Донской? Прямо и указано — Донской.

— Ну замелилъ! Емеля. Не знаешь, чать. Этимъ не шутють.

— Я не шутю. Чаво шутить. Рази кто знаетъ всю глубину казачьяго рода!

И опять замолчали.

— А московскіе люди опять собакъ жрутъ. Заводы почитай всѣ встали.

— И чего мы сидимъ, не двигаемся. Никто не помогаетъ. На Сербовъ разсчитывали. А тутъ все одно, какъ скоть.

— Погоди, на границу, сказываютъ, пойдемъ. Тамъ при своемъ дѣлѣ будемъ. Съ ружьемъ — это тебѣ не пила.

— Ленинъ, Ленинъ... —, вздыхая сказалъ кто-то. — Ужели же и власть Ленина отъ Господа Бога?

Сверху, отъ того мѣста, гдѣ росъ столѣтній кряжистый дубъ, чьи вѣтви были озарены вспыхами костра и, казалось, шевелились, отъ корней раздался глубокий голосъ. И сразу не скажешь — говорить то женщина, густымъ сильнымъ контральто посылая звуки, или говорить мужчина. Такъ были чисты, звучны и красивы ноты этого голоса.

Всѣ повернули головы отъ костра къ корнямъ дуба, подвинулись ближе, встали, стали подходить, чтобы лучше слышать. Шорохомъ пронеслось по толпѣ:

— Олегъ Ѳедорычъ пришелъ... Олегъ Ѳедорычъ говорить...

XII.

— Нѣтъ, братцы, не отъ Бога власть Ленина, и не Божій онъ избранникъ. Сила, Богу противоборствующая, сила діавола послала его, чтобы сгубить православную вѣру. Былъ свѣтъ и было великое чистое Слово Божіе. И любовь было Слово. И слово было любовь. И когда въ любви родился прекрасный міръ, явился духъ тьмы. И зависть было его слово, и злоба были его мысли. Тотъ побѣдитъ, кто не убоится, кто вѣру имѣетъ. Псалмопѣвецъ Давидъ, Богомъ одаренный человѣкъ, говоритъ: —

... «Не убоишися отъ страха ночнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго»...

— Вещью во тмѣ преходящую явился къ намъ Ленинъ. Кто онъ такой? По рожденію дворянинъ. По образованію и воспитанію гимназистъ и студентъ. Онъ оторвался отъ Россіи, ушелъ за границу въ книжную работу. Онъ ушелъ отъ семьи и товарищей и научился презирать людей. Имъ овладѣлъ бѣсъ. Въ Ленинѣ нѣтъ любви. Въ немъ гордость, презрѣніе, зависть, страшная злоба, равнодушіе къ чужимъ страданіямъ и трусость. Ленинъ всего боится и,

не вѣря ни во что, больше всего боится смерти. Ибо знаетъ, что тамъ ожидается его мука вѣчная... Ленинъ — вещь во тьмѣ преходящая. Когда тьма объяла Россію, когда закатилось ясное солнышко, ушелъ Государь благочестивѣйшій, когда мутились умы и люди метались, какъ овцы въ бурю, изъ тьмы невѣдѣнія явился Ленинъ. Никто его не зналъ раньше и ничего въ немъ нѣтъ такого, что поражало бы людей. Онъ малъ ростомъ и безобразенъ лицомъ. Дурно-рылый, кривоногій, лысый, паршивый, гадкій, потный, склизкій — онъ околдовалъ людей. Онъ не уменъ и не талантливъ. Онъ плохой ораторъ и еще худшій писатель. Онъ малообразованный человѣкъ. Онъ былъ хуже и гаже многихъ и потому многіе его признали. Тсипа не любитъ геніевъ. Толпа избиваетъ мудрецовъ, казнить ученыхъ и святыхъ распинаетъ на крестѣ. Но толпа возносить ничтожества, потому что толпѣ ничтожества понятны. И толпа вынесла сначала Керенскаго, а когда нашла человѣка гаже, вознесла надъ собою Ленина. И Ленинъ герой толпы, не народа, а толпы. И пока не кончится броженіе въ Россіи, и пока изъ состоянія толпы, митинга, не выйдетъ Россія и не станетъ снова народнымъ государствомъ, — будетъ править Ленинъ!

— Ленинъ бѣсъ полуденный. Въ полдень свободы Русской явился онъ. Когда одичавшему народу казалось, что свѣтитъ надъ нимъ солнце, и зарева пожаровъ принималъ онъ за лучи свѣта, пала, «отъ страны твоя тысяща и тма одесную тебѣ» — явился Ленинъ, и тысячи преступниковъ и тьма низкихъ людей окружили его и стали ему угождать. Слушайте! Родные мои братья!.. пока мы — толпа неорганизованная, пока мы стадо безъ пастыря, — Ленинъ надъ нами. Ибо онъ герой толпы. Ибо онъ въ своемъ физическомъ и нравственномъ убожествѣ нуженъ ей... Потому что каждый сознаетъ въ сердцѣ своемъ, что онъ выше, лучше, умнѣе, кривѣе, талантливѣе Ленина, своего владыки и каждому это лестно. Ленинъ — мерзавецъ, и онъ — царь!.. Значить, и мнѣ можно быть мерзавцемъ. Ленинъ кровопійца и воръ, Ленинъ, продажная душа, предавшій Родину, продавшійся врагу, — правитель надъ Россією и его портреты развѣшаны по всѣмъ домамъ. Значить и я... я... кто много лучше Ленина — я достоинѣе его... Я могу дѣлать,

что хочу, потому что, что бы я ни сдѣлалъ, я не превзойду Ленина въ его мёрзости. Вотъ, гдѣ сила діавола, вотъ, гдѣ его соблазнъ.

— Когда же это кончится? — выкрикнулъ кто-то у костра и крикъ его былъ полонъ отчаянія.

— Когда-же, Олегъ Ѳедорычъ, домой??

— Когда?... Въ нашихъ рукахъ и въ нашей волѣ времена и сроки. Надо стать народомъ, а не толпою. На Руси ходятъ легенды. Идетъ по Сибири царь. Босой, съ отросшею бородою, въ простой одеждѣ странника. Онъ добръ и милостивъ, онъ властенъ и благороденъ... и потому признаютъ въ немъ царя... То тутъ, то тамъ совѣтская власть арестовываетъ самозванцевъ... Въ глухихъ деревняхъ, по монастырямъ и скитамъ, добрые люди укрываютъ кого-то и вѣрятъ, что это дѣти Государевы. Тамъ, говорятъ, растеть Наслѣдникъ, будто-бы спасенный стражей, тамъ проявилась великая княжна, Ангелу подобная, тамъ услышали о братѣ Государевомъ... Народъ просыпается. Расходится толпа и отдѣльные выкрики «орателей» смѣняются шепотомъ мудрыхъ. Когда вы остаетесь одни съ самими собою, и ночью укутаетесь съ головою рваной шинелькой, о чемъ думаете? Вы тогда сознаете, что прежде лучше жилось вамъ, что тогда вы были дома и были свободны, не знали ни визъ, ни загражденій, не знали стѣсненій труда, но собрались на на кругъ, съѣхались на съѣздъ и размахались явыки въ гортани и полны вы «словесе мятежни». — «Воля народа»... «что кругъ скажетъ, что укажетъ, тому и быть»... А гдѣ народъ? Видали вы его? Толпы разбойниковъ, окружающихъ Ленина, богохульники и развратники тоже народомъ называютъ себя, говорятъ отъ имени рабочихъ и крестьянъ... Не кричимъ мы развѣ и здѣсь на чужбинѣ о «завоеваніяхъ революціи», не мечтаемъ о республикѣ, не говоримъ о «свободѣ, равенствѣ и братствѣ», когда добились такой свободы, что живемъ хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ, что приравняли насъ къ скотамъ и наши братья славяне платятъ намъ въ два раза меньше, чѣмъ своимъ, и презираютъ насъ...

— Правильно, Олегъ Ѳедорычъ.

— Правильная твоя рѣчь, — раздались голоса.

— Единенія нѣтъ. Всякій въ свою лавочку зазываетъ.

— Ничего признавать не хотятъ.

— Что же дѣлать? Научи, отецъ родной?!

— Скажите Господу: — «Заступникъ мой еси и при-
бѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на него. Яко той изба-
вить тя отъ сѣти ловчи и отъ словеса мятежна: плещма
Своима осѣнитъ тя, и подѣ крилѣ Его надѣнешися: оружіемъ
обыдетъ тя истина Его»... Повсюду «словеса мятежны».
Въ Россіи: живая церковь судить Патріарха, въ Россіи
расколъ и безбожіе хуже, чѣмъ во времена Арія, въ Па-
рижѣ — словеса мятежны, въ Бѣлградѣ, въ Софіи, въ
Варнѣ и гдѣ бы ни собралось хотя три русскихъ — тамъ
словеса мятежны. Потому и боимся мы страха ночного,
боимся стрѣлы, летящія во дни, и потому идемъ и кла-
няемся сатанѣ, зная, что это діаволъ. Нѣтъ въ насъ вѣры.

— А что такое вѣра? — спросилъ кто-то изъ офице-
ровъ.

— Вѣра есть увѣренность въ правдѣ своей, не нужда-
ющаяся въ словахъ. Скажу горѣ: — «иди», — и пойдетъ.

— Почему же никто не говоритъ?

— Потому-что грѣхъ испытывать Господа. Если пробую,
значить, не вѣрую. Если вѣрую, мнѣ не надо чуда.

— Почему чудесъ нѣтъ? Разоряли храмы Господни,
убивали священниковъ и Богъ не покаралъ никого.

— Такъ-ли, господа? Не лежить ли Ленинъ въ против-
ной, гадкой, позорной болѣзни? Не гниетъ онъ живо? Не
умираетъ Русь, пожирая трупы близкихъ своихъ, и не по-
крыта ли вся земля смраднымъ мракомъ діавольскаго ды-
ханія?

— Комиссары веселятся. Молодежь съ жиру бѣсится.

— Надолго-ли?

— Гдѣ же выходъ?

— Домой, братцы, пора. Земля къ себѣ зоветъ. Надоѣло
скитаться по чужимъ краямъ.

— Своя земля лучше.

— Тамъ и солнце краше. И цвѣты духъ имѣютъ.

— Пора имъ перестать мучить людей.

— Вы спрашиваете меня: — когда? Когда перестанете
быть толпой и возносить наверхъ мелкихъ и ничтожныхъ
людей. Когда избавитесь отъ «словесе мятежна» и искренно
скажете: — Россія есть Россія, и не иначе, какъ подѣ ца-
ремъ, можетъ быть Россія. Подѣ царемъ православнымъ!

И всѣ вмѣстѣ скажете то имя, что у всѣхъ на душѣ. И тутъ... и тамъ...

— Миколай Миколаевичъ — пронеслось гуломъ по толпѣ.

— Верховный главнокомандующій.

— Послѣ него уже главковерхи пошли.

— Слякоть... Измѣнники...

— Да когда же пробьеть тотъ часъ, когда разовьется надъ Русской землей трехцвѣтный флагъ, да заблестаютъ казацкіе пики на тихомъ и вольномъ Дону?

Костеръ догорѣлъ. Кто-то принесъ охапку вѣтвей. Огонь притухъ, но сейчасъ-же побѣжали кривыми змѣйками огоньки по сучьямъ. Веселый раздался трескъ и вдругъ сразу вспыхнулъ костеръ и освѣтилъ толпу. Стало видно, что много еще казаковъ понашло изъ монастыря.

Олегъ Ѳедорычъ спустился къ казакамъ.

— Вотъ и ничего утѣшительнаго не сказалъ человѣкъ, а стало легче на сердцѣ.

— Миколай Миколаевичъ! Эхъ! Даль-бы Господь!

— Сподобилъ-бы!

— Всѣ пошли-бы съ имъ.

— Олегъ Ѳедорычъ, что правда, чи нѣтъ, вы насъ покидаете?

— Да. Получилъ письмо изъ Германіи. Отецъ въ Берлинѣ умираетъ. Проститься зоветъ.

— А потомъ къ намъ?..

Ничего не отвѣтилъ Олегъ Ѳедоровичъ. Вошелъ въ кругъ казаковъ, сталъ спиною къ костру. Высокій, тонкій. Шинель висѣла на немъ, какъ монашеское платье.

— Ну-те... Паша! Коля... Селезневъ, Волковъ, дружно! Ермиловъ, начинайте что-ли! — сказалъ онъ.

— Какую?... Нашу?..

— Валяйте для начала.

Подъ развѣсистыми дубами, въ тѣсной долинь, куда смотрѣлись съ неба любопытныя звѣзды, гдѣ на вѣтвяхъ еще висѣли капли дневного дождя, по сырости и туманамъ Македонскихъ горъ стономъ пронесся высокій теноръ:

Скучно жить намъ на чужбинѣ,
Ноетъ сердце казака

и сейчас же его мягко обступилъ голосами большой хоромъ спѣвшійся хоръ:

Край родной нашъ раздраетъ
Большевицкая чека!

Атаманъ... Казакъ могучій!
Рать лихую собирай,
Пусть несется грозной тучей
На врага, за родный край.

За поля, луга степные,
За могилы стариковъ,
За напѣвы, намъ святыя
Умереть казакъ готовъ.

Ты не плачь, не плачь, казачка!
Слышишь? — Кони въ полѣ ржутъ.
Видишь? — Тамъ лихая скачка:
Казакъ на Донъ идетъ...

— Господа! Картошка готова. Пожалуйте! Столъ сервированъ на сто кувертовъ!

— Эхъ... Даль-бы Господь!

— Съ весною и въ походъ!..

И страшные вставали вопросы. Гдѣ собираться? Откуда идти? Гдѣ коней достать? Гдѣ оружіе добыть? Не вѣрится никому. Страшились непонятнаго, но жуткаго слова: авантюра.

— Если-бы онъ-то съ нами! Верховный!

Вдыхали тяжело. Дули на картофель. Обжигали Чавкали... Порывисто бѣли... Голодные... Оборванные. Бездомные... Одинокіе... Чужіе... На чужой нелюдимой сторонѣ...

XIII.

Въ январѣ 1918 года, когда Новочеркасскіе гимназисты и кадеты, — Чернецовскіе партизаны, вели бои съ казаками Голубова подъ Каменской, къ нимъ съ сѣвера перебѣжалъ юноша восемнадцати лѣтъ. На немъ была мужицкая сѣрая свитка, высокіе сапоги и баранья крестьянская шапка. Когда, въ избѣ, въ Чернецовскомъ штабѣ, снялъ онъ съ себя свитку — онъ оказался въ кадетскомъ мундирѣ съ золотыми пуговицами и съ алыми погонями съ вице-унтеръ-офицерской золотой нашивкой. При немъ были ста-

рые, Царскаго времени документы. По бумагамъ — онъ былъ кадетъ седьмого класса Олегъ Кусковъ. Это было видно и по его ловкой ухваткѣ, выправкѣ, отчетливой ясности отвѣтовъ съ прибавленіемъ титулованія.

Донскіе кадеты признали въ немъ «своего». Ему выдали винтовку, аммуницію, обмундированіе и приняли въ славную семью Чернецовцевъ.

Послѣ смерти Чернецова отрядъ его пробился къ Новочеркасску. Одни «распылились», разошлись по семьямъ, другіе остались при ядрѣ въ корпусѣ. Съ ними остался и Олегъ Кусковъ. При выступленіи 12-го февраля изъ Новочеркасска походнаго атамана Попова съ партизанами, съ ними ушелъ и Олегъ Кусковъ. И всѣ забыли, что онъ не кавакъ, сроднились съ нимъ и горячо его полюбили. Это былъ тихій юноша, мастеръ на всѣ руки. Онъ игралъ на фортепьяно и на многихъ инструментахъ, хорошо пѣлъ, былъ мальчикъ набожный и при церковныхъ службахъ умѣло помогалъ священнику. Его зачислили въ казаки и, когда, по освобожденіи Новочеркасска, созидалась на Дону постоянная армія, онъ по набору попалъ въ Персіановскій лагерь въ одинъ изъ конныхъ полковъ.

Онъ пережилъ то, что такъ красиво воспѣлъ молодой донской поэтъ Н. Туровѣровъ въ воспоминаніи о Персіановскомъ лагерѣ у Новочеркасска.

«Тѣнь Персіановскихъ аллея
Уйдетъ, какъ дымъ воспоминанья,
И необъѣженныхъ коней
На кордахъ выбрыки и ржанье,
И казаковъ учебный шагъ,
Команды четкость передъ строемъ,
И воздухъ, напоенный зноемъ,
И спины потныя рубахъ.
О, кто оцѣнить этотъ трудъ
Съ утра до ночи офицера, —
Одна любовь къ полку и вѣра
Награду лучшую дадутъ»...

Развитой и вышколенный въ корпусѣ, прекрасный гимнастъ, Олегъ Кусковъ скоро сталъ ревностнымъ помощникомъ офицеровъ и урядниковъ и любимцемъ всего своего зввода.

— Кусковъ, покажите Митякину, какъ чистить винтовку!

— Кусковъ, расскажите казакамъ устройство ~~улу~~мета, — раздавалось въ тѣни акацій тѣми-же словами, какъ нѣкогда въ Павловскомъ училищѣ говорили офицеры портупей-юнкеру Кускову, его отцу.

Но какъ различна была обстановка!

Молодые казаки маршировали по жирной черноземной степи босыми ногами. Войско не успѣвало заготовлять сапогъ. Учились въ тѣни громадныхъ бѣлыхъ акацій и запахомъ ихъ нѣжныхъ цвѣтовъ пропитана была степь. Спали въ повалку на голыхъ доскахъ въ баракахъ въ гущѣ пышно цвѣтущей разноцвѣтной сирени. Солнце вставало надъ выгорѣвшей розовой степью — жаркое и пекло весь день. Въ тѣни аллеи и роцъ лагеря давилъ неподвижный зной. На площадкахъ, гдѣ учились ѣздѣ, поднималась и весь день висла густая, черная пыль. Въ ней силуэтами мотались люди. Безъ сѣделъ, въ простыхъ домотѣльныхъ штанахъ получали казаки первые уроки посадки. Учились торопливо. Кругомъ шла жестокая война. Казаки дрались на сѣверѣ, востокѣ и югѣ. Фронтъ шелъ подѣ Чертковымъ, спускался къ Морозовской, къ Чирской, Великокняжеской и заканчивался подѣ Батайскомъ и Азовомъ. Тамъ дрались родные братья и отцы этихъ казаковъ, освобождая Войско отъ большевиковъ. Шла небывалая героическая борьба Донцовъ за право жить. Настроение въ лагерѣ было повышенное. Проступковъ не было. Офицеры жили одною жизнью съ казакими, ничѣмъ не выдѣляясь. Осуществлялось воинское братство во Христѣ.

Въ свободные часы офицеры и съ ними Кусковъ восстанавливали поруганную большевиками лагерную церковь, писали иконы. По субботамъ и праздникамъ шло богослужение. Олегъ пѣлъ съ пѣвчими и помогалъ священнику. Потомъ до вечера въ лагерѣ шло гулянье, играли трубаки, пѣли пѣсенники. Изъ окрестныхъ станицъ и хуторовъ пріѣзжали старики дѣды и матери казаковъ. Пріѣзжали молодые жены къ мужьямъ, и лагерь ворковалъ любовью, какъ голубятня. Жалмерки¹⁾ пріѣзжали къ знакомымъ молодымъ казакимъ, ходили съ ними, обнявшись. Въ сумеркахъ слышались поцѣлуи и счастливый смѣхъ.

¹⁾ Жены казаковъ, находящихся на службѣ.

На красиваго, молодцоватаго, съ конымъ, чистымъ, какъ у дѣвушки, лицомъ, Кускова заглядывались хорошенькія, смуглыя, крѣпкія жалмерки. Взглядами зазывали его, стрѣляли темными глазами. Олегъ былъ равнодушенъ. Онъ не отказывался отъ игръ и танцевъ, охотно пѣлъ и игралъ на балалайкѣ и гармоніи, но избѣгалъ минутныхъ связей. Уважали его за то казаки. Осенью стали въ Ростовѣ. Несли караульную службу. Прочно устраивались въ казармахъ. Холили коней. Были уже отлично одѣты, строго по формѣ. Гордились полкомъ.

А съ весны 1919 года по всемъ швамъ затрещало Войско. На всѣхъ фронтахъ оказались прорывы, измѣна, всюду торопливо пробивались большевицкія красныя войска. Бригада, гдѣ служилъ Олегъ, прозванная «бригадой скорой помощи», моталась съ фронта на фронтъ. Дралась на Донѣ и на Манычѣ. Сражалась подъ Батайскомъ, шла впередъ къ Екатеринославу. Гдѣ была опасность, тамъ были и молодые орлята Донскіе. Таяли полки. Убитыхъ отправляли хоронить на родные погосты. Пріѣзжали за ними матери съ лицами черными отъ загара, солнечнаго зноя и худыми отъ голода, непосильной работы, слезъ и горя. Забирали мертвыхъ кормильцевъ, обряжали и везли къ разореннымъ станицамъ. Все погибало. Хаты стояли безокія съ выбитыми стеклами, на базахъ не было скота и только крестьяне росли на погостѣ, какъ грибы послѣ лѣтняго дождя. Раненые, едва оправившись, спѣшили въ свой полкъ. Утеряны были Родина, родная станица, неизвѣстно было, живы ли еще родители и близкіе, и оставался только полкъ. Онъ со своимъ штандартомъ олицетворялъ и вѣру, и царя, и отечество. Старые офицеры сумѣли внушить молодежи любовь къ полку, и сталъ полкъ какъ единая семья, сталъ, какъ скала среди бури.

Олегъ былъ раненъ, лѣчился въ станичномъ лазаретѣ и, по выздоровленіи, былъ снова на конѣ и въ строю. Былъ раненъ снова, лежалъ въ Ростовѣ и торопился въ строй, опять въ бой и схватки. Скучалъ въ большомъ городѣ по полковымъ товарищамъ. Выздоровливалъ. Не ходилъ по кинематографамъ, называемымъ «иллюзіонами», не шатался по кабакамъ и театрамъ. Вернулся въ полкъ и заболѣлъ сыпнымъ тифомъ. Выздоровѣлъ и съ полкомъ отступалъ къ

Новороссійску. Болѣло сердце. Тысяча двѣсти было ихъ, когда вышли они изъ Ростова, и едва насчитывали триста, когда грузились на черные дымные пароходы, чтобы плыть въ Крымъ на новую боевую страду.

— Что вы за человѣкъ такой, Кусковъ, — говорили ему офицеры. — Ничего вы не ищите, ничего вамъ не надо.

— И правда, господинъ есаулъ, — ничего мнѣ не надо.

— Да почему?

— Потому-что ничего и нѣтъ. Все суета и тлѣнь.

Считали его ненормальнымъ.

Когда стали на Лемносѣ, отпросился Олегъ у начальства на Аѳонъ, святымъ подвижникамъ поклониться, получить благословеніе отъ пастыря Донского, преосвященнаго Гермогена. Два мѣсяца пробылъ Олегъ на Аѳонѣ и, когда пріѣхалъ, сталъ при священникѣ помогать ему. Замѣтили казаки: многому научился Кусковъ на Аѳонѣ. Подаетъ-ли кадило въ алтарѣ, обѣ руки протянетъ, одну держитъ у рукоятки, другую за цѣпочку у середины, склонится, руку священника поцѣлуетъ. Предшествуетъ священнику со свѣчою, идетъ тихо, голова поднята, глаза опущены, святостью дышетъ лицо. Читаетъ-ли часы, или на проскомидіи молитвы, стоитъ на клиросѣ, смотритъ въ даль, даже листы не листаетъ: всѣ молитвы знаетъ наизусть. Когда въ какой праздникъ, что и какъ пѣть, отыщетъ и старому священнику покажетъ. Все зналъ, все изучилъ въ монастырѣ Олегъ по строгому монастырскому уставу.

— Чудной ты, Олегъ Ѳедорычъ. Ты бы въ попы шелъ, — говорили ему товарищи.

— Я и то, можетъ, пойду Богу служить, только раньше надо людямъ послужить.

Искушали его нѣкоторые.

— Какъ же вы, Олегъ Ѳедорычъ, на войнѣ дрались? Людей убивали?

— Можетъ быть, и убивалъ.

— Въ евангеліи сказано: — не убій.

— Это не въ Евангеліи сказано, а въ Библии, въ Моисеевомъ законѣ. Въ заповѣдяхъ Господнихъ. И тамъ же сказано: — око за око, зубъ за зубъ, руку за руку...

— Ну, все едино, въ Евангеліи Христось заповѣдалъ намъ, чтобы любить ненавидящихъ насъ. Значить, надо любить и большевиковъ. А вы истребляли ихъ.

— Въ Евангеліи указано любить личныхъ моихъ враговъ, но Христось не разъ указывалъ, что нужна жестокая расправа со всѣми врагами Церкви и человѣчества. Можетъ быть, я большевиковъ въ единичности и люблю и они меня любятъ. Отецъ мой у большевиковъ служить. Онъ-то навѣрно меня любитъ. И я его тоже, но борюсь я не съ нимъ, а съ большевиками. То, что дѣлается большевиками, никогда имъ не простится. Христось сказалъ: — «всякій грѣхъ и хула простятся человѣку: а хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему: если же кто скажетъ на Духа Святого, не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ»¹⁾. И еще сказалъ Христось: — «если-же согрѣшишь противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата твоего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово; если-же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь»²⁾. Откуда вы взяли, что Христось училъ непротивленію злу и прощенію всякихъ низостей, а не обличенію и не уничтоженію негодяевъ? Христось училъ прощать личныя обиды. Но не можетъ христiанинъ смотрѣть, какъ убійца будетъ на его глазахъ убивать жертву, и не вступиться за нее, а, если надо, то и убить... Не обличалъ-ли Христось книжниковъ и фарисеевъ и не сказалъ-ли имъ: — «да придетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ, отъ крови Авеля Праведнаго до крови Захаріи, сына Варахіина, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ. Истинно говорю вамъ, что все сіе придетъ на родъ сей»³⁾. Неужели вы думаете, что простятся дѣла Свердлова, подписавшаго смертный приговоръ Государю, Императрицѣ и ихъ невиннымъ дѣтямъ? Неужели вы думаете, что не будетъ еще адъесъ

¹⁾ Ев. отъ Матѳея. Глава 12 ст. 31, 32.

²⁾ Ев. отъ Матѳея. Глава 18 ст. 15, 16 и 17.

³⁾ Евангеліе отъ Матѳея. Гл. 23 ст. 35 и 36.

отомщена ихъ казнь и не пострадаетъ палачъ Юровский, убившій Государя? Неужели безнаказанно, въ довольствѣ и сытости умереть Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ, Дзержинскій и всѣ эти Петерсы и другіе палачи? Вы думаете, ихъ не постигнетъ месть Бога? Лежить гниющей заживо Ленинъ, Урицкій убитъ рукою еврея-праведника и то же постигнетъ всю шайку, пошедшую противъ Духа Святого!

Говорилъ это, и спокойно было его лицо. Не гнѣвомъ, а кротостью и любовью свѣтились глаза.

Говорили про него офицеры: «Если Олегъ Ѳедорычъ признаетъ, что кого надо казнить, казнить спокойно. Приставить къ уху револьверъ и убить не хуже чекиста. Не дрогнетъ его рука».

Въ Македоніи, на лѣсныхъ работахъ, впереди всѣхъ работалъ Олегъ Кусковъ. На самую опасную работу шелъ, первымъ приходилъ, уходилъ послѣднимъ. Что зарабатываетъ, отдавалъ больнымъ и неимущимъ.

— Мнѣ не надо, — скажетъ. — Вина я не пью, табакомъ не балуюсь. На что мнѣ деньги? Безъ надобности совѣмъ.

Ничего не копилъ на черный день. Когда ему говорили про это, отвѣчалъ, ясно и свѣтло улыбаясь:

— Черныхъ дней нѣтъ у Господа. Всѣ дни свѣтлые. Когда нужно, — всего пошлетъ Господь. У Бога всего много.

Святымъ считали его казаки. Человѣкомъ не отъ міра сего. Любили слушать его рѣчи, любили совѣтоваться о своихъ дѣлахъ и заботахъ.

Получивъ письмо о болѣзни отца и нужные документы, Олегъ выправилъ у командира полка разрѣшеніе ѣхать въ Германію, роздалъ полученные деньги казакамъ и собрался на станцію.

— Какъ-же вы безъ денегъ-то, Олегъ Ѳедорычъ, — говорили провожавшіе его казаки.

— Безъ надобности они мнѣ, родные. Христовымъ Именемъ покойнѣе дойду. Сильнѣе денегъ имя Спасителя.

«Чудной человѣкъ», — думали про него одни.

— Да онъ святой, — говорили другіе. — Большія дѣла, поди, сдѣлаетъ. Всякую работу совершить.

Мелькнула за поворотомъ дороги послѣдній разъ смятая фуражка Олега и онъ исчезъ въ дубовой поросли.

Стали расходиться казаки. Гадали между собою.

— Вернется?

— А то нѣтъ? Не забудеть насъ Олегъ Ѳедорычъ. Ему полкъ — все.

— Рази, что на подвигъ какой поидеть. Спасаться будетъ.

Шли молча. Тяжело дышали, подымаясь въ гору. Сказалъ Сеньюткинъ:

— Онъ и такъ спасенъ у Бога! Божій онъ человѣкъ.

XIV.

На Берлинъ надвигалась весенняя гроза. Косматая тучи дыбились на сѣромъ небѣ, смѣшивались съ паровознымъ дымомъ и копотью фабрикъ, прижимались къ высокимъ чернымъ домамъ, разстилались надъ путями надземной дороги, застилали дали проспектовъ и улицъ. Въ душномъ воздухѣ пахло гнилью отъ рыбныхъ и мясныхъ лавокъ. На рынкахъ торопливо стягивали съ ларьковъ тенты и убирали непроданную снѣдь, зелень и цвѣты. Еще внизу воздухъ былъ тихъ. Вязокъ былъ накаленный асфальтъ и духота спирала дыханіе. Вверху же носились вѣтры. Взвѣвали лохмотьями тучи. Точно парусъ несло бѣлое облако. Громыхали далекіе громы. Гроза шла отъ Потсдама. У Лустгартена и надъ Шлоссомъ небо голубѣло и солнце, точно прощаясь съ землею, посылало робкіе лучи на сѣрыя громады и на сине-зеленые купола соборовъ и дворцовъ, а Потсдамеръ-штрассе во всю длину была затянута темными, густыми, грозowymi тучами. Онѣ неслись, пологомъ покрывая небо. Подъ ними гулче становился хоръ безчисленныхъ автомобилей, трамваевъ, гудковъ и звонковъ, гудѣнія проволоки и жесткаго рокота колесъ. Противно пахло керосиномъ и бензиномъ и свѣжее благоуханіе молодой листвы громаднаго Тиргартена не могло заглушить смраднаго дыханія суеющейся улицы.

Духота забралась въ темныя квартиры берлинцевъ, лѣзла въ окна черезъ вывѣшенныя для провѣтриванія подушки и красныя перины, мимо ящиковъ съ пестрыми

петуніями и алой геранью и заставляла задыхаться жильцовъ въ комнатахъ, чиновниковъ и писцовъ въ бюро и конторахъ.

И была, какъ въ жизни всего государства, только одна мечта: «Господи! хоть бы гроза поскорѣе. Развязала-бы... Освѣжила-бы».

Въ квартирѣ Шютцингера въ эти часы было тяжело дышать. Запахъ сапожной жожі, дурного клея, паренаго картофеля и газа стоялъ въ комнатахъ и не выходилъ въ раскрытыя окна. Дворъ былъ черенъ, а въ комнатахъ было такъ темно, что старый Шютцингеръ зажегъ электричество.

У Ѳедора Михайловича было мрачно, душно и тѣсно, какъ въ могилѣ. Ѳедоръ Михайловичъ лежалъ въ постели. У его изголовья сидѣлъ его сынъ Олегъ. Онъ ночью пріѣхалъ изъ Сербіи, рано утромъ розыскалъ отца, и сейчасъ, уже три съ лишнимъ часа, рассказывалъ Ѳедору Михайловичъ сыну все то, что произошло послѣ его ухода, и какъ и что заставило его поступить на Службу къ большевикамъ въ красную армію.

Рассказъ былъ прерывчатый. Ѳедору Михайловичу было всѣ эти дни очень плохо. Два раза ему впрыскивали камфору. Софія Ивановна все собиралась перевезти его на дачу, въ лѣсъ, да цѣны на все такъ прыгнули, что не хватало средствъ на поѣздку.

— Ну вотъ, — сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ. — Теперь ты все знаешь.

— Да, отецъ, — тихо проговорилъ, опуская голову, Олегъ.

Ѳедоръ Михайловичъ слабымъ движеніемъ поднялъ руку. Будто хотѣлъ протянуть ее къ сыну. Олегъ сидѣлъ, не двигаясь.

— Ты меня понялъ?

Молчалъ Олегъ.

Въ окнѣ блеснула молнія. Сейчасъ же загрохоталъ громъ. Желѣзные листы разрывались въ небѣ, трещали, гремѣли канонадой, катились надъ городомъ, затихали и снова вставали, грозные и величественные, разрываемые трепетаніемъ молній. У Шютцингера погасла лампочка. Онъ выругался и вышелъ изъ мастерской, хлопнувъ дверью.

Отецъ и сынъ остались одни. Въ комнатѣ было такъ темно, что Федоръ Михайловичъ не видѣлъ лица сына.

— Ты понялъ... почему?... — едва слышно прошепталъ отецъ.

— Да, отецъ.

Опять наступило молчаніе. По двору пролетѣлъ вихрь, задевъ стеклами, но въ окно не ворвался, не принесъ свѣжести. Молніи блистали одна за другою и громъ то гремѣлъ совсѣмъ близко, то замиралъ гдѣ-то за городомъ. Федоръ Михайловичъ боялся понять молчаніе сына. Его сердце мучительно сжалось. Въ глазахъ стало темно. Надвигался припадокъ. Закрывъ глаза. Вдохнулъ. Снова открылъ. Сынъ сидѣлъ неподвижно. На мутномъ фонѣ окна едва намѣчалась его фигура. Точно духъ былъ подлѣ Федора Михайловича.

— Олень! Ты меня простишь...

Приподнявшись на подушкахъ, вытянувъ худую шею, всматривался въ лицо сына Федоръ Михайловичъ. Старался угадать отвѣтъ. Громы мѣшали. Слѣпили молніи. Въ ихъ блескѣ инымъ казался Олень. До ужаса лицо его было похоже на лицо бабушки, Варвары Сергѣевны. Точно призракъ ея явился съ того свѣта и сталъ судьбою. Такое было ея лицо, когда невадолго до производства Федора Михайловича въ офицеры вечеромъ ходила она по гостиной, и такъ-же стала у окна и произнесла свой суровый приговоръ.

Хотѣлъ оправдаться. И не было силъ. Мысленно обратился къ матери. Думалъ: «въ отвѣтъ сына услышу ея, маминъ отвѣтъ». Упалъ на подушки. Дыханіе стало неслышнымъ. Глаза были закрыты. Чутко прислушивался, что скажетъ Олень. А мысль неумолимо приводила въѣхъ погибшихъ изъ-за него: кроткаго Тома и его хозяевъ... Липочку, Лену, Венедикта Венедиктовича, Терехова, Благовѣщенскаго: — все за него... наконецъ, Наташу...

Самъ не прощалъ себѣ. Не могъ себѣ простить. Не ждалъ оправданія безпомощно и безнадежно.

Олень всталъ, подошелъ къ окну. Сталъ виденъ весь. Тихо сказалъ Олень:

— Люди... и Богъ тебя простятъ. Ты не соблазнитель... Ты — жертва...

Ровный полилъ дождь. Стремительный, освѣжающій. Дохнулъ чистотою небесною, запахъ далекихъ полей принесъ съ собою, душистой водою звонко забарабанилъ по по крышамъ и каменнымъ подоконникамъ, зажурчалъ струями изъ сточныхъ трубъ.

— Я, отецъ... думалъ... думалъ о соблазнительяхъ... О палачахъ... Они не избѣгнуть кары ни адѣсь... ни тамъ...

— Не мнѣ ихъ карать, Олегъ, — прошепталъ Федоръ Михайловичъ. — Ты видишь... Замучился въ этихъ думахъ. Я умираю... Я уже... ничего не могу.

Поднялъ голову Олегъ. Сталъ еще больше похожъ на бабушку Варвару Сергѣевну. Посмотрѣлъ на отца прямо. Твердо сказалъ:

— Я пойду... Я, папа, отомщу за тебя.

— Ты, Олегъ? святой?... Какъ-же ты?..

Чуть слышно падалъ шепотъ умирающаго. — Олегъ!.. Убить... придется...

Томила въ комнатѣ тишина.

Жизнь уходила отъ Федора Михайловича. Цѣплялся за нее, шарилъ руками по одѣялу. Боялся: смерть обгонитъ отвѣтъ сына. Въ немъ видѣлъ искупленіе своей вины.

Громы унеслись далеко на востоке. Мѣрный и скорый шумѣлъ дождь. Свѣтило. Вотъ-вотъ брызнетъ солнце.

Юный и прекрасный стоялъ Олегъ. Ясно смотрѣлъ вдаль. Тихо сіяли сѣрые выпуклые глаза. Стальная, кристальная душа глядѣлась изъ нихъ.

Твердо и сильно сказалъ Олегъ:

— Знаю... Убью!! Спи спокойно...

Опустился на колѣни передъ отцомъ. Взялъ его руку. Поцѣловалъ темную кожу. Холодная рука въ его рукѣ. Вотъ раздвинулись блѣднѣющія губы.

Еле слышно прошептали:

— Спа-си-бо...

Еще развѣвались красныя знамена надъ поверженной навзничъ Родиной... Но уже глухая мѣсть подымалась въ русскихъ сердцахъ. Мѣсть дѣтей за отцовъ. Мѣсть сыновей

за мать-Россію... Местъ вѣрующихъ за поруганную церковь. Местъ людей за издѣвательство надъ всѣмъ человѣческимъ.

Вѣщая, древняя Дѣва-Обида била незримыми крыльями надъ Русской Землей. И въ трепетѣ чуяли сердца, какъ близится съ каждымъ часомъ та месть, что превыше всякой человѣческой мести:

Местъ Бога!!!...

Гаутингъ.

1923 г.